

РУССКОЕ СЛОВО.

VI.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗВОРОДКО.

1859.

June

І Ю Н Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
Благодѣтели. Романъ. Часть первая. М. МИХАЙЛОВА . . .	4	✓
Афинны и Константинополь. (Изъ путевыхъ записокъ 1857 года.) Часть вторая и послѣдняя. А. МИЛЮКОВА . . .	117	✓
Эгингардъ и Имма. Легенда Н. КРОЛЯ	210	
Первый годъ царствованія Елизаветы Петровны, 1741— 1742. Историческій очеркъ МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО	224	✓
I. Мелодія Байрона. С. СЛАВУТИНСКАГО	327	
II. Послѣднія слова пророка. С. СЛАВУТИНСКАГО . . .	328	
Присоединеніе Амура къ Россіи. Статья вторая. Д. РО- МАНОВА	329	✓
Пѣсни Алкея. В—ДА КРЕСТОВСКАГО	389	

ОТДѢЛЪ II.

Критика. И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по новоду романа: «Дворянское гнѣздо» (Современ- никъ 1859 г. N° 4). Письма къ Г. Г. А. К. Б. Статья третья. АП. ГРИГОРЬЕВА	4	✓
Два письма нашего парижскаго корреспондента	53	
Библиографія. Русская лирическая поэзія для дѣвицъ. — Деревня. Разказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. — Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы Н. А. Миллеръ-Кра- совскій. — Новороссійскій литературный сборникъ. Изданіе А. Богдановскаго и А. Георгиевскаго. — Наставленіе для содержанія портныхъ заведеній. — Краткій политико-эконо- мическій словарь. Изданіе И. И. Глазунова. — Матеріалы для исторіи южной Руси, изданные Григоріемъ Милора- довичемъ. — Ювъ; свободное подражаніе священной книгѣ Юва. Ф. Глинки. — Стихотворенія С. Николаевскаго. В—ДА КР—СКАГО	75	

Библиографическій перечень. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. В. К.	115
--	-----

ОТДѢЛЪ Ш.

Смѣсь. Воспоминанія о путешествіи за границей. (Продолженіе.) К. Б.	4
Госпитальный споръ въ 1757 г. Я. ЧИСТОВИЧА	8
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Петербургскій май. — Петербургскія дачи и ихъ принадлежности. — Гулянья: Излерь и Минеральныя воды. — Павловскъ. — Парки. — Экстраординарныя гулянья. — Полуостровъ и цѣлебный ключъ. — Выставка въ Академіи Художествъ. — Красное словцо. — Русское музыкальное общество. — Панихида по С. Т. Аксаковѣ. — Смерть А. Д. Каратыгиной. — Предстоящее открытіе памятника. — Печальная необходимость. ЕГОРА МОЛЛЕРА.	61
Письмо въ редакцію журнала «Русскаго Слова». ДИМ. СМІРНОВА	68
Отъ Редаціи	71
Шахматный листокъ. Продолженіе сочиненія М. Ланге о Морфи. — Шесть партій Морфи съ Гаррвитцомъ. — Воинственное проявленіе берлинской Schachzeitung. — Жизнеописаніе Филидора, составленное профессоромъ Олленомъ. — Заграничныя шахматныя извѣстія. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 4-ая). ВИКТОРА МИХАЙЛОВА.	127

БЛАГОДѢТВІИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней января 18.. года, въ десятомъ часу утра, по главной улицѣ губернскаго города Н. тихо двигалось погребальное шествіе. Громогласное пѣніе пѣвчихъ вызывало по дорогѣ любопытныхъ къ окнамъ и за ворота. Похороны были не пышные, но очень чинные. Четыре попа и два дьякона съ заивдевѣвшими бородами предшествовали гробу. Восемь факельщиковъ шло по сторонамъ. Два мелкихъ чиновника губернскаго правленія, въ очень приличныхъ шинеляхъ на ватѣ, несли по алой бархатной подушкѣ, одинъ — съ Анною третьей степени, другой — съ пряжкой за двадцатилѣтнюю безпорочную службу покойника. Гробъ былъ обитъ синимъ плюсомъ, покрытъ золотой парчей. Только шестеро дворовыхъ людей, несшихъ его, нарушали отчасти, разношерстностью своихъ одеждъ, общую стройность процессіи. Впрочемъ, одинъ изъ лакеевъ, поддерживавшій гробъ сзади, былъ въ черной ливреѣ, обшитой по краямъ бѣлыми тесемками.

За самымъ гробомъ шла сестра покойника, пожилая женщина небольшого роста, въ черномъ атласномъ салопѣ на лисьемъ мѣху, въ бѣломъ каленковомъ чепцѣ съ черными лентами. Широкія и жесткія оборки чепца раздувались п

шумѣли на вѣтру. Маленькое худощавое лицо, осѣненное этими оборками, все покраснѣло отъ слезъ и холода. На немъ выражалась искренняя, хоть и неглубокая горестъ. И не очень проникательный челоуѣкъ могъ бы замѣтить, глядя на лицо Анны Васильевны, что не столько потеря брата, какъ челоуѣка горячо любимаго, сколько положеніе дѣлъ, въ которомъ неожиданно застала его смерть, вызываетъ такое обиліе слезъ на ея щеки. Въ глазахъ ея, и сквозь туманъ, которымъ безпрестанно заволокивали ихъ слезы, просвѣчивала постоянная тревожная дума объ участи сиротъ, которымъ Анна Васильевна оставалась единственною, весьма ненадежною опорой. Плачь Анны Васильевны прерывался по временамъ труднымъ, отрывистымъ кашлемъ, обличавшимъ какъ возбужденность нервовъ, такъ и слабость и разстройство груди. При этомъ кашлѣ и самая походка Анны Васильевны, довольно ровная, хоть и не совсѣмъ твердая, дѣлалась особенно шаткою.

Къ ней приближалась тогда шедшая нѣсколько поодаль дворовая женщина, почти однахъ лѣтъ съ Анной Васильевной, въ коротенькомъ и обдерганномъ салопѣ, крытомъ темной полуселковой, давно отцвѣтшей и вылинявшей матеріей, съ вытертымъ мѣховымъ воротникомъ, въ которомъ никто не узналъ бы древней куницы. Катерина наклонялась къ Аннѣ Васильевнѣ своимъ широкимъ и плоскимъ лицомъ, почти на половину закрытымъ старушечьею повязкой изъ бѣлаго, поваго и жесткаго калеснора, и предлагала барышнѣ повести ее немного подъ руку, чтобъ она не такъ уставала.

— Нѣтъ, не надо, Катериனுшка, отвѣчала Анна Васильевна слабымъ, прерывисто-дрожащимъ голосомъ: — я вѣдь ничего.

— Дайте хоть салопъ-то запахнуть: распростудитесь совсѣмъ.

— Нѣтъ, ничего, повторяла Анна Васильевна.

Почти всякой разъ, одновременно съ Катериной, подходилъ къ Аннѣ Васильевнѣ троюродный племянникъ ея и покойника, высокій брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, и говорилъ мягко, тѣномъ соболѣзнованія:

— Право, сѣл бы вы, тетенька, въ возокъ; а то совершенно себя разстронте, при вашемъ слабомъ здоровьи.

Въ отвѣтъ на это предложеніе Анна Васильевна только слегка махала худой и посинѣвшей безъ перчатки рукой, изъ которой не выпускала мокраго носоваго платка, и говорила съ нѣкоторою рѣшимостью:

— Нѣтъ, нѣтъ, Платонъ Николаичъ... нѣтъ, не сяду... ни за что не сяду.

Тогда Платонъ Николаевичъ обращалъ свое вниманіе на посыльщиковъ, и замѣчалъ которому-нибудь изъ нихъ, что онъ или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко держитъ руку, или отстаётъ отъ другихъ. Если у кого-нибудь изъ закутанныхъ въ старое и гнилое черное сукно факельщиковъ мало дымилъ насмоленный веревочный жгутъ, Платонъ Николаевичъ подходилъ къ нему и распоряжался:

— Держи, братецъ, вотъ такъ — на бокъ немножко! а то совсѣмъ потушишь.

Платонъ Николаевичъ могъ по справедливости назваться церемониймейстеромъ похороннаго шествія. Ему было оно обязано тѣмъ порядкомъ, тѣмъ благочіемъ, которые заслуживали одобреніе всѣхъ встрѣчныхъ. Онъ и самъ умѣлъ отдать себѣ должное, и на полномъ лицѣ его очень ясно видѣлось довольство самимъ собою, своей распорядительностью, своимъ знаніемъ приличій.

Платонъ Николаевичъ, откуда ни взглянете на него, былъ человѣкъ, что-называется, солидный. При высокомъ ростѣ, онъ обладалъ плотнымъ и увѣсненнымъ тѣлосложеніемъ. Походка была у него самая почтенная. Ступал, Платонъ Николаевичъ на секунду приостанавливался на каждой ногѣ, и слегка покачивался корпусомъ впередъ, какъ-бы взвѣшивая свою тяжесть и соразмѣрное этой тяжести уваженіе къ нему ближнихъ. Ноги его очень тяжело касались земли, словно и она была обязана чувствовать и сознавать, какой твердый шагъ у Платона Николаевича, и какъ педально проходитъ онъ свой житейскій путь, или, что все равно, свое служебное поприще.

Говоря о наружности его, нельзя умолчать, что всѣ безъ исключенія барыни и барышни средняго круга называли его *красавцемъ-мужчиной*, хотя у него не было ни горделивыхъ бакенбартъ, ни орлиного носа, ни высокой груди,

ни стройнаго стана, этихъ, какъ извѣстно, необходимыхъ атрибутовъ мужчины-красавца. Напротивъ, бакенбарты у Платона Николаевича росли очень туго и могли только довольно-узкой тесемочкой окружать его круглыя щеки; да и на головѣ волосы были рѣдки, хотя и завивались съ праваго виска въ одинъ крутой, сплошной, на подобіе сосиски, локонъ. Приятно округлившееся брюшко выдавало несоразмѣрную плоскость груди. Если къ этому прибавить, что носъ былъ малъ, тупъ и даже глядѣлъ немного кверху, всѣмъ благовоспитаннымъ читательницамъ будетъ понятно, почему, вопреки дамамъ средняго класса, дамы высшаго губернскаго общества, какъ болѣе развитыя въ эстетическомъ отношеніи, находили, что наружность у Платона Николаевича *très ordinaire*.

Въ утро похоронъ, какъ и всегда, Платонъ Николаевичъ былъ одѣтъ съ тою щеголеватостью, которая вообще свойственна холостякамъ, чувствующимъ, что они начинаютъ старѣться. На немъ была шинель на хорьковомъ мѣху, съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ и съ такими же лацканами и обшлагами. Полотняные воротнички, бѣлые, какъ бумага, употребляемая на докладныя записки министрамъ, прилегали гладкими треугольничками къ его румяному лицу. Черные атласныя галстухъ и жилетъ, проглядывая по временамъ изъ-подъ шинели, сверкали на солнцѣ и еще рѣзче обозначали ослѣпительную бѣлизну манишки.

Частію вслѣдствіе довольно сильнаго мороза, частію отъ дѣйствія крѣпкаго головкинскаго табаку, Платонъ Николаевичъ очень часто вооружался шелковымъ носовымъ платкомъ радужныхъ цвѣтовъ. Онъ обыкновенно распускалъ его, какъ павлинній хвостъ, высмаркивался медленно, звучно, съ достоинствомъ, и при этомъ распространялъ далеко вокругъ себя благовонную атмосферу. Тонко обоняніе тотчасъ чувю, что духи, которыми смачивается платокъ, такъ-же, какъ и фракъ подъ мышками, не простые, не дешевые духи, а ни больше, ни меньше, какъ какой-нибудь *букетъ императрицы* или тройная эссенція изъ тысячи цвѣтовъ.

Кромѣ Анны Васильевны и Платона Николаевича, только двухъ родственниковъ покойника, немало друзей и знакомыхъ

проводило его къ *последнему жилищу*. Слѣдомъ за Анной Васильевной шелъ прокуроръ, сѣденькій старикашка, едва переступавшій подъ бременемъ своей медвѣжьей шубы. Лысины и уши, изъ опасенія быть обмороженными, были у него повязаны носовымъ платкомъ, что придавало ему разительное сходство съ побирухами, которыхъ такъ много торчитъ по праздникамъ, во время обѣдни, на соборномъ крыльцѣ. Къ выносу явились также предсѣдатель гражданской палаты, нѣсколько совѣтниковъ разныхъ правленій и комиссій, и уѣздный предводитель дворянства, кумъ покойника. Присутствіе такихъ лицъ, не послѣднихъ въ губернской іерархіи, обличало, что и покойникъ пользовался въ обществѣ немалымъ значеніемъ. На похоронахъ не было только ни одной дамы; но это и неудивительно: Анна Васильевна ни съ кѣмъ не водила знакомства, сидѣла постоянно дома, и вся была поглощена заботами о хозяйствѣ и о племянникѣ съ племянницей, дѣтяхъ брата.

Само собою разумѣется, что гости, собравшіеся на похороны, шли за гробомъ не молча, и что предметомъ разговора былъ почти исключительно покойникъ.

— Какого былъ бодрого, мощнаго сложенія! говорилъ предсѣдатель гражданской палаты, постоянно страдавшій летучимъ ревматизмомъ: — кажется, ему бы сто лѣтъ жить. Что передъ нимъ мы съ вами, Иванъ Андреичъ? (Это относилось къ прокурору). Сосуды скудельные. Именно сто бы лѣтъ ему жить.... И вдругъ, какъ былинка какаля-нибудь — былъ, и нѣтъ его!

— Давно-ли сражались въ бостонъ? замѣтилъ одинъ изъ совѣтниковъ губернскаго правленія: — совершенно былъ человекъ живой — цвѣтушій, можно сказать; даже малѣйшей наклонности къ болѣзни не было замѣтно.

— Это правда, подтвердилъ другой: — покойникъ былъ очень здоровой комплекціи; но ужъ черезъ-чуръ мнителенъ.... Вѣдь, бывало, дня не пройдетъ, чтобы онъ въ присутствіи не жаловался на что-нибудь. Прыщикъ на лицѣ вскочить, совершенно незначительный — и это его беспокоить!

— Я не понимаю, господа, какъ это вы можете говорить, будто покойникъ былъ здоровый человекъ! вмѣшался

уѣздный предводитель.— Кому знать его, какъ не мнѣ? пятнадцать лѣтъ были друзьями, видѣлись почти каждый день... Всѣхъ дѣтей у него крестилъ.... Какое здоровье!... Тучность не есть еще доказательство.... Покойникъ былъ тучень — такъ; но чтобы былъ онъ крѣпкаго сложенія, пользовался хорошимъ здоровьемъ—вовсе нѣтъ. Онъ былъ этакого рыхлаго, сыраго темперамента.

— Такъ или иначе, но — согласитесь! онъ скончался совершенно неожиданно, сказалъ предсѣдатель.— Ужъ таковы судьбы промысла: сегодня живъ человекъ, здоровъ, веселъ и бодръ; а завтра — «приндите, отцы и братія, цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ». — Меня удивляетъ одно, прибавилъ онъ, понижая голосъ:— говорятъ, будто послѣ него осталось всего полторы тысячи ассигнаціями. Это, по истинѣ, изумительно. Кажется, неглупый человекъ былъ покойникъ: должно бы остаться кое-что.... Разумѣется, не золотыя горы... кто объ этомъ говорить!

— Не тѣ времена, меланхолически дополнилъ прокуроръ.

— Все-же не полторы тысячи.... Не правда-ли, Иванъ Степанычъ?

Но Иванъ Степановичъ, товарищъ покойника по мѣсту служенія, сидѣвшій лѣтъ десять рядомъ съ нимъ за краснымъ сукномъ, какъ-будто обидѣлся, что предсѣдатель призываетъ его въ свидѣтели по такому темному дѣлу.

— У каждаго, Петръ Александрычъ, свои дѣла, отвѣчалъ онъ не безъ горечи: — и каждый заботится о своихъ дѣлахъ.

— Знаете-ли, что? перебилъ прокуроръ, предупреждая непріятный споръ: — мнѣ кажется, это пустяки: не можетъ быть, чтобы дѣти остались безъ гроша.... Просто, сказать не хотятъ! Покойникъ былъ на столько благоразумень....

— Полноте, Иванъ Андренчъ! прервалъ въ свою очередь предводитель:—какой-же былъ бы расчетъ скрывать, сколько оставилъ покойникъ дѣтямъ? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Отнимать никто не станетъ; долговъ у него не было. При томъ, между нами будь сказано, еслибъ и нужно было для чего-нибудь утаить настоящее положеніе дѣлъ, такъ Анна

Васильевна не съумѣла бы этого сдѣлать. Она такъ... какъ-бы это сказать?... такъ проста, что изъ рукъ вонъ. Къ тому-жъ, вспомните, какъ покойникъ жилъ до вдовства-то, сколько проживалъ; а вѣдь у него не только-что помѣстья или душъ какихъ-нибудь — и клочка земли не было. — Да вотъ—чего лучше? спросите, коль миѣ не вѣрите, Платона Николапча! Онъ вамъ тоже скажетъ.... А, надѣюсь, ему это дѣло должно быть извѣстно.

Но въ это время процессія поворотила въ кладбищенскую улицу, и Платонъ Николаевичъ опередилъ уже всѣхъ, чтобы зайти предварительно въ церковь и взглянуть на деревянный, обитый чернымъ сукномъ и обильно закананный и залптый воскомъ, помостъ для гроба, а потомъ освѣдѣтельствовать могилу — какъ она вырыта, какъ выложена кирпичами.

Съ деревянной кладбищенской колокольни раздавался протяжный звонъ. Нѣсколько рѣдкихъ и заунывно-гудящихъ ударовъ одного колокола смѣнялись столькими же и такими же унылыми ударами другаго, потомъ третьяго. Печальное похоронное пѣніе, наполнявшее промежутки между этими ударами, казалось еще печальнѣе. Нервы Анны Васильевны окончательно разстроились: она стала всхлипывать.

На паперти толклись уже плаксивыя, оборванныя старушонки съ трясущимися головами, своего рода вордны, издали чуюція трупъ. Тутъ-же мычаль, бессмысленно улыбаясь и бессмысленно крестясь, длинный нищій среднихъ лѣтъ, вѣмой и полоумный, едва прикрытый жалкимъ лахмотьемъ. Вся эта компанія, какъ только слышала: «святый Боже! святый крѣпкій!» перемѣстилась съ крыльца къ оградѣ. Двѣтри изъ числа мозглыхъ старушенокъ сочили при этомъ своею обязанностью даже слегка завить.

Шествіе приближалось. Вотъ, пѣвчіе вошли въ ограду; пѣніе ихъ стало глуше, глуше, и скоро совсѣмъ затерялось подъ сводами церкви. Похоронное перезваниванье смѣнилось обычнымъ благовѣстомъ.

Наконецъ и всѣ вошли въ церковь. Нищіе припались ссориться на паперти изъ за выклянченныхъ грошей. На колокольнѣ затрезвонили. Началась обѣдня.

II.

Какъ Платонъ Николаевичъ принялъ на себя всѣ распоряженія печальной церемоніей, такъ маменька его, въ утро похоронъ, взялась хлопотать и хозяйничать въ длинномъ и многооконномъ домѣ на Московской улицѣ, откуда вынесли покойника.

Агаѣѣ Максимовнѣ было лѣтъ шестьдесятъ съ хвостикомъ; но она не утратила еще бодрости, необходимой для хозяйственныхъ распоряженій. Балкой, утиной походкой переходила она изъ комнаты въ комнату, заглядывала въ кухню, выдавала провизію изъ кладовой, не отдыхала ни минуты, и вообще могла служить образцомъ дѣятельной домохозяйки. Ничто не ускользало отъ ея прозорливаго ока.

При безпрестанныхъ понуканьяхъ ея, нѣсколько бабъ, съ засученными рукавами и заткнутыми за поясъ подолами, мигомъ вымыли въ залѣ и въ гостиной полы, какъ это предписывается обычаемъ, и съ запахомъ сырости, поднимавшимся съ полу, неприятно слился ослабѣвшій запахъ ладона. Агаѣя Максимовна велѣла тотчасъ-же покурить въ комнатахъ уксусомъ.

Такъ-же быстро, подъ непосредственнымъ ея руководствомъ, три нанятыхъ на этотъ случай лакея растянули въ залѣ длинный обѣденный столъ и часто-на-часто уставили его приборами. Агаѣя Максимовна нѣсколько разъ пересчитала приборы, въ двухъ-трехъ мѣстахъ обдернула скатерть, и на двухъ-трехъ приборахъ поправила салфетку, положила пряме ножъ и вилку. Потомъ сама она покрыла скатертью маленькій треугольный столикъ въ переднемъ углу, поставила на немъ образъ Петра и Павла въ серебряномъ окладѣ, затеплила передъ образомъ лампадку въ зеленомъ стаканѣ и принесла изъ кухни большую мису, до верху налитую медовой сытой. За нею явился лакей съ подносомъ, на которомъ дребезжало и звѣнѣло дюжины двѣ небольшихъ стаканчиковъ, употребляемыхъ въ провинціи, въ домахъ средней руки, для шампанскаго. И миса и подносъ были помѣщены на томъ-же угловомъ столикѣ. Къ краямъ мисы Агаѣя Максимовна прилѣпила три тонкія и желтыя восковыя свѣчки.

Между-тѣмъ дѣло кидѣло и въ кухнѣ. Не стѣсняясь маслянымъ чадомъ, Агаея Максимовна явилась туда, отвернула обшлага своего траурнаго платья и принялась помогать повару. Собственноручно сложила она высокой пирамидой кучу варенаго рису на большомъ кругломъ блюдѣ, и чрезвычайно искусно утыкала кутью изюмомъ и коринкой. Кромѣ того, Агаея Максимовна попробовала понемногу почти всѣхъ кушаний, стоявшихъ на плитѣ, и о каждомъ высказала какое-нибудь замѣчаніе. Вѣроятно, чтобъ лучше узнать вкусъ приготавливаемыхъ блюдъ, она предварительно выпила въ кладовой рюмочку лекарственнаго ерофеича.

Отъ усильнаго движенія и отъ жару въ кухнѣ, дѣятельная хозяйка и запыхалась; и раскраснѣлась. Полное, или, лучше сказать, пухлое лицо ея лоснилось; на лбу проступилъ потъ; изъ-за полуоткрытыхъ тонкихъ губъ, выразившихъ сильную усталость, одиноко выглядывалъ верхній передній зубъ. Этотъ зубъ, ветхій и желтый, первый кидался въ глаза при взглядѣ на Агаею Максимовну: онъ весь, почти съ корнемъ выгѣзъ наружу, и придавалъ самое непріятное выраженіе лицу, и безъ того непривлекательному.

Многіе находили, что Платонъ Николаевичъ похожъ на свою маменьку, и сама она говорила, что у него одно лицо съ ней, какъ она была въ молодости; но сходство это можно было замѣтить развѣ послѣ долгаго наблюденія. Гораздо сходнѣе были они по неутомимой дѣятельности, по хлопотливости характера.

Во время непрерывной суетни по дому, утратившему хозяина, Агаея Максимовна довольно часто приходилось обращаться съ легкою укоризной къ своему троюродному племяннику Васѣ, десяти-лѣтнему мальчику, который рѣшительно не находилъ себѣ мѣста въ это тревожное утро, и потому то-и-дѣло понадался ей на глаза.

— Чтò это вы толчетесь тутъ, Васенька? говорила она. — Сѣли бы гдѣ-нибудь, да сидѣли спокойно, чѣмъ шляться изъ угла-въ-уголъ... А то, куда ни сунешься, вы все на дорогѣ.

Васю эти замѣчанія очень огорчали, и онъ не разъ готовъ былъ заплакать; но никакъ не могъ придумать, какъ ихъ избѣгнуть. Куда ни уходилъ онъ, гдѣ ни пробовалъ, по

совѣту Агаѣи Максимовны, усѣсться, вездѣ ей непременно понадобится что-нибудь, и мальчикъ окажется у нея на дорогѣ.

— Удивляюсь, замѣчала Агаѣя Максимовна кому-нибудь изъ прислуги, когда Васи не было въ комнатѣ: — удивляюсь Аннѣ Васильевнѣ. Ну, что оставилъ мальчикъ дома? Этакой день — отца хоропятъ; а онъ здѣсь торчитъ! Велика важность, что кашляетъ!.. Не умеръ бы, не бойсь. Положимъ, Пашеньку нечего было брать — крошка; а вѣдь онъ, слава Богу, немаленькій. Баловство одно!

Вася и самъ просился въ церковь, просился даже очень настойчиво; но Анна Васильевна не рѣшалась взять его съ собою, потому что на дняхъ онъ сильно простудился, и ни синяя сахарная бумага, натканная булавкой и накапанная свѣчнымъ саломъ, которую каждый день Васѣ на ночь привзывали на грудь, ни сокъ солодковаго корня, который онъ безпрестанно сосалъ, нисколько не помогали его кашлю.

Вася былъ мальчикъ слабago, болѣзненнаго сложенія, худенькій, маленькій, съ узкими плечами и тоненькими ножками. Голова у него была не по росту велика, и развита неправильно: лобъ въ верхинѣ былъ слишкомъ плоскъ, такъ-же, какъ и склонъ затылка отъ макушки. Лицомъ мальчикъ былъ бы недуренъ, еслибъ худоба не придавала неприятной рѣзкости его чертамъ, довольно широкимъ скуламъ, прямому и заостренному носу, тонкимъ, слегка закругленнымъ книзу губамъ. Подбородокъ выдавался у него впередъ, что такъ рѣдко бываетъ у дѣтей, и сообщалъ лицу какое-то почти старческое выраженіе. Темнорусые волосы были рѣдки и на бровяхъ; сѣрые глаза смотрѣли изъ подъ большихъ и тяжелыхъ вѣкъ не по-дѣтски угрюмо. Черный полусуконный кафтанчикъ съ плѣрезами, только накаунѣ наскоро спитый какимъ-то самоучкой портнымъ, радъ печальной катастрофы, сидѣлъ на Васѣ такъ узко и неловко, что мальчикъ былъ въ немъ какъ связанный.

Въ это утро всѣ въ домѣ сбились съ ногъ отъ хлопотъ, и никто не подумалъ напоить чаемъ или накормить дѣтей. Вася, бродя изъ угла въ уголь, чувствовалъ слѣпый голодъ. Не разъ намѣревался онъ сказать Агаѣѣ Максимовнѣ,

что хочеть ѣсть; но всякой разъ его останавливала мысль, что тетенька ужъ черезъ-чуръ ворчлива и, пожалуй, еще больше разсердится; да, кромѣ того, можетъ-быть и неприлично ѣсть въ такое грустное утро? Между-тѣмъ, приготовления въ залѣ, звонъ стакановъ, тарелокъ, пожей и наконецъ самыя распоряженія и приказанія Агаѣи Максимовны, въ которыхъ поминались то супъ, то жаркое, то блины, не позволяли Васѣ ни на минуту забыть о своемъ голодѣ.

Долго удерживалъ его какой-то странный стыдъ; но наконецъ онъ не вытерпѣлъ: улучилъ время, когда Агаѣя Максимовна занялась устройствомъ стола съ водкой и закусками, и пробрался прямо въ кухню, которая отдѣлялась отъ комнатъ только теплыми сѣнями.

— Алексѣй, обратился онъ тамъ къ повару: — дай мнѣ, пожалуйста, чего-нибудь поѣсть! Я сегодня ничего въ ротъ не бралъ.

— Ахъ, баринъ, баринъ! объ васъ и забыли понче! сказала Алексѣй, бойкій мальиъ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ. — Пойдите! Я вамъ парочку блинковъ испеку.

И на плитѣ тотчасъ-же зашипѣла сковорода.

Уставляя столъ тарелками съ сыромъ, съ селедкой, съ икрой и съ другими такъ-называемыми закусками, Агаѣя Максимовна почему-то вдругъ хватилась маленькой сестры Васи.

— Да гдѣ Пашенька? спросила она. — Что ея не видать цѣлое утро?

Никто дѣвочки не встрѣчалъ.

— Ахъ, Боже мой! куда-жъ это она дѣлась? вскричала Агаѣя Максимовна и пошла сама отыскивать ее.

Въ небольшой, отворавшейся въ гостиную комнатѣ, которая служила спальней Аниѣ Васильевнѣ, за ширмами, ограждавшими постель, на коврѣ, у самой кровати, лежала дѣвочка лѣтъ семи, въ длинномъ черномъ каленкоровомъ платьицѣ, отороченномъ бѣлымъ. Русой головкѣ ея было жестко безъ подушки, бѣленькая пѣжная шейка была очень неловко выпнута; но дѣвочка спала крѣпко. Лицо у нея горѣло.

Отслушавъ послѣднюю панихиду надъ отцомъ, во все продолженіе которой она плакала на взрыдъ, глядя на слезы всѣхъ окружающихъ, Пашенька изъ окна проводила процессію глазами за уголъ, и какъ-то нугливо прибѣжала въ пустую спальню тѣтки. Тутъ приняла она влажнымъ лицомъ къ подушкамъ и долго тяжело всхлипывала, пока сами собой не подогнулись у нея колѣни, не соскользнули руки, обнимавшія подушку, и она, сонная, не сползла на коверъ.

Агаея Максимовна, тяжело дыша и сопя, бережно подняла ее съ полу подъ мышки, и положила на постель. Дѣвочка посмотрѣла, кто это ее поднялъ, и едва приложившись щекой къ подушкѣ, заснула опять — такъ-же крѣпко, какъ за секунду передъ тѣмъ.

— Усни, милая, усни! проговорила Агаея Максимовна; потомъ довольно нѣжно потрепала дѣвочку по плечу, и вышла вонъ.

Ей предстояло еще заглянуть въ кухню, хотя поваръ постоянно встрѣчалъ временную хозяйку съ плохо-скрываемымъ неудовольствіемъ, и всякой разъ по уходѣ ея говорилъ: «Ну, чего нюхать приходила? Только дѣлу мѣшаетъ. Брюзжала бы тамъ, въ горницѣ; а мы и безъ нея справимся».

Не разъ уже доводилось Агаеѣ Максимовнѣ сердиться въ это утро и ворчать; но еще ни однажды не проглядывалъ такъ злобно ея желтый зубъ, какъ при видѣ Васи, усердно занятаго блинами. Лицо у нея и безъ того горѣло отъ безпрестанной ходьбы изъ угла въ уголъ и отъ приема водки, только-что повтореннаго; но тутъ совсѣмъ побагровѣло. Она остановилась прямо противъ племянника, закачала головой и заговорила, то-и-дѣло тяжело переводя духъ отъ раздраженія:

— Очень мило! о-очень мило! нечего сказать... Стыдитесь, сударь! стыдитесь!.. Другому — доброму-то мальчику—и на умъ-бы не пошла ѣда—въ такой день... А вы!.. Обрадовался, что папенька умеръ... Показалъ свою любовь!— Кушай, батюшка, кушай! прибавила она особенно-сердито: — набивай ротъ-то!.. Безстыдникъ, такъ безстыдникъ и есть... Нечувствительный...

Вася не дослушалъ наставленія тетенки: кусокъ остановился у него въ горлѣ, слезы наполнили глаза и одна за одной покатались по щекамъ; онъ бросилъ недоѣденный блинъ, и поспѣшилъ уйти съ глазъ Агаѣи Максимовны.

— Чудо, что за воспитаніе дали! чудо! продолжала она между-тѣмъ. — Я думаю, и въ чужѣ-то смотрѣть противно, до чего избаловали ребенка; а каково роднымъ - то это видѣть?.. Сколько говорила Аннѣ Васильевнѣ: «Не балуйте, сестрица, дѣтей! не будетъ изъ этого проку». Такъ и вышло. Довела ихъ до добра! Показалъ вотъ теперь себя племянничекъ-то: и горюшка сердечному мало, что остался сиротой, безъ всякаго призрѣнія... Тьфу! смотрѣть-то гадко.

— Вѣдь поѣсть надо-жь! возразилъ Алексѣй, уже сильно раздраженный вмѣшательствомъ Агаѣи Максимовны, вездѣ и во все: — дѣло дѣтское. Объ нихъ-же ночью и не вспомнили. Вы, вотъ, и большія; а, не бойсь, закусили...

— Не съ тобой говорить, болванъ! перебила съ сердцемъ Агаѣя Максимовна, хотя говорить было ей больше не съ кѣмъ.

Внѣ себя отъ гнѣва, удалилась она изъ кухни и такъ хлопнула дверью, что посуда задребезжала и на плитѣ и на полкахъ. И долго еще повторяла Агаѣя Максимовна про-себя: «Этакой заведенъ въ домѣ хаосъ... Каждая шельма изволитъ разсуждать и грубить...»

Голось у нея рвался отъ досады.

Васю совсѣмъ сбилъ съ толку выговоръ Агаѣи Максимовны: долго не могъ онъ унять слезъ, и ему казалось еще труднѣе найти такое пристанище въ домѣ, гдѣ-бы его не настигъ глазъ ворчливой родственницы. Съ своей стороны, Агаѣя Максимовна считала недостаточными обращенныя къ мальчику въ кухнѣ увѣщательныя слова: она, неоднократно встрѣчаясь съ нимъ, возобновляла свои укоризны — и притомъ все съ возрастающимъ жаромъ.

Глядя на преслѣдованія Агаѣи Максимовны, даже чужіе лакеи не разъ говорили съ неудовольствіемъ: «Ишь, вѣдьма беззубая! Проходу дитяти не даетъ».

Вася ждалъ не дождался, скоро-ли наконецъ воротятся всѣ съ кладбища. Время подвигалось для него черепашинымъ

шагомъ; и не приходись Васѣ плакать отъ ежеминутныхъ наставленій тетупки, онъ, кажется, заплакалъ-бы съ отчаянія, что этому утру конца нѣтъ.

Агаоья Максимовна, напротивъ, не замѣтила въ хлопотахъ, какъ пролетѣло время. Правда, и хлопотъ было много — полонъ ротъ; еслибъ она не подкрѣплялась отъ-времени-до-времени въ кладовой изъ граненой рюмочки — по-жалуй, поги совсѣмъ отказалась-бы служить.

Но вотъ, начали и гости наѣзжать.

Одинъ изъ первыхъ явился, разумѣется, Платонъ Николаевичъ. Распустивъ радужный платокъ, прошелъ онъ прямо въ заднія комнаты, и встрѣтился тамъ съ своей хлопочущей родительницей.

— Что, маменька? все-ли въ порядкѣ? спросилъ онъ.

— Ужь конечно! отвѣчала съ досадой Агаоья Максимовна.

Ей было, кажется, неприятно, что сынъ осмѣлялся хоть на словахъ усомниться въ ея распорядительности.

— Съ голоду-то, маменька, не дурно-бы душегрѣйки хватить, сказалъ Платонъ Николаевичъ, отправивъ въ задній карманъ свой пестрый платокъ, и потирая руками.

— Въ залѣ стоитъ, отвѣчала съ тѣмъ-же оттѣнкомъ не-удовольствія Агаоья Максимовна.

— Целовко тамъ, маменька, возразилъ сынъ: — падо поповъ подождать.

— Ну, поидемъ въ кладовую.

Едва управился тамъ Платонъ Николаевичъ съ двумя рюмками душегрѣйки, приплелась домой и Анна Васильевна. Она не хотѣла отойти отъ братниной могилы, пока ея не засыплютъ до-верху.

У Агаоьи Максимовны, встрѣтившей ее въ залѣ, уже дрожали губы, и глаза были полны слезъ; вѣроятно, видъ Анны Васильевны заставилъ ее такъ быстро расчувствоваться. И точно, видъ у Анны Васильевны былъ плачевный. Вся она была какъ развинченная. Руки болтались по сторонамъ, и салопъ давно свалился-бы съ плечъ, если-бы Катерина то-и-дѣло не застегивала и не запахивала его. Оборки чепца отлетѣли какъ-то назадъ, и самъ онъ съѣхалъ на бокъ.

Лицо все сморщилось въ кулачокъ; красные глаза чуть глядѣли; слезы текли двумя обильными струями. Голову безпрестанно подергивало назадъ отъ истерического всхлипыванья.

— Сирота, вы моя! проговорила глубочайшей фистулой Агаоья Максимовна, и приняла Анну Васильевну въ свои объятія.

Анна Васильевна такъ и упала на грудь сострадательной родственницы.

— Успокойтесь, сестрица! не сокрушайтесь!.. на то была воля Господня... повторяла со слезами въ голосѣ Агаоья Максимовна, ведя сестрицу къ спальнѣ.

Между-тѣмъ Платонъ Николаевичъ нашелъ нужнымъ приласкать Васю, который тоже плакалъ, глядя на тетку.

— Теперь вы сиротка, Васенька, говорилъ Платонъ Николаевичъ, держа его за худенькое плечо: — папенька вамъ ничего не оставилъ, кромѣ своего родительскаго благословенія. Если будете благоправны, ваше... ваше...

Платонъ Николаевичъ и всегда любилъ выражаться краснорѣчиво; а теперь его слушало человѣкъ пять-шесть гостей, обступившихъ Васю (самъ Вася не слушалъ). Правда, любовь къ краснорѣчию не всегда ладила въ Платонѣ Николаевичѣ съ даромъ слова: онъ нерѣдко-таки заминался; но отъ этого не терялъ духа и скоро поправлялся.

— Съ благоправіемъ... поправился онъ теперь: — съ благоправіемъ и сирота не пропадетъ. Вспомните папеньку, покойника! Онъ тоже остался послѣ родителей такъ-сказать на произволъ судьбы, безъ покровительственнаго... безъ всякаго покровительства, а достигъ и по службѣ видной карьеры, и въ быту своемъ...

На этотъ разъ Платонъ Николаевичъ долженъ былъ прервать потокъ своего витійства и идти встрѣчать новыхъ гостей.

Не знаю, были-ль отъ этого въ потерѣ слушатели Платона Николаевича; что касается Васи—онъ былъ очень доволенъ, что краснорѣчивый родственникъ снялъ свою руку съ его плеча и оставилъ его въ покоѣ. Мальчикъ началъ было ужъ и злость разбирать.

Приѣхали и попы со всѣмъ причтомъ. Надъ закуской прочитали молитву и благословили ее. Раздался звонъ рюмокъ о графины и бутылки, стукъ вилокъ и ножей о тарелки.

Скоро загремѣли отодвигаемые стулья, и всѣ усѣлись за столъ. Глядя на объѣдающихъ, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, посторонній зритель навѣрное никакъ-бы не подумалъ, что справляется тризна по покойникѣ; только присутствіе черныхъ рясъ и камилавокъ, да Анна Васильевна съ своимъ неизсякаемымъ слезнымъ источникомъ, напоминали, что гости собрались не на именинный пирогъ.

Анна Васильевна ничего и въ ротъ не брала. Сидѣвшія рядомъ съ ней дѣти кушали тоже немного. Пашенька смотрѣла на все и на всѣхъ какъ-то полу-робко, полу-печально. Вася очень хотѣлъ ѣсть, но боялся дать волю своему аппетиту, чтобы не нажить новыхъ наставленій.

Наконецъ въ переднемъ углу затеплились восковыя свѣчки надъ заупокойной чашей; задымились кадила, и заунывное пѣніе вызвало новыя рыданія изъ разбитой груди Анны Васильевны.

Каждый помянулъ покойника, отпивая сыты изъ стаканчика; каждый выразилъ болѣе или менѣе складно свое соболѣзнованіе сестрѣ и сиротамъ покойника,—и стали разѣзжаться.

Платонъ Николаевичъ всѣхъ провожалъ до прихожей, какъ хозяинъ, и послѣдній уѣхалъ домой съ своей маменькой, обѣщаясь въ этотъ-же день навѣстить Анну Васильевну. Это было необходимо: она едва держалась на ногахъ отъ слабости.

III.

Платонъ Николаевичъ Войлоковъ жилъ не-подалеку, въ той же Московской улицѣ, въ деревянномъ домѣ, который нанималъ у вдовы коллежской секретарши Бакалсевой. Хозяйка, помѣщавшаяся въ надворномъ флигелѣ, дорожила Платономъ Николаевичемъ, какъ исправнѣйшимъ постояльцемъ, и только изрѣдка позволяла себѣ нѣкоторый ропотъ

на его маменьку, которая была вѣчно то тѣмъ, то другимъ недовольна, и безпрестанно натыкалась на непріятности, большею-частью воображаемыя.

У Бакалеевой были двѣ дочери невѣсты — одной семнадцать, другой шестнадцать лѣтъ. Барышни были полныя, краснощекія, и даже хорошенькія. По свойственной всему женскому полу слабости, онѣ принимали какую-то особенную посадку, особенную походку въ присутствіи Платона Николаевича, говорили нѣсколько въ носъ и дѣлали томные глазки, съ явнымъ желаніемъ поправиться красивому постояльцу.

Войлоковъ считалъ себя принадлежащимъ къ гораздо высшему кругу, чѣмъ вдова и ея дочери, и только изъ великодушнаго снисхожденія заглядывалъ иногда къ нимъ во флигель. Тѣмъ не менѣе, эти рѣдкія, даже очень рѣдкія, посѣщенія почему-то вовсе не нравились Агаѣѣ Максимовнѣ, хоть она и сама была не прочь, какъ говорила, *приласкать бѣдныхъ людей*, и часто приглашала къ себѣ и самоѣ хозяйку, и ея барышень на чашку чая, или отобѣдать, или ѣхать вмѣстѣ прокатиться. Правда, Платонъ Николаевичъ не былъ лишень склонности къ дон-жуанству и даже, если вѣрить его словамъ, пользовался постоянно большимъ успѣхомъ въ своихъ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ; но едва-ли можно было опасаться, что на него будутъ имѣть вліяніе прелести какой-нибудь Бакалеевой. Онъ былъ чловѣкъ вполне положительный, никогда слишкомъ не увлекался, и умѣлъ видѣть въ каждомъ дѣлѣ и лицевую сторону и знанку. Къ тому-жь въ послѣднее время Платонъ Николаевичъ очень часто разсуждалъ, что пора наконецъ и жениться — не вѣкъ-же бобылемъ жить; говоря это, онъ воображалъ своей невѣстой дѣвицу высокаго полета, съ изысканнымъ свѣтскимъ образованіемъ и съ хорошимъ приданымъ — не чету какой-нибудь Бакалеевой.

Квартира у Платона Николаевича была невелика; но вполне соответствовала его скромнымъ желаніямъ. Была даже одна лишняя комната, именно на антресоляхъ, куда вела изъ темнаго корридора узенькая и шаткая деревянная

лѣсенка. Эта комната всегда стояла пустою, зимой не отапливалась, и служила помѣщеніемъ чемодану, дорожнымъ валенымъ сапогамъ и старой шубѣ, которые сопутствовали обыкновенно Платону Николаевичу въ его казенныхъ командировкахъ. Домъ вдовы Бакалеевой былъ обращенъ на улицу семью небольшими окнами. Изъ нихъ три принадлежали залѣ, два гостиной и одна комнатѣ Агаѣи Максимовны; кабинетъ Платона Николаевича смотрѣлъ окнами на дворъ. Почти вся домашняя дѣятельность сосредоточивалась въ комнатѣ Агаѣи Максимовны. Это была не только спальня старухи, но и безсмынное мѣстопробываніе ея днемъ. Здѣсь она вязала шерстяные чулки и шарфы; здѣсь отдавала хозяйственнымъ приказанія, ворчала и брюзжала; здѣсь принимала и такихъ гостей, съ которыми не находила нужнымъ много чиниться; здѣсь-же маменька и сынокъ пили чай и обѣдали. Поэтому двѣ парадныя комнаты всегда были пусты, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда Платонъ Николаевичъ приглашалъ къ себѣ знакомыхъ поиграть въ картышки и поужинать.

Въ первой изъ прихожей комнатѣ стояло два карточныхъ стола; у оконъ, по стѣнамъ, какъ водится, дюжина тонкихъ стульевъ съ плетеными сидѣньями, а въ простѣнкахъ между дверью въ кабинетъ и дверью въ переднюю—органъ, услада чувствъ и Платона Николаевича и его маменьки въ минуты досуга. Въ гостиной очень недурная мебель красного дерева, обитая голубымъ штофомъ, показывалась на свѣтъ Божій изъ подъ холщевыхъ чашковъ своихъ ровно четыре раза въ годъ, а именно: на свѣтлое Христово Воскресенье, въ первый день Рождества, на новый годъ, и въ именины хозяина, пятого апрѣля, на Платона-исповѣдника. Попятно, что, не смотря на пяти-лѣтнюю давность ея пріобрѣтенія, она была такъ нова, словно ее только-что принесли изъ мебельной лавки. Дверь изъ гостиной въ спальню Агаѣи Максимовны была всегда затворена.

Здѣсь, въ переднемъ углу, былъ громадный, чуть не до самаго потолка, кіотъ съ образами въ ризахъ и окладахъ и безъ оныхъ, въ вѣнчикахъ и безъ вѣнчиковъ, стариннаго темнаго и новаго свѣтлаго письма. На полочкѣ передъ ико-

нами стояла лампадка, зажигавшаяся по вечерамъ наканунѣ праздниковъ и въ самые праздники; тутъ-же хранилось много разныхъ священныхъ предметовъ: графинчикъ съ крещенской водой, крашеное яйцо, портившееся тутъ отъ одной святой до другой, сухіе куски артуса и просвиры, бархатная шапочка съ мощей святителя Митрофанія, и тому подобныя драгоценности. Отъ самага почти кіота тянулася по стѣнѣ длинная и широкая кровать, выкрашенная подъ орѣхъ. Постель была покрыта старенькимъ ситцевымъ, стеганнымъ одѣяломъ; подушки въ толстыхъ наволочкахъ изъ русскаго холста. Рядомъ съ кроватью стоялъ огромный шкафъ такого-же, какъ и онѣ, достоинства. Сквозь зеленуватыя стекла, ограждавшія верхнія полки шкапа, глядѣло собраніе такихъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ стакановъ, рюмокъ, чашекъ, чайниковъ, графинчиковъ, судковъ и прочаго, что невольно приходило въ голову, не взяты-ли были всѣ эти предметы на образецъ изъ лавки фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій и не остались-ли тутъ по какому особенному случаю. Въ простѣнкѣ между оконъ помѣщался обѣденный столъ, у котораго, работая или раскладывая карты, постоянно сидѣла Агаея Максимовна. Надъ столомъ висѣлъ живописный портретъ Платона Николаевича, снятый съ него еще въ годы свѣжести смѣлою кистью губернскаго художника, расписывавшаго потолоки. Сходство съ оригиналомъ заключалось единственно въ яркомъ румянцѣ щекъ да въ тщательно-завитомъ съ праваго виска, на подобіе сосиски, локонѣ. Въ чертахъ-же лица не было ни одной, сколько-нибудь напоминавшей того Платона Николаевича, съ которымъ познакомились мы на похоронахъ Петра Васильевича Шаврова.

Не только постель и буфетъ, даже и гардеробъ Агаеи Васильевны находился въ этой-же комнатѣ. Одна изъ стѣнъ была почти цѣликомъ занята висѣвшими на большихъ и малыхъ-гвоздяхъ платьями, юбками, капотами, кофтами и солопами старухи. Два сундука, въ клѣтку обитые жестью, заключали остальное: одинъ стоялъ подъ кроватью; другой, прикрытый старымъ коврикомъ, у окна. На этомъ сундукѣ любила располагаться Агаея Максимовна со своимъ вя-

заньемъ, чтобы отъ времени до времени имѣть возможность взглянуть, что дѣлается на улицѣ.

Ни одно мѣстечко въ комнатѣ не пропадало даромъ: во всѣхъ углахъ были подѣланы треугольныя полочки для раз-ной дрѣли — тряпья какого-нибудь, аптечныхъ стклянокъ...

Окна тоже не оставались праздны. На нихъ выселись двѣ вмѣстительныя бутылки съ настойкой, изъ-за которыхъ торчали связки старыхъ бичевокъ, пачки оберточной бумаги и пыльные ветошки; тутъ-же была и колода держаныхъ пгорныхъ картъ, и бутылка съ нюхательнымъ табакомъ, и ящикъ изъ-подъ сигаръ, замѣнявшій Агаю Ваську рабочій лапоть, съ далеко-торчащимъ изъ него толстыми вьзальными спицами, ножницами, футляромъ съ очками, и прочимъ.

IV.

Вечеромъ, въ день похоронъ, гораздо-позже обыкновеннаго явился въ комнату Агаю Максимовна пыхтящій самоваръ, принесенный толстой дѣвкой Василисой: и старуха, и сынокъ ея долгонько-таки соснули послѣ сытнаго обѣда. Агаю Максимовна накинула сверхъ бѣлой стаметовой юбки ваточную, страннаго покроя, тѣлогрѣю изъ бухарской материи, немало уже ношенной Платономъ Николаевичемъ на халатѣ, сѣла на сундукъ у стола, заварила чай и стала ждать сына, который обыкновенно самъ занимался разливаніемъ чая. Какъ и всегда послѣ сна, Агаю Максимовна была не въ духѣ; она сопѣла въ запуски съ самоваромъ и терязя терпѣніе, что Платонъ Николаевичъ долго неидетъ. Но, вотъ, послышались его тяжелые шаги въ гостиной и онъ вошелъ, напѣвая: «Соловей мой, соловей!»

Маменька вскинула на него недовольный взглядъ, обнаружилла немного желтый зубъ, и проговорила:

— Вѣчно тебя не дождешься.

— Торопиться-то некуда, отвѣчалъ спокойно и почти весело Платонъ Николаевичъ, придвигая къ столу кресло.

Онъ подтянулъ поясъ своего теплаго шелковаго халата, и сѣлъ.

Первыя двѣ чашки были выпиты въ обоюдномъ молчаніи; потомъ Платонъ Николаевичъ закурилъ принесенную имъ съ собою трубку, и расположился начать бесѣду.

— Такъ какъ-же, маменька? спросилъ онъ, пуская дымъ тоненькой струйкой.

— Что какъ-же? отозвалась невнимательно Агаѣя Максимовна.

— Да на счетъ Васи-то?...

— А мнѣ какое дѣло!

— Кому-жь и дѣло, какъ не вамъ? Кабы не касалось до васъ, такъ и не спросилъ бы — будьте увѣрены!

— Ни объ чемъ не спрашивалъ, такъ и объ этомъ нечего толковать. И дѣлай, какъ знаешь — по-своему. Я вѣдь говори, не говори — все-равно.

Агаѣя Максимовна начинала сердиться.

— Фу, ты! Боже мой! какъ это скучно! вскричалъ Платонъ Николаевичъ и съ сердцемъ двинулъ отъ себя пустую чашку.

Чашка упала на блюдечкѣ.

— Бей еще посуду-то! проворчала старуха.

— Не ваша, коль и бить-то буду, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ.

— Тьфу, болванъ! сказала маменька, и отвернулась. — Слова ему нельзя сказать. Этакое чучело!

Платонъ Николаевичъ сильно потянулъ дымъ изъ трубки, выпустилъ его обильнымъ клубомъ, и началъ очень-спокойно:

— Это съ вами, маменька, нельзя ничего говорить. Спрашиваешь васъ объ дѣлѣ, а вы и слушать не хотите.

— Ну, ужь ладно, ладно! пробормотала Агаѣя Максимовна, крутя головой.

— Что ладно-то? Я васъ спрашиваю, такъ вы отвѣчайте! Не то, я и безъ васъ распоржусь.

Не прибавь Платонъ Николаевичъ послѣднихъ словъ, именно, что онъ распорядится безъ совѣта и согласія маменьки, очень могло случиться, что разговоръ принялъ бы богѣе-спокойное направленіе — такое, какого желалъ Платонъ Николаевичъ. Онъ и самъ тотчасъ хватился, что сглу-

пилъ; но было ужь поздно: у Агаеи Максимовны задрожали губы.

— Нечего было, заговорила она: — нечего было и слова со мной терять!... Извѣстно — ты съ Васюткой скорѣй посовѣтуешься, чѣмъ съ матерью.... Что тебѣ мать? чтò? Последняя дворняшка тебѣ дороже. Со всякимъ станешь толковать, а съ матерью зачѣмъ? Что она тебѣ? Тьфу! и больше ничего.

Платонъ Николаевичъ пересталъ и трубку курить, такъ раздосадовали его слова маменьки. Сначала онъ хотѣлъ-было прервать ее по серединѣ рѣчи, но тотчасъ-же и раздумалъ: это значило начать длинную и скучную перебранку, съ криками и возгласами на цѣлый вечеръ, а, пожалуй, и размовку на недѣлю. Платонъ Николаевичъ слишкомъ-хорошо зналъ характеръ своей маменьки. Онъ рѣшилъ дать ей выговорить всю свою досаду. «Потомъ, какъ устанетъ, можно будетъ сладить.»

Агаея Максимовна не ходила за словами въ карманъ: упрекъ за упрекомъ, колкость за колкостью, стремились, какъ водопадъ, изъ ея устъ. Должно, впрочемъ, сказать, что вся длинная-длинная рѣчь ея была не что иное, какъ отчасти повтореніе, отчасти развитіе немногихъ ея-же словъ, приведенныхъ выше. У всякого посторонняго слушателя въ самомъ началѣ лопнуло-бы терпѣніе; но Платонъ Николаевичъ былъ человѣкъ привычный: онъ сердился недолго — скоро принялся снова за трубку и сталъ слушать очень-спокойно. Агаея Максимовна вошла въ такой азартъ, что подъ конецъ нѣсколько разъ назвала сына извергомъ, встала изъ-за стола и удалилась въ темную залу. Тамъ сѣла она у окна, и стала смотрѣть на освѣщенные окна во флигелѣ хозяйки.

Платонъ Николаевичъ допилъ между-тѣмъ чай, докурилъ трубку, отнесъ ее въ кабинетъ, и немного погодя вышелъ въ залу.

— Полноте-же сердиться-то, маменька! сказалъ онъ: — Богъ знаетъ, что это такое! изъ-за чего только ссоримся?

Агаея Максимовна молчала. «Добрый знакъ!» подумалъ Платонъ Николаевичъ и, чтобы окончательно успокоить нервы разсерженной родительницы, принялся вертѣть ручку органа.

Два вальса, одна полька-мазурка и *Бжалъ казакъ за Дунай*, произвели желанное дѣйствіе.

Только-что отошелъ Платонъ Николаевичъ отъ органа, Агаея Максимовна обратилась къ нему съ очень спокойнымъ вопросомъ:

— Поѣдешь къ Аннѣ-то Васильевнѣ?

— Какъ-же, надо поѣхать: вѣдь обѣщаль, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ.

— Пора ужь.

— А вы?

— Устала, не поѣду.

— Пойдти одѣться.

Платонъ Николаевичъ пошелъ-было къ кабинету, но на подорогѣ остановился, и крикнулъ:

— Евграфъ!

Въ прихожей кто-то завозился въ потемкахъ, и дверь оттуда скрипнула.

— Вели лошадь заложить въ сани, распорядился Платонъ Николаевичъ: — да приготовь одѣваться!

Дверь опять скрипнула.

Платонъ Николаевичъ снова подошелъ къ маменькѣ, сѣлъ около нея, и вдругъ спросилъ какимъ-то неестественно-ласковымъ голоскомъ, поддѣлываясь подъ ея расположеніе:

— Ну, что? перѣстали сердиться?

Агаея Максимовна не сказала на это ни слова.

— Маменька! началъ опять Платонъ Николаевичъ: — а, маменька!

— Ну?

— Такъ какъ-же?

— Что опять?

— Да все то-же.

Маменька повернулась на стулѣ.

— Вѣдь вы очень-хорошо знаете, торопливо заговорилъ Платонъ Николаевичъ: — вполнѣ убѣждены, что безъ вашего согласія я ни словечка не могу сказать Аннѣ Васильевнѣ. Такъ какъ-же?

Агаея Максимовна какъ-то чмокнула губами и произнесла только:

— А-ахъ, Платоша!

Въ голосѣ ея не слышалось уже раздраженія. Она и сама сознавала, что надо-же, наконецъ, поговорить о дѣлѣ хладнокровно.

— Что? спросилъ сынъ.

— Право, не знаю.

— Каково ихъ положеніе-то, вы только объ этомъ разсудите!

— Не бойсь, мы, по-твоему, миліонщики?

— Миліонщики, не миліонщики, а все-таки нечего Бога гнѣвить. Вспомните вы то, что и того не было. Съ помощію Божіею и не столько еще будетъ!

— Какъ-же! будетъ съ твоимъ-то мотовствомъ!

— Ужь я нынче и мотомъ сталъ!

— Такъ не мотъ, скажешь?

— Ну, мотъ, мотъ.

Помолчали.

— Да не ужь-то же, Платоша, начала Агаея Максимовна: — такъ-таки ничего и не осталось дѣтямъ?

— Ничего. Вы знаете, какъ покойникъ-то на деньги глядѣлъ; знаете, какъ жилъ при покойницѣ-то Марьѣ Петровнѣ.

— Все мнѣ что-то не вѣрится.

— Не Анна-же Васильевна припрятала.... Противъ этого и вы спорить не будете.... Не ея разума дѣло.

— Къ чему вотъ хоронить-то было съ такимъ трезвономъ? Чай, остальные деньжонки на это пошли. Коли нѣтъ ничего, такъ и безъ роскоши можно-бы обойтись.

— Нельзя-же, маменька! человѣкъ игралъ ролю въ городѣ — не приказный какой-нибудь.

— Пуще всего! не бойсь, удивишь этимъ?

— Не въ томъ дѣло, удивишь, или нѣтъ: приличіе того требуетъ. Чтѣ-бы про насъ-то сказали?

— Очень пужно справляться, чтѣ дураки говорить станутъ! Не наздравствуешься на всякое-то чиханіе.

— Нельзя, маменька! ужь это, что вы ни говорите, нельзя! Съ волками жить — по волчьи выть. Анна Васильевна, можеть, и не прочь была бы сдѣлать все поскромнѣе; но вѣдь всѣ-же знаютъ, что покойникъ и родня мнѣ, и лю-

билъ меня, и въ люди меня вывелъ... И стыдно, и грѣхъ было-бы мнѣ не позаботиться, чтобы послѣдній христіанскій долгъ отданъ былъ человѣку какъ слѣдуетъ. Если-бъ у дѣтей и не было чѣмъ похоронить прилично, такъ намъ-бы слѣдовало вытянуться въ нитку и устроить все такъ, какъ...

— Богъ-знаетъ, что говоришь-то ты! не слушала бы. Много мертвому нужно!

— Не для мертваго это, маменька, — для живыхъ.

Платонъ Николаевичъ вынулъ изъ кармана табакерку, и съ громкимъ присвистомъ втянулъ въ носъ понюшку табаку.

— Дай-ка и мнѣ! проговорила Агаея Максимовна, протягивая руку.

Если-бъ она еще хоть сколько-нибудь сердилась, то навѣрное не попросила бы у сына табаку. Платонъ Николаевичъ зналъ это, и принялъ просьбу ея за знакъ полного примиренія.

Онъ громко высморкался, выразительно крикнулъ и началъ съ достоинствомъ:

— Теперь хоть-бы относительно семьи покойника... Что скажутъ, маменька, если мы имъ не поможемъ въ ихъ бѣдѣ? Во-первыхъ, только въ городѣ и родни, что мы...

— Экое близкое родство! возразила Агаея Максимовна, впрочемъ безъ всякой горечи.

— Точно, подтвердилъ Платонъ Николаевичъ: — родство дальнее. Но надобно вспомнить отношенія наши: со многими-ли самыми близкими, кровными родственниками такъ дружно живутъ, какъ жили мы съ Петромъ Васильичемъ? Вотъ, чтобы за примѣромъ далеко не ходить, хоть дядя Матвѣй Макси...

— Нашель кого въ примѣръ ставить! перебила Агаея Максимовна.

— Конечно, маменька, поправился Платонъ Николаевичъ: — онъ ничего не могъ сдѣлать, даже если-бъ и хотѣлъ: потому, не имѣлъ на это ни средствъ, ни... ни въ обществѣ положенія. Но будь у него возможность, то — захотѣлъ-ли бы тогда? Это еще вопросъ. Въ этомъ случаѣ Петра Васильича всегда помяну добромъ. Что такое, въ са-

момъ-дѣлѣ, былъ я для него? Просто ничего. А онъ, какъ отецъ, можно сказать, хлопоталъ обо мнѣ.

— И ты, кажется, неблагодарнымъ къ нему не оставался. Слава Богу, не разъ приходилось услуживать!

— Что мои услуги, маменька? По моему, вотъ теперь не почитать его памяти, не отблагодарить его въ сиротахъ... въ лицѣ сиротъ... это... это... будетъ...

Подъ Агаѳею Максимовною скрипнулъ стулъ. Платонъ Николаевичъ, справедливо предполагая, что виною этого скрипа вновь возникающее въ маменькѣ волненіе, поспѣшно продолжалъ:

— Конечно, маменька, сами мы люди небогатые; но все-таки, слава Богу, жаловаться не можемъ. Вы только разсудите — ну, что намъ будетъ стоить взять къ себѣ мальчика? И большой-то не составилъ-бы замѣтнаго расчета, а ребенокъ и подавно. Согласитесь сами...

Платонъ Николаевичъ помолчалъ; маменька не отвѣчала.

— Лишній кусокъ за столомъ, да чашка чаю лишняя, продолжалъ онъ: — вѣдь вотъ и все. Надѣюсь, это насъ не раззорить. Прислуги особенной не нужно. Сертучокъ придется въ годъ разъ шить; такъ и это еще не бѣда: изъ моего стараго платья можно передѣлать... все равно, Евграфу отдашь.

— А учить-то? вымолвила наконецъ Агаѳья Максимовна: — учить надо-же!

— Что-же? Вѣдь учителей не намъ нанпмать: въ гимназію поступить.

— Да еще вздумаетъ-ли Анна-то Васильевна опять въ монастырь ѣхать? можетъ, она здѣсь жить захочетъ?

— И рада-бы захотѣла, да на это средства нужны, а у нея ихъ не имѣется. Да нѣтъ, маменька! Это ея постоянное было желаніе. Она до-сихъ-поръ переписывается съ игуменьей. И сама сколько разъ говорила: «не овдовѣй, говорить, братецъ, не знай я, что объ дѣтяхъ заботиться нѣкому, да я бы, говорить, и не подумала оставить монастырь».

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Ну-съ, такъ какъ-же, маменька? спросилъ, вставая, Платонъ Николаевичъ: — беремъ?

Агаѣя Максимовна покрутила головой, и отвѣчала:

— Хорошо; ужь нечего дѣлать! Одѣвайся поди: пора тебѣ.

И она встала, чтобъ удалиться къ себѣ въ спальню, нацѣпить тамъ на носъ круглыя очки въ серебряной оправѣ, и приняться вязать пуховые носки.

Платонъ Николаевичъ пошелъ одѣваться.

V.

Анна Васильевна къ вечеру совсѣмъ расхворалась. Она съ самаго обѣда лежала на диванѣ; около вечерень почувствовала во всемъ тѣлѣ ознобъ, и покрылась теплымъ сапопомъ.

Смеркалось. Катерина принесла сальную свѣчку и поставила на столъ передъ диваномъ. Пришли дѣти, спавшія послѣ обѣда. Анна Васильевна сказала имъ, чтобъ они взяли какую-нибудь книжку, и сѣли къ столу читать, или разсматривать картинки.

Пашенька принесла какую-то Естественную Исторію съ рисунками, и стала у стола, Вася сѣлъ около нея, и принялся перелистывать книгу.

— Это что? спрашивала Пашенька.

— Слононь, отвѣчалъ Вася. — Вѣдь я ужь тебѣ говорилъ; ты все забываешь.

— А что у него тутъ?

— Это хоботъ.

— Какой хоботъ? Онъ имъ ѣсть?

— Нѣтъ, онъ вотъ чѣмъ ѣсть; а это у него вмѣсто руки.

— А это что?

— Это домъ.

— Развѣ дома такіе?

— Тамъ такіе.

— Гдѣ тамъ?

— Гдѣ слоны живутъ.

— А они гдѣ живутъ? далеко?

— Далеко.

- Они выше дома?
- Выше.
- Кусаются?
- Нѣтъ.
- Такъ они смиренные?
- Смирные.

Разговоръ шелъ все въ этомъ родѣ; только по временамъ прерывала его своими вздохами и долгимъ и удушливымъ кашлемъ Анна Васильевна. Тогда дѣти оборачивались и взглядывали на нее.

— Я ничего, ничего, мои милые, говорила имъ Анна Васильевна: — смотрите себѣ!

И дѣти снова обращались къ книгѣ.

Приѣхалъ Войлоковъ.

Присутствіе его не помѣшало ихъ занятію; только они стали говорить не такъ громко.

— Ну, что, тетенька? спросилъ Платонъ Николаевичъ, усаживаясь: — какъ вы? вовсе, кажется, раскленились?

— Какъ видите, Платонъ Николаичъ, плаксиво отвѣчала Анна Васильевна: — просто никуда не гоюсь. Горе наше такъ меня потрясло...

— Вы ужъ не поминайте лучше, тетенька! не тревожьте себя еще больше! перебилъ Войлоковъ, сильно опасаясь, чтобы тетенька не ударилась въ слезы. — Теперь-то вамъ и слѣдуетъ быть какъ можно тверже, не сокрушаться. Помните, вы остались единственной опорой...

Платонъ Николаевичъ показалъ на дѣтей.

— Обстоятельно слѣдуетъ обсудить вашу будущую жизнь... Средствъ у васъ почти нѣтъ; а между-тѣмъ нужно-же позаботиться о воспитаніи...

Опять показалъ Платонъ Николаевичъ на дѣтей.

— Я приѣхалъ именно переговорить съ вами обо-всемъ объ этомъ, рѣшить общимъ совѣтомъ, какъ вамъ устроиться. Перестаньте, тетенька, плакать! Богъ милостивъ, все уладимъ.

— Не могу, Платонъ Николаичъ, всхлипывала Анна Васильевна: — никакъ не могу слезъ удержать. Васенька,

обратилась она къ племяннику: — дай мнѣ со столика одеколонъ!

Вася не успѣлъ и съ мѣста подняться, какъ маленькая сестра его несла уже теткѣ стклянку.

— У меня просто голова идетъ кругомъ, Платонъ Николаичъ, продолжала Анна Васильевна, наливая одеколону въ узелокъ своего носоваго платка: — страшно и подумать-то мнѣ объ нашемъ положеніи.

— Повторяю вамъ, тетенька, Богъ милостивъ — особенно къ спротамъ, къ безпомощнымъ; да и свѣтъ не безъ добрыхъ людей: сокрушаться слишкомъ нечего. Къ чему поведутъ — сами вы разсудите — слезы и гореванье? Успокойтесь, тетенька, и выслушайте меня. Мы съ маменькой только-что разсуждали объ васъ.

Анна Васильевна, напюхавшись одеколону, стала смотрѣть нѣсколько бодрѣе.

— Говорите, Платонъ Николаичъ, говорите, утѣшите меня! Самой мнѣ и не обсудить ничего: совсѣмъ я потерянная какая-то.

— Вотъ мы что придумали, тетенька! Оставаться вамъ жить здѣсь, по нашему мнѣнію, не сподручно: здѣсь жизнь недешева. Не лучше-ли бы вамъ — вы же и любите уединеніе — поѣхать въ К., поселиться тамъ, опять въ монастырѣ, какъ и прежде вы жили, поближе ко храму Божію, и съ собою взять одну Пашеньку. Вамъ для такого скромнаго житья и немного нужно будетъ....

— Ахъ, Платонъ Николаичъ! точно вы угадали мое собственное желаніе, начала было Анна Васильевна.

— И прекрасно! перебилъ Платонъ Николаевичъ. — Такъ Пашеньку вы возьмете съ собой; а ужъ Васю примемъ на свое попеченіе мы.

Вася, объяснявшій въ это время сестрѣ изображеніе какого-то звѣря, замолчалъ, отвергъ глаза отъ книги и обратился лицомъ къ Войлокову. Пашенька стала тоже прислушиваться.

— Мы его помѣстимъ у себя, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — подготовимъ къ гимназій; а будущимъ лѣтомъ,

Богъ дастъ, онъ и поступить въ нее. Ужь вамъ объ немъ никакой заботы не будетъ.

— Я и словъ не нахожу благодарить васъ, Платонъ Николаичъ, отвѣчала на это Анна Васильевна: — вотъ ужь, истинно, благодареніе вы намъ оказываете въ нашемъ сиротствѣ. Я всегда....

— Это долгъ мой, тетенька, прервалъ Войлоковъ: — священнѣйшій долгъ относительно... относительно дѣтей покойника... благодарность памяти дяденьки Петра Васильевича... за его родственную любовь...

— Это точно, Платонъ Николаичъ: братецъ такъ васъ цѣнилъ и любилъ! Душа его вѣрно порадуетъ на небесахъ, что вы не забыли объ его расположеніи.

— Повторяю, это самый святой мой долгъ, тетенька!

— Такъ, Платонъ Николаевичъ, по родственному чувству, по добротѣ душевной... Да всѣ-ли нынче такъ разсуждаютъ? Каждый больше объ себѣ думаетъ.

— Грѣхъ-бы, тетенька, было забыть все, что покойникъ...

— Господь наградитъ васъ, Платонъ Николаичъ... дѣти, какъ подростутъ, вѣчно будутъ...

Анна Васильевна не могла дольше удерживать слезъ признательности.

Глядя на нее, и у Пашеньки покраснѣли и увлажнились глазки. Вася, закусивъ нижнюю губу, смотрѣлъ куда-то въ бокъ, минуя взглядомъ и Платона Николаевича, и тетку.

— Подите-ка сюда, Васенька! сказалъ ему нѣсколько торжественно Войлоковъ.

Мальчикъ лѣнливо поднялся съ мѣста и, сдѣлавъ шага два къ Платону Николаевичу, остановился.

— Подите! повторилъ Платонъ Николаевичъ.

— Вася, развѣ ты не слышишь, мой другъ? тебѣ говорятъ, вымолвила тетка, на минуту отнимая платокъ отъ мокрыхъ глазъ.

Онъ подошелъ.

— Ну, что, мой другъ? сказалъ Платонъ Николаевичъ, кладя къ мальчику на плечо свою тяжелую руку: — довольны-ли вы будете жить у насъ?

Вася молчалъ, потупя глаза.

— Отвѣчай-же, Вася! проговорила изъ-за платка Анна Васильевна.

— Довольны? да? снова спросилъ Войлоковъ.

— Не знаю, вяло отвѣчалъ мальчикъ, не подымая глазъ.

Пашенька пристально, съ любопытствомъ смотрѣла въ лицо родственнику.

— Его еще и спрашивать теперь нельзя, Платонъ Николаичъ, вмѣшалась Анна Васильевна, засовывая подъ подушку свой носовой платокъ: — такъ это все неожиданно случилось. Смерть братца...

Въ голосѣ ея начало опять слышаться дрожаніе.

— Словно громъ надъ нами разразился... И у большихъ-то голова помутилась. Чего-жь вы хотите отъ ребенка? Извините вы его, Платонъ Николаичъ, за грубый отвѣтъ. — Какъ это ты, голубчикъ Вася, говоришь, не знаешь, будетъ-ли тебѣ хорошо у Платона Николаича?... Можетъ-ли быть не хорошо?.. Платонъ Николаичъ и родственникъ намъ, и любить насъ...

Платонъ Николаевичъ положилъ и другую руку свою на другое плечо Васи; мальчикъ долженъ былъ поневолѣ взглянуть на него полными слезъ глазами. Отъ этого движенія слезы потекли у него по щекамъ.

— Конечно, грустно будетъ вамъ разставаться съ тетенькой, съ Пашенькой, заговорилъ тономъ утѣшителя краснорѣчивый родственникъ: — кто объ этомъ говорить? Но что-жь дѣлать? слѣдуетъ покориться волѣ Божіей. Покорство Провидѣнію... испытаніямъ, которыя ниспосылаетъ намъ небо... это въ жизни главное дѣло. Богу только надо молиться усерднѣе.

— А ты у меня лѣнивъ-таки, замѣтила тетка.

— Это нехорошо, нехорошо. Отъ кого сиротѣ и ждаты... и уповать на помощь, какъ не отъ Бога? Знаете, простая русская пословица говоритъ: «безъ Бога — ни до порога.»

Платонъ Николаевичъ былъ, по видимому, чрезвычайно доволенъ равнымъ теченіемъ своей рѣчи и поучительнымъ

ея характеромъ. Онъ съ большимъ чувствомъ попохалъ табаку и крякнулъ.

Пользуясь минутой молчанія, Вася поспѣшно отошелъ опять къ сестрѣ.

— Такимъ образомъ мы, значитъ, дѣло рѣшилъ, тетенька? спросилъ Войлоковъ, придвигаясь къ краю стула съ видимымъ намѣреніемъ встать.

— Слово у меня нѣтъ, Платонъ Николаичъ... начала было Анна Васильевна.

— Перестаньте, перебилъ онъ: — не благодарите меня. Вамъ сказалъ и всѣмъ буду говорить: долгъ мой, долгъ, священнѣйшая обязанность. — А между-тѣмъ я не стану-таки васъ много беспокоить своей бесѣдой. Да мнѣ-жь еще и надо заѣхать кой-куда. Завтра и маменька васъ навѣститъ. Мнѣ вотъ хочется похлопотать, тетенька, чтобъ и памятникъ поставить на могилѣ Петра Васильича.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула какъ-бы угрызаемая совѣстью Анна Васильевна: — а у меня вѣдь это изъ головы вонъ. И не подумала...

— Ужь вы пока предоставьте мнѣ думать за васъ, тетенька: вамъ слѣдуетъ еще успокоиться, отдохнуть отъ этого... отъ неожиданнаго и тяжкаго удара, васъ постигшаго.

— Истинно тяжкій ударъ, Платонъ Николаичъ!

— Памятникъ поставимъ простенькій, но приличный. Я составлю на досугѣ и надпись, надгробіе, и покажу вамъ.

— Ужь я вполне на васъ надѣюсь, Платонъ Николаичъ.

— Такъ покаместъ до свиданья, до завтра. Отдохните, успокойтесь!

Платонъ Николаевичъ всталъ.

— Прощайте, дѣти!

— Вася! Паша! крикнула имъ тетка.

— Будьте только благонравны, Васенька, сказалъ Войлоковъ, глядя мальчика по головѣ: — а на меня не придется жаловаться. Благонравіе — первое дѣло.

— И я тебѣ всегда это, Вася, говорила, добавила Анна Васильевна: — благонравіе — самое главное.

— Дайте ручку, Пашенька! сказалъ Войлоковъ дѣвочкѣ.

Пашенька медленно, какъ-будто нехотя, протянула ему руку; но только-что Платонъ Николаевичъ наклонился, отдернула ее и покраснѣла.

— Поцѣлуйте ее такъ, Платонъ Николаичъ! сказала тетка: — что это вы? Паша, поцѣлуй Платона Николаича!

Войлоковъ чмокнулъ дѣвочку въ розовыя губки.

— Такъ до свиданья, до свиданья!

— Прощайте, Платонъ Николаичъ! Сестрицѣ отъ меня поклонъ.

VI.

Черезъ шесть недѣль послѣ смерти брата, Анна Васильевна, съ помощію Платона Николаевича, была совсѣмъ готова къ отъѣзду. Она списалась съ матерью Филаретой, игуменьей К—скаго женскаго монастыря, въ которомъ прожила почти пять лѣтъ, и откуда возвратилась въ домъ брата только года три тому назадъ, по случаю смерти его жены. До уѣзднаго города К. было отъ Н. двѣсти верстъ. Покойникъ Шавровъ тамъ началъ свою службу, тамъ и женился. Анна Васильевна ѣхала на родину.

Все хозяйство было распродано — и распродано выгодно: много вещей купилъ Платонъ Николаевичъ, и увѣрялъ, что, по чувству родства, заплатилъ за нихъ больше, чѣмъ стоило. Прислугу распустили.

При Шавровой осталась только Катерина, которая съ дѣтскихъ лѣтъ жила въ домѣ, и выросла тутъ, и состарѣлась. Она была чрезвычайно привязана къ Аннѣ Васильевнѣ и дѣтямъ. Васю стала Катерина особенно баловать послѣ смерти отца: она сберегала ему лучшій кусокъ къ завтраку, къ ужину, угождала ему безпрекословно, даже въ малѣйшихъ прихотяхъ.

Когда замѣчала ей Анна Васильевна, что мальчикъ этакъ ужъ черезъ-чуръ избалуется, Катерина отвѣчала только:

— Какъ, Анна Васильевна, не побаловать-то дитятю? На долго-ли онъ намъ достался, голубчикъ? Теперь его и потѣшить. Какъ попадетъ въ чужія руки — хоть вспомнить будетъ что.

— Что-жь за чужія, Катеринушка? возражала Анна Васильевна: — родня....

— И-ихъ, Анна Васильевна! Родня, родня.... Что нынче родня-то?... Одна слава, что родня. Нешто вы не знаете Агаѡн-то Максимовны? Та-ли Васенькѣ будетъ жизнь, что здѣсь?

— Я сестрицу просила, Катеринушка....

— Знаю, что просили, Анна Васильевна; да вѣдь ужъ карахтера ихъ не перемѣните.... Оченно карахтершы....

— Она и общала....

— Что обѣщанье-то ея, Анна Васильевна? По душѣ вамъ скажу: мало на нее вѣры кладу, на ея на слова. Потому, она завсегда обѣщаетъ много. Кабы слово-то держала!

— Совсѣмъ ты, Катеринушка, въ отчаяніе меня приводишь. Что-жь, не извергъ-же она какой? Будетъ-же, чай, жалость, состраданіе къ сиротѣ? Тебѣ все въ такихъ черныхъ краскахъ представляется.

— Говорю, что думаю, Анна Васильевна. Можетъ, конечно, не по справедливости сужу.... потому — что будетъ, никто того не знаетъ... И дай, Господи! Одна моя объ этомъ молитва. А все-же, Анна Васильевна, душа болитъ. Послѣ такой-то жизни: всего было вдоволь, ничего дѣтямъ не жалѣли; жили, родные, во всю свою волюшку.... да кто ни будь, послѣ родительскаго дома всякой чужимъ покажется.

— Что дѣлать-то, Катеринушка? Божьей воли не перемѣнишь. Одно слѣдуетъ — покориться, принять испытаніе.... Хоть и не больно ладно Васенькѣ будетъ, какъ быть-то? Сама ты знаешь, Катеринушка: будь у меня хоть маленькая возможность — да развѣ-бы я разсталась съ нимъ? развѣ не одна у меня радость на свѣтѣ — съ ними быть, съ моими сердечными?

Вася довольно-равнодушно ожидалъ отъѣзда тетки и своего поступленія въ новый домъ. Хоть онъ не чувствовалъ ни малѣйшей любви къ Платону Николаевичу и его маменькѣ, но жизнь подъ ихъ кровлей не представлялась ему въ такихъ черныхъ краскахъ, какъ рисовала ее Катерина Аннѣ Васильевнѣ.

Наступилъ наконецъ и день разставанья. Отъѣздъ былъ назначенъ поутру.

Давно уже Анна Васильевна чувствовала сильную грусть, бродя по комнатамъ дома, съ каждымъ днемъ все больше и больше пустѣвшаго.... Сегодня вынесли стулья изъ залы; завтра взяли зеркала, послѣ-завтра диванъ и кресла изъ гостиной; а тамъ — обѣденный столъ; а тамъ — буфетъ. Наканунѣ отъѣзда въ домѣ оставалась только самая необходимая мебель, чтобъ было на чемъ переночевать да сѣсть.

Комнаты сдѣлались очень-звучны, и Анна Васильевна все повторяла: «Точно я здѣсь въ склепѣ какомъ хожу». При этомъ изъ глазъ ея обильно струились слезы, и она не слушала утѣшеній Катерины.

Васю Анна Васильевна то-и-дѣло обнимала и прижимала къ своей тощей груди.

Рано пріѣхали на проводы Войлоковы.

Агаѣя Максимовна привезла цѣлый узелъ разныхъ такъ-называемыхъ подорожниковъ — лепешекъ, пироговъ и кокурокъ, на которые употребила нѣсколько-прогорклое масло. Этого, однако-жь, никакъ не слѣдуетъ приписывать какому-нибудь недоброжелательству старухи къ Аннѣ Васильевнѣ. Нѣтъ! Агаѣя Максимовна вообще держалась правила не пускать въ расходъ ничего свѣжаго изъ своего хозяйства. Сбивали-ль свѣжее масло и думали имъ поподчивать барыню, барыня непремѣнно замѣчала: «Да вѣдь еще старое масло есть — подавай старое, покамѣстъ не изойдетъ». И подавали старое масло; а новое между-тѣмъ, въ свою очередь, превращалось въ старое и негодное. Точно то-же наблюдалось и относительно яицъ, творога, молока....

Еще раньше господъ прибылъ Евграфъ, чтобы помочь отъѣзжающимъ укладываться въ дорогу, и стоявшая у крыльца теплая, убитая войлокомъ и рогожей кибитка была ужъ чуть не до верху натискана перинами, чемоданами, узлами и подушками; оставалось только послать за лошадьми. Анна Васильевна надѣла теплое, ваточное платье; Пашеньку нарядили въ какой-то неуклюжій капотъ. На стульяхъ лежали цѣлые вороха разныхъ дорожныхъ одеждъ, пуховыхъ платковъ, шерстяныхъ шарфовъ, теплыхъ перчатокъ, капоровъ. Кате-

рина суетилась и хлопотала больше всѣхъ, и не преминула побраниться раза два съ Евграфомъ.

Вася чувствовалъ точь-въ-точь такую-же неловкость, какъ въ утро похоронъ отца: не зналъ, куда дѣться, и ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ.

Когда все было готово, и Анна Васильевна бросила вокругъ себя прощальный взглядъ, у нея ноги подкосились отъ горя: такъ и упала на стулъ.

— Васенька! пролепетала она: — подойди ко мнѣ, голубчикъ, обними меня!

Вася подошелъ и исполнилъ желаніе тетки.

— Смотри-же, Вася, заговорила Анна Васильевна: — веди себя хорошенько, слушайся во всемъ Платона Николаича и сестрицы: они тебѣ худа не пожелаютъ. Да ко мнѣ-то, смотри-же, пиши, Вася! Будешь писать?

— Буду, мрачно отвѣчалъ Вася.

— Тебѣ; кажется, вовсе насъ не жалко, Вася, что мы уѣзжаемъ отсюда? замѣтила Анна Васильевна, видя, что Вася и не взглядываетъ на нее, а упорно глядитъ въ полъ.

— Не жалко? а!

Но Вася неожиданно заплакалъ.

— Ну, полно, мой другъ, полно! приласкала его Анна Васильевна: — вѣдь я шучу. Когда-жь не жалко? Поцѣлуй вотъ Пашеньку-то!

Пашенька, жавшаяся къ теткѣ, подставила брату свои губы; онѣ дрожали отъ слезъ, бѣжавшихъ у нея по лицу.

Пока послали за лошадьми, Катерина принесла шипящую на сковородѣ яичницу, чтобы барыня и барышня закусили на дорогу; но Анна Васильевна и не прикоснулась къ завтраку — предоставила его дѣтямъ. Во дворѣ скоро забрякалъ почтовый колокольчикъ, и у Шавровой опять начало захватывать дыханіе.

Она крѣпко обняла Агаею Максимовну, и тяжело опустила къ ней на плечо свою голову.

— Голубушка, сестрица! не оставьте, родная, моего сироту! Богъ васъ не оставитъ.

— Зачѣмъ только говорите вы это, сестрица? отвѣчала Агаея Максимовна такъ нѣжно, какъ-будто голосъ началъ

у нея таять въ горлѣ отъ теплоты родственныхъ чувствъ.

— Точно вы не знаете нашей любви....

— Повѣрьте, тетенька, вмѣшался Платонъ Николаевичъ:

— Васенька и не замѣтитъ перехода къ намъ: какъ-будто вовсе и не разставался съ вами. Постараемся окружить его....

— Для кого намъ и жить-то? перебила маменька: — всего-то насъ двое. Я на ладонь дышу — мнѣ немного нужно; Платоша человѣкъ еще молодой — и нажить успѣетъ....

Если-бъ Анна Васильевна не была такъ разстроена и взволнована, она, вѣрно, не мало-бы удивилась этимъ словамъ Агаѣи Максимовны: вѣдь никто и не думалъ ограничивать въ чемъ-бы то ни было ни ее, ни Платона Николаевича. Но Агаѣи Максимовнѣ казалось, что она жертвуетъ чуть не всѣмъ своимъ состояніемъ, прирѣвая у себя въ домѣ мальчика, который не будетъ ей гроша стоить.

— Ужь я надѣюсь на васъ, сестрица, лепетала Анна Васильевна, не слушая родственницы: — и на васъ, Платонъ Николаичъ: вѣрно вы не заставите жалѣть, что я не удержала Васю при себѣ!

Анна Васильевна не успѣла еще въ волю нарыдаться, какъ Евграфъ доложилъ, что лошади готовы.

— Значить, можно съ Богомъ теперь, всхлинула Анна Васильевна. — Сядемте, сестрица.... Платонъ Николаичъ....

— Садитесь, дѣти! сказала Агаѣя Максимовна.

— А гдѣ Катерина? спросилъ Войлоковъ. — Она-то готова-ли?

— Здѣсь я, Платонъ Николаичъ, отвѣчала, входя, Катерина.

— Садись и ты, Катеринушка! сказала Шаврова.

— Ничего, и постою, Анна Васильевна.

— Нѣтъ, садись, садись, повторилъ Платонъ Николаевичъ: — это ужь такъ водится.

Всѣ сѣли, и Катерина сѣла. На мгновеніе пролетѣлъ по комнатѣ тихій ангелъ; потомъ Анна Васильевна поднялась со стула. Встали и всѣ.

Агаѣя Максимовна подняла-было сложенную крестомъ руку ко лбу, но, вскинувъ глаза въ передній уголъ, замѣтила:

— Образа-то и нѣту.

— А вотъ, все-равно, помолитесь на храмъ Божій! сказалъ Платонъ Николаевичъ, указывая въ окно.

Помолились, и затѣмъ начались объятія, поцѣлун, слезы и желанія всякаго благополучія.

Не прописать и на трехъ страницахъ всѣхъ причитаній Анны Васильевны надъ осиротѣвшей головой племянника, отъ котораго она долго не могла отнять своихъ дрожащихъ губъ. Вася смотрѣлъ угрюмо, и по временамъ у него выкачивались слезы; Пашенька расплакалась не на шутку. У Агаѣи Максимовны тоже покраснѣли глаза, и въ одномъ какъ-будто показалась слезка; но она не смѣшила вытирать ее, хоть и вынула изъ ридикюля носовой платокъ.

Наконецъ всѣ теплыя одежды, наваленныя на стульяхъ, очутились на Аннѣ Васильевнѣ и на Пашенькѣ: изъ-за платковъ и шарфовъ глядѣли только носы. Долго уминала Катерина колѣнками поклажу и перины въ повозкѣ, прежде чѣмъ Анна Васильевна могла помѣститься, не упираясь теменемъ въ кузовъ... Вотъ, однакожъ, она усѣлась. Катерина заняла мѣсто рядомъ. По срединѣ посадили Пашеньку. Дѣвочка была какъ въ тискахъ; но не жаловалась. Катерина, которой также нельзя было пошевелиться ни однимъ членомъ, надѣялась, что скоро *обомнется* и будетъ превосходно.

Войлоковы и Вася, конечно одѣвшись предварительно въ шубы, стояли у самой повозки, наблюдая—какъ усаживаются дорожные.

— Хорошо теперь, пискнула пзъ-за подушекъ Анна Васильевна: — прощайте, сестрица!... Платонъ Николаичъ... Вася!... Вася! поцѣлуй меня, мой родной!

Вася долженъ былъ почти съ ногами влѣзть въ повозку, чтобъ поцѣловаться съ теткой.

Когда онъ слѣзъ съ облучка, Платонъ Николаевичъ торжественно произнесъ:

— Добраго пути, тетенька! да хранитъ васъ Господь-Богъ!

Потомъ обратился къ ямщику и крикнулъ:

— Съ Богомъ!

Ямщикъ почмокалъ губами, свиснулъ, поправилъ ремешъ

кнутовища на рукавицѣ, поднявъ и передернулъ возжи, и тройка, звеня колокольчикомъ, двинулась со двора.

Оставшіеся не долго провожали ее глазами: она скоро скрылась за угломъ.

Тогда Платонъ Николаевичъ крикнулъ своего кучера съ санями, и сказалъ матери:

— Садитесь вы, маменька, съ Васей, и поѣзжайте домой! А я до палаты и пѣшечкомъ дойду.

— Ладно. Ну, Васенька!

Вася машинально занесъ ногу въ сани, и сѣлъ съ тетенькой. Онъ вовсе не былъ очень огорченъ отъѣздомъ Анны Васильевны и своимъ новымъ положеніемъ; но какъ-то растерялся и смотрѣлъ разсѣянно. Случилось, что дорогой у саней отстегнулась полость съ той стороны, гдѣ онъ сидѣлъ. Агаѣя Максимовна сказала ему, чтобы онъ застегнулъ; но Вася не слыхалъ, и только когда тетка повторила свои слова, встрепенулся, словно просыпаясь.

VII.

Въ домѣ Войлоковыхъ мальчику случалось быть всего разъ пять, когда Агаѣя Максимовна, приглашая къ себѣ Анну Васильевну, вздумаетъ, бывало, сказать: «и дѣтяшекъ-то привезли бы, сестрица — пусть органомъ позабавятся». Кромѣ забавы органомъ, старуха обыкновенно угощала дѣтей медовымъ вареньемъ, сухими винными ягодами, червивыми финиками и пыльнымъ изюмомъ, которые хранились у нея на угловой полочкѣ въ кладовой. Раза-два Агаѣя Максимовна угощала своихъ маленькихъ гостей даже яблоками. И теперь воздухъ войлоковской квартиры, спертый и пахнущій кладовой, невольно напомнилъ мальчику о финикахъ и винныхъ ягодахъ. Онъ вступалъ въ домъ безъ всякаго непріятнаго чувства, безъ досады и безъ грусти.

Только-что снялъ Вася въ прихожей свою шубку, Агаѣя Максимовна повела его въ комнату, которую назпачили ему. Это была та самая горенка на антресоляхъ, гдѣ прежде все не стояло мебели. Теперь поставили тамъ кровать, три стула, маленькій некрашенный столъ — и только; а постель

и всё вещи Васи еще накануне были перенесены къ Войсковымъ. Назначая эту комнату во владѣнiе племяннику, Агаея Максимовна не намѣрена была, однакожь, много стѣсняться, и оставила на прежнихъ мѣстахъ дорожные вещи Платона Николаевича.

Не совсѣмъ-то веселый и не очень прiютный видъ имѣло новое жильё Васи. Въ узкихъ окнахъ года два не трогали зимнихъ рамъ, и стекла въ нихъ такъ потускнѣли, что даже яркое морозное солнце не радостно освѣщало комнату. Стѣны и потолокъ загрязнились и закоптѣли.

— Вотъ и спальня твоя, сказала Агаея Максимовна, поднявшись съ Васей на лѣстницу.

Въ первый разъ еще обратилась она къ мальчику съ мѣстоимѣнiемъ *ты*: до тѣхъ поръ Агаея Максимовна была постоянно на тонкой деликатности съ дѣтьми Петра Васильевича. Васѣ, какъ и всѣмъ дѣтямъ вообще, большею частiю говорили *ты*, и это, конечно, нисколько не обижало и не удвляло его; но *ты* Агаеи Максимовны было ему почему-то непрiятно.

— Ну что, нравится? спросила старуха, на этотъ разъ уклоняясь отъ мѣстоимѣнiя.

— Да, равнодушно отвѣчалъ Вася.

— И тепло-то какъ! продолжала Агаея Максимовна, оглядывая все кругомъ: — а еще и одушникъ не открытъ!

И она отворила одушникъ. Изъ него пахнуло душистымъ тепломъ. И могло-ли не быть тепло, когда Агаея Максимовна сама наблюдала за топкой печей. Правда, она была очень скупа на дрова и не позволяла класть въ печь больше шести полѣвъ; но за-то трубы закрывались раньше, часто даже съ синимъ огонькомъ и съ головешками; и у сына, и у маменьки были крѣпкiя головы.

— Вотъ, это столикъ тебѣ; тутъ можешь книжку читать, объясняла Васѣ Агаея Максимовна: — или писать, что нужно будетъ — урокъ какой. Платоша и чернильницу тебѣ выищеть у себя. Здѣсь вотъ, въ сундучкѣ, вещи твои лежатъ, бѣлье. — Ну, хочешь, здѣсь сиди, хочешь, вниву, заключила Агаея Максимовна: — а мнѣ по хозяйству надобно.

Вася и самъ не зналъ, гдѣ ему быть — тутъ-ли остаться,

или внизъ идти. Скучно стало ему; онъ легъ на кровать и принялся зѣвать во весь ротъ. Его подняли въ этотъ день рано, и не дали выспаться. Едва пришло Васѣ въ голову, что не мѣшало бы наверстать недоспанное время, какъ онъ и заснулъ очень крѣпко.

Все утро прохлопотала Агаея Максимовна. Глядь, и Платонъ Николаевичъ вернулся изъ палаты.

Первымъ его вопросомъ было:

— Гдѣ Вася?

— А я и не хватилась его въ утро-то, отвѣчала Агаея Максимовна:—на кухнѣ все была, да вотъ черное бѣлье въ стирку отдавала — и забыла объ немъ совсѣмъ. Вѣрно наверху сидитъ.

Платонъ Николаевичъ выпилъ рюмку настойки или, какъ онъ называлъ ее, душегрѣйки, закусилъ чернымъ сухаремъ, и вышелъ въ корридоръ.

— Васенька! Васенька! кликнулъ онъ тамъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Васенька! повторилъ онъ.

Но такъ-какъ и на этотъ зовъ Вася не откликнулся, Платонъ Николаевичъ пошелъ самъ на верхъ.

Мальчикъ спалъ какъ убитый.

— Вставай, Вася! обѣдать готово.

(И Платонъ Николаевичъ замѣнилъ родственнымъ *ты* церемонное *вы*).

Голова у Васи была точно свинцомъ налита: такъ трудно было ему поднять ее съ подушки; въ глазахъ было у него совсѣмъ зелено; онъ взялъ себя обѣими руками за лобъ и за виски.

— Что, голова болитъ? спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Да, отвѣчалъ Вася.

— Ничего, пойдемъ внизъ.

Еще сильнѣе начало у него ломить голову, когда онъ сталъ спускаться съ лѣстницы. На каждомъ шагу точно кто давалъ ему здороваго тумака въ самое темя.

— Маменька! дайте хоть укусу ему — за ушами постереть.... голова, вонъ, разболѣлась..

— И такъ пройдетъ, возразила Агаея Максимовна. — Садитесь за столъ-то: щи совсѣмъ простынуть.

Сѣли. Вася хлебнулъ шей, и положилъ ложку.

— Что же ты не ѣшь? спросила старуха.

— Не могу, отвѣчалъ Вася: — тошно что-то.

— Вотъ оно — спать-то не во-время, замѣтила Агаея Максимовна: — и голова разболѣлась, и тошно.... поѣшь горячаго — и пройдетъ.

Вася принялся было опять за щи; но тотчасъ-же снова оставилъ ложку.

— Что? спросила Агаея Максимовна.

— Все тошно.

— Ахъ, какъ это несносно! Нужно было напичкаться давича яичницы.... обрадовался случаю — точно и самъ въ дорогу ѣдетъ. Вотъ и разстроилъ желудокъ. И голова болитъ, и тошно отъ этого. Да еще спать вздумалъ передъ обѣдомъ! Ночью-то что будешь дѣлать?

— Не угарно-ли тамъ, маменька? рѣшился замѣтить Платонъ Николаевичъ.

— Выдумай еще что-нибудь! Откуда тамъ быть угару? Сама я нечуку велѣла закрыть. Ты вѣчно Богъ знаетъ что сочинишь.... Угарно! Просто объѣлся давича, такъ и тошнить. — А отъ этого, голубчикъ, изволь отвыкать — отъ спанья-то по утрамъ, прибавила Агаея Максимовна, обращаясь къ Васѣ: — это вовсе не дѣло. Ну, еще послѣ обѣда вздремнуть — куда ни шло; да и то мальчику твоихъ лѣтъ не кстати. На сонъ ночь Богомъ дана.

У Васи все ходило колесомъ передъ глазами; но онъ досидѣлъ-таки до конца обѣда; впрочемъ ничего не ѣлъ, — и не только не ѣлъ, даже и блюдо не замѣтилъ. Обѣдъ состоялъ изъ шей, вываренной говядины съ картофелемъ, которымъ было весьма легко подавиться, изъ жареной печенки съ солеными огурцами — и только.

— Я думаю, благодарять послѣ обѣда -то, замѣтила Агаея Максимовна, когда Вася, только-что вышелъ изъ-за стола, хотѣлъ удалиться изъ комнаты. — Учись вѣжливости, мой милый!

Вася подошелъ къ ручкѣ тетушки; тетушка, пыхтя, наклонилась и прикоснулась ко лбу племянника своими сухими губами.

Опять хотѣлъ Вася удалиться, и опять не допустила его до этого Агаея Максимовна.

— А Платошу не пужно благодарить?

— Покорно благодарю-сь, мрачно вымолвилъ Вася, едва стоя на ногахъ, но обращаясь все́мъ туловищемъ къ троюродному братцу.

— И руку можно-бы, кажется, поцаловать! прибавила старуха.

— Ничего, и такъ обойдемся, возразилъ Платонъ Николаевичъ.

Онъ и не воображалъ, конечно, что этими словами неказанно разсердитъ маменьку. Зубъ Агаеи Максимовны показался весь наружу.

— Начинай баловать! начинай! заговорила она.— Изволь сейчасъ-же подойти къ Платошѣ, и поцаловать у него руку, сказала она Васѣ. — Скажите пожалуйста, гость какой! Расшаркиваться онъ будетъ! «Покорно благодарю-сь». Какъ важно! Ну, что же изволишь стоять?

— Есть изъ-за чего пылъ столбомъ подымать! возразилъ Платонъ Николаевичъ, подходя къ Васѣ и поднося свою руку къ его губамъ.

Вася подался-было нѣсколько назадъ, видимо не желая лобызать протянутую къ нему руку; но тотчасъ-же опомнился — наклонился немного впередъ, и чмокнулъ жирную десницу Платона Николаевича.

— Давно-бы такъ! одобрила Агаея Максимовна.

Евграфъ собралъ между-тѣмъ со стола. Старуха сняла съ головы чепецъ и стала обвязывать ее передъ зеркаломъ старымъ бумажнымъ клѣтчатымъ платкомъ, намѣреваясь предаться послѣобѣденному отдохновенію. Съ этой же дѣлью пошелъ и Платонъ Николаевичъ къ себѣ въ кабинетъ. По дорогѣ взялъ онъ Васю за плечо и повлекъ его съ собой.

Въ залѣ Войлоковъ остановился и сказалъ:

— А тебѣ-бы, Вася, провѣтриться немножко не мѣшало. На воздухѣ и головная боль пройдетъ. Сегодня-же и день такой славный: солнце — и не холодно. Кстати, вотъ, я пошлю Евграфа въ одно мѣсто на Покровку; шелъ бы ты съ нимъ, да прогулялся. Хочешь?

— Хочу, отвѣчалъ Вася.

— Евграфъ! крикнулъ Платонъ Николаевичъ.— Сходи ты къ портному, принеси жилетку-то, что онъ взялъ пуговицы переставить: мнѣ сегодня вечеромъ ее надо. Да вотъ одѣнь Васю, возьми съ собой—прогуляется пускай. Только, пожалуйста, возвращайся поскорѣй; а то ты радъ случаю: опять пропадешь, и не дождешься тебя!

— Куда мнѣ пропадать? возразилъ Евграфъ, и не всѣмъ ласково покосился на Васю.

Платонъ Николаевичъ, насвистывая *Соловья*, заперъ за собою на ключъ дверь кабинета.

— Гдѣ у васъ шапка-то? спросилъ Евграфъ у Васи.

— На верху.

— Сходите за ней, а я покамѣсть одѣнусь.

Когда мальчикъ вернулся съ шапкой въ прихожую, Евграфъ былъ ужъ готовъ: на немъ была коричневая бекешка, узенькая, съ чрезмѣрно длинными рукавами, и съ вытертой, колючей какъ щетка выдрой на воротникѣ. Старая шляпа съ головы Платона Николаевича сползала Евграфу на самыя уши, какъ ни тщательно стягивалъ онъ внутри тесемки, какъ ни выкладывалъ тулюю бумагой.

Молча и вовсе непривѣтливо обмоталъ Евграфъ шею Васи шерстянымъ шарфомъ работы Анны Васильевны, и подалъ ему шубу.

— На ноги-то надо что-нибудь?

— Сапоги, вонъ.

Надѣвши мѣховые сапоги и подвязавъ подъ шапку наушники, Вася пошелъ вслѣдъ за Евграфомъ. Во дворѣ Евграфъ стукнулъ въ окошко кухни и крикнулъ:

— Поди-ка, Василиса, запри дверь!

— Не могъ, чортъ, съ задняго крыльца пройти? сердито отозвалась Василиса.

Евграфъ и Вася вышли за ворота.

VIII.

Мальчикъ въ-самомъ-дѣлѣ почувствовалъ на воздухѣ большую отраду: ему какъ-то легче стало дышать, и голову не такъ ужь ломило. Идя по серединѣ улицы (тротуары были не вездѣ, да гдѣ и были, скрывались подъ снѣжными сугробами), Вася не столько смотрѣлъ по сторонамъ, сколько наблюдалъ изподтишка своего спутника.

Евграфъ не обращалъ съ своей стороны ни малѣйшаго вниманія на ввѣреннаго попеченіямъ его барченка. Онъ шелъ, не соображаясь даже, можетъ-ли Вася своими маленькими шажками поспѣвать за нимъ. Вася, однако-жь, не отставалъ.

Скажемъ два слова объ Евграфѣ.

Ему было года тридцать два, три; росту былъ онъ не большаго, бѣлокуръ, худощавъ, щедушень и золотушень. Въ туповатомъ лицѣ было что-то болѣзненно вялое, и черты его оживлялись только, когда Евграфъ злился. А не прошло дня, чтобы онъ не окрысился на что-нибудь до дрожи въ рукахъ и ногахъ. И немного было нужно, чтобъ разсердить его. Стоило потревожить его сонъ, не отпустить со двора, въ церковь или въ гости, стоило Агаеѣ Максимовѣ замѣтить, что подсвѣчники плохо вычищены или ножи тупы, или полъ дурно выметенъ — и глаза у Евграфа зажигались, и изъ устъ сыпались грубость за грубостью. Чаше всего приходилось Агаеѣ Максимовнѣ выслушивать много неприятнаго о себѣ и о своей скупости по поводу топки печей, которая лежала на обязанности сумрачнаго лакея. Я сказалъ: «выслушивать», но едва-ли это такъ. Агаея Максимова кричала одновременно съ Евграфомъ, и выходилъ такой содомъ и гоморъ, что заткни уши да бѣги вонъ. Когда маменька жаловалась сыну на грубость лакея, Платонъ Николаевичъ обыкновенно говорилъ Евграфу, грозя указательнымъ перстомъ: «Смотри ты у меня, мерзавецъ! Ты желеешь, кажется, чтобы и я у тебя еще зубъ во рту убавилъ?»

У Евграфа не доставало одного передняго зуба, и Пла-

тонъ Николаевичъ намекалъ своими словами на причину его исчезновенія — грубость лакея и гнѣвъ его стараго барина. Съ Платономъ Николаевичемъ Евграфъ почему-то не пу- скался въ такія рѣзкія разсужденія, какъ съ его маменькой, хотъ и было всѣмъ въ домѣ извѣстно, что онъ несравненно кротче ея. Говоря о Евграфѣ заочно, Агаѣя Максимовна никогда не называла его иначе, какъ «подлецомъ Еграшкой». Не было, кажется, ничего легче, какъ разстаться съ чело- вѣкомъ, заслужившимъ такой презрительный эпитетъ: Ев- графъ былъ не крѣпостной Войлоковыхъ; но по какой-то особенной логикѣ они держались за него очень крѣпко. Правда, иногда постоянство свое оправдывали они тѣмъ, что хотъ и золь челоуѣкъ и грубъ, да по-крайней-мѣрѣ дѣло свое исполняетъ хорошо, добросовѣстно, и чужимъ добромъ, навѣрное, не попользуется. Но въ тоже время не проходило утра, чтобы Евграфъ, возвратясь съ рынка, не слышалъ отъ Агаѣи Максимовны сомнѣній и упрековъ, обличавшихъ совершенно противоположное мнѣніе. Тò куплено какъ-будто не въ достаточномъ количествѣ, сравнительно съ истрачен- ными деньгами, тò какъ-будто низшаго противъ цѣны до- стоинства. Все это намекало, что ужъ гдѣ-же дескать чело- вѣку не порадытъ о своемъ карманѣ. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Евграфъ вскипалъ тогда негодованіемъ и кричалъ: «Ну, ищите себѣ другого челоуѣка, честиѣ меня! Вы и святаго запедозрите». Агаѣя Максимовна отвѣчала на это, что вовсе не будетъ плакать, если грубіянь отойдетъ отъ нея... Только-бы Платоша вернулся изъ палаты, надо раз- считаться съ мерзавцемъ и положить конецъ этому муче- нію. И съ ежедневнымъ повтореніемъ подобныхъ сценъ, Евграфъ прожилъ у Войлоковыхъ ровно семь лѣтъ.

Отправляясь къ портному за жилетомъ, Евграфъ былъ видимо недоволенъ, что ему навязали попутчика. Онъ про- шелъ почти изъ конца въ конецъ Московскую улицу, не сказавши Васѣ ни слова. Вася тоже молчалъ — сначала по- тому, что думалъ только о своей головной боли, а потомъ, когда головѣ стало легче, по нѣкоторой робости, которую неволью впушалъ ему неласковый видъ лакея.

Наконецъ, на поворотѣ въ Покровку, Евграфъ спросилъ:

— Чтò, весело у насъ жить?

При этомъ онъ взглянулъ на мальчика.

— Я еще не знаю, отвѣчалъ Вася.

— Весело будетъ, ничего, замѣтилъ Евграфъ. — Чтò, голова-то зажала?

— Теперь немножко лучше.

Евграфъ помолчалъ.

— Намъ еще далеко идти? спросилъ Вася.

— А чтò? устали ужь?

— Нѣтъ, какое!

— Вонъ.

Евграфъ указалъ куда-то неопредѣленно.

— А очень тетки-то струхнули давича? спросилъ онъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ въ молчаніи, и посмотрѣлъ на Васю съ усмѣшкой.

И Вася нехотя улыбнулся.

— Погодите, она еще покажетъ себя.

Мальчику вдругъ почти страшно стало: такимъ угрожающимъ тономъ отзывались слова Евграфа, и такую непреложностью.

— Чтò, испугались? замѣтилъ онъ, искоса наблюдая лицо Васи. — А знаете, что? быстро прибавилъ онъ, вдругъ останавливаясь: — вы еще не устали?

— Нѣтъ.

— Знаете, гдѣ Новыя Мѣста?

— Знаю; это у кладбища?

— Дѣ; не устанете туда идти? Со мной, со мной, объяснилъ Евграфъ, замѣчая нерѣшимость во взглядѣ Васи.

— Нѣтъ, не устану.

— Такъ пойдете! у меня есть знакомые тамъ. Дома-то вѣдь съ тоски пропадешь. Спать теперь. Храпу ихъ не слышали, что-ли?

— Хорошо, согласился Вася: — пойдѣмъ.

— Вотъ люблю, такъ люблю! крикнулъ Евграфъ, очень довольный согласіемъ мальчика.

Они были въ это время у дома, на которомъ красовалась полинявшая вывѣска съ изображеніемъ ножницъ и фра-

ка. Евграфъ забѣжалъ туда и мигомъ явился назадъ съ узелкомъ подъ мышкой.

Начинали звонить къ вечернѣ, когда Вася и спутникъ его добрались до Новыхъ Мѣстъ. Это была широкая, только-что обстраиваемая улица на самомъ краю города. Солнце опускалось на далекомъ концѣ ея за круглыя, бѣлыя, окаймленные золотомъ облака, и било прямо въ глаза Васи. Снѣгъ ярко горѣлъ. Мальчикъ очень озябъ; ноги его совсѣмъ окончены, носъ покраснѣлъ. Волосы на вискахъ и мѣхъ шубы около губъ густо заиндевели.

— Вотъ и пришли, сказалъ Евграфъ.

До Новыхъ Мѣстъ онъ шелъ опять молчаливо и только по-временамъ отвѣчалъ на незначительныя вопросы Васи: «Это чей домъ?» «Тутъ кто живетъ?» «Это какая улица?» и тому подобное.

Маленькій домишка, въ которомъ жилъ знакомый Евграфъ, отставной солдатъ Горбылевъ, ремесломъ переплетчикъ, былъ еще старой постройки, не подходилъ къ плану и потому его отгородили отъ улицы новымъ заборомъ.

У воротъ, на лавочкѣ, сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцать, круглолицая, румяная, съ бойкими и веселыми черными глазами, и красными, какъ корольки, губами. Изъ подъ алаго бумажнаго платка, которымъ была прикрыта ея голова, глядѣли съ боковъ немного растрепавшіяся пряди густыхъ темныхъ волосъ. На дѣвочкѣ была заячья шубка, крытая синей китайкой; изъ подъ шубки виднѣлся подолъ сильно полинявшаго ситцеваго платья. Руки она глубоко запрятала въ рукава, и то-и-дѣло постукивала другъ-о-другу ногами въ большихъ мужскихъ сапогахъ. Быстрые глазенки ея безъ цѣли бѣгали взадъ и впередъ по улицѣ.

— Здорово, Машенька! сказалъ ей Евграфъ, приподнимая шляпу.

— Здравствуйте, Семенычъ, отвѣчала Маша звонкимъ, какъ колокольчикъ, голосомъ.

— У себя тятенька?

— Дѣма.

— А Оекла Алексѣвна?

— Она со двора ушла съ тятенькиной работой.

— Что-жь вы-то съ ней? А еще гулять охотница!

— Миѣ и здѣсь ладно! весело отвѣчала дѣвушка, похлопывая ногами и улыбаясь.

Зубы у нея были снѣжной бѣлизны; при улыбкѣ на щекахъ являлись ямки. И безъ того хорошенькая — смѣясь, была она еще пригоже.

— А это кто съ вами? спросила она, не безъ удивленія глядя на Васю.

— А это новый у меня баринъ.

— А!

Евграфъ съ какимъ-то благоговѣніемъ глядѣлъ на дѣвочку. Она-же не обращала на него и глазъ — мурлыкала что-то себѣ подъ носъ, и смотрѣла, шурясь, на сіяющія облака.

— Тятенька тамъ? спросилъ, помолчавъ, Евграфъ, по видимому съ единственною цѣлью — заставить дѣвочку обернуться къ нему.

Но цѣль не была достигнута.

— Тамъ, отвѣчала Маша, не глядя.

— Пойдемте, сказалъ нѣсколько смущеннымъ голосомъ Евграфъ, и открылъ калитку.

Гости застали Горбылева за работой: онъ оклеивалъ кожей корешокъ большой казенной бухгалтерской книги. Въ горенкѣ было уже довольно темно, душновато и пахло кислымъ клеємъ. Убрана была она бѣдненько, и только пузатый, ярко вычищенный самоваръ, на столѣ въ углу, обличалъ нѣкоторое довольство. Хозяинъ былъ еще бодрый старикъ, очень благообразный, хотя и съ нѣсколькимъ краснымъ носомъ. Онъ по видимому обрадовался приходу Евграфа, и сталъ пѣнять ему, что давненько не видалъ его у себя.

— Развѣ-бы я и самъ не радъ вырваться? отвѣчалъ на этотъ упрекъ Евграфъ. — Да поди-ка ты, столкнись съ ними! И самимъ не надо, и со двора не смѣй ни ногой — сиди въ лакейской да носомъ клейся.

Потомъ Евграфъ отрекомендовалъ старику Васю и подробно высказалъ свой взглядъ на отношенія Войлоковыхъ къ сиротѣ Шаврову.

— Вѣдь это, Осипычъ, одни слова, разсуждалъ онъ: —

Отд. I.

Благодѣяніе оказываютъ. Вотъ и стануть трубить по всему городу — призрѣли, молю, беспомощнаго сироту... а какое ихнее призрѣніе? Вотъ, примѣрно, хоть-бы сегодня. Напустили въ горницу угару, да и спать тамъ положили. Ладное-ли дѣло! Самъ ты посуди! Только-бы дровъ меньше вышло; а ребенокъ умереть могъ — это имъ нужды нѣтъ. И онъ же теперича сталъ виновать.

— А! а! повторялъ, качая головой, Горбылевъ.

— Да это еще что? продолжалъ Евграфъ. — И не то придется терпѣть. Развѣ пройдетъ хоть кусокъ въ горло безъ попрека-то?

— А! а!

— Они все такъ. Я ужъ ихъ знаю семь лѣтъ. Ложкой-то кормить, а стеблемъ глазъ колятъ. А ужъ пахвалиться, нахвастать — это ихъ взять.

— Что это лебедь-то моя нейдетъ? сказалъ Горбылевъ. — Хоть чайкомъ-бы гостей попотчевать.

— Полно беспокоиться, Осипычъ.

Но Осипычъ понесъ уже самоваръ въ сѣни.

— Вы смотрите, Васенька, не рассказывайте дома-то, что мы здѣсь были, обратился Евграфъ къ мальчику: — проходу мнѣ не будетъ; да и вамъ достанется.

— За что? спросилъ Вася.

— А спросите ихъ, за что! — Да вы больно-то не трусьте! У нихъ вѣдь это хуже: какъ струсилъ, еще пуще накинута. Съ ними надо зубъ за зубъ; а то какъ стамешь отмалчиваться — совсѣмъ ниши пропало. Я вѣдь ихъ знаю — восьмой годъ у меня на шеѣ. Охъ, какой народъ скаредный! А пуще всего старая-то ворона. Богъ, кажется, этого еретика и въ землю-то не принимаетъ; а ужъ пора-бы ей червямъ на поживу. Смотрите-же, не проболтайте какъ-нибудь!

— Нѣтъ, я ни за что не скажу, перебилъ его Вася, чувствуя что-то въ родѣ дружбы къ лакею за его совѣты и предостереженія.

— А ужъ какъ вы, поди, кушать хотите? Вѣдь за обѣдомъ-то давеча въ ротъ ничего не взяли.

— Да, мнѣ хочется.

— Дома и не поминайте до ужина — ничего не дадутъ,

только брани опять наслушаетесь. Вотъ здѣсь чайку напьемся, а какъ назадъ пойдѣмъ, я калачъ куплю.

Какъ разъ къ тому времени, какъ закипѣлъ самоваръ, воротилась хозяйка. вмѣстѣ съ матерью пришла изъ-за воротъ и Маша. Съ мороза щоки у нея разгорѣлись густымъ румянцемъ. Онъ смотрѣла очень весело и все улыбалась, щелкая орѣхи своими бѣлыми и крѣпкими зубами.

— Откуда это орѣхи-то у тебя? спросилъ отецъ, внося самоваръ.

— А Оеня дала.

Евграфъ подозрительно покосился на дѣвочку.

— Охъ вы, сладницы! замѣтилъ старикъ.

Горбылиха была женщина свѣжая, полная, еще нестарая, вовсе не подъ стать сѣдому мужу. Дочь очень походила на нее. Евграфъ тотчасъ-же подступилъ къ Оеклѣ Алексѣевнѣ съ вопросами о ея здоровьѣ, и Оекла Алексѣевна затораторила, что твоя трещотка. Съ прогулки принесла она пропасть новостей: чья-то жена съ кѣмъ-то сбѣжала, гдѣ-то въ трактирѣ два чиновника подрались, какой-то ея знакомый лакей безъ мѣста остался, у кого-то покража случилась.

Вася слушалъ безъ вниманія, за то спутникъ его былъ замѣтно заинтересованъ большею частію этихъ новостей. Разговоръ завязался живой, бойкой; о маленькомъ гостѣ всѣ забыли, кромѣ Маши, принявшей хлопотать около стола.

— Не хотите-ли? спросила она, доставая себѣ пирогъ изъ поставца.

Вася вопросительно посмотрѣлъ на Евграфа.

— Кушайте, кушайте, ничего, ободрилъ его тотъ.

— Дайте, сказалъ Вася.

Пирогъ съ солеными огурцами былъ кушанье на голодный зубъ вкусное, и мальчикъ уплелъ огромный кусокъ его; а за второй чашкой плохаго чая, съ холодными витушками, принесенными Алексѣевной, совсѣмъ забылъ, что въ этотъ день не обѣдалъ.

— Ну, пора намъ, пора, совсѣмъ ужъ темно стало, сказалъ наконецъ Евграфъ, вдоволь наговорившись и угостившись. — Какъ проснутся ворчуны-то наши, такъ будетъ брани. Одѣвайтесь, Васенька.

Маша вызвалась помочь мальчику; обернула ему шею платкомъ, подвязала паушники, застегнула шубу.

— Смотрите-же, приходите къ намъ еще! говорила она, укутывая сго.

— Хорошо, отвѣчалъ Вася.

— Въ другой разъ пряниками попотчую. Вы вѣдь, чать, пряники любите?

— Люблю.

— То-то; такъ приходите-же!

— Приду.

На возвратномъ пути Евграфъ повторилъ Васѣ, чтобы онъ дома и не заикался о томъ, гдѣ они были.

IX.

Къ счастью они застали и Агаою Максимовну и Платона Николаевича еще спящими; слѣдовательно вопроса быть не могло. Вася почти цѣлый часъ, пока они не проснулись, сидѣлъ въ темной залѣ и занимался очень скучнымъ дѣломъ: дышалъ на оконныя стекла и выводилъ на нихъ вензеля, которыхъ и самъ не видалъ за темнотою.

Вечеромъ Платонъ Николаевичъ уѣхалъ въ гости. Агаою Максимовна долго ходила по темнымъ комнатамъ и задумчиво сопѣла, потомъ поиграла на органѣ, и наконецъ ушла къ себѣ въ спальню, гдѣ стала раскладывать карты. Васѣ Платонъ Николаевичъ далъ книжку, чтобы онъ не сидѣлъ сложа руки. Вася долженъ былъ пріютиться въ тетенькиной комнатѣ, потому-что дать ему на антресоли сальную свѣчку Агаою Максимовна считала невыгоднымъ: и безъ того свѣчей много выходитъ. Книжка была не иное что, какъ первая часть пресловутаго «Семейства Холмскихъ». Вася читалъ и зѣвалъ.

— Спать, никакъ, хочешь? спросила, замѣчая зѣвоту его, Агаою Максимовна.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вася.

— Чего нѣтъ? ротъ разорвалъ, зѣвая. Поди-ка ложись! Что сидишь-то? Скажи Евграфу, чтобы посвѣтилъ тебѣ. Ну!

Вася ушелъ.

— Что-жь вы ужина-то не подождали? спрашивалъ Евграфъ, стоя со свѣчей, пока мальчикъ раздѣвался.

— Да мнѣ тетенька сказала, чтобъ я спать шелъ.

— Эхъ, вы!

Дремота, отъ которой Вася не могъ избавиться читая, совершенно оставила его, когда онъ остался одинъ, въ потѣмахъ, наверху. Онъ долго ворочался на постели, и не могъ заснуть, хотя во всеи домѣ царствовала мертвая тишина.

Но вотъ внизу послышались шумъ и ходьба. Вася насторожилъ уши.

«Платонъ Николаевичъ пріѣхалъ», разсуждалъ онъ съ самимъ собой: «сейчасъ они ужинать станутъ; а я-то?»

Дверь на лѣстницу была отворена и Вася очень явственно слышалъ, какъ Платонъ Николаевичъ, проходя тяжелыми шагами по корридору, распорядился:

— Эй, Василица! Что вы спите - то все спозаранку? Неся щи!

«Не одѣться-ли, да не пойдти-ли туда?» шевелилось въ головѣ мальчика: «А какъ разсердятся? Ничего. Что-же? вѣдь я не спалъ — я не хочу спать».

Вася наклонился съ кровати и принялся шарить руками по полу, отыскивая свои сапоги. Ихъ не оказалось. Онъ слѣзъ и началъ искать ихъ подъ кроватью. Не было сапоговъ и тамъ, и онъ тутъ только вспомнилъ, что ихъ унесъ Евграфъ.

«Встану я у двери», придумалъ Вася: «и какъ станеть онъ проходить корридормъ, я его тихонько и позову — скажу, чтобы принесъ сапоги... одѣнусь и сойду внизъ».

Онъ натянулъ на себя чулки, надѣлъ панталоны и сертучокъ и сталъ на лѣстницѣ, перегнувшись черезъ перилы.

Дверь изъ сѣней въ дѣвичью громко хлопнула, и въ комнату Агаѣи Максимовны прошелъ Евграфъ съ миской. Запахло щами. Вася почувствовалъ ужасный голодь.

«Что-же это Евграфъ назадъ-то нейдетъ? Что онъ тамъ стоитъ? Они, пожалуй, такъ и отужинаютъ безъ меня».

Вышелъ и Евграфъ съ пустой миской; онъ былъ не въ духѣ и громко ворчалъ:

— Выдумай еще, старая вѣдьма! ишь, проклятая! минуты покою нѣтъ.

— Евграфъ! шепчуль Вася.

Лакей не слыхалъ этого слабаго зова и ушелъ въ дѣвичью.

«Вотъ онъ опять пройдетъ сей-часъ,» думалъ Вася: «теперь ужь вѣрно услышитъ. Я погромче позову».

Но слѣдующее блюдо несла уже толстая Василиса. Надежда начала покидать Васю; слезы досады подступали у него къ самому горлу.

Звенѣли вилки и ножи, звенѣли рюмки и стаканы; а Евграфъ и не думалъ показываться изъ дѣвичьей: громогласно разговаривалъ онъ тамъ съ Василисой.

Вася возвратился на свою постель, уткнулъ голову въ подушку и горько заплакалъ, кусая наволочку.

Х.

Жизнь Войлоковыхъ шла день за днемъ, какъ заведенная машина. Машины, бываютъ, впрочемъ разныя: однѣ очень мудренаго и сложнаго устройства, другія всего, о двухъ какихъ-нибудь колесахъ. Домашній бытъ Платона Николаевича шель имейно какъ машина втораго разряда. Простота и несложность механизма не мѣшали, однакожь, колесамъ скрипѣть, стучать, ржавѣть и перетираться. Маленькій Шавровъ, угодивъ подъ кровлю Войлоковыхъ, не нарушилъ обычнаго движенія колесъ; но произвелъ на нихъ впечатлѣнiе лишняго сору: скрипу и стуку прибавилось.

Дѣма (какъ не отвыкъ еще Вася называть своего житья съ отцемъ, теткой и сестрой) онъ началъ готовиться ко второму классу гимназiи, чтобы поступить туда въ июль этого года. Ежедневно ходилъ къ нему учитель уѣзднаго училища, и Вася зналъ уже четыре правила ариметики какъ простыхъ чиселъ, такъ и дробей, зналъ половину краткаго катехизиса, священную исторiю до исхода Израильтянъ изъ Египта, и прошелъ больше половины «Краткой Россiйской Грамматики» Меморскаго въ вопросахъ и отвѣтахъ. Все это зналъ онъ, впрочемъ, еще недовольно твердо: не вдругъ

умѣлъ привести двѣ дроби къ одному знаменателю, смѣшивалъ Исаака съ Иаковомъ, и не всегда умѣлъ отличить причастіе отъ имени прилагательнаго. Вообще, надо признаться, способности были у Васи не блестящія, да и прилежаніемъ не одарилъ его Богъ. Часто учитель, объясняя ему съ полчаса какое-нибудь грамматическое правило, просилъ его потомъ повторить это правило — и поневолѣ только пожималъ плечами, да ворчалъ себѣ подъ носъ: «Экая тупица!»

Въ одномъ оказывалъ Вася замѣтные успѣхи — въ чиstopисаніи; и теперь-же годился бы въ писцы въ любомъ присутственномъ мѣстѣ.

Не чувствовалъ онъ также ни малѣйшей склонности и къ чтенію. Анна Васильевна, когда выдавалось ей свободное время отъ домашнихъ хлопотъ, заставляла Васю читать себѣ вслухъ, чтобы хоть сколько-нибудь заохотить мальчика; но это ему не нравилось: онъ начиналъ читать вяло, нехотѣ, и по самому тону его голоса было замѣтно, что злился.

Вмѣстѣ съ тупостью и вялостью, въ Васѣ былъ изрядный-таки запасъ злости. Рѣдко-рѣдко слезы его (а онъ былъ на нихъ не очень скупъ) обличали какое-нибудь шное чувство. Съ сестрой онъ обходился дружелюбно только въ присутствіи тетки, или Катерины, которая, какъ ни любила своего питомца, не была однакожь слѣпа; когда-же Пашенькѣ случалось быть одной съ братомъ, онъ безпрестанно заставлялъ ее плакать: поддразнивалъ ее, отнималъ и сѣдалъ, если были у нея какія-нибудь сласти, ломалъ или коверкалъ ея куклы и игрушки. Пашенька плакала потихоньку и никогда не жаловалась, чтобы не вводить Васю въ отвѣтственность. Если Аннѣ Васильевнѣ случалось самой подмѣтить дурное обхожденіе племянника съ сестрой, она наказывала Васю обыкновенно такъ: сдѣлаетъ ему выговоръ, и потомъ засадитъ его около себя съ книгой. Правда, иногда пугала его Анна Васильевна на словахъ и розгами; но все ограничивалось обѣщаніемъ, и на мальчикѣ никогда не бывало лозы.

Въ домѣ Войлоковыхъ Вася избавился отъ уроковъ учителя, называвшаго его тупицей. Платонъ Николаевичъ рассудилъ за благо отдать Васю въ первый классъ гимназіи, а для этого не нужно было ему никакого приготовленія.

Нельзя было, однакожь, оставить ребенка въ праздности. Платонъ Николаевичъ зналъ знаменитое изреченіе, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Уходя въ должность, онъ задавалъ Васѣ написать къ его возвращенію три страницы съ прописей, и разрѣшить изъ печатнаго собранія арифметическихъ задачъ одну или двѣ.

Кончивъ это, мальчикъ обязанъ былъ приходить въ комнату Агаѣи Максимовны съ книгой, сидѣть тамъ и читать про себя, чтобы тетушка видѣла, что онъ не баклуши бьетъ.

Но Вася никогда не исполнялъ послѣдняго. Забравшись на антресоли, онъ едва успѣвалъ кончить къ обѣду заданный урокъ. Ему представлялось тамъ немалое развлеченіе. У одного изъ оконъ открылъ онъ гнѣздо большаго, но топцаго паука, который выползалъ изъ трещины въ оконницѣ, какъ-только въ морозныхъ стеклахъ начинало играть солнце. Вася принялъ на себя продовольствовать его пищую. Въ комнатѣ тетки, гдѣ было тепло, какъ въ банѣ, и всегда пахло съѣстнымъ, всю зиму не переводились мухи.

Улучивши время, когда Агаѣя Максимовна ворчитъ и бранится въ кухнѣ, Вася спускался съ верху, изловлялъ мухи двѣ-три и съ торжествомъ бѣжалъ на антресоли. Нельзя описать удовольствія, которымъ горѣли его угрюмые глаза, когда, опустивъ пойманную муху въ самую средину паутины, онъ наблюдалъ за ея усиліями выбраться на волю. Сначала муха съ испугу начинала шумно биться крыльями, и кружевная сѣтъ вся колебалась. Кровожадная голова паука уже выглядывала изъ щели; но двѣ переднія ноги его еще нерѣшительно переступали на одномъ мѣстѣ. Глаза Васи бѣгали отъ мухи къ пауку, отъ паука къ мухѣ. Наконецъ, утомившись хлестать по крѣпкимъ нитямъ безсильными крыльями, муха начинала отцѣплять отъ нихъ ноги; но едва отцѣпляла ножку отъ одной нитки, запутывалась въ другой, въ третьей. Отчаянье брало ее, и она снова начинала биться. Паукъ выползалъ на окраину трещины, но все еще не двигался къ жертвѣ, и очень сердилъ Васю своею медленностью. Утомясь опять, крылья мухи опускались неподвижно, и она чуть-чуть перебирала ножками. Сердце Васи не билось такъ тревожно и при вѣсти о смерти отца, какъ въ ту минуту, когда паукъ

нускался быстрыми шагами къ несчастной мухѣ, и она, чуя бѣду, начинала вся дрожать и колотиться. Притаивъ дыханіе, любовался Вася, какъ паукъ протягивалъ лапку къ своей нѣбнницѣ, какъ поспѣшно зацѣплялъ ей за ножку или за голову крѣпкую нитку, какъ отступалъ шага на два, чтобы тотчасъ-же кинуться къ ней снова со своимъ арканомъ, какъ все тѣснѣе и тѣснѣе опутывалась бѣдная муха, все глуше и глуше шумѣли ея трепетныя крылья, и наконецъ совсѣмъ зампрали. Васѣ было досадно видѣть, что муха уже недвижима въ тѣсной сѣти, и что ея мученія кончились.

Какъ-то, недѣли черезъ двѣ послѣ водворенія своего у Войлоковыхъ, онъ занялся такъ усердно наблюденіями надъ паукомъ, что не успѣлъ до обѣда сдѣлать ни одной ариметической задачи, и написалъ всего одну страницу.

Платонъ Николаевичъ, тотчасъ по возвращеніи изъ палаты, потребовалъ, какъ и всегда, чтобы Вася показалъ ему свой урокъ, и былъ очень удивленъ неакуратностью мальчика.

— Только-то? спросилъ онъ. — Что-же ты дѣлалъ цѣлое утро? Одну страницу написать недолго. И задачъ не сдѣлалъ! Это чтó значить?

— У меня голова болѣла, отвѣчалъ Вася.

— Ну, такъ можешь послѣ обѣда заняться. Теперь вѣдь не болить?

— Нѣтъ, болитъ-съ.

— Коль болитъ, такъ ужь Богъ съ тобой — оставь до завтра.

Вася не ожидалъ такого рѣшенія, и цѣлое послѣ-обѣда провозился съ паукомъ. Ему надоѣло однообразіе въ жизни этого кровожаднаго пріятеля, и онъ задумалъ понемногу раззорять паутину, чтобъ заставить его переселиться въ другое мѣсто.

Съ этого дня въ Васѣ явилось рѣшеніе лѣниться сколько-можно больше. На слѣдующее утро онъ сдѣлалъ все заданное; но потомъ сталъ отъ времени-до-времени не дописывать урока, или не додѣлывать задачъ, и всякой разъ ссылался на головную боль.

— Чтó-то ужь больно часто у тебя голова-то нынче

болить! замѣчалъ Платонъ Николаевичъ. — Ты, мой милый, лѣниться изволишь.

Вася на этотъ упрекъ ничего не отвѣчалъ.

— Маменька, сказалъ однажды Платонъ Николаевичъ Агаеѣ Максимовнѣ: — Вася-то вѣдь ужасный лѣнтяй: ничего по утрамъ не дѣлаетъ. Заглянули бы вы какъ-нибудь потихоньку наверхъ... Что онъ тамъ?

Агаея Максимовна, какъ небесной маниѣ, обрадовалась случаю изловить племянника на какой-нибудь шалости и дать ему нагоняй.

— Вотъ, отвѣчала она сыну: — вотъ, говорила тебѣ — только на свою шею беремъ обузу. Его развѣ на своркѣ держать — такъ еще можетъ выйдти какой-нибудь прокъ. А то и не жди ничего путнаго! Да еще съ твоимъ баловствомъ!

— Когда я баловалъ-то?

— Давно-бы высѣчь мальчишку надо; а ты его по головкѣ гладить. Только онъ розогъ и стоитъ, грубиянъ.

— Гдѣ-жь онъ грубилъ, маменька? Ужь въ этомъ, кажется, нельзя его обвинить.

— Да на каждомъ шагу грубить. Спросить ни о чемъ нельзя. Надуетъ губы-то, брови нахмурить, глаза этакіе злющіе — «да» да «нѣтъ», только и отвѣта. Это не грубость, по-твоему?

— Такой ужъ у него характеръ дикій. А характера не передѣлаешь. Это извѣстное дѣло.

— Не передѣлаешь, разумѣется, коли будешь любоваться да хвалить: ахъ, какой характеръ прелестный! Все это вздоръ говоришь. Да дай ты мнѣ какого хочешь негодяя, такъ я выучу.

— Чего-жь много-то разсуждать, маменька? Взяли-бы Васю на полное свое попеченіе...

— Какъ-же! перебила Агаея Максимовна: — хорошо будетъ мое попеченіе, какъ ты на каждомъ шагу перечить начнешь, да съ нѣжностями своими соваться.

— Ужь и нѣжности! какія-же нѣжности у меня?

— А это не нѣжность: третьяго дня лѣнь мальчишкѣ ко

всенощной, прикинулся — голова болитъ... Не бойсь, не ты-же заступился? Оставь да оставь его дома повѣсничать!

— Это разъ такъ случилось, маменька. Вѣдь могла-же у него болѣть голова.

— Знаю я его головную боль. Болитъ, болитъ голова, а какъ сядетъ за столъ да начнетъ все уписывать — только за ушами пишеть.

— Ну, предоставляю вамъ его! Дѣлайтесь, какъ знаете! Мнѣ, по правдѣ сказать, и некогда много-то возиться съ нимъ. Одного казеннаго дѣла по уши.

Агаѣя Максимовна тотчасъ-же послѣ этого разговора рѣшилась начать дѣйствовать на характеръ Васи.

«Надо подсмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаеть по утрамъ на антресоляхъ, отчего урока никогда не кончаетъ,» думала Агаѣя Максимовна: «ужь вѣрно, вздравъ ноги, на кровати валяется! Постой-же! Я тебя изловлю.» И она отпра-вилась на вылазку.

Сдерживая дыханье, стала она потихоньку подниматься на лѣстницу. Мягкія подошвы ея туфель не издавали не ма-лѣйшаго звука, какъ ни была тяжела на ногу Агаѣя Мак-симовна. Осторожно ступала она со ступеньки на ступеньку. Вдругъ на самой серединѣ лѣстницы одна доска громко виз-нула у нея подъ ногой. Агаѣя Максимовна такъ и замерла на мѣстѣ, думая, что скрипъ обличилъ ее. Стала прислуши-ваться; но въ комнатѣ Васи не слышалось ни малѣйшаго шороха. Старуха сняла ногу съ предательской ступеньки, и пошла выше. Остальныя ступеньки не скрипѣли; она благо-получно достигла двери, и остановилась на порогѣ.

Какъ предполагала Агаѣя Максимовна, такъ и вышло.

Вася, вмѣсто того, чтобы сидѣть у стола да заниматься урокомъ, изволилъ тѣшиться. И чѣмъ-же тѣшиться? Онъ придвинулъ столъ въ самый уголъ, на столъ поставилъ стулъ, а на стулъ взгромоздился самъ и разсматривалъ что-то подъ самымъ потолкомъ. Въ рукахъ у него была линейка.

— Это что изволишь дѣлать? окликнула его Агаѣя Мак-симовна.

Вася нѣсколько смутился, и, не глядя на тетку, спустилъ ноги со стула.

— Тебя спрашиваютъ, что ты дѣлаешь? грозно повторила тетка. — Слѣзь сейчасъ-же!

Вася слѣзь.

— Нѣмой ты, что-ли? зачѣмъ это стулъ-то на столъ угодилъ? Чего ты на потолокъ-то не видалъ? — Съ тобой говорятъ, или нѣтъ?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ и глядѣлъ на линейку, которой не выпускалъ изъ рукъ.

— Я тебя спрашиваю: съ кѣмъ я говорю? съ тобой я говорю, или нѣтъ?

Агаѣя Максимовна совсѣмъ вышла изъ себя и такъ близко подступила къ Васѣ, что онъ невольно вскинулъ на нее глаза. Лицо ея было красно, словно она цѣлый часъ стояла передъ жерломъ печки; губы дрожали; злобно выглядывалъ изъ за нихъ желтый зубъ.

Вася оробѣлъ.

— Я ничего... началъ было онъ: — я... паукъ тамъ...

— Что-о? перебила его Агаѣя Максимовна. — Этимъ-то ты здѣсь занимаешься? Паука какого-то ловишь? хорошъ! хорошъ! Я тебѣ дамъ паука...

Совершенно неожиданно для Васи рука Агаѣи Максимовны очутилась въ его волосахъ, и трижды низко пригнула ему голову.

— Вотъ тебѣ паукъ! вотъ тебѣ паукъ! вотъ тебѣ паукъ!

Не выдержалъ Вася. Никогда еще никто не поступалъ съ нимъ такъ круто. Щеки у него вспыхнули, глаза загорѣлись. Стиснувъ зубы, рванулъ онъ назадъ отъ тетки; но пальцы ея цѣпко держались за его вихорь, и онъ не выскочилъ. Тутъ въ головѣ Васи мелькнулъ совѣтъ Евграфа не поддаваться и не робѣть, и онъ со всего размаха хватилъ кулакомъ по рукѣ тетки. Подобной выходки Агаѣи Максимовна никакъ не предвидѣла. Она невольно выпустила волосы Васи; ярость ея была неописанна. Никакая грубость Евграфа не могла сравниться съ этою дерзостью.

— Ахъ ты дрянъ! дрянъ! закричала онъ дрожащимъ голосомъ. — Да я тебя на мѣстѣ разражу, подлаго мальчишку.

И Агаея Максимовна кинулась было снова къ Васѣ; но Вася былъ озлобленъ не менѣе ея, и принялъ ужь оборонительное положеніе. Онъ такъ быстро и ловко махалъ передъ собой линейкой, что Агаея Максимовна должна была остановиться, боясь, чтобы племянникъ не выбилъ у нея послѣдняго зуба.

— Ахъ ты пащёнокъ! ахъ ты подлець! только я возглашала она.

Вася не говорилъ ни слова, и продолжалъ держаться оборонительно.

— Постой-же! постой! продолжала Агаея Максимовна: — это тебѣ не пройдетъ даромъ... не пройдетъ... Погоди!.. Вотъ придетъ Платоша... Онъ съ тобой раздѣляется... Будешь ты знать!.. Дрянъ ты этакая!

Голосу не хватило у Агаеи Максимовны; она едва стояла на ногахъ отъ бѣшенства; виски бились у нея, какъ отъ угару.

— Постой-же!.. постой!.. промолвила она уже слабо, почти про себя, и удалилась изъ комнаты.

Тутъ пришло ей въ голову запереть дерзкаго мальчишку на ключъ до прихода Платона Николаевича, и она тотчасъ же исполнила это.

XI.

Кажется, никогда еще время не тянулось для Агаеи Максимовны такъ вяло, какъ въ это утро, начиная съ роковой стычки съ племянникомъ. Она успѣла трижды подкрѣпиться настойкой, прежде чѣмъ возвратился Платонъ Николаевичъ изъ палаты, безпрестанно выходила въ залу посмотреть на стѣнные часы, и говорила про-себя: «Что это у нихъ тамъ нынче? До-сихъ-поръ Платоша не ѣдетъ».

Наконецъ-то пріѣхалъ Платоша.

— Нѣтъ, это ужь изъ рукъ вонъ! Какъ ты хочешь — чтобы въ домѣ духу не было этого мерзавца.

Такими словами встрѣтила сына Агаея Максимовна.

— Что такое случилось? спросилъ довольно-спокойно

Платонъ Николаевичъ, предполагая, что маменькѣ нагрубилъ Евграфъ.

— Я этого не вынесу. Отъ такого сопляка, отъ такой дрянн стану я терпѣть обиды. Ужь какъ ты хочешь, изъ дому его вонь! Боже ты мой, Господи! пятый десятокъ доживаю, никогда того не видала, что нынче. И отъ кого-же? отъ кого? Отъ дрянн, отъ сопляка, который самъ-то копѣйки не стоитъ.

— Да кто васъ обидѣлъ, маменька?.. Еграшка, что-ли?

— Племянничекъ любезный. Ну, сокровище, сокровище послалъ Богъ! Вотъ вздумали благодѣяніе оказать. На первыхъ-же порахъ отблагодарилъ.... показалъ себя.

— Что-жь онъ, маменька? Въ чемъ провинился? Что такое сдѣлалъ?

— А то, что меня прибилъ.

— Васъ прибилъ?! Быть не можетъ.

Эти слова еще больше взорвали Агаею Максимовну.

— Нѣтъ, выдумала я! крикнула она, разводя руками:— выдумала такую радость! Поди, его лучше распроси! меня что слушать? Разумѣется, я вру все. Какъ это можетъ быть? Не можетъ этого быть.

— Ахъ, маменька! перебилъ съ досадой Платонъ Николаевичъ: — развѣ я въ такомъ смыслѣ сказалъ: «быть не можетъ»? Вѣдь это такой пассажъ, что ошеломить всякого. Вася смѣлъ васъ прибить!

— Да, прибилъ... И, признаюсь, ничего въ этомъ удивительнаго не вижу. Всегда говорила, что твое баловство Богъ знаетъ до чего доведетъ. Вотъ, и любуйся на него теперь. Во всей красѣ себя показалъ. Ахъ ты проклятый! злощій-то вѣдь какой! Такъ весь и дрожитъ, такъ и дрожить. Волосы на головѣ торчмя; глаза какіе-то разбойничьи; зубы оскалилъ... Машетъ линейкой, какъ бѣшеный. . Да кажется, только я къ нему шагъ сдѣлай, онъ-бы мнѣ голову раскроилъ. Слышишь, Платоша? Куда хочешь его дѣнь, а чтобъ не было его въ домѣ!

— Хорошо, хорошо, маменька. Успокойтесь, пожалуйста! Ужь я съ нимъ раздѣлаюсь. Расскажите, какъ все это было, изъ-за чего вышло!

Прерывающимся голосомъ начала разсказывать Агаѣя Максимовна. Разсказъ изобиловалъ энергическими возгласами, длинными отступленіями, упреками Платону Николаевичу, сѣтованіями на людскую неблагодарность. Агаѣя Максимовна съумѣла какъ-то приплести тутъ-же разную подноготную старину: досталось и Аннѣ Васильевнѣ на орѣхи, и покойнику Петру Васильевичу.

И все-таки Платонъ Николаевичъ не узналъ послѣдовательнаго хода событія, нарушившаго миръ его дома. Разсказъ маменьки скорѣе запуталъ, чѣмъ объяснилъ дѣло. Впрочемъ, Платонъ Николаевичъ понялъ главное — что Вася осмѣлился ударить тетку кулакомъ по рукѣ. Этого было вполне достаточно, чтобъ Платонъ Николаевичъ принялъ сторону своей маменьки.

— Подобнаго поступка нельзя такъ оставить! промолвилъ онъ, когда Агаѣя Максимовна наконецъ умолкла въ изнеможеніи. — Я думаю, во-первыхъ, оставить его безъ обѣда сегодня, и запереть тамъ. Да чтобы онъ не продолжалъ шалить, взять оттуда и столъ и стулья; оставить только кровать. Авось присмирѣетъ, какъ посидитъ на хлѣбѣ да на водѣ. Потомъ посмотримъ.

— Просто, высѣчь его.

Съ этимъ мнѣніемъ Платонъ Николаевичъ былъ несогласенъ; но, чтобы не раздражать маменьки, сказалъ:

— И высѣчемъ. А покажѣсть надо его немножко голодомъ поморить. Это хорошее лекарство!

Послали Евграфа снести съ верху лишнюю мебель.

Вася сидѣлъ у окна и рѣзалъ подоконникъ перочиннымъ ножомъ.

— Видно и вамъ, сударь, не въ терпежь пришло, замѣтилъ Евграфъ, слышавшій разсказъ Агаѣи Максимовны. — Такъ ее и надо, старую вѣдьму!

— Чертовка! проворчалъ Вася.

— Нате-ка вамъ калачикъ; спрячьте его! Вѣдь они обѣдать-то нынче вамъ не дадутъ.

— Благодарю. А зачѣмъ ты стулья берешь?

— Кто ихъ знаетъ! велѣли. Спрячьте калачъ - то, спрячьте!

Вася сунулъ его подъ подушку.

Когда Евграфъ унесъ стулья, къ провинившемуся явился Платонъ Николаевичъ.

— Такъ-то ты изволишь себя вести! сказалъ онъ, принимая строгій видъ: — Это твоя благодарность за заботы объ тебѣ? Какъ только смѣлъ ты поднять руку на старшихъ? И еще на кого! Да тебя послѣ этого, какъ собачонку какую наршивую, на морозъ надо выгнать. Дратся вздумалъ! а?

— А зачѣмъ она сама дерется? проворчалъ Вася.

Платонъ Николаевичъ сердито топнулъ на него ногой.

— Молчать, поросенокъ! Еще разсуждать смѣешь! Вотъ будешь ты у меня разсуждать, какъ я запрю тебя здѣсь, да не велю ѣсть давать.

И Платонъ Николаевичъ вышелъ, заперъ за собою дверь, вынулъ ключъ изъ замка, и отнесъ его къ маменькѣ.

Вася чувствовалъ злость, но умѣренно. Ему не представлялось особенно несноснымъ его заточеніе. Правда, звонъ ложекъ и тарелокъ напоминалъ ему грустное лишеніе; но чтобы забыть объ немъ, Вася принялся за принесенную ему Евграфомъ булку, уничтожилъ ее, и точно забылъ на время объ обѣдѣ.

Внизу воцарилась обычная послѣобѣденная тишина, и мальчика склонилъ сонъ. Долго проспалъ онъ. Когда онъ открылъ глаза, въ комнатѣ было темно. Голодь его разбиралъ.

«Скоро всѣ встанутъ,» думалъ Вася: «станутъ чай пить; дадутъ-ли мнѣ чаю?»

Но движеніе внизу уже началось. Васѣ казалось, что Агаѣя Максимовна и Платонъ Николаевичъ сидятъ уже за чайнымъ столомъ; а его и не думаютъ выпустить. Послушавъ у двери, Вася отошелъ и хотѣлъ-было снова улечься на постель; но спать ему уже не хотѣлось, а такъ валяться, когда внизу ѣдятъ, у него не было силъ.

Онъ подошелъ къ темному окошку и сталъ глядѣть во дворъ. У конюшни стоялъ кучеръ съ фонаремъ въ рукахъ; каретный сарай рядомъ былъ отворенъ. «Такъ и есть,» подумалъ Вася: «я остался безъ чаю. Вонъ, Степанъ лошадь хочетъ запрягать. Платонъ Николаичъ собирается въ гости ѣхать.»

Опять отошелъ Вася къ двери, и сталъ прислушиваться. Въ комнатѣ Агаеи Максимовны шелъ очень оживленный разговоръ, и Вася предположилъ, что говорить о немъ.

Онъ не ошибся. Вотъ, что говорили Агаея Максимовна и Платонъ Николаевичъ:

— Мнѣ кажется, маменька, надо пойдти выпустить его, заставить просить у васъ прощенья. На первый разъ довольно съ него — проголодалъ вѣдь цѣлый день.

— Ни за что! ни за что! Ужь если ты его высѣчь не хочешь, такъ пускай посидитъ по-крайней-мѣрѣ подольше. Ужь предоставь ты его мнѣ! Я съумѣю распорядиться.

— Какъ знаете, маменька; а право, за первую вину можно и безъ розогъ обойтись.

— Ну можно, такъ можно. Вѣдь я и не спорю съ тобой. Ужь только, пожалуйста, не вмѣшивайся теперь въ мои распоряженія! Оставь ты мнѣ дѣлаться съ нимъ.

Вася, долго прислушиваясь у дверей, наконецъ вполнѣ убѣдился, что чаю ему не дадутъ. Платонъ Николаевичъ — это онъ явственно-слышалъ — собирается въ гости. Не менѣе явственно было слышно посреди общей тишины, какъ заскрипѣли сани, выѣзжая изъ каретнаго сарая.

«Что это,» думалъ Вася: «хоть-бы свѣчку сюда принесли. Сиди, вотъ, въ потемкахъ. А я въ потемкахъ боюсь.»

Но это была тщетная надежда, или, лучше сказать, тщетное желаніе: Вася не надѣялся и не могъ надѣяться, что Евграфъ освѣтитъ его грустную горенку. У Агаеи Максимовны было извѣстное правило: чтобы свѣчей выходило, какъ можно меньше. Шуму въ домѣ изъ-за сальныхъ огарковъ было всегда пропасть.

По уходѣ Платона Николаевича изъ дому, Агаея Максимовна на нѣсколько минутъ забыла объ обидѣ, нанесенной ей Васей. Ее отвлекла досада на Платона Николаевича, что онъ дня не посидитъ дома — только и знаетъ, что по-гостямъ рыщеть. — Неизвѣстно, почему именно желала Агаея Максимовна, чтобы сынъ сидѣлъ дома. Какъ извѣстно, бесѣды его съ маменькой не могли никакъ доставлять ему удовольствія. Еще менѣе могли онѣ доставлять удовольствія самой Агаеѣ Максимовнѣ, потому-что вѣчно кончались раз-

молвкой. Впрочемъ, виновать! я говорю вовсе не то. Всякая брань, всякая сѣора, были самою желанной пищей кипучему сердцу старухи Войлоковой. Глядя на нее въ минуты раздраженія, поневолѣ думалось, что будь она мужчиной, навѣрно она была бы одарена огромными воинскими способностями, и пожалуй къ тому возрасту, котораго достигла теперь, была бы заслуженнымъ генераломъ съ орденами, звѣздами, шагами за храбрость, и прочимъ.

Когда стала утихать въ Агаевѣ Максимовнѣ досада на сына, она стала искать себѣ повода къ крику и брани. Подобныхъ поводовъ Агаевя Максимовна никогда долго не искала. Стоило ей выйдти въ дѣвичью, и застать тамъ Василису съ дѣломъ или безъ дѣла, все равно. Она начинала обыкновенно ворчать такимъ образомъ:

— Что растрепалась-то вся?

Василиса, надо сказать правду, отличалась такимъ неряшествомъ, что Боже упаси; но никогда разумѣется не считала справедливыми упреки себѣ въ неопрятности, получаемые отъ ворчуньи барыни.

Въ смѣлости и бойкости отвѣтовъ своихъ Василиса ни на волосъ не уступала Евграфу, и потому всегда отвѣчала Агаевѣ Максимовнѣ:

— Что растрепалась! И не думала.

— Ахъ, грубиянка! ахъ, тварь! прикрѣживала Агаевя Максимовна.

И начиналась потѣха. На этотъ разъ заходить въ дѣвичью не было надобности, и Агаевя Максимовна рѣшилась навѣдаться на антресоли къ заключенному племяннику — посмотреть, измѣнилъ-ли онъ, въ слѣдствіе наказанія, свое вольнодумное направленіе, ощутилъ-ли наконецъ должное уваженіе къ старшимъ. По правдѣ, Агаевя Максимовна желала противнаго, чтобы имѣть возможность показать мерзкому мальчишкѣ, что она значить и каково раздражать и сердить ее.

Въ корридорѣ было такъ темно, что старуха взяла туда съ собою свѣчку. За неимѣніемъ тутъ ни стола, ни стула, она поставила ее на полъ, и стала подниматься на лѣстницу, тяжело ступая и сопя. Вася, скучавшій наверху въ одино-

чествѣ, потемкахъ и совершенномъ безмолвіи, услыхалъ ея шагн.

Онъ, впрочемъ, почему-то никакъ не ожидалъ, что это тетка, а думалъ, что къ нему пробирается Евграфъ. Какъ только вложила Агаеья Максимовна ключъ въ замокъ, Вася поспѣшными шагами подошелъ къ двери, и спросилъ:

— Это ты, Евграфъ?

Разумѣется, Агаеья Максимовна молчала.

«Плохо дѣло!» подумалъ мальчикъ.

Дверь отворилась, и Вася увидѣлъ въ полумракѣ ненавистную ему фигуру благодѣтельной родственницы.

— Ну? проговорила она.

Вася молчалъ. Да и что сталъ бы онъ отвѣчать на такое неопредѣленное междометіе? Онъ стоялъ передъ теткой, руки по швамъ, и молчалъ.

— Тебя спрашиваютъ, продолжала Агаеья Максимовна: — или ты нынче оглохъ? или нѣмой сталъ? Ужь не миѣли прикажешь у тебя прощенья просить? а?

Тутъ Вася понялъ, что тетенька желаетъ, чтобы онъ немедленно палъ передъ нею на колѣни, и попросилъ у нея великодушнаго прощенія въ своемъ давишномъ возмутительномъ поступкѣ.

— Слышалъ ты, или нѣтъ? повторила Агаеья Максимовна, стоя въ дверяхъ такъ, чтобы Вася не ускользнулъ какъ-нибудь, со свойственной дѣтямъ быстротой и юркостью, изъ своего заточенія.

Вася продолжалъ упорно хранить молчаніе. Онъ опять злился.

— Такъ ты и покориться, мерзёнокъ, не хочешь? Пустой-же! Пустой! проговорила дрожащимъ голосомъ Агаеья Максимовна, и снова захлопнула дверь передъ самымъ носомъ племянника.

Племянникъ кинулся-было къ двери и навалился на нее всѣмъ туловищемъ, чтобы не дать запереть себя; но было уже поздно. Ключъ очень легко ходилъ въ замочной скважинѣ, и Агаеья Максимовна съ быстротою молніи успѣла повернуть его и щелкнуть имъ.

«Кончено!» подумалъ Вася.

Но, вмѣсто того, чтобы покориться и попросить прощенья у тетки, онъ сталъ нахально торкаться въ дверь, словно хотѣлъ выломать ее.

Агаеья Максимовна, бывшая уже на половинѣ лѣстницы, не вытерпѣла такой новой дерзости, такого новаго посягательства на ея власть, такого неуваженія къ ней.

Она вся задрожала отъ гнѣва.

— Постой! погоди! повторяла она, идя въ свою комнату: — задамъ я тебѣ баню, задамъ. Ахъ, ты падалъ этакая! Смѣлъ еще стукъ поднять!

Вася, потолкавшись въ дверь, увидалъ, что биться безплодно, услыхалъ, что тетушка изволила уже сойти внизъ, и въ отчаяннѣе удался къ себѣ на кровать, гдѣ и легъ, уткнувшись лицомъ въ подушку.

XII.

Онъ горько заплакалъ съ досады и скоро уснулъ. Не долго, однако-жь, спалъ онъ: пустой желудокъ и во снѣ напоминалъ ему о себѣ, и Вася проснулся какъ-разъ въ то время, какъ вернувшійся изъ гостей Платонъ Николаевичъ садился съ маменькою за ужинъ.

— Ну, что, маменька? спрашивалъ онъ.

Маменька не отвѣчала.

— Маменька! повторилъ сынъ.

— Ну?

— Что Вася?

— А я почему знаю.

— Развѣ не были?

Опять Агаеья Максимовна не нашла нужнымъ отвѣтить.

— Вы, кажется, и говорить нынче не хотите со мной? спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Отстань! отвѣчала маменька.

— Вотъ какъ!

Платонъ Николаевичъ пожалъ плечами въ совершенномъ недоумѣннѣи, покосился на Агаеью Максимовну, причемъ усмотрѣлъ весь наружѣ ея желтый зубъ, и принялся за ѣду.

Вдругъ и сыночекъ и маменька услышали громкій стукъ въ корридоръ и топанье.

— Это что такое? спросилъ изумленный Платонъ Николаевичъ.

Агаѣя Максимовна приосанилась.

— Поди, вотъ, полюбуйся своимъ сокровищемъ! проговорила она.

— Неужто это Вася стучится?

— А кто-жь, по-твоему?

— Не можетъ быть.

Агаѣя Максимовна вспыхнула.

— Какъ это можетъ быть? разумѣется, этого быть никакъ не можетъ. Онъ, пащенокъ, при тебѣ мать по лицу съѣздить, такъ ты и тогда будешь говорить: быть не можетъ. Извѣстно, тебѣ Васютка дороже матери. А мать что? На мать плюнуть, да прочь отойти — больше она ничего не стоитъ.

— Ахъ, какъ это невыносимо! Боже мой! какая каторга слушать каждый день ваши глупые упрёки!

— Разумѣется, Васютка твоя для тебя....

— Замолчите вы съ Васюткой! Не выводите меня изъ терпѣнія! крикнулъ Платонъ Николаевичъ, и такъ стукнулъ подвернувшимся ему подъ-руку ножомъ по тарелкѣ, что изъ нея вылетѣлъ клинъ.

— Ай! закричала старуха, и поднялась со стула. — Господи! что это за извергъ! повторяла она плачущимъ голосомъ. — Этакого изверга другаго свѣтъ не создавалъ.

А стукъ въ корридоръ не переставалъ — напротивъ, усиливался.

— Евграфъ! крикнулъ Войлоковъ.

Пришелъ Евграфъ.

— Что тамъ такое? гнѣвно крикнулъ Платонъ Николаевичъ.

— Гдѣ? равнодушно спросилъ Евграфъ.

— Въ корридоръ.

— Не знаю.

— Что за стукъ?

— Нѣту никакого тамъ стуку.

— Какъ нѣтъ? ты, видно, заспалъ уши-то?

— Что мнѣ засыпать-то? И спать-то некогда.

— Молчи, болванъ!

Евграфъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ удалиться. Платонъ Николаевичъ остановилъ его.

— Тебя спрашиваютъ, что тамъ за шумъ?

— Да я-жь почему знаю.

— Такъ поди, посмотри.

Ушелъ онъ.

— Садитесь вы, кушайте! обратился Платонъ Николаевичъ къ маменькѣ: — сами-же ссору начали. Ну, если это Вася тамъ изволитъ шумѣть, пойду и накажу его — вотъ и все. Чего тутъ сердаться-то много?

— Отстань!

Только и проговорила маменька.

Евграфъ, однако-жь, все еще не возвращался, и Платонъ Николаевичъ снова вышелъ изъ себя отъ нетерпѣнія.

— Эй, Еграфка! крикнулъ онъ. — Куда ты пропалъ?

Опять лакей явился.

— Тебя, кажется, посылали... началъ Платонъ Николаичъ.

— Меня, мрачно отвѣчалъ Евграфъ.

— Ну?

— Нечего спрашивать-то, вмѣшалась Агаоля Максимова. — Просто, мальчишка тамъ на верху ломится, дуракъ, въ дверь.

— Постой-же! я съ нимъ раздѣлаюсь. Поди, скажи ему, обратился Платонъ Николаевичъ къ Евграфу: — если онъ не перестанетъ стучать, я сейчасъ-же явлюсь къ нему съ розгами, и заставлю его притихнуть. Ну, чего стоишь? Пошелъ.

Евграфъ отправился, видимо недовольный всѣми этими порученіями. Брови его нахмурились, и онъ бормоталъ что-то себѣ подъ-нось.

Въ корридорѣ поднялся онъ на лѣстницу, подошелъ къ двери и тихонько позвалъ Васю:

— Баринъ!

Вася узналъ его голосъ и спросилъ:

— Ты, Евграфъ?

— Я.

— Что тебѣ?

— Платонъ Николаичъ сердится, что вы стучитесь.

— Я ѣсть хочу.

— А вы стучите погромче, да кричите! Они струсаятъ, и отопрутъ, и ѣсть дадутъ.

— А какъ не отопрутъ?

— Отопрутъ.

— Можетъ, хуже мнѣ будетъ.

— Нѣтъ.

— Я боюсь.

— Вотъ еще! Ничего не будетъ. Сейчасъ-же отопрутъ и кушать дадутъ. Съ ними, вѣдь, все такъ надо — нахрапомъ, а то они сами на горло станутъ.

— Право, я боюсь, Евграфъ.

— Ужь вы слушайте меня.

— Ну, ладно.

— А я пойду, скажу, что вы ѣсть хотите, оттого и стучите и кричите. Да вы погромче! И ногами-то топайте!

— Хорошо.

— Да вотъ что. Если они поѣсть и не дадутъ ничего, только-бы отперли! А я приду, суну вамъ казачъ подъ подушку.

— Спасибо.

И стукъ въ корридорѣ усилился, къ нему прибавился громогласный визгъ: Вася кричалъ, что называется, въ песточный голосъ.

Евграфъ посиѣшно сошелъ внизъ и сказалъ Платону Николаевичу:

— Говорилъ.

— Ну, и что-же?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Не унимаются.

— Что-жь говорить?

— Говорять, кушать хотять.

— Вотъ я ему дамъ кушанье!

Платонъ Николаевичъ уже кончилъ ужинъ и всталъ изъ-за стола.

— Возьми свѣчку!

Евграфъ взялъ.

— Иди за мной!

И они пошли въ корридоръ.

Вопли, возгласы, стукъ и топотъ Васи были такіе отчаянные, что можно было подумать — онъ умираетъ голодной смертью.

Агаея Максимовна стала у косяка своей двери въ корридоръ и только повторяла, выставивъ свой зубъ:

— Ахъ ты дрянъ! ахъ ты дрянъ! ореть-то какъ подлецъ! ореть-то! ахъ ты дрянъ!

Платонъ Николаевичъ поднялся на верхъ.

— Замолчишь ты, или нѣтъ? крикнулъ онъ такимъ громовымъ голосомъ, что покрылъ крики мальчика.

Въ отвѣтъ на этотъ окликъ Вася только вигнулъ и зароралъ вчетверо слынѣе.

— Слышишь? повторилъ Платонъ Николаевичъ: — слышишь ты меня или нѣтъ? уши оборву.

Не тутъ-то было: Вася ужъ вошелъ въ такой азартъ, что ничего не слыжалъ.

— Розогъ сюда!

Вася не унимался.

— Экое горло-то! повторяла, стоя у своихъ дверей, Агаея Максимовна. — Экое горло-то!... Ахъ ты горлопанъ проклятый! хорошенько его, Платоша, хорошенько.

Въ неописанной злобѣ на племянника Агаея Максимовна забыла уже свой недавній гнѣвъ на Платона Николаевича.

Платонъ Николаевичъ вышелъ изъ себя. Руки у него и голосъ дрожали отъ бѣшенства.

— Ключъ! кричалъ онъ: — ключъ гдѣ?

— Не знаю, отвѣчалъ Евграфъ.

— Бѣги къ маменькѣ, носи сюда ключъ!

Евграфъ побѣжалъ.

— Живо!

Агаея Максимовна съ восторгомъ вручила лакею ключъ.

— Въ послѣдній разъ тебѣ говорю, загремѣлъ Платонъ Николаевичъ: — слышишь, мерзавецъ? въ послѣдній разъ! Замолчи, или будетъ плохо!

Кончено! Злобѣ Платона Николаевича не было границъ: Вася и не думалъ умолкать.

Принесли ключъ, и едва отворилась дверь, туда вошелъ Евграфъ.

— Зачѣмъ? грозно крикнулъ ему Платонъ Николаевичъ.

— Постель оправить.

— Не нужно.

Но Евграфъ очень ловко успѣлъ сунуть подъ подушку заключеннаго обѣщанный калачъ.

— Замолчишь? спросилъ Платонъ Николаевичъ облагородѣтствованнаго имъ сироту, останавливаясь передъ нимъ:

— Замолчишь?

Вася продолжалъ вопить на весь домъ, и въ крикахъ его только и было слышно: «Ѣсть хочу, Ѣсть хочу».

Рука Платона Николаевича протянулась къ нему, и онъ визгнулъ еще громче.

— Говори: не буду! слышишь, говори: не буду.

Пальцы Платона Николаевича были уже въ волосахъ Васи.

— Ай! раздалось только изъ устъ мальчика.

— Скажешь ты: не буду?

Мальчикъ кричалъ, но ничего не говорилъ.

— Такъ вотъ-же тебѣ! вотъ!

И Платонъ Николаевичъ пригнулъ его голову къ поясу.

— Полноте, сударь! обратился-было къ нему Евграфъ.

— Вонъ! крикнулъ Платонъ Николаевичъ.

Но въ эту минуту случилось событіе, котораго, вѣроятно, никто не ожидалъ: ни Войлоковъ, ни его маменька, ни Евграфъ, ни даже самъ маленькій Шавровъ.

Вася, въ бѣшенствѣ отчаянія, вывернулъ свою голову изъ рукъ Платона Николаевича, ухватился зубами за его руку, и надкусилъ ему большой палець....

Катастрофа, послѣдовавшая за снмъ, была такого рода, что автору остается только опустить передъ нею завѣсъ.

XIII.

Розга не свой братъ, особенно тому, кто прежде не былъ съ нею знакомъ. Вася укротился, къ топанью и крику

онъ рѣшился больше не прибѣгать, потому-что первый опытъ привелъ вовсе не къ той цѣли, которую пророчилъ Евграфъ. Вообще у него составился на свободѣ и почти безсознательно цѣлый планъ, какъ поступать впредь. На ворчанье тетки не слѣдовало говорить ни полсловечка; что она велитъ — исполнять безпрекословно. Что касается Платона Николаевича — его можно было надувать уроками: онъ никогда не повѣрялъ и не просматривалъ ариметическихъ задачъ, которыя задавалъ Васѣ. И Вася сталъ поступать такимъ образомъ: исписавъ обѣ стороны аспидной доски цифрами, онъ показывалъ сегодня одну сторону Платону Николаевичу, завтра другую, потомъ опять ту, что въ первый разъ, и такъ далѣе, пока цифры не стирались. Такое прилежаніе заслуживало неразъ одобреніе Платона Николаевича. «Ну, вотъ, то-ли дѣло,» говорилъ онъ: «какъ ты стараешься? Никто тебѣ и слова не скажетъ. Слѣдуетъ, мой другъ, быть трудолюбивымъ и прилежнымъ. Помни, что ты сирота». Вася не смигивалъ глазомъ, и жалѣлъ только, что нельзя того-же дѣлать съ прописями: по страничкѣ онъ, впрочемъ, нерѣдко утягивалъ.

Каждое послѣобѣда, если только не было метели или слишкомъ сильнаго мороза, Васѣ позволялось идти гулять во дворъ. Тутъ онъ сходился всегда съ сыномъ хозяйской работницы, и занимался съ нимъ разными свойственными невинному дѣтскому возрасту развлеченіями, какъ-то — пуганьемъ куръ въ курятникѣ, киданьемъ изъ-за воротъ щепочекъ или камешковъ въ прохожихъ по улицѣ, и другими подобными забавами. Иногда барышни Бакалевы, увидавши Васю, зазывали его къ себѣ, потчивали изюмомъ и вишневыми ягодами или пряниками, и играли съ нимъ. Игра заключалась въ томъ, что онѣ сажали его къ себѣ на колѣни, или клали на диванъ и щекотили во всѣхъ мѣстахъ. Вася ржалъ, какъ жеребенокъ, а барышни разгорались въ лицѣ. Бѣдныя видно очень скупали.

Не разъ и не два Вася сопровождалъ Евграфа, когда Платонъ Николаевичъ посылалъ его за чѣмъ-нибудь изъ дому. Куда-бы ни идти, Евграфъ всегда улучалъ время навѣстить своихъ пріятелей на Новыхъ Мѣстахъ. Вася со-

всѣмъ подружился съ Машей, которая всякой разъ пичкала его орѣхами и пряниками. И того и другаго у нея всегда было вдоволь, что немало удивляло Васю. Въ мальчикѣ было на столько наблюдательности, что онъ замѣтилъ въ Евграфѣ особое пристрастіе къ дѣвушкамъ. Большею частью сумрачный и непривѣтливый, Евграфъ оживлялся въ присутствіи Маши, подшучивалъ и пускался въ веселые рассказы. Отъ Васи не ускользнуло и то, что Евграфъ всякой разъ начиналъ заигрывать съ Машей, когда оставался съ нею наединѣ (Вася въ этихъ случаяхъ не считался за свидѣтеля); но дѣвочка ловко отдѣлывалась отъ него и видимо показывала совершенное къ нему пренебреженіе.

Впрочемъ, не одни посторонніе потчивали Васю сластями. Раза два или три въ эту зиму и Агаѣя Максимовна выказывала особенную щедрость: отправлялась послѣ обѣда въ свою душную кладовую, и изъ мѣшечковъ, лежавшихъ на угловой полкѣ, выбирала два-три финника погнилѣе, или вяпную ягоду посуше, и вручала ихъ Васѣ. Цалуя у тетки руку въ благодарность за эту сушь и гниль, Вася замѣчалъ, что это ей пріятно, потому-что тетка всякой разъ послѣ поцалуя или брала его за подбородокъ, или трепала его по щекѣ. Вася принялъ это къ свѣдѣнію, и замѣчая, что тетка не особенно сердита, подходилъ къ ней и съ подленькимъ подобострастіемъ терся щекой объ ея рукавъ, или цаловалъ ей пухлую, въ глубокихъ морщинахъ, руку. Такое подлипательство не пропадало даромъ: тетка перестала гонять его спать безъ ужина, и давала ему за обѣдомъ куски побольше.

За ужиномъ Вася былъ постояннымъ свидѣтелемъ непріятныхъ сценъ, которыя, впрочемъ, почему-то забавляли его. И обѣдъ, и чай проходили очень часто мирно, но ужинъ почти никогда. Дѣло въ томъ, что рѣдкій вечеръ Платонъ Николаевичъ проводилъ дома, хотя къ ужину всегда возвращался. Агаѣя Максимовна терпѣть не могла, чтобы сынъ ѣздилъ по вечерамъ въ гости, если въ городѣ итъ званаго бала. Въ вечернихъ отлучкахъ Платона Николаевича она подозрѣвала что-то неладное, и съ этихъ подозрѣній начиналась всегда ссора за ужиномъ.

— Гдѣ былъ? спрашивала Агаея Максимовна.

— У Евтроповыхъ, маменька, отвѣчалъ сынъ, торопливо уписывая остатки отъ обѣда.

Агаея Максимовна устремляла на него испытующій взглядъ.

— Это мода, что-ли, такая нынче, галстукъ-то чтобы на сторону глядѣлъ? спрашивала она язвительно.

— Ужасно мерзко этотъ галстукъ спать — все съѣзжаетъ на бокъ, замѣчалъ Платонъ Николаевичъ, поправляя свой пружинный ошейникъ: — надо будетъ отдать пряжки перешить.

— Манишекъ этихъ тоже на тебя не напасешься, продолжала Агаея Максимовна: — давно-ли стирка была? ужъ двѣ никакъ только чистыхъ-то осталось. Люди по недѣлѣ носятъ; а ты не успѣешь надѣть — никуда она на тебѣ не годится.

— Да гдѣ-же, маменька?

— Посмотри въ зеркало—ни на что не похоже. И что ты съ ними дѣлаешь? Изомнеть, изотреть всякій разъ, точно пыль манишкой стираешь.

— Ну, экая важность! Если и запачкалась, не бѣда.

Агаея Максимовна сердито смолкала, показывая кончикъ своего желтаго зуба.

— А Евтроповъ, маменька, рассказывалъ, холера опять въ Петербургѣ, пишутъ ему, начиналъ какимъ-то оправдательнымъ тономъ Платонъ Николаевичъ, томясь натянутымъ молчаніемъ.

— Гдѣ ты видѣлъ Евтропова-то? спрашивала Агаея Максимовна.

У Платона Николаевича горячо вспыхивало и безъ того красное лицо.

— Вѣдъ я-же у нихъ былъ, отвѣчалъ онъ какъ-то несовсѣмъ увѣренно.

— Знаю я, гдѣ ты былъ! съ сердитой усмѣшкой возражала Агаея Максимовна.

— Гдѣ-жь, по вашему? гдѣ-жь? вскрикивалъ Платонъ Николаевичъ, выходя изъ себя.

— Ты лучше знаешь.

— Ахъ, Боже мой! какъ это несносно! Ну, гдѣ-жь? гдѣ-жь? говорите!

— И говорить-то съ тобой, извергомъ, не хочу.

— Нѣтъ, вы извольте сказать, кричалъ Платонъ Николаевичъ, ударяя кулакомъ по столу, такъ, что весь столъ дрожалъ. — Я не отстану. Гдѣ-же я былъ, коль не у Евтроповыхъ? гдѣ?

— Господи! начинала вопить Агаея Максимовна: — за что ты мнѣ этакой крестъ посылаешь?

— Говорите-же! не отставалъ Платонъ Николаевичъ, у котораго глаза наливались кровью: — или все со стола къ ччерту полетить.

Агаея Максимовна отодвигала свой стулъ отъ стола и вставала вся дрожа отъ злости.

— Ахъ ты... ахъ ты... извергъ... варваръ! восклицала она прерывающимся голосомъ.

Стулъ отлеталъ у Платона Николаевича назадъ, онъ кидаясь къ маменькѣ и, схвативъ ее за плечи, кричалъ:

— Гдѣ я былъ? говори! Шпі — онка!

— Господи! убьетъ! убьетъ! вопила Агаея Максимовна.

— Ты меня убьешь, ты... возражалъ Платонъ Николаевичъ: — только и знаетъ грызть каждую минуту. Взять, за окошко выкинуть — на морозъ.

Агаея Максимовна начинала всхлипывать и называть сына самыми неблагозвучными именами; Платонъ Николаевичъ уходилъ тяжелыми шагами, хлопнувъ дверь.

Иногда дѣло кончалось воплями Агаеи Максимовны:

— Отпусти ты меня! отпусти! Поѣду къ Аннѣ Васильевнѣ, въ монастырь, чѣмъ съ тобой, извергомъ, мучиться.

— Никто не держить! отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — Не буду плакать, не бойтесь.

— Дня не останусь съ тобой, дня, извергъ! возгласила Агаея Максимовна.

— А тамъ и часу не продержутъ — выгонять по шеямъ, возражалъ Платонъ Николаевичъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Платонъ Николаевичъ вовсе не любилъ ссоръ, по которымъ такъ томилось сердце его маменьки. Онъ дѣлалъ со своей стороны

все, чтобы предупредить ихъ, и не выдерживалъ только тогда, какъ маменька уже подниметъ шумъ. Такъ, возвращаясь по вечерамъ домой, онъ обыкновенно былъ самъ очень веселъ и начиналъ свиданіе свое съ Агаою Максимовною тѣмъ, что заигрывалъ съ ней — называлъ ее «старухой», говорилъ ей «ты», что было знакомо крайней ея нѣжности. При этомъ голосъ у него былъ какой-то тающий, сладкій, хотя къ несчастію рѣдко достигалъ цѣли и не услаждалъ черстваго сердца Агаю Максимовну.

— Ну, что, старуха? а? говорилъ онъ тогда, присѣдая немного передъ матерью и поглаживая себѣ колѣни ладонями. — Что нахохлилась?.. Погляди на меша!.. ну!..

— Отвяжись, отвѣчала обыкновенно Агаю Максимовна сопя, не глядя на сына и ворочая толстыми деревянными спицами, на которыхъ вязала шерстяной шарфъ.

Въ сценахъ между Агаю Максимовною и Платономъ Николаевичемъ Вася не принималъ къ сердцу ни той, ни другой стороны: мало того, онъ даже желалъ подчасъ, любилъ этимъ спектаклемъ, чтобы который-нибудь изъ актеровъ пустилъ въ другаго тарелкой, стаканомъ, чашкой, и ему было бы все равно, тарелка-ли Агаю Максимовны полетитъ въ Платона Николаевича, или стаканъ Платона Николаевича направится въ Агаю Максимовну — лишь-бы что-нибудь въ кого-нибудь полетѣло, и у кого-нибудь носъ оказался расквашеннымъ. Къ крайнему огорченію Васи, до этого впрочемъ никогда не доходило дѣло.

Мало-по-малу Вася примирился съ житьемъ, которое на первыхъ порахъ казалось ему довольно невеселымъ. Агаю Максимовна не очень его преслѣдовала; правда, не проходило дня, чтобы она не поворчала на него раза два-три, но къ этому онъ привыкъ, и не обращалъ никакого вниманія на слова тетки — только отмалчивался. Вѣроятно Агаю Максимовна и ворчала бы меньше, еслибъ Вася болѣе выказывалъ не наружнаго только, но и душевнаго расположенія къ своимъ благодѣтелямъ. Вася, по нѣкоторымъ признакамъ, не удовлетворялъ въ этомъ случаѣ желанія тетки.

— Вася! говорила она иногда: — поди-ка потихоньку къ

кухнѣ! чтò это Егращка тамъ запропала, да и Васютка тоже? Послушай, чтò они тамъ толкуютъ.

Вася уходилъ въ сѣни, но и не смотрѣлъ на кухонную дверь, а наблюдалъ голубей на крыльцѣ, и возвращался безъ всякихъ свѣдѣній.

— Ничего они не говорятъ, доносилъ Вася теткѣ.

И тетка, само собою разумѣется, сердилась.

— Поди прочь отъ меня, дрянной мальчишка! прикрикивала она: — видно волка сколько не корми, онъ все въ лѣсъ смотреть. И откуда у тебя этакой нравъ мужицкій? Всякой хамъ тебѣ тетки дороже: пошелъ вонъ! Видѣть тебя не хочу, перосенокъ!

Вася былъ очень доволенъ, что его гонять, удалялся къ себѣ на антресоли и забавлялся съ наукомъ. Еслибъ онъ и дѣйствительно слышалъ въ кухнѣ какія-нибудь непочтительныя рѣчи про господъ, Агаою Максимовна ничего-бы не узнала. «Иди сама и слушай!» думалъ Вася: «а ужь я не скажу — дудки!» Дружба Евграфа была ему гораздо дороже пріязни тетки, хоть Евграфъ и подвелъ его подъ розги. Ну, да чтò за важность? По-крайней-мѣрѣ Вася раскусили, какая барыня тетушка, и какъ надо съ нею держать себя. Лишь-бы не оставляла безъ обѣда да не сѣкла, такъ и Богъ съ ней! Больше отъ нея ничего и не надо. Вѣдь сколько ни нашинчай, добрѣе отъ этого она не будетъ: еслибъ можно было, она, по скупости, и сама-то ничего не стала бы ѣсть. А ужь удовольствія какого-нибудь отъ нея и не жди. Совсѣмъ иное дѣло Евграфъ: ужь одно то чего стоитъ, что съ нимъ можно въ гости сходить на Новыя Мѣста. А стоитъ только разъ нажаловаться на него теткѣ, чтобы потерять навсегда его дружбу.

Такъ прошла зима. Съ наступленіемъ весны было Васѣ больше воли бѣгать по двору съ сыномъ хозяйской работницы, и немало новыхъ развлеченій изобрѣли они: лазить на сѣнникъ, раззорять гнѣзда у ласточекъ, отнимать у куръ цыплятъ, дразнить индѣйскаго пѣтуха, травить дворовой собакой кошекъ — мало-ли что!

Платонъ Николаевичъ отъ времени до времени сообщалъ Аннѣ Васильевнѣ свѣдѣнія о Васѣ. Объ экзекуціи его онъ

упомянуть глухо, именно что «Васенька проявил несвойственную для дитяти строптивость духа, но кроткая убежденія маменьки привели его къ надлежащему знаменателю». Вообще письма отличались большимъ краснорѣчіемъ, и Платонъ Николаевичъ съ великимъ удовольствіемъ прочитывалъ ихъ маменькѣ. Агаѳья Максимовна, по совершенной неграмотности своей, сама не писала и только поручала сыну кланяться отъ нея Аннѣ Васильевнѣ и поцаловать заочно Пашеньку. Вася обыкновенно приписывалъ крупнымъ почеркомъ на бѣлой страничкѣ, оставшейся въ письмѣ Платона Николаевича: «И я, почтеннѣйшая тетушка Анна Васильевна, свидѣтельствую вамъ мое уваженіе, желаю вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки и прошу вашего благословенія. Сестрицу Пашеньку цѣлую. Вашъ покорный племянникъ Василій Шавровъ». Эта неизмѣнная форма была изобрѣтена самимъ Платономъ Николаевичемъ, его рукою изображена на лоскуткѣ бумаги, и съ него-то копировалъ Вася свои приписки къ тетушкѣ, когда требовалось. Онъ не смѣлъ измѣнить въ этихъ строкахъ и слова. Однажды Вася, вмѣсто «почтеннѣйшая», написалъ: «милая тетушка»; Платонъ Николаевичъ подскоблилъ это слово, находя его неприличнымъ, велѣлъ Васѣ по скобленному написать «почтеннѣйшая» и при этомъ совѣтовалъ Васѣ не умничать.

— Ты еще, мой другъ, молодежь, и не понимаешь разницы между этими словами. «Милая» — это что-то неуважительное; слышишь? Милой можно назвать няньку, или тамъ... ну, кого-нибудь пониже себя. А къ теткѣ главнымъ чувствомъ твоимъ должно быть почтеніе... Поэтому я и написалъ тебѣ «почтеннѣйшая». Такъ и пиши, потому-что уважать тебѣ еще рано. Понимаешь?

— Понимаю, отвѣчалъ Вася, хотя въ то-же время думалъ: «а не все-ли равно!»

Только при близости какого-нибудь праздника, именинъ или дня рожденія, приказывалъ Платонъ Николаевичъ Васѣ прибавлять къ припискѣ поздравленіе «съ наступающимъ праздникомъ, днемъ ангела, и т. п.

Одно изъ писемъ Платона Николаевича къ Аннѣ Васильевнѣ вышло такъ удачно, полно было такого вы-

скаго витѣйства, что Платонъ Николаевичъ прочелъ его три раза своей маменькѣ и даже оставилъ съ него, говоря канцелярскимъ слогомъ, отпускъ, то-есть копію.

Вотъ это письмо отъ слова до слова:

«Почтеннѣйшая родная, Анна Васильевна! Прежде нежели сообщать о событіяхъ нашего домашняго распорядка, примите родственное душевное поздравленіе мое и матушки съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ. Какъ-бы красное ячико могу нынѣ удостовѣрить васъ, что подъ бдительнымъ попомъ и маменьки направлеиемъ жизнь Васеньки сложилась взряднехонько и бредеть весьма терпимо. Съ общаго совѣта принято рѣшеніе опредѣлять его для усовершенствованія въ наукахъ не во второй, какъ предполагалось, а въ первый классъ гимназій. Хотя первое льстило бы самолюбію, но какъ сопряженносъ съ трудностями для дѣтской головы, и притомъ лѣта Васеньки какъ-разъ приспособляютъ сосредоточить его на первой степени воспитанія; то прошу васъ, многоуважаемая родная, Анна Васильевна, какъ отъ своего лица, такъ и отъ маменьки, не сѣтовать на насъ за это. Онъ не только ничего отъ того не потеряетъ, но и получить навѣкъ къ товариществу. А это чрезвычайно важно для дитяти. Что касается до будущей карьеры Васеньки, я прямо со своей стороны всѣ мѣры, въ память покойнаго дяденьки и благодѣтеля моего Петра Васильевича, дабы устроить бытъ его сообразно и безбѣдно. Думаю, что по окончаніи курса полезнѣе всего будетъ для Васеньки прямо поступить къ намъ въ палату, гдѣ я буду имѣть неуслышное надъ нимъ вниманіе и могу ему дать ходъ не въ примѣръ противу другихъ служащихъ. Объ университетскомъ воспитаніи, при его недостаточныхъ средствахъ, нечего, конечно, и думать, хотя было бы полезно для быстроты чиновъ. Впрочемъ по собственному опыту могу завѣрить, что, и не будучи воспитау ни гдѣ, можно добиться того-же, лишь-бы трудолюбіе и способности были въ должномъ градусѣ. Уже то для Васеньки важно, что служеніе покойнаго дяденьки Петра Васильевича приобрѣло ему дворянское достоинство. Притомъ я смотрю на университетское воспитаніе такъ: въ немъ преподаются предметы болѣе съ философической сто-

роны, а это въ нашемъ быту и притомъ для человѣка бѣднаго — неумѣстно. Кого ни встрѣчалъ изъ студентовъ, люди большею частію гордые, считающіе за униженіе уважать начальство, и потому всегда по службѣ проигрываютъ. Но что загадывать о будущемъ? какъ будетъ угодно Богу, такъ все и совершится.

«Про себя скажу, что живу по прежнему, безъ всякихъ выходящихъ изъ ряду событій. Къ празднику думаю быть награжденъ орденомъ святыя Анны третьей степени, къ которому уже и представленъ. Матушка, слава Богу, здорова, чего отъ всей души желаетъ и вамъ. Вообще могу про жизнь нашу выразиться простою русскою пословицею, что у насъ, благодаря домашнему миру, «тишь и гладь, и Божья благодать». Матушка часто изъявляетъ желаніе подобно вамъ удалиться въ уединенную келью при склонности ея къ молитвѣ, но я сколько могу отговариваю ее, ибо разстаться съ нею было бы для меня выше силъ.

«По городу новостей немного. Степанъ Семенычъ Кундасовъ помолвилъ за себя старшую Верховскую, на которую когда-то и я имѣлъ, по неопытности и увлеченію, свои виды. Всѣхъ очень огорчило въ городѣ, что достопочтенный нашъ прокуроръ, Иванъ Андреевичъ, по доносу преданъ суду, послѣ тридцатилѣтней безпорочной службы. Слышно также, что назначаютъ къ намъ новаго архипастыря, ибо преосвященнѣйшій нашъ Михаилъ просится на покой.

«Затѣмъ отъ души прошу васъ, почтеннѣйшая родная, Анна Васильевна, не забывать насъ грѣшныхъ въ своихъ молитвахъ. Пашеньку поцалуйте отъ всѣхъ насъ, и вѣрьте родственному уваженію и любви, съ каковыми остаюсь

«племянникъ Вашъ,

«Платонъ Войлоковъ.»

Письмо это пришло въ городъ К. въ великую пятницу утромъ; а послѣ обѣда, незадолго до вечера, было доставлено почталіономъ въ монастырь, къ Аннѣ Васильевнѣ. Лучшаго подарка къ свѣтлому празднику нельзя было ей сдѣлать.

XIV.

Уѣздный городъ К. расположенъ на довольно высокой горѣ, которую огибаетъ съ двухъ сторонъ большая судоходная рѣка. Издалека видны главы многочисленныхъ церквей города; изъ-за рѣки онъ кажется очень красивымъ и хорошо выстроеннымъ. Бѣлыя стѣны домовъ ярко свѣтятся на солнцѣ; по откосамъ горы густо зеленѣютъ деревья, окружающія бѣдныя избушки, настроенныя тутъ въ разсыпную. Внутри городъ, впрочемъ, вовсе не такъ опрятенъ и пригожъ, какъ кажется, когда приближаешься къ нему на скрыпучемъ паромѣ. Бѣлыхъ зданій, которыя такъ красиво глядятъ съ горы, почти не встрѣчаютъ глаза: они затеряны въ числѣ сѣрыхъ деревянныхъ приземистыхъ домовъ. И вообще у города колоритъ какой-то сѣрый и плаксивый. Гдѣ дома лучше, и зелени нѣтъ: сады начинаются только со склоновъ горы, по сторонамъ узкихъ, избитыхъ и размытыхъ весенними потоками улицъ, гдѣ домишки о двухъ и о трехъ окнахъ, кажется, давно покатались бы внизъ, еслибъ такъ прямо не упирались переднею стороною въ глинистую почву. Одна изъ такихъ улицъ ведетъ къ женскому монастырю, стоящему на самомъ берегу.

Монастырь обнесенъ кирпичными невысокими стѣнами, изъ-за которыхъ кой-гдѣ выглядываютъ вершины деревьевъ. Около большихъ воротъ устроена часовня, гдѣ теплятся неугасимыя лампы передъ иконой казанской Божіей Матери и сидитъ въ черной рясѣ, въ остроконечной шапочкѣ, съ четками въ рукахъ, дежурная монахиня. Тяжелые створы воротъ покрыты старинною живописью. Отъ нихъ идетъ мощеная плитой дорожка къ паперти главной церкви, стѣны которой выкрашены голубой краской; надъ небольшими окнами далеко выдающіеся карнизы, а на темномъ полѣ главнаго купола яркія золотыя звѣзды. За церковью большое бѣлое двухъ-этажное строеніе, съ крытою деревянною галерейкой около оконъ верхняго яруса. На восточной сторонѣ кровли тоже возвышается небольшая глава съ яркимъ крестомъ. Только огородъ отдѣляетъ это зданіе отъ монастырской стѣны, обращенной къ берегу. По стѣнѣ справа зеленѣетъ

густой садъ, къ стѣнѣ на-лѣво прислонено нѣсколько деревянныхъ домиковъ, соединенныхъ другъ съ другомъ крытыми галерейками. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ поселилась Анна Васильевна съ Пашенькой и Катериной.

Печальный видъ былъ у монастыря зимой: запесенныя снѣгомъ стѣны, голыя деревья; бѣлая равнина рѣки, видѣвшаяся съ галереи большого дома, изъ оконъ настоятельской, только изрѣдка оживлялась вереницей обоза; за рѣкою темнѣлъ лѣсъ, гдѣ были по почамъ волки, и имъ протяжнымъ воемъ откликались собаки слободки, примыкавшей къ монастырю: это былъ почти единственный голосъ жизни, доносившійся въ глухія монастырскія стѣны.

Однообразные дни, безъ волненій, безъ событій проходившіе надъ тихими кельями, были очень по душѣ Аннѣ Васильевнѣ. Жизнь, не смотря на довольство, въ которомъ жила Анна Васильевна у брата, не дала ей ничего, что привязало бы ее тѣсными узами къ свѣту, и она рано стала желать уединенія. Братъ, послѣ долгихъ просьбъ ея, согласился отпустить ее въ монастырь, и сдѣлалъ необходимый взносъ въ избранную Анной Васильевной обитель, съ тѣмъ, чтобы она пользовалась пожизненно правомъ жить въ ней. Временный отъѣздъ изъ монастыря, по случаю вдовства брата, не нарушалъ этого права, и она могла возвратиться въ монастырь, когда вздумается. Аннѣ Васильевнѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ глухой кельѣ, было тяжело входить снова въ шумную и пеструю суету городской жизни. Она отвыкла распоряжаться и приказывать: въ монастырѣ она сама служила себѣ; даже покрой свѣтскаго платья, на которое пришлось смѣнить въ домѣ брата черную монастырскую одежду, какъ-будто стѣснялъ ее, и она шила себѣ рукава точь-въ-точь какъ у подрясника. Хорошо еще, что въ городѣ не было никого близкихъ знакомыхъ ей лично, и она не имѣла надобности выѣзжать. Только и была она знакома съ такою-же какъ сама старой дѣвицей помѣщицей, Александрой Кузминичной, съ которою постоянно стояла рядомъ въ крестовой церкви у всенощной. Александра Кузминична тоже выражала часто желаніе удалиться въ монастырь, ѣздила по церквямъ, вела знакомство съ монахами (архіерей

посылалъ ей даже всегда яблоковъ изъ своего сада), и говорила о свѣтской жизни съ отвращеніемъ; но къ обѣднѣ по праздникамъ являлась она такою франтихой, въ такой модной шляпкѣ, въ такихъ шумныхъ и пестрыхъ шелковыхъ платьяхъ, и становилась такъ близко къ амвону, что Анна Васильевна сомнѣвалась въ искренности ея желаній и старалась стать подальше, чтобы не конфузить Александру Кузминишну своимъ простенькимъ ситцевымъ платьемъ, чернымъ съ бѣлыми вѣточками и горошинками, и бѣлымъ княсейнымъ чепцомъ со старушечьею оборкой и коричневыми лентами. Не смотря на эти сомнѣнія, Анна Васильевна вела знакомство съ Александрой Кузминишной, извиняла поблажку ея свѣтскимъ требованіямъ только общею слабостью человѣческой, и уѣзжая въ К., просила у нея позволенія переписываться съ ней, на что получила разумѣется радушное согласіе. «Впрочемъ мы вѣрно скоро соединимся съ вами, Анна Васильевна, въ святыхъ стѣнахъ монастырскихъ».

Какъ въ родной домъ вошла Анна Васильевна въ тихое пристанище, по которомъ томилось ея сердце посреди житейскаго моря, воздвигаемаго бурей напастей. Всѣ еще помнили ее, со всѣми встрѣтилась она съ слезною радостью. Игуменя Филарета, полная женщина съ отрывистымъ и звучнымъ контральто, встрѣтила ее объятіями, и Анна Васильевна такъ обрадовалась свиданію, что чуть не позабыла подойти къ ея рукѣ.

— Опять, опять подъ нашу гостепріимную сѣнь, говорила мать Филарета, сильно упирая на о.

— Прежде хоть что-нибудь еще оставалось въ свѣтѣ, матушка, отвѣчала, обливаясь слезами, Анна Васильевна: — а теперь одно мое приближище — Господь.

— Къ кому, какъ не къ Нему, Милосердому, во всѣхъ нашихъ печаляхъ.

— Не стало, матушка, друга-то моего, продолжала плакать Анна Васильевна.

— Ропотъ свой откиньте! увѣщевала ее игуменя: — Господь даде, Господь и отъя. О душѣ его молиться надо.

— Поминаете-ли его, матушка? Сорокоусть-отъ читали-ль?

— Поминаемъ,* читали — по письму по вашему. Что, владыко какъ въ своемъ здоровьѣ?

И Анна Васильевна рассказала про владыку все, что знала.

Келья, въ которой жила прежде Анна Васильевна, оставалась въ прежнемъ видѣ, и она долго молилась, войдя въ нее, передъ темною иконой, видѣвшей уже много слезъ ея и слышавшей много ея молитвъ. Все скромное убранство кельи было заведено стараніями покойнаго брата Анны Васильевны, было оставлено ею тутъ, и ничто, разумѣется, не пропало. Монахиня, поселившаяся въ кельѣ во время отсутствія Анны Васильевны, берегла все, какъ свою собственность. Это была смиренная старушка, маленькая и худенькая.

Келья Анны Васильевны состояла изъ комнаты о трехъ окнахъ; одно изъ нихъ было отгорожено деревянной переборкой, за которою помѣщалась кровать и сундукъ для платья и бѣлья. Въ передней половинѣ стоялъ диванъ, передъ нимъ небольшой столикъ, накрытый синей ярославской салфеткой, по стѣнамъ нѣсколько грубыхъ, выкрашенныхъ черною краской, стульевъ съ кожаными подушками, въ углу большой кіотъ съ неугасимою лампадой и передъ нимъ маленькій складной налож, на которомъ читать можно было только стоя на колѣняхъ. Перегородка была заклеена разными литографированными изображеніями, между которыми особенно замѣтны были видъ сердца грѣшника и видъ сердца праведника. Тутъ-же висѣли портреты Тихона задонскаго, воронежскаго гробоваго монаха Иннокентія и симбирскаго юродиваго Андреюшки. Въ углу чикали тяжелымъ маятникомъ стѣнные часы топорной работы, съ розаномъ на бѣломъ циферблатѣ. Около бѣлой изразцовой печки, которая казалась еще бѣлѣе отъ нештукатуренныхъ тесовыхъ стѣнъ, стоялъ шкапчикъ со стеклами; на верхнихъ его полкахъ стояла разная чайная посуда, а на нижнихъ лежали книги большаго и малаго формата, но всѣ въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ и частью съ мѣдными застежками.

Между этою комнатою и сѣнями было еще нѣчто въ родѣ прихожей, гдѣ должна была поселиться и основать свое мѣстопробываніе Катерина.

Пашенька съ безмолвнымъ любопытствомъ разматривалась во все. Монастырь она знала только по темнымъ слухамъ и судила о немъ только по монахинямъ, прѣзжавшимъ въ Н. за сборомъ и заходившимъ въ домъ къ Шавровымъ съ книжечкой и кружкой. Анна Васильевна всегда угощала ихъ чаемъ съ медомъ (отъ сахара онѣ болѣею частью почему-то отказывались) и вела съ ними оживленный разговоръ. Пашенька всякой разъ, видя черную монашескую одежду, чувствовала какую-то робость, хотя монахики оказывались обыкновенно очень добрыми, сажали дѣвочку къ себѣ на колѣни, ласкали ее, шутили съ нею и почти всегда дарили ей что-нибудь — или деревянный крестикъ, или финифтяный образокъ, или каменное колечко съ монетой, или шелковый платокъ съ молитвой.

Теперь все вокругъ дѣвочки ходило въ черномъ, всѣ жителяницы въ монастырѣ смотрѣли добродушно и ласково на нее; но она все-таки была полна какого-то неопредѣленного страха, и ни на шагъ не отходила отъ Катерины. Отправляясь на поклонъ къ игуменѣ, Анна Васильевна оставила Пашеньку въ кельѣ.

Дѣвочку занимала каждая мелочь своего новостью; но все наблюдала она молча, не обращая ни съ однимъ вопросомъ къ Катеринѣ, которая возилась то въ томъ, то въ другомъ углу кельи, укладывая и уставляя привезенное Анной Васильевной имущество. Пашенькѣ казались страшными и синія корзиночки съ вѣточкой, изображенныя на глазури печныхъ изразцовъ, и два сердца съ какими-то непонятными атрибутами и вокругъ ихъ и внутри, и съ надписями, и Андреюшка въ длинной бѣлой рубашкѣ. Рѣзкій звукъ маятника тоже привлекъ ея вниманіе; она долго смотрѣла на часы и прислушивалась къ его звуку... Идя въ одну сторону, маятникъ скрипѣлъ, видно что-нибудь заржавѣло тутъ, и хрипѣлъ что-то въ родѣ «кккузь»; доходя до другого боку — онъ щелкалъ какъ-то глухо, и выходилъ короткій, отрывистый звукъ, похожій на «ма». «Кккузь — ма! Кккузь — ма! Кккузь — ма!» Это показалось дѣвочкѣ удивительно. Ей хотѣлось спросить у своей няни, отчего это часы все зовутъ Кузьму; но одновременно съ этимъ желаніемъ въ головкѣ

ея прошла мысль, что, можетъ-быть, это такъ и надо, чтобы въ монастырѣ часы кричали: «Кузьма»! что всѣмъ это извѣстно, кромѣ ея, и что спрашивать окажется вовсе неприличнымъ. Это-же странное дѣтское соображеніе останавливало дѣвочку и отъ другихъ распросовъ, которые, то и дѣло, наворачивались ей на мысль.

Странно и удивительно казалось Пашенькѣ и то, какъ она будетъ жить съ теткой въ такой тѣснотѣ, послѣ того простора, въ какой жили онѣ недавно. Какъ-то не на мѣстѣ былъ тутъ этотъ большой чайный баулъ: не было такого стола, чтобъ онъ не занялъ его цѣлкомъ, такъ, что самовара ужъ вовсе негдѣ поставить. Хрустальные граненые стаканы, которые вынимала изъ корзины Катерина, были тоже не подѣ-стать и не подѣ-масть поднявшимся чашкамъ съ отбитыми ручками, глядѣвшимъ сквозь зеленоватыя стекла посуднаго шкапчика. Полъ былъ уже весь засыпанъ веревочками, кусками оберточной бумаги, тряпочками; всюду стояли ящики, короба, лежали связки и узлы... Такъ и думалось, что всего этого никакъ не помѣстишь въ такой тѣснотѣ; а если и помѣстишь, то самимъ уже негдѣ будетъ повернуться, не то, что побѣгать, какъ бѣгала еще недавно Пашенька по просторнымъ комнатамъ длиннаго и многооконнаго дома на Московской улицѣ города Н.

Катерина словно угадала мысли, занимавшія голову дѣвочки.

— Жили все въ широкомъ просторѣ, заговорила она: — дома полнѣе поискать во всемъ городѣ было, а теперь привелъ Господь въ одной горенкѣ жаться. — Что, монашенка ты моя? обратилась Катерина къ своей питомицѣ: — какъ тебѣ здѣсь нравится? хорошо-ли кажется?

— Хорошо, отвѣчала Пашенька.

— Ахъ ты сердечная! кротость ты моя ангельская! начинала говорить Катерина, оставляя свою возню, подходи къ дѣвочкѣ, лаская и цалуя ее. — Все тебѣ, милой, хорошо, все тебѣ ладно, душа ты моя незлобивая.

У Катерины ужъ и слезы на глазахъ показались.

— Отчего это такъ здѣсь темно? рѣшилась спросить Пашенька.

— Темно, повторила Катерина: — темно. Какъ и темно-то не быть, пташечка ты моя? Глядь-ка, окопикн-то какія, не то, что дома были — большія, да стекла-то бѣлыя; а здѣсь словно тамъ у насъ на чердакѣ — хуже еще! Вымыть ихъ надо; а то совсѣмъ тоска. А вонъ тамъ и разбито одно стекло; дуешь, поди. Хоть бумажкой залѣпить, что-ли!

Мало-по-малу все однакожь было приведено въ порядокъ, и всему нашлось мѣсто: въ спальнѣ за перегородкой наколотили въ стѣну гвоздей, и развѣшали платья Анны Васильевны и Пашеньки; остальное все сложили по сундукамъ. Большой чайный ящикъ былъ оставленъ только для красы въ уголкѣ; для ежедневнаго-же употребленія вышла на свѣтъ Божій изъ одного изъ сундуковъ маленькая жестяная чайница. Въ шкапчикѣ съ посудой, вмѣсто старыхъ, полинялыхъ и оббитыхъ чашекъ стали рядкомъ граненые стаканы и чашки новѣе, пестрѣе и съ яркой позолотой; въ одной изъ нихъ торчалъ пучокъ серебряныхъ чайныхъ ложекъ; единственную оловянную, потемнѣвшую и согнутую, Анна Васильевна отдала старой монахинѣ, жившей тутъ безъ нея, вмѣстѣ съ старою посудой, которую смѣнила теперь новая. Въ кюветѣ, рядомъ съ темными иконами безъ всякихъ украшеній, Анна Васильевна размѣстила нѣсколько образовъ въ ризахъ и съ вѣнчками, привезенныхъ изъ дому.

Кровать была широкая, и на ней устроили двѣ постели — для Анны Васильевны и для Пашеньки; для Пашеньки къ стѣнкѣ, чтобы во-снѣ не упала какъ-нибудь на полъ дѣвочка.

Катерина устроила и себѣ уголокъ удобно; на двухъ большихъ сундукахъ приладила она свою постель; наколотила надъ нею тоже гвоздей въ стѣну, и развѣшала на нихъ свое достояніе, между которымъ главное мѣсто занималъ коротенькій и обдерганный салонъ съ древней куницей, въ которомъ она шла за гробомъ покойника Петра Васильевича. На столикѣ у единственнаго окна помѣстила она обшитый сукномъ кирпичикъ, замѣнявшій для нея швейную подушку, и бумажный коробокъ съ шитьемъ, съ нитками, вязальными иглами, чернымъ воскомъ, и проч. Сначала Катерина хотѣла устроить себѣ спанье на лежанкѣ; но оказалось, что лежанка накаливается какъ плита и постели не трудно ис-

тлѣть на ней, а бокамъ обжариться, и потому на лежанкѣ поставлены были только подносъ да самоваръ и кофейникъ, эти два единственные усладителя келейнаго житія.

Анна Васильевна тотчасъ по приѣздѣ сбросила съ себя свѣтскую одежду, и облачилась въ черное монастырское платье, бережно сохраненное ею отъ прежняго времени. Пашенька никогда не видала тетку въ этомъ платьѣ, и она ей казалась въ немъ какъ-будто другою: слѣбно что-то строгое и болѣе печальное прибавилось къ добродушнымъ чертамъ лица Анны Васильевны.

— А что, Катериனுшка, не одѣть-ли намъ и Пашеньку крылошаночкой? спрашивала она.

— Ахъ, зачѣмъ, матушка Анна Васильевна? отвѣчала Катерина: — нейдетъ это дитѣ. Развѣ она на вѣкъ здѣсь, что-ли?

— Меньше хлопоть, Катериனுшка, проще. И для нея полезнѣе: пусть привыкаетъ къ простому платью. Не въ богатствѣ будетъ жить.

Катерина всплескивала руками и качала головой.

— Ахъ, не гнѣвите Бога, Анна Васильевна! не пророчте дитѣ горя! Чтожъ, простое развѣ дитя?... Этакая-же она красавица — безприданница будетъ.... Вотъ помяните слово мое, пресчастливая будетъ.... Еще на ея счастье полюбуемся. Сиротъ Богъ любить.

— Что о далекомъ загадывать? Я больше такъ говорила — изъ одного страху, Катериனுшка. Миѣ-ли ей счастья не желать? Сама ты знаешь. А на счетъ платья — можетъ, ей и самой понравится. Вотъ, пойдѣмъ въ церковь съ ней, увидитъ она крылошанокъ.

— Это что, тетя, крылошанки? спросила Пашенька.

— А это, душа моя, дѣвочки здѣшнія, на крылосѣ поютъ, пѣвчія.

— Онѣ чьи?

— Разныя, милая. Сиротки все больше.

— Какъ я?

— Да, голубушка.

— Онѣ въ черномъ ходятъ?

— Въ черномъ.

Слова Пашеньки совсѣмъ растрогали Катерину. Со слезами на глазахъ присѣла она на полъ, обняла дѣвочку, и все повторяла:

— Ахъ ты, умица моя! дорогая моя! «какъ я», говорить: «какъ я.... сиротки.... какъ я!» сокровище ты мое безцѣнное!

Катерина гладила дѣвочку по головѣ.

— Какъ это ее монашенкой одѣть? говорила она, не обращаясь какъ-будто ни къ кому, а разсуждая сама собой: — волоски-то подъ шапочку спрятать? А я и щипцы привезла—завивать ее хотѣла, какъ дома, овечку мою дорогую.

— Кстати-ль это здѣсь въ монастырѣ, Катеринушка?

— Ахъ, Анна Васильевна! Богъ съ вами! какъ надѣли вы свою рясу, словно у васъ и мысли-то перемѣнились. Развѣ она у насъ не ангелъ чистый? Завить-то младенца грѣхъ по вашему?

— Я не говорю, что грѣхъ, Катеринушка. Не такъ ты меня понимаешь. Я потому больше, что другія здѣсь дѣти такъ ходять, въ черномъ.

— Вѣдь все больше крестьянскія, Анна Васильевна.

— У Бога всѣ равны, Катеринушка, а здѣсь и тѣмъ паче....

— Такъ-то оно такъ, Анна Васильевна; въ этомъ перечить не могу, потому—въ Писаніи все это сказано. Только надо то взять: все-же мы люди, матушка, все человѣки. У крестьянской дѣвочки ужъ и разумъ совсѣмъ не тотъ.

— А вотъ, что ты разсуди, Катеринушка: положимъ, будемъ мы водить Пашеньку по свѣтскому. Одна она только и будетъ такъ одѣта — глядишь, вмѣсто ласки-то (вѣдь и нашему сердцу пріятно было бы видѣть, какъ ребенка всѣ любятъ да ласкаютъ)... а вмѣсто ласки-то, чуждаться ея стануть.

Этотъ доводъ нѣсколько поколебалъ Катерину; она все-таки не согласилась съ разу съ Анною Васильевной, а сказала, что дѣло само-собой обозначится: коль слова Анны Васильевны оправдаются, такъ ужъ конечно она, Катерина, и полусловомъ перечить не будетъ.

Въ первый день по приѣздѣ въ монастырь Пашеньку очень поразилъ церковный звонъ. Колокольня была такъ близко,

что когда начинали благовѣстить (а еще благовѣстили не въ большой колоколь), гулъ и дрожь ходили по кровлѣ кельи, и все какъ-будто шевелилось по угламъ, и картинки на дѣревянной переборкѣ, и платья, развѣшанныя на стѣнѣ, и посуда въ шкапчикѣ. Лампадка, висѣвшая на голубой лентѣ передъ образами, тихо покачивалась, и темныя лица иконъ то выходили изъ мрака, озаренныя ея желтымъ перовнымъ свѣтомъ, то опять прятались. Стекла въ окнахъ глухо гудѣли, какъ большія мухи.

На слѣдующее утро Анна Васильевна, возвратясь отъ заутрени, повела племянницу къ игуменѣ.

Мать-Филарета обласкала дѣвочку, дала ей большую провиру и выразила крайнее сожалѣнiе объ ея сиротствѣ.

— Въ свѣтской одеждѣ хотите водить? спросила она у Анны Васильевны.

— А не знаю, матушка, отвѣчала Анна Васильевна: — хотѣла вашего спросить совѣта.

— Мой совѣтъ — придержаться здѣшняго обихода. Приличнѣе.

— Я, матушка, и сама тоже думала.

Возвратясь къ себѣ въ келью, Анна Васильевна тотчасъ же сказала Катеринѣ:

— Вотъ и мать-игуменья совѣтуетъ Пашеньку въ черное одѣть, Катеринушка. Ужъ теперь, я думаю, ты спорить не будешь.

— Что мнѣ спорить? отвѣчала Катерина: — какъ прикажете, такъ и будетъ.

— Ты ужъ и сердисься никакъ?

— Ахъ, Анна Васильевна! что мое сердце? Кабы воля была, да я-бы ее, сердечную, въ золотѣ водила.

— Какъ быть, Катеринушка! надо соображаться со средствами.

Скрѣпя сердце, покорилась Катерина рѣшенiю Анны Васильевны и матери Филареты.

Пашенька пошла съ Анной Васильевной къ обѣднѣ, увидала дѣвочекъ въ черныхъ рясахъ и въ остроконечныхъ бархатныхъ колпачкахъ, и онѣ ей понравились.

Церковь была старинная, темная, еще темнѣе отъ туск-

ляго дня, безъ солнца и съ сѣрымъ небомъ. Дѣвочкѣ не случилось слышать въ церкви женскаго пѣнья, и оно очень по-дѣйствовало на нее: тонкіе голоски дѣвочекъ звенѣли, какъ стеклянные колокольчики, и въ молитвѣ было что-то особенно чистое и печальное. Не меньше удивило Пашеньку и то, что мать игуменья стояла на особомъ амвончикѣ, обитомъ ковромъ, у арки, раздѣлявшей церковь на двѣ половины. Надъ этимъ мѣстомъ висѣлъ выцвѣтшій фіолетовый бархатный балдахинъ, обшитый полинявшею золотой бахромой, и Пашеньку очень занимало, что на игуменью обращалось всеобщее вниманіе: шла-ли монахиня свѣчку поставить, проходя мимо настоятельницы, каждая останавливалась и кланялась въ поясъ, причемъ черныя четки брякали о каменный полъ; читавшая апостолъ сестра тоже и въ началѣ и въ концѣ чтенія обращалась лицомъ къ матери Филаретѣ, и низко кланялась; даже діаконъ, выходя съ кадиломъ, кадилъ на нее особенно долго. Но больше всего была поражена и почти испугана Пашенька по окончаніи обѣдни. Проходя къ двери, Анна Васильевна повернула съ Пашенькою на лѣво, къ углу арки; здѣсь въ полумракѣ дѣвочка увидала рѣшетчатую загородку, въ родѣ большой клѣтки, и за нею... ей показалось, что тамъ сидитъ кто-то. Скудный свѣтъ лампадки, висѣвшей около рѣшетки, падалъ дрожа на темное измозженное лицо, покрытое каплями крови; на лбу былъ колючій вѣнокъ. Изъ подъ бархатной ризы, обшитой золотомъ, выглядывали такія-же худыя и желтыя руки, насквозь пробитыя гвоздями. Это было деревянное изваяніе Христа въ темницѣ, какія встрѣчались еще въ нашихъ церквахъ не дальше даже, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Пашенька робко жалась къ теткѣ: она того и ждала, что узникъ зашевелится въ своей темницѣ; но онъ не подымалъ головы, не складывалъ протянутыхъ впередъ рукъ, и дѣвочкѣ стало еще страшнѣе. Анна Васильевна молилась; Пашенька стала тоже робко креститься.

XV.

Ровной, мѣрной, однообразной чередой потянулись дни, отмѣчаемые только мѣднымъ языкомъ церковнаго колокола.

Благовѣсть къ заутренѣ, благовѣсть къ обѣднѣ, благовѣсть къ вечернѣ; вставало утро, мерцалъ пасмурный или сіялъ яркій зимній день, быстро набѣгали вечернія сумерки, темная ночь ложилась. День миновалъ, два дня, три дня, четыре, пять — и счетъ сбился, считать было нечего.

Число мѣсяца Анна Васильевна знала только по Четь-ми-нен, въ которой читала ежедневно о жизни, мученіяхъ или чудесахъ святаго, которому праздновалось въ этотъ день. Да изрѣдка нарушали нѣскольکو обычное спокойствіе кельи письма. Александра Кузминична, обѣщавшая вести дѣятельную переписку, отвѣтила на первое письмо Анны Васильевны, да на томъ и остановилась; Платонъ Николаевичъ писалъ не больше разу въ мѣсяцъ, и то все общими мѣстами. Особенное удовольствіе доставили Аннѣ Васильевнѣ только два письма изъ Петербурга, отъ Лидіи Петровны Дубровской, родной сестры Пашенькиной матери, которой Анна Васильевна никогда не видала. Письма ея были полны такой теплою любви, такого участія въ сиротахъ, что Анна Васильевна проливала надъ ними обильныя слезы. Въ первомъ письмѣ своемъ Лидія Петровна писала, что хотѣла взять къ себѣ на воспитаніе обоихъ сиротъ брата, но что мужъ ея нашелъ возможнымъ взять только одного изъ нихъ, хотя дѣтей у нихъ и не было, а состоянія хватило-бы и на большую семью. Лидія Петровна выражала желаніе свое взять къ себѣ дѣвочку, но боялась, что Анна Васильевна не согласится на это, потому-что не захочетъ разстаться съ нею. Это было и правда. Въ отвѣтъ на письмо Анны Васильевны, въ которомъ она слезно умоляла не лишать ея единственнаго въ мірѣ утѣшенія, Лидія Петровна писала между прочимъ, что пріѣдетъ будущимъ лѣтомъ сама въ К. (у Дубровскихъ было въ К-скомъ уѣздѣ имѣніе) и тогда все рѣшится лучше, чѣмъ можетъ рѣшиться по однимъ письмамъ. Лидія Петровна просила, чтобы Анна Васильевна ничего не жалѣла для воспитанія и удовольствія племянницы, и при первой надобности обращалась бы за деньгами къ ней. Пока Аннѣ Васильевнѣ такой надобности не предстояло.

По страстной, эгонистической привязанности къ ребенку, Анна Васильевна развѣ на смертномъ одрѣ рѣшилась бы не-

редать заботы о немъ и его самого въ чужія руки, хотя и сама сознавала, что не можетъ ничего сдѣлать для ребенка. Первое препятствіе полагалось уже самымъ отдаленіемъ отъ свѣта; но пока дѣвочка еще не требуетъ серьезнаго воспитанія, все-бы ничего. А потомъ? Ее надо учить, воспитывать если не для свѣта, то для будущаго мужа, наконецъ для будущихъ дѣтей ея. Анна Васильевна не хотѣла обречь Пашеньку вѣчному заключенію въ монастырскихъ стѣнахъ. А между-тѣмъ, при одной мысли, что ей когда-нибудь придется разлучиться съ племянницей, сердце Анны Васильевны обливалось кровью.

Анна Васильевна была женщина простая, воспитанная въ простомъ среднемъ быту, и только любви своей къ чтенію обязана была немногими и отрывочными знаніями. Одно изъ главныхъ огорченій ея составляло то, что она не знаетъ ни одного иностраннаго языка. Огорчалась она, конечно, не за себя: она прожила уже свой вѣкъ и безъ этого знанія; ей нужно бы это было для Пашеньки, потому-что въ нынѣшнемъ свѣтѣ и жить нельзя, не умѣя говорить по-французски.

Дома Пашеньку не учили постоянно, какъ Васю. Играючи узнала она буквы русской азбуки, но складывать изъ нихъ слова еще не умѣла. По приѣздѣ въ монастырь, Анна Васильевна рѣшилась начать учить дѣвочку какъ слѣдуетъ читать и писать.

— Вотъ мы съ тобой станемъ по утрамъ заниматься теперь, говорила Анна Васильевна: — учиться тебѣ пора; скоро будешь немаленькая, а какъ не выучишься ничему, и будетъ нехорошо. Вѣдь ты хочешь учиться?

— Хочу.

— Ну, вотъ и станемъ учиться.

— Когда, тети? завтра?

— Нѣтъ, ужь погоди, вотъ одѣнемъ мы тебя черничкой.

Вдвоемъ съ Катериной принялась Анна Васильевна шить новый нарядъ для маленькой племянницы. Катерина все-таки оставалась этимъ недовольна, хотя сама на другой-же день по приѣздѣ облачилась въ монастырское платье, старое Анны Васильевны. Не смотря однакожь на свое недовольство, она не говорила ни слова вопреки, и только по временамъ

вздыхала, когда кроила и потомъ шла крошечную ряску изъ чернаго кашемира или, какъ она называла, терна.

Въ три дня новый нарядъ Пашеньки былъ готовъ, и ее одѣли въ него.

Бѣленькое личико дѣвочки выглядывало такъ кротко изъ-подъ бархатной востренькой шапочки, подъ которую запрятали ея русые рассыпчатые волосы; длинное черное платье такъ неловко облѣпляло ножки ребенка, мѣшая ему ходить, что жаль становилось Пашеньку. И безъ того невеселое выраженіе ея свѣтлыхъ большихъ глазъ и маленькаго ротика стало теперь еще печальнѣе. Катерина только разводила руками и качала головой. Еслибъ она вздумала начать высказывать все, что было у нея въ эту пору на душѣ, слезъ было бы больше, чѣмъ словъ.

Анна Васильевна начала по утрамъ учить Пашеньку — сначала по четверти часа въ день, потомъ по полчаса. Дѣвочка была препонятливая, и скоро стала читать очень порядочно. Анна Васильевна заставляла ее также писать черточки по двумъ линейкамъ, а потомъ и буквы полегче; но это дѣло пошло не такъ успѣшно, какъ чтеніе: Пашенька только пачкала свои крошечные пальчики чернилами, а выѣсто буквъ выходили страшныя каракульки.

Чтобы Пашенька не скучала въ остальное время, Анна Васильевна призывала играть съ нею дѣвочку почти однихъ лѣтъ съ племянницей. Игры заключались въ постройкѣ на полу, въ углу, загородки изъ стѣнокъ разломанныхъ ящиковъ, за которую сажалась кукла, или въ приготовленіи на скамейкѣ, которую употребляла для ногъ Анна Васильевна, постели для той-же куклы. У куклы было такое грязное и облупленное лицо, и платье такое поношенное, что играть ею избалованному ребенку было бы скучно; но Пашенька и гостыя ея были и этимъ довольны, и часто раздавался ихъ веселый дѣтскій смѣхъ, когда онѣ сидѣли на полу и копались съ единственною куклой своей. Катерина, огорчаясь больше питомицы своей ветхостью куклы, принялась сама за шитье, и соорудила еще двѣ безногія куклы съ руками безъ пальцевъ; но слѣпотѣ она не могла вышить имъ шелкомъ бровей, глазъ и губъ, а только нарумянила щеки свеклой:

Анна Васильевна впрочемъ помогла бѣдѣ и нарисовала кукламъ лицо чернилами. Какъ ни плохи были новыя куклы, Пашенька очень имъ обрадовалась.

Своего рода учениемъ были для дѣвочки и вечерніе рассказы тетקי изъ Священной Исторіи или изъ Житій Святыхъ. Особенно любила Пашенька исторію Товита, и всякой разъ съ новымъ удовольствіемъ слушала ее, такъ-же какъ и рассказъ о жизни Варвары великомученицы.

Ни одна изъ картинокъ, наклеенныхъ на деревянную перегородку, не осталась также безъ объясненія; Пашенька сама вызывала ихъ своими вопросами, и съ любопытствомъ ихъ выслушивала.

Навсегда остались въ памяти Пашеньки зимніе вечера въ тѣсной кельѣ; многое въ наклонностяхъ, въ характерѣ, во взглядѣ дѣвушки зародилось вовемя ея недолгаго житія въ монастырѣ, но что именно, разобрать было трудно: какъ ни сильны были впечатлѣнія, вліяніе ихъ на дѣтскую душу было неуловимо. Въ послѣдствіи, обращаясь мыслію къ годамъ своего дѣтства, Пашенька особенно любила останавливаться на времени, проведенномъ ею съ теткой въ монастырскихъ стѣнахъ. Отъ этого времени вѣяло на нее какою-то странной мистической поэзіей. Въ картинѣ, представлявшей ей въ прошедшемъ, она забывала только себя — маленькую хорошенькую дѣвочку въ длинномъ черномъ платьѣ, съ свѣжимъ бѣлымъ личикомъ и внимательными глазами.

Анна Васильевна почти никогда не пила вечеромъ чаю одна; непременно заходила къ ней которая-нибудь изъ монахинь, по большей части старухи, къ которымъ Анна Васильевна благоволила больше, чѣмъ къ молодымъ; Катерина тутъ-же сидѣла. Разговоръ, почти всегда направленный на рассказы о странствіяхъ по святымъ мѣстамъ, о разныхъ чудесахъ и трудныхъ похожденияхъ, постоянно занималъ дѣвочку. Старухи сидѣли съ чулками въ рукахъ, тихо ворочали желѣзными спицами и говорили тихими истовыми голосами.

— А расскажите, мать Агаоклея, просила Анна Васильевна: — какъ вы въ Кіевъ ходили.

— Трудный былъ подвигъ, но сподобилъ Господь Мило-
Отд. I.

сердый, отвѣчала мать Агаюкля, набожно возводя глаза къ иконамъ и крестясь: — время было такое все коловратное. Выйдешь — солнышко свѣтитъ, а среди пути вдругъ дождикъ накроетъ, али гроза подымется. На ночлегахъ тоже страхи были большіе — народъ все грубый, съ нами-же хоть и небольшая была казна, а все за душеньку свою дрожишь, бывало... что, думаешь, какъ придется на судъ Господень безъ покаянія явиться.

— А развѣ такіе случаи бывали тогда?

— Въ ту самую, матушка, пору, какъ мы къ Кіеву подходили, было чудо надъ одною странницей: умышлялъ на нее тоже злой человѣкъ, да не пустилъ Господь — и злодѣя обличилъ.

— Какъ-же это такъ? расскажите, матушка.

— А вотъ это было какъ дѣло. Шла путемъ-дорогою странница жизни праведной, въ Кіевъ, святымъ мощамъ поклониться; лѣтъ она была преклонныхъ — мало не девятый десятокъ доживала. Лежалъ ей путь къ Кіеву изъ дальнихъ странъ: была она по дорогѣ и въ Саровской обители, заходила поклониться преподобному отцу Серафиму. Долго-ли, мало-ли шла она — и приходитъ въ богатое село. Ноги у нея въ дорогѣ притомились: думала она къ вечернямъ въ село поспѣть, а поспѣла, какъ ужъ и совсѣмъ ночь на дворѣ. Храмъ Божій былъ на самомъ на выѣздѣ изъ села. Помолилась она Богу, да у первыхъ-же воротъ — стукъ-стукъ. Хозяева еще не спали. Выглядываетъ изъ окна хозяйка молодая. — «Кто тутъ?» спрашиваетъ. — «Старица прохожая. Не батюшка-ли священникъ,» говоритъ: «тутъ живетъ?» — «Нѣту,» отвѣчаетъ ей та: «батюшка живетъ дальше, а здѣсь причетникъ. Да что,» говоритъ: «тебѣ надо, баушка?» — «Да ночь переночевать. Ноженьки изустали, въ горлышкѣ пересохло — пустите до утра вздохнуть; да водицы-бы пспила свѣженькой.» — Дьячиха-то женщина была добрая такая; говоритъ: «Иди, баушка, переночуй.» Вошла странница, Богу помолилась, хозяйевамъ поклонилась. — «Откуда, баушка, идешь?» спрашиваетъ хозяйинъ: «и куда?» — «А иду я,» говоритъ: «въ Кіевъ градъ, поклониться святымъ мощамъ.» — «А не хочешь-ли,» доводитъ: «водочки съ устали-то?» Другая и точно грѣш-

нымъ-бы дѣломъ для подкрѣпленія чарочку выпила; а старица только поклонилась ему въ поясъ, говорить: «И вкуса,» говорить: «не знаю — какой такой въ винѣ вкусъ.» А того и не видитъ, что хозяинъ-то самъ хмѣленекъ. Дѣло было праздничное — какъ разъ подь Ооминъ понедѣльникъ. По-кормили гостью захожую, чѣмъ Богъ послалъ; сонъ ужь ее клонить — она и спрашиваетъ: «Гдѣ-бы мнѣ, хозяева честные, въ такомъ мѣстѣ лечь, гдѣ-бы отъ злаго человѣка въ сохранѣ быть?» А дьячокъ-то подсмѣивается: «Да кто,» говорить: «баушка, позарится-то на тебя?» — «На меня, батюшка, что зариться?» отвѣчаетъ ему старица: «не на меня, а на деньги, что со мной.» — «Да много-ль у тебя денегъ-то, баушка?» говоритъ дьячокъ: «Коль рубль грошами наберется — такъ и слава Богу!» — «Своихъ-то и того нѣту,» говоритъ старица: «а даны мнѣ одною госпожой благочестивой пятьсотъ рублей — въ монастырь пожертвовать. И берегу я ихъ, пуще праваго глаза.» Тутъ и говоритъ ей хозяйка-то: «А ложись ты,» говорить: «баушка, въ свѣтлицѣ у насъ на мою на постель». — «А ты-то,» говорить: «матушка, гдѣ?» — «А я тамъ-же, на сундукахъ себѣ постель улажу. Надо твоимъ старымъ косточкамъ съ дороги-то отдохнуть помягче». — «Спасибо,» говорить: «матушка. Ито-бы раздѣлась я съ дороги-то: ужь сколько времени все въ одеждѣ сплю. И деньги-то у меня на груди все парятся — въ ладонкѣ зашиты; и онѣ-бы подь подушкой попросохли». Такъ и сдѣлали. Старица проходя на хозяйской постели расположилась, а хозяйка по походному на сундучкахъ приладилась. Свѣтъ задули и угомонилися. Хозяинъ внизу тоже огонь потушилъ и улегся; только сонъ къ нему все нейдетъ. Сталъ его врагъ рода человѣческаго сомуцать, чтобы убилъ старицу прохожую и деньги ея взялъ къ себѣ. — Былъ онъ хмѣлень, а и хмѣль у него отъ злыхъ мыслей прошелъ. Проворочался онъ всю ночь, а заснуть такъ и не могъ. Думалъ онъ думалъ, какъ-бы ему странницу покончить; и сталъ на томъ, что какъ надо ему идти къ утрени благовѣстити, такъ тутъ ему и забраться въ свѣтелку, да и совершить злодѣяніе. Какъ задумалъ онъ такое дѣло, взялъ пожикъ, пошелъ въ сарай — и ну его тамъ оттачивать. Какъ отто-

чиль онъ ножъ востро-на-востро, и идетъ прямо въ свѣтлицу — да прямо къ кровати. И рука у окаяннаго не дрогнула. Одною-то по горлу пожемъ проѣхалъ, а другую подъ подушку запустилъ — деньги оттуда вынулъ.

Такъ и ахнули при этомъ Анна Васильевна и Катерина, а у Пашеньки духъ занялся.

— Ахъ, злодѣй! злодѣй! повторяла, качая головой, Анна Васильевна.

Она давно уже опустила на колѣни свое вязанье, такъ-же, какъ и Катерина, и обѣ внимательно смотрѣли на мать Агаооклю, и слушали ее. Мать Агаоокля рассказывала такъ толковито, словно по книгѣ читала.

— Какъ-же спаслась-то она, мать Агаоокля? спрашивала Катерина: — развѣ онъ, злодѣй, не дорѣзалъ?

— А вотъ послушайте, продолжала, прокашливаясь, мать Агаоокля. — Какъ совершилъ дьячокъ злое свое дѣло, ножъ закинулъ во дворѣ въ колодець, а самъ пошелъ къ утрени благовѣстити. Отблаговѣстилъ. Пришелъ батюшка священникъ, дьяконъ. Сталъ и народъ въ церковь набираться — время-то праздничное. Начали богослуженіе. Злодѣй и поетъ и читаетъ и служитъ по уставу — словно и не бывало ничего, словно и иѣтъ у него кроваваго на душѣ грѣха. Только какъ взглянетъ временемъ въ самый уголъ церкви, почитай-что у самыхъ дверей церковныхъ, все ему чудится, стоитъ въ уголкѣ старица, имъ убитая, стоитъ на колѣняхъ, слезно молится. Страхъ его сначала бралъ, а потомъ думаетъ: «такъ это мерещится мнѣ только!» Словно окаменѣлъ чловѣкъ совсѣмъ. Только кончилась утренняя, вышелъ священникъ съ крестомъ — какъ дѣло было о насхѣ: сталъ православнымъ говорить: «Христось Воскресе!» Пошли всѣ прикладываться. Дьячокъ съ блюдечкомъ около священника всталъ. Глядитъ въ уголъ — видитъ, старица прохожая все тамъ. Поднимается она съ колѣнъ, перекрестилася и пошла. Идетъ ко кресту... Глядитъ на нее дьячокъ, глазъ не сводить... Она самая. Нѣтъ, онъ все глазамъ своимъ не вѣритъ. Подошла она ко кресту, приложилася; онъ ужъ дрожмя весь дрожитъ. А какъ вскинула она на него глаза, да протянула руку къ блюдцу — и свою ленту положить, задрожали у

него руки, вышло изъ нихъ блюдечко, ноги подкосились, палецъ онъ на колѣни, и въ грѣхѣ своемъ покаялся.

— Значить, онъ не ее убилъ? спросили въ одинъ голосъ и Катерина и Анна Васильевна.

— Вотъ какъ это было дѣло. Какъ сказалъ онъ про злоумышленіе свое, старица проходя какъ вскрикнетъ: «Господи! злодѣй-то знать жепу свою зарѣзалъ». Кинулись все къ нему въ домъ. Видятъ, точно лежитъ на постелѣ дьячича — и горло перерѣзано. — Старица тутъ и рассказала все. У стараго человѣка сонъ недологъ. Проснулась она и думаетъ: поди, къ утрени скоро собираться надобно. Лежать — пожалуй съизнова заснешь и въ церковь Божію не поспѣешь. Поднялася она, одѣлася, да и будить хозяйку. «Неловко,» говорить: «матушка, тебѣ на сундукахъ-то. Ложись опять на свою на кровать, а я собралася къ утрени — такъ чтобы не проспять». Хозяйка-то говорить: «Ладно!» Да и легла въ постель-то. «Деньги-то,» старица говорить: «я подъ подушкой оставлю — ты, матушка, побереги». Такъ и сдѣлалось.

— Ахъ, злодѣй! злодѣй! повторяла Катерина. — Что съ нимъ сдѣлали-то?

— Да что, матушка! извѣстно, по закону.

— Такъ, такъ.

Немало подобныхъ рассказовъ случалось слышать Пашенькѣ въ кельѣ теткы. И все эти рассказы были такого страннаго, темнаго, таинственнаго характера! Рядомъ съ разнаго рода чудесами и сверхъ-естественными приключеніями въ нихъ являлись и лица со странными обликами: блаженные, юродивые.

Анна Васильевна часто рассказывала про блаженнаго Андреюшку, котораго когда-то видала.

— Что это за святой былъ человѣкъ! говорила она: — по лицу узнавалъ, что на душѣ у кого. Случится, подастъ ему добрый человѣкъ милостыню, онъ и начнетъ грошикъ-то съ обѣихъ сторонъ цаловать, и смѣется, и на одной пощкѣ подпрыгиваетъ. А подастъ ему злой человѣкъ, онъ наплюетъ, наплюетъ на его подаваніе, да вслѣдъ ему и кинетъ. Одному такъ-то затылокъ пятакомъ прошибъ. И ужь кто знаетъ за

собою что, боятся его — бѣда, какъ боятся: издали завидить — все норовить, какъ-бы съ дороги свернуть или въ ворота куда-нибудь юркнуть — спрятаться. А подадутъ милостыню, Андреюшка сейчасъ по всѣмъ улицамъ побѣжить — выищеть нищенку или нищаго, и все отдастъ. Больше все слѣпцамъ подавалъ да калѣкамъ.

— Говорилъ что-нибудь? спрашивала собесѣдница.

— Мало говорилъ, отвѣчала Анна Васильевна: — больше мычалъ все какъ-то странно. И все бывало цѣлый день на улицѣ, либо въ церкви. Какой морозъ ни будь, онъ все въ одной рубашкѣ — черная у него рубашка была, длинная — и босой. На мѣстѣ спокойно-то не стоялъ — все переминается. И подъ нимъ, бывало, снѣгъ то оттаеетъ — земля черная. Весь городъ его уважалъ, какъ праведника. Какъ умеръ, самъ архіерей хоронилъ... Я не была на похоронахъ-то, а сказываютъ, духъ отъ него былъ пріятный такой, сладкій, не то, что отъ мертваго. Вѣдь и точно ничѣмъ онъ противъ Господа не согрѣшилъ — какъ ребенокъ былъ чистый. И чѣмъ только питался — удивительно, право: никто его не видалъ, чтобы онъ ѣлъ... Говорятъ, кромѣ малаго куска чернаго хлѣба, ничего и въ ротъ не бралъ, и то черстваго. А бывало къ кому зайдетъ въ домъ — это, значить, особая благодать какая будетъ дому. Посѣтитъ, значить, его Господь какою радостью. И какъ придетъ — все молится, все молится сначала, а потомъ начнетъ ходить взадъ и впередъ, и все мычитъ, все руками что-то разводитъ — объяснить что-то хочетъ. Понять-то его трудно было очень. А самъ улыбается — да кротко таково, ясно, словно младенецъ.

Не изъ однихъ разказовъ познакомилась Пашенька съ такими лицами.

Однажды въ келью зашелъ среднихъ лѣтъ человекъ въ черной бумажной ряскѣ, перетянутый ремнемъ, съ рѣдкой бородой и включенными волосами, и Анна Васильевна съ особеннымъ благоговѣніемъ приняла гостя, усадила и спрашивала. Гость на всѣ вопросы мычалъ, а отвѣчалъ на аспидной доскѣ грифелемъ. Болѣе всего была удивлена Пашенька тѣмъ, что, засучивая рукавъ своей черной засален-

ной рясы, этотъ странный человѣкъ показывалъ у себя на правой рукѣ, между кистью и локтемъ большой черный знакъ, изображавшій какую-то непонятную для дѣвочки фигуру. Пашенька спрашивала, отчего это у него такая фигура на рукѣ, и ей объяснили, что этотъ знакъ налагается на руку въ Иерусалимѣ, на память и въ удостовѣреніе того, что былъ тамъ человѣкъ и поклонился святому гробу Господню. Когда Пашенька выразила предположеніе, что знакъ можетъ стереться, если руку помыть хорошенько мыломъ, ей объяснили и способъ, какимъ производятся подобные знаки: накалываютъ руку иглой, и потомъ порошкомъ затираютъ; а бываетъ и такъ, что печать такая сдѣлана, накалять эту печать и выжгутъ ее на рукѣ, такъ, что потомъ уже ничѣмъ и не сведешь ее. Дѣвочка рѣшительно не понимала, для чего нужно подвергать себя такому истязанію, но не высказывала своей мысли, боясь, что это будетъ некстати: значить, это нужно и такъ слѣдуетъ, если дѣлаютъ люди.

Странный гость, не произносившій ни слова, служилъ, и во время пребыванія своего въ монастырѣ и потомъ долго спустя, предметомъ нескончаемыхъ разсужденій и разсказовъ, къ которымъ внимательно прислушивалась Пашенька и которые остались навсегда у нея въ памяти. Всѣ толковали объ удивительномъ терпѣніи Ивана Яковлича (такъ звали этого безмолвнаго человѣка), о трудности наложеннаго имъ на себя обѣта, о мученіяхъ, которыя онъ долженъ былъ претерпѣвать, и о твердости, съ которою переносилъ ихъ. Однимъ словомъ, Иванъ Яковличъ возбуждалъ во всѣхъ чувство живѣйшаго благоговѣнія.

— Сначала, какъ наложилъ онъ на себя обѣтъ молчанія, въ домѣ его стали тиранить домашніе, — такъ рассказывалось обыкновенно. — Отецъ не вѣритъ, мать тоже не вѣритъ: думаютъ, этимъ онъ отъ работы хочетъ отстать. Званія онъ купческаго, и достаточныхъ родителей. сынъ. Били его немало дома, и голодомъ-то морили, и въ холоду-то держали. Ничего не помогло: хоть-бы словечко промолвилъ. Ну, а какъ уснетъ, во снѣ, слышатъ, разговариваетъ. Это пуще отца сердило: значить, говорить, притворяется, а не то, чтобы языка лишился. Какъ слышать соннаго-то его

разговоръ, примутся будить — и еще норовятъ, какъ-бы испугать — авось, дескать, что промолвить. Не тутъ-то было! молчить. И въ молитвѣ ему помѣха была немалая: онъ во храмъ Божій, а его по-рукамъ и по-ногамъ свяжутъ, бросятъ въ сарай и запрутъ. Разъ помолился онъ со слезами отъ всея души, и взялъ такое рѣшеніе — уйти изъ дома родительскаго и поступить въ обитель какую, а потомъ пойти ко святымъ мѣстамъ — въ Кіевъ, Воронежъ, къ святителю Митрофанію, а тамъ, если Богъ дастъ, и подалее — за море, на святую гору, на Аѳонъ, въ святую землю, въ Іерусалимъ, ко гробу Господню. Вышелъ онъ изъ дому родительскаго глухой ночью; шелъ немало дней и ночей, въ дебряхъ и лѣсахъ скрывался, питался только тѣмъ, что корочку съ дерева сдереть да пососеть, или травки какой набереть, корешковъ наростъ — вотъ и вся его пища была. Приходить въ городъ, гдѣ монастырь; только не успѣлъ еще до обители добратъся, какъ взяла его на прямѣту полиція: какой такой это человѣкъ? откуда пришелъ? что виду такого подозрительнаго? Извѣстно — исхудалъ путемъ-дорогою такъ, что кожа къ костямъ прилипла, пожелтѣлъ, почернѣлъ, одежишка была старенькая, а тутъ по лѣсамъ-то бродя, о кусты, да о сучья вся изодралась въ лохмотья — грудь почитай вся наружѣ. Взяли его въ полицію. Стали спрашивать: что онъ за человѣкъ? откуда? Ну, онъ только и знаетъ мычить. По какому, говорятъ, виду ходишь? И на это никакого отвѣта не далъ. Обыскали его — нѣтъ при немъ никакой бумаги. Что съ нимъ дѣлать? Самъ ужъ онъ попросилъ знаками бумажки у нихъ клочокъ, написалъ, кто онъ такой и откуда. Какъ сказалъ, что онъ сынъ купеческій — вѣры ему не дали. Спрашиваютъ его: отъ рожденія-ли нѣмъ? Онъ имъ на письмѣ отвѣчаетъ, что говорить можетъ, а только для душеспасенья своего на себя обѣтъ наложилъ, молчальникомъ сталъ. Еще болѣ оттого подозрѣнія на него пало. Думаютъ, просто отъ рекрутсва бѣжалъ да дурь на себя накинулъ; а можетъ, и злодѣянье какое учинилъ, да скрывается. Хотѣли у него все выпытать... Какъ ужъ его не истязали, а такъ и не добились ничего: все вытерпѣлъ, а слова не проронилъ. Посадили его въ острогъ, покажѣтъ

отъ родителей отвѣтъ получитъ, коли онъ не обманываетъ, что у него родителя живы. Всѣхъ то удивляло, что выросъ онъ въ холѣ и въ довольствѣ, а все промѣнялъ на скитальную, на страдальную жизнь. Потому больше и не вѣрили ничему, что онъ показывалъ. Въ острогѣ сидючи, и было ему видѣніе, чтобы онъ не отчаявался, а молился Создателю, да доведъ бы все до свѣдѣнія владыки. А былъ тогда преосвященный мужъ житія праведнаго и Богу угоднаго, епископъ Амфилохій. Въ ту-же ночь и владыкѣ видѣніе во снѣ, что получить онъ письмо отъ заключеннаго, ради подвижничества своего пострадавшаго, и тотъ человекъ предъ Богомъ безгрѣшенъ и Его святой волѣ угоденъ. Возставъ отъ сна, пишетъ Иванъ Яковличъ письмо, препровождаетъ его ко владыкѣ, и съ этого письма освободили его отъ узъ, и пошелъ онъ по святымъ мѣстамъ странствовать. Гдѣ-гдѣ только не былъ! чего не видалъ! чего не натерпѣлся! и стужи, и зноя, и жажды, и голоду, а пуще всего отъ людей обидъ и поношеній! А все о имени Христовомъ вынесъ, и вотъ ужь пятнадцатый годъ свой обѣтъ держать; обложилъ тѣло свое тяжкими веригами, спитъ на голой землѣ, и вмѣсто подушки камень кладетъ.

Послѣ всѣхъ этихъ разказовъ еще суровѣе и страшнѣе являлась Пашенькѣ прямая, высохшая фигура Ивана Яковлича, съ впалыми, желтыми и сухими какъ пергаменъ щеками, съ включенными черными волосами и длинною черной бородой, по которой пробѣгала уже серебристыми змѣйками сѣдина. Глаза у него были глубокіе, черные, ярко блестящіе, и взглядъ неподвижно и долго останавливался на предметахъ. Когда Иванъ Яковличъ устремлялъ его на крошечную черничку, свѣжее, снѣжной бѣлизны личико ея покрывалось жгучимъ румянцемъ, она опускала свѣтлыя глаза и не знала, куда дѣться отъ страха, который давилъ тогда ея боязливое сердце.

Иванъ Яковличъ дополнялъ собою странныя картины, которыя составлялись въ воображеніи дѣвочки отъ ежедневно слышимыхъ ею разказовъ.

Зима была суровая: рѣдко выходила Пашенька изъ кельи, и жила въ этомъ странномъ мистическомъ мірѣ, пока не на-

ступила весна, окружившая ее иными картинами, въ которыхъ тусклую лампаду кельи смѣнило яркое радостное солнце Божье, а духоту и тѣсоту этого міра лишеній, скорбей и самоистязаній, вольный просторъ природы, гдѣ все полною грудью пьетъ жизнь, и наслаждается жизнью, и цвѣтеть, и горить радостью.

XVI.

Дорога, пролегавшая изъ-за рѣки, по которой тянулись изрѣдка обозы, видимые съ монастырской стѣны, съ каждымъ днемъ все больше темѣла, и все явственнѣе проглядывалъ надъ снѣжнымъ берегомъ частый кустарникъ; и самый снѣгъ не сіялъ уже такую ослѣпительной бѣлизной на солнцѣ, а солнце все ярче и ярче разгоралось, все выше и выше поднималось на ясное небо, по которому длинными и волнистыми, какъ расчесанный шелкъ, волокнами, тихо плыли облака, тая безъ слѣда въ горячей лазури. Долго стояло солнце на своей яркой высотѣ, и по крутымъ, уступчатымъ улицамъ, спускавшимся къ рѣкѣ, въ полдень тихо журчали ручьи, просачиваясь подъ снѣгомъ. Берега рѣки чернѣли; тальными глыбами обваливался съ нихъ послѣдній снѣгъ. Но вотъ, стали сгруживаться по краямъ неба сѣроватыя тучи, съ синевато-сизымъ отливомъ, какихъ не бываетъ зимой; начали перепадать теплые вѣшніе дожди, и быстро совершилось возрожденіе замирающей природы.

По утрамъ, сквозь сухія стекла оконъ, слышался веселый крикъ и щебетанье птицъ; крошечныя мушки выползали на стекла, пригрѣтыя полдневнымъ солнцемъ, и весело стучались въ нихъ, просясь на волю и негодуя на обманчивую прозрачность стекла.

Послѣ двухъ вѣтреныхъ дней, прохватывавшихъ рѣзкимъ холодомъ и порывисто кропившихъ землю дождемъ, весь монастырь былъ обрадованъ извѣстіемъ, что рѣка тронулась. Съ утра по нѣскольку разъ ходили и молодыя и старыя обитательницы монастыря, на обращенную къ рѣкѣ галерею, смотрѣть, какъ идетъ ледъ. Какой-то смутный гулъ и грохотъ слышался въ теплѣющемъ воздухѣ. Что-то звенящее

и радостное. Городъ былъ полонъ журчанья ручьевъ. Казаюсь, просыпались вездѣ и тревожно дышали, пробуждаясь, какія-то таинственныя силы; будто подходила со всѣхъ сторонъ неуловимымъ, но широкимъ потокомъ новая жизнь, и каждое живое сердце, не оледѣненное житейской зимой, не отданное бесплодною жертвой противоположному закону самоумерщвления, каждое живое сердце рвалось поглотить эту подступающую со всѣхъ сторонъ полноту жизни, со всѣмъ ея тепломъ и трепетомъ, или потонуть въ ея неизъяснимой и неуловимой нѣгѣ.

Рѣка вскрылась ото льда на страстной недѣлѣ. Протяжный великопостный звонъ неодолимой тоской ложился на сердце. Нетерпѣливо ждался свѣтлый праздникъ, который возгласилъ бы своимъ радостнымъ благовѣстомъ, вмѣстѣ съ памятью воскресенія Христа, и воскресеніе природы.

Краснорѣчивое письмо Платона Николаевича застало Анну Васильевну въ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ празднику. Хлопоты эти раздѣляла не только Катерина, но даже и Пашенька. Вмѣстѣ съ товаркой своей, съ которою играла въ куклы (вопреки возраженій Катерины, куклы на весь великій постъ были спрятаны Анной Васильевной), Пашенька щипала шелкъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, для крашенья яицъ. Это занятіе доставляло великое удовольствіе обѣимъ дѣвочкамъ, и онѣ хвалились одна передъ другой количествомъ нацѣпаннаго шелка. Катерина возилась съ тѣстомъ для куличей. Анна Васильевна красила яйца въ красномъ сандалѣ, и собственноручно лѣпила изъ масла кудряваго барашка; очень искусно сдѣлала она изъ золотой фольги завитые рожки, и еще искуснѣ обмотала пестрымъ шелкомъ круглую лучинку, къ которой навязала маленькое шелковое знамя съ машатымъ на немъ по срединѣ золотымъ крестомъ. Анна Васильевна только-что воткнула знамя въ голову барашка и только-что вставила ему вмѣсто глазъ по горошинкѣ перцу, когда почталіонъ принесъ письмо.

Все бросила Анна Васильевна; руки у нея дрожали, распечатывая письмо.

— Катеринушка! кричала она прерывающимся отъ вол-

ненія голосомъ: — Пашенька! идите слушать! Письмо пришло отъ Платона Николаича. Объ Васенькѣ пишетъ.

Катерина пришла съ запачканными тѣстомъ руками, и стала около Анны Васильевны, растопыривъ пальцы. Пашенька тоже оставила свою работу и подошла къ теткѣ, хотя ей немного пришлось понять изъ витіеватаго письма Платона Николаевича, и во все продолженіе чтенія се безпокоила мысль, что въ то время, какъ она стоитъ тутъ и слушаетъ, чего совсѣмъ не понимаетъ, пріятельница ея нащиплетъ цѣлый ворохъ шелку. Чтобы она не сдѣлала похищенія изъ нащипанной ею доли, Пашенька принесла свой шелкъ съ собою въ бумажкѣ.

Анна Васильевна начала читать почти со слезами на глазахъ: «Почтеннѣйшая родная, Анна Васильевна! Прежде нежели сообщать о событіяхъ нашего домашняго распорядка, примите», и такъ далѣе, какъ уже извѣстно читателямъ. Голосъ Анны Васильевны дѣлался съ каждою строкой прерывчатѣе и плаксивѣе, и извѣстіе о томъ, что Степанъ Семеновичъ Кундасовъ помолвилъ за себя старшую Верховскую, на которую когда-то и Платонъ Николаевичъ по неопытности и увлеченію имѣлъ свои виды, это извѣстіе Анна Васильевна прочитала съ глухими рыданіями. Дальше — о преданіи суду прокурора и объ ожиданіи въ городѣ Н. новаго владыки — Анна Васильевна и читать была не въ силахъ.

Катерина вслушивалась въ чтеніе внимательно, наклонясь немного однимъ ухомъ къ Аннѣ Васильевнѣ, но оставалась совершенно спокойной.

— Вотъ, проговорила, вытирая слезы, обильно бѣжавшія у нея по щекамъ, Анна Васильевна: — вотъ, Катериночка, говорила ты, не будетъ объ Васенькѣ заботъ у сестрицы Агаѣи Максимовны. Не заботы это, скажешь? Не только-что объ теперешнемъ-то времени, и о будущемъ-то думаетъ Платонъ Николаичъ — какъ и на службу-то Васеньку пристроить. Наградить его Господь за его благодѣянія.

Катерина съ всегдашнимъ скептицизмомъ посмотрѣла на Анну Васильевну, и покачала головой.

— Опять ты не вѣришь ничему! воскликнула Анна Васильевна.

Слезы у нея перестали катиться въ прежнемъ обилии.

— Да вѣдь кто пишетъ-то, Анна Васильевна? возразила Катерина. — Это вы по добротѣ своей только вѣрите. Вѣдь они сами это пишутъ. Извѣстно, какъ имъ не похвалиться своей добротой. А его-то бы самого спросить — Васеньку-то. Охъ, не вѣрится мнѣ имъ, Анна Васильевна!... Вотъ, кабы Васенька да самъ написалъ!

— Что-же, Катеринушка! Вѣдь и самъ Васенька пишетъ. Вотъ, послушай.

И Анна Васильевна развернула опять письмо Платона Николаевича, и въ заключеніи его прочтала: «И я, почтеннѣйшая тетушка Анна Васильевна, поздравляю васъ съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ, свидѣтельствую вамъ мое уваженіе, желаю вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки и прошу вашего благословенія. Сестрицу Пашеньку цѣлую. Вашъ покорный племянникъ Василій Шавровъ». При послѣднихъ словахъ Анна Васильевна чуть опять не всплакнула.

— Не по-дѣтски это писано, Анна Васильевна, возразила скептическая Катерина: — видимо сами-же они письмо написали, а дятъ только переписать велѣли. Какъ вы этого не видите? Вѣдь онъ въ каждомъ письмѣ все одни слова пишетъ.

— Да объ чемъ ему писать-то, Катеринушка? ты это скажи.

— Мало-ли о чемъ! Да пиши онъ самъ-то, развѣ-бы обо мнѣ-то не вспомнилъ, не прислалъ-бы старой нянѣ поклона.

— Вотъ ты какая, Катеринушка! что тебѣ поклона нѣтъ, такъ ты ужъ во всемъ обманъ видишь.

— Это я такъ для примѣра сказала; а и объ другомъ объ чемъ — тоже ни словечушка. И какъ живетъ и что. Самъ-же Платонъ Николаичъ пишетъ все непонятное такое. Слушаешь-слушаешь, а что, хоть убей, не разберешь.

— Вотъ ужъ это напрасно, Катеринушка! Написано все обстоятельно.

— Я, Анна Васильевна, человекъ не грамотный: мнѣ все чего-то будто мудрено.

— Ну, хорошо, перебила Катерину Анна Васильевна: — вотъ я завтра буду писать къ Платону Николаичу, и попрошу, чтобы Васенька самъ писалъ ко мнѣ, а не съ ихъ словъ, какъ ему въ голову что взбредеть, по-просту, подѣтски. Ужь тогда ты, я думаю, довольна будешь.

Напрасно такъ думала Анна Васильевна. Катерина немедленно возразила на это:

— Отъ нихъ его письмо не укроется. Тоже все напишетъ, что слава Богу живъ да здоровъ, только нескладице, а если ему отъ нихъ горе какое, недостатокъ какой, или что, этого ничего не узнаемъ. Коль и напишетъ что такое, такъ ему-же достанется. Хоть плачь, да ихъ хвали.

— Ну, ужъ у тебя характеръ такой, Катеринушка, — только-бы спорить... Право, скучно даже.

— Какъ угодно, Анна Васильевна — что у меня на умѣ, то и на языкѣ.

Анна Васильевна въ душѣ была согласна съ Катериной, хотя по добротѣ своей и довѣрчивости готова была мгновенно увлечься великими достоинствами Войлоковыхъ, маменьки и сына. Всякой разъ, получая отъ нихъ письма, Анна Васильевна читала ихъ Катеринѣ, и всякой разъ Катерина охлаждала восторгъ Анны Васильевны своимъ скептицизмомъ.

Зима въ этотъ годъ была снѣжная, и широко разлилась рѣка подъ городомъ К. Чудный видъ открылся съ террасы монастырскаго зданія. За ясной голубой гладью воды, изъ-подъ которой островами выдвигался кустарникъ, сопель уже снѣгъ, чуть бѣлѣя кой-гдѣ по скатамъ-овраговъ и пригорковъ, и далеко видѣлись, горя на солнцѣ тамъ-и-сямъ, какъ золотые червонцы, кресты сельскихъ церквей, которые рѣдко были видны въ короткіе зимніе дни. Рѣка подступила почти къ самому монастырю; между монастырскою стѣной и ея водами оставалось только небольшое песчаное пространство. Къ этой отмели, наканунѣ праздника, подъ вечеръ, причалило три лодки, въ которыхъ пріѣхало нѣсколько мужиковъ и бабъ къ свѣтлой заутрени. У бабъ

были подъ мышками узелки съ нарядными сарафанами и платьями, въ которыя онѣ и переодѣлись или въ кельяхъ знакомыхъ монахинь, или у знакомыхъ своихъ, въ слободѣ рядомъ. Вечеръ былъ довольно теплый, и большая часть прѣхавшихъ изъ-за рѣки богомольцевъ сидѣли кто на паперти церкви, кто на крыльцѣ главнаго монастырскаго зданія, и довольно шумно разговаривали. Вообще въ монастырѣ была необычная жизнь, слышалось особенное движеніе. Во всѣхъ окнахъ горѣли огоньки, обыкновенно такъ рано потухавшіе; вездѣ была суета: кто оканчивалъ праздничную стряпню, кто прибиралъ свою келью.

Анна Васильевна занималась послѣднимъ дѣломъ: и пасха, и куличи, и яйца были у нея уже готовы: она разставила все на столікѣ, покрытомъ бѣлою салфеткой, а сама чистила тертымъ мѣломъ вѣнчики и ризы на иконахъ. Когда она кончила это занятіе, оставила иконы по мѣстамъ и за-тепила передъ ними лампадку, передній уголъ засіялъ. Вѣстью праздника и весны смотрѣли изъ-за иконъ свѣжія вербы, съ бѣлыми какъ снѣгъ пушистыми шишечками на вѣткахъ; самая лампадка горѣла какъ-будто ярче, праздничнѣе. Чтобы не задремать, Анна Васильевна пошла въ церковь почитать тамъ Дѣянія Апостольскія, и смѣнила уже совѣмъ осипшую чтяцу. Богомольцы изъ-за рѣки, посидѣвъ на паперти, входили въ церковь, молились или ходили вокругъ и осматривали ее. И здѣсь ото всего вѣяло близостью свѣтлаго праздника. Серебряныя и золоченыя ризы иконъ горѣли какъ огонь даже отъ свѣта тоненькихъ свѣчекъ, теплившихся передъ ними. На всѣхъ налояхъ были новыя парчевыя и шелковыя одежды; въ высококомъ подсвѣчникѣ, предшествующемъ большому выносу, стояла мѣстная свѣча еще не обожженная; на каждомъ окнѣ были поставлены деревянные треугольники, унизанные шкаликами; амвонъ былъ покрытъ новымъ ковромъ.

Пашенька улеглась спать еще до сумерекъ: она непремѣнно хотѣла пойти къ заутрени. Катерина отговаривала ее, и представляла Аннѣ Васильевнѣ разные резоны, что дитю надо оставить дома — пусть поживаетъ; но Анна Васильевна не согласилась съ ея мнѣніемъ, и рѣшила взять

дѣвочку съ собой, тѣмъ-больше, что это и собственное ея желаніе. Пашенька, точно кто разбудилъ ее, проснулась какъ разъ за полчаса до заутрени.

Анна Васильевна воротилась изъ церкви къ себѣ въ келью, чтобы умыться и переодѣться. Катерина вошла къ ней въ комнату, и вдругъ повалилась ей въ ноги.

— Что ты? что съ тобой, Катеринушка? вскричала испуганная Анна Васильевна: — ужь не случилось-ли чего?

— Ничего, Анна Васильевна, не случилось, а только пришла я съ просьбой къ вамъ, отвѣчала Катерина, стоя на колѣняхъ.

— Что такое? что? повторяла Анна Васильевна. — Да встань ты съ полу-то. Перепугала меня совсѣмъ.

— Не встану, Анна Васильевна, говорила свое Катерина: — потуѣ не встану, покулева вы мнѣ отвѣта не дадите.

— Да говори-же!

— Матушка, Анна Васильевна! заговорила жалостнымъ и умоляющимъ голосомъ Катерина: — прикажите бѣлое кисейное платьице вынуть — на Пашеньку надѣть. Этакій праздникъ, а она, моя голубушка, вся въ черномъ. Смотрѣть на нее не могу, Анна Васильевна.

Аннѣ Васильевнѣ совсѣмъ не понравилась просьба Катерины, и она сказала ей на сколько могла сердитымъ голосомъ:

— Опять ты за свое! Встань, Катеринушка. Не ожидала я этого отъ тебя. Какъ это у тебя глупость эта изъ головы не выходитъ? Знаешь, кажется, что и мать-игуменья этого желала.

Въ свою очередь разсердилась тутъ и Катерина. Она была, пожалуй, и права: ея теплыя сердечныя желанія были встрѣчены такъ холодно и жестко Анной Васильевной. Катерина поспѣшно поднялась съ полу, обтерла наворачнувшіяся у нея на глаза слезы, и сказала:

— Виновата, Анна Васильевна, что осмѣлилась ваеъ объ этомъ просить. Кабы знала, и не заикнулась бы. Думала я, коли ужь здѣсь не приходится дитѣ въ бѣломъ платьицѣ быть, такъ я бы хоть въ соборъ съ ней сходила. Виновата,

Анна Васильевна, вивовата — и слова теперь объ этомъ не скажу. Во всемъ ваша воля.

— Вотъ ужъ ты и разсердилась, Катеринушка! Ну, прости меня! прости! заговорила Анна Васильевна, смутясь до глубины души, и сознавая, что такъ не отвѣчаютъ, какъ отвѣчала она, на такія сердечныя слова. — Я вѣдь только потому это сказала, Катеринушка, что матерп-игуменъ...

— Я и не спорю съ вами, Анна Васильевна, перебила Катерина.

— Да притомъ и Пашенька сама, продолжала Анна Васильевна: — совсѣмъ ужъ она отъ свѣтской одежды отвыкла.

— Воли ваша, Анна Васильевна, а не моя; какъ вамъ угодно, такъ и будетъ! сухо и нѣсколько обяженнымъ тономъ проговорила Катерина.

Скрѣпя сердце, принялась она одѣвать Пашеньку, и въ душѣ желала все, чтобы дѣвочкѣ захотѣлось спать, и оставить бы ее дома, только-бы не вести въ церковь въ этакой великій праздникъ да въ черномъ платьѣ.

— Чтѣ это, глазки-то у тебя, дитя, будто слипаются? говорила она дѣвочкѣ. — Почивать видно хочешь.

— Ахъ, пѣтъ, няня, нѣтъ, спорила Пашенька: — я совсѣмъ не хочу спать — я выспалась.

— Легла бы, голубушка, лучше въ постельку, право! продолжала уговаривать ее Катерина: — легкое-ли это дѣло, сколько тебѣ часовъ стоять придется! завтра, пожалуй, для праздника ножки будутъ болѣть.

— Нѣтъ, няня, возражала умоляющимъ тономъ дѣвочка: — я хочу въ церковь, къ заутренѣ, я не устану.

— Тѣсно будетъ, жарко.

— Ничего.

Какъ ни тихо велись эти переговоры, Анна Васильевна слышала ихъ изъ-за перегородки, и раскаяніе ее въ жесткихъ словахъ, только-что обращенныхъ къ Катеринѣ, опять смѣнилось досадой на нее.

Анна Васильевна подошла къ перегородкѣ, постучала въ нее рукой и крикнула:

— Ты, кажется, со мной для праздника совсѣмъ хочешь посориться, Катеринушка!

— Ничего больше не скажу, проговорила съ неудовольствіемъ Катерина, поспѣшно одѣвая свою питомицу.

— Такъ меня возьмутъ? спрашивала Пашенька.

— Возьмутъ, матушка, возьмутъ, отвѣчала Катерина.

Дѣвочка была въ восторгѣ. Ей никакъ не хотѣлось преспать свѣтлую заутреню и розговѣнье.

Когда въ окнахъ церкви начали одинъ за другимъ зажигаться огни, дѣвочка не отходила отъ окна, и безпрестанно кричала:

— Тетя! тетя! посмотри! еще въ одномъ окнѣ плошки зажгли.

Начали благовѣстить, и гулъ колоколовъ былъ какъ-то и полиѣе и торжественнѣе, чѣмъ когда-либо. Пашенька तो-ропила тетку идти скорѣе въ церковь.

Въ церкви никогда еще не бывало такъ тѣсно, какъ въ этотъ разъ. Сколько пестраго, праздничнаго народу сошлось встрѣчать тутъ Свѣтлое Воскресенье! Яркое сверканье свѣчей во всѣхъ рукахъ, радостное пѣніе дѣйствовали на сердце дѣвочки такою отрадой, что она и не подумала о снѣ, и даже не чувствовала усталости.

Заутреня на Свѣтлое Христово Воскресенье есть одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ пунктовъ дѣтской жизни въ семействахъ, гдѣ строго исполняются всѣ предписанія и обряды церкви и гдѣ главы дома проникнуты религіознымъ чувствомъ. И въ послѣдствіи, когда много и темнаго и свѣтлаго пройдетъ по сердцу, часто не оставляя на немъ и слабаго слѣда, когда развитый умъ станетъ наперекоръ влеченіямъ сердца, звонъ колоколовъ въ ночь передъ великимъ днемъ, веселое пѣніе пасхальнаго канона, сохраняютъ свое тонкое и сладостное вліяніе на душу, и общая радость, происходящая большею частью отъ общаго неразвитія, благотворно сообщается человѣку и переноситъ его къ порѣ свѣтлаго дѣтства, полнаго бессознательныхъ и безмятежныхъ радостей.

Этой-то радости, о которой въ послѣдствіи одно воспоминаніе такъ оживляетъ намъ сердце, была полна Пашенька въ торжественную ночь Воскресенія. Выходя изъ церкви домой, Анна Васильевна дала сначала народу повибраться, чтобы не тѣсниться въ дверяхъ, и потомъ уже пошла съ

Пашенькой. Проходя подъ аркой, дѣлившей церковь на двѣ половины, дѣвочка вспомнила о печальномъ изваяніи въ углу, такъ глубоко поразившемъ ее въ первый разъ, и выходя изъ-подъ сводовъ арки, невольно обратила глаза на лѣво. Ей казалось почему-то, что узникъ исчезъ ради такого всеобщаго празднества изъ своей вѣчно-запертой темницы, или что онъ на этотъ разъ такъ-же свѣтелъ и радостенъ, какъ всѣ окружающіе. На изваяніи точно была надѣта праздничная, яркая парчевая одежда, но лицо его, по-прежнему, было желто, худо и блѣдно, и съ каплями крови на лбу, и руки такъ-же были протянуты впередъ, словно умоляя. Маленькое сердце дѣвочки неприятно содрогнулось.

На паперти она снова разсѣялась. Тутъ было опять все и шумно и празднично. Отъ крыльца до воротъ, по сторонамъ намощенной плитою дороги, въ нѣсколько рядовъ горѣли свѣчки, около куличей, яицъ и пасхъ, ждавшихъ освещенія. Ночь еще не начинала свѣтлѣть, и тоненькія свѣчки горѣли такъ ярко въ едва-колеблющемся тепломъ воздухѣ.

Холодовъ уже и не было больше этою весной. На праздничкѣ-же монастырскій дворъ и садъ такъ высохли, что по нимъ можно было гулять сколько угодно. Монастырскія стѣны оживились. Къ обѣднѣ и къ вечернѣ приходило и пріѣзжало много богомольцевъ изъ города, или приплывало на маленькихъ лодкахъ изъ-за рѣки. Немало нищихъ, старыхъ и молодыхъ, толпилось у паперти. Въ числѣ ихъ особенно занималъ Пашеньку слѣпецъ, сидѣвшій на землѣ съ шапкою передъ собой, въ которую падали мѣдные гроши и копейки. Дѣвочка надолго останавливалась около него, и слушала его длинную и монотонную пѣсню. Онъ пѣлъ исторію о Лазарѣ. Пашенька даже выучила наизусть нѣкогорыя, самыя характеристическія мѣста пѣсни.

Вкругъ церкви было немало могилъ съ красивыми памятниками. Пока была зима, къ нимъ нельзя было и подойти отъ огромныхъ, навѣянныхъ кругомъ сугробовъ и холмовъ снѣга. Весною между могилами можно было играть на травѣ. Впрочемъ, игра заключалась въ томъ, чтобы сидѣть на травкѣ съ книгой и разсматривать въ книгѣ картинки. Къ могиламъ ввухалось дѣвочкѣ особенное благоговѣніе: Анна

Васильевна говорила Пашенькѣ, что рѣзвиться и бѣгать около могилъ — грѣхъ, и Пашенька ждала не дождалась, когда позволятъ ей ходить съ товаркой своей въ садъ, куда пока не пускала ее тетка, боясь, что дѣвочка простудится въ сырости.

Однажды, идя съ теткою въ церковь, Пашенька попросила Анну Васильевну прочитать ей крупную, но неразборчивую надпись на большомъ каменномъ памятникѣ, завершенномъ странной формы урной. Анна Васильевна начала читать: «Гробе мой, гробе! тихій м.й доме!» и что-то еще дальше, чего Пашенька уже не поняла. Но сравненіе гроба съ тихимъ домомъ заронилось въ ея дѣтскую головку; она перѣдко повторяла эти слова, и они породили въ воображеніи ея странное представленіе о какой-то незримой, таинственной жпзни подъ этими крестами и похоронными памятниками. Часто въ весенніе вечера, когда тихо плескалась за стѣнами монастыря рѣка, и голоса и звуки на рѣкѣ и за рѣкой доходили до монастыря только слабымъ и невнятнымъ гуломъ, Пашенькѣ казалось, что гулъ этотъ доносится изъ могилъ. Дѣвочка стала бояться крестовъ, памятниковъ и пасьшей вокругъ церкви, и какое-то темное чувство заставляло и ее самоё думать, что грѣхъ играть на могилахъ, какъ говорила ей Анна Васильевна.

Скоро Пашеньку стали пускать и въ садъ. Анна Васильевна купила ей маленькую лопатку, и дѣвочка стала почти по цѣлымъ днямъ копаться въ углу сада.

М. Михайловъ.

ЛОДНЫ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(Изъ путевыхъ записокъ 1857 года.)

А. МЕЛЮКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Золотой-Рогъ.

Когда въ первый разъ подъѣзжаешь къ городу, который давно привлекалъ къ себѣ памятниками искусства, красотой панорамы или своеобразной физиономіей, невольно приходитъ опасеніе, чтобъ дѣйствительность не помрачила какъ-нибудь знакомаго образа и не стерла красокъ съ дорогой для васъ картины. Съ такимъ чувствомъ приближался я теперь къ Константинополю, въ нетерпѣливомъ ожиданіи взглянуть на загадочную столицу ислама, на это яблоко раздора нашей эпохи, которое поражаетъ и своей вѣчной красотой, и разбѣдающимъ его червемъ внутренней порчи. Наконецъ я увижу этого представителя Востока, которому Западъ протянулъ руку съ братскимъ призывомъ къ образованію.

Быль пятый часъ вечера. Когда миновали мы Припчевы острова, плавающіе въ морѣ, точно корзины съ зеленью, между Азіей и Европой, повернули налѣво на голубую водную

площадь Золотаго-Рога и бросили въ ней якорь, посреди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй,— я не могъ удержаться отъ волненія. Какъ ни приготовленъ я былъ къ первой минутѣ свиданія съ знаменитой панорамой, но картина, которая теперь развернулась передо мною, была выше всѣхъ описаній и восторговъ. Ни Лондонъ съ своими мостами и пароходами, ни обширный видъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ, ни Венеція, выплывающая изъ моря мраморными дворцами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ эта несравненная панорама.

Надъ синей площадью, замкнутой слѣва Сералемъ, а справа угломъ Топханы, подымается глубокимъ оваломъ колоссальный амфитеатръ безчисленныхъ строеній, потопленныхъ въ зелени. Изъ рядовъ громоздящихся другъ надъ другомъ домовъ и кіосковъ подымаются величественные куполы, плоскіе, какъ опрокинутое блюдечко, сверкая золотыми полумѣсяцами; а передъ ними, точно исполнскія свѣчи бѣлаго воска, взлетаютъ вверхъ сверкающіе минареты, и масса бѣлыхъ и красныхъ домовъ перемежается зубчатыми купами темныхъ кипарисовъ. Позади, на азіятскомъ берегу, тянется другой, слегка-выгнутый амфитеатръ строеній и садовъ. Казалось, передъ нами была колоссальная жардиньера, какія ставятся передъ окнами, съ нѣсколькими рядами полокъ, подымающихся одна за другой уступами, и уставленныхъ зеленью въ форфоровыхъ вазахъ самыхъ прихотливыхъ формъ. И все это, глубоко подымаясь въ синее небо, отражалось въ такой-же синей глубинѣ моря.

Въ-самомъ-дѣлѣ мы остановились точно въ отверстіи изогнутаго вправо голубаго рога, перерѣзаннаго поперекъ длиннымъ мостомъ. На лѣвомъ изгибѣ поднимался Стамбуль, начинаясь Сералемъ и оканчиваясь вдали Эюбской мечетью, увѣнчанный полосатой красно-бѣлой массою Ая-Софи, которой исполнскій куполь круглился между четырьмя иглами минаретовъ. На правой сторонѣ рога тянулась Галата съ своей генуэзской башнею, а надъ нею полуевропейская Пера съ высокими бѣлыми дворцами русскаго и англійскаго посольства. Позади, за Босфоромъ раскидывался азіятскій Скутари съ кипариснымъ лѣсомъ исполнскаго кладбища, и во-

дымающейей передъ нимъ изъ воды бѣлой башнею Леандра. А между-ними, по свѣтлой поверхности моря несутся пароходы и взадъ и впередъ шныряютъ легкія лодки, сверкая веслами и какъ-будто перегоняясь съ рѣющими въ воздухѣ бѣлыми чайками.

Не успѣлъ я налюбоваться этой картиною, какъ на серальскомъ мысѣ сверкнулъ выстрѣлъ, клубъ бѣлаго дыма поднялся надъ Босфоромъ, а вслѣдъ за тѣмъ загремѣла пальба съ пристаней, военныхъ судовъ, пароходовъ, — и вся панорама скрылась за густой дымной завѣсою. Константинополь поздравлялъ себя съ наступающимъ праздникомъ курбать-бэйрама.

Между-тѣмъ Вулканъ со всѣхъ сторонъ былъ уже облѣпленъ кайками, въ которыхъ качались гребцы въ полосатыхъ рубахахъ и алыхъ тарбушахъ съ голубой кистью, похожихъ на греческіе фесы. На палубѣ бѣгали и суетились комиссіонеры, въ европейскихъ пальто, въ сѣрыхъ и круглыхъ шляпахъ. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ передо мною очутилось съ полдюжины вертлявыхъ фигуръ, которыя на-перерывъ совали мнѣ въ руки карточки съ адресами отелей и выкрикивали на французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ удобства и удовольствія, ожидающія путешественниковъ. Это были лакеи отъ перотскихъ гостинницъ, высланные къ пароходу для ловли пріѣзжающихъ.

— Двадцать франковъ въ день за квартиру со столомъ и винами! кричалъ одинъ.

— Пятнадцать цванцигеровъ за комнату съ обѣдомъ и завтракомъ!

— За десять франковъ комната съ видомъ на Сераль и Золотой-Рогъ, съ завтракомъ и обѣдомъ!

Я былъ въ положеніи господина, который съ полной игрою картъ въ рукѣ не рѣшается, какой сдѣлать ходъ. Последнее предложеніе, которое прокричалъ мнѣ молодой Французъ въ черномъ фракѣ и сѣрой шляпѣ, очевидно было живописнѣе и дешевле. На карточкѣ, которую онъ всучилъ мнѣ, прочелъ я: *Hôtel d'Europe, construit en pierre, tenu par Destuniano, situé à Pera.* Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ,

на которые комиссіонеръ отвѣчалъ мнѣ съ достаточной ясностью, я рѣшился ѣхать въ гостиницу Дестуниано.

Французъ бойко схватилъ мой чемоданъ. Пробирался къ выходу съ парохода, я столкнулся съ Османъ-агою, за которымъ тащился Мустафа, до такой степени обвѣшанный мѣшками и дорожными сумками, что подъ ними состояніе его наряда таилось въ совершенной неизвѣстности.

— Стамбуль! проговорилъ мнѣ Османъ, съ какою-то старческой улыбкою.

— Поздравляю съ прїѣздомъ и съ бѣйрамомъ!

Я спустился съ проводникомъ своимъ въ канкъ, и за отсутствіемъ лавочки сѣлъ на коверъ, въ первый разъ поджавъ ноги по-турецки. Гребецъ махнулъ веслами, и мы поехали, лавруя между сотнями взадъ и впередъ мелькающихъ лодокъ, по направленію къ Галатской-пристани. Узнавъ, что я Русскій, комиссіонеръ принялся поздравлять меня съ удачнымъ выборомъ отеля, поставляя мнѣ на видъ удовольствіе жить въ двухъ шагахъ отъ нашего посольства.

Недалеко отъ пристани навстрѣчу намъ вышелъ большой каякъ съ двумя гребцами. Въ немъ сидѣлъ Турокъ въ однобортномъ казакинѣ и малиновомъ тарбушѣ съ мѣдной бляхою. Онъ приказывалъ нашему гребцу остановиться. Это былъ таможенный чиновникъ. Я рассчитывалъ заранѣе, что первое мое знакомство съ Турками должно начаться именно въ таможенѣ, при разрытіи чемодановъ и требованіи бакшишей. Не имѣя на совѣсти ничего, что могло бы возбудить подозрѣніе высокой Порты, я желалъ даже этой встрѣчи, чтобъ посмотреть, на сколько турецкіе досмотрщики вѣжливые хоть на примѣръ французскихъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось познакомиться съ константинопольской таможеней.

На крикъ чиновника Французъ мой привсталъ въ канкѣ, поднялъ вверхъ чемоданъ мой, потомъ указалъ на меня и закричалъ: «Московъ!» Послѣ этого предисловія онъ сжалъ руку въ кулакъ, протянулъ ее энергически къ Турку, опустился въ лодку и приказалъ нашему гребцу править къ пристани. Казенный каякъ смиренно повернулъ назадъ. Дѣло съ таможеней тѣмъ и кончилось.

Эта небывалая метода таможеннаго досмотра озадачила меня.

— Неужели здѣсь всегда такъ осматриваютъ? спросилъ я Француза.

— О, нѣтъ! Еслибы у васъ было много поклажи — сундуки, баулы, — разумѣется пришлось бы дать на водку. Но у васъ вѣдь ничего нѣтъ!

— А чемоданъ?

— Что это за чемоданъ! Вѣрно, тутъ одно платье ...

— А если онъ набитъ фальшивыми ассигнаціями?

— *Pourquoi pas!* отвѣчалъ смѣясь комиссіонеръ: здѣсь и такъ половина ассигнацій — фальшивыя.

— Ну, а кулакъ-то тоже въ порядкѣ вещей?

— *Sans doute, monsieur!* Какъ смѣетъ кричать этотъ Турокъ! развѣ мы Армяне какіе-нибудь! Вы Русскій, я Французъ — *nous sommes les sujets de deux grandes nations!* Надобно держать въ рукахъ этихъ варваровъ.

Мы пристали къ набережной Галаты. Турецкій хамаль или носильщикъ, полунагой и загорѣлый, поднялъ на плеча мою поклажу, пригнулся головой почти до земли и скорыми шагами побѣжалъ по улицѣ, вдоль Золотаго-Рога, покрикивая безпрестанно: берегись! вардà! вардà! Мы пустились вслѣдъ за нимъ, между двумя рядами красныхъ деревянныхъ домишекъ, наклонившихся другъ къ другу верхними этажами, прыгая по мостовой, или лучше-сказать навороченнымъ безъ толку камнямъ, между вереницами навьюченныхъ всякой всячиной ословъ, толпами оборванныхъ гамалей и цѣлымъ населеніемъ бродячихъ собакъ. Шагая по грудамъ тлѣющей золы и кучамъ сраднаго пепла, на развалинахъ вчерашняго пожара, дошли мы до Галатскихъ-воротъ, и мимо изящнаго мраморнаго фонтана и какого-то кладбища повернули въ узкую, извилистую улицу, которая круто подымалась вверхъ, вся изрытая ямами, усѣянная камнями и похожая на изсохшее русло какой-нибудь горной рѣчки. Это главное сообщеніе Галаты съ Перою. Черезъ нѣсколько минутъ добрался я наконецъ, усталый и измученный, къ каменному четырехъ-этажному дому съ вивѣскою *Hôtel d'Europe*.

Миѣ отвели маленькую спальню, въ которой ничего не

было восточнаго, кромѣ разостланной на столѣ алой суконной скатерти съ вышитымъ шелками вензелемъ султана Абдуль-Медшида. Къ этой комнаткѣ примыкала общая для трехъ номеровъ зала, обставленная по стѣнамъ турецкими диванами: изъ оконъ ея открывалась панорама Стамбула съ безчисленными куполами и минаретами, и Золотой-Рогъ съ вымпелами несчетныхъ судовъ и стаями летающихъ по всѣмъ направленіямъ кайковъ. Въ этой залѣ я имѣлъ право сидѣть весь день, и пожалуй хоть цѣлую ночь, еслибъ пришла охота любоваться видами при свѣтѣ мѣсяца.

Я успѣлъ уже отдохнуть и переодѣться, когда звонокъ пригласилъ жильцовъ Hôtel d'Europe въ столовую. Небольшая зала въ нижнемъ этажѣ, съ стеклянной галереей, обращенной на маленькій дворикъ, вся уставленная деревьями и двѣтами, похожа была на римскій триклиніумъ, а сервировка стола и французскіе лакеи напоминали парижскіе рестораны. Къ обѣду собралось человѣкъ пятнадцать гостей со всѣхъ концовъ Европы: корреспондентъ французскаго журнала, Англичанинъ съ семействомъ, русская барыня, отправлявшаяся на богомолье въ Палестину, итальянскій купецъ, Нѣмецъ-художникъ и какая-то старуха Молдаванка, которую хозяинъ величалъ княгинею. Разговоръ шелъ сперва о выборахъ депутатовъ въ Дунайскихъ княжествахъ, а потомъ о пожарѣ, истребившемъ въ прошлую ночь двѣсти домовъ въ Галатѣ, и о дневномъ грабежѣ на главной улицѣ Перы. Видно было однакожь, что послѣднія событія тревожили только пріѣзжихъ, потому-что сеньоръ Дестуніано, обѣдавшій вмѣстѣ съ своими гостями, слушалъ все это очень хладнокровно, и когда я спросилъ, какъ они не боятся такихъ безпрестанныхъ тревогъ, онъ спокойно отвѣчалъ мнѣ:

— Чего-же бояться? вѣдь это бываетъ здѣсь почти всякой день!

Однѣ переходъ отъ пристани къ гостиницѣ убѣдилъ меня, что безъ проводника въ Константинополѣ такъ-же легко запутаться, какъ и въ Критскомъ-лабиринтѣ. Противъ обыкновенія я рѣшился заpastись на этотъ разъ ариадниной нитью въ лицѣ какого-нибудь насмѣнаго лонъ-лакея. Когда я сказалъ объ этомъ хозяину, онъ представилъ мнѣ низенькаго одно-

глазаго Грека и рекомендовалъ, что этотъ человекъ знаетъ Константинополь, какъ собственные карманы и говорить на пяти языкахъ. Криваго чичероне звали Папатоли. Съ первыхъ словъ онъ объявилъ мнѣ, что съ молокомъ матернимъ всосалъ любовь къ Русскимъ и готовъ отдать мнѣ въ наймы свои знанія и ноги по четыре франка въ день.

Только-что начало темнѣть, опять раздалась пушечная пальба, и я отправился съ своей ариадниной нитью смотрѣть знаменитую иллюминацію послѣдней ночи рамазана. По лабиринту улицъ Галаты добрались мы до уродливаго подобія деревяннаго моста, поставленнаго на заливѣ, и взяли на пристани лодку.

Стамбульскій каякъ достойный соперникъ венеціанской гондолы. Одна какъ-будто нарочно выдумана для свиданій и пѣсенъ любви, другой для кейфа и пріятнаго бездѣйствія. Это легкая, съ обѣихъ сторонъ остроконечная лодка, покрытая силошной рѣзбою изъ орѣховаго дерева, въ видѣ цвѣтовъ и арабесковъ. Въмѣсто скамеекъ разостланъ въ ней коверъ, а на немъ лежитъ красная суконная подушка, до половины отогнутая на спинку. Съ перваго раза кажется странно сидѣть поджавъ или вытянувъ ноги на коврѣ; но скоро понимаешь, что иначе нельзя и держаться въ этой необыкновенно-легкой лодкѣ, которая качается отъ малѣйшаго прикосновенія и порхаетъ по водѣ съ поражающей быстротою. Если гондола своимъ зубчатымъ хвостомъ напоминаетъ рыбу, то каякъ по острому носу и широкимъ весламъ похожъ на чайку, скользящую на своихъ тонкихъ и длинныхъ крыльяхъ.

Каячки въ полосатой кисейной рубашкѣ, широкихъ бѣлыхъ шальварахъ и малиновомъ тарбушѣ съ голубой кистью, загорѣлый и суровый, съ обнаженной грудью и голыми до локтей руками, взялся за весла, — и мы понеслись къ выходу изъ Золотаго-Рога, между стаями разлетающихся во все стороны каяковъ, при неумолкающемъ крикѣ: вардѣ! вардѣ! Быстро наступавшіе сумерки и облака пушечнаго дыма застигали отъ насъ панораму города, и только кое-гдѣ проглядывалъ минаретъ или клочекъ зелени и сверкали огоньки приготовляемой иллюминаціи. Но по-мѣрѣ-того, какъ дымная

завѣса приподымалась, ночь становилась темнѣе, какъ-будто торопясь приготовить черный грунтъ для огненной картины.

Когда мы, обогнувъ Топхану, переплыли косвенно черезъ Босфоръ и подошли къ Леандровой-башнѣ, одиноко поднимающейся надъ водами пролива, между Европой и Азіей, весь Константинополь загорѣлся уже огнями. Вотъ наконецъ этотъ поэтическій Востокъ, напоминающій яркія краски вымысловъ Шехеразады. Ни видъ съ Кремлевской горы на Москву въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, ни газовыя иллюминаціи парижскихъ бульваровъ и Елисейскихъ-полей, не даютъ понятія о волшебной картинѣ, которая открывается отъ скутарійскаго берега въ каунъ курбать-бэйрама. По обѣимъ краямъ Золотаго-Рога, налѣво передъ Сералемъ, направо у дворца Дольма-Бахче, загорѣлись колоссальныя турѣ султанскаго вензеля, изъ фантастически переплетенныхъ восточныхъ буквъ. Надъ ними, по всему амфитеатру города, надъ массою зданій, утопающихъ въ темной пустотѣ, вспыхнули безчисленныя огненные кольца: это иллюминированныя балконы константинопольскихъ минаретовъ. При яркомъ свѣтѣ ихъ самыя строенія пропадали въ темнотѣ, и казалось, передъ нами на безконечномъ пространствѣ висѣли тысячи люстръ въ два и три кольца, которыя подымаясь одна надъ другою, терялись въ глубокой дали. Ярче другихъ свѣтились направо широкій вѣнецъ Галатской-башни, налѣво группа симметрически горящихъ тройныхъ колецъ на шести минаретахъ Ахмедіе. И блескъ этихъ огней, оставляя во тьмѣ куполы мечетей, отражался только на ихъ позолоченной лунѣ, и казалось сотни золотыхъ сверкающихъ полу-мѣсяцевъ вошли на небѣ, среди какихъ-то фантастическихъ созвѣздій. И все это, опрокидываясь, повторяется въ темной глубинѣ Золотаго-Рога и Босфора. Эта ночь одна изъ Тысячи-и-одной ночи!

Часовъ въ десять воротились мы опять въ заливъ и добрались до Топханской-пристани. Темныя улицы, кое-гдѣ только освѣщенныя слабыми огоньками пзъ дверей кофеенъ и табачныхъ лавокъ, послѣ блеска иллюминаціи, казались мрачными вертепами. При неистовомъ лаѣ грызущихся собакъ дошли мы до гостинницы, и я уснулъ въ ожиданіи утренняго торжества бэйрама.

II.

КУРБАТЬ - БЭЙРАМЪ.

Въ три часа ночи подъ окнами моей спальни раздался глухіе звуки турецкаго барабана и послышалось какое-то дикое, гортанное завыванье. Это были имамы, обходящіе приходы своихъ мечетей съ повѣсткой о наступленіи праздника. Я вышелъ въ залу и отворилъ окно. Во всѣхъ концахъ города слышался глухой гулъ барабана, и крики имамовъ сливались съ воемъ безчисленныхъ собакъ, которыя проснулись, кажется, на эту музыку во всемъ Константинополѣ и вмѣстѣ съ правовѣрными привѣтствовали наступленіе бэйрама. Черезъ полчаса раздалось съ минаретовъ заунывное пѣніе муэззинновъ, и потомъ вся эта увертюра закончилась громомъ выстрѣловъ въ Европѣ и Азіи.

Панатоли пришелъ сказать, что верховья лошади готовы. Мы спустились въ Галату, въ сопровожденіи сауса, который бѣжалъ за нами, положивъ руку на крестецъ моей лошади. Солнце встало: золотые полумѣсяцы такъ и горѣли на куполахъ мечетей. По Галатскому-мосту двигались кареты съ сверкающими золотомъ сановниками, талики или большія фуры съ овальными окнами, запряженные парой воловъ и наполненные окутанными въ яркія одежды женщинами, паша на арабскихъ лошадяхъ съ шагающими позади саисами и трубноносцами. По Золотому-Рогу неслись раззолоченные кайки, сверкая рядами бѣлыхъ красноголовыхъ гребцовъ. Все это спѣшало къ Сарай-Бурну или старому Сералю.

По извилистой улицѣ, обставленной жалкими деревянными домишками, приѣхали мы къ древнему Августеону, площади передъ бывшимъ дворцомъ византійскихъ императоровъ. Мы отдали лошадей своему сансу. Кривая улица, пролегающая отъ Серала къ мечети Ахмедіе, гдѣ въ этотъ годъ должно было совершаться освѣщеніе праздничныхъ барановъ, уставлена уже была рядами султанской гвардіи, въ красныхъ сюртукахъ съ черными бархатными нашивками на груди, въ алыхъ тарбушахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Блестящая обмундировка не скрывала жалкаго вида солдатъ: мундиръ былъ почти

англійскіе, лица почти китайскія. Вдоль зубчатой стѣны Серала, по обѣимъ сторонамъ его воротъ и у стоящаго на площади прелестнаго фонтана съ золотыми куполами и арабесками, оборванные Турки наставили скамеекъ и подмостковъ и съ крикомъ приглашали смотрѣть султанскій пѣздъ.

Сераль съ перваго взгляда напомнилъ мнѣ Кремль, и своей зубчатой стѣною, и примыкающими къ нему садами. Ворота Баба-Гамаюнъ были отворены. Мы вошли на первый дворъ. Это большая площадь, обведенная со всѣхъ сторонъ бѣлыми стѣнами. Направо стоитъ башня съ фонтаномъ, и за нею ворота въ садъ Гюль-бахче, гдѣ надъ кустами розъ и жасминовъ поднимаются кіоски и бѣлый стержень Феодосіевоѣ-колонны, а между ними синѣетъ Мраморно-море. Нагъво тянется зданіе Монетнаго-двора и ворота въ другой садъ Гюль-ханѣ, густо усаженный темными кипарисами, платанами и зонтичными пиннами, сквозь которыя просвѣчиваетъ синяя полоса Золотаго-Рога. Прямо передъ входомъ поднимаются зубчатые ворота Орта-Каву, которые ведутъ на внутренний дворъ. Въ лѣвомъ углу площади стоитъ церковь Св. Ирины, обращенная теперь въ арсеналь стариннаго оружія. Передъ нею видны три гробницы изъ краснаго порфира съ выпуклыми полуобитыми крестами, и римскій саркофагъ бѣлаго мрамора съ почернѣвшими барельефами. Никто не знаетъ, какіе деспоты лежали въ этихъ изуродованныхъ гробницахъ: Турки развѣяли прахъ ихъ, а время истребило и самыя имена. Но передъ церковью подымается платанъ, который вѣроятно помнитъ не одного изъ византійскихъ императоровъ. Я не видывалъ такого колоссальнаго дерева: стволъ его похожъ на башню, а сучья раскидываются во всѣ стороны, точно исполинскія горизонтальныя деревья. Говорятъ, Магометъ II стоялъ подъ тѣнью его въ день взятія Константинополя.

Черезъ дворъ отъ однихъ воротъ до другихъ тянулась та-же султанская гвардія, а по сторонамъ стояли кареты и коляски съѣзжающихся нашей, и самыя держали прекрасныхъ верховыхъ лошадей съ шитыми золотомъ чапраками. Зрители были почти все Европейцы: вездѣ видѣлись пальто и шляпки, слышался французскій и англійскій языкъ.

Турокъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, почти не было; только съ десятокъ уродливыхъ таликъ, расписанныхъ цвѣтами и фруктами, какъ подносы въ русскихъ харчевняхъ, и набитыхъ окутанными въ бѣлые яшмаки женщинами, выражали мусульманское любопытство. На дворѣ было такъ просторно, что я пробразя съ своимъ проводникомъ до самыхъ воротъ Орта-Капу. Передъ нами подымался кіоскъ съ тѣмъ роковымъ окномъ, гдѣ въ блаженные янычарскія времена выставлялись отрубленные головы, навлекавшія гнѣвъ падишаха. Но послѣ мертвой головы янинскаго Али-Паши выставка ограничилась здѣсь одними мѣшками свѣжепротертыхъ носовъ и ушей, да и та съ воцареніемъ Абдуль-Медшида пришла въ упадокъ къ огорченію правовѣрныхъ.

Въ шесть часовъ изъ воротъ выбѣжалъ низенькій Турокъ въ военномъ сюртукѣ и фесѣ и торопливо замахалъ руками. Войско выровнялось. Вслѣдъ за тѣмъ хлынула цѣлая толпа сановниковъ въ раззолоченномъ нарядѣ, и саисы начали подавать верховыхъ лошадей. Процессія двинулась изъ Орта-Капу.

Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ вели восемь арабскихъ лошадей въ наборной сбруѣ, блиставшей золотомъ, въ чапракахъ съ султанскимъ вензелемъ изъ дорогихъ камней. Онѣ показались мнѣ, впрочемъ, довольно-обыкновенными. Потомъ вывели еще двухъ лошадей, знаменитой кровной породы неждъ, прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ свѣтлые умные глаза, легкая поступь или лучше сказать походка, въ состояніи вскружить голову любителю. Уборъ на нихъ весь залитъ былъ въ золото и алмазы. Затѣмъ потянулись въ два ряда пеки или султанскіе тѣлохранители, въ военныхъ сюртукахъ, бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и красныхъ ускуфахъ, похожихъ на монашескіе клобуки, съ аршиннымъ перомъ радужныхъ цвѣтовъ, отогнутымъ назадъ въ видѣ широкаго гребня. Эти маскарадныя стражи, вооруженные теберами или алебардами, съ позолоченнымъ лезвиемъ въ видѣ полумѣсяца, выступали какимъ-то заученнымъ шагомъ, непохожимъ ни на ходьбу, ни на маршировку. Въ ихъ надутыхъ лицахъ, забавной выступкѣ и пошломъ нарядѣ было столько комиче-

скаго, что я невольно вспомнил хохлатого австралийскаго журавля, который маршировалъ передъ нами въ лондонскомъ Зоологическомъ-саду. Наконецъ, окруженный такими-же престарѣлыми пажами, на прекрасномъ сѣромъ конѣ, у котораго сбруя горѣла въ брилліантахъ, ѣхалъ султанъ. На плечахъ у него былъ накинутъ харвани, синій суковный плащъ съ стоячимъ малиновымъ воротникомъ, застегнутый на шеѣ аграфомъ изъ дорогихъ камней, а на головѣ круглый алый тарбушъ, на которомъ вмѣсто кисти подымалось прямое палевое перо, пристегнутое брилліантовымъ полумѣсяцемъ. Онъ сидѣлъ на лошади съ совершенной неподвижностью. На блѣдномъ худощавомъ лицѣ его не видать было ничего, кромѣ холоднаго безстрастія и какой-то печальной усталости. Еслибъ онъ изрѣдка не подымалъ глазъ, можно бы подумать, что это восковая фигура: на поклонъ Европейцевъ онъ медленно опускалъ рѣсницы, на колѣнопреклоненія Турокъ не обращалъ вниманія. За хвостомъ его лошади, переваливаясь съ ноги-на-ногу, двигались кпзляръ-агасы и капу-агасы, начальники еснуховъ, одинъ черный какъ сапогъ, другой желтый какъ лимонъ. Ихъ пухлые и сморщенные лица, похожія на гнилыя печенныя яблоки, ихъ отвссыя губы и слезящіеся глаза казались еще отвратительнѣе при военныхъ шуртукахъ, въ которыхъ сукно исчезало совсѣмъ подъ золотой вышивкою. У воротъ онъ сѣлъ на лошадей, и къ нимъ примкнула цѣлая кавалькада визирей, пашей и беевъ, въ мудреныхъ вышитыхъ шуртукахъ и красныхъ тарбушахъ. Поѣздъ медленно прошелъ черезъ дворъ и исчезъ въ воротахъ Баба-Гамаюнъ. Вотъ послѣдніе остатки дарп-саадета, безчисленнаго султанскаго двора, который въ былые годы поражалъ своею пышностью. Махмудъ вмѣстѣ съ лыычарами разогналъ и серальскую челядь: съ его реформою исчезли эти толпы бѣлыхъ и черныхъ придворныхъ, нѣмыхъ и карликовъ, носителей чубуковъ и скамеекъ, раздавателей золота и петлей—и изъ всѣхъ орудій варварства, олицетворявшихъ страсти намѣстниковъ Пророка, уцѣлѣли неизмѣнно одни представители ревности.

Какъ только процессія скрылась, намъ псзозволи переступить за Орта-Капу. Мы прошли страшные ворота, до-

сикъ-портъ почти недоступны путешественникамъ. Внутри они убраны тенторами, алебардами и атагалами. Но туристъ не увидитъ въ нихъ теверъ ни кожаныхъ мѣшковъ, для выставки-головъ и соленыхъ ушей, ни знаменитой ступы, въ которой полагалось толошь священную особу муфтя, въ случаѣ отступленія его отъ правилъ ислама. Мы вошли на внутренний дворъ. Съ одной стороны онъ застроенъ кіосками съ рѣшетчатыми окнами, съ другой во всю длину его тянется низкое зданіе со множествомъ маленькихъ свинцовыхъ куполовъ. Это султанскія кухни, съ которыхъ въ старыя годы питали всякій день десяти-тысячную дворню. Отъ Орта-Каму широкая аллея платановъ и кипарисовъ ведетъ къ Баба-Саадетъ или Воротамъ-Блаженства, то-есть ко входу въ самый дворецъ. Это перистиль изъ арабскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфирowychъ колоннахъ, среди котораго подымается сквозной кіоскъ, съ свинцовымъ куполомъ, выложенный цвѣтнымъ мраморомъ, мозаичными арабесками и восточными надписями изъ граціозно-переплетенныхъ восточныхъ буквъ. По сторонамъ, въ глубинѣ аркады, намалеваны грубые пейзажи, съ ярко-цвѣтными деревьями и домами, совершенно въ томъ вкусѣ, какъ расписывались лѣтницы въ московскихъ трактирахъ. При мраморѣ и порфирѣ малеванья эти кажутся еще безобразнѣе.

Съ лѣвой стороны отъ этихъ Блаженныхъ Воротъ стоитъ еще большой кіоскъ. Въ окнахъ его, до половины завѣшенныхъ зеленою татвою, видѣлось нѣсколько жемскихъ головъ, закутанныхъ въ бѣлые кисейные яшмаки, изъ-подъ которыхъ свѣтились выразительные черные глаза. Руки, затянутыя въ бѣлыя лайковыя перчатки, съ золотыми браслетами, опирались на подоконники или играли опахалами изъ цвѣтныхъ перьевъ. Позади показывалась иногда черная голова въ бѣлой чалмѣ, и ея отвислыя губы и желтоватыя глаза доказывали, что она принадлежала къ вѣдомству почтеннаго кизрля-агаси. Это высочайшій гаремъ падишаха. Передъ кіоскомъ разставлено было десятка два разнокалиберныхъ дивановъ, орѣховаго и краснаго дерева, обитыхъ синимъ и желтымъ бараканомъ. Вокругъ этой жалкой мебели, какъ-будто собранной наудачу изъ трактировъ, толпи-

лись слуги съ сумками черезъ плечо и съ чубуками въ кожаныхъ и клеенчатыхъ чаклахъ. Тутъ должны отдыхать сановники по возвращеніи изъ мечети.

Рослые платаны и кипарисы, разбросанные передъ входомъ во дворецъ, обведены круглыми каменными пьедесталами, изъ которыхъ деревья поднимаются, какъ изъ цвѣточныхъ кадокъ. Я взобрался на одну изъ этихъ платформъ, въ ожиданіи послѣдняго акта комедіи.

Черезъ часъ процессія потянулась обратно отъ воротъ Орта-Капу, почти въ томъ-же порядкѣ. За выступающими журавлемъ пенками ѣхалъ по-прежнему султанъ на своемъ сѣромъ конѣ, съ тѣмъ-же усталымъ и безстрастнымъ взглядомъ. Но свита шла уже пѣшкомъ, и въ ней вмѣстѣ съ чернымъ и бѣлымъ хранителемъ женской вѣрности шли главные хранители мусульманской вѣры, шейхъ-уль-исламъ и меккскій шерифъ, въ кашемировыхъ халатахъ и чалмахъ, одинъ весь бѣлый, точно какаду, другой съ головы до ногъ зеленый, какъ попугай. Шествіе заключалось десятью освещенными баранами, у которыхъ рога были обвиты гирляндами цвѣтовъ. Султанъ сошелъ съ лошади и скрылся въ Воротахъ-Блаженства вмѣстѣ съ баранами. Свита осталась на дворѣ.

Паши и муширы разсѣлись по диванамъ, спиною къ женскому кіоску, и чубукчи разнесли имъ жесминные чубуки, сверкавшіе золотомъ и цвѣтными камнями. Всѣ правовѣрные уста задымились. Неужели-же это представители Турціи! Какъ коровы Фараона, всѣ эти сановники неумѣренно толсты или до крайности худощавы. Никогда не видалъ я заразъ такого количества шарообразныхъ животовъ, истощенныхъ желто-лимонныхъ лицъ, оловянныхъ и неподвижныхъ глазъ. Все это, лишешное широкой шубы и пышной чалмы, въ коротенькихъ сюртукахъ и узкихъ папталонахъ, было до-крайности пошло. А великолѣпное золотое шитье и блестяція алмазами трубки, при этихъ трактирныхъ диванахъ и толпящихся позади слугахъ съ протертыми локтями, представляло жалкую смѣсь богатства и нищенства. Во всей коллекціи этихъ трехбунчужныхъ брюхъ только два лица смотрѣли по-человѣчески: это великій вазиръ Решидъ-

паша, низенькій старичокъ, съ сѣдой бородою и умными свѣтлыми глазами, да Омеръ-паша, высокій, стройный мужчина, который не столько, кажется, участвовалъ въ церемоніи, какъ глазѣлъ на европейскихъ зрительницъ.

Между-тѣмъ передъ султанскимъ кіоскомъ разостлали большой турецкій коверъ и поставили на немъ тронъ, или лучше-сказать небольшой диванъ, обитый золотой парчей и унизанный камнями, а подлѣ него низенькій табуретъ, въ родѣ нашихъ дамскихъ скамеечекъ. Взводъ султанской гвардіи, примкнувъ къ обѣимъ сторонамъ кіоска, развернулся передъ входомъ во дворецъ, около трона, правильнымъ полукругомъ. Въ серединѣ дуги помѣстился хоръ музыки.

Раздалась увертюра изъ Риголетто. Султанъ, въ сопровожденіи десяти хохлатыхъ стражей, вышелъ изъ дворца медленной, усталой поступью, опустился на тронъ и протянулъ на табуретъ ногу, обутую въ лакированный сапогъ. Войско прокричало три раза привѣтствіе падишаху.

Какъ-только замолкъ этотъ хриплый крикъ, великій ви-зирь, отдѣлясь отъ толпы нашей, вошелъ въ кругъ, медленно обогнулъ его до середины, повернулся и, наклоня голову, сталъ подходить къ султану. Остановясь передъ трономъ, онъ приложилъ руку къ сердцу, потомъ ко лбу, опустился на землю и протянулъ губы къ блестящему сапогу падишаха; но султанъ поднялъ его и поцѣловалъ въ плечо. Той-же чести удостоились бѣлый муфти и зеленый шерифъ. За ними началъ подходить позолоченные шахи и муширы. Всѣ эти толстые брюхи прилегали въ свою очередь къ землѣ, губы прикладывались къ августѣйшему сапогу, и желтыя лица отражались, какъ въ зеркалѣ, въ его лакированной кожѣ. Султанъ оставался безстрастнымъ: казалось, онъ спалъ съ открытыми глазами при неумолкающихъ звукахъ оперной музыки.

Монотонное однообразіе серальской церемоніи одинъ разъ только оживилось отъ неожиданнаго случая. Еще до начала султанскаго выхода десятка два европейскихъ шкиперовъ и матросовъ взобралось на деревья, которыми усаженъ дворъ Серая. Въ то время, когда черный кизляръ-агаси упалъ

ничкомъ передъ султаномъ, и протянулъ отвислыя губы къ его сапогу, какой-то голландскій шкиперъ, въ синей курткѣ и лакированной шляпѣ, сорвался съ ближайшаго къ намъ платана и тяжело рухнулъ на толпу стоявшихъ подъ деревомъ Француженокъ. Раздалось нѣсколько криковъ. Султанъ не пошевелилъ головой, но лицо его какъ-будто проснулось и пристальный взглядъ оборотился въ нашу сторону съ замѣтнымъ любопытствомъ. Но черезъ минуту глаза его опять потухли въ прежнемъ безстрастїи.

Когда весь дворъ приложился къ высочайшему сапогу, султанъ поднялся съ трона, и при крикахъ войска и громѣ музыки, удалился въ Сераль. Этимъ кончилось блестяще-жалкое торжество, въ которомъ такъ хорошо выразилась современная Турція. Мы отыскиали своего санса и сѣли на лошадей.

Когда мы проѣзжали черезъ Галатскій-мостъ, большой султанскій канкъ, весь въ золотѣ, отвалилъ отъ серальской пристани. Человѣкъ сорокъ гребцовъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и красныхъ тарбушахъ, разомъ наклонились впередъ и откидывались назадъ; двѣ линїи весель мѣрно взлетали надъ водой, и сверкнувъ на солнцѣ, дружно падали на голубую поверхность залива, унося канкъ по направленію къ Дольма-Бахче. Вслѣдъ за нимъ десятки другихъ раззолоченныхъ лодокъ неслись съ пашами и сановниками, какъ стая птицъ, въ синее отверстіе Босфора.

III.

Изнанка Константинополя.

Какъ я ни былъ приготовленъ на Востокѣ къ разумному совѣту Горація *nil admirari*, но первая прогулка по Константинополю меня озадачила. Нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ-бы сталкивались такіе вопіющіе контрасты. Здѣсь прекраснѣйшая въ свѣтѣ панорама и грязныя улицы, великолѣпная мечеть подлѣ остатковъ пожарища, мраморные кіоски рядомъ съ полуобрушенными лачугами, кладбище среди шумнаго базара, дымящееся благовонное наргилэ въ виду навозной кучи,

прекрасные глаза красавицы на-ряду съ обнаженными на показъ равами нищаго.

Того, что мы привыкли называть улицами и площадями, въ Константинополѣ совсѣмъ нѣтъ. Весь онъ состоитъ изъ тѣсныхъ, кривыхъ закоулковъ и неправильныхъ пустырей, вымощенныхъ камнями, навороченными ребромъ и бокомъ, между которыми лежатъ паршивыя собаки или скопляется невысыхающая грязь. И какъ золотыя вещи, затеряныя въ помойной ямѣ, среди этого смраднаго лабиринта попадаетъ то взлетающій двумя рядами арокъ древній водопроводъ или колоссальная мраморная цистерна, то изящный арабскій фонтанъ или величественная аркада мечети.

Когда мы шли съ Папатоли отъ Галатскаго-моста къ Ая-Софи, я не могъ помириться съ мыслью, что это одна изъ главныхъ улицъ Стамбула. Передъ нами тянулись два ряда деревянныхъ домишекъ грязно-краснаго цвѣта, сколоченныхъ изъ досокъ, съ зелеными рѣшетками къ окнамъ. Верхніе этажи ихъ выступаютъ впередъ такъ, что кажется идешь подъ какимъ-то треснувшимъ навѣсомъ, въ которомъ видна только узкая полоса голубаго неба. Безъ дворцовъ и мечетей это былъ бы не городъ, а становище кочевой орды, которая четыре вѣка не снимала своихъ кибитокъ.

Съ трудомъ пробирался я съ камня на камень. На каждомъ шагу улица представляла что-нибудь любопытное и новое. Вотъ изящный фонтанъ въ видѣ мраморнаго кіоска, съ позолоченными куполами, весь покрытый арабесками и золотыми надписями. На ступеняхъ его лежатъ нищіе въ лохмотьяхъ. Женщины, придерживая въ зубахъ концы своихъ покрывалъ, цѣдятъ воду въ желтыя глиняныя вазы и уносятъ ихъ на головѣ, шлепая по грязи своими туфлями. Вотъ лавочка тутунджи или табачнаго торговца, въ которой бородатый хозяинъ въ шубѣ и чалмѣ сидитъ важно и задумчиво между желтыми грудями душистаго латакіе. Тамъ мастерская могильныхъ памятниковъ, уставленная мраморными столбиками съ раскрашенной чалмой или фесомъ и золотыми текстами изъ Корана; а подлѣ лавка кипарисныхъ сундуковъ и шкатулокъ, которая обдаетъ всю улицу густымъ благовоннымъ запахомъ. Тутъ гауптвахта, гдѣ солдаты си-

дять на землѣ, поджавъ ноги, и лѣнливо поднимаются, когда часовой дикимъ воплемъ возвѣстятъ о появленіи какого-нибудь паши.

Улица биткомъ набита народомъ. По ней двигаются талики, турецкія кареты, раззолоченныя и раскрашенныя, съ овальными окнами, завѣшенными изнутри цвѣтной тафтою. Арбы или фуры, съ парусиннымъ навѣсомъ на точеныхъ столбикахъ, тащатся, запряженныя парой дымчатыхъ быковъ, убранныхъ цвѣтными кистями и фольгой. Изъ тѣхъ и другихъ выглядываютъ женщины и дѣти въ яркихъ одеждахъ. Всадники въ чалмахъ и тарбушахъ пробираются между тяжелыми экипажами. Взадъ-и-впередъ бѣгутъ вереницы хамалей, согнувшись подъ какой-нибудь тяжестью, такъ-что кисти ихъ тарбушей едва не волочатся по землѣ. Женщины въ свѣтлозеленыхъ, палевыхъ, розовыхъ и голубыхъ халатахъ бредутъ, шлепая желтыми туфлями и подерживая одной рукой неуклюжее платьѣ, а другою — свой бѣлый кисейный яшмакъ.

У самага моста встрѣтили мы любопытную кавалькаду. Верхомъ на прекрасной лошади, покрытой шитымъ золотомъ чепракомъ, ѣхалъ стройный, прекрасный мушкетеръ, съ молодецкой посадкой какого-нибудь кавалергарда, въ черной шелковой рясѣ съ башлыкомъ, поднятымъ на бархатную камплавку. Двое служителей, въ кафтанахъ съ длинными разрѣзными рукавами и высокихъ бараньихъ шапкахъ, вели за повода его лошадь; а позади ѣхали верхомъ два монаха въ рясахъ съ поднятыми капишонами. У всѣхъ были свѣжія, здоровыя лица и великолѣпныя бороды, черныя какъ ихъ платьѣ. — Это армянскій патріархъ! шепнулъ мнѣ проводникъ.

Когда мы подходили къ изящной арабской аркадѣ Валдѣ-джамы, ближайшей мечети отъ моста, на встрѣчу намъ выступила вереница ословъ, нагруженныхъ крестъ-на-крестъ сложенными на спинѣ досками. Улица была такъ узка, что концы досокъ чуть не задѣвали за дома по обѣ стороны. Вардъ! вардъ! кричалъ полунагой погонщикъ. Арбы и талики начали сворачивать въ боковые переулки. Боясь быть раздавленнымъ, я прыгнулъ въ первую дверь, и едва не поскользнулся въ лужѣ пролитой на полу крови. Вокругъ

стѣнъ грязной комнаты тянулись оборванные диваны, и на нихъ сядѣли Турки съ длинными трубками и чашечками кофе, а передъ самыми дверьми одному правовѣрному брили голову, другому ставили рожки.

— Что это такое? спросилъ я своего проводника.

— Турецкая кофейня! отвѣчалъ онъ съ гримасою.

Ни одно жидовское мѣстечко въ Бѣлоруссiи не въ-со-стоянiи оспаривать у Константинополя пальму грязи и зло-воиiя. На всѣхъ улицахъ видны груды сору и нечистотъ, выброшенныя кости и гнилые овощи. Кажется, со временъ императора Константина здѣсь не мели и не чистили ни одной улицы. Среди этого смрада гнѣзятся отвратительныя собаки и немалые отвратительные нищiе; одиѣ вѣчно жи-вуть на мостовой, другiе на дворахъ мечетей, и одинаково питаются подаванiемъ правовѣрныхъ.

Кто не видалъ Константинополя, тотъ и понятiя не имѣеть о нищихъ и калѣкахъ. Что значать передъ ними тѣ уроды, съ подрѣзанными жилами, которыхъ возли бы-вало въ телѣжкахъ по русскимъ ярмаркамъ и богомольямъ. У кофейнъ, при входахъ въ мечети и на ступеняхъ фонта-новъ встрѣчаете вы безпрестанно нищихъ, почти голыхъ, съ однимъ обрывкомъ какого-нибудь грязнаго рубища на поясѣ, съ татуированной грудью, съ отвратительной наго-тою кровавыхъ ранъ. Никогда не забуду я страшнаго су-щества, которое мы видѣли у Галатскаго-моста. Это былъ человѣкъ сухой и желтый, съ острой бородкой и мелкими зубами, какъ перловая крупа. Вокругъ пояса висѣли у него какiя-то темныя лохмотья, а на головѣ желтое рубище, изъ-подъ котораго вмѣсто ушей виднѣлись одни слуховыя отверстiя. На обнаженной груди его наколотъ былъ черный узоръ, затертый порохомъ, а на правомъ плечѣ вмѣсто руки остались только страшные слѣды грубой операцiи. Отрѣзанная рука, искусно высушенная, съ растопыренными вѣромъ пальцами, вдѣлана была въ деревянную подставку, похожую на подсвѣчникъ, и стояла передъ хозяиномъ въ качествѣ возбуждающей къ состраданiю вывѣски. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ длинную трубку, а у ногъ его стояла де-ревянная чашечка съ мѣдными деньгами. Какой-то прохожiй

Турокъ, старикъ въ до-махмутовской чалмѣ и халатѣ, замѣтивъ, что трубка погасла въ рукѣ калѣки, остановился, набилъ ее изъ своего кисета и всунулъ ему въ ротъ. Нищій пробормоталъ благодарственное: Аллахъ версынъ! и предался кейфу въ струяхъ табачнаго дыма.

Проходя мимо, я бросилъ ему нѣсколько мѣдныхъ паръ. Онъ свирѣпо окинулъ меня взглядомъ, съ круглой шляпы до сапогъ, и проводилъ хриплымъ привѣтствіемъ: — да спалитъ Аллахъ всѣхъ гауровъ въ вѣчномъ огнѣ!

— Собака такъ собака и есть! проворчалъ Паватом, когда мы отошли отъ турка: — вѣрно потерялъ уши не даромъ!

Константинопольскія собаки — настоящіе хозяева улицъ. Тутъ живутъ онѣ, питаются и плодятся. Мѣстами ихъ такъ много, что кажется, будто вся улица вымощена собаками. Это совершенно особая порода: всѣ онѣ рыжія или бурья, страшно худыя, съ тонкими длинными лапами, точно какіе-нибудь четвероногіе пауки. У стамбульскихъ собакъ есть своя исторія. Цвѣтущее время исламизма было ихъ золотымъ вѣкомъ, а сближеніе Турокъ съ гаурами вызывало всегда преслѣдованія. Самыя тяжелыя эпохи въ собачьей исторіи — царствованіе Махмуда и послѣдняя война съ Россією. Ободренный истребленіемъ янычаръ, турецкій реформаторъ хотѣлъ уничтожить и собакъ: ихъ ловили, сажали въ лодки и отправляли на Принцевы-острова. Но собакъ истребить было труднѣе, чѣмъ янычаръ: по смерти гонителя онѣ расплодились ошеть по городу. Въ началѣ восточной войны константинопольскія собаки страшно были по ночамъ. Греки, вѣрующіе въ пророческій смыслъ этого воя, не сомнѣвались, что онѣ предвѣщаютъ конецъ Турціи, но предсказатели ошиблись, какъ и знаменитый пророкъ ихъ Мартынъ-Задека. Собаки были только на свою голову. Французы передъ отъѣздомъ въ Крымъ открыли на нихъ страшное гоненіе: каждую ночь солдаты ловили ихъ арканами и топили въ морѣ. Бѣдныя собаки гибли отъ западныхъ варваровъ совершенно по-восточному, какъ въ былые годы наши и одалиски. Разумѣется, онѣ пережили и этотъ терроръ, но онѣ сильно подѣйствовали на ихъ молодое поколѣніе: какъ и сами Турки, онѣ теперь

скалить зубы только на Гренокъ и поджечь хвостъ еторонится отъ Египетцевъ.

Мы порезались съ Ахмедовой-мечетью въ часъ вечерней молитвы. Это единственная джами во всемъ Константинополѣ, при которой построено шесть минаретовъ. На каждомъ на нихъ по три круглыхъ балкона, одинъ надъ другимъ. Проводивъ собесѣдованіе мнѣ дожидаться параднаго крика муэззиновъ, который въ первые дни бойрама совершается при этой мечети по два раза въ день, съ особой вышностью. Въ пять часовъ на всѣхъ минаретахъ показавое на каждомъ балконѣ по четыре муэззина, и оборотясь на четыре стороны, затянули хриплымъ и дикимъ, но довольно согласнымъ хоромъ: «ла илаге иль Аллахъ!» Въ этомъ чудовищномъ завываніи было что-то свирѣпое и грозное, какъ призывъ къ войнѣ или убійству во имя фанатической вѣры.

Первая прогулка по Константинополю съ непривычки утомила меня. Папатоли предложилъ мнѣ отдохнуть въ кофейнѣ. «Не въ такой-ли, гдѣ я поскользнулся въ крови?» спросилъ я. — «Нѣтъ, въ хорошей, въ лучшей кофейнѣ!» — Я согласился. Ктѣ при имени турецкой кофейни не представляетъ себѣ волшебнаго кіоска, убраннаго коврами и диванами, гдѣ при плескѣ фонтана, правобѣрные наслаждаются кейфомъ въ благовонномъ дымѣ кальяна! Какъ-же на первомъ шагу въ Константинополѣ не зайти въ кофейню!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Галатскаго-моста, въ одномъ домѣ, обращенномъ къ Золотому-Рогу, слышалась какая-то музыка. — «Это одна изъ лучшихъ кофейнь въ Константинополѣ!» сказалъ Папатоли. — Идемъ туда! — Передъ открытыми дверьми сидѣло на низенькихъ кожаныхъ табуретахъ съ десятокъ Турокъ, съ длинными трубками и наргиле и съ тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ въ волю-открытыхъ глазахъ, какой видишь иногда у сытаго кота, когда онъ нѣжится на солнцѣ.

Мы вошли въ большую квадратную комнату, съ сквознымъ арабскимъ сводомъ, изъ котораго черезъ матовыя стекла лился пріятный полу-свѣтъ. По серединѣ небольшой мраморный фонтанъ, обставленный горшками поблекшихъ розъ, бросалъ довольно-тощую струйку воды. Въ одномъ

углу стояла большая печь со множеством закопченных кофейниковъ, въ другомъ цѣлый рядъ трубокъ и хрустальныхъ наргилэ съ обмотанными вокругъ кувшиновъ кожаными чубуками. Стѣны убраны были парижскими иллюминированными литографіями гризетокъ и дебардѣровъ съ обнаженными грудями, турами или вензелями султана изъ переплетенныхъ по красному полю золотыхъ буквъ, и наконецъ цѣлой коллекціей бритвъ и фельдшерскихъ рожковъ.

Около стѣнъ тянулся широкій и низенькій турецкій диванъ, или лучше сказать нары, покрытыя египетской тростниковой рогожкой. Прямо противъ входа, за тощимъ фонтаномъ, сидѣло на диванѣ, поджавъ калачемъ ноги, трое музыкантовъ въ широкихъ шальварахъ, оборванныхъ курткахъ и желтыхъ чалмахъ. Средній держалъ въ рукахъ одно-струнную кеманчу, похожую на круглую балалайку съ тонкой, длинной ручкою, и коротенькій выгнутый смычокъ; крайніе вооружены были какими-то дудками, напоминающими немного флейту. Оркестръ этотъ тянулъ жалкій мотивъ изъ нескончаемо-однообразныхъ звуковъ, напоминавшихъ то печальный крикъ муэззиновъ, то ночной вой стамбульскихъ собакъ. По сторонамъ сидѣло, спустя на полъ туфли, человекъ пятьдесятъ Турокъ съ наргилэ и трубками. Пуская легкія струйки дыма, они одобрительно шептали: хорошо! аманъ! аманъ!

Я помѣстился подлѣ Турка въ зеленой бархатной шубѣ и великолѣпной чалмѣ изъ бѣлой шали, который сидѣлъ неподвижно и держалъ въ одной рукѣ носокъ своего желтаго туфля, а въ другой янтарный мундштукъ кожанаго чубука отъ стоявшаго на полу хрустальнаго наргилэ. Папатоли сѣлъ рядомъ со мною. Я велѣлъ потребовать кофе и наргилэ. Молоденькій каваджи въ курткѣ и вышитыхъ золотомъ шальварахъ, съ яркимъ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ, поднесъ мнѣ на концахъ сложенныхъ пальцевъ финджанъ или фарфоровую чашечку, вставленную въ серебряный поддонокъ, поставилъ передо мною на полу хрустальный кувшинъ съ трубкою и всунулъ въ руку мундштукъ отъ его кожанаго чубука.

Первый мой опытъ выкурить наргилэ оказался очень неудачнымъ. Только-что началъ я втягивать дымъ, какъ мой

кальянъ захрипѣлъ; Турки открыли глаза и всѣ дружно посмотрѣли на меня, съ замѣтнымъ презрѣніемъ къ неспособности гяура. Даже музыканты перестали играть.

— Отчего это я не умѣю курить вашего кальяна? спросилъ я Папатоли.

— Оттого, что вы горячитесь, а тутъ нужно спокойствіе. Я вамъ совѣтую курить наргилэ, когда вамъ не хочется курить.

Но такъ-какъ мнѣ хотѣлось курить, то я бросилъ наргилэ и потребовалъ трубку.

Музыканты опять затянули монотонный концертъ. Середній оборванецъ, поводя смычкомъ по единственной струнѣ своей уродливой балалайки, откинулъ назадъ голову, закрылъ мутные глаза и дикимъ гортаннымъ голосомъ затянулъ какую-то пѣсню. Турки съ выраженіемъ тупаго удовольствія хлопали глазами. Я попросилъ моего проводника перевести пѣсню: это было нетрудно, потому-что пѣвецъ послѣ каждаго куплета на мнуту останавливался. Вотъ этотъ переводъ, котораго точность остается на совѣсти моего драгомана:

«Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи, нѣтъ народа умнѣе османлисовъ. Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупницы разумнѣя, чтобъ они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ.

«Нѣтъ города подъ луною, достойнаго быть предмѣстіемъ нашего многомнаретнаго Стамбула, да хранить его Пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и лунолицымъ красавицамъ.

«Еслибы Черное-море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ.»

Окончивъ въ пол-голоса переводъ этой правовѣрной оды, Папатоли нагнулся ко мнѣ и прошепталъ на ухо: — собаки! настоящія собаки!

Мы вышли изъ кофейни и опять пустились прыгать по камнямъ грязной мостовой и бревнамъ Галатскаго-моста,

пробирался между толпами отвратительных вивернъ и стадами паршивыхъ собакъ.

IV.

Ая-Софія.

При мысли о сокровищахъ, разбѣянныхъ въ грязномъ лабиринтѣ Константинополя, прежде всего вспоминаешь о Софійскомъ-соборѣ. Но, проходя мимо его въ первый разъ, я спрашивалъ себя: чему удивляются путешественники въ прославленномъ храмѣ Юстиніана? Съ перваго взгляда онъ не только не поражаетъ величіемъ или красотой, а скорѣе отталкиваетъ своимъ уродливымъ безобразіемъ. Это какая-то громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе, построенное людьми. Въ каменномъ хаосѣ дворовъ и бань, школъ и имаретовъ, надъ грудой исполинскихъ контрафорсовъ и чудовищныхъ пристроекъ, между четырьмя грубыми столбами минаретовъ, подымается квадратная масса блѣдножелтаго цвѣта, съ красными поперечными полосами, похожая на огромную тиковую палатку, и надъ нею теряется тотъ плоскій куполь, на который издали нельзя насмотрѣться. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой-нибудь безобразной горы.

На другой день бѣярама Папатоли предложилъ мнѣ смотрѣть Ая-Софію, говоря, что за деньги теперь все можно видѣть въ Константинополь, даже и въ праздникъ. Еще разъ обошелъ я снаружи эту каменную массу, не понимая, что можетъ принадлежать въ ней архитектору, и въ чемъ должно искать слѣдовъ генія Исидора. Мы вошли въ узкій переходъ, который въ хаосѣ турецкихъ построекъ ведетъ къ пропелеямъ храма.

У входа встрѣтила насъ толпа Турокъ, которыхъ по видимому не коснулась махмудова реформа: по дикому взгляду, щетинистой бородѣ и бѣлымъ только по названію чалмамъ, легко было узнать членовъ той касты, которая нигдѣ не под-

дается образованію. Это были имамы. Они почували добычу, окружили моего проводника, и передо мной начался торгъ за позволеніе осмотрѣть Соборъ. Крупныйъ говоръ мало-помалу перешелъ въ шумные крики: шестеро Турокъ окружили Папатоли и вѣступали къ нему съ хриплымъ завываньемъ. Но кривой Грекъ держался храбро, махалъ руками, кричалъ во всю мочь и быстро поворачивался, какъ отгрызается собака, окруженная чужой, враждебной стаей.

— Представьте! закричалъ, обращаясь ко мнѣ, мой чичероне:— они запросили сто піастровъ и теперь уперлись на пятидесяти.

— Ну, что-же дѣлать? надобно заплатить.

— Какъ заплатить! вѣдь это десять франковъ: лучше взять фирманъ.

— Когда мнѣ хлопотать съ фирманами!

Изъ нашего французскаго разговора Турки поняли только, что рѣчь идетъ о фирманѣ, и боясь, кажется, потерять добычу, снова окружили Папатоли. Крики волились еще сильнѣе. Имамы ревели хриплыми голосами, показывая бѣлые зубы; а мой Византиецъ кричалъ съ такой энергіей, что на губахъ у него показалась пѣна. Въ потокѣ воплей я различалъ только слова: гяуръ, фирманъ, піастръ. Наконецъ задыхающійся Грекъ подбѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что Турки не берутъ меньше тридцати піастровъ. Я велѣлъ отдать деньги. Онъ расплатился, и въ минуту все затихло.

Черезъ бронзовую дверь съ полу-изглаженными крестами вошли мы на паперть или проилея Сосійскаго-храма. Это совершенное преддверіе св. Марка, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, съ мраморными колоннами и до половины затертыми мозаичными крестами. На помостѣ съ одной стороны валялись оборванные нищіе и калѣки, съ другой наставлена была дѣлая коллекція разнокалиберныхъ бабушей или сабьяныхъ тучель. Здѣсь должны мы были снять сапоги. Папатоли возился, какъ въ башмачной лавкѣ, примѣривая мнѣ одну за другою нѣсколько паръ бабушей.

Девять дверей, всѣ въ одинъ рядъ, открываютъ ходъ во внутренность зданія. Я ничего не знаю величественнѣе этихъ

пропелей. Мы вошли въ отворенныя бронзовыя двери, и я остановился въ смущеніи.

Когда въ первые вѣка Христіанства какого-нибудь вновь-обращеннаго приводили ко входу въ катакомбы, и вдругъ открывался передъ нимъ храмъ, сверкающій сосудами и зажженными свѣтильниками, — едва-ли это такъ поражало его, какъ я пораженъ былъ чертогомъ, который развернулся передо мною во внутренности безобразной массы Ая-Софїи. Сколько ни видалъ я соборовъ и храмовъ, ни одинъ не производилъ на меня такого неожиданнаго и глубокаго впечатлѣнія. Казалось, передо мной открыли какой-то грубый и тяжелый ящикъ — и онъ весь засверкалъ внутри золотомъ и драгоценностями.

Исполнскія боковыя стѣны, закругленныя наверху и пронизанныя окнами, примыкая впереди къ тройному выгибу алтаря, а назади къ колоннадѣ пропелей, сливаются въ легкіе полукуполы. Между ними четыре скрещенныя арки раскидываются, точно радуги, и поддерживаютъ неизмѣримое каменное кольцо, пронизанное шестидесятью окнами, на которомъ, какъ на горизонтѣ, весь залитый свѣтомъ, покоится громаднѣйшій куполъ, прекраснѣйшій въ мірѣ послѣ небеснаго свода. По исполнской площади справа и слѣва тянутся два ряда громаднѣхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ, — и эта сквозная масса, поддерживая хоры, наполняетъ храмъ мраморной стѣнью колоннадъ, которая придастъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. На темныхъ стержняхъ серпентинныхъ и порфировыхъ колоннъ бѣлыя мраморныя капители и арки, съ сквозной вырѣзкою, выдѣляются словно серебряныя, а по коричневымъ и темнокраснымъ стѣнамъ и сводамъ раскидывается узорная бѣломраморная рѣзба, какъ бѣлыя кружева на черномъ полѣ. Это точно ажурный ящикъ изъ слоновой кости и серебра, съ подкладкою изъ темнаго бархата, на которой рѣзко обозначаются всѣ выпуклости сквозной филигранной работы.

Не гордость заставила Юстиніана, войдя въ отстроенный храмъ, сказать: — Саломонъ, я побѣдилъ тебя! Это было по-

пятное изумленіе передъ невиданнымъ чудомъ искусства. Весь древній міръ жертвовалъ своими сокровищами для построе- нія Собора: драгоценныя мраморы, яшмовыя и серпентин- ныя колонны свезены были изъ Европы и Азіи, изъ Аоніи и Сизика, изъ храма Діаны въ Эфесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ гений Исидора создалъ чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи и профанаціи, не въ силахъ были затмить всѣ но- вѣйшіе памятники, воздвигнутые вѣрою и искусствомъ. На- прасно землетрясенія колебали его стѣны, крестonosцы по- хищали украшенія, Венеціане вывозили колонны и двери; на- прасно Италія подражала ему въ порывахъ своего гения, Турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики, — Софійскій - Соборъ остался несокрушимымъ и неподражае- мымъ памятникомъ человѣческаго искусства. И теперь, войдя въ этотъ храмъ, нельзя не подумать: Юстиніанъ, ты побѣ- дилъ всѣхъ своихъ враговъ и послѣдователей!

Если Партедонъ поражаетъ идеаломъ красоты пластиче- ской, то Ая-Софія изумляетъ, какъ величайшій образецъ красоты духовной. Тамъ, подъ колоннадой, позолоченной солнцемъ, жалѣешь о падшей религіи красоты и готовъ вмѣ- стѣ съ Шиллеромъ вздохнуть о прекрасныхъ богахъ Греціи; здѣсь подъ сводомъ подобнаго небесамъ купола, налитаго солнечнымъ свѣтомъ, готовъ забыть все земное и страст- ное. Ни одинъ храмъ не олицетворяетъ въ такой полнотѣ общей идеи божества. Миланскій-соборъ не что иное, какъ богатый музей, гдѣ въ мраморномъ чертогѣ собраны сокро- вища искусства, и вы насладитесь имъ, какъ любитель, обозрѣвая галерею. Лондонская церковь св. Павла по- хожа на испанскую залу, построенную для многочисленныхъ религіозныхъ митинговъ. Базлика св. Марка — дорогая, но уменьшенная копія Ая-Софин, которая даетъ понятіе объ оригиналѣ, даже превосходитъ его свѣжестью колорита, но уступаетъ ему въ размѣрѣ и красотѣ рисунка. Я не ви- далъ римскаго Петра, но извѣстно, что это памятникъ като- лицизма, гдѣ все колоссально и въ тоже время обыкновенно и мелко, гдѣ громадность купола и высота стѣнъ понятны только при сравненіи съ деталями, измѣряются не чувствомъ,

а аршиномъ. Константинопольскій соборъ съ перваго взгляда поражаетъ своимъ величьемъ и космополитизмомъ. Это не храмъ одной исключительной церкви или секты, а храмъ всего человѣчества, посвященный одной божественной мудрости. Онъ дѣйствуетъ на душу величиво и спокойно, какъ красоты природы, одинаково доступныя всѣмъ людямъ, не смотря на различія ихъ убѣжденій. Подъ его величатымъ куполомъ могутъ ужиться всѣ вѣры и всѣ сомнѣнiя, какъ уживаются они и подъ небеснымъ сводомъ. Не даромъ Магометъ II, вѣзжая въ него первый разъ на конѣ, коснулся окровавленной ладонью бѣломраморной стѣны и сказалъ: — вотъ, домъ для молитвы Аллаку! Если-бы черезъ Босфоръ прошли десятки народовъ разныхъ религiй, всѣ они молились бы въ этомъ храмѣ божественной мудрости. Мнѣ кажется, если бы и теперь поочередно служили въ немъ Греки и Турки, Католики и Евреи, — всѣ ихъ молитвы были бы въ немъ такъ-же естественны, какъ и подъ открытымъ небомъ. Въ стѣнахъ Ая-Софiа и вѣрующiй и паптенствъ сойдутся всегда въ общемъ чувствѣ удивленiя, какъ въ любви къ природѣ, въ наслажденiи звѣзднымъ небомъ или голубымъ моремъ.

Во всякомъ другомъ храмѣ, насладясь общимъ впечатлѣнiемъ, спокойно переходя къ обзору частныхъ и начинаешь всматриваться въ подробности. Здѣсь, напротивъ, общность зданiя такъ могущественно поглощаетъ вниманiе, что нѣсколько времени совсѣмъ не замѣчаешь его обстановки. Я долго простоялъ въ храмѣ и тутъ только увидѣлъ, что со стѣнъ и сводовъ его глядятъ на меня какiе-то таинственные призраки. Это остатки греческихъ мозаикъ, открытые при послѣдней передѣлкѣ архитекторомъ Фоссати и проглядывающiе сквозь турецкую закраску и золотые арабски узорчатыхъ надписей, покрывающихъ стѣны. Подъ куполомъ, въ углахъ боковыхъ сводовъ, стоятъ четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетками. Впередѣ на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны виднѣются фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаическiй образъ Премудрости. Всѣ лица таятъ подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таин-

ствеппомъ полумракѣ. Кажется, первобытные жильцы храма до-сихъ-поръ еще присутствуютъ въ немъ, но закрыли глаза при видѣ опозореннаго святилища.

И въ-самомъ-дѣлѣ, отрываясь отъ общаго впечатлѣнія храма и переходя къ его обстановкѣ, чувствуешь тоже самое, когда отъ созерцанія природы обращаешься къ жалкому общественному быту. Тамъ—все величественно и стройно, здѣсь—все бѣдно и жалко. Турки, какъ и во всемъ другомъ, не выразили въ Софійскомъ-храмѣ своего прочнаго господства: они не водворились въ немъ, но какъ-будто остановились только для кочевой молитвы. Въ Ая-Софїи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма. Юстиніановы мозаики прикрыты золотой сѣтью суратъ или текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставлена мира, камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а подъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометь совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшены большіе круглые зеленые щиты съ золотыми турами первыхъ калифовъ, въ видѣ узорчатыхъ вензелей изъ переплетающихся арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный минабаръ или каедрa, увѣчанная луной, откуда шейхъ-уль-исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблею въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются проволоки, поддерживающія горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, точно подносы съ чайными чашками. Вотъ все, что внесло мусульманство въ храмъ Юстиніана!

Больше всего поражаетъ здѣсь одна странная особенность. По бѣлому мраморному полу, неровному и взволнованному, какъ въ церкви св. Марка, разостланы желтыя плетенныя рогожки, которыя лгутъ не по направленію къ алтарю, а наось по діаганальной линїи въ лѣвую сторону. Это оттого, что строители храма не заботились о существованїи Мекки, а Турки обязаы при молитвѣ оборачиваться въ ту сторону, гдѣ приходится ихъ священный городъ. И богомольцы лежатъ рядами и сидятъ на колѣняхъ, повернувшись косвенно въ уголь, какъ-будто не смѣя глядѣть на образъ Мудрости, таинственно поднимающійся на среднемъ

полусводѣ. Странно видѣть въ этомъ чудномъ храмѣ сотни фигуръ, въ чалмахъ и фесахъ, которыя сидятъ, подогнувъ колѣна, падаютъ ничкомъ на вытянутыя впередъ руки, откидываются назадъ, и опять склоняются лбомъ до земли съ дикими завываньями; а у колоннъ стоятъ неподвижныя группы закутанныхъ покрывалами женщинъ, — и всѣ обращаются въ косвенномъ направленіи къ одному углу мечети. Все это какъ-то дико и жалко! Но когда послѣ такой обстановки окинешь взглядомъ храмъ, тотчасъ-же подъ величественнымъ куполомъ забываешь его мелкихъ оскорбителей, какъ, любясь синимъ небомъ юга, забываешь, что подъ нимъ живетъ бѣдность и страданіе.

Имамы предупредили насъ, что мы можемъ оставаться въ Ая-Софіи только до начала полуденной молитвы. Надо было торопиться посмотрѣть хоры. Входъ туда ведетъ съ пропилей. Только-что мы подошли къ нему, имамы загородили намъ дорогу.

— Развѣ за тридцать піастровъ хотите вы купить всю Ая-Софію! кричали Турки.

— Но мы условились, чтобъ за эти деньги быть и на хорахъ! возражалъ Папатоли.

— Омрачили вы глаза наши! нельзя, не будетъ этого!

Проводникъ мой одушевился и поднялъ крикъ, но имамы вопили еще громче. Я принужденъ былъ дать еще пять піастровъ.

На хоры всходятъ не по лѣстницѣ, но также какъ и на кампанилю св. Марка, отлогими всходами, которые подымаются спирально. Галерея эта, съ трехъ сторонъ опоясывающая храмъ, такъ колоссальна, что хоры венеціанскаго собора улеглись бы въ ней раза два или больше. Колонны изъ дорогихъ мраморовъ, стоящія по-парно, отдѣляютъ, или лучше сказать соединяютъ ее съ площадью храма, замыкаясь наверху изящными фестолами бѣломраморныхъ арокъ. А по стѣнамъ со всѣхъ сторонъ сверкаютъ мозаичные кресты, не уничтоженные вѣроятно потому, что на истребленіе ихъ потребовалось бы немало времени и труда.

Едва вошли мы на хоры, какъ передъ нами явилось пятеро грязныхъ имамовъ. У одного въ рукахъ былъ холстин-

ный мѣшечекъ. Онъ вынулъ изъ него горсть разноцвѣтныхъ камушковъ мозаики, выковыренныхъ изъ стѣнъ, и потряхивая ими подь самымъ монмъ носомъ, предлагалъ купить на память. Греку моему предстоялъ новый бой. Не смотря на то, что въ мечети лежало больше сотни молящихся, опять завязался шумный торгъ. Дѣло покончили тѣмъ, что за горсть мозаикъ я долженъ быть дать по шіастру на каждого изъ этихъ нищихъ. Я заплатилъ пять шіастровъ и имамы ушли. Но мы не успѣли отойти десяти шаговъ, какъ новая фигура въ грязной чалмѣ ухватила меня за руку.

— Чего онъ хочетъ, Папатоли? спросилъ я.

— Да говорить, что обѣщано всѣмъ продавцамъ мозаикъ по шіастру, а онъ не получилъ. Пожалуй, ихъ еще десятокъ придетъ!

Не желая отравлять своей прогулки, я бросилъ шіастръ и этому оборванцу.

Послѣдніе поборы ожидали насъ при выходѣ. Не смотря на то, что по условію мы заплатили за все, проводникъ мой не могъ выручить нашихъ сапогъ, не заплатя двухъ шіастровъ за туфли. Наконецъ толпа нищихъ и калѣкъ загородила намъ выходъ, и мы очистили дорогу только съ помощью мелкихъ денегъ.

Когда, по выходѣ изъ мечети, Папатоли началъ отирать крупный потъ, я ожидалъ, что онъ осыплетъ Турокъ всѣми ругательствами, къ какимъ только способенъ греческій языкъ во французскомъ переводѣ. Но онъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ и объявилъ, что ему никогда еще не случалось отдѣливаться здѣсь такъ легко и спокойно.

— Вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ, сказалъ онъ: — когда я водилъ въ Соборъ пріѣзжихъ Французовъ, мнѣ столько пришлось кричать, что я на цѣлую недѣлю потерялъ голосъ.

— Охота-же такъ горичиться изъ какихъ-нибудь пяти лишнихъ шіастровъ! замѣтилъ я.

— Пять шіастровъ вы дадите лучше мнѣ, а я никогда не пожалѣю горла, чтобъ оттянуть хоть одну пару у этихъ собакъ!

Я позволялъ ему считать за мною франкъ. Онъ былъ очень доволенъ и дорогой не переставалъ твердить, что мы необыкновенно удачно отдѣлались въ Ая-Софія.

V.

Топханское гулянье. — Сладкія воды.

Константинополь въ первые дни бэйрама напоминаетъ Москву во время свѣтлой недѣли. Базары въ эти праздники обыкновенно заперты, въ мечетяхъ толпится народъ, но улицамъ парадная толпа тянется на гулянья. Топханская площадь тоже самое для Турокъ, что у Москвичей эспланада подь-Новинскимъ. Въ два часа я отправился съ Папатоли на это народное гулянье. Мы спустились въ Галату, повернули въ направлении къ Босфору и вышли къ мечети Махмудіе, одной изъ самыхъ изящныхъ турецкихъ построекъ. Подлѣ нея съ одной стороны видѣнъ прелестный фонтанъ, настоящая игрушка въ мавританскомъ стилѣ, съ другой рядъ мѣдныхъ позеленѣлыхъ пушекъ и кучи сложенныхъ въ пирамиды ядеръ, поросшія травою. На сосѣдней площади, примыкающей къ Босфору, гремитъ музыка и кипятъ толпы народа.

По срединѣ тянется нѣсколько деревянныхъ балагановъ, въ томъ же самомъ вкусѣ, какъ и подь-Новинскимъ, съ балконами для газровъ, съ вывѣсками и развѣвающимися флагами. Между ними поставлены круглыя качели съ висячими бесѣдочками и палатки съ разными лакомствами. Съ одной стороны вдоль площади настроены изъ досокъ ряды поднимающихся однѣ за другими скамеекъ, и на всѣхъ сидятъ женщины въ яркихъ костюмахъ. Что это за пестрота! Точно куклы въ игрушечныхъ магазинахъ, всѣ онѣ одѣты въ самые рѣзкіе цвѣта: одна вся зеленая, какъ попугай, другая желтая, точно канарейка, инныя въ розовомъ, свѣтло-фіолетовомъ или голубомъ передже. Головы закрыты кисейнымъ яшмакомъ, который въ послѣднее время сталъ до того прозраченъ, что не мѣшаетъ Турчанкамъ показывать парумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Армянки отличаются маленькимъ вуалемъ, а на Гречанкахъ совсѣмъ нѣтъ покрывалъ. Вокругъ балагановъ двигаются коляски на лежачихъ рессорахъ, талики, расписанныя букетами цвѣтовъ, арбы съ суконнымъ или полотнянымъ навѣсомъ, запряженныя бы-

камн. Въ нихъ катаются больше всего дѣти съ своими черными няньками.

По всей площади разставлены корзины съ виноградомъ, персиками и фигами, лотки съ греческимъ печенемъ и каймакомъ пзъ взбитыхъ съ сахаромъ сливокъ. Около экипажей ходятъ разношники фруктовъ, конфетъ и прохладительныхъ шербетовъ. Оборванные Турки разносятъ жестяные подносы съ рисовыми пирожками и кувшиномъ розовой воды; продавцы лимонада бѣгаютъ съ лоткомъ, гдѣ быстро кружится какалото вертушка, звеня своими зубцами по стекляннымъ колокольчикамъ.

На самой площади волнуются разнообразныя лица и костюмы: Турки въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, Греки въ бѣлыхъ фустанеллахъ и фесахъ, Арнауты съ паброшенными на одно плечо, шитыми золотомъ куртками, Евреи въ длинныхъ халатахъ и черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ снпимъ платкомъ. На всякомъ шагу попадаются калѣки и шпце, или дѣти съ старческими лицами и кривыми ногами. Все это толпится передъ балаганами и непременно жуеъ что-нибудь. Какъ у насъ на балконахъ масляныхъ балагановъ являются фигляры въ турецкихъ чалмахъ и курткахъ, такъ и здѣсь выходятъ паяцы, каррикатурно наряженные Европейцами, во фракахъ съ короткими фалдами и круглыхъ измятыхъ шляпахъ. У одного на носу огромные очки, у другого чудовищная лорнетка. Только пьерро въ бѣлой рубашкѣ, усаженной напередѣ пуговицами величпной съ рѣпу, и въ войлочной шляпѣ на испачканной мѣломъ головѣ, неизмѣнно одинаковъ подь-Новинскимъ и въ Топханѣ. Всѣ эти газры — молодые Греки или Армяне.

Балаганныя потѣхи сильно занимають публику. Съ появленіемъ фигляровъ на балконѣ, экипажи останавливаются, женщины откидываютъ покрывала, зѣваки тѣсняются къ балаганамъ. Сами зрители представляютъ любопытное зрѣлище. Вотъ, передъ однимъ балкономъ остановился старикъ въ грязномъ рубицѣ около пояса, съ обнаженной татуированной грудью, и опуская пальцами въ ротъ изъ деревянной чашки разваренную кукурузу, любитъ газромъ, который разгрыиваетъ ньянаго Франка. Вотъ, у другого балкона человекъ,

худой какъ палка, въ голубомъ халатѣ и желтой чалмѣ, сидитъ по-дамски на маленькомъ ослѣ, и перебирая четки, смотритъ съ тупымъ удовольствіемъ, какъ фигляръ, одѣтый янычаромъ, бьетъ нагайкою двухъ гяуровъ въ казацкихъ киверахъ.

Передъ одной палаткой увидѣли мы раекъ, совершенно такой-же, какіе бываютъ и на нашихъ народныхъ гуляньяхъ. Оборванный Турокъ поворачивалъ ручку, передвигающую картины внутри ящика, и монотоннымъ голосомъ напѣвалъ объясненіе видовъ. Въ три круглыя стекла смотрѣли зрители. Передъ однимъ стоялъ нагнувшись высокій турецкій офицеръ въ мундирѣ низама. Къ другому негръ поднималъ мальчика лѣтъ восьми, въ казакинѣ съ вышитымъ воротникомъ и въ тарбушѣ съ золотой кистью. У третьяго виднѣлась фигура одного роста съ мальчишкой. Я было принялъ ее за ребенка, но оказалось, что это старичекъ на костыляхъ, съ лицомъ похожимъ на высохшій лимонъ; на немъ былъ розовый атласный халатъ и зеленая чалма эмира. Неужели это потомокъ Магомета!

Я просилъ Папатоли прислушаться и передать мнѣ содержаніе разсказа. Въ подвижной панорамѣ были виды Елисейскихъ-полей, какого-то водопада, лондонскаго Кристальнаго-дворца и наконецъ Севастополя. Объясненіе послѣдняго было довольно любопытно. Разскащикъ, почесывая спину, напѣвалъ гнусливымъ голосомъ:

«Вотъ, эфенди, московская крѣпость Севастамбуль. Во всемъ свѣтѣ не было такого крѣпкаго города. Гяуры отстроивали его четыреста лѣтъ: каждый годъ прибавляли они новую башню, каждый мѣсяцъ строили новый корабль, всякій день ставили новую пушку. Султанъ ихъ истратилъ на это всю казну свою, — и стѣны поднялись до облаковъ, а пушекъ было сколько звѣздъ на небѣ».

— Гдѣ-же эта крѣпость? спросилъ зеленый эмиръ, обращаясь къ разскащику.

«У московъ-гяуровъ, эфенди, въ самой серединѣ земли ихъ. Какъ построили они свою крѣпость, то Англичане, Французы и другія западныя собаки позавидовали московскому султану и пошли раззорять его городъ. И собралось ихъ,

словно песку въ пустынѣ, что ведетъ къ благословенной Меккѣ. Окружили они крѣпость съ моря и суши, и пошла такая пальба, что вся земля московская затмилась, и гяуры днемъ не могли различать бѣлаго отъ чернаго. А крѣпость все стояла».

— И теперь она такъ-же стоитъ? спросилъ любознательный эмиръ.

«Завистливые Франки,» продолжалъ тѣмъ-же тономъ рассказчикъ: «стояли у крѣпости, пока луна не обернулась двѣнадцать разъ серпомъ своимъ на востокъ и двѣнадцать разъ на западъ. И погибло ихъ несчетное число. Тогда нашъ великій султанъ благоволилъ повершить дѣю. Онъ послалъ къ московской крѣпости одну пушку съ Топханы,—и на другой день Севастамбулъ сгорѣлъ отъ ея выстрѣловъ со всѣми башнями и кораблями».

— Слава тому, кто кроить и пореть! проговорилъ резвый уродецъ.

При этой сентенціи окружавшіе насъ Турки въ знакъ удовольствія опустили рѣсницы и щелкнули языкомъ. Офицеръ приводился и окинулъ меня побѣдовоснымъ взглядомъ.

Съ часъ бродилъ я по Топханской-площади, и мнѣ это надоѣло. Я рѣшился кончить день на другомъ гуляньѣ, въ Кіать-хаве или у Сладкихъ-Водъ. За двадцать піастровъ наняли мы каякъ, и я расположился въ немъ, протянувъ ноги на суконной подушкѣ. Каякчи смочилъ губкою ручки весель, и мы понеслись въ глубь Золотаго-Рога, между двумя изгибами поднимающейся съ обѣихъ сторонъ величественной панорамы. Налѣво тянулись кварталы Фанаръ и Балата, направо Касимъ-паша и Хастун, съ еврейскимъ кладбищемъ, гдѣ на голомъ холмѣ видѣлись бѣлые могильные камни, какъ стадо разсыпанныхъ гусей; а впереди, въ глубинѣ залива раскидывалось Эюбское-предмѣстье, все затопленное въ зелени кипарисныхъ садовъ, и посреди его бѣлая мечеть съ двумя минаретами, тонкими и стройными, какъ сами кипарисы. Тутъ султаны при вступленіи на престолъ празднуютъ таклиди-сенфъ, то-есть опоясываются саблею Османа. По берегу шагали сѣрые аясты, тихіе и величавые, какъ Турки.

На заливѣ скользила цѣлая флотилія каяковъ, которые

спѣшили къ загородному гуляшю. Въ однихъ сидѣли Турки, дымя апатически изъ длинныхъ трубокъ; въ другихъ видѣлись женщины въ своихъ яркихъ фередже. Изрѣдка попадались въ раззолоченномъ кайкѣ какой-нибудь паша, вмѣстѣ съ закутанной покрываломъ женщиной и черной невольницей. Когда мы поровнялись съ Эюбъ-джами, на минаретѣ ей показались муэззинъ, и приложивъ руку къ щекамъ, какъ дѣлаютъ у насъ плачущія бабы, затянулъ своей заунывной ла-плаге. Часовой, стоявшій у адмиралтейства, подъ бѣлымъ, прикрѣпленнымъ къ шесту зонтикомъ, слыша этотъ призывъ, поставилъ ружье съ стѣнѣ, разостлалъ передъ собою коврикъ и упалъ ничкомъ на протянутыя впередъ руки. Мекка приходилась въ противоположной сторонѣ, а потому онъ оборотился къ заливу той частью тѣла, которая меньше всего нужна для намаза. Молодые Турчанки въ сосѣдней къ намъ лодкѣ залились звучнымъ хохотомъ.

Отъ Эюба Золотой-Рогъ суживается, и загибаясь вправо, сливается наконецъ съ рѣчкой Кнгаджаной, которую и называютъ Сладкими-Водами. Кайкъ нашъ полетѣлъ вверхъ по рѣкѣ и чрезъ нѣсколько минутъ присталъ къ зеленѣющей набережной. Тутъ стояло множество лодокъ, а по берегу разсыпаны были кареты, арбы и талики. Кайчки и салсы группами и по-одиночкѣ сидѣли на корточкахъ, кто съ трубкой, кто просто съ однимъ безсмысленнымъ, нкуда не обращеннымъ взглядомъ.

Передъ нами открылся обширный лугъ, на которомъ разбросаны купами вѣковые платаны. Подъ тѣнью этихъ великолѣпныхъ деревьевъ, на разостланныхъ коврахъ и шелковыхъ тюфякахъ, облокотясь на атласныя или парчевыя подушки, неподвижно, какъ цвѣтныя фарфоровыя куклы, сидятъ группами мужчины и женщины, всегда почти порознь одни отъ другихъ. Турки, поджавъ ноги, курятъ трубки или паргилэ и только изрѣдка обмѣниваются отрывистыми фразами. Голубыя, лиловыя и розовыя Турчанки, съ бѣлыми кисейными яшмаками, показались бы статуями, еслибъ оди не жевали какихъ-нибудь лакомствъ, другія не дымили соломенныхъ сигаретокъ. Даже дѣти не бѣгаютъ и не рѣзвятся, какъ у насъ въ Лѣтнемъ-саду или въ Сокольникахъ, а сидятъ

около матерей или ходять, переваливаясь съ ноги-на-ногу. Мальчики одѣты въ вышитыя золотомъ куртки, и часто видншь у нихъ на шеѣ ордена и медали. Это оттого, что отецъ, украшенный орденомъ, имѣеть здѣсь право повѣсить кошію съ него на старшаго сына. У дѣвочекъ атласные казакнины и шелковые шальвары съ желтыми сапожками, а волосы заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотымъ или серебрянымъ снуркомъ. Здѣсь, какъ и у насъ, богатые люди одѣваютъ дѣтей въ національный костюмъ, котораго не носятъ взрослые.

Рѣчка ведетъ къ дворцу Гюль-хане или Дому-розъ, гдѣ дана была знаменитая розовая конституція, которая, какъ мыльный пузырь, блеснула и лопнула передъ глазами раевъ. Это деревянное двухъ-этажное зданіе, съ рѣшетчатыми окнами, отъ котораго выдаются впередъ досчатые бельведеры, опирающіеся на мраморныя колонны. Каменная ограда окружаетъ этотъ уродливый сарай изъ досокъ и мрамора. Позади, на самомъ берегу рѣчки, стоитъ кіоскъ, съ выдающеюся впередъ крышею, весь раскрашенный и вызолоченный. За нимъ разстилается обширная долина, съ обѣихъ сторонъ окоймленная горами, и по ней тянется вдаль безконечный каналъ, сажень въ пять шириною, обсаженный кипарисами и платанами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ перерѣзанъ плотинами изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ опускающихся въ три уступа раковинъ, по которымъ вода переливается каскадами. На днѣ ихъ вырублены кое-гдѣ камешныя рыбки. На одной изъ этихъ плотинъ стоятъ рядомъ три мраморныя бесѣдки: когда султанъ пріѣзжаетъ сюда съ гаремомъ, то въ среднемъ навильонѣ готовится для него наргиялэ, и онъ смотритъ отсюда, какъ одалиски купаются въ мраморныхъ раковинахъ. Это одинъ изъ послѣднихъ остатковъ гаремной старины. Въ такіе дни ко дворцу, разумѣется, никого не пускаютъ.

Долина Сладкихъ-Водъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасна. Живописныя линіи окоймляющихъ ее горъ, темная зелень кипарисовъ, ярко сверкающія мраморныя плотины, кусты розъ по берегамъ рѣчки, свѣжесть и прохлада отъ воды, — все дышетъ восточнымъ кейфомъ. Когда мы пришли сюда, по

всей долины разсыяны были живописныя группы, между которыми бродили продавцы фруктовъ и конфетъ, разношники съ мороженымъ и шерbetaми, вездѣ вились струйки дыма отъ трубокъ и наргилѣ. Крики погонщиковъ, предлагающихъ верховыхъ лошадей, и бѣготня мальчиковъ изъ построенной на углу кофейни оживляютъ сцену. Если Тонхана напоминаетъ гулянье подѣ-Новинскимъ, то въ Сладкихъ-Водахъ есть что-то общее съ прогулками въ Сокольникахъ или подѣ-Симоновымъ, съ тою разницею, что тутъ нѣтъ самоваровъ и пѣсенъ и нашего праздничнаго разгула.

Когда мы возвращались къ своему кавку, недалеко отъ султанскаго кіоска встрѣтилась намъ карета, запряженная парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей, которыхъ вели подѣ-устцы чауши въ малиновыхъ курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ. За каретой ѣхало восемь человекъ конныхъ кавасовъ, а съ правой стороны у самыхъ дверей шелъ негръ въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Отвислыя губы его и желтыя бѣлки глазъ обличали гаремнаго сторожа, не нуждающагося въ женской ласкѣ, какъ говоритъ Коранъ. Въ каретѣ, рядомъ съ какою-то закутанной фигурой, сидѣла молоденькая женщина, въ аломъ шелковомъ переджѣ и маленькой шитой золотомъ шапочкѣ съ легко-приколотымъ янмакомъ, или лучше сказать прозрачнымъ кружевнымъ вуалемъ. Карета осталась передъ оркестромъ музыки, и мы могли рассмотреть Турчанку. Палатоли шепнулъ мнѣ, что это должна быть дочь султана или одна изъ его женъ. Если нарядъ султанши, при ея лайковыхъ перчаткахъ и парижскомъ вѣерѣ, далеко уступалъ великолѣпному костюму, въ какомъ мы видѣли Рашель въ Баязетѣ, зато сама она была настоящимъ типомъ турецкой красоты. Бѣлое покрывало, оттѣняя виски ея, увеличивало блескъ распущенныхъ черныхъ косъ и произительныхъ черныхъ глазъ. Правильный овалъ лица, прямой носъ съ приподнятыми ноздрями, матовая бѣлизна кожи и молочно-розовый румянецъ, — все это составляло самобытныя черты, непохожія на одинъ изъ европейскихъ типовъ. Турки почтительно отступали, потупляя глаза, и даже дѣти робко бѣжали отъ кареты. Только съ десяткомъ иностранцевъ, а въ томъ числѣ и я, стояли подлѣ экипажа.

Султанна не оскорблялась нашими лорнетами, и большіе магометанскіе глаза ея спокойно обращались на гяуровъ.

— Не знаете-ли, кто это? спросилъ я черезъ моего переводчика у молодого Турка, который въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, прислонясь къ платану, посматривалъ искоса на султанскую карету.

— Не должно знать! отвѣчалъ онъ отрывисто и повернулся отъ насъ.

Мы возвратились домой, когда пушечная пальба съ пристаней и судовъ наполнила городъ громомъ и дымомъ, и испуганныя чайки съ печальнымъ крикомъ метались взадъ и впередъ по Босфору.

VI.

Мечети и тюрьме.

Стамбульскія джами или султанскія мечети большею-частью передѣланы изъ греческихъ церквей или выстроены по ихъ образцу, а потому всѣ почти напоминаютъ Ая-Софію. Арабская архитектура, такъ оригинальная въ кіоскахъ и фонтанахъ, не имѣла большаго вліянія на постройку главныхъ мечетей: въ нихъ замѣтно видѣнъ христіанскій храмъ, въ которомъ алтарь замѣнился нишею съ Кораномъ, а на куполахъ вмѣсто креста сверкаетъ полумѣсяцъ. Всѣ главныя джами стоятъ, какъ московскіе монастыри, на прекрасныхъ мѣстахъ, и отъ нихъ открываются всегда живописныя виды. Онѣ окружены обыкновенно дворомъ, обведеннымъ арабской аркадою на мраморныхъ колоннахъ и обсаженнымъ платанами и кипарисами.

На дворѣ этомъ видны обыкновенно пристройки, гдѣ помѣщаются медресе или школы, кельи имамовъ и богадѣльни или имареты. При каждой мечети есть фонтаны. У однихъ стоятъ они на дворѣ отдѣльно, въ видѣ кіоска изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ выгнутой шатромъ позолоченной кровлею, покрытаго арабесками и тѣми чудными надписями, которыя изъ письма переходятъ уже въ искусство, представляя изящныя узоры изъ переплетенныхъ золотыхъ

буквъ. У другихъ мечетей фонтаны примыкають къ основанію стѣны, въ видѣ круглыхъ полубассейновъ изъ бѣлаго мрамора. Тутъ всегда сидятъ на корточкахъ Турки, съ засученными по локоть рукавами, съ обнаженными колѣнами, и покачивая головою, совершаютъ омовеніе. При большихъ джами видишь особый мраморный павильонъ: это тюрбе или гробница султана, построившаго храмъ.

. Третье утро бѣрама я посвятилъ на прогулку по константинопольскимъ мечетямъ. Кромѣ недоступной для иностранцевъ Эюбъ-джами, куда не пускають никого и съ фирманомъ, теперь вездѣ можно проникнуть за деньги. Прежде всего я пошелъ съ своимъ проводникомъ въ Ахмедіе, которую Турки называютъ шестиминаретной джами. Съ Атмейдана черезъ бронзовыя двериходишь на дворъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный аркадами на порфирныхъ колоннахъ. Но всѣ эти прекрасныя арки заложены теперь досками, и мраморная галерея обращена для склада военной амуниціи. Передъ нею ходитъ часовая. Внутренность мечети, куда мы проникли, послѣ долгихъ споровъ съ имамами, напоминаетъ Софійскій Соборъ, съ большою примѣсью арабскихъ украшеній.

Отсюда пошли мы въ Баязидіе. Ограда ея — верхъ совершенства арабскаго вкуса. Это сквозная галерея изъ легкихъ мавританскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфировыхъ колоннахъ необыкновенной легкости и красоты.

Нигдѣ я не видалъ такого множества голубей, какъ на дворѣ Баязидіе: они унижаютъ всѣ арки и карнизы и стаями носятся надъ мечетью. Ихъ кормятъ въ опредѣленное время, какъ и голубей св. Марка съ Венеціи. У входа въ джами стоитъ большой кипарисный сундукъ съ ишеницею, а подлѣ него сидитъ на коврѣ старый Турокъ. Когда мы вошли, онъ всталъ, зачерпнулъ деревянной чашкой изъ ящика, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Подайте на пропитаніе птицамъ Божіимъ!» Я далъ ему піастръ, и онъ высыпалъ ишеницу на дворъ. Тысячи голубей со всѣхъ сторонъ ринулись внизъ и покрыли всю площадку бѣлой массою трепещущихъ крыльевъ. Въ одну минуту на дворѣ не осталось ни зерна.

— Откуда этотъ обычай кормить голубей? спросилъ я Турка черезъ моего переводчика.

— Блаженный султанъ Баязидъ, построившій эту джамп, отвѣчалъ старикъ: — принесть ей въ даръ пару голубей. Съ тѣхъ-поръ правовѣрные кормятъ ихъ потомство на спасеніе души падишаха.

Споры съ имамами такъ надоѣли мнѣ, что я не пошелъ въ Баязидову-мечеть, а поспѣшилъ въ Сулейманіе. Это самая обширная и изящная джамп во всемъ городѣ, послѣ Ая-Софіи, и что важнѣе всего — не передѣлка или подражаніе христіанской церкви, а вполне магометанская мечеть, сооруженная въ лучшую эпоху турецкаго вкуса, когда мавританская архитектура процвѣтала въ Константинополѣ.

Сулейманова мечеть стоитъ на одной изъ лучшихъ высотъ Стамбула, надъ лѣвымъ берегомъ Золотога-Рога. Мы вошли на гаремъ-джамп, обширный дворъ, огороженный со стороны залива каменнымъ парапетомъ и замкнутый по угламъ башнями, откуда витыя лѣстницы ведутъ на пролегающую внизу улицу. Съ другихъ сторонъ тянется ограда и каменныя строенія, гдѣ помѣщаются многочисленныя имареты и медресе. Посередѣ этой площади, усаженной липами и платанами, стоитъ узорчатый корпусъ мечети съ арабскими галереями, увязанный множествомъ свинцовыхъ куполовъ, и передъ нимъ четыре граціозныя минарета съ золотой луною поднимаются, какъ исполнскія восковыя свѣчи, зажженные передъ святилищемъ ислама. У передней стѣны мечети видны два отдѣльные кіоска, въ видѣ ротондъ, обведенныхъ аркадами на колоннахъ изъ розоваго и бѣлаго мрамора. Это тюрбе Сулеймана Великаго и жены его Кассеки, извѣстной больше подъ именемъ Роксоланы.

Пока проводникъ мой торговался съ имамомъ за входъ въ гробницы, я подошелъ къ оградѣ полюбоваться видомъ, который открывается съ двора на Золотой-Рогъ и всю панораму Галаты и Перы. Но меня поразило отвратительное зрѣлище. Вдоль всего гаремъ-джамп тянется каменная скамья, примыкающая къ парапету. На ней сидѣло, поджавъ ноги, десятка три нищихъ и калѣкъ, съ язвами на тѣлѣ, — и вся эта честная кампанія, снявъ свои грязныя рубища, внима-

тельно занималась очистительной ловлей, которую предписывает Коранъ на-ряду съ умовеніями. Я убѣждалъ отъ прокаженной толпы.

Папатоли окончилъ между-тѣмъ свои переговоры съ смотрителемъ тюрбе. Турокъ отперъ рѣшетчатую, позолоченную дверь, обмахнулъ полою халата пыль съ моихъ сапоговъ, и мы вошли въ павильонъ Сулеймана. Это круглая комната съ арабскимъ сводомъ, вся выложенная мраморомъ и покрытая рѣзбою и золотыми узорчатыми надписями. Посреди ротовды, за фигурной рѣшеткой съ перламутровой инкрустаціей и позолотой, стоятъ три гробницы. Это могилы султана и двухъ сыновей его. Гробница Сулеймана окутана вся покрывами изъ великолѣпной золотой парчи съ зелеными узорами. Въ головахъ лежитъ на ней большая чалма, изъ бѣлой драгоценной шали съ алымъ бархатнымъ колпакомъ, на которой подымается съ-боку большое стоячее перо, пристегнутое брилліантовымъ полумѣсяцемъ. Передъ гробницей горятъ огромныя восковыя свѣчи въ серебрянныхъ канделябрахъ, похожихъ на наши церковныя подсвѣчники, а съ потолка спускаются на проволокахъ лампы съ подвѣшенными внизу страусовыми янцами. На особомъ столикѣ стоятъ деревянная модель Мекки. Боковыя гробницы меньше, но убраны въ томъ-же вкусѣ. Весь павильонъ отличается роскошью и изяществомъ.

Сторожъ привелъ насъ къ другой тюрбе и опять вытеръ мнѣ сапоги. Гробница Роксоланы гораздо меньше, чѣмъ памятникъ ея мужа. За позолоченной рѣшеткой стоитъ саркофагъ, окутанный кашемировыми шальями и увѣнчанный турбаномъ съ остроконечной скуфейкою и брилліантовымъ аграфомъ. Кажется, это единственная женская тюрбе во всемъ Стамбулѣ, какъ и сама Роксолана была единственной женскою личностію во всей турецкой исторіи. Другія султанши погребены въ общихъ тюрбе съ своими мужьями. При выходѣ нашемъ Турокъ сверхъ условленной платы попросилъ бакшишъ за обтирку моихъ сапогъ.

Мимо ряда мраморныхъ бассейновъ, примыкающихъ къ боковому фасаду джами, прошли мы къ главному входу въ Сулейманіе. Папатоли просилъ меня подождать и пошелъ въ

маленькую дверь, которая вела въ келью сторожевыхъ имамовъ. Въ ожиданіи его я поднялся на мраморныя ступени крыльца. Двери въ мечеть были отворены, и черный суконный занавѣсъ, весь въ заплаткахъ, былъ до половины приподнятъ. Я подошелъ къ самымъ дверямъ: внутри джами тускло мерцали лампы и не слышать было ни малѣйшаго звука! Миѣ надоѣло ждать Папатоли; я переступилъ за порогъ, и шагъ за шагомъ пробрался наконецъ на самую середину мечети.

Внутренность Сулейманіе поражаетъ оригинальнымъ величіемъ. Архитектура ея не напоминаетъ уже христіанской церкви: это эдакіе, посвященное вполне исламу. Въ немъ нѣтъ ни величественнаго купола Ая-Софін, ни ея колоссальныхъ хоръ, ни рѣзныхъ мраморныхъ карнизовъ; но арабскія арки, подымающіяся, какъ изогнутыя саби, на колоннахъ розоваго гранита, легкіе своды, испещренные золотыми арабесками, стрѣльчатая окна съ цвѣтными стеклами, — все напоминаетъ лучшее время мавританскаго искусства. Стѣны всѣ покрыты узорчатыми надписями: кажется, это полный экземпляръ Корана, писанный золотомъ на исполкиныхъ мраморныхъ скрижаляхъ. Подобно Юстиніану., Сулейманъ собиралъ мраморы для своей джами со всего Константинополя: въ нее переносились древнія колонны съ площадей и изъ христіанскихъ храмовъ. Въ числѣ четырехъ устоевъ, подпирающихъ своды, стоитъ и порфирная колонна съ Августеона — подножіе бронзовой статуи Юстиніана, къ которой Магометъ II бросилъ окровавленную голову послѣдняго греческаго императора. Но при всемъ богатствѣ мраморовъ, красотѣ арокъ и разнообразіи украшеній, мечеть поражаетъ какою-то пустотой и холодностью: въ ней будто недостаетъ чего-нибудь, какъ въ богатой и роскошной квартирѣ холостяка, не оживленной присутствіемъ женщины.

Обстановка здѣсь та-же, что и въ другихъ мечетяхъ. Въ глубинѣ обширной ниши бѣлѣтъ мраморная рѣзная мира для хранения Корана, и вокругъ развѣшены таблицы съ золотыми начертаніями священныхъ текстовъ или съ именами султановъ. У переднихъ колоннъ стоитъ минабаръ и султанская ложа изъ бѣлаго мрамора. Съ потолка висятъ на про-

волокахъ безчисленныя лампады, то рядами попереку мечети, то сгруппированныя въ видѣ люстръ. Полъ устланъ тростниковыми рогожками. Я осмотрѣлся и замѣтилъ, что мечеть была не пуста. Съ десятокъ Турокъ въ разныхъ мѣстахъ совершали птнкафъ, то-есть лежали ничкомъ, поджавъ колѣна и опустя головы на вытянутыя и сложенныя руки. У колоннъ стояло нѣсколько женщинъ, скорѣе похожихъ на зрительницъ, чѣмъ на молящихся. Магометъ оттолкнулъ женщину не только отъ общественной жизни, но даже и отъ Аллаха: ей не дано мѣста и въ раю, гдѣ живутъ ея соперницы, черноглазыя гурин.

Я осмотрѣлъ всю мечеть и, кажется, никто изъ Турокъ меня не замѣтилъ. Только при выходѣ двѣ или три головы поднялись и окинули меня свирѣпымъ взглядомъ. Оборванный имамъ встрѣтился со мною въ дверяхъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ вѣроятно какое-нибудь не совсѣмъ лестное привѣтствіе, но къ крайнему удивленію моему не попросилъ денегъ. Прогулка по Сулейманіе не стоила мнѣ ни копѣйки.

По выходѣ изъ мечети я не могъ отыскать Панаполи. Напрасно обошелъ я весь дворъ, заглянулъ въ келью имамовъ: проводникъ мой исчезъ. Между-тѣмъ на каменной скамьѣ нищіе продолжали охотиться въ своихъ лохмотьяхъ. Я взглянулъ черезъ парапетъ. Подъ самой стѣною тянулась грязная улица, обставленная рядомъ законченныхъ лачугъ, передъ которыми гнѣздились кузнецы и слесаря, какъ черныя тараканы въ смрадной щели. У одной избушки стоялъ мой Панаполи; онъ замѣтилъ меня и знаками приглашалъ сойти. По вѣтой лѣстницѣ я спустился на улицу и у входа встрѣтилъ своего проводника. Онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами случилось? спросилъ я,

— Вы совсѣмъ меня не жалѣете, отвѣчалъ онъ. — Какъ же можно ходить въ мечеть безъ позволенія: вѣдь имамы не пускаютъ сегодня ни за-какія деньги.

— Я и даромъ посмотрѣлъ.

— Что-же вы со мной-то дѣлаете? Собака я что-ли? Вѣдь я одной вѣры съ вами... одной-ли, скажите ради Бога?

— Положимъ такъ, да чего вы испугались! Еслибъ со мной что-нибудь случилось, — вамъ-то что за бѣда!

— Какъ что? Вы Русскій, васъ не тронуть; а я вѣдь беззащитный рай, меня могутъ палками отдуть.

— За что-же? Вѣдь вы не водили меня въ мечеть: я самъ пошелъ.

— Станутъ они слушать мои оправданія! я какъ увидѣлъ васъ въ джами, меня такъ сюда и сбросило... Да гдѣ-же у васъ были сапоги?

— Совсѣмъ забылъ снять.

— Въ сапогахъ ходили!... Какъ-же это они васъ не задержали! Ослѣпили что-ли они, собаки!... Въ сапогахъ! вотъ чудо-то!

— Ну, послѣ подвигитесь; пойдете-ка пить кофе.

Мы зашли въ ближнюю кофейню. За трубкою Папатоли началъ приходить въ себя, но все еще подозрительно осматривался, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь и здѣсь не схватилъ его за мою прогулку въ Сулейманіе. Въ дверяхъ онъ вѣжливо посторонился передъ грязными собаками. Но когда мы сходили по пустой улицѣ къ пристани, чтобы сѣсть въ каякъ, онъ закричалъ съ одушевленіемъ: «въ сапогахъ и въ бѣйрамъ! славно!» При этомъ Грекъ мой схватилъ камень, посмотрѣлъ во всѣ стороны, и убѣдясь, что въ переулкѣ не видать Турокъ, энергически швырнулъ его въ стаю собакъ.

Когда я вечеромъ пришелъ къ обѣду, въ залѣ шелъ одушевленный разговоръ. Разнесся слухъ, что въ Константинополѣ готовится дипломатическій кризисъ, по вопросу о выборахъ въ Дунайскихъ-княжествахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ въ Валахїи разыгрывалась комедія, которая грозила принять серьезный оборотъ. Подъ вліяніемъ султанскаго комиссара выборы сдѣланы были совершенно по-турецки, съ помощью кошелековъ и палки. Французскій посланникъ протестовалъ въ Диванѣ и требовалъ распущенія такъ любезно созванной палаты, а султанъ Ретклифъ поддерживалъ свою любезную Турцію. За обѣдомъ корреспондентъ французскаго журнала говорилъ съ жаромъ о великой роли, которую взяло на себя въ этомъ дѣлѣ неизреченно-великодушное правительство императора Наполеона III. Русская барыня спрашивала съ безпокойствомъ, не помѣшаютъ-ли ей дунайскіе выборы говѣть и приобщиться въ Іерусалимѣ. А молдаванская при-

цесса посматривала на насъ съ большимъ достоинствомъ, какъ-будто изъ-за нея лично готово разорваться знаменитое сердечное согласіе между Англійей и Франціей.

— Какое великое время! говорила старуха: — вотъ и наша Молдавія принимаетъ участіе въ судьбахъ Европы.

Хозяинъ нашъ съ благоговѣніемъ прислушивался къ словамъ румынской принцессы, какъ-будто она была пирія, готовая открыть ему судьбу Константинополя и будущее величіе *Hôtel d'Europe*.

VII.

Дервиши.

Если въ Константинополѣ нѣтъ театра, за-то туристамъ открыты любопытныя представленія дервишей мевлеви и шемси. Коранъ, не позволяющій Туркамъ допускать гууровъ въ мечети во время богослуженія, совсѣмъ кажется не стѣсняетъ дервишей, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать больше фанатизма и нетерпимости. Они охотно позволяютъ Европейцамъ посѣщать свои мистеріи, и не только не стѣсняются при невѣрныхъ гостяхъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ вертятся и режутъ при нихъ во славу Аллаха. Эти священныя труппы даютъ свои представленія всякую недѣлю, а въ бѣйрамъ съ особенной торжественностью.

Текке или монастырь дервишей мевлеви построенъ въ Перѣ, недалеко отъ нашей *Hôtel d'Europe*. Въ первое воскресенье меня пригласилъ туда Франкуди, редакторъ греческаго журнала *Θελξινωή*, съ которымъ я познакомился по одному изъ моихъ рекомендательныхъ писемъ. Мы пришли къ каменной оградѣ, и какой-то старый Турокъ отворилъ намъ желѣзныя ворота. Небольшой дворъ впереди оканчивается кладбищемъ, гдѣ въ зелени кипарисовъ стоятъ мраморныя надгробныя столбики. Налѣво тянется низенькое деревянное строеніе съ черепичной крышею, занятое кельями; направо мечеть съ двойнымъ высокимъ крыльцомъ. По срединѣ двора фонтанъ.

Въ два часа на крыльцѣ показался довольно грязный

муззынтъ, взявъ себя обѣими руками за уши, закрылъ глаза и затянулъ монотонный призывъ къ молитвѣ. Мы замѣнили сапоги желтыми бабушами и поспѣшили въ мечеть.

Мы вошли въ довольно-большую залу, съ трехъ сторонъ обведенную двойной галереей. Въ нижнемъ ряду, отдѣленномъ балюстрадой, помѣщаются богомольцы и зрители; въ верхнемъ ярусѣ прямо надъ входомъ — оркестръ, а по бокамъ рѣшетчатыя ложи для женщинъ. Зала освѣщена, какъ въ театрѣ, большой люстрой. Въ передней стѣнѣ видна круглая ниша съ намалеваннымъ внутри изображеніемъ горящей лампы, и передъ нею разостланъ пунсовый коверъ. По бокамъ висятъ синія доски въ золотыхъ рамахъ съ суратами изъ Корана. Въ залѣ полъ гладко навощенъ, а въ галереѣ устланъ египетскими циновками.

Когда мы вошли, сцена была еще пуста, но нижняя галерея наполнялась уже зрителями, Турками и Европейцами, а наверху въ ложахъ, сквозь зеленыя рѣшетки, видѣлись темныя силуэты фигуръ, закутанныхъ въ бѣлыя яшмаки. Я помѣстился съ товарищемъ у самой балюстрады, подлѣ какихъ-то Француженокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ часть рѣшетчатой ограды отворилась, и мевлеви потянулись въ залу. Впереди шелъ молодой человекъ съ прекрасными чертами лица, въ черной рясѣ и коричневой чалмѣ, густо обвитой внизу зеленой тесьмою. Это молла или настоятель секты. За нимъ по-парно выступало человекъ двадцать дервишей, въ коричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ, похожихъ на опрокинутый цветочный горшокъ. Потупя глаза и сложивъ руки на груди, входили они въ залу, не слышно ступая босыми ногами, раздѣлялись въ обѣ стороны и становились вокругъ балюстрады.

Молодой молла вошелъ въ нишу, обратился къ лампадѣ и тихимъ, выразительнымъ голосомъ началъ читать молитву. На хорахъ раздалось визгливое пѣніе. Дервиши разомъ опустились на колѣна, вытянули впередъ сложенные руки и упали на нихъ головами съ крикомъ: Алла экберъ! Потомъ они дружно откинулись назадъ и снова съ тѣмъ-же завываньемъ упали на протянутыя руки. Четверть часа прошло

въ этой религіозной гимнастикѣ. И вотъ пѣніе замолкло и дервиши поднялись съ пылающими лицами. Настоятель, опустя рѣсницы, медленно вошелъ на разостланный передъ нишею пунсовый шелковый коверъ.

Вдругъ послышались рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Мевлеви сбросили мантии и остались въ однѣхъ юбкахъ и кофтахъ съ длинными рукавамц. Одинъ изъ сектантовъ медленно подошелъ къ молодому красавцу, поклонился ему въ поясъ, потомъ отпрянулъ на середину сцены, сложилъ руки на груди и началъ тихо кружиться на пяткахъ. За нимъ такъ-же вышелъ и закружился другой, затѣмъ опять новый, и скоро вся сцена наполнилась бѣлыми вертящимися фигурами. Мало-по-малу руки ихъ вытягивались горизонтально, какъ на распятіи, головы склонялись набокъ, глаза начинали смыкаться и лица засверкали восторженной улыбкой. Съ каждой минутой дикое пѣніе становилось порывистѣе, дервиши кружились быстрѣе, бѣлыя юбки ихъ развѣивались шире, надувались какъ полотняный колоколь, надъ которыми мельками только распростертыя руки и голова въ войлочномъ наконечникѣ. А молла стоялъ на коврѣ, набожно потупя глаза.

Прошло четверть часа. Музыка и пѣніе умолкли; дервиши отступили шатаясь къ балюстрадѣ и опустились на колѣна. Это былъ молитвенный антрактъ. Но скоро опять флейта завизжала еще быстрѣе и пронзительнѣе, и мусульманская труппа закружилась съ усиленной энергіей. При быстротѣ поворотовъ едва можно было видѣть облитыя потомъ, красныя лица, подернутыя улыбкой фанатическаго восторга. Это была не мистификація: въ религіозномъ опьяненіи вѣроятно не одному изъ этихъ блаженныхъ подвижниковъ видѣлся уже рай Магомета съ лежащими на зеленыхъ изголовьяхъ черноглазыми гуріями. Но блаженство безумья дается не всякому: большая часть дервишей изнемогла въ этой душеспасительной пляскѣ. Имамы подбѣгали беспрестанно къ вертящимся мевлеви и одного за другимъ выводили изъ мечети. Послѣ третьей молитвы на сценѣ осталось только семеро дервишей. Тутъ музыка дошла до страшной быстроты, пѣніе превратилось въ бѣшеные визги, и бѣлыя

фигуры закружились точно спущенные волчки. Этотъ религіозный балетъ, это бѣснованіе во спасеніе души продолжалось около часу. И вовсе это время красавецъ-молла смотрѣлъ съ набожнымъ восторгомъ на свою вертящуюся труппу и только изрѣдка обращалъ глаза на галерею, кака-бы желая подмѣтить, какое впечатлѣніе производитъ на гяуровъ этотъ подвигъ во славу Магомета.

Представленіе кончилось тѣмъ, что мевлеви, шатаясь точно пьяные, отступили къ балюстрадаѣ, упали на колѣна и, отдохнувъ за новой молитвою, вышли изъ мечети. Актеры скрылись, и публика бросилась отыскивать не экипажи, а оставленные за дверьми сапоги. У крыльца женщины толпились взглянуть на моллу. Сквозь покрывала видѣлись тѣ же нѣжные взгляды, какими бывало въ оперѣ наши дамы встрѣчали Маріо.

Въ Скутарп находится текке другой сумазбродной секты шемси, которой члены не составляютъ монашескаго ордена, какъ мевлеви, а принадлежать къ разнымъ сословіямъ и только собираются на общее моленье. Я ѣздилъ туда на пароходѣ въ цѣлой компаніи Французовъ изъ нашего отеля. По извиистой улицѣ пришли мы къ воротамъ, надъ которыми видна какая-то арабская надпись. Съ крытаго крыльца прямо подымается входъ въ мечеть, а направо въ открытую комнату безъ дверей, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ фойе. По стѣнамъ ея развѣшены рясы для собирающихся дервишей: при насъ здѣсь облачались двое гвардейскихъ офицеровъ.

Мы вошли въ мечеть. Это такая-же зала, какъ и у мевлеви, обведенная съ трехъ сторонъ галереей, надъ которою подымаются хоры для женщинъ; заставленные рѣшетками. На передней стѣнѣ видна ниша съ надписями изъ Корана. Но если арена вертящихся дервишей похожа на танцевальную залу, то молежня шемси напоминаетъ инквизицію. По стѣнамъ развѣшены какіе-то дикіе снаряды: двойныя алебарды, съ остреями въ видѣ полумѣсяца, кривыя иззубренныя сабли, уродливыя щипцы и желѣзные крючья, тонкіе книжалы, съ мѣднымъ шаромъ вмѣсто рукоятки. Надъ арками

висятъ странные барабаны, похожіе на обтянутыя кожей воронки.

Галерея была уже биткомъ набита зрителями, но имамъ растолкалъ безъ церемоніи Турокъ и провелъ насъ къ балюстрадѣ. На сценѣ, передъ самой нишею, сидѣлъ на аломъ коврѣ молла. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, въ розовой рясѣ и зеленой чалмѣ, худой какъ отощавшій паукъ, съ сѣдой бородою и красными вѣками, которыя безпрестанно подымались и опускались. По сторонамъ его расположились четверо стариковъ, въ лиловыхъ и желтыхъ халатахъ, а напротивъ около балюстрады сидѣло на овчинахъ человекъ сорокъ дервишей въ темныхъ рясахъ. Въ числѣ ихъ было трое негровъ.

Когда мы вошли, имамы разносили почтеннымъ отцамъ музыкальные инструменты: моллѣ подали мѣдныя тарелки, какія бываютъ у насъ въ полковыхъ оркестрахъ, старикамъ — бубны, или лучше сказать рѣшета, обтянутыя кожей, остальнымъ — маленькіе барабаны съ привѣшенными къ нимъ продолговатыми ремнями. Всѣ сидѣли неподвижно съ потупленными глазами, и только красныя вѣки старика хлопали, какъ у засыпающей птицы. Но вотъ, онъ поднялъ руки, и рѣзкій ударъ его тарелокъ прозвучалъ въ залѣ: дервиши вздрогнули. Раздался другой и третій ударъ, — и на него откликнулся глухимъ гуломъ всѣ бубны и барабаны. Дикіе раскаты уродливаго оркестра съ каждой минутой становились быстрее, и какъ-будто готовили къ чему-то нечеловѣческому. Затихая на нѣсколько мгновеній, мрачная гармонія звучала опять съ новой силою, съ удвоенной быстротою и дикостью, и наконецъ все слилось въ бѣшеный хаосъ, гдѣ въ дикомъ гулѣ и грохотѣ гремѣли раздирающіе звуки металлическихъ тарелокъ, поражая слухъ и потрясая нервы. Въ этой адской музыкѣ было что-то безумное и увлекающее: глаза дервишей разгорались, изъ-подъ красныхъ вѣкъ старика сверкали бѣшеные взгляды.

Вдругъ всѣ шемси поднялись и бросили инструменты. Послышалась хрипая молитва стараго моллы. Человекъ тридцать дервишей стали плотнымъ рядомъ, сверкая дикими глазами. Едва замолкла молитва, старикъ въ желтой рясѣ вы-

ступилъ впередъ и рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на визгъ пилы, затащилъ какой-то порывистый мотивъ. Дикій грохотъ барабановъ откликнулся на хорахъ. При этомъ вся шеренга дервишей, ступая впередъ правой ногою, начала покачиваться, разомъ наклоняясь и откидываясь назадъ съ дикимъ завываньемъ: Алла-гу! Алла-гу! Рѣзкій голосъ старика звучалъ съ каждой минутой пронзительнѣе, качанье бѣснующихся дѣлалось быстрѣе и ниже, хриплый ревъ ихъ сильнѣе и чудовищнѣе. Лица фанатиковъ разгарались румянцемъ, глаза сверкали безумнымъ огнемъ, голосъ превращался въ нечеловѣческой ревъ. Весь рядъ этихъ дикарей разомъ склонился впередъ, прикивая лбомъ почти до полу, и всей массой перегибался назадъ, едва не касаясь до земли затылкомъ, съ бѣшеннымъ завываньемъ, похожимъ на ревъ голодной стаи дикихъ звѣрей.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ толпы остальныхъ дервишей вышелъ негръ. Молла снялъ со стѣны два кинжала съ шаровидными ручками, сталъ опять на коверъ, медленно проговорилъ какую-то молитву и провелъ языкомъ по свѣтлымъ лезвьямъ. Негръ вреклонилъ колѣна и принялъ кинжалы, потомъ отскочилъ на середину залы, сорвалъ съ себя мантию и остался въ однихъ бѣлыхъ шальварахъ съ чернымъ обнаженнымъ торсомъ. Дико поднялъ онъ бѣлые глаза, шагнулъ впередъ, взмахнулъ надъ головой кинжалами и направилъ ихъ себѣ въ грудь. Молла совсѣмъ поднялъ красныя вѣки, уставилъ тупые глаза въ потолокъ и ускоренно шевелилъ губами; а бѣшенный хоръ дервишей надрывался неистовымъ ревомъ, перегибаясь ежеминутно взадъ и впередъ цѣлымъ строемъ. И по милости Аллаха набожный акробатъ остался невредимъ.

Но кажется негръ до конца хотѣлъ исчерпать на себѣ милосердіе Магомета: онъ опять сдѣлалъ шагъ впередъ, приставилъ острія кинжаловъ къ груди и не сгибаясь ринулся на полъ, такъ что мѣдные шары глухо ударились о паркетъ и лезвіе впилося въ тѣло чернаго мученика. Струя крови потекла на полъ. Святой мужъ съ дикимъ воемъ перекинулся на спину, держа вертикально на груди свои атаганы. Молла, поддерживаемый имамами, медленно подошелъ къ нему, сталъ

на ручки кинжаловъ, и хлопая красными вѣками, началъ читать благодарственную молитву Пророку за чудо, совершенное во славу ислама.

— Да этотъ фокусъ я ужъ видѣлъ на парижскомъ Гипподромѣ! сказалъ мнѣ одинъ изъ сосѣдей.

Имамы подняли негра, вырвали у него кинжалы, накинули на него мантию и вынесли изъ мечети. Молла вскрикнулъ, и весь рядъ воюющихъ дервишей опустился на колѣна.

Я думалъ, что этимъ все кончится, но мы видѣли еще только половину сумазбродной комедіи. Черезъ пять минутъ опять зазвучалъ на хорахъ барабанъ и раздался визгливый напѣвъ желтаго шемси. Снова поднялся дикій строй, сомкнулся и закачался при неистовыхъ вопляхъ: Алла-гу! Алла-гу! Къ довершенію удовольствія одинъ мевлеви, который сидѣлъ до-тѣхъ-поръ въ галереѣ, подошелъ къ старому моллѣ, поцѣловался съ нимъ, потомъ сбросилъ рясу, распростеръ руки, завертѣлся и его бѣлая юбка развернулась колоколомъ передъ строемъ ревущихъ дикарей.

Въ это время принесли въ мечеть ребенка, хорошенькую дѣвочку двухъ или трехъ лѣтъ. Молла коснулся до нея рукой и началъ читать молитву. Малютку положили на алыі коверъ, и она поводила глазками то на воюющихъ шемси, то на вертящагося мевлеви. Двое имамовъ взяли старика подъ руки, подвели къ дѣвочкѣ; онъ поставилъ ей на грудь сперва одну ногу, потомъ другую и выпрямился. При всей увѣренности въ искусствѣ фокусника, я не могъ удержаться отъ неприятнаго чувства. Малютка однакожъ не вскрикнула: кажется, старикъ опирался локтями на имамовъ и ноги его едва касались ребенка.

— Это исцѣленіе больныхъ! сказалъ одинъ изъ нашихъ Французовъ.

— Чтобы старику вылѣчить своей благодатью и самую Турцію! замѣтилъ другой.

— Это ужъ дѣло моллы Ретклифа: вѣдь онъ именно для того и наступилъ на горло Портѣ.

Продѣлка повторилась еще надъ десяткомъ дѣтей, которыхъ одного за другимъ клали на коверъ. Старый молла, при неумолкающемъ ревѣ своихъ шемси и круженьи бѣлаго

дервиша, становился имъ на грудь или спину, поддерживаемый двумя имамами. Иныя дѣти лежали молча, другія плакали, но кажется не отъ боли, а скорѣе отъ страха при дикомъ завываньи безумцевъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Въ заключеніе на полу улеглось пятеро солдатъ, — и старикъ, никѣмъ уже не поддерживаемый, прошелся взадъ и впередъ по ихъ спинамъ: они подпрыгнули очень довольные и поцѣловали у него руку. Между-тѣмъ дервишей одного за другимъ выносили изъ мечети: подъ конецъ въ ряду воюющихъ во имя Пророка осталось только десять человѣкъ. Это были настоящіе герои фанатизма, избранники людскаго безумія. Съ закатывшимися глазами, съ кровавой пѣной на губахъ, эти мусульманскіе кликуши все изгибались впередъ съ нечеловѣчески-свирѣпымъ ревомъ.

Когда оборванный Турокъ надѣвалъ мнѣ при выходѣ сапоги, открытая комната, примыкающая къ сѣнямъ, была полна народу. Одни скидали мантии и надѣвали казакины, другіе лежали въ изнеможеніи на коврахъ, точно распаренные въ русской банѣ, иныя сидя кружкомъ курили трубки. Между ними былъ и негръ, игравшій роль съ кинжалами. Черный мужъ, на которомъ такъ очевидно почилъ благодать Пророка; сидѣлъ на корточкахъ, и сверкая бѣлыми зубами, весело болталъ съ товарищами, какъ актеръ въ театральномъ фойе, послѣ трудной, но удачно исполненной роли.

VIII.

Атмейданъ. — Цистерны.

Какъ въ Ая-Софій, сквозь турецкую закраску, проглядываютъ греческія мозаики, такъ и въ самомъ Константинополѣ, въ лабиринтѣ грязныхъ улицъ, среди хлама жалкихъ домишекъ, таятся памятники старой Византіи. Нерѣдко въ одномъ и томъ-же мѣстѣ сливаются воспоминанія двухъ эпохъ, какъ переплетенныя вмѣстѣ страницы двухъ разрозненныхъ лѣтописей, но одинаково мрачныя и печальныя. Таковъ знаменитый Атмейданъ или древній Гипподромъ. Чего только не видала эта площадь, на которой во времена им-

періи мчались золотыя колесницы синихъ и зеленыхъ, а въ цвѣтушіе годы Турціи ичогланы носились на арабскихъ лошадахъ въ играхъ джеріда, гдѣ приверженцы Ипатія погибли подъ мечемъ Юстиніана при торжественномъ моленіи въ соборахъ, а трупы махмудовыхъ янычаръ висѣли на платанахъ, въ виду развѣвающагося санджакъ-шерифа!

Площадь представляетъ теперь продолговатый четырехугольникъ. Съ одной стороны ея стоятъ великолѣпная мечеть Ахмедіе, съ изящной арабской галереей на мраморныхъ колоннахъ, гдѣ въ 1822 году выставлено было красное знамя Пророка. Остальныя три стороны застроены рядами жалкихъ деревянныхъ домишекъ, съ промежутками узкихъ и грязныхъ улицъ, которыя бѣгутъ отсюда во всѣ концы Стамбула. Поверхность площади, изрытая ямами и заваленная кучами притоптаннаго мусора, похожа на неровное поле, размытое дождевыми потоками. Кое-гдѣ зеленѣетъ трава и поднимаются старые платаны.

При Юстиніанѣ Гипподромъ уставленъ былъ колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, которыя въ продолженіе вѣковъ свозились сюда съ цѣлаго свѣта. Немногіе изъ этихъ памятниковъ спаслись отъ Турокъ. Входя на площадь отъ Серая, видишь сперва большой обелискъ розоваго гранита: это памятникъ временъ строителя Ая-Софіи. До-сихъ-поръ онъ скрывался на нѣсколько аршинъ подъ землею, но Англичане во время послѣдней войны откопали его до основанія и обвели чугунной рѣшеткою. На пьедесталѣ открылись мраморные барельефы и греческія надписи. Засыпанные четыре вѣка щебнемъ, они почернѣли, но зато вполне сохранились: въ барельефахъ представлено открытіе обелиска, а надписи выражаютъ похвалы императору за его сооруженіе. За нимъ стоитъ Змѣиная-колонна, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ мірѣ, описанный еще Геродотомъ. Известно, что Константинъ вывезъ ее изъ дельфійскаго храма, гдѣ она поставлена была на память платейской побѣды, отъ лица всѣхъ греческихъ племенъ, которыя участвовали въ битвѣ. Это три бронзовые змѣя, которыя, опираясь хвостами на пьедесталъ, сплетаются въ вертикально поднимающуюся колонну и наверху опять раскидываютъ головы на три сто-

роны. Но теперь осталось одно ихъ скрученное туловище. Магомедъ II, при взятіи города, прискакалъ на Гипподромъ и срубилъ одну голову саблею, а Турки отбили остальныхъ, думая найти здѣсь сокровища. Преданіе о томъ, что при осадѣ Константинополя Греки спрятали въ витой колоннѣ, золото и дорогіе камни, держалось такъ упорно, что еще лѣтъ сорокъ назадъ Евреи заплатили большую сумму, чтобъ имъ позволили осмотрѣть памятникъ, и разумѣется ничего не нашли. Англичане отрыли его и обнесли рѣшеткой. При этомъ на нижней части колонны открылись надписи: это имена городовъ, которые принимали участіе въ платейской битвѣ. Теперь оба памятника стоятъ какъ-будто въ колодцахъ. Позади дельфійскихъ змѣй подымается еще колонна, сложенная изъ тесанныхъ камней и угрожающая скорымъ паденіемъ. Это такъ называемый термосъ Константина. Въ старину она обита была серебряными листами, а теперь на камняхъ видны еще пробойны, которыми прикрѣплялась эта обшивка. Вотъ все, что осталось на Атмейданѣ. Остальное истреблено Турками: колонны взяты на постройку мечетей, мраморныя статуи разбиты, бронзовыя переплавлены въ пушки. Только четверка мѣдныхъ коней, увезенныхъ дожемъ Зено въ Венецію, стоитъ теперь надъ порталомъ св. Марка, какъ единственная память былаго величія Гипподрома.

На этой-то площади были знаменитыя ристалища синихъ и зеленыхъ, изумлявшія Византію роскошью и кровавыми побоищами. Не осталось и слѣдовъ тѣхъ мраморныхъ галерей, откуда богачи и вельможи рукоплескали, когда золотыя квадриги неслись по усыпанной цвѣтнымъ пескомъ аренѣ, соперничая быстротою лошадей и ловкостью наѣздниковъ, одѣтыхъ въ туники враждебныхъ цвѣтовъ. Бѣгъ начинался отъ юстиніанова обелиска: отъ него мчались колесницы, огибая полукругъ къ константинову термосу, и отсюда другимъ полукругомъ возвращались къ обелиску. Змѣиная-Колонна была центромъ ристалища. Вокругъ этихъ-же памятниковъ при Солиманѣ-Великомъ, въ праздникъ бѣйрама, скакали турецкіе наѣзники на арабскихъ лошадяхъ, въ драгоценныхъ чалмахъ и шитыхъ золотомъ одеждахъ.

Теперь Атмейданъ опустѣлъ. Я былъ на немъ нѣсколько

разъ и только однажды видѣлъ, какъ трое оборванныхъ Турокъ, вѣроятно лакеи какого-нибудь паши, рыскали въ-перегонку по площади на довольно-жалкихъ лошадяхъ. Когда въ послѣдній разъ я пришелъ сюда съ Франкуди, который вызвался объяснить мнѣ старинныя надписи, площадь показалась мнѣ еще печальнѣе. Гдѣ, бывало, синіе и зеленые соперничали своими конями и одеждами, теперь у входа въ Ахмедіе лежало съ десятокъ нищихъ въ грязныхъ рубищахъ, а вмѣсто раззолоченной квадриги по Гипподрому двигалась неуклюжая талика, запряженная парой дымчатыхъ быковъ, и босоногій саисъ шелъ лѣниво, держась одной рукою за изогнутый рогъ.

Талика остановилась подлѣ Змѣиной-Колонны. Саисъ отворилъ дверцу и высадилъ сперва негрятянку, всю одѣтую въ бѣломъ, а потомъ женщину въ голубомъ фередже, плотно окутанную яшмакомъ. Поддерживаемая подъ руку черной невольницей, Турчанка поплелась къ рѣшеткѣ памятника, шлепая желтыми туфлями. Подожди къ колоннѣ, она болѣзненно оперлась на ограду. Черная невольница набрала горсть мелкихъ камней, подала голубой женщинѣ, и Турчанка принялась кидать ихъ за рѣшетку, стараясь попасть въ отверстіе колонны. Хоть это было и не трудно, но рука ея дрожала, и камешки звеня о бронзу, падали въ глубину обрытаго колодца. Наконецъ одинъ попалъ внутрь дельфійской колонны. Голубая женщина видимо обрадовалась: она оперлась опять на руку невольницы и пошла къ бронзовымъ дверямъ Ахмедіе.

— Знаете-ли, что это такое? сказалъ Франкуди.

— Нѣтъ... мнѣ кажется только, что эта женщина нездорова.

— Да, это больная. Турки говорятъ, что Магометъ II, отрубивъ змѣиныя головы, спряталъ въ колонну всѣ злыя болѣзни, и чтобъ онѣ не могли вылетѣть, заложилъ отверстіе камнями. Съ-тѣхъ-поръ всякій выздоравливающій попытается бросить камень внутрь колонны, чтобы болѣзнь къ нему не возвратилась. Когда Махмудъ позволилъ Жидамъ очистить памятникъ, въ городѣ ходили слухи, что съ этого времени показалось много больныхъ, и правотѣрные въ два

дня засыпали опять колонну. Теперь, когда Англичане, съ дозволенія султана, окопали и обнесли памятникъ рѣшеткой, бросать камни стало труднѣе, и Турки говорятъ, что варвары выдумали это нарочно для истребленія мусульманъ. Въ кофейняхъ фанатки и теперь толкуютъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ невѣрныя собаки огородили змѣиный столбъ, въ Стамбулѣ явились небывалыя болѣзни.

— И кажется, Англичане не надолго отрыли колонну: посмотрите-ка, сколько набросано камней!

Въ-самомъ-дѣлѣ вокругъ Змѣиной-Колонны, въ обрытомъ углубленіи, обведенномъ желѣзною рѣшеткой, по-крайней-мѣрѣ на четверть аршина нахданы уже мелкіе камни. Если каждый большой Турокъ, бросая камешекъ въ колонну, будетъ дѣлать хоть по одному промаху, то черезъ годъ дельфійскій памятникъ опять будетъ засыпанъ.

Въ Константинополѣ даже подъ землею, въ глубинѣ почвы, таятся слѣды старой жизни, великіе памятники Византіи. Ни стѣны Θεодосіа и величественная красота Ая-Софіи, ни исполинскій водопроводъ Валента, перебѣгающій съ холма на холмъ полоскою двухъ-ярусныхъ арокъ, не поражаютъ можетъ-быть въ такой степени, какъ исполнскія цистерны, которыя таятся подъ массою турецкихъ построекъ. Какъ Парижъ стоитъ на катакомбахъ, такъ цѣлыя кварталы Стамбула построены надъ подземными водохранилищами. Здѣсь и въ глубинѣ земли скрыты памятники искусства.

Одна изъ древнихъ цистернъ извѣстна теперь у Турокъ подъ именемъ Бинъ-биръ-дирекъ или подземелья Тысяча-и-одной Колонны. Она находится недалеко отъ Атмейдана. Я былъ тамъ еще въ одну изъ первыхъ моихъ прогулокъ съ Папатоли. Мы пришли на заваленный щебнемъ пустырь, гдѣ въ старину былъ одинъ изъ императорскихъ дворцовъ. Между горами мусора видны на землѣ симметрическія отверстія, въ видѣ углубленныхъ воронокъ. Изъ нихъ слышенъ былъ гулъ человѣческихъ голосовъ. Съ одной стороны пустырь оканчивается обрывомъ, съ массивной аркою, въ которой опускается въ землю лѣстница. При входѣ встрѣтилъ насъ старый Турокъ.

Мы опустились въ подземелье, освѣщенное сверху, че-

резь круглыя отдушины каменныхъ воронокъ. Передо мною тянулись ряды бѣлыхъ колоннъ, сажень въ пять вышиною, и съ капителей ихъ выгибались во все стороны безчисленные своды. Кажется, стоишь въ каменномъ лѣсу правильно насаженныхъ пальмъ, которыя сплелись наверху исполнскими листьями, выгнутыми зонтикомъ, кое-гдѣ только пропуская лучи свѣта. Я насчиталъ двадцать рядовъ арокъ, но видно, что съ обѣихъ сторонъ часть подземелья засыпана. Поле, неровный и ухабистый, обнажаетъ мѣстами выгибы новыхъ арокъ, отъ которыхъ опускается, говорятъ, внизъ еще такое-же подземелье, теперь совсѣмъ заваленное. И эта исполнская постройка сдѣлана только для воды!

Бинъ-биръ-дирекъ совершенно теперь сухъ, и въ немъ помѣщается мастерская для размотки шелка. Между колоннами разставлены станки, у которыхъ оборванные мальчишки вертятъ колеса, а по корридорамъ изсякшаго водохранилища тянутся шелковыя нити, наматываясь на катушки. Турокъ взявъ меня за руки, привелъ на конецъ подземелья и показалъ рельефный крестъ, вырубленный на колоннѣ.

— Это крестъ Константина! сказалъ онъ, протягивая руку за бакшишемъ.

Еще замѣчательнѣе колоссальная цистерна Эрбатанъ-серай или Подземный-дворецъ. Это древняя константинова нимфея, которая цѣлые три вѣка была неизвѣстна Туркамъ и открыта только въ прошломъ столѣтїи. Подземелье это, пролегающее подъ Софійскимъ-кварталомъ, служитъ у мусульманъ предметомъ суевѣрнаго страха и фантастическихъ разказовъ. Я не надѣялся видѣть его, потому-что туда не пускаютъ безъ особаго фирмана. Но случай помогъ мнѣ. Еще на второй день бэйрама одинъ Французъ изъ нашей отели добылъ позволеніе осмотрѣть цистерну и пригласилъ меня участвовать въ подземномъ плаваньи на половинныхъ издержкахъ.

Когда я воротился съ Гипподрома, мнѣ сказали, что какъ съ утра еще перенесенъ въ цистерну. Товарищъ мой зашелъ ко мнѣ. Мы взяли съ собой Папатоли.

Недалеко отъ Ая-Софіи пришли мы на какое-то пожарище, заваленное горами почернѣвшаго щебня, надъ ко-

торыми торчали кое-гдѣ остатки печей и закоптѣлыя трубы. Намъ указали большую яму въ углу пустыря. Въ глубинѣ ея видна была ветхая каменная лѣстница: она вела ко входу въ константинову нимфею. Передъ нами открылся каменный парапетъ съ рядомъ подземныхъ арокъ, на исполинскихъ мраморныхъ колоннахъ съ коринтскими капителями. За нимъ въ подземной глубинѣ воды тянулись вдаль ряды такихъ-же громадныхъ колоннъ бѣлаго мрамора, и безчисленные арки, сплетаясь однѣ съ другими, пропадали въ темнотѣ. Изъ глубины цистерны вѣяло холодомъ.

У крайней арки ожидала насъ лодка. Молодой каякчи зажегъ два фонаря. Мы сошли въ каякъ и поплыли воднымъ корридоромъ въ глубь подземелья, между двумя рядами подымающихся изъ воды мраморныхъ великановъ. Медленно подвигались мы, цѣпляясь багромъ отъ одной до другой колонны. Когда я черезъ четверть часа обернулся назадъ, арка казалась уже маленькимъ окошечкомъ, а впереди ряды мраморныхъ колоннъ все тянулись въ даль, недосыгаемую для глазъ. Свѣтъ отъ нашихъ фонарей падалъ на мраморные столбы и освѣщалъ въ промежуткахъ ихъ безконечные ряды другихъ, въ обѣ стороны убѣгающихъ колоннадъ. Не знаю, что можно сравнить съ этимъ подземнымъ лабиринтомъ: воображеніе отказывается признать его человѣческой работой, а между-тѣмъ онъ непохожъ и на дѣло природы. Кажется, видишь постройку какихъ-нибудь исполиновъ. Что значать наши кристальные дворцы и тоннели передъ этою работою великановъ, которые подъ землею ставили тысячи мраморныхъ колоннъ, какими мы гордимся въ дворцахъ и храмахъ.

— Чѣмъ-же у васъ страшно это подземелье? спросили мы каякчи.

— Да рассказываютъ, эфенди, что здѣсь живутъ джины, злые духи, заключенные царемъ Сулейманомъ. Аллахъ знаетъ, правда-ли это, а все людямъ тутъ страшно. Вотъ посмотрите-ка сюда!

Каякчи поднялъ фонарь, и мы увидѣли деревянную трубу, которая изъ воды упиралась вертикально въ сводъ под-

земелья. Это насосъ для подъема воды въ какой-нибудь домъ или садъ.

— На сводахъ, эффенди, много отверстій, продолжалъ Турокъ. — Вы знаете, что Пророкъ велѣлъ мусульманамъ строго держать женъ и наказывать ихъ за невѣрность. Такъ вотъ въ прежніе годы, когда вѣру соблюдали, въ эти отверстия часто кидали женщинъ въ мѣшкахъ. Утопленницы и теперь еще, говорятъ старики, живутъ въ Эрбатанъ-сераѣ и по ночамъ плаваютъ между столбами. Лѣтъ пять назадъ одинъ кайкчи съ нашей пристани забрелъ вечеромъ къ этому подземелью. Смотритъ онъ, на ступеняхъ сидитъ молодая женщина, совсѣмъ безъ яшмака и горько плачетъ. Не успѣлъ онъ два раза сказать машаллахъ, какъ она скакнула въ воду и пропала въ подземномъ дворцѣ. Вѣдь Аллахъ великъ и милостивъ!

Напрасно искали мы надписей въ цистернѣ: на одной только колоннѣ замѣтили мы два выпуклые креста и подъ ними какія-то полуизглаженные буквы. Мой товарищъ, мечтавшій объ археологической жатвѣ, былъ недоволенъ поѣздой. Можетъ-быть, въ крайнихъ боковыхъ корридорахъ и есть что-нибудь, но кайкчи боялся заблудиться въ цистернѣ и не хотѣлъ плыть далеко въ сторону. Говорятъ, цистерна проходитъ даже подъ серальскіе сады и сообщается съ Золотымъ-Рогомъ, но теперь выходъ закладенъ. Долго двигались мы впередъ, а корридору не было и конца, и въ обѣ стороны все тянулись безконечныя галереи мраморныхъ столбовъ. Наконецъ, по настоянію кайкчи, мы повернули назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ вдали показался свѣтлый полукругъ, началъ постепенно расти и обозначился наконецъ аркой. Я былъ доволенъ прогулкой, которая познакомила меня съ однимъ изъ величайшихъ сооружений въ свѣтѣ. Когда я выпрыгнулъ изъ кайка, меня такъ и обдало теплыми лучами солнца.

Возвращаясь въ гостинницу, я встрѣтился на Галатскомъ-мосту съ Франкуди.

— Знаете-ли новости? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ. — Французскій посланникъ подалъ

ультиматумъ по вопросу о дунайскихъ выборахъ, и его поддерживаютъ Россія, Пруссія и Сардинія.

— Ну, а что-же англійскій посланникъ? спросилъ я.

— Разумѣется, поддерживаетъ Турцію. Говорятъ, лордъ Редклиффъ и слышать не хочетъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Ночью назначенъ по этому дѣлу большой совѣтъ подъ предсѣдательствомъ великаго визиря.

— Увидимъ, кто перескачетъ, синіе или красные!

Вечеромъ въ Перѣ шли горячіе толки о предстоящемъ разрывѣ съ Франціей: Греки, такъ мягкіе и молчаливые при Туркахъ, горячились въ своихъ кружкахъ и рвались изъ всѣхъ силъ, доказывая другъ-другу необходимость новой войны на Востокѣ. Я думаю, синіе и зеленые не спорили съ такой энергіей за тронъ византійской имперіи, какъ теперь доблестные потомки Комнезовъ и Палеологовъ толковали о близкомъ паденіи турецкой власти въ Константинополѣ. А Турки спокойно сидѣли въ кофейняхъ, не подозревая, кажется, этихъ тревогъ, а можетъ-быть утѣшались фаталистическою мыслію, что время не перевернуло еще той страницы вѣчной книги, въ которой судьба назначила имъ поклонуть берега Босфора.

IX.

Безестень.

Взвѣсиваясь въ Константинополѣ, каждый день находишь въ немъ что-нибудь общее съ Москвою. Тотъ и другой городъ поражаютъ живописной мѣстностью и красотой видовъ. Съ панорамой Стамбула, отъ высоты Бугурлу, можно сравнить только картину Москвы отъ Воробьевыхъ-горъ: въ обѣихъ та-же масса строеній и садовъ, колоколенъ и минаретовъ, золотыхъ крестовъ и полумѣсяцевъ. Нигдѣ нѣтъ такой иллюминаціи, какъ въ ночь на Свѣтлое Воскресенье въ Москвѣ и наканунѣ бэйрама въ Константинополѣ, не по количеству огней, а по таинственной прелести и оригинальности. Въ самой жизни обѣихъ столицъ есть черты поразительно-близкія. Домъ турецкаго паши такъ-же набитъ поварами,

чубукчами, саисами, какъ дворъ истинно-московскаго барина богать лакеями, форрейторами, прачками и судомойками. Квартальные и кавасы, купеческіе сынки и цивилизованные шампанскимъ молодые османлисы, кликуши Троицкой-лавры и воющіе дервиши, — все это невольно поражаетъ какимъ-то родственнымъ сходствомъ.

Рѣдкій изъ европейскихъ туристовъ не восхищался оригинальностью Безестена, главнаго базара въ Константинополѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ жителю Парижа или Лондона, послѣ ихъ разбросанныхъ по домамъ магазиновъ, базаръ этотъ долженъ казаться необыкновеннымъ. Но кто знаетъ московскіе Городскіе-Ряды, тотъ найдетъ въ немъ много знакомаго. Конечно, въ стамбульскомъ базарѣ есть свои особенности, но общимъ характеромъ онъ напоминаетъ московскій Гостиный-дворъ: оба они состоятъ изъ полутемныхъ переходовъ, гдѣ не живутъ, а только торгуютъ, поручая на ночь лавки охраненію спущенныхъ по веревкамъ собакъ. Во всѣ дни бѣйрама Безестень былъ пустъ, какъ московскій Гостиный-дворъ на Святой недѣлѣ. Въ первый разъ я видѣлъ его во всемъ разгарѣ на другой день послѣ моей прогулки въ константиновой цистернѣ. Мы согласились идти туда съ французскимъ купцомъ, который жилъ въ нашей отели, и взяли проводникомъ Папатоли.

Безестень лежитъ недалеко отъ Галатскаго-моста, между мечетями Валидэ-Султанъ и Баязидіе. По извиистой улицѣ, сплошь застроенной кофейнями, пришли мы къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Они ведутъ въ корридоръ со сводами, слабо освѣщенный изъ отверстій, пробитыхъ въ небольшихъ куполахъ. Вдоль и поперекъ извивается множество другихъ переходовъ, неправильныхъ и перепутанныхъ, какъ и стамбульскія улицы. Это цѣлый городокъ изъ сотенъ темныхъ рядовъ, обведенныхъ съ обѣихъ сторонъ лавками. Каждый рядъ, какъ и въ Москвѣ, носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный. Лавки освѣщены тѣмъ полусвѣтомъ, въ которомъ при выборѣ вещи слѣдуетъ возлагать упованіе не на свои глаза, а на увѣренія купца и милость Аллаха. Въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ есть двери, а въ турецкихъ нижняя часть деревянной стѣны от-

кидывается въ корридоръ, и пзъ нея дѣлается передь лавкою родъ дивана. Тутъ разстилается тюфякъ или коверъ, и купецъ сидитъ на немъ, поджавъ ноги. Съ перваго взгляда можно отличить греческую лавку отъ турецкой: въ одной хлопотливая дѣятельность, въ другой мертвая тишина. Греческій торговецъ въ постоянномъ движеніи: онъ разбираетъ товаръ, болтаетъ съ покупателями, а если и сидитъ у лавки, то бойко перебираетъ комболою и звонкимъ голосомъ перекликается съ сосѣдомъ. Турокъ, обыкновенно въ халатѣ и чалмѣ, сидитъ неподвижно на своемъ коврѣ, уставя глаза на одинъ предметъ, или вынимаетъ лѣниво товаръ, объявляетъ цѣну и спокойно ждетъ, возьмете вы его или нѣтъ. Здѣсь старый костюмъ и обычай, такъ-же какъ и у насъ, удержались больше всего въ купечествѣ, и вы рѣдко увидите на торговцѣ казакинъ или махмудовскій тарбушъ. Курить въ Безестенѣ не позволено. Поэтому, какъ московскій торговецъ любитъ посидѣть за чаемъ въ Новотроицкомъ трактирѣ, такъ и турецкій купецъ нѣсколько разъ въ день сходить въ кофейню помолчать за трубкой или наргилѣ. Передь лавками, какъ и въ нашемъ Гостиномъ-дворѣ, шныряютъ разнощники съ лотками и бродятъ нищіе и попрошайки.

Если въ Безестенѣ нѣтъ мальчишекъ, которые зазываютъ у насъ покупателей, зато въ немъ водятся другаго рода ищейки, которые во всякомъ случаѣ не уступаютъ московскимъ. При входѣ на базаръ насъ встрѣтитъ непременно человекъ въ пальто или казакинѣ, съ поклонами начнетъ допрашивать — чего вы желаете, и предложитъ рекомендовать баснословно-дешевые товары. Это не торговецъ, а коммиссіонеръ, который ловитъ проходящихъ въ лавки и получаетъ за это бакшишъ съ купцовъ и съ покупателей.

Только-что вошли мы на базаръ, какъ нашъ европейскій костюмъ началъ привлекать этихъ стамбульскихъ кулаковъ. На всѣхъ языкахъ предлагали они свои услуги, и Папатоли едва успѣвалъ отражать ихъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ самъ настоящій коммиссіонеръ. Однако-жъ одинъ черненькій Грекъ явно не признавалъ за нимъ этой профессіи и упорно преслѣдовалъ насъ шагъ за шагомъ.

— Что вамъ угодно, господа? говорилъ онъ по-фран-

пузски: — я отведу васъ въ самый лучший магазинъ во всемъ Безестенѣ.

Мы не отвѣчали. Онъ принялся напѣвать ту-же фразу по-итальянски, по-англійски и наконецъ по-нѣмецки.

— У насъ свой проводникъ, сказалъ я: — вы напрасно только теряете время.

— Вашъ проводникъ ничего не знаетъ: это наше дѣло. Я покажу вамъ лавку, гдѣ вы купите въ пятеро, въ десятеро дешевле. Развѣ вамъ не угодно купить за пять піастровъ вещь, которая стоитъ пятьдесятъ?

Папатоли довольно-нецеремонно оттолкнулъ его, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ преслѣдовать насъ съ прежней настойчивостью.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому, шлепая своими туфлями, или сидятъ передъ лавками и рассматриваютъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ туфли, опахала изъ павлиньихъ перьевъ, овальные зеркала съ узорчатыми ручками. Мы остановились передъ лавкою бородатаго Турка въ шалевоу чалмѣ. Товарищъ мой купилъ янтарныя четки, а я коверъ съ вышитымъ шелками вензелемъ султана. Пока мы смотрѣли вещи, черненькій Грекъ все вертѣлся около насъ и усердно старался, чтобы купецъ его замѣтилъ. Когда мы расплатились, онъ подбѣжалъ къ Турку, и тотъ далъ ему мелкую серебряную монету.

Мнѣ хотѣлось посмотреть знаменитое восточное оружіе. Папатоли привелъ насъ въ большой магазинъ какого-то Армянина. Вся лавка убрана была оружіемъ и сбруею въ старинномъ вкусѣ. На стѣнахъ висѣли длинныя ружья съ камнями и золотой насѣчкой, изогнутыя сабли синеватой стали съ золотыми турецкими надписями, атаганы и канджары въ бархатныхъ и серебряныхъ ножнахъ, съ бирюзой, яхонтами и топазами, высокія сѣдла, всѣ въ дорогихъ камняхъ съ шитыми золотомъ чапраками. Все это напоминало старую Турцію. Армянинъ очень-любезно показывалъ свои рѣдкости. Но оружіе здѣсь чрезвычайно дорого: за простой клинокъ дамасскаго кинжала просятъ тысячу піастровъ, а сабли цѣнятся почти на вѣсь золота. Мы видѣли кривую саблю, ко-

торая стоитъ будто-бы пять-тысячъ рублей серебромъ. Купецъ жаловался, что настоящіе знатоки оружія теперь переводятся, и даже Турки начинаютъ предпочитать стариннымъ пистолетамъ англійскіе ривольверы.

Во все это время комиссіонеръ стоялъ у дверей. Только что мы вышли, онъ шмыгнулъ въ магазинъ и принялся что-то нашептывать купцу въ надеждѣ вѣроятно получить бакшишъ и зато, что мы ничего не купили. На этотъ разъ ему однакожь не посчастливилось: Армянинъ вытолкалъ его за дверь. Грекъ торопливо догналъ насъ.

— Не забудьте, господа, комиссіонера! проговорилъ онъ забѣгая впередъ: — я ходилъ съ вами два часа.

— А кто-же виноватъ! сказалъ мой товарищъ:—мы васъ предупреждали... Впрочемъ хотите получить десять піастровъ? — покажите намъ, какъ здѣсь прибываютъ за уши шутовъ къ дверямъ лавокъ.

— Теперь ужъ не прибываютъ! отвѣчалъ Грекъ съ видомъ крайняго сожалѣнія.—Прежде дѣйствительно вотъ такіе мошенниковъ, какъ этотъ Армянинъ, приколачивали гвоздями, а нынче это совсѣмъ вывелось. Что дѣлать—другія времена. Не обидьте-же своего комиссіонера!

Мы расхохотались. Но Папатоли взглянулъ на дѣло совершенно серьезно: онъ бойко схватилъ за шиворотъ своего соотечественника, повернулъ и далъ ему такой братскій пинокъ, что Грекъ исчезъ въ боковомъ корридорѣ.

Нигдѣ я не видалъ такого разнообразія въ деньгахъ, какъ на стамбульскомъ Безестенѣ. Здѣсь въ обращеніи звонкая монета всей Европы: французскіе двадцати-франковики, русскіе цѣлковые, австрійскіе цванцигеры, англійскіе шиллинги. Это служитъ прекраснымъ средствомъ, при расчетѣ курса на піастры, обманывать покупателей. Всего рѣже встрѣчаются въ Константинополѣ деньги турецкія, кромѣ разумѣется бумажекъ и мѣди. Каиме или ассигнаціи въ двадцать пять и пятьдесятъ піастровъ ходятъ однакожь хорошо, даже и фальшивыя, если только онѣ порядочно сдѣланы. Мѣдная монета по-большей-части перечеканена изъ русскихъ пятаковъ и копѣекъ, и какъ софійскія мозаики свѣтятся изъ-

подъ турецкой замаски, такъ изъ-подъ шифра Абдуль-Медшида проглядываетъ вензель Николая I.

Когда мы ходили по Безестену, въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ шли горячіе толки о послѣднихъ событіяхъ въ Константинополь. Дѣло по молдавскимъ выборамъ начинало шевелить все христіанское населеніе столицы. Bulletin de Constantinople переходилъ изъ рукъ въ руки, и купцы читали статью о протестѣ четырехъ державъ почти съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ извѣстія о биржевомъ курсѣ. Греки сообщили намъ, что совѣтъ у великаго визиря тянулся всю ночь, и члены Дивана разбѣхались уже при утреннемъ крикѣ муэззиновъ. Съ минуты на минуту ждали извѣстія, чѣмъ рѣшила Порта. Въ одной изъ послѣднихъ лавокъ купецъ сообщилъ намъ, что побѣда осталась за лордомъ Ретклифомъ.

Мы пошли смотрѣть Вальде-хане, главный складочный базаръ азіатскихъ товаровъ. Это обширный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ арабской галереей въ два яруса аркадъ, уставленныхъ на верху сплошнымъ рядомъ маленькихъ куполовъ. Посреди двора стоитъ кіоскъ, въ которомъ помѣщается кофейня. Подъ нижней аркадою сидятъ на коврахъ Персы, Грузины, Курды; въ верхней галереѣ хранятся въ кладовыхъ товары. Мы смотрѣли азіатскія материн: все это теперь далеко уступаетъ ліонскимъ тканямъ и по грубости рисунка не годится уже для Европы. Говорятъ, что торговля эта падаетъ съ каждымъ годомъ: французскія шали съ восточнымъ рисункомъ нарочно возить теперь въ Смирну или Константинополь, клеймятъ въ таможенныхъ, потомъ отправляютъ опять въ Марсель, мѣтятъ французскими пломбами и продаютъ въ Парижѣ за настоящія индѣйскія шали. И послѣ такой прогулки ліонскіе кашемиры все еще дешевле азіатскихъ.

Пока мы смотрѣли товары, Папатоли побѣждалъ собирать новости. Онъ воротился въ необыкновенно-торжественномъ настроеніи и объявилъ намъ, что французскій посланникъ получилъ уже паспортъ и сегодня-же выѣзжаетъ изъ Константинополя.

Мы не вѣрили. Но когда я воротился въ гостинницу и

сошелъ къ обѣду, оказалось, что въ утреннихъ слухахъ было много правды. Послѣ ночной дипломатической битвы у великаго визиря, Диванъ въ-самомъ-дѣлѣ отвергъ французскій ультиматумъ. Тувенель потребовалъ паспортъ. Въ Перѣ тотчасъ-же разнесся слухъ, что Французы готовятся снять флагъ съ посольскаго дома въ Терапіи. Толпы Европейцевъ и Грековъ отиравились на Босфоръ смотрѣть французскій парадъ. Хозяинъ нашъ воротился въ половинѣ обѣда съ разсказами: въ Терапіи въ-самомъ-дѣлѣ разыграли эффектную церемонію. Французы подвели къ своему посольскому дворцу военный бригъ Ажассіо и свезли на него свой трехцвѣтный флагъ съ пушечной пальбой, привѣтственными криками и другими внушительными эффектами. Къ сожалѣнію, на каикахъ, которыми покрытъ былъ въ это время Босфоръ, всѣмъ не было Турокъ. Лѣннывые османлисы и не полюбопытствовали взглянуть на французскую комедію.

— Говорять, французскій флотъ уже въ Дарданеллахъ! сказалъ мнѣ пресерьозно Папатоли, когда я уходилъ наверхъ.

— Такъ, пожалуйста, разбудите меня, если ночью будутъ бомбардировать Константинополь.

Грекъ сердито посмотрѣлъ на меня своимъ одинокимъ глазомъ.

X.

Стѣны и кладбища.

Константинополь обведенъ со всѣхъ сторонъ двойнымъ поясомъ греческихъ стѣнъ и турецкихъ кладбищъ, которыя окаймляютъ весь городъ исполнской рамой зелени и развалинъ. Я никогда не забуду моей прогулки съ обязательнымъ Франкуди, когда мы объѣхали верхомъ около всей старой Византіи. Это какъ-будто цѣлая поѣздка въ странѣ съ разноплеменнымъ населеніемъ, съ разнохарактерными ландшафтами, встрѣчами и легендами.

По берегу Золотаго-Рога пріѣхали мы сначала въ греческій кварталъ Фанаръ. Здѣсь все отличается уродливой смѣсью азіятскаго и европейскаго быта: старинные каменные дома облѣплены модными бельведерами, въ окнахъ видны желѣз-

няя рѣшетка древнихъ генжеевъ, а у подъѣздовъ стоятъ вѣнскія коляски на лежачихъ рессорахъ. Это наследственное логовище потомковъ византийской аристократіи, откуда выползали эти драгоманы, господа и каймакамы, которые въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосали кровь и золото у мусульманъ и раевъ. За Фанаромъ тянется жидовскій кварталъ Балата, настоящая столица грязи, обѣтованная земля зловонія и нищенства. Черезъ все предмѣстіе идетъ одинъ длинный клоакъ, обставленный лачугами изъ досокъ, заваленный кучами нечистотъ, между которыми бродятъ тощія собаки и шныряютъ турецкіе Шейлоки въ отвратительныхъ локмотьяхъ. Въ Европѣ спрашиваютъ: откуда берется въ Турціи чума? Но проѣзжая по улицамъ Балаты, я удивлялся, какимъ образомъ она можетъ прекращаться на цѣлые годы въ этой зловонной ямѣ, которая затѣмъ, кажется, и устроена, чтобъ породить и разводить всякія язвы и заразы.

Мимо дворца Велитарія проскакали мы за городъ и повернули налѣво вдоль стѣны Θεодосія, которая тянется отъ Золотого-Рога до Мраморнаго-моря. Дорога, вся изрытая ямами, пролегаетъ около знаменитыхъ стѣнъ, подымаемая съ холма на холмъ. Съ лѣвой стороны, за широкимъ ровомъ, кое-гдѣ заваленнымъ щебнемъ или зеленѣющимъ посѣвами кукурузы, тянется сплошная массивная стѣна, нескончаемымъ каменнымъ валомъ; за нею поднимается другая вдвое выше, унизанная круглыми башнями, а позади ея встаетъ третья высокая стѣна съ зубцами и четырехъ-угольными бастіонами. И эта колоссальная ограда опоясываетъ городъ на разстояніи пяти верстъ. Я не видалъ разрушенія болѣе картиннаго! Стѣны мѣстами обвалились, башни растрескались, и природа одѣла все это чудной зеленью. Въ промежуткахъ ограды растутъ купы липъ и платановъ, изъ трещинъ и обваловъ поднимаются вѣтвистыя рябины и фиговые деревья, а плющъ и дикій виноградъ, взбѣгая на вершины стѣнъ и башенъ, опускаются оттуда гирляндами. Мѣстами вся стѣна кажется одной исполинской шпалерою, и только кое-гдѣ изъ-подъ зеленого пояса виднѣется золотая греческая надпись или рельефный мраморный крестъ. А по правую сторону дороги идетъ другой зеленый поясъ изъ нескончаемаго турец-

каго кладбища. Сплошныя рощи могильныхъ кипарисовъ съ цѣлымъ лѣсомъ надгробныхъ мраморныхъ столбиковъ, при-
мыкая одна къ другой, образуютъ величайшее поле смерти,
такъ-же живописное какъ и стѣны. Мы ѣхали между двумя
зелеными оградами, и по обѣ стороны разрушеніе и смерть
кажется спорили красотою.

У воротъ Топъ-Капу, черезъ которые вошелъ въ го-
родъ Магометъ II, повернули мы на дорогу къ греческому
монастырю Балукли. Посерединѣ двора, обнесеннаго оградой,
стоитъ каменная церковь, а отъ нея галерея ведетъ къ под-
земному храму Живоноснаго-Источника.

Мы спустились по лѣстницѣ и вошли въ небольшую цер-
ковь, освѣщенную лампадами. Направо подымается иконостасъ
изъ бѣлаго мрамора, подаренный султаномъ Махмудомъ; на-
лѣво каменная балюстрада, за которой лѣстница опускается
въ глубокую нишу. Въ ней видѣнъ круглый мраморный бас-
сейнъ, до половины скрытый подъ землею. Это знаменитый
источникъ, такъ уважаемый Греками.

Вмѣстѣ съ какимъ-то греческимъ семействомъ мы сошли
къ нишѣ. Пока старуха и двое пожилыхъ мужчинъ пили свя-
тую воду, молоденькая дѣвушка, стройная, какъ древнія ста-
туи, нагнулась надъ бассейномъ, и ея античное личико отра-
зилось въ прозрачныхъ струяхъ. Она опустила серебряную
монету, и вдругъ изъ подземной половины бассейна выплыло
нѣсколько рыбокъ и закружилось надъ этимъ подаркомъ.
Мнѣ не случалось видѣть такой породы: съ одного бока всѣ
онѣ бѣлыя, съ другаго золотистыя. Въ это время подошелъ
монахъ и монотоннымъ басомъ началъ рассказывать леген-
ду: — «Когда Турки бросились на послѣдній приступъ къ
Византіи (переводилъ мнѣ мой товарищъ), въ Балукли одинъ
старый монахъ готовилъ себѣ на завтракъ три рыбки. Онъ
уже поджарилъ ихъ съ одной стороны и собирался перевер-
нуть на другую, какъ прибѣжалъ послушникъ съ извѣстіемъ,
что непріатели одолѣли и ворвались въ городъ. «Я повѣрю
этому тогда, когда моя рыба будетъ плавать!» сказалъ не-
довѣрчивый старикъ. При этихъ словахъ его полуизжарен-
ныя рыбки прыгнули со сковороды и скрылись въ источникѣ.

Съ-тѣхъ-поръ онѣ навсегда такъ и остались: одинъ бокъ у нихъ изжаренный, а другой свѣжій!»

Мы опять выѣхали на дорогу, которая все тянулась между зеленью живописныхъ стѣнъ и кипарисами нескончаемаго кладбища. И вотъ сверкнуло наконецъ Мраморное-море, и теодосіева стѣна замкнулась на берегу его темной массою Семибашеннаго-замка. Старый солдатъ предложилъ намъ осмотрѣть знаменитую тюрьму, и мы вошли на широкій дворъ, заваленный щебнемъ и заросшій травой. Турецкая бастія, гдѣ сотни жертвъ погибли подъ петлей и кинжаломъ, и гдѣ перебивали въ заточеніи посланники всѣхъ европейскихъ націй, теперь опустѣла и разваливается. Посреди двора стоитъ деревянная мечеть, обсаженная липами, а около стѣнъ тянутся гряды съ огурцами и салатомъ. Прямо передъ входомъ подымается ветхая башня, съ узенькими окнами, загороженными желѣзной рѣшеткой: это Золотыя-Ворота Теодосія, гдѣ бывало разжалованные визпри и сераскиры ждали шелкового сурка. Въ противоположной башнѣ заключались европейскіе посланники. Стѣна этой тюрьмы вся покрыта надписями, но онѣ почти совсѣмъ искажены. Вполнѣ уцѣлѣла только одна: Stephanus Alberti, 1697. Венеціанцы видно и здѣсь такъ-же прочно выбивали свои имена, какъ въ пьомбахъ дожева-дворца. Остальныя башни въ развалинахъ, а по стѣнамъ начинаеть уже раскидывать зеленую сѣть дикій виноградъ.

Черезъ греческій кварталъ Псамматію мы выѣхали опять въ турецкій городъ и по извилистымъ улицамъ его добрались до Галатскаго-моста.

Константинополь можно назвать городомъ кладбищъ. Турки, кажется, затѣмъ и поселились въ немъ, чтобъ покрыть его надгробными памятниками и кипарисами. Какъ стѣна Теодосія окомлена полемъ смерти, такъ и по другую сторону Рога и Босфора тянутся могильныя рощи. Въ самомъ городѣ при каждой мечети есть султанскія тюрбе, надгробные кіоски пашей или ограды съ могильными памятниками; даже на улицахъ, подъ окнами домовъ встрѣчаются кипарисы и мраморные столбики съ чалмою. Здѣсь какъ-будто живутъ для-того, чтобы разводитъ могилы.

Любимое кладбище Турокъ въ Скутари. Въ послѣдній разъ я ѣздилъ туда съ Франкуди, послѣ прогулки около стѣнъ. У Галатскаго-моста мы отдали лошадей и сѣли въ базаръ-каикъ, родъ омнибуса, который ходитъ постоянно на азіятскую сторону. Онъ наполненъ былъ бародатыми Турками и закутанными въ покрывала женщинами. Шестеро гребцовъ, каждый съ двумя веслами, при всякомъ взмахѣ дружно опускались и опять вставали во весь ростъ. Течение не позволяетъ плавать въ прямомъ направленіи черезъ Босфоръ, а потому каикъ подымается обыкновенно вверхъ по проливу къ дворцу Дольма-Бахче и оттуда уже спускается къ азіятскому берегу.

Скутари обстроено лучше Стамбула: улицы въ немъ шире, дома красивѣе. Тутъ сохранился еще характеръ старой Турціи: передъ ханѣ лежатъ, поджавъ ноги, верблюды и между ними сидятъ на корточкахъ караванные погонщики, на улицахъ попадаются нищіе дервиши съ растрепанной бородою и дикимъ взглядомъ, передъ кофейнями видны старики въ мѣховыхъ шубахъ и огромныхъ тюрбанахъ, и даже женщины плотнѣе кутаются здѣсь въ свои яшмаки. Видно, что Туркамъ на азіятскомъ берегу живется лучше, нежели въ Европѣ.

Довольно-широкая улица, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ Большому-кладбищу. Это исполнскій кипарисный лѣсъ, перерѣзанный вдоль и поперекъ множествомъ аллей. При входѣ стоитъ фонтанъ, въ видѣ арабскаго павильона, весь въ узорчатыхъ арабескахъ и золотыхъ надписяхъ, а подлѣ него кофейня, передъ которою сидитъ толпа Турокъ съ трубками и паргилэ. Рядомъ, на площадкѣ дымится рядъ жаровень, гдѣ на вертикальныхъ желѣзныхъ спичкахъ жарится кебабъ, и навалены груды арбузовъ, сложенныхъ мѣстами въ пирамиды, какъ пушечныя ядра на Топханѣ.

По главной аллѣ, вымощенной по краямъ обломками надгробныхъ памятниковъ, вошли мы въ большую кипарисную рощу. Вѣковыя деревья съ темной зеленью, плотно тѣнятся между могилами. Подъ ихъ густой тѣнью стоятъ памятники: тюрбе визирей и пашей, въ видѣ мавританской бесѣдки, мраморные саркофаги съ высѣченной звѣздою и полумѣсяцемъ, гробницы молль, увѣчанныя тюрбаномъ, и безчисленное множество столчихъ плоскихъ столбиковъ, съ чал-

мою или фесомъ и золотыми арабскими надписями. Однѣ обсажены кустами розъ или жесминовъ, другія окружены рѣшеткой, узорчато-сплетенной изъ золоченой проволоки.

Мѣстами подлѣ столбика валяется особаго рода чалма съ краснымъ верхомъ, очевидно отбитая нарочно.

— Это памятники янычаръ! сказали мнѣ Франкуди.

— Зачѣмъ-же чалмы на нихъ обломаны?

— Это послѣднее мщеніе султана Махмуда. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ истребленія янычаръ, онъ встрѣтилъ на какомъ-то кладбищѣ памятникъ съ ненавистной чалмой и срубилъ ее саблей. Послѣ того и на другихъ кладбищахъ казнили всѣ янычарскіе памятники.

Здѣсь всякій день гуляютъ толпы народа. На могильныхъ плитахъ, подъ тѣнью кипарисовъ, разостланы ковры, и на нихъ группами сидятъ женщины, окутанныя въ бѣлые яшмаки, неподвижныя и молчаливыя, какъ могильные памятники. Вокругъ ходятъ продавцы фруктовъ и разношники холодной воды, съ серебряной чашей и перевѣшеннымъ черезъ плечо бурдюкомъ. По подвѣчеръ Скутарійское-кладбище играетъ ту-же роль, какъ парижскій Итальянскій-бульваръ или лондонская Реджентъ-Стритъ. Въ аллеяхъ показываются молоденькія женщины въ темныхъ фередже, съ прозрачными кисейными покрывалами, изъ-подъ которыхъ видны нарумяненные щеки и раскрашенныя брови. Придерживая покрывало рукой, раскрашенной хиною, онѣ бросаютъ вовсе не двусмысленные взгляды на турецкихъ донъ-жуановъ, которые бродятъ съ кипарисными хлыстиками.

Возвращаясь по главной аллеѣ, мы встрѣтили двѣ процессіи, со стороны предмѣстья Гайдерб-Паши медленно двигалась большая арба, изукрашенная фольгою, лентами и разноцвѣтными шелковыми кистями, запряженная парю дымчатыхъ быковъ, которыхъ вели за рога двое сапсовъ. Въ ней сидѣло съ десятокъ молодыхъ дѣвушекъ: однѣ изъ нихъ колотили во всю мочь въ барабаны, похожіе на половину отрѣзаннаго арбуза, а другія визгливо кричали какую-то дикую пѣсню, прыгая и ломаясь, точно въ судорахъ. Позади, въ парной таликѣ, расписанной яркими цвѣтами, въ пестрой группѣ женщинъ, сидѣла неподвижная фигура, окутанная точ-

но мумія въ плотное бѣлое покрывало. Это была невѣста. И въ то время, какъ свадебный поѣздъ медленно подвигался въ домъ новобрачнаго, навстрѣчу ему какой-то мертвый торопливо спѣшилъ къ вырытой могилѣ. Шестеро Турокъ несли на плечахъ округленный на верху гробъ, закутанный такъ-же плотно, какъ и невѣста, въ блѣдно-зеленую шелковую матерію. Впереди бѣжалъ высокій и худой молла, въ халатѣ и бѣлой чалмѣ, позади шлепали туфлями четыре наемныя плакальщицы въ отрепанныхъ фередже. И вся эта похоронная церемонія бѣжала, обливаясь потомъ, какъ-будто торопилась на какое-нибудь зрѣлище. Когда гробъ поровнялся съ арбою, барабанщицы принялись стучать еще сильнѣе, а плакальщицы завывали отчаяннѣе. Кажется, встрѣча съ покойникомъ не смутила свадебнаго поѣзда, а скорѣе встревожила похоронный ходъ, потому-что покойника понесли еще скорѣе. Съ десятковъ собакъ, привлеченныхъ музыкой и воплемъ, дружно выли на могилахъ.

Вечеромъ мы воротились въ городъ на парходѣ, который всякой часъ ходитъ отъ скутарійской пристани къ Галатскому-мосту. Парходъ былъ загруженъ народомъ: одинъ конецъ его по обыкновенію бѣлѣлъ сплошной массою женскихъ покрывалъ, на другомъ алѣли одни мужскіе тарбуши, — и точно на кладбищѣ, все молчало и не двигалось.

XI.

СТАМБУЛЬСКІЯ БАНИ.

Если кладбища составляютъ у Турокъ любимыя гулянья, то бани замѣняютъ для нихъ клубы. Тутъ восточный человекъ наслаждается своимъ кейфомъ, слушаетъ новости и даже подь-часъ занимается политикой. Поэты и туристы столько потратили красокъ, описывая эти пріюты азіятской нѣги, что я считалъ преступленіемъ прожить двѣ недѣли въ Турціи и не побывать въ восточныхъ баняхъ. Хоть я и потерялъ вѣру въ знаменитую азіятскую роскошь, но тутъ не думалъ разочароваться. Неразъ, проходя мимо зданія съ мраморными колоннами и арабскими куполами, я принималъ

его за дворець, а потомъ оказывалось, что это бани. Какъ-же не побывать въ этихъ чертогахъ восточной нѣги! Я просилъ Папатоли свести меня въ лучшія константинопольскія бани.

Въ восемь часовъ утра мы отправились въ Топхану. На большой улицѣ стоитъ каменное зданіе, съ перистилемъ на мраморныхъ колоннахъ, унизанное маленькими куполами и покрытое скульптурными арабесками. Пройдя небольшія сѣни, мы черезъ дверь, завѣшанную ковромъ, вошли въ круглую залу, выложенную мраморомъ и освѣщенную множествомъ маленькихъ окошекъ на кругломъ сводѣ. Вокругъ тянулась галерея или хоры на деревянныхъ столбахъ, и у самаго входа съ обѣихъ сторонъ подымались туда отлогія лѣстницы. Посерединѣ стоялъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками розъ, и тонкая струя фонтана журчала пріятнымъ шелестомъ, а въ мѣдныхъ клѣткахъ, привѣшенныхъ на проводахъ, звонко пѣли надъ нимъ четыре канарейки. За бассейномъ—дверь въ бани, и по одну сторону печь, уставленная кофейниками, а по другую—коллекція трубокъ и наргилэ.

Мы поднялись на галерею. Здѣсь на деревянномъ, довольно грязномъ полу стояли сплошнымъ рядомъ турецкіе диваны, покрытые простынями. На нихъ лежали и сидѣли фигуры, всѣ укутанныя въ бѣлые саваны, изъ-подъ которыхъ видѣлись только лица, да руки съ трубками и мундштуками наргилэ. Одна изъ спеленанныхъ мумій что-то рассказывала, остальные слушали, пуская нрѣдка тонкія струйки дыма и уставя тупые глаза въ пространство. Вотъ это-то и есть восточный послѣбанный кейфъ. «Какъ вы думаете, Папатоли: способенъ-ли гяуръ къ турецкому блаженству?» сказалъ я. Проводникъ мой повелъ кругомъ одинокимъ взглядомъ и не отвѣчалъ ни слова на этотъ либеральный вопросъ. Ко мнѣ подбѣжалъ мальчикъ въ курткѣ, коротенькихъ шальварахъ и тарбушѣ. Черезъ мпнуту костюмъ мой очутился на табуретѣ, а моя особа укутана была съ пояса до пяты пештымалой, то-есть бѣлымъ, тонкимъ покрываломъ. Турокъ взялъ меня подъ-руку, повелъ съ лѣстницы и на послѣдней ступени прицѣпилъ на ноги деревянные подставки, въ родѣ какихъ-то широкихъ коныковъ съ кожаными зацѣпками. Съ перваго шага я чуть не упалъ

— Папатоли! научите, какъ мнѣ двигаться на вашихъ ходуляхъ! закричалъ я наверхъ.

— Да вы не шагайте, а только двигайте ноги!

Я попробовалъ и оказалось, что на этихъ деревянныхъ бабушахъ легко скользить по мраморному полу. Въ дверяхъ бани мальчикъ передалъ меня теллаку, молодому Турку, за-вернутому съ пояса клѣтчатымъ передникомъ. Онъ повелъ меня въ храмъ восточнаго блаженства.

Мы вошли въ четырехугольную комнату съ круглымъ арабскимъ сводомъ, пронизаннымъ маленькими окнами, изъ которыхъ лился пріятный полусвѣтъ. Посерединѣ возвышалась мраморная платформа, съ полъ-аршина вышиною, устланная египетскими рогожками. На одной изъ нихъ лежалъ съ закрытыми глазами сѣдобородый человекъ, окутанный такъ же какъ и я пештымалой: не знаю, спалъ онъ или наслаждался своимъ кейфомъ. Теллакъ положилъ меня рядомъ съ нимъ на рогожку, покрывъ ее простыцею. Я не понималъ сначала, для чего этотъ ранній отдыхъ, но пока разсматривалъ мраморныя стѣны и моего неподвижнаго сосѣда, тонкій паръ отъ нагрѣтаго снизу пола охватилъ меня нѣжными ароматическими струями. Ясно, что я вкушалъ уже начатки восточнаго блаженства.

Мнѣ это однакожь надоѣло, и я позвалъ теллака. Онъ овятъ прицѣпилъ мнѣ коньки и повелъ въ другую залу. Это была ротонда изъ бѣлаго мрамора, съ пятью прелестными мавританскими куполами, устѣянными множествомъ круглыхъ отверстій, изъ которыхъ свѣтъ падалъ сквозь малиновыя стекла, бросая на все нѣжный розовый оттѣнокъ. Это настоящій храмъ кейфа. Среди залы стояли три мраморныя возвышенія, въ видѣ большихъ саркофаговъ, накрытыя тонкими египетскими циновками. Тутъ ожидаетъ васъ вторая степень блаженства, въ теплой и благоуханной атмосферѣ. Крайніе саркофаги заняты были двумя бѣлыми фигурами, которыя неподвижно лежали на спинѣ, съ закрытыми глазами, серьезныя и величавыя, какъ статуи епископовъ на гробницахъ Майнцакаго-собора. Проводникъ привелъ меня къ средней плитѣ. Но я рѣшительно не видалъ нужды лежать въ качествѣ могильнаго памятника и потребовалъ пе-

рехода къ новымъ удовольствіямъ. Теллакъ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на мою западную нетерпѣливость.

На противоположной сторонѣ ротонды мавританскія арки ведутъ въ три храма, врывающіе къ ней въ видѣ глубокихъ нишъ, съ мраморнымъ полусводомъ. Турокъ привелъ меня въ одинъ изъ этихъ кіосковъ. Къ стѣнѣ примыкають два мраморные бассейна, похожіе на разрезанныя поперекъ чаши, и надъ каждымъ торчатъ изъ стѣны мѣдные краны. На карнизѣ разставлена серебряная посуда, въ родѣ чайныхъ блюдечекъ, исписанныхъ золотыми арабскими надписями. Это стихи изъ Корана, въ которыхъ говорится о чистотѣ тѣла, о необходимости омовеній, объ утѣхахъ, ожидающихъ правовѣрныхъ въ будущей жизни. Теллакъ отперъ краны и струи горячей и холодной воды полились въ мраморный бассейнъ. Освободя меня отъ пештымалы, онъ положилъ на разостланную на полу рогожку, и натянувъ рукавицу изъ верблюжьей шерсти, принялся натирать меня, обливая водой изъ серебрянаго блюдечка. Очевидно, что я поднялся на новую степень турецкаго наслажденія.

Черезъ нѣсколько минутъ теллакъ принесъ мѣдную чашу и гибкую кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ. Съ ловкостью кондитера, взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь мириадами бисерныхъ, сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, Турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ свѣгомъ, потомъ припалъ на меня колѣномъ, и проводя локтями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжѣть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки, все упоеніе этой восхитительной инквизиціи. Наконецъ я въ апогеѣ восточнаго блаженства.

Между-тѣмъ какой-то Турокъ, котораго другой теллакъ ломалъ въ это время у сосѣдняго бассейна, повернулся на спину, и его начали отдѣлывать съ другой стороны. Я не считалъ себя достойнымъ, подобно правовѣрному мусульма-

нину, испить до дна всю чашу банныхъ удовольствій и рѣшился отказаться отъ окончательнаго блаженства выворачиванья суставовъ. Теллакъ взглянулъ на меня съ презрѣнiемъ, какъ на жалкаго гяура, не понимающаго истинныхъ наслажденiй. Онъ проворно облилъ меня водою изъ двухъ блюдецекъ, окуталъ пештымалой, вывелъ въ ротонду и положилъ отдыхать на саркофагъ, между бѣлыми Турками, которые все еще лежали съ неподвижностью каменныхъ майнцкихъ епископовъ. Дѣло пошло къ развязкѣ, и мнѣ оставалось вкушать удовольствiя успокоительныя.

Впрочемъ теллакъ мой, кажется, убѣдился, что съ гяуромъ не слѣдуетъ терять времени: онъ безъ зову явился ко мнѣ черезъ пять минутъ, попросилъ встать, окуталъ сухимъ покрываломъ, обмоталъ мнѣ голову полотенцемъ въ видѣ чалмы и подсунулъ подъ ноги коньки. Въ видѣ такой правобѣрной мумiн я покатился въ переднюю залу и, поддерживаемый Туркомъ, поднялся на верхнюю галерею. Папатоли уложилъ меня на диванъ, на разостланный седязе или шелковый коврикъ. Прежнiй молодой прислужникъ поднесъ мнѣ стаканъ лимонада, поставилъ у ногъ хрустальное наргилѣ и всунулъ въ руку янтарный мундштукъ. Наконецъ я достигъ послѣдней степени наслажденiя, удовольствiй прославленнаго турецкаго кейфа.

— Довольны-ли вы? спросилъ Папатоли.

— Я просто на седьмомъ магометовомъ небѣ! сказала я шутя.

Онъ торопливо посмотрѣлъ на лежавшихъ около Турокъ и оборотился ко мнѣ съ упрекомъ.

Но въ-самомъ-дѣлѣ я былъ доволенъ турецкой баней. Во всемъ тѣлѣ моемъ разливалась прiятная теплота и нѣга, но безъ всякой слабости, безъ малѣйшаго утомленiя. Нельзя же похвалить эти мраморныя стѣны и бассейны, серебряныя чаши съ изящными золотыми надписями, этотъ невидимый паръ отъ горячаго пола, упоительную пытку подъ колѣномъ теллака и наконецъ отдыхъ всего тѣла, млѣющаго въ послѣднихъ ощущенiяхъ нѣжной испарины, въ струяхъ благоуханнаго наргилѣ. Чего-же недостаетъ для полнаго наслажденiя!

Но вдругъ почувствовалъ я что-то нарушающее удоволь-

ствія кейфа. Я приподнялся и замѣтилъ на бѣлѣ нѣсколько черныхъ, бойко прыгающихъ точекъ.

— Чего вы смотрите? спросилъ Папатоли.

— Поглядите-ка сюда.

— Это блохи! отвѣчалъ онъ спокойно, и поймавъ одну изъ прыгающихъ точекъ, очень вѣжливо опустилъ ее на полъ.

Я сбросилъ свою чалму и мантию и началъ одѣваться. Между-тѣмъ сосѣди мои преспокойно лежали на диванахъ, изрѣдка втягивая струйку дыма изъ своихъ наргилэ съ такимъ наслажденіемъ, какъ-будто имъ видѣлся уже рай Магомета съ поцѣлуями его гурій. Это-ли самозабвеніе не даетъ имъ чувствовать ничего непріятнаго, или константинопольскія блохи бросаются на однихъ гяуровъ, но правовѣрные невозмутимо блаженствовали въ своемъ кейфѣ. Баушикъ подаль нѣ финджанъ кофе и трубку, а вслѣдъ за-тѣмъ поднесъ круглое зеркальцо съ ручкою: это для-того, чтобъ вы любовались своей особою и положили на него бакшишъ. Я въ одну минуту выпилъ кофе, положилъ десять піастровъ на зеркало, и мы вышли.

Вотъ лучшія константинопольскія бани: въ нихъ, какъ и во всей турецкой жизни, видна таже смѣсь богатства и нищеты, роскоши и грязи. Мраморные полы и холстинные диваны, серебряная посуда и нечистая галерея, нѣжный ласкающій паръ и блохи, — все это вполне характеризуетъ поэтический Востокъ. Но конецъ концовъ, какъ говорятъ Турки, я вышелъ изъ стамбульскихъ термъ свѣжимъ и бодрымъ, готовый на трудъ или прогулку, безъ малѣйшихъ слѣдовъ одуряющаго вліянія русской бани.

— Отчего-же это вы боялись убить турецкую блоху? спросилъ я Папатоли.

Онъ осмотрѣлся своимъ одинокимъ глазомъ, и убѣдился, что вблизи не было Турокъ, сказалъ съ энергической злобою: «я-бы ихъ самихъ передавилъ всѣхъ, какъ блохъ! О, еслибы намъ Грекамъ дали власть!»...

Въ это время изъ переулка показался гамаль, и мой проводникъ замолчалъ, подозрѣвая его, кажется, въ званіи французскаго языка. Но когда мы поднялись въ Перу, онъ спросилъ меня:

— Знаете-ли, о чемъ Турки толковали въ банѣ?

— Разскажете, пожалуйста.

— Да говорятъ, Россія, Пруссія и Сардинія открыто приняли сторону Франціи, и посланники готовятся къ отъѣзду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, во время завтрака въ нашемъ триклиніумѣ, я узналъ о разрывѣ съ Портою. Утромъ еще на посольскихъ домахъ трехъ державъ, которыя протестовали по дѣлу молдавскихъ выборовъ, спустили національные флаги, хоть и не съ такимъ эффектомъ, какъ у Французовъ. Въ посольствахъ шли приготовленія къ отъѣзду. Bulletin de Constantinople извѣщалъ, что съ прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній французскіе подданные переходятъ подъ покровительство Испаніи, а русскіе должны обращаться по дѣламъ къ голландскому консулу. Когда я выходилъ изъ дома послѣ завтрака, толпы перетовъ бѣжали къ русскому дворцу смотрѣть на нашъ завѣшанный гербъ. Я прошелъ туда-же. Передъ домомъ стояли уже густыя толпы зѣвакъ, и любуясь полотнянымъ чехломъ, которымъ закрытъ былъ орелъ, толковали о будущей войнѣ. Папатоли вертѣлся тутъ-же, и перешептываясь съ Греками, поминутно поглядывалъ на закутанный гербъ, кажется въ ожиданіи, что вотъ-вотъ русскій деревянный орелъ сброситъ покрывало, взлетитъ надъ Константинополемъ и крикнетъ объ изгнаніи Турокъ.

— Слышали новости? сказалъ онъ, подбѣгая ко мнѣ торопливо.

— Нѣтъ... ужъ не взяли-ли Французы Константинополь?

— Вы все шутите, а послушайте-ка, что разсказываютъ въ Фанарѣ.

— Что-же такое?

— Султанъ отказался отъ престола!

Я не могъ удержаться отъ смѣха къ крайнему неудовольствію Грека. Мнѣ вообще плохо вѣрилось, чтобы послѣ недавней войны изъ настоящаго fiasco могло выдти что-нибудь серьезное, и я смотрѣлъ на дипломатическую борьбу такъ-же спокойно, какъ Турки. А они были совершенно равнодушны: правда, въ султанскомъ дворцѣ и въ Портѣ

замѣтно было несовѣтъ обыкновенное скопленіе экипажей, у великаго визиря безпрестанно собирались паши и члены англійской и австрійской миссій, но виѣ Серая Турки не обращали ни малѣйшаго вниманія на эту политическую игру.

Когда я воротился вечеромъ обѣдать, одинъ изъ знакомыхъ грековъ сказалъ мнѣ шопотомъ: — въ Фанарѣ сейчасъ рассказывали, что русская армія переходитъ уже въ Валахію.

— Жаль, что я уѣзжаю, отвѣчалъ я серьезно: — мнѣ и не удастся завтра посмотрѣть парадъ русской гвардіи передъ Софійскимъ-Соборомъ.

Церотъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ, удивляясь очевидно такому упорному невѣрію въ истину фанариотскихъ рассказовъ.

ХП.

Больной и врачи.

Гдѣ-же этотъ могучій и роскошный Востокъ? думалъ я всякій день, бродя по улицамъ Константинополя: гдѣ этотъ волшебный городъ съ чудесами Тысяча-и-одной Ночи, при имени котораго намъ мерещились, бывало, отважные всадники на арабскихъ лошадяхъ и справедливые, неподкупные кади, величавые визиря въ золотыхъ одеждахъ и таинственные красавицы съ языкомъ цвѣтовъ? Въ прошедшемъ, за гранью махмудовой реформы, видны только плавающія по Босфору женщины въ мѣшкахъ, купцы пригвожденные за уши къ дверямъ лавокъ, повѣшенные на воротахъ Греки, паши съ шелковой петлей на шеѣ. Въ настоящемъ это грязный вертепъ, застроенный безобразными лачугами, населенный рабами и тиранами, нищими и собаками, съ хронической язвой безвыходнаго варварства и деспотизма. Что-же такое этотъ больной Константинополь съ его восточнымъ вопросомъ? Недавно еще думали, что Турція, съ каждымъ днемъ слабѣющая въ Европѣ, владѣетъ большимъ запасомъ

здоровыхъ силъ въ массахъ азiятскаго населенiя. Послѣдняя статистическая ревизiя показала всю обманчивость этого миража: если въ Азiи много магометанъ, то настоящаго турецкаго племени осталось въ ней не больше, чѣмъ и въ Европѣ. Среди Бедуиновъ и Феллаховъ, Курдовъ и Вехабитовъ, Османы такъ-же рѣдки теперь, какъ въ массѣ Албанцевъ и Румыновъ, Грековъ и Болгаръ, — и все это разноплеменное населенiе одинаково ненавидитъ Турокъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азiи. Племя грозныхъ османлисовъ, недавно еще такъ страшное, исчезаетъ незамѣтно и быстро, какъ породы американскихъ дикарей, и теперь во всей европейской и азiятской Турцiи едва-ли осталось три миллона той страшной орды, которая грозила нѣкогда наводнить всю Европу. Въ то время, когда послѣ реформы Махмуда Константинополь считали городомъ почти не-турецкимъ, оказалось, что въ него-то и прилила вся кровь изъ хладѣющихъ оконечностей большой имперiи, въ немъ и скопились ея послѣднiя жизненныя силы.

Никогда разложенiе Турцiи не было такъ видно, какъ въ наше время. Предсказанiе о гибели оттоманской имперiи черезъ четыре вѣка владычества въ Константинополѣ сбылось совершенно, хотя и не съ той стороны, откуда ожидали Греки. Есть легенда, будто при взятiи города Магометомъ II, въ Софiйскомъ-соборѣ епископъ служилъ обѣдню. Когда Турки ворвались въ храмъ съ окровавленными саблями, старикъ взялъ чашу съ дарами, сталъ въ царскихъ дверяхъ, осѣнилъ народъ и сказалъ: «христиане, мы кончимъ святую службу черезъ четыре столѣтiя!» Послѣ этого онъ задернулъ алтарную завѣсу и исчезъ, такъ что Турки не могли найти его. При послѣдней войнѣ Греки ожидали, что старый прелатъ выйдетъ съ дарами изъ-подъ мраморнаго помоста Ая-Софи и кончитъ обѣдню въ освобожденномъ храмѣ. Но если это, къ крайнему огорченiю ихъ, и не сбылось, то судьба имперiи все-таки рѣшилась въ срокъ, указанный пророчествомъ. Послѣдняя война, поддержавъ Турцiю, добила ее окончательно. До-сихъ-поръ она кое-какъ вела еще войны съ Россiею, но теперь, когда усилiя всей Европы едва могли спасти ее, въ народѣ явилось убѣжденiе, что судьба Турцiи

зависитъ уже не отъ собственныхъ ея силъ, а отъ одного случая. Парижскій миръ былъ для Турокъ печальнѣе и оскорбительнѣе всѣхъ прежнихъ трактатовъ: онъ показалъ всю безнадежность больной Турціи. Всѣ поняли, что роль Петра не удалась Махмуду не отъ недостатка генія и энергіи, а по невозможности прivity вѣтку европейской цивилизаціи къ чужеядному растенію, источенному внутренней гнилью. Сами Турки догадываются, что ни торжественное провозглашеніе гатти-гумаюновъ и тапзиматовъ, ни пышныя прокламаціи парижскаго конгресса о принятіи ихъ въ европейскую семью не оживятъ умирающей націи. Положеніе Абдуль-Медшида теперь совершенно то-же, что и послѣднихъ византійскихъ императоровъ: при всей видимой обширности Турціи, его значеніе замкнуто теперь въ одномъ Константинополѣ. Да и тутъ это уже не тѣнь Аллаха на землѣ, какъ величали Турки своихъ повелителей, а тѣнь какого-нибудь султана Ретклифа, какъ выразился одинъ изъ моихъ константинопольскихъ знакомыхъ.

Населеніе Константинополя не имѣетъ ничего подобнаго въ мірѣ. Это исполинскій городъ, куда въ продолженіе многихъ столѣтій сливались общественные подонки изъ двухъ частей свѣта. Всякая эпоха, каждое народное движеніе выбрасывали въ него свои грязные остатки. Крестовые походы, переноса фанатическія толпы въ Азію, оставляли здѣсь все гадкое и низкое, какъ морскою отливъ оставляетъ соръ на мраморныхъ крыльцахъ венеціанскихъ дворцовъ. Генуя и Венеція, покидая свои восточныя колоніи, отряхали сюда всѣ отребья своего торгашескаго люда. Злодѣйства Аббасовъ и Надиръ-шаховъ наводняли городъ выходцами изъ Персіи и Арменіи; наконецъ вся Европа и Азія наполняли его жадной и безнравственной сволочью эмигрантовъ и ренегатовъ. Все это, смѣшавшись съ остатками византійскихъ Грековъ и дикой ордою пришлыхъ Оттомановъ, составило уродливую массу, не связанную ни какимъ нравственнымъ единствомъ. Населенный такимъ-образомъ самыми враждебными племенами, переполненный тиранами и рабами, фанатиками и спекулянтами, невѣждами и людьми *sans loi et foi*, Константинополь представляетъ безобразную смѣсь вѣръ и народностей,

костюмовъ и языковъ, между которыми не можетъ быть ничего общаго.

Среди этого пестраго населенія на первомъ планѣ стоятъ разумѣется Турки. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что это не народъ, поселившійся въ прекраснѣйшемъ уголкѣ земнаго шара для гражданской жизни и развитія, а дикая орда, которая силой раскинула таборъ на чужой землѣ и, не снимая его цѣлыя четыре столѣтія, отвыкла уже отъ выгоды кочеваго быта и нисколько не усвоила плодовъ жизни постоянной. На каждомъ шагу видно въ нихъ варварство и невѣжество, взлелѣянныя продолжительной страстью владычества и дикимъ фанатизмомъ, который съ уничтоженіемъ янычаръ, шелковыхъ снурковъ и выставки соленыхъ ушей, не смягчился, а только одряхлѣлъ и обезсильѣлъ. Въ четыре столѣтія Турки не утратили ни пошлой неприступности своихъ нравовъ, ни апатической неподвижности мысли, — и вся цивилизація молодаго поколѣнія ограничивается у нихъ только фесомъ да бутылкой шампанскаго.

Рядомъ съ Турками вы видите стамбульскихъ Грековъ. У насъ обыкновенно думаютъ, что это одно племя съ Греками Морей и Архипелага, только больше испорченное, оттого что угнетеніе его было суровѣе и продолжительнѣе. Но кто былъ въ Аѳинахъ и Константинополѣ, тотъ съ этимъ не согласится. Это два разные племена, совсѣмъ непохожія одно на другое. Морейскіе Греки — потомки того народа, который воспиталъ новыя общества плодами своей цивилизаціи и славы, завѣщавъ намъ свою науку и искусство, и самъ воспитанный вѣковыми преданіями смѣло занялъ теперь мѣсто въ ряду просвѣщенной семьи Европейцевъ. Константинопольскіе Греки — выкидыши византійской имперіи, памятной свѣту однимъ утонченнымъ развратомъ, послѣдніе остатки общества, которое образовалось во время нравственной порчи Рима, наследовало всѣ пороки языческаго міра, не сохранивъ его доблестей, и не приняло отъ христіанства ничего, кромѣ одной мертвой схоластики. Въ обитателяхъ Фанара и Псамматин, закаленныхъ въ деспотизмъ и рабствѣ двухъ имперій, нѣтъ ничего общаго съ Греками Аѳинъ или Спарты.

Остальные рап, уступая можетъ-быть Грекамъ въ коварствѣ, не отстаютъ отъ нихъ ни въ жадности къ прибытку, ни въ отсутствіи чести и человѣческаго достоинства. Только въ Константинополѣ могутъ гнѣздиться эти Армяне, у которыхъ обманъ служитъ священнымъ принципомъ торговли и оборотовъ, начиная съ банкира до послѣдняго продавца вареной кукурузы. Гдѣ, кромѣ Балаты, можно найти такихъ Евреевъ, которые, пресмыкаясь въ невысыхающихъ flumina Babilonis грязи, прячутъ нажитое самымъ утонченнымъ плутовствомъ золото подъ лохмотьями отвратительныхъ рубищъ. Къ этому примѣшивается наконецъ безнравственная толпа Франковъ, наводняющихъ Перу отребьями всѣхъ европейскихъ націй, жадной сволочью безстыдныхъ грабителей, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, кромѣ денегъ. Какъ могильные черви, привлеченные разложеніемъ трупа, всѣ эти выродки Азіи и Европы гнѣздятся въ Константинополѣ, питаясь кровью умирающей Турціи.

Судьба Константинополя стоитъ теперь загадочнымъ сфинксомъ передъ лицомъ Европы. Послѣдняя война не только не разрѣшила этой загадки, а еще больше затемнила ее новыми вопиющими. Что-же въ-самомъ-дѣлѣ будетъ съ этой прекрасной страной, съ этимъ городомъ, который отъ самой природы поставленъ, кажется, на великую роль въ жизни человѣчества. Въ послѣднее время политическіе врачи внимательно наблюдали больного и съ самымъ похвальнымъ усердіемъ прописывали ему разные спасительные рецепты. Но чѣмъ-же рѣшилъ европейскій консилиумъ?

Дипломатическіе врачи думали сперва, что Турція можетъ переродиться въ государство просвѣщенное, не отказываясь отъ мусульманства. Теперь эта пріятная надежда начинаетъ проходить у самыхъ смѣлыхъ поклонниковъ политической медицины. Приверженцы магометанской цивилизація догадались, что никакіе сильныя пріемы танзиматовъ и гатти-гумаюновъ не помолодятъ дряхлой, умирающей націи. Кто-то замѣтилъ, что эти политики, думавшіе ввести христіанскій элементъ греческаго населенія въ общественную жизнь Турціи, напоминаютъ тѣхъ безумцевъ, которые хотѣли продлить годы старика, впуская въ его жилы кровь

молодой дѣвушки. Но въ этомъ оживленіи дряхлости посредствомъ прилива молодой крови есть еще какой-то смыслъ вѣроятія, тогда какъ новые дипломаты думали освѣжить одно отжившее племя кровью такихъ-же дряхлыхъ и растлѣнныхъ раевъ.

Другіе знахари и лѣкарки увѣряли въ набожномъ умиленіи, что для спасенія Турціи султану слѣдуетъ принять христіанство. Мнѣніе это было въ особенномъ ходу въ Ватиканѣ. Скептики однакожь качали головами. Если вы не поможете умирающей націи, прописывая приемы гюльханейскихъ конституцій, говорили они, — то едва-ли больше поспособите ей и предсмертнымъ приобщеніемъ Серала къ лону католической церкви. Сомнительно, чтобъ такое политическое соборование масломъ, при кастратскомъ пѣніи L'Univets, спасло умирающую имперію и остановило духъ въ хладѣющемъ тѣлѣ.

Мысль о возстановленіи въ Константинополь византійской имперіи нравится особенно врачамъ изъ Грековъ. Но изъ какихъ-же началъ сложится это будущее государство? Положимъ, что въ Кандіи или Самосѣ есть племя, свѣжее, какъ и морейскіе Греки, но кѣмъ заселена остальная Турція и Константинополь! Не останутся-ли въ нихъ тѣже потомки старой византійской имперіи, представители рабства и разврата, эти фанариоты, которые изгибаясь и ползая въ продолженіе четырехъ вѣковъ, высасывали кровь изъ враговъ и друзей своихъ. Не повторится-ли здѣсь новое изданіе старой Византіи, съ ея тиранами и рабами, съ ея роскошью и развратомъ! Греки указываютъ обыкновенно на свое молодое поколѣніе. Но посмотрите на фанариотскихъ франтовъ, которые гуляютъ по вечерамъ на Скутарійскомъ кладбищѣ, или еще лучше пройдите по большой Галатской-улицѣ. У дверей кофеенъ увидите вы греческихъ мальчиковъ, съ блѣдными лицами и впалыми глазами, въ шитыхъ золотомъ шальварахъ и алой фескѣ, которые сидятъ, поджавъ ноги, на ковриккахъ и умильно улыбаются проходящимъ Туркамъ. Не въ этомъ-ли молодомъ поколѣніи будущность новой восточной имперіи.

Наконецъ есть мудрецы, которые думаютъ, что Константинополь можетъ быть вольнымъ городомъ. Но какіе-же

элементы для образованія въ немъ городского управленія находятъ эти политическіе хакимы. Развѣ это какой-нибудь Гамбургъ, съ честнымъ и уважаемымъ купечествомъ, съ выработанными для торговой жизни нравами, съ биржевыми преданіями и довѣріемъ. Какая можетъ быть жизнь въ этомъ вольномъ городѣ съ миллиономъ разноплеменнаго населенія, гдѣ рѣдкая почъ проходитъ безъ убійства и всякій день слышишь рассказы о какомъ-нибудь грабежѣ. Такой вольный городъ пришлось-бы вѣчно держать въ осадномъ положеніи.

Константинопольскіе рай постоянно мечтають объ изгнаніи Турокъ. Но развѣ сами они имѣютъ болѣе права оставаться въ этой прекрасной странѣ? Во все время своего порабоженія христіанское населеніе не обнаружило здѣсь ни малѣйшей жизненной силы, ничѣмъ не заявило протеста и не высказало правъ на свободу. Во всѣ четыре столѣтія ни въ наукѣ, ни въ государственной жизни, ни въ литературѣ не явилось ни одного имени, которое обратило бы вниманіе на стамбульскихъ раевъ, вызвало къ нимъ симпатію и участіе. Они даже ни разу не взяли за оружіе, не сдѣлали ни одной попытки къ возстанію. У Грековъ отнимали старыя права, церкви ихъ обращали въ мечети, патріарховъ вѣшали на воротахъ, уважаемыхъ людей сажали на колъ, — они покорно терпѣли и платили харачъ. Конечно, сила была не на ихъ сторонѣ и возстаніе кончилось бы еще большимъ угнетѣніемъ, но зато оно послужило бы знакомъ какой-нибудь жизни, одушевляющимъ залогомъ лучшей будущности. Морейскіе Греки протестовали по-крайней-мѣрѣ своими клетами и личнымъ мщеніемъ противъ нашей и беевъ; константинопольскіе рай только лизали задавившую ихъ ногу и безотвѣтно переносили рабство. Въ четыреста лѣтъ не нашлось между ними не только Ріэнзи, но даже Орсини. За Грецію говорили постоянно Европѣ науки и памятники искусства, непрерывные протесты и упорное кипѣніе заглушаемой жизни; но что-же даетъ право константинопольскимъ раямъ на родовое наслѣдство послѣ больной Турціи!

Загадка восточнаго сфинкса значить до-сихъ-поръ не разъяснилась. Можно сказать одно: чѣмъ-бы не кончилась болѣзнь Турціи, Константинополь всегда останется великимъ

и многочисленнымъ городомъ. Онъ вызванъ къ жизни не временными интересами человѣчества, а самой природою, которая дала ему счастливѣйшее въ мірѣ положеніе, лучшей на свѣтѣ портъ и прекраснѣйшій климатъ. Его создала не жизнь одного великаго народа, какъ Лондонъ или Парижъ, не временное развитіе и направленіе торговой дѣятельности, какъ Венецію или Гамбургъ, не вѣра и духовное преобладаніе, какъ Римъ, не прихоть времени и лица, какъ Петербургъ и Мадридъ, но несравненное его положеніе, котораго не измѣнять ни политическіе перевороты, ни желѣзныя дороги и телеграфы, никакія перемѣщенія центровъ наукъ и гражданской жизни. Какъ-бы ни измѣнились судьбы Востока, Константинополь всегда будетъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ человѣческой дѣятельности, связью Азіи и Европы, городомъ властителемъ — *sceptred city*, какъ говорятъ Байронъ.

ХІІІ.

Босфоръ.

Черезъ недѣлю по окончаніи бэйрама я взялъ билетъ въ конторѣ русскаго пароходства для возвращенія въ Одессу. Мы должны были выдти въ пятницу вечеромъ. Утромъ я пошелъ смотрѣть парадный поѣздъ султана въ Топханскую мечеть. Абдуль-Медшидъ пріѣхалъ въ двадцати-весельномъ каякѣ, раззолоченномъ и убранномъ коврами, съ пурпуровымъ навѣсомъ. Отъ самой пристани до входа въ джами разостлано было красное сукно, а на немъ еще полоса шелковой матеріи. Толпа сановниковъ и хохлатыхъ пенковъ ожидала его на пристани, а по сторонамъ стояла въ линію гвардія. Шествіе въ мечеть показалось мнѣ подраженіемъ церемоніи курбать-бэйрама, но только съ меньшей пышностью. На лицѣ султана выражалось еще больше усталости: видно, что дунайское дѣло сильно мѣшало благополучію его кейфа. Послѣ молитвы онъ уѣхалъ въ томъ-же каякѣ въ Высокую-Порту на новую дипломатическую битву.

Когда я воротился домой, Папатоли пришелъ сказать

мнѣ, что русскій пароходъ сего-дня не пойдетъ и отъѣздъ мой отлагается.

— Отчего-же это? спросилъ я.

— Русскій посланникъ объявилъ войну и завтра уѣзжаетъ на пароходъ со всей свитою.

Я пошелъ въ Галату узнать, въ чемъ дѣло. Въ конторѣ пароходства мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ сказали, что поѣздка отлагается до-завтра, по требованію нашего посланника, который отправляетъ съ пароходомъ депеши въ Петербургъ. Я радъ былъ этой задержкѣ и цѣлый день гулялъ по городу и катался въ каякъ по Босфору. Не хотѣлось разстаться съ этимъ чуднымъ небомъ и воздухомъ.

Я не знаю климата, который можно было бы сравнить съ константинопольскимъ. Прославленное небо Италіи и Греціи не всегда привлекательно: въ его нѣжности и любви къ вамъ бывають порывы, которые утомляютъ и мучатъ, какъ восторги пылкой страсти. Въ Афинахъ лѣтніе дни дотого жарки, что самому неугомонному туристу приходится сидѣть съ закрытыми окнами или плотнымъ зонтикомъ защищаться отъ лзвительныхъ лучей солнца. На площади св. Марка, хоть Венеція и стоитъ по колѣна въ водѣ, бываетъ душно, какъ въ нагрѣтой печи. На сто верстъ отъ Босфора къ сѣверу или къ югу климатъ уже незавидный: въ Адрианополѣ дуетъ сѣверный вѣтеръ съ Балканъ, въ Брусѣ по цѣлымъ днямъ вѣстъ африканскій широко. Къ Константинополѣ не растутъ правда ни апельсинныя рощи, ни итальянскія пальмы, но чудная свѣжесть воздуха, оживляемая вѣтрами двухъ морей, тепло никогда не переходящее въ зной, отсутствіе продолжительныхъ засухъ и частыхъ дождей и вѣчное двойное теченіе въ Босфорѣ, — все представляетъ условія самаго пріятнаго и здороваго климата въ мірѣ.

Въ какомъ другомъ мѣстѣ могъ бы жить безнаказанно миллионъ людей такъ, какъ живетъ онъ въ Константинополѣ! Человѣкъ здѣсь усердно старался создать постоянную заразу: эти груды гниющей падали, смрадные потоки никогда невысыхающей грязи, отвратительная пища простаго народа — на всякомъ шагу вызываютъ чуму или холеру. Во всякомъ другомъ климатѣ, — не говоря о болотахъ Невы

или туманахъ Темзы, по въ самой Италиі или Греціи, — городъ при такихъ условіяхъ былъ бы вѣчнымъ лазаретомъ. Но здѣсь воздухъ дотого свѣжъ и здоровъ, что еслибъ на каждой улицѣ не попадались кладбища, то кажется забылъ бы о самой возможности умереть подъ этимъ благословеннымъ небомъ.

На слѣдующій день, во второмъ часу, я переѣхалъ на палубу русскаго парохода Паллады. Пассажиры, по большей части Греки, отправляющіеся въ Одессу и Таганрогъ, неутомимо толковали о послѣднихъ событіяхъ. Ровно въ два часа мы снялись съ якоря и вошли въ Босфоръ.

Трудно передать красоту этого исполинскаго протока, раздѣляющаго двѣ части свѣта, обставленнаго холмистыми берегами, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ, отъ Мраморнаго моря до Чернаго, въ зелени виноградниковъ и кипарисныхъ рощъ, тянется на тридцать верстъ безконечный рядъ дворцовъ и кіосковъ. Я не знаю ничего величественнѣе этой водной голубой улицы, на которой Азія и Европа сошлись лицомъ къ лицу во всей красотѣ и роскоши. Ни Темза съ своими парками, фабриками и коттеджами, ни Рейнъ съ виноградниками, замками и легендами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ Босфоръ.

Едва вышли мы изъ Золотаго-Рога и оставили назадъ Леандрову-башню, налѣво показались султанскіе дворцы, смѣнившіе въ послѣднее время старый, покинутый Сарай-Бурну. Прежде всего видѣнъ Дольма-Бахче, любимый дворецъ Абдуль-Медшида. Это большое зданіе изъ бѣлаго мрамора, представляющее странную, но удачную смѣсь всевозможныхъ стилей. Средній корпусъ въ венеціанскомъ вкусѣ, отдѣленный отъ Босфора золоченой рѣшеткою восточнаго узора, соединяется мавританскими галереями съ двумя боковыми флигелями, которые выдаются впередъ колоннадами греческихъ портиковъ, и все это унижено итальянскими окнами, сквозными балконами, готическими розетами и арабскими орнаментами. Кажется, видишь декорацію какого-нибудь волшебнаго балета, фантастическій рисунокъ, набросанный артистомъ въ минуту увлеченія сказками Шехеразады.

За нимъ въ густой зелени бѣлѣтъ дворець Чираганскій, построенный султаномъ Махмудомъ.

Съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ голубая водная улица, изгибаясь змѣю, развертываетъ передъ вами свою цвѣтушую панораму, заставляя въ одно время любоваться берегами Европы и Азии. Съ обѣихъ сторонъ тянутся одинъ за другимъ дворцы султанскихъ сестеръ и дочерей, загородные кіоски пашей и сановниковъ, веселыя мѣстечки съ мечетями и кофейнями, всѣ потопленные въ зеленой гущѣ кипарисовъ и виноградниковъ. Безконечная набережная пролегаетъ по обомъ берегамъ, отъ дворца къ деревенькѣ и отъ деревни къ новому дворцу. Пролить мѣстами суживается тѣспой рѣкою, мѣстами разливается въ свѣтлый заливъ, и двѣ части свѣта то отступаютъ одна отъ другой, то опять сближаются, соперничая красотою видовъ. На холмахъ поднимаются гдѣ китайскій кіоскъ или полуразрушенная гонуэзская башня, гдѣ узорчатый фонтанъ, осыненный деревьями, или бѣлая игла минарета съ сверкающимъ полумѣсяцемъ. Турецкіе домики, такъ жалкіе вблизи, граціозно нагибаются впередъ верхними этажами и глядятся въ синемъ потокѣ. Набережная вездѣ оживлена народомъ: передъ кофейнями сидятъ Турки съ неизбѣжными чубуками, по улицамъ селеній разѣзжаютъ всадники, даже золоченыя рѣшетки въ окнахъ кіосковъ часто отворяются, и въ нихъ показываются женщины безъ докучныхъ яшмаковъ. Нигдѣ европейская цивилизація не сдѣлала между Турками такихъ усѣховъ, какъ на берегахъ Босфора. Въ одномъ кіоскѣ, при нашемъ проѣздѣ, слышалось фортепьяно. Когда мы поровнялись съ нимъ, музыка умолкла, рѣшетка въ окнѣ отворилась, и молоденькая Турчанка, опершись рукой на подоконникъ, проводила насъ долгимъ взглядомъ. Пролить устьяныя кайками, которые носятся по всѣмъ направленіямъ, съ группами мужчинъ и женщинъ; а между ними изрѣдка показывается полоса бѣлыхъ всплесковъ отъ играющихъ дельфиновъ, и надъ водою проносится стая сѣрыхъ птицъ, которыя съ непонятнымъ упорствомъ летаютъ цѣлый день между Мраморнымъ и Чернымъ-моремъ.

Черезъ часъ мы прошли въ самомъ узкомъ мѣстѣ Бос-

фора, между замками Румели и Анатоли-Гиссари, съ зубчатыми стѣнами и башнями, которые не столько страшны укрѣпленіями, сколько привлекательны живописнымъ разрушеніемъ. На лѣвомъ берѣгу показалось мѣстечко Терапія съ домами англійскаго и французскаго посольствъ: на одномъ вѣялъ широкій флагъ, на другомъ торчалъ одинъ только шестъ. Напротивъ поднимается Упкіаръ-Скелесси, гдѣ въ 1833 году стоялъ лагерь русскій отрядъ, который спасъ погибавшую Турцію отъ египетскаго Гѣргі. Говорятъ, тутъ былъ какой-то памятникъ, но Турки уничтожили его въ послѣднюю войну. Отсюда Босфоръ разливается широкимъ заливомъ, и на европейскомъ берегу раскидывается мѣстечко Буюкъ-Дере, съ изящнымъ домомъ русскаго посольства. Это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ на проливѣ. На выгнутомъ дугою берегу, по отлогости холма, тѣснятся бѣлые домики, всѣ окутанные зеленью; по набережной бродятъ Гречанки и играютъ толпы дѣтей. Мы остановились передъ дворцомъ посольства, и черезъ четверть часа курьеръ съ депешами переѣхалъ на пароходъ.

Не смотря на единство картины, каждая сторона Босфора отличается особой физиономіей: на европейскомъ берегу больше дворцовъ и селеній, на азійскомъ рощъ и садовъ; одинъ оживленнѣе, другой живописнѣе. Прославленные поѣздки по Рейну, между Кельномъ и Майнцемъ, далеко уступаютъ прогулкѣ на поэтическомъ Босфорѣ. Это неистощимый рядъ самыхъ восхитительныхъ видовъ, подъ прекраснѣйшимъ небомъ, въ ласкающей свѣжести и прохладѣ. Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ природа кажется безъискусственнѣе, не теряя однакожъ своей прелести: загородные дома показываются рѣже, а рощи становятся гуще, и проливъ постепенно расширяется. Вотъ наконецъ показали послѣднія укрѣпленія на европейскомъ и азійскомъ берегу, въ видѣ низенькихъ, жалкихъ батарей, дальше на оконечностяхъ пролива выросли бѣлыя башни маяковъ, а за ними необозримымъ темнымъ зеркаломъ развернулось Черное-море. Не одинъ я обернулся назадъ проститься съ Босфоромъ.

Послѣ голубыхъ водъ Архипелага и сверкающей синевы Пропонтиды, Черное-море показалось мнѣ мрачнымъ и пу-

стыннымъ. Не даромъ древніе называли его негостепріимнымъ, не даромъ и теперь зовутъ чернымъ. Для прїѣзжающихъ съ юга въ-самомъ-дѣлѣ есть что-то печальное и непривѣтливое въ этой грустной водяной массѣ. Я съ невольнымъ стѣснѣніемъ въ сердцѣ смотрѣлъ на его матовую, пепельно-синюю поверхность, и меня поразила его пустыньность: на всей видимой дали его не замѣтно было ни одного паруса, и только вправо тянулась на горизонтѣ темная полоса дыма отъ далекаго парохода, который шелъ въ Трапезондъ, да стадо дельфиновъ, провожавшее насъ изъ Босфора, прыгало по волнамъ, разбѣгавшимся за нашей кормою.

Но Черное-море, не смотря на свою суровость и непривѣтливость, приняло Палладу очень гостепріимно. Во всѣ сорокъ-шесть часовъ плаваніе наше не возмущалось ни малѣйшимъ вѣтромъ. Говорятъ, такіа тихія и спокойныя поѣздки бывають здѣсь очень-нечасто. Избалованный удобствами пароходовъ австрійскаго Ллойда и припоминая непріятности, какія бывало случалось видѣть на пароходахъ финляндскихъ и рижскихъ, гдѣ съ пассажирами обращаются грубѣе, чѣмъ съ кладью, я сначала смотрѣлъ на родное судно съ предубѣжденіемъ. Но это было недолго. Паллада оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе: любезность капитана, вниманіе къ путешественникамъ, порядокъ и въ то-же время отсутствіе нѣмецкаго педантизма—превосходятъ даже заграничные пароходы. Въ одной только кухнѣ Паллада отстала отъ австрійской компаніи: обѣдомъ недовольны были даже самые умѣренныя Греки.

Общество наше было не многолюдно, но дружно и весело. Погода постоянно баловала насъ. Ясные дни, съ зари до зари осыпавшіе море трепетнымъ золотомъ солнечныхъ лучей, смѣнялись тихими ночамп, и мѣсяцъ игралъ на водѣ тѣмъ живымъ серебромъ, которое Айвазовскій такъ удачно переносилъ на свои картины. Кораблей мы почти не встрѣчали: конецъ лѣта самое глухое время для черноморской навигаціи. Во весь переѣздъ мы видѣли только дельфиновъ, которые стаями гонялись за пароходомъ, прыгая и кувыркаясь по волнамъ. На третье утро на лѣвой сторонѣ показался низменный берегъ, съ высокой башней Аккерманскаго

маяка. Первымъ вѣстникомъ родной земли была саранча, которая за тридцать верстъ залетѣла къ намъ на пароходъ, загнанная вѣтромъ съ бессарабскаго берега.

— Что не здороваешься съ зѣмляками? сказалъ матросъ, сажая на носъ кочегару одного изъ залетныхъ гостей.

— Увидимся еще въ Одессѣ! отвѣчалъ тотъ лѣнливо.

Въ самый полдень мы подошли къ Одессѣ, которая рядомъ бѣлыхъ зданій поднималась на темномъ подножьи высокаго берега. Паллада бросила якорь въ Коммерческой-гавани. Городъ съ моря кажется очень-красивымъ и смотритъ такъ-же привѣтливо, какъ Триестъ.

Вѣроятно для-того, чтобъ мы вполнѣ могли налюбоваться родной панорамой, насъ полчаса держали на пароходѣ. Наконецъ явился большой катеръ съ какими-то форменными, прекрасно-застегнутыми лицами, и послѣ внимательнаго пересмотра какихъ-то бумагъ намъ разрѣшили съѣхать на берегъ. Здѣсь уже не было шумной толпы лодочниковъ и комиссіонеровъ, какими бывало наводнялся пароходъ въ средиземныхъ портахъ: никто не хватался за мой чемоданъ, не предлагалъ услугъ для осмотра города, не навязывался съ рекомендаціей квартиръ и гостинницъ. Правда, съ полдюжины лодокъ подошло къ пароходу, но гребцы ихъ ждали, пока сами пассажиры попросятъ ихъ объ услугахъ. Я съ трудомъ добился, чтобы матросъ принялъ въ лодку мой чемоданъ и удостоилъ перевести меня на берегъ. Послѣ странствія по лабиринту отечественной таможни, расписавшись и расплатившись кое-гдѣ, я получилъ взятый у меня въ Константинополѣ паспортъ, потомъ отправился по мытарствамъ цензуры, для освобожденія отобранныхъ у меня гидовъ и картъ, написалъ тамъ какую-то просьбу по диктовкѣ чиновника, расписался въ какой-то шнуровой книгѣ и наконецъ добрался до гостинницы, довольно грязной, но зато лучшей въ городѣ. Отъ всей души благословилъ я уничтоженіе карантина, одна мысль о которомъ нагоняла уже печальную тѣнь на всѣ свѣтлыя воспоминанія моего путешествія.

ЭГНИГАРДЪ И ИММА.

Л Е Г Е Н Д А.

I.

На тронѣ Франковъ Карлъ. Мечемъ
И правдой онъ владѣя править.
Ужъ много лѣтъ молва о немъ
Его въ предѣлахъ дальнихъ славить.
Бонтся врагъ его оковъ,
Но кротокъ Карлъ на мирномъ лонѣ.
Со всѣхъ сторонъ къ его коронѣ,
Стекаются подъ тихій кровъ
Мужья совѣта и познанья;
И не жалѣеть Карлъ даровъ
И щедро цѣнитъ дарованья.
Мысль въ сердцѣ носитъ Карломанъ,
Что онъ на тронъ помазанъ Богомъ,
Чтобъ на судѣ прямомъ и строгомъ
Имъ за народъ отчетъ былъ данъ.
Что не за тѣмъ державы бремя
Ему Всевышній даровалъ,
Чтобъ бесполезно расточалъ
Свое онъ царственное время.
И этой мыслью онъ живетъ,
И щедро сыплетъ въ свой народъ
Добра, наукъ и правды сѣмя.
Но отъ чего, съ недавнихъ поръ,
Его задумчивѣй сталъ взоръ?

Что душу короля тревожитъ?
 Ему дивится въ тайнѣ дворъ.
 И разгадать причинъ не можетъ.
 Уже давно усмирены
 Имъ Аквитаніи сыны,
 И Лонгобарди привольной,
 И Саксъ кичливый покорень,
 И крестъ спасенья водружень
 Въ землѣ изычества крамольной.
 Давно союзъ покорныхъ странъ
 Мечемъ и вѣрою упрочень;
 Но что-жь задумчивъ Карломанъ?
 Чѣмъ императоръ озабочень?

II.

Не козни-ль тайныя дворца?...
 Не врагъ-ли въ другѣ отыскался?
 Иль противъ славнаго вѣнца
 Вассалъ открыто взбунтовался?
 Не сокровенный-ли недугъ
 Владѣетъ старцемъ посѣдѣлымъ?
 Спокоенъ Карлъ за вѣрныхъ слугъ, —
 И крѣпокъ разумомъ и тѣломъ.
 Не то покой въ его дворцѣ
 И сонъ смущаетъ безмятежный.
 Заботой тихою и нѣжной
 Отозвалась душа въ отцѣ;
 И занятъ Карлъ своею Иммой,
 Судьбою дочери любимой.

III.

Прекрасенъ розы вешній пвѣтъ,
 Въ росѣ, на утрѣ, серебристой;
 Когда надъ ней поетъ разсвѣтъ
 Ея любовникъ голосистой.
 Прекрасна въ розовыхъ лучахъ
 Въ тотъ часъ аврора въ небесахъ

Съ своей улыбкою стыдливой; —
 Но кто изъ юношей счастливый
 Разъ видѣлъ Имму, забывалъ
 Все, чемъ когда-то восхищалъ
 Свой слухъ и взоръ онъ въ дны годы
 Въ картинахъ дѣвственной природы.
 И любить Карлъ такъ нѣжно въ ней
 И сердца кроткаго движенья,
 И русый шелкъ ея кудрей,
 И глубь задумчивыхъ очей,
 Души прекрасной отраженье.
 Порой онъ любить посѣтить
 Ея покой уединенный,
 Гдѣ въ тишинѣ она смиренной
 Сама прядетъ льняную нить.
 Бывало, тамъ съ заботой нѣжной
 Движенья онъ ея слѣдитъ;
 Когда подъ ручкой бѣлоснѣжной
 Веретено у ней бѣжитъ.
 Иль ткани шолковой узоры
 Ея работаетъ станокъ.
 И смотритъ Карлъ, какъ Иммы взоры
 Слѣдятъ заботливо челнокъ.
 Когда-жъ порой толпой придворной
 Блестящихъ дамъ окружена,
 Межъ нихъ на паперти соборной,
 Бывало, явится она;
 Къ ней взгляды тотчасъ обращались,
 Молитва съ устъ бѣжала прочь,
 И тихо рыцари шептались,
 Дивясь на царственную дочь.
 Но въ оный часъ не возмутима,
 Вся сердцемъ Богу предана,
 Спокойно проходила мимо
 Толпы восторженной она.
 Ничто тогда не волновало
 Ея сердечной тишины;
 И въ сердцѣ женскомъ не дрожало
 Хвалою затронутой струны.
 За то, какую нѣгой лаской
 Горѣлъ огонь очей прекрасный,

Когда на королевскій пиръ
 Ея вводилъ самъ Карлъ счастливый,
 Или являлся горделивый
 Онъ съ ней на рыцарскій турниръ,
 Гдѣ витязь былъ въ надеждѣ тайной
 Привлечь вниманіе ея,
 И не одинъ, за взоръ случайный,
 Бросаясь въ бой необычайный,
 Переломилъ свое копьё.

IV.

Какой-же думой сокровенной,
 Лѣтами старецъ удрученный,
 Полнъ нынѣ Карлъ? — Онъ понималъ,
 Что срокъ для Иммы наставалъ.
 Сердечныхъ новыхъ ощущеній,
 Что нѣжныхъ чувствъ опасный геній
 Давно падъ дѣвою виталъ
 Съ улыбкой усть его коварной,
 И факелъ знанья лучезарный,
 Надъ ней смѣся, зажигалъ;
 И освѣщалъ въ живыя краски
 Зарю ея дѣвичьихъ дней;
 Иль въ тихомъ сумракѣ ночей
 Шепталъ таинственныя сказки.
 И Карлъ искалъ среди всѣхъ дворовъ
 Достойныхъ Иммѣ жениховъ.
 И наконецъ онъ волей твердой
 Свой выборъ царственный рѣшилъ;
 И мысль свою остановилъ
 Въ предѣлахъ Византіи гордой.
 Но сердце Иммы ужъ давно
 Другому было отдано.

V.

Въ блестящей свитѣ Карломана,
 Межъ славныхъ юношей дворца,

Былъ Эгингардъ. Красною стана,
 И женской прелестью лица,
 Отвагой смѣлой свѣтлыхъ взоровъ,
 И шуткой острыхъ разговоровъ,
 И пламеннымъ своимъ уомъ,
 Плѣнял онъ витязей собранья;
 И самъ король цѣнилъ такъ въ немъ
 Его и умъ и дарованья.
 Цѣнилъ онъ въ немъ познаній свѣтъ,
 И называлъ любимымъ сыномъ,
 И часто въ царственный совѣтъ
 Сзываетъ ихъ съ славнымъ Алкуиномъ.
 Изъ Оденвальда сиротой
 Его привезъ король когда-то,
 Плѣненный ранней остротой
 Его ума, — и дѣтямъ брата
 Въ немъ императоръ даровалъ.
 Съ-тѣхъ-поръ онъ тихо разцвѣталъ
 Подъ кровлей карловинговъ мирной
 И, умъ познаньями обширный
 Наукъ, съ лѣтами просвѣщалъ.
 Но сердце въ немъ еще дремало;
 Казалось, время не настало
 Ему для юношескихъ грезъ,
 Для нѣжныхъ думъ, для нѣжныхъ слезъ,
 Души волненій благотворныхъ,
 Безцѣнныхъ юности часовъ;
 Напрасно взоры дамъ придворныхъ
 Зажечь старались въ немъ любовь;
 Дремалъ спокойно умъ холодный,
 Дремала страсть въ душѣ свободной.
 И вдругъ пришла пора. На немъ
 Свой Имма взоръ остановила;
 И что-то новымъ языкомъ
 Въ его душѣ заговорило.
 И понялъ онъ всю сладость мукъ,
 И нѣгу новыхъ волнованій;
 И понялъ сухость всѣхъ наукъ
 Онъ предъ наукою страданій
 Сердечныхъ, тайныхъ, огневыхъ,
 Передъ наукой нѣжной страсти,

И не былъ устоять во власти
 Отъ искушеній молодыхъ.
 И сердцемъ полюбилъ невольню
 Онъ Имму пламенно и больно.

VI.

Глухая ночь. Объятый сномъ
 Безмолвенъ Ахенъ. Не свѣтили
 Луна и звѣзды, — и кругомъ
 Все небо тучи обложили.
 Огни погасли. Наконецъ
 Послѣдній свѣточъ Карломаномъ
 Потушенъ. Спитъ король. Дворецъ
 Во мракъ дремлетъ великаномъ.
 Но кто тамъ въ сумракѣ нѣмомъ,
 Стараясь мглу проникнуть взоромъ,
 Спѣшитъ украдкою дворомъ, —
 Идетъ по темнымъ корридорамъ
 И входитъ трепетный въ покой
 Дворца таинственный и дальний,
 И тихо робкою рукой
 Стучить въ чертогъ опочивальный.
 И слышитъ Имма этотъ стукъ,
 Условный знакъ трепеца внемлетъ;
 И дѣву робкую испугъ
 Одно мгновеніе объемлетъ.
 Но пылъ любви ея могучъ,
 Чтобъ страхъ прогнать съ мятежной силой.
 Въ замкъ два раза щелкнулъ ключъ,
 И Эдинггардъ въ объятяхъ милой.

VII.

Бѣгутъ часы любви, бѣгутъ;
 Ея восторги ночь уносить;
 Напрасно нѣсколькихъ минутъ
 Еще любовь у быстрой просить.
 О, какъ вы дивно-хороши,

Прощанья краткія мгновенья,
 Когда возлюбленнымъ души
 Не можетъ наглядѣться зрѣнье, —
 Когда боится проронить
 Слухъ чуткій устъ безцѣнныхъ слово,
 И хочетъ жадно повторить
 Языкъ все сказанное снова!
 Бѣгутъ часы любви, бѣгутъ,
 Ея восторги ночь уноситъ;
 Напрасно нѣсколькихъ минутъ
 Еще любовь у быстрой просить.
 Неумолимая не ждетъ!
 Того гляди надъ облаками
 Заря неожиданная взойдетъ.
 Въ послѣдній разъ уста съ устами
 Въ лобзанье долгое слились;
 Въ послѣдній — страстно обвились
 Еще любовники руками.
 Но вдругъ, какъ смерти приговоръ
 Услышавъ грозный, отступили;
 Ихъ рѣчи на устахъ застыли.
 И разомъ другъ на другѣ взоръ
 Они, смутясь, остановили.
 Въ то время блѣдный, изъ-за тучъ,
 На нихъ луны коварный лучъ
 Взглянулъ какъ призракъ безнадежный.
 Все ясно имъ — ихъ ждетъ позоръ.
 Онъ освѣтилъ неожиданно дворъ,
 Покрытый пеленою снѣжной.
 На завтра слѣдъ мужской ноги
 Примѣтятъ тайные враги,
 Въ покой ведущій отдаленный.
 И дерзкой страстью оскорбленный,
 Король имъ, строгій, не проститъ.
 Обитель пнокинь грозитъ
 Назавтра Иммѣ, — кара строже
 Ея возлюбленнаго ждетъ;
 Но тѣмъ страстнѣй онъ дѣву жметъ
 Въ объятыхъ пылкихъ; тѣмъ дороже
 Они другъ-другу въ оный мигъ,
 Что нѣтъ грядущаго для нихъ.

Но что-жь, какъ радость заблестала
 Слеза у Иммы на очахъ?
 «Мой Эгингардъ», она сказала,
 «Спасенье есть намъ, — на плечахъ
 «Тебя я вынесу, мой милый.
 «Не такъ обширенъ замка дворъ,
 «Чтобъ не дала любовь мнѣ силы
 «И хитрость обмануть дозоръ».

VIII.

Не спится Карлу. Покидалъ
 Онъ много разъ въ ночь эту ложе.
 Но слугъ и стражи не тревожа
 Король бессонницей страдалъ.
 Поникнувъ долу головою,
 Ходилъ въ раздумьѣ по покою,
 Онъ, или библию читалъ,
 Или смотрѣлъ, какъ снѣгъ пушистый
 На землю падалъ, серебристой
 Луною ярко озаренъ,
 Какъ тучи мчались сѣдя,
 Или прислушивался онъ
 Какъ окликались часовые
 На древней Ахенской стѣнѣ,
 Иль, долго глядя, любовался
 Какъ на готическомъ окнѣ
 Картинно мѣсяцъ отражался.
 Вдругъ видитъ онъ, оцѣпенѣвъ,
 И самъ глазамъ своимъ не вѣритъ.
 Къ окну прижался Карлъ и мѣритъ
 Преступныхъ взоромъ, поблѣднѣвъ.
 Уже-ли дочь? Тропою снѣжной
 Съ своей на плечахъ ношей нѣжной,
 Ступаетъ Имма. Прямо свѣтъ
 На нихъ луна бросаетъ яркій.
 И таетъ снѣгъ подъ ножкой жаркой,
 Цѣлуя сладострастно слѣдъ.
 Король дрожитъ, мутится разумъ,
 Будить онъ хочетъ стражу, слугъ;

Хватаетъ мечъ и хочетъ разомъ
 Самъ изъ преступныхъ вырвать духъ.
 Но вдругъ, какъ колось, подкошенный
 Желѣза острой полосой,
 Заплакалъ Карлъ и предъ иконой
 Склонился тихо головой.
 «Прости», сказалъ, «гордынѣ лишней,
 Господь, отеческихъ заботъ.
 Безъ воли Промысла Всевышней
 Единый волюсь не падеть.»

IX.

Толпой воинственной и шумной,
 Съ восходомъ утренней зари,
 Стекалися богатыри.
 Ихъ на совѣтъ созвалъ разумный
 Въ свой замокъ Карлъ. Никто не зналъ
 О цѣли тайнаго призванья.
 Давно кипѣлъ народомъ залъ,
 Догадокъ разныхъ пробѣгалъ
 Давно ужъ говоръ межъ собранья.
 Давно сливался гулъ рѣчей
 И споровъ витязей побѣдныхъ,
 Съ бряцаньемъ шпоръ ихъ и мечей,
 Со звономъ латы и шлемовъ мѣдныхъ.
 Коней или дамъ своихъ хвали,
 Кичась отвагой смѣлыхъ боевъ,
 Толпа воинственныхъ героевъ
 Явленья ждала короля.
 И онъ вошелъ. Съ нимъ, блѣдень, рядомъ
 Шелъ Эгингардъ. И властелинъ,
 Толпу окинувъ кроткимъ взглядомъ,
 Сѣлъ подъ богатый балдахинъ.
 Минуту длилося молчанье.
 Казалось, Карлъ спокоенъ былъ;
 Но глазъ привычный бы открылъ
 Въ немъ много тайнаго страданья.
 Печалью отравленныхъ слезъ
 Во взорѣ кроткомъ крылось много.

Но вотъ, величественно, строго,
Король къ собранью произнесъ:
«Мои сподвижники и други,
На свой вась царственный совѣтъ
Собралъ я здѣсь, чтобъ зналъ весь свѣтъ,
Какъ награждаетъ Карлъ заслуги.
Но мнѣ скажите напередъ,
Какой награды стоитъ тотъ,
Скажите, графы, безъ боязни,
Кто-бъ въ насъ довѣрье обманулъ?»
И Карлъ на юношу взглянулъ,
И взоръ тотъ страненъ былъ, — и гулъ
Глухой пронесся въ залъ: — казни.
И блѣденъ, словно, гробовой
Покровъ, поникнувъ головой,
Стоялъ виновный, съ мрачнымъ взоромъ,
Казненный совѣсти укоромъ.
«Но, графы», Карлъ промолвилъ вновь,
«Есть вездѣсущая любовь,
«Есть въ мирѣ Промыселъ предвѣчный;
«Удѣлъ всему лишь Онъ даетъ.
«И къ цѣли блага все ведетъ
«Своею правдой безконечной.
«Его наитіемъ святымъ
«Я буду здѣсь руководимъ.»
И подалъ знакъ король рукою.
Дверь отворилась, — и толпою
Окружена пажей и дамъ,
Всѣмъ блескомъ королевской свиты,
Предстала Имма всѣхъ очамъ,
Зарю тихую; ланиты
Ея румянецъ покрывалъ;
Глаза опущенные долу;
Но смѣло шла она къ престолу
И въ залъ шопоть пробѣгалъ,
Похвалъ, восторговъ, удивленья.
Казалось, Карлъ самъ на мгновенье
Ея явленьемъ просіялъ.
Такъ блескъ красы непобѣдимой
Способенъ гнѣвъ неукротимый
Во всякомъ сердцѣ покорить.

Склонясь у трона, на ступени,
 Отца священныя колѣни
 Старалась Имма обхватить, —
 И зарыдала. Снова ясенъ
 На тронѣ Карлъ привсталъ, прекрасенъ.
 И произнесъ: «Господь даетъ
 Всему здѣсь сущему исходъ,
 Благой и мудрый. Предъ Едннымъ
 Творцемъ покорный, вѣрю я,
 Что промыслъ самъ, мои друзья,
 Нарекъ мнѣ Эгингарда сыномъ.
 И дочь любезную мою
 Ему въ замужство я даю.
 Прощая юности, наброшу
 На все забвенья пелену.
 Безъ страха ты люби *жену*;
 А ты храни безъ страха *ношу*.»
 И Карлъ, при витязяхъ своихъ,
 Ихъ крѣпко обнялъ обоихъ.
 И въ залѣ гулъ неукротимый
 Восторговъ шумныхъ пробѣжалъ.

И семь дней Ахенъ пировалъ
 На свадьбѣ Эгингарда съ Иммой.

В. Крѣль.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1741 — 1742.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

«Царствованіе Елизаветы не прославилось никакими блестящими дѣяніями ума государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, московскій университетъ и ода Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени.»

Карамзинъ (Записки о древ. и нов. Россіи).

VII.

Манифесты. — Празднества. — Характеристика приверженцевъ императрицы, возвышенныхъ и награжденныхъ ею: Лестоки, Разумовскій, Шуваловы, Воронцовъ, Шварцъ, Шетарди, Скавронскіе, Ефимовскіе, Гендриковы, Черкасской, Шереметьевъ, Салтыковы, Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, Трубецкіе, Чернышевы, Румянцовъ, Ушаковъ, Куракинъ, Головинъ, Бутурлинъ, Панинъ, Ласси. — Прощеніе и награжденіе лицъ, опальныхъ въ прежнія царствованія: Долгоруки, Черкасовъ, Бѣлосельскій, Шубинъ, Ганнибалъ, Ванатовичъ, Юрловъ, Скорняковъ-Писаревъ, Девіеръ, Сиверсъ, Финкъ, Соймоновъ, Мусинъ-Пушкинъ, Бироны, Безстужевъ-Рюминъ.

25-го Ноября 1741-го года, въ четвертомъ часу по полуночи, императрица Елизавета въ открытой, большой линейкѣ, окруженная благонадежнѣйшими (1) гренадерами отправилась изъ своего дворца въ зимній императорскій домъ. Улицы были наполнены народомъ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ на вельможъ и архіереевъ, въ парадныхъ костюмахъ тѣснившихся пѣшкомъ за царскою линейкою, съ недоумѣніемъ прислушивался къ громкимъ крикамъ ликующихъ солдатъ; сплошными шеренгами, аллеею, стояли гвардейцы до императорскаго дворца (2).

Изъ прежней нашей статьи мы уже знакомы съ подробностями ночной экспедиціи 25-го ноября. Страхъ и трепеть, какой-то паническій страхъ овладѣлъ сановниками при видѣ новой государыни, новыхъ временщиковъ, звонко смѣявшихся надъ оторопѣвшими сенаторами, весело болтающихъ и гордо расхаживающихъ по дворцовымъ заламъ. А подъ окнами кричали солдаты, тѣснился народъ, дымились костры. Приверженцы прежнихъ правительствъ не ладили съ временщиками новаго, многіе, если не всѣ, страшились ссылки, казни. Князь Щербатовъ въ своихъ интересныхъ запискахъ сохранилъ слѣдующій фактъ, дающій намъ понятіе о неестественномъ, странномъ отношеніи прежнихъ и новыхъ царедворцовъ какъ другъ къ другу, такъ и къ самой государынѣ въ первые дни по ея воцареніи.

«Въ ночь на 25 ноября, говоритъ Щербатовъ, дежурнымъ генералъ - адъютантомъ былъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, человекъ злой и глупый, знавшій о замыслахъ Елизаветы. Арестованный и приведенный предъ императрицу, онъ палъ на колѣни.»

- «Что братъ,» заговорилъ родственникъ его, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, «вотъ ты теперь стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера и глядѣть-бы не хотѣлъ, и готовъ-бы всякое зло ей сдѣлать!» Пораженный этими словами, и безъ того уже обомлѣвшій отъ страха, генералъ-адъютантъ стоялъ на колѣняхъ, ожидалъ своего приговора. Но снисхожденіе самой государыни, запретившей вратъ Василю Ѳедоровичу, ободрило Петра Семеновича. Въ такомъ страхѣ, добавляетъ Щербатовъ, находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣтъ твердости.»

Въ придворной церкви отслужили молебенъ, тутъ-же именными сановниками произнесена была присяга.

Въ слѣдъ за тѣмъ вышелъ манифестъ.

«Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ 5-го числа, манифестъ извѣстно есть, что блаженныя памяти отъ великія государыни императрицы Анны Ивановны, при кончинѣ ея, наследникомъ всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ

рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже какъ внѣшніе, такъ и внутри государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно не малое-же раззореніе всему государству послѣдовало-бъ; того ради всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрныя подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ прошедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и потому нашему законному праву, по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседражайшимъ родителямъ, государю императору Петру Великому и государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ихъ всеподданнѣйшему нашихъ вѣрныхъ *единогласному* прошенію, тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили; о чемъ всѣмъ впредь со обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ. Нынѣ-же, по всеусердному всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію, всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить намъ торжественную присягу» (3).

Сенатъ въ тотъ-же день поспѣшилъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи къ присягѣ всякаго чина людей, и о передѣлкѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ печатей.

Сенатъ приказалъ всѣхъ жителей, во всѣхъ городахъ, съ утра до вечера, во всѣхъ церквахъ, приводить къ присягѣ, кромѣ однако *нашенныхъ крестьянъ*, всѣхъ-же остальныхъ людей заставлятъ присягать и подписываться на присяжномъ листѣ всѣмъ до двѣнадцати-лѣтняго возраста. Слѣдить за совершеніемъ присягъ поручалось особо-командированнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи; они должны были немедля донести о неприсягнувшихъ. Въ особенности-же поручалось строго слѣдить, чтобы всѣ священники и церковнослужителя непременно приведены были къ присягѣ (4).

Три дня спустя, 28 ноября въ субботу, вышелъ манифестъ «съ обстоятельнымъ изъясненіемъ ближайшаго и пре-

имущественнаго права ея величества на императорскую корону».

Документъ этотъ весьма важенъ по отношенію къ Елизаветѣ, вотъ почему мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ: подробно изложить его содержаніе и буквально привести важнѣйшія мѣста.

Манифестъ напоминалъ, что въ духовной императрицы Екатерины I-й, объявленной 7-го мая 1727 года, въ первомъ пунктѣ назначенъ былъ наслѣдникомъ Петръ II-й, «а о суксессорахъ по его кончинѣ» сказано было въ 8-мъ пунктѣ. На основаніи его, послѣ бездѣтнаго императора Петра II-го, должны были вступить на престолъ: царевна Анна съ своими десцендентами, «за ней царевна Елизавета и ея десценденты,» а потомъ великая княжна Наталья Алексѣевна.

«Слѣдовательно, по тому testamentу матери нашей государыни, мы еще тогда-же, по смерти императора Петра II-го, законною наслѣдницею нашего отеческаго престола были; но недоброжелательными къ намъ, и коварными проискамп, бывшаго тогда при его величествѣ, оберъ-гофмейстера, графа Андрея Остермана та духовная, по кончинѣ его величества (ибо при императорѣ Петрѣ II-мъ всѣ государственныя таковой важности подлежащія дѣла были въ его Остермана рукахъ), скрыта; и его-жь Остермана проискомъ, дабы мы, яко довольно зная уже его коварные и государству нашему вредительные многіе поступки, всероссійскій престолъ не наслѣдовали, избрана на престолъ мимо насъ (какъ всему умному свѣту извѣстно есть, законной наслѣдницы) императрица Анна Ивановна».

«Въ октябрѣ 1740-го года, когда государыня уже къ смерти разболѣлась, онъ-же графъ Остерманъ сочинилъ опредѣленіе, опубликованное 6 октября, на основаніи котораго наслѣдникомъ престола объявлялся двух-мѣсячный младенецъ Іоаннъ (никакой уже ко всероссійскому престолу принадлежащей претензіи, лпін и права не имѣвшій). — Не удовольствуясь этимъ, графъ Остерманъ, къ вящему намъ оскорбленію и явному насъ лишенію престола, въ тоже опредѣленіе не устыдился внести, что, по смерти принца Іоанна, наслѣдуетъ престолъ его братъ, а по смерти того, другой

братъ и другіе принцы, рождаемые отъ принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго и принцессы Мекленбургской (кои и сами ни мало на російской престолъ права не имѣютъ).

«Это опредѣленіе государыня, будучи уже въ крайней слабости, 6-го октября подписала. 17-го же октября, по кончинѣ ея величества, принцъ Іоаннъ, чрезъ Остермана съ бывшимъ фельдмаршаломъ Минихомъ по общему старанію, императоромъ утверждёнъ. — А такъ-какъ въ то время, какъ наша гвардія, такъ и полевые полки были у графа Миниха и у принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго подъ командою, и тако, какъ уже здраво всякому разсудить можно, тогда и вся сила состояла въ ихъ рукахъ, слѣдовательно всё, доброжелательные намъ, наши вѣрноподданные, будучи въ крайней отъ него опасности и утѣсненіи, должны были присягнуть, какъ принцу Іоанну, такъ и правительству надъ нимъ учрежденному, (опредѣленіе о немъ графъ Остерманъ, нося во дворецъ неоднократно, склонилъ ея величество подписать 6-го октября).

«Да они сами, принцъ Антонъ Ульрихъ съ супругою его принцессою Анною, лстясь всеросійскій престолъ удержать, сыну своему съ подпискою ихъ рукъ присягали-же. Но потомъ съ помощью графовъ Остермана, Миниха и Михайла Головкина, презря присягу о правительствѣ, нарушили её, а управление нашей имперіи въ свои руки насильствомъ взяли; причёмъ принцесса Анна самовольно титулъ великой княгини всеросійской (ни мало ей не принадлежацій) взять не устыдилася. Отъ чего, какъ то всѣмъ довольно есть извѣстно, немалые въ нашей имперіи неурядки, и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ крайнія утѣсненія и обиды уже явно начались.

«Кромѣ того, къ вящему нашей собственной персонѣ утѣсненію и опасности, Остерманъ и Головкинъ, съ согласія принца Антона Ульриха и его супруги, сочинили новое опредѣленіе о наслѣдствѣ нашей имперіи, въ силу котораго, еще при жизни принца Іоанна, самую принцессу Анну императрицею всеросійскою утвердить отважились. Такимъ образомъ, видя утѣсненія нашихъ подданныхъ, во время младенчества принца Іоанна (которому и теперь только четырнадцать мѣсяцевъ отъ рожденія), также и чаемые, какъ внут-

реніе имперіи нашей, такъ и внѣшніе неурядки и безпокойства, и впредь худыя слѣдствія; будучи уже и сами мы, нашу императорскою персоною, въ крайнемъ опасеніи, для пресѣченія всего этого, по всеподданнѣйшему къ намъ всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ прошенію, а болѣе всего по прошенію полковъ нашей лейбъ-гвардіи, мы всемилостивѣйше воспріять соизволили нашъ родительскій престоль 25-го числа, сего истекающаго мѣсяца (о чемъ тогда-же изданнымъ манифестомъ объявлено). И хотя принцесса Анна, и сынъ ея принцъ Іоаннъ, и ихъ дочь принцесса Екатерина, какъ уже довольно объяснено выше, ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола, ни почему не имѣютъ; но въ уваженія свойства, которое имѣютъ по матерямъ своимъ, принцесса и принцъ Ульрихъ Брауншвейгскій, къ императору Петру второму; а болѣе того по нашей врожденной къ нимъ императорской милости, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить повелѣли, съ надлежащую имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ, не желая имъ причинять никакихъ огорченій и предавая всѣ ихъ предосудительныя поступки крайнему забвенію» (5).

Если царевна Елизавета Петровна была права, оправдывая свое восшествіе на престоль духовнымъ завѣщаніемъ матери, то съ другой стороны были правы и саповники, передавшіе власть герцогинѣ курляндской: они дѣйствовали такъ, по указу императора Петра I-го (5-го февраля 1722 года), въ силу котораго всякій государь могъ нарушить право первородства и выбирать самопроизвольно наслѣдника престола.

Ееофанъ Прокоповичъ въ 1722-мъ году, «простосердечныхъ ради, но мало свѣдущихъ людей», напечаталъ «Правду воли монаршей, въ опредѣленіи наслѣдника своей державы.» Этотъ актъ, полный схоластической учености и ссылокъ на законописушниковъ древнихъ и новыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, содержалъ въ себѣ такую основную мысль: самодержецъ долженъ избирать наслѣдника державы *не по сественному первенству въ рожденіи, но по усмотрѣнію добродѣтельнаго превосходства* (6).

Указъ государя вмѣстѣ съ сочиненіемъ архипастыря были

сожжены по волѣ императора Петра II-го вмѣстѣ съ другими, обнародованными документами, имѣвшими отношеніе къ процессу Алексѣя Петровича (7). Но Анна Ивановна, вскорѣ по возшествіи своемъ на престолъ, приказала вновь издать и манифестъ 5-го февраля 1722 года, и «Правду воли монаршей», почему и то, и другое получило свою силу. На основаніи этихъ актовъ императрица Екатерина, руководимая Меньшиковымъ, завѣщала Россію, по мимо своихъ дѣтей, Петру II-му. Этотъ государь имѣлъ также право, вопреки духовной императрицы, слѣдуя указу Петра I-го, передать Россію имъ самимъ назначенному наслѣднику; но онъ умеръ скоро и неожиданно. Верховники, передавая власть герцогинѣ курляндской, имѣли долю законности на своей сторонѣ, имъ ввѣрено было опекунство надъ государемъ, имъ перешло право произвольно выбрать *достойнѣйшаго государя не по естественному первенству въ рожденіи, но по усмотрѣнію добродѣтельнаго превосходства*. Причины же, почему верховники нашли *добродѣтельное превосходство* въ герцогинѣ курляндской, и предпочли ее, Екатеринѣ Ивановнѣ Мекленбургской, сестрѣ ея Прасковѣ Ивановнѣ, теткѣ Авдотѣ Оедоровнѣ Лопухиной, двоюродной сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой, невѣстѣ покойнаго государя, все это достаточно разъяснено въ четвертой главѣ нашей статьи: «Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ» и въ прекрасномъ сочиненіи П. К. Щебальскаго: «Восшествіе на престолъ Анны Ивановны» (8).

Анна Ивановна имѣла наслѣдницею престола родную племянницу свою, Анну Леопольдовну, но опять таки, пользуясь манифестомъ Великаго Петра, нашла *добродѣтельное превосходство* во внукѣ своемъ Іоаннѣ. Такимъ образомъ, невинный младенецъ взнесенъ былъ на престолъ не какъ похититель, а какъ государь законный, права котораго признала вся чиновная Россія, всѣ чины государственные.

Цесаревна Елизавета ссылалась на духовное завѣщаніе Екатерины, но въ томъ-же 8-мъ пунктѣ, прямо было сказано: «ежели великій князь (Петръ II) безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ наслѣдствовать царевна Анна съ своими десцендентами, а уже потомъ царевна Ели-

завета и ея десценденты» (9). Четырнадцати-лѣтній Петръ Ульрихъ, сынъ Анны, внукъ Петра I-го, былъ живъ, и по духовной своей бабки имѣлъ болѣе правъ на корону, нежели его тетка.

Въ этомъ случаѣ, всходя на престолъ, помимо племянника, Елизавета Петровна дѣлалась столь-же виновною, сколь, по словамъ ея манифеста, была виновна «принцесса Анна, еще при жизни своего сына, отважившаяся самовольно утверждать себя императрицею всероссійскою» (10).

Перечитывая манифестъ 28-го ноября, нельзя не вспомнить замѣчательныя слова Н. М. Карамзина. Двѣ причины, говоритъ авторъ «Записки о древней и новой Россіи», способствуютъ заговорамъ: «общая ненависть или общее неуваженіе къ властителю. Минихъ, Лестоку и другіе не дерзнули бы на дѣло, противное совѣсти, чести и всѣмъ уставамъ государственнымъ, если-бы сверженные ими властители пользовались уваженіемъ и полною любовью Россіянъ.»

Первые дни царствованія Елизаветы ознаменовались многочисленными собраніями во дворцѣ: какъ выражается современникъ «для разныхъ по тогдашнимъ надобностямъ дѣлъ производителей и зрителей тѣхъ новизнъ» (11).

Посланники иноземныхъ дворовъ слѣшили извѣстить свои кабинеты о совершившейся перемѣнѣ правленія. «Вчера, въ часъ утра, доносилъ 26 ноября англійскій резидентъ Финчъ, принцесса Елизавета отправилась въ казармы Преображенскаго полка, сопровождаемая Воронцовымъ, Лестокомъ, Шварцомъ, какъ кажется ея секретаремъ. Въ главѣ трехъ-сотъ гренадеровъ, которые выступили съ примкнутыми штыками, съ начиненными, ручными гранатами въ сумкахъ, она прямо отправилась въ Зимній-дворецъ... Всѣ приказанія ея были слѣпо выполнены и она въ 3-мъ часу возвратилась въ свой дворецъ. Предъ нимъ стояли полкъ конной гвардіи, да три полка гвардейской пѣхоты. Въ семь часовъ утра Елизавета самодержавной императрицей вступила въ Зимній императорскій домъ.»

«Этотъ переворотъ, добавляетъ Финчъ, сопровождалась награжденіями и арестами, освобожденіями, ссылками и конфискаціями имущества осужденныхъ. Нѣтъ возможности опи-

сать неистовства гвардейцевъ, главныхъ виновниковъ сего событія. Дворъ угождаетъ имъ, ласкаетъ ихъ такъ, какъ будто-бы эти солдаты были полные властелины» (12).

Щедрыя награды посыпались на лица, почему-бы то ни было снискавшія милость новой государыни: 25 ноября княгиня Гессенъ-Гомбургская получила орденъ св. Екатерины (13).

Въ понедѣльникъ, 30-го числа, въ день кавалерскаго праздника св. апостола Андрея, послѣ торжественнаго выхода и обѣдни, государыня пожаловала орденъ Андрея Первозваннаго Александру Ивановичу Румянцову, Григорію Петровичу Чернышеву, Василью Яковлевичу Левашову; кавалерамъ сего ордена Андрею Ивановичу Ушакову, Николаю Ѳедоровичу Головину и Александру Борисовичу Куракину — золотыя цѣпи сего ордена. «Кавалеры» ея прежняго двора П. И. и А. И. Шуваловы, М. Л. Воронцовъ и А. Г. Разумовскій пожалованы дѣйствительными камергерами; адъютантъ конной гвардіи И. И. Чеглоковъ камер-юнкеромъ; бывшій при Петрѣ I-мъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ И. Черкасовъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, ему поручены «комнатныя, письменныя дѣла государыни.» Въ тотъ-же день представлялись государынѣ и благодарили ее за милость князя Василій Владимировичъ и Михайло Владимировичъ Долгоруковы, съ 1739-го года съ лишеніемъ чиновъ заточенные въ шлюссельбургскомъ и ивань-городскомъ казаматахъ. По приказу Елизаветы, они были освобождены и получили обратно чины и ордена (14).

Въ этотъ день, ознаменованный столькими наградами, въ дворцѣ былъ торжественный столъ (въ 12 ч.), въ продолженіи обѣда играла итальянская музыка, во время заздравныхъ тостовъ гремѣли выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ, поставленныхъ предъ дворцомъ. День кончился великолѣпнымъ баломъ, но безъ фейерверка. Ни поэты, ни академики не успѣли заготовить ни панегириковъ, ни высокаторжественныхъ одъ, ни громкихъ надписей къ аллегорическимъ картинамъ.....

Прежде чѣмъ займемся описаніемъ этого непрерывнаго ряда баловъ, торжествъ, прежде чѣмъ станемъ перечитывать указы государыни, оды и проповѣди хвалебныя, перечислимъ

лица, которыя вслѣдъ за преображенскими гренадерами сдѣлались главными дѣйствующими лицами новаго царствованія.

Германъ *Лестокъ*, родомъ французъ, род. въ 1692 году, былъ не болѣе какъ сынъ простаго лѣкаря въ Ганноверѣ. На двадцать второмъ году явился въ Россію, опредѣлился лѣкаремъ къ высочайшему двору и сопутствовалъ Екатеринѣ I-й въ Голландію въ 1717-мъ году. Къ этому времени относится весьма характеристическій анекдотъ, въ послѣдствіи сообщенный Лестокомъ Штелину: «Петръ I-й, рассказываетъ профессоръ аллегорій, любилъ скорую расправу; зачастую соизволялъ изъ собственныхъ рукъ наказывать дубиною, ленькомъ, при томъ такъ, что наказанный долго помпглъ и чувствовалъ дѣйствіе столь сильнаго правосудія». Однажды, во время переѣзда по морю, государь спалъ въ каютѣ; капитанъ баронъ Любрасъ и лейбъ-хирургъ Лестокъ громко спорили на палубѣ; царь проснулся; спорившіе услышали его походку и, боясь за шумъ наказанья, попрятались по угламъ: государь съ ленькомъ въ рукѣ нашелъ на палубѣ только одного араба, подкрался къ нему, схватилъ за волосы и побилъ *изрядно*, приговаривая: «когда я сплю, такъ вы не шумите и не мѣшайте» — оказалось, что арабенокъ ни въ чемъ не виноватъ. «Ладно, сказалъ Петръ, побилъ я тебя напрасно, слѣдовало-бы попотчивать ленькомъ лейбъ-хирурга и капитана, но успокойся, зачти сегодняшніе побои за будущіе проступки.» Въ 1718 году Петръ, по словамъ Штелина, сослалъ Лестока въ Казань за распутное поведеніе. Въ 1725 году возвращенный изъ ссылки, онъ получилъ приказанье находится при цесаревнѣ Елизаветѣ. Намъ уже извѣстно изъ предшествовавшей статьи, какъ дѣятельно и вмѣстѣ съ тѣмъ бесплодно убѣждалъ Лестокъ цесаревну, въ 1730 году, заявить свое право на родительскій престолъ. Въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны лейбъ-хирургъ не имѣлъ никакого значенія. Безпечность Анны Леопольдовны дала ему возможность осуществить прежную мысль (15).

Щедро одаренный деньгами, Лестокъ желалъ удалиться за границу. Государыня не хотѣла и слышать объ этомъ; «хотя твои заслуги превышаютъ всякую награду, сказала Елизавета, но я хочу имѣть удовольствіе наградить тебя

истинно по-царски» (16). «Этого-то я и боюсь, государыня, отвѣчать докторъ, мое возвышеніе породитъ множество завистниковъ и враговъ. Они очернятъ меня въ глазахъ вашего величества и доведутъ до тюрьмы и ссылки.» — Императрица возразила, что это дѣло невозможное, что онъ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ въ ея расположеніи къ нему, что она слишкомъ хорошо знаетъ его преданность къ ней и его заслуги, чтобъ хоть на минуту усумниться въ немъ. Лестокъ успокоился. Пользуясь расположеніемъ императрицы, онъ просилъ ее сдѣлать А. П. Безстужева-Рюмина вице-канцлеромъ. Государыня исполнила просьбу, но сказала при этомъ: «Лестокъ, я боюсь, что ты связываешь для себя самого пукъ розогъ» (17).

Алексѣй Григорьевичъ *Разумовскій*, сынъ малороссійскаго казака, род. въ 1709 году въ селѣ Лемешахъ, Черниговской губернии, Козелецкаго повѣта. Онъ отличался въ церквахъ пріятнымъ голосомъ, посредствомъ котораго, равно и пріятной наружностью, обратилъ на себя вниманіе полковника Вишневскаго. Послѣдній опредѣлилъ его въ придворные пѣвчіе. Цесаревна Елизавета отличила скоро отъ своихъ приближенныхъ красиваго, статнаго, рослаго Малороссійнина. Ему оказывала она въ послѣдніе годы царствованія Анны и Иоанна Антоновича полнѣйшее расположеніе, ему поручала управлять своими помѣстьями. Въ первые-же дни по воцареніи Елизаветы, Разумовскій произведенъ въ дѣйствительные камергеры, а 5-го февраля 1742 года получилъ орденъ св. Анны, сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ: это было только начало тѣхъ наградъ и повышеній, которыя ждали его впередъ.

Надо сказать къ чести Разумовскаго, сего первѣйшаго вельможи временъ Елизаветы, первое время безраздѣльно пользовавшагося ея расположеніемъ, что онъ чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство. Не имѣя ни малѣйшаго образованія, просто сказать не зная грамоты, онъ былъ ласковъ, снисходителенъ и привѣтливъ въ обращеніи съ младшими. «Виутренно человекъ добрый, говоритъ о немъ Щербатовъ, но недалеаго разсудку, Разумовскій, какъ и всѣ казаки, черкасы, склоненъ былъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Степанъ

Федоровичъ Апраксинъ человѣкъ также благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ, и потому хотя и не былъ пьяница, но (въ угодность Разумовскому) не отрекался иногда въ излишность сію впадать.

По словамъ Порошина, Алексѣй Григорьевичъ, до страсти любилъ карты, любилъ вино «и во хмѣлю былъ очень неспокоенъ» (18).

Государыня приказала въ 1741-мъ году выстроить для Разумовскаго богатый дворецъ *Аничковскій*, названный такъ по слободѣ, бывшей на этой сторонѣ Фонтанки, въ которой расположены были морскіе батальоны подъ начальствомъ подполковника Аничкова (19). Какъ Алексѣй Григорьевичъ такъ и всѣ приверженцы новой императрицы получили въ даръ большія земли, со многими сотнями даже тысячами крестьянъ. Замѣчательно, говоритъ И. А. Остерманъ, что и Петръ I-й, и его пріемники, до конца 18 вѣка, охотнѣе жаловали свѣихъ вельможъ 1000 крестьянами, нежели 10,000 рублями (20). Мать Алексѣя Григорьевича, простая крестьянка Наталья Демьяновна, была сдѣлана штатсъ-дамою. Женщина отъ природы неглупая, она, по словамъ Каменскаго, придерживалась старыхъ обычаевъ (21).

Шуваловы Александръ и Петръ Ивановичи, родились въ царствованіе Петра I-го и были сыновья бѣднаго дворянина, который не далъ, да и не могъ дать имъ порядочнаго образованія; тѣмъ не менѣе умѣлъ ихъ помѣстить пажами къ высочайшему двору, гдѣ они красотою своею и ловкостью обратили на себя вниманіе Елизаветы, при которой служили камеръ-юнкерами. Вообще, замѣчаетъ современникъ, въ царствованіе Анны Ивановны дворъ цесаревны старались наполнять такими людьми, которые не были замѣчательны ни знатностью, ни богатствомъ, ни умомъ, ни дарованіями. Особенною любовью Елизаветы пользовался Петръ Ивановичъ, жена котораго Мавра Егоровна пользовалась большимъ значеніемъ при дворѣ, хотя, по словамъ современника, была женщина, исполненная многихъ пороковъ.

Оба Шуваловы въ награду за содѣйствіе, оказанное ими цесаревнѣ во время переворота, были щедро награждены; въ

тотъ-же годъ Александръ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ сдѣланы дѣйствительными камергерами и получили чины генералъ-маіоровъ.

Михайло Ларионовичъ *Воронцовъ*, сынъ тайнаго совѣтника *Л. Г. Воронцова*, род. въ 1714 году; прежде нежели воспитываться гдѣ-нибудь, на 15-мъ году отъ роду, опредѣленъ пажемъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Участіе его въ ночной экспедиціи, 25-го ноября 1741 года, намъ уже извѣстно. За это онъ былъ награжденъ званіемъ дѣйствительнаго камергера. Государыня выдала за него свою двоюродную сестру графиню Анну Карловну Скавронскую. «Брачное торжество *М. Л. Воронцова* съ штатсъ-фрейлиною Анною Карловною Скавронскою совершено было, по словамъ Вѣдомостей, 1742 года января 31-го дня, въ воскресенье, въ придворной церкви, въ присутствіи государыни и всего ея штата. Послѣ окончанія службы ея величество со свитою, предшествовавшая трубачами, литавриками и рейтарами конной гвардіи, присутствовала на обѣдѣ и на балѣ въ домѣ новобрачныхъ. Празднества по сему случаю въ домѣ *Воронцова* и въ покояхъ государыни продолжались три дня со всѣми церемоніями, которыя употреблялись при этихъ случаяхъ въ царствованіе Петра I-го» (22).

Манштейнъ, лично знавшій *Воронцова*, отзывается о немъ какъ о человѣкѣ честномъ, но лишенномъ образованія, что впрочемъ не помѣшало ему, по смерти князя Черкаскаго, сдѣлаться вице-канцлеромъ (23).

«Тихой обычай его», говоритъ *Щербатовъ*, «не позволялъ *Воронцову* оказывать свой разумъ; но, можетъ быть, онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности въ душѣ его обиталъ.»

Шварцъ, по происхожденію нѣмецъ, музыкантъ, искатель приключеній, какъ любитель ихъ, принялъ участіе въ заговорѣ. Кромѣ головы ему нечего было терять. Заговоръ удался, и *Шварцъ* получилъ, съ чинномъ гвардіи полковника, большое денежное награжденіе, и нѣсколько помѣстьевъ (24). Также щедро были награждены служителя цесаревны: *Скворцовъ*, *Ллминъ*, *Вожжисинскій* и *Чуковъ*, люди самаго низкаго происхожденія, они пожалованы дворянствомъ, помѣстьями,

чинами и орденами. *Фуксъ*, поваръ государыни, служившій еще до ея восшествія на престолъ, теперь получаетъ весьма большое, по тому времени, жалованье, и за ревностную службу отечеству всеплотивѣйше пожалованъ чиномъ бригадира.

Маркизь *Штарди* въ первое время послѣ революціи пользовался большимъ значеніемъ при дворѣ. Англійскій резидентъ, отчасти подъ вліяніемъ зависти, писалъ 3-го декабря: «Посланникъ Франціи — первый министръ при русскомъ дворѣ. Правительство осыпаетъ его милостями» (24).

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы возвысились и родственники ея матери *Скавронскіе*, *Ефимовскіе* и *Гендриковы*.

Г. Арсеньевъ въ брошюрѣ «царствованіе Екатерины I-й» обнародовалъ документы, изъ которыхъ видно, что всѣ эти фамиліи были самаго низкаго происхожденія. Забытыя императрицей Анной, онѣ быстро поднялись въ царствованіе Елизаветы, и, не смотря на отсутствіе даже первоначальнаго образованія, заняли высшія мѣста, среди сановниковъ и вельможъ новаго правительства.

У Карла Самуиловича *Скавронскаго*, роднаго брата императрицы Екатерины (25), было два сына, изъ которыхъ Мартынъ Карловичъ, въ царствованіе Анны Ивановны, былъ не болѣе какъ маіоръ Азовскаго пѣхотнаго полка; а въ первые-же дни (5 декабря 1741 г.) царствованія своей двоюродной сестры (такъ доводилась ему Елизавета Петровна) сдѣлалъ камергеромъ высочайшаго двора. Рожденный еще въ крѣпостномъ состояніи, онъ не умѣлъ воспитать свой умъ, но, по словамъ Каменскаго, «наслѣдовалъ отъ родителя душевную доблесть.» (?)

Сестры его, въ царствованіе Анны, незамѣтныя въ штатѣ цесаревны Елизаветы, составили съ ея воцареніемъ блестящія партіи. Софья Карловна выдана за графа Салъгу, Екатерина Карловна за генераль-аншефа барона Николая Андреевича Корфа, сдѣлана статсъ-дамою, а Анна Карловна, вышедшая за М. Л. Воронцова, пожалована званіемъ оберъ-гофмейстерши.

У Екатерины I-й были еще двѣ сестры. Одна называ-

лась Анна, была въ замужествѣ за Михайломъ Ефимовскимъ, другая Христина за Семеномъ Гендриковымъ.

Ефимовскіе получили отъ Елизаветы графское достоинство. Въ одномъ изъ имянныхъ указовъ Сенату (26), по поводу просьбы лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручика графа Ивана Михайловича Ефимовскаго и тяжбѣ его съ Балкомъ сказано было, что дѣло это рѣшено, въ 1737-мъ году, въ пользу Балка потому, что «въ тогдашнее время отъ немилости сестры нашей, императрицы Анны Ивановны не токмо къ онимъ Ефимовскимъ, но и ко всѣмъ *сроднымъ* фамиліямъ нашей любезнѣйшей матери Екатерины Алексѣевны, яко Скавронскимъ и Гендриковымъ, и ко утѣсненію ихъ учинено, пбо и запрещеніе въ продажѣ деревень всѣмъ учинено безъ всякой причины». Иванъ Михайловичъ Ефимовскій, вскорѣ по вступленіи Елизаветы, получилъ чинъ генераль-маіора, поступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ Братъ его Андрей сдѣланъ камергеромъ; Андрей Симоновичъ Гендриковъ, сдѣланный графомъ, вмѣстѣ съ братомъ Ивановомъ, явились при новомъ дворѣ камергерами. Сестра Марія Симоновна была въ замужествѣ за камергеромъ И. И. Чеглоковымъ, чѣмъ и доставила послѣднему возможность получать чины и ордена. Какъ Ефимовскіе, такъ и Гендриковы, кромѣ близкаго родства своего съ царствующей императрицей, не отличили себя никакими другими достоинствами. По словамъ Каменскаго и другихъ, они были люди менѣе, нежели посредственнаго ума, чуждые малѣйшаго образованія; кромѣ того, поведеніе ихъ были далеко не безукоризненно. Умиѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ былъ, по свидѣтельству Щербатова, Николай Наумовичъ Чеглоковъ, но и тотъ былъ недалекъ.

Чрезвычайно важное вліяніе имѣлъ на Елизавету, въ первый годъ ея царствованія, Алексѣй Михайловичъ Черкасской. Государыня утвердила за нимъ званіе канцлера, и постоянно величала его *великимъ* канцлеромъ. Жена его, княгиня Марія Юрьевна была назначена штатсъ-дамою, дочь ихъ Варвара Алексѣевна — камеръ-фрейлиною. Хотя Черкасской управлялъ при ней иностранными дѣлами не болѣе года (6 ноября 1742 г. опъ скончался), но, приспособляясь къ ея характеру

и ея слабостямъ, успѣлъ снискать довѣренность не ограниченную. Тучность, неповоротливость, важное молчаніе, помогавшее ему прослыть весьма умнымъ человѣкомъ, угодливость, доведенная до послѣдней степени, и рабское исполненіе дворцовыхъ этикетовъ были отличительными чертами Черкаскаго (27).

До какой степени *великій* канцлеръ всероссійской имперіи былъ робокъ, мнителенъ и занимался мелочами, можно видѣть изъ слѣдующаго достовѣрнаго анекдота: однажды онъ велѣлъ ночью разбудить тайнаго совѣтника Бреверна, служившаго въ иностранной коллегіи, для того только, чтобы узнать отъ него: какія заглавныя литеры должно ему выставить въ отвѣтномъ письмѣ къ герцогу мекленбургскому, при подписи имени: большія или малыя?

Вотъ, что писала о немъ въ 1737 г. лэди Рондо: «князь Черкаской, первый вельможа по богатству, у него свыше 70-т. душъ крестьянъ, народъ считаетъ его лучшимъ сановникомъ (?). Что касается до его наружности, то онъ гораздо больше въ ширину, нежели въ длину; большая голова его лежитъ на лѣвомъ плечѣ, громадное-же брюхо перегибается къ правой сторонѣ. Глаза большіе безъ всякаго выраженія. Ноги весьма короткія, всегда въ ботфортахъ; наконецъ онъ такъ молчаливъ, что въ трезвомъ видѣ, кажется, ни съ кѣмъ и никогда не говорилъ. Вообще, какъ кажется, онъ многого не придумаетъ, и никому не помѣшаетъ своимъ краснорѣчіемъ».

«Князь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Щербатовъ, лично его знавшій, человѣкъ съ громаднымъ богатствомъ соединялъ умъ весьма посредственный. Былъ лѣнивъ, въ дѣлахъ мало знающъ, и однимъ словомъ таскалъ, а не носилъ свое имя. Гордился непомернымъ богатствомъ и, въ угодность государынѣ, жилъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Одежды его были отягощены золотомъ и серебромъ, блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Экипажи, къ которымъ онъ и охоты не имѣлъ, были самыя модныя, и въ то же время самыя дорогіе. Столъ великолѣпный, прислуга многочисленная, и вообще жизнь такова, что неразъ ему случалось государыню, нечаянно къ нему заѣхавшую, со всѣмъ своимъ штатомъ, угощать такъ,

какъ-будто зналъ о ея прїѣздѣ, хотя никакихъ приготовленій для встрѣчи и не дѣлалось. А все это ставилось Черкасскому въ большую заслугу и достоинство. И онъ во всѣхъ случаяхъ у двора, не смотря на разныя переменны, всегда пользовался почетомъ и уваженіемъ» (28).

Всгдъ за Алексѣемъ Михайловичемъ Черкаскимъ, быстро возвысился, въ годъ восшествія на престолъ Елизаветы, зять его графъ Петръ *Шереметьевъ*, сынъ фельдмаршала, человекъ очень богатый, но ума недалняго, въ царствованіе Анны Ивановны дослужившійся только до капитанскаго чина. Новая императрица вознаградила его неудачи и терпѣніе. Пожалованный дѣйствительнымъ камергеромъ, онъ вскорѣ послѣ того сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Анны (29).

Василій Ѳедоровичъ *Салтыковъ*, меньшій братъ супруги царя Ивана Алексѣевича, былъ стольникъ въ царствованіе Петра и въ 1730-мъ году удался въ свою подмосковную. Племянница его Анна Ивановна, взожда на престолъ, отправила къ нему гвардіи подполковника съ приглашеніемъ въ столицу, объявивъ посланному, что за неудачу онъ будетъ отвѣчать головой. Это убѣдило Василя Ѳедоровича исполнить волю племянницы; за послушаніе Салтыковъ былъ щедро награжденъ. Въ девятилѣтнюю службу онъ дослужился до генераль-аншефа. Не смотря на то, что Іоаннъ Антоновичъ былъ правнукъ родной сестры его, вопреки собственнымъ выгодамъ, Василій Ѳедоровичъ дѣятельно помогалъ Елизаветѣ. Поведеніе его въ ночь на 25 ноября 1741 года намъ уже извѣстно. Впрочемъ Салтыковъ, равно какъ и жена его Марія Алексѣевна штатсъ-дама при Елизаветѣ и дочь ихъ Анна Васильевна фрейлина, не долго пользовались при дворѣ новой государыни милостями, новые царедворцы замѣнили старыхъ. Шаховской въ своихъ запискахъ прямо говоритъ, что Василій Ѳедоровичъ былъ ума крайне ограниченнаго, Впрочемъ.... сердце имѣлъ доброе. Извѣстный уже намъ генераль-поручикъ П. С. Салтыковъ, родственникъ Василя Ѳедоровича, былъ извѣстенъ при дворѣ особымъ талантомъ — онъ умѣлъ дѣлать разныя фигуры изъ пальцевъ, по словамъ Порошина, умѣлъ въ одно и тоже время вертѣть въ одну сторону правою рукою, а въ другую правою по-

гою: подобныя способности выдвигали его изъ толпы менѣе способныхъ царедворцевъ.

Особенными милостями и расположеніемъ государыни пользовался въ первое время ея царствованія *принцъ Людовикъ Гессенъ-Гомбургскій*. Въ царствованіе Анны Ивановны въ званіи генералъ-фельдцейхмейстера, управляя всею артиллеріею, и будучи директоромъ военной коллегіи, онъ то и другое вѣдомство довелъ до совершеннаго разстройства. Съ характеромъ слабымъ, сварливымъ, принцъ Гомбургскій перессорился со всѣмъ Петербургомъ. Лишенный образованія, хорошихъ манеръ, злой, завистливый, онъ, по словамъ Манштейна, былъ сплетникъ, интриганъ и способенъ на всѣ низости. Какъ онъ, такъ и жена его Анастасія Ивановна, урожденная Трубецкая (Щербатовъ ошибочно называетъ ее Катериной Ивановной), знали о замыслахъ Елизаветы, частью помогали имъ, почему и были осыпаны наградами. Въ первые мѣсяцы, Елизавета была къ нимъ особенно благосклонна. Въ Вѣдомостяхъ 1741-го года между прочимъ объявлено (30):

«Въ понедѣльникъ 7 декабря, послѣ полудня, изволили ея величество при тогдашней изрядной погодѣ (31) санною ѣздой забавляться, а притомъ заѣзжать къ господину генералу-фельдцейхмейстеру князю Гессенъ-Гомбургскому и у него нѣсколько времени пробыть».

Впрочемъ, если вѣрить Манштейну, принцъ Гессенъ-Гомбургскій пользовался благосклонностью императрицы только въ первые мѣсяцы ея царствованія: скоро узнали (?), что онъ за человѣкъ. Онъ потерялъ даже и тотъ почетъ, которымъ пользовался въ предшествовавшія царствованія. Препираемый въ армии за свою трусость, при дворѣ за шутство (?), онъ носилъ прозваніе маршала скомороховъ.

Вмѣстѣ съ княземъ А. М. Черкасскимъ сильное, и очень часто весьма вредное, вліяніе на новое правительство имѣлъ князь Никита Юрьевичъ *Трубецкой*. Въ годъ ннштадтскаго мира онъ былъ не болѣе какъ деньщикъ Петра I-го. «Этотъ молодой человѣкъ, писалъ о немъ Берхгольдъ, пользуется расположеніемъ царя. Онъ говоритъ по-нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ» (32).

Въ званіи генераль-крюгсъ-коммисара, Трубецкой, по словамъ современниковъ, во время славной Турецкой войны 1736—1739, успѣлъ показать всю свою неспособность военнаго администратора. Нерасположеніе добродушной Анны Леопольдовны къ умному, честолюбивому, пронырливому, злому и мстительному Трубецкому, такъ отзываются о немъ всѣ современники, послужило ему въ пользу: при дворѣ Елизаветы онъ вошелъ въ силу; пожаловавъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генераль-поручикомъ. Тѣсная дружба соединяла его съ княземъ А. Д. Кантемиромъ, который посвятилъ ему седьмую свою сатиру. Нашъ Ювеналь (поведеніе котораго, какъ политическаго дѣятеля, въ 1730-мъ году далеко не безукорыненно) описываетъ друга своего: «что онъ съ правомъ честнымъ, тихимъ, соединялъ совѣсть чистую.» Когда дошла до Кантемира вѣсть въ Парижѣ (гдѣ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ), что князь Никита Юрьевичъ пожаловавъ генераль-прокуроромъ, онъ изъяснилъ ему чувства свои въ особомъ посланіи, описалъ въ стихахъ обязанность на него возложенную, «въ *общей пользѣ*» совѣтовалъ находить собственную; надѣялся, что Трубецкой, оставивъ богиню войны, украсившую чело его лаврами, прерветъ долговременное молчаніе:

«И такъ довольно терпѣлъ я урону;

«Косно безъ писемъ мнѣ скучны дни течь мнятся,

«Какъ понамъ праздникъ безъ прру, безъ звону» (33) и т. д.

Нечего и говорить, что мнѣніе Кантемира о своемъ другѣ весьма пристрастно. Трубецкой не могъ украсить себя лаврами на бранномъ полѣ, никогда не предводительствуя войсками.... Мы его еще увидимъ въ званіи генераль-прокурора; совѣты Кантемира остались безъ примѣненія. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что князь Никита Юрьевичъ умѣлъ необыкновенно искусно лестью обманывать государыню, лестью привлекать на свою сторону и ея любимца, Разумовскаго; братъ его, князь Иванъ Юрьевичъ, бывший генераль-губернаторомъ московскимъ въ 1739 году, и во время революціи жившій въ отставкѣ, былъ вновь призванъ на службу и нареченъ сенаторомъ (34).

Дюкъ де-Лирія еще въ 1729 году писалъ, что фельд-маршалъ князь *Иванъ Трубецкой* былъ до крайности простъ, въ высшей степени гордъ, тщеславенъ, сильно заикался, въ военномъ искусствѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; его во все не уважали (35).

Графъ Григорій Петровичъ *Чернышевъ*, генераль-аншефъ въ 1730 году, въ первые-же дни по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Жена его, княгиня Авдотья Ивановна, была сдѣлана штатсъ-дамою. Бергманъ, въ исторіи Петра I-го, говоритъ, что необыкновенное величіе души и обширный умъ человѣка государственнаго графъ Григорій Петровичъ показалъ въ слѣдующемъ поступкѣ. Въ первые годы царствованія Елизаветы онъ проѣзжалъ чрезъ городъ Калугу; *граждане* вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью. Подходя къ сановнику, они раздѣлились на двѣ части. По спросу вельможи оказалось, что двѣ толпы, двѣ враждебныя другъ другу партіи. Это сильно огорчило администратора, оскорбленнаго уже тѣмъ, что предъ его свѣтлыя очи *граждане* дерзнули предстать, не оставя свои ссоры и распри. «Плетей!» закричалъ онъ гренадерамъ. За ними дѣло не стало. Тщетны были просьбы, моленія, вопли и слезы. Непщадная *съкуція* уничтожила мятежь калужскихъ *гражданъ*. Они, по словамъ Бергмана, долго помнили *горячій Чернышевскій миръ*. Последнее извѣстіе безъ сомнѣнія справедливо (36).

Сынъ сего достославнаго администратора, графъ Иванъ Григорьевичъ *Чернышевъ* пожалованъ былъ камергеромъ высочайшаго двора. «Человѣкъ, по словамъ Щербатова, не столько умный, сколько изворотливый, совмѣщавшій въ себѣ всѣ необходимыя свойства истиннаго придворнаго, онъ былъ чрезвычайно сластолюбивъ. Къ несчастію Россіи, Чернышевъ много путешествовалъ за границу; гдѣ замѣчалъ только то, что сластолюбіе и роскошь породили. Онъ все перенялъ, все привезъ въ Россію и добромъ этимъ всячески старался снабдить свою отчизну. Онъ одѣвался съ необыкновенною роскошью и по первой модѣ. Платьевъ у него было множество; онъ однажды выписалъ заразъ 12 кафтановъ. Столъ отличался роскошнѣйшими яствами. Экипажи блестяли золотомъ,

ливрей пажей его были шиты серебромъ. Вина славились по Петербургу, они были самыя драгоцѣнныя.

Все это упрочило за Чернышевымъ извѣстность человѣка съ большимъ вкусомъ. Онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ при дворѣ, и женился на Ефимовской, двоюродной сестрѣ государыни.

Преданнѣйшіе слуги Петра I-го *Александръ Румянцевъ* и *Андрей Ушаковъ*, нѣкогда ознаменовавшіе себя дѣятельнымъ участіемъ въ судѣ и осужденіи царевича Алексѣя и его сторонниковъ, были возвеличены въ числѣ первыхъ сановниковъ.

Сынъ бѣднаго костромскаго помѣщика, по другимъ сказаніямъ сынъ крестьянина, генераль-аншефъ А. И. Румянцевъ возведенъ Елизаветою Петровною въ графское достоинство, сдѣланъ сенаторомъ, получилъ нѣсколько лифляндскихъ деревень.

Вотъ, какъ отзывается о немъ В. А. Нащокинъ, вообще чрезвычайно осторожный въ своихъ приговорахъ: «Румянцевъ былъ болѣе счастливъ, нежели способенъ къ занимаемымъ имъ должностямъ. Былъ храбрый солдатъ, но генераль безъ знаній, безъ искусства и безъ достаточнаго ума. Будучи посломъ, держался только умнымъ и опытнымъ секретаремъ. Сенаторъ — самый обыкновенный. Въ совѣтахъ постоянно приставалъ къ той сторонѣ, гдѣ былъ его начальникъ» (37). Фельдмаршалъ Минихъ писалъ о немъ между прочимъ такъ: «Румянцевъ любострастенъ, занимается карточною игрою, встаетъ поздно, сварливъ и очень непокоенъ, когда выпиваетъ лишнюю рюмку вина, что съ нимъ бываетъ часто».

Андрей Ивановичъ Ушаковъ, сынъ очень бѣднаго новгородскаго дворянина, ходилъ въ лаптяхъ; какъ недоросль дворянскій долженъ былъ поступить въ солдаты; его забрали въ Преображенскій полкъ. Ростъ, сила, проворство, смысленность и расторопность, помогли Ушакову составить самую блестящую карьеру, не смотря на то, что онъ и въ послѣдствіи едва выучился разбирать грамоту и подписывать свое имя.

Въ 1736-мъ году Ушаковъ уже былъ генераль-аншефомъ, а въ 1741-мъ году правительница Анна Леопольдовна сама возложила на него орденъ св. Андрея Первозваннаго.

25-го ноября 1741 года Елизавета не только утвердила за Ушаковымъ орденъ и пожалованные ему чины, но оказывала постоянно благоволеніе и осыпала повыми наградами. Хитрый интриганъ, Ушаковъ, съ неизмѣнными спутниками своими княземъ Куракинымъ и адмираломъ графомъ Головиннымъ (человѣкомъ боязливымъ, малодушнымъ, но пронырливымъ), съ неподражаемымъ искусствомъ лавировали между тысячами подводныхъ камней придворной жизни. Участвовалъ во всѣхъ заговорахъ, во время отставали отъ партій слабѣйшихъ и примыкали къ партіи сильнѣйшей.

Управляя тайною канцеляріею, Ушаковъ производилъ жесточайшія претязанія; но въ обществахъ, такъ рассказываетъ Каменскій (38), отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и владелъ особеннымъ даромъ вывѣдывать образъ мыслей собесѣдниковъ.

Другъ Ушакова, князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ*, оберъ-шталмейстеръ высочайшаго двора съ умомъ крайне ограниченнымъ, умѣлъ угождать Бирону лошадьми, льстилъ ему словами и своими шутками; по словамъ Щербатова, умѣлъ вызвать улыбку на серьезное лицо государыни; шутовство Куракина спасало его отъ многихъ бѣдъ: ради умѣнья смѣшить, Александру Борисовичу, благополучно сходили съ рукъ всякаго рода *продерзости*, сказанны имъ въ *зазорномъ* видѣ. Свойству своему съ Куракинымъ Никита Ивановичъ *Панинъ*, обязанъ своимъ возвышеніемъ. Въ 1741-мъ году красивый, любезный, уже достаточно образованный, молодой Панинъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ; едвали это былъ неединственный человѣкъ, достойный своего званія.

Государыня не забыла особенныхъ заслугъ, оказанныхъ въ отношеніи къ ней *А. Б. Бутурлинымъ*. Статный, красивый камергеръ ея двора, онъ имѣлъ счастье еще въ 1728 году, однимъ изъ первыхъ, пользоваться ея безграничною довѣренностію и самымъ теплымъ расположеніемъ. Генералъ-лейтенантъ въ 1740 году Бутурлинъ былъ произведенъ Елизаветой въ полные генералы, ему поручено управление всей Малороссіи. Кромѣ красивой фізіономіи и атлетическаго сложенія Бутурлинъ не имѣлъ другихъ достоинствъ. Какъ

полководецъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ познаній въ военномъ искусствѣ.

Для славы царствованія Елизаветы фельдмаршалъ Петръ Ласси не подвергся опалѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, а остался въ прежней силѣ и прежней милости. Чуждый всякихъ партій, онъ и не подозрѣвалъ о замыслахъ цесаревны. Въ три часа ночи, на 25 ноября, его разбудилъ посланный отъ новой императрицы съ вопросомъ: «къ какой вы принадлежите партіи?» «Къ царствующей!» отвѣчалъ фельдмаршалъ, боясь ошибиться (39).

Опытный, неустрашимый полководецъ Петръ Петровичъ Ласси съ умомъ, достаточно образованнымъ, соединялъ доброе сердце, возвышенныя чувства, пользовался любовью и уваженіемъ.

Возвышая новыхъ царедворцевъ, щедро награждая за ихъ преданность и услуги, Елизавета не забыла давнишній обычай: каждый изъ государей и государынь, принимая бразды правленія, возвѣщали восшествіе на престоль освобожденіемъ лицъ подвергшихся ссылкѣ и заточенію.

Анна Леопольдовна, не ссылая никого кромѣ Бирона, возвратила изъ Сибири цѣлыя толпы ссыльныхъ. Одного года было слишкомъ мало, для того, чтобъ вывести оттуда всѣ тысячи сосланныхъ, неизвѣстно за что, неизвѣстно по какому праву и суду.

Князь *Долгорукій* былъ первый, котораго поспѣшила освободить Елизавета. Василій Владиміровичъ былъ крестный отецъ новой императрицы (40).

Генералъ-поручикъ и кавалеръ Андрея Первозваннаго еще въ 1711 году, одинъ изъ первѣйшихъ сановниковъ Петра I-го, онъ былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя въ 1718 году. Лишенный чиновъ, знаковъ отличій, деревень, онъ былъ сосланъ въ Казань. И только въ 1724 году государь возвратилъ ему шпагу и свободу, дозволивъ начать службу съ чиномъ бригадира. Черезъ два года, съ прежними орденами, онъ получилъ чинъ генералъ-аншефа. Съ паденіемъ Меншикова, Долгорукіе, завладѣвшіе всѣми его сокровищами, сдѣлались первыми вельможами въ Россіи. Молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій сталъ другомъ и на-

перстникомъ государя, столь любимымъ, что даже спалъ съ нимъ на одной постели. Оберъ-камергеръ, кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, капитанъ гвардіи, онъ вмѣстѣ съ своими родственниками, по произволу, правилъ Россію. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, по словамъ Щербатова, подверженъ былъ всѣмъ страстямъ, не имѣя нужды ихъ обуздывать. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе, смѣнили прежній порядокъ. «Скажу къ стыду этого времени, говоритъ Щербатовъ, что слюбился Иванъ Долгорукій, или лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ, между другими, жену князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, урожденную Головкину, и не только съ ней жилъ явно, но въ частыхъ сходкахъ у князя Трубецкаго съ молодыми товарищами пилъ до крайности, ругалъ и билъ холопна, бывшаго въ то время генераль-маіоромъ и терпѣливо сносившаго побои и позоръ своей жены.

«Мнѣ случилось слышать, продолжаетъ современникъ, что однажды князь Иванъ Алексѣевичъ, будучи въ домѣ князя Трубецкаго, послѣ града ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть генераль-маіора за окошко и, еслибы камеръ-юнкеръ С. А. Лопухинъ не удержалъ Долгорукова, будущій генераль-прокуроръ вылетѣлъ-бы изъ окна». Дѣйствія Долгорукихъ въ 1730 году извѣстны. «Они ревниво оберегали свою власть надъ избранною императрицею, въ слѣдствіе этого, говоритъ тотъ-же современникъ, они великую имѣли осторожность дабы кто какой записки, подходя къ рукѣ Анны Ивановны, не подаль бы ей; съ этой цѣлью, каждый изъ Долгорукихъ, дежурившій при государынѣ, приказывалъ всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назадъ, не принимая монаршей руки на свою, какъ это обыкновенно дѣлается»; осторожиѣ всѣхъ Долгорукихъ вѣлъ себя, въ это время, князь Василій Владиміровичъ (25 февраля 1728 года возведенный въ достоинство генераль-фельдмаршала); первое время онъ и не подвергся вмѣстѣ съ своими родственниками ссылкѣ, напротивъ сохранилъ даже званіе фельдмаршала; но это было очень недолго. Супруга его отзывалась на счетъ императрицы въ неприличныхъ выраженіяхъ, и 23 декабря 1731 года, по доносу Гессенъ-Гомбургскаго принца Людовика (41),

Долгорукій арестованъ, лишень чиновъ, знаковъ отличій, сосланъ въ крѣпость Иванъ-городъ близъ Нарвы, гдѣ содержался подъ стражайшимъ карауломъ. Въ 1739 году, когда въ Новгородѣ казнены его свойственники, Василій Владиміровичъ переведенъ въ вѣчное заключеніе въ Соловецкій монастырь. Онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, *вдавъ коварныя наипренія своимъ родственникамъ, не донесъ государыню*. Единственнымъ развлеченіемъ его въ это время было ходить въ церковь. Нѣтъ кажется сомнѣнья, что Василій Владиміровичъ былъ уже освобожденъ Анною Леопольдовою, потому что въ день восшествія на престолъ своей крестницы онъ уже былъ въ С. Петербургѣ. Семидесяти-лѣтній старецъ былъ принятъ отменно ласково крестницею, которая не иначе его называла какъ *батюшкой*.

Братъ Василья, князь *Михайло Владиміровичъ*, также сосланъ въ Соловецкъ, 12 ноября 1739 года; онъ въ одно время освобожденъ изъ заточенья съ фельдмаршаломъ, 30 ноября ему возвратили чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ордена и деревни. Сынъ его, Василій Михайловичъ, въ послѣдствіи знаменитый *Долгорукій-Крымскій*, изъ простыхъ армейскихъ офицеровъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Анны, сдѣланъ генераль-адъютантомъ у своего роднаго дяди, генераль-фельдмаршала (42).

Дюк-де-Лирія такъ характеризуетъ князей Василья и Михайла Владиміровичей. Фельдмаршалъ Долгоруковъ человекъ умный, храбрый, имѣетъ свѣдѣнія о военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться, часто доводилъ искренность до излишества; другъ искренній, врагъ непримиримый, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, весьма немногихъ русскихъ сановниковъ, которые приносятъ честь своей отчизнѣ; тѣмъ неменѣе Долгорукій былъ въ высшей степени гордъ и тщеславенъ. Въ этомъ-же упрекаетъ его И. А. Остерманъ. Чтожъ касается до брата Михайла, то онъ, по словамъ того-же современника, былъ самый надменный и тщеславный человекъ. Для него все было бездѣлица; онъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобы только достигъ своей цѣли. Ума у него было немного; лгалъ безъ стыда, безъ совѣсти, былъ лукавъ, кромѣ себя, не любилъ никого, скупъ до чрезвычайности;

словомъ, заключаетъ де-Лирія, въ немъ ничего не было путнаго.

Вмѣстѣ съ старѣйшими въ родѣ Долгорукихъ прощены и пожалованы разными милостями князь *Николай Алексѣвичъ*, 2-й братъ колесованнаго Ивана Долгорукова. Сосланный въ Березовъ, онъ въ 1739 лишенъ части языка. Возвращены 3-й и 4-й братья *Алексѣй* и *Александръ*, тогда-же отправленные въ Камчатку и въ Березовъ матросами.

Княжна *Екатерина Алексѣевна Доморокова*, невѣста Петра II-го, послѣ 10-ти лѣтняго заточенія въ монастырѣ, была освобождена Елизаветой и выдана замужъ за генералъ-лейтенанта графа Брюса.

Наталья Борисовна, дочь славнаго фельдмаршала Шереметьева, жена злополучнаго Ивана Долгорукаго, удалилась въ слѣдъ за нимъ въ Сибирь, въ изгнанье. Въ 1739 году мужа ея колесовали. Наталья брошена въ темницу; она три года не знала объ участи своего мужа; Елизавета возвратила ей свободу, прежнее званье, но не могла возвратитъ счастья: милаго ей супруга. Тщетно государыня приглашала ее ко двору, старалась разсѣять ея скорбь неутѣшную, принуждала раздѣлять свои увеселенія. Долгорукова поспѣшила въ монастырь (42).

Иванъ Антоновичъ *Черкасовъ*, сосланный по дѣлу Долгорукихъ въ Астрахань, также былъ возвращенъ Елизаветой Петровной, которая сдѣлала его своимъ кабинетъ-секретаремъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Князь Михайло Андреевичъ *Бьлосельскій*, начавшій службу при Петрѣ I-мъ во флотѣ, на семнадцатомъ году отъ рожденія исполнявшій его порученія за-границей, при Биронѣ былъ сосланъ въ Оренбургъ. Возвращенный послѣ паденія Бирона, онъ былъ назначенъ волею Елизаветы экипажъ-мейстеромъ (43).

Ганкибаль, Авраамъ Петровичъ, арапъ купленный русскимъ посломъ въ Константинополь, въ послѣдствіи поручикъ гвардіи, сосланный императрицей Анной (по дѣлу своихъ свойственниковъ Долгорукихъ), бѣжалъ изъ Томска, мѣста ссылки, и, по совѣту Миниха, скрылся въ ревальской деревнѣ отъ преслѣдованій Бирона. Десять лѣтъ провелъ Ганкибаль въ своемъ убѣжищѣ. Лишь только вѣсть о восшествіи на

престоль Елизаветы дошла до него, онъ написалъ ей: «помяни мя, егда приидеши во царствіе твое». Императрица немедленно призвала Ганнибала къ себѣ, произвела въ бригадры и пожаловала иѣскольскими деревнями въ Исковской и Петербургской губерніяхъ (44, 45).

Архіепископъ Варлаамъ *Ванатовичъ*, преданный въ 1730 году суду тайной канцеляріи, за то, что въ одинъ высоко-торжественный день не служилъ молебна, по приговору сената и конфирмаціи государыни, разжалованный въ званіе простаго монаха былъ сосланъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь. Елизавета освободила его въ 1741 году изъ жестокаго и тѣснаго заточенія и возвратила санъ архіерейскій (46).

Юрловъ, избѣгая наказанія за учиненное пмъ воровство, о чемъ повѣствуетъ Голиковъ въ анекдотахъ о Петрѣ I-мъ, постригся подъ именемъ Льва въ Вологодскомъ монастырѣ. Въ 1727 году Юрловъ былъ Воронежскимъ архіепископомъ, въ 1730 г. декабря 3-го за то, что, выжидая синодальнаго указа, не поспѣшилъ приводомъ прихожанъ къ присягѣ, былъ разстриженъ, нещадно выпоротъ кнутомъ и сосланъ въ Архангельскій монастырь. Елизавета Петровна освободила его изъ ссылки и возвратила санъ архіерейскій (47).

Преданные слуги Петра I-го *Скорняковъ-Писаревъ*, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, и Антошъ *Девьеръ*, оберъ-полицеймейстеръ петербургскій, по волѣ Меньшикова, лишенные въ 1727 году чиповъ, пмѣній, выпоротые кнутомъ, были отправлены въ Камчатку. Декабря 1-го, 1741 года, Елизавета Петровна приказала возвратитъ ихъ изъ Охотска (48). Девьеръ обратно получилъ графское достоинство, прежній чинъ генераль-лейтенанта, имѣнье и орденъ св. Александра Невскаго; Елизавета снова опредѣлила его оберъ-полицеймейстеромъ (онъ ум. 1745 г.).

Также возвращены были изъ ссылки *Сиверсъ* и *Финкъ*. Виновиномъ ихъ заточенія въ 1730 году, по словамъ Маштейна, былъ графъ Минихъ. Но И. А. Остерманъ, въ своихъ запискахъ, оправдываетъ фельдмаршала: «Петръ II-й, говоритъ Остерманъ, отправляясь на коронацію въ Москву, поручилъ графу Миниху управление новой столицы. Императрица Анна, утвердивъ его въ званіи губсрнатора петер-

бургскаго, приказала тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда Минихъ приводилъ къ присягѣ войска и жителей Петербурга, Сиверсъ медлилъ приводить къ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей.

«Въ то же время Сиверсъ и Финкъ публично осуждали сдѣланное неправосудіе въ исключеніи отъ наслѣдства престола цесаревны Елизаветы. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ по случаю вступленія на престолъ герцогини курляндской, графъ, подавая бокаль шампанскаго, предложилъ выпить за здоровье императрицы. Сиверсъ отказался, сказавъ: «тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрныя извѣстія о ея воцареніи. Этотъ случай, добавляетъ И. А. Остерманъ, рассказывалъ мнѣ самъ фельдмаршалъ; выполняя свою должность, онъ долженъ былъ о случившемся довести государынѣ» (49).

Лица, замѣшанныя въ процессѣ А. П. Волынскаго, заточенные и сосланные, были освобождены Елизаветой; въ числѣ ихъ былъ *Θ. И. Соймоновъ*, оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, генераль-крюгсъ-коммисаръ и вице-адмиралъ; какъ другъ Волынскаго, онъ былъ подвергнутъ въ 1740 году (50) строгому слѣдствію, пыткамъ, суду, лишенію чиновъ, дворянства, нещадно выпоротъ кнутомъ, сосланъ въ Охотскъ, гдѣ причисленъ къ работникамъ тамошняго соловареннаго завода. Елизавета Петровна *позволила Соймонову жить, гдѣ пожелаетъ*, возвратила шпагу и велѣла «прикрыть его знаменемъ, дабы никто не порицалъ наказаніемъ». Но онъ долго оставался безъ всякаго званья, не имѣя покровителей и ходатаевъ у двора. Облегчена была участь Платона *Мусина-Пушкина*, но этому же дѣлу заточеннаго въ Соловецкъ. Но онъ не получилъ обратно своего имуществва, что видно изъ слѣдующаго объявленія конторы конфискаціи П. Вѣдомостей (1742 г. февраль с. 101); «отписныя Платона Мусина-Пушкина алмазныя и другія вещи продаваться будутъ въ конторѣ съ аукціона» далѣе слѣдуетъ росписаніе дней. Судьба остальныхъ страдальцевъ по дѣлу Волынскаго была облегчена еще прежде добродушной правительницей. Тѣмъ не менѣе, Елизавета сдѣлала еще нѣкоторыя распоряженія по сему случаю: такъ указомъ отъ 15

іюня 1742 г. жену казеннаго *Хруцова*, Анну Александровну, равно сыновей и дочерей ея, приказано «сею казнію не прицать, понеже онѣ винамъ *Хруцова* непричастны». Секретарю *Судѣ*, пытанному огнемъ, выпоротому плетьми, сосланному въ Камчатку, дозволено жить въ Петербургѣ.

Елизавета не забыла и то, что *Биронъ* въ послѣднее время своего владычества былъ особенно къ ней внимателенъ, предупредителенъ, платилъ за нея долги, увеличилъ содержаніе, наконецъ помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, впрочемъ, не иначе, какъ обручивъ съ своимъ сыномъ *Петромъ*; тѣмъ не менѣе все это было очень важно въ глазахъ новой императрицы, и она послѣшила облегчить участь герцога курляндскаго. Приговоренный къ смертной казни за разныя государственныя преступленія, но, по милости добродушной правительницы, лишенный только чиновъ, знаковъ отличія, всего имущества, *Биронъ* съ семействомъ былъ сосланъ въ Сибирь въ вѣчное заточеніе. 5-го ноября 1741 года, онъ прибылъ въ Пелымъ, гдѣ и поселился въ домѣ, выстроенномъ для него по плану *Миниха*. 20 декабря того же года, временщикъ прежняго царствованія получилъ указъ новой императрицы, она позволила ему жить въ Ярославлѣ; онъ могъ всѣхъ принимать, охотится и получать 8000 ежегоднаго содержанія. Братъ *Бирона Густавъ* вновь былъ принятъ на службу, но онъ вскорѣ умеръ въ С. Петербургѣ; старшій братъ *Карлъ Биронъ*, генераль-аншефъ, также сосланный въ Сибирь, получилъ отпускъ въ Курляндію, гдѣ и жилъ въ своихъ имѣніяхъ. Генераль *Бисмаркъ*, свойственникъ *Бирона*, сосланный въ одно время съ нимъ, получилъ обратно чинъ и ордена; ему ввѣрили войска расположенныя въ Малороссіи (51).

Указъ объ освобожденіи *Бирона* и его семейства былъ опубликованъ 17 января 1742 года, наканунѣ осужденія *Остермана*, *Миниха* и другихъ. Въ силу сего указа, *Бирону* возвращено было *Штанцгершафтъ-Вортенбергъ* (въ *Шлезіи*) отнятые у него и подаренные *Анной Леопольдовой* фельд-маршалу *Миниху*.

Бирону дозволено было писать письма, чѣмъ онъ и неприминулъ воспользоваться: въ первые же дни, по приѣздѣ

въ новое мѣсто своей ссылки, онъ написалъ весьма интересную записку государынѣ Елизаветѣ, оправдывая свое участіе въ назначеніи Іоанна Антоновича преемникомъ императрицы, слагалъ всю вину на Остермана, Миниха, Левенвольда и другихъ. Записка эта, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нее Миниха сына, напечатана въ магазинѣ Бюшинга (51). «Въ Шлессельбургѣ до 12 іюня 1741 года допрашивали меня три раза, писалъ между прочимъ Биронъ къ Елизаветѣ Петровнѣ; во 2 и 3-мъ вопросахъ болѣе всего настаивали на томъ, чтобы объявилъ въ какихъ отношеніяхъ былъ я къ царствующей государынѣ, и какимъ образомъ хотѣлъ свергнуть тогдашняго императора, призвать сюда нынѣшняго наслѣдника и выдать за него свою дочь. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю, ничего не вѣдаю. Поступали со мною самымъ безчеловѣчнымъ образомъ (?) противъ существующаго обыкновенія изобличать обвиняемаго въ преступленіи поступками его, бумагами или свидѣтелями.

«Въ апрѣлѣ, подъ стражайшимъ карауломъ, привезли меня въ Спб.; здѣсь были назначены кабинетъ-секретарь Яковлевъ, гвардіи майоръ Загоскинъ и капитанъ Гамалія, чтобы допрашивать меня въ 3-й разъ. Обѣщано было прощенье, даже награда и свобода, если я безъ утайки отвѣчу: на слѣдующіе пункты:

2 п.) Великая княжна Елизавета объявила, будто я хотѣлъ свергнуть императора и возвести на престолъ принца Голштинскаго; для чего и какимъ образомъ намѣревался я произвести сіе въ дѣйствіе, и кто были особы къ тому мною употребленныя.

3 п.) для чего я упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, когда нынѣ царствующая императрица убѣждала оставить мой планъ?

4) Что означали ночные переговоры мои съ нынѣшней государыней.

5) Зачѣмъ ея высочество столь часто пріѣзжала ко мнѣ и мы запирались для тайныхъ разговоровъ?

«Все сіе объявлено уже было нынѣшнею императрицею, по нмѣ хотѣлось отъ меня узнать подробнѣе всѣ обстоятельства сего дѣла. Я коротко отвѣчалъ, что все сказанное мнѣ неизвѣстно, что объ этомъ я никогда и не думалъ;

почью не бывалъ у нынѣшней императрицы, но одинъ разъ, и то среди бѣлаго дня, былъ у нея съ поклономъ; а причина ея посѣщеній была особенная милость ко мнѣ и моему дому. Впрочемъ увѣренъ, что ея высочество ничего обо мнѣ не говорила. Вслѣдъ за симъ кабинетъ-секретарь Яковлевъ, выславъ двухъ помощниковъ, продолжалъ наединѣ уговаривать, чтобы я все чистосердечно объявилъ, то-де будетъ единственное средство мнѣ помочь. Я отвѣчалъ, что не требую никакой помощи, на тѣхъ условіяхъ, которыя мнѣ предлагаютъ. Увидавъ, что пѣтъ надежды что-нибудь вывѣдать, отправили меня 13 іюня изъ Шлиссельбурга подъ сильнымъ прикрытіемъ.

«15 ноября прибылъ въ Пелымъ, гдѣ долженъ былъ кончить жизнь, и еслибъ Всемогущій не изліялъ милости Своей на ея императорское высочество, то конечно скоро наступилъ-бы нашъ конецъ, ибо мы томились въ нестерпимой неволѣ. 20 декабря привезъ курьеръ радостное извѣстіе, что мы освобождены изъ-подъ ареста. 28 декабря сгорѣлъ нашъ домъ, и насъ перевезли къ воеводѣ, гдѣ и пробыли до 27-го февраля, а въ концѣ марта были уже здѣсь въ Ярославлѣ. Теперь мы всѣ ждемъ милости отъ Бога и ея императорскаго величества».

Но если Бирону не довелось дожидаться новыхъ милостей отъ царствующей государыни, которой онъ безстыдно льстилъ, въ ущербъ ея предшественницѣ, за то гораздо счастливѣе былъ его клеветъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ *Безстужевъ-Рюминъ*. По дѣлу Бирона, онъ нѣкоторое время сидѣлъ въ Шлиссельбургѣ, за тѣмъ, получивъ свободу, не получилъ прежнихъ должностей. Пропырливый, честолюбивый, хитрый до чрезвычайности, Безстужевъ поспѣшилъ сойтись съ Лестокомъ и черезъ него вкрался въ довѣренность императрицы, искусно драпирюясь немилостью бывшей правительницы Россіи. Получивъ орденъ Андрея Первозваннаго, званія сенатора, главнаго директора почтъ, Безстужевъ сдѣланъ былъ вице-канцлеромъ и такимъ образомъ съ первыхъ-же дней новаго царствования быстро пошелъ въ гору, забывая, какъ настоящій придворный, прежнихъ друзей-благодѣтелей, заискивая въ новыхъ

временщикахъ.... Съ обширнымъ умомъ и порядочнымъ образованіемъ, Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельству современниковъ, соединялъ гордость, хитрость, пронырливость, злость, мстительность, неблагодарность, сластолюбіе и былъ жизни крайне невоздержанной. По словамъ Щербатова, онъ «собственно имѣлъ страсть къ пьянству». Независимо отъ того, что пилъ, угождала А. Г. Разумовскому.

Все это не мѣшало Безстужеву считаться въ первое время новаго царствованія умнѣйшимъ государственнымъ челоукомъ, великимъ политикомъ, тонкимъ дипломатомъ и искуснымъ администраторомъ. Въ придворныхъ интригахъ онъ являлъ дѣйствительно умъ необыкновенный (52).

Мы достаточно познакомили читателей нашего очерка съ характерами тѣхъ вельможъ, которые окружали престолъ новой императрицы, пользовались ея довѣренностію; расположеніемъ, ея милостями и заняли важнѣйшія мѣста въ государственномъ управленіи Россіи. Судьба Россіи была въ рукахъ сихъ сановниковъ. Отъ нихъ очень и очень много зависѣло: они были виновниками почти всѣхъ распоряженій и указовъ правительства, наконецъ они сами составляли это правительство.... вотъ причина, почему мы нашли нужнымъ, прежде чѣмъ излагать событія новаго царствованія, прежде чѣмъ описывать *дѣйствія*, ближе познакомиться съ *дѣйствующими лицами*.

VIII.

Возстановленіе власти Правительствующаго Сената. — Милостивый манифестъ россійскому народу. — День рожденія императрицы: проповѣди, стихи, медали, фейерверки и иллюминаціи. — Награжденіе гренадеровъ преображенскихъ.

Однимъ изъ первыхъ, важнѣйшихъ распоряженій новаго правительства былъ имянной указъ, данный Сенату, отъ 12-го декабря 1741 года; имъ возстановлялся Сенатъ съ тою властью, которую имѣлъ въ царствованіе Петра I-го. Со втораго года царствованія Екатерины I-ой до восшествія на престолъ Елизаветы, дѣятельность Сената была совершенно парализирована первоначально Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а потомъ Кабинетомъ-Министровъ. «Во все царствованіе Анны Иванов-

ны, рассказываетъ фельдмаршалъ Минихъ, въ Сенатъ только изрѣдка заходили извѣстный Новосильцевъ, бывший комиссаръ въ арміи, и Сукинъ, обвиненный во взяточничествѣ и въ покражѣ 10,000 рублей казенныхъ денегъ. Если Трубецкой, время отъ времени, заходилъ въ это правительственное учрежденіе, лишенное всякого значенія, то только для того, чтобы быть нулемъ между незначущими цифрами. Другіе сенаторы, негодуя на Кабинетъ, не перуступали за порогъ Сената. Биронъ и Остерманъ очень хорошо знали, что всѣ сенаторы были люди вполнѣ ничтожные, рабски преданные ихъ волѣ. Легко судить, заключаетъ Минихъ, какъ мало пользы, и въ то-же время какъ много вреда приносила государству подобная форма правленія (53).

Какъ третировалъ Биронъ сенаторовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, переданнаго современникомъ: герцогъ ѣздилъ въ Курляндію, при чемъ нашелъ, что по дорогѣ мосты весьма худы, отъ чего его карета испортилась. Призвавъ сенаторовъ, временщикъ съ свойственною ему запальчивостью разбранилъ сановниковъ, объявилъ, что для исправленія мостовъ онъ ихъ разложитъ по дорогѣ вмѣсто мостовинъ. И эти сенаторы, къ которымъ Петръ нѣкогда относился съ такимъ уваженіемъ, съ покорностью, безмолвно выслушали угрозу изъ устъ чужеземца. «Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянь!» добавляетъ Щербатовъ (53).

При такомъ униженіи власти и значенія Сената, какъ сказано въ указѣ 12-го декабря: «произошло многое упущеніе въ дѣлахъ внутреннихъ всякого рода, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, а потому въ отвращеніе бывшихъ до сего времени не порядковъ,» повелѣно было Сенату быть «въ прежде бывшей силѣ, а въ отношеніи управленія внутренними дѣлами государства» пользоваться властью, дарованною ему указами Петра I-го. Первымъ дѣломъ поручалось Сенату составить реестръ всѣхъ указовъ, доселѣ вышедшихъ въ предшествовавшія царствованія, а тѣ указы, «которые съ состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользы государственной противны, уничтожить.» Сенаторами были назначены: 1) Генераль-фельдмаршалъ, князь Иванъ Трубецкой, 2) великій канцлеръ, князь Алексѣй Чер-

каской, 3) генераль и оберъ-гофмейстеръ, графъ Семень Салтыковъ, 4) генераль Григорій Чернышевъ, 5) генераль Андрей Ушаковъ, 6) адмираль, графъ Николай Головинъ, 7) оберъ-шталмейстеръ, князь Александръ Куракинъ, 8) Тайный дѣйствительный совѣтникъ Алексѣй Безстужевъ-Рюминъ 9) Александръ Нарышкинъ. Генераль-лейтенанты: 10) князь Михаилъ Голицынъ, 11) князь Григорій Урусовъ, 12) Иванъ Бахметевъ. 13) Тайный совѣтникъ Василиій Новосильцевъ, 14) Дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Александръ Голицынъ (53).

«Каждый изъ сенаторовъ, по очереди, долженъ былъ непременно быть въ сенатской Канторѣ.

«Генераль-прокурору, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Никитѣ Трубецкому, и оберъ-прокурору, дѣйствительному камергеру Ивану Брылкину, быть въ своихъ должностяхъ, отъ Петра I-го установленныхъ (54). Въ столицахъ и губерніяхъ повелѣно было назначить прокуроровъ «съ ихъ прежними должностями». Управление иностранными дѣлами поручалось: канцлеру князю А. Черкасскому, А. Безстужеву-Рюмину, назначенному вице-канцлеромъ, да тайному совѣтнику фонъ-Бреверну. Въ конференціяхъ по важнымъ иностраннымъ дѣламъ присутствовать еще графу Головину и князю А. Куракину. Свои опредѣленія они должны были представлять на апробацію государынѣ. Кабинетъ, бывшій до сего времени, приказано уничтожить, а возстановить его въ томъ видѣ, какъ былъ при Петрѣ I-мъ, причемъ завѣдывать дѣлами дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Черкасову. Какъ сенаторамъ, такъ и министрамъ иностранныхъ дѣлъ имѣть *сессии* во дворцѣ, въ особыхъ покояхъ, «гдѣ и мы, сказано было въ указѣ, по временамъ и потребѣ дѣлъ сами присутствовать будемъ».

Дѣйствительно, замѣчаетъ Манштейнъ (54), первое время государыня присутствовала въ засѣданіяхъ Сената, впрочемъ они скоро ей надоели и она въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не переступала порога сенатскихъ апартаментовъ, во всемъ полагаясь на распоряженія министровъ.

Какъ-бы то ни было, но одно изъ первыхъ своихъ засѣданій въ Сенатѣ, 15-го декабря, во *вторникъ*, Елизавета

ознаменовала изданиемъ «милосердаго указа къ облегченію своихъ подданныхъ». Вотъ, что объ этомъ было напечатано въ Вѣдомостяхъ :

«Имѣя неусыпное попеченіе о благополучіи вѣрныхъ своихъ подданныхъ и о возстановленіи добраго порядка въ отравленіи государственныхъ дѣлъ, государыня изволила сего дня нѣсколько часовъ въ Правительствующемъ Сенатѣ присутствовать и сперва господамъ сенаторамъ весьма важную рѣчь говорила (?), указала князю В. В. Долгорукову быть президентомъ Военной Коллегіи и присутствовать въ Сенатѣ, а потомъ подписала указъ къ показанію поданнымъ наикрѣпчайшихъ знаковъ своей высочайшей милости.»

Вотъ, въ чемъ состояли «знаки наикрѣпчайшей милости» оказанныя : «для многолѣтняго здравія и благополучнаго государственованія» Елизаветы (55) :

1) Всѣхъ лицъ, разныхъ чинновъ и сословіи, «явившихся въ неисправленіи должностей своихъ и въ непорядочныхъ поступкахъ» (кромя воровъ, разбойниковъ, смертоубійць, похитителей *многой* казны государственной, и виновныхъ по первымъ двумъ пунктамъ) отъ взысканій штрафовъ, наказаній, слѣдствій и суда освободить. 2) Посланныхъ за эти вины въ каторжную работу изъ ссылки освободить. Годныхъ и указамъ непротивныхъ вновь опредѣлить на службу; а старыхъ больныхъ, либо *наказанныхъ* (каковыхъ въ службу не опредѣлять) отпустить въ мѣста жительства. 3) Людей, укравшихъ, или утайвшихъ «на службѣ казенный интересъ», хотя они за это и подлежали жесточайшему истязанію, которые несвыше 500 рублей убытку причинили, освободить безъ наказанія, въ противномъ случаѣ сослать въ Сибирь съ семьями на поселеніе, предоставляя имъ на волю: жить и пропитываться—гдѣ хотятъ и чѣмъ хотятъ. 4) Всѣ казенныя недоимки съ купечества съ 1719 по 1730 г. безъ изыятія сложить. О начетахъ-же и недоимкахъ съ 1730 по 1741 г. представить намъ свѣдѣнія. 5) Имѣя матерное попеченіе о всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ, не хотимъ оставить, чтобъ и крестьянство, и прочіе посаженные въ подушной окладъ, такой-же милости нашей и порадованья лишены были», того ради, изъ подушныхъ 70 гривенъ со всѣхъ, *кромя иновѣр-*

цесв, по 10 копѣекъ въ 1742 и 1743 годахъ не брать. 6) По указу 1733 года января 30-го велѣно всѣхъ сборщиковъ съ 1719 по 1732 года счесть Камеръ-Коллеги и въ особо учрежденной Комиссiи и тѣ счеты и повѣрки до-сихъ-поръ производятся съ превеликимъ государству убыткомъ и то все нынѣ оставить, и всѣ документы и счетныя книги этихъ годовъ сдать въ архивъ, кромѣ недоимокъ съ 1730 по 1732 года, которыя немедленно доправить. 7) Со всѣхъ тѣхъ, которые должны въ казну деньги, фуражъ, провиантъ, разныхъ сортовъ матеріалы или припасы, слѣдуетъ выправить вдвое и сверхъ-того напжесточайшему истязанію предать, но мы все то имъ отпускаемъ и повелѣваемъ только одну истину, что изъ казны нашей взяли, возвратитъ и то съ такихъ, которые оное учинили послѣ 1730-го года. 8) За разныя неисправленія дѣлъ и за нѣкоторыя вины, какъ-то держаніе бѣглыхъ солдатъ, порубку заповѣдныхъ лѣсовъ и проч. всѣхъ виновныхъ отъ наказанія освободитъ, а впредь съ таковыми преслушниками поступать по прежнимъ указамъ безъ упущенія. 9) По указу, 21-го марта 1733 года, нѣкоторые президенты, члены, секретари, губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, которые съ 1719 по 1732 годъ, будучи у дѣлъ, многую недоимку допустили и не взыскивали, подвержены наказанію: отнятію имѣній, а нынѣ отъ тѣхъ наказаній освободитъ.»¹⁾

Радун своихъ подданныхъ *столь щедрыми* милостями, государыня, по врожденной любви ко всякаго рода увеселеніямъ, спѣшила великолѣпнымъ образомъ отпраздновать день своего рожденія.

Въ пятницу, 18-го декабря, рано утромъ, явились въ дворець съ поздравленіями (56) русскіе и иностранные министры, генералитетъ и разныя знатныя особы обоого пола. Былъ торжественный выходъ въ придворную церковь. Литургію служилъ архіеппскопъ новгородскій Амвросій (57). Имъ было сказано въ тотъ день слово, важное не столько потому, что это самый первый высокопарный панегирикъ Елизаветѣ, произнесенной съ церковной кафедрѣ, но какъ интересный матеріалъ, бросающій яркій свѣтъ на тѣ ожиданія, надежды, съ которыми смотрѣло духовенство на новую

государыню, и въ какихъ отношеніяхъ становилось оно къ предшествовавшимъ царствованіямъ, къ прежнимъ государственнымъ дѣятелямъ; важно это слово еще и потому, что вмѣстѣ съ другими оно имѣло немаловажное вліяніе на строгое осужденіе Миниха и Остермана (58) Амвросій говорилъ на текстъ: «вѣсть отецъ вашъ, ихъ же требуете» (59).

«О наше неблагополучіе, восклицаетъ ораторъ, на наши грѣхи и беззаконія послалъ Богъ недобросовѣстныхъ чело-вѣковъ, которые для своей Богоненавистой корысти сдѣлали препятствіе къ законному воспріятію престола тебѣ, всеми-лостивѣйшая государыня! О коль усердно не только вся Россія, но и иностранныя государства (?) еще въ то время (1730 г.) на главѣ твоей корону видѣть желали и нетерпѣливо дожидались вашего восшествія на родительскій престолъ... Но нынѣ: слава Богу Всемогущему за его неизглаголанная щедроты, услышалъ Богъ милосердную молитву нашу, не презрѣлъ слезъ и воздыханій нашихъ, еще Россію помиловалъ, еще не вовсе оставилъ насъ, когда древнее наше усердіе благополучнымъ увѣнчалъ событіемъ: возвелъ на престолъ родительскій законную наслѣдницу, даровалъ мать благоутробнѣйшую; пожаловалъ намъ чрезъ многія лѣта желаемую императрицу... Наказанье наше столько лѣтъ продолжалось! Восшествіе на престолъ (Елизаветы) многими было заграждено противностями и неудобствами человѣческими; однако, что Богъ вѣчный опредѣлялъ непремѣнными своими судьбами, того никто, ни самый адъ, со всѣми крайними силами не могъ и не можетъ премѣнить и тому воспрепятствовать.

«Говорите-жъ теперъ, безбожники, неисповѣдующіе Бога и Его Промысла, что государыня наша возведена на престолъ фортуною, слѣпымъ случаемъ, а не Богомъ всѣми владычующимъ; блядословите! Сколько васъ начальникъ вашъ діаволъ къ тому не поучаетъ; однако сего превратить никогда не можете, что Богъ утвердить изволилъ: безъ Мене, рече, не можете творити на чесоже. Если ни чесоже, то колыми наче такова превѣжнаго дѣла безъ его помощи сдѣлать отнюдь не возможно было; говорите сколько хотите!...

«Но я вамъ дивныхъ судебъ Божіихъ покажу свидѣтель-

ство, которое о истинномъ наследіи престола ея величеству, еще въ рожденіи ея, Богъ опредѣлилъ... Въ день ея рожденія празднуется память святаго мученика Севастіана. Севастіанъ имя есть греческое, толкуется на нашемъ языкѣ *достоинъ чести*, но чести не простой, чести такія, которая самому Богу достоятъ, и по немъ лице Его на земли носящимъ намѣстникомъ его, помазаннымъ государемъ...

«Жалостно то воспомянуть, но велья правды утаить, какъ Богъ, отъ кончины твоихъ родителей (60), водилъ тебя, государыня, во всю твою жизнь по острому и язвительному тернію. Не терніе-ли то было, шлюсь я на разсужденіе всякого: видѣть свой наследственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе-ли то было, въ собственной добрѣ, собственными родителями приобретенномъ, почти пепелъ за хлѣбъ имѣть, а питье съ плачемъ растворять? Не терніе-ли то наконецъ было, терять отъ своихъ подданныхъ рабовъ крайнее презрѣніе, и сверхъ того, быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго? О терніе! Терніе, во истинну наипронзительнѣйшее! Терніе, не тѣло только, но и душу самую уязвляющее! Но сіе неподвижное твое сердце охотно сносило: всѣ бѣдства, всѣ печали сносило твое великодушіе. Ты какъ-будто ничего не замѣчала всегда радовалась, всегда печаль свою заграждала мужественнымъ веселіемъ; и чѣмъ иныя побѣждены бываютъ, ты надъ всѣмъ тѣмъ всегда совершенно царствовала... Господь послалъ тебѣ сердце мужественное, внялъ духъ Петровъ, даровалъ храбрость Юдиен. Ты пошла къ надежнымъ своимъ, давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказала: *«знаете-ли, ребята, кто я? и чья я дочь?»* (61). Родители мои трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами, а нынѣ все то растащено, сверхъ-же того еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ отечество; управляемое чужими головами, оно напрасно раззоряется, и людей столько не вѣдомо за кого пропадаетъ. Кому-же хотите вѣрно служить? Мнѣ-ли государынѣ природной, или другимъ, беззаконно похитившимъ мое наследіе?» И какъ они слышали эти слова, единогласно закричали: «тебѣ, все-

милостивѣйшая государыня, за тебя готовы пролить послѣднюю каплю крови! Мы того давно желаемъ, давно дождаемся, нынѣ время для того удобное, нынѣ насталъ день российскаго спасенія.» Сказавши это и приложившись къ кресту, солдаты начали во имя Господне исправлять свое дѣло, и сдѣлали то въ одинъ часъ, что дѣлали иные во многіе лѣта, со многими кровопролитіемъ: всѣхъ противныхъ, да еще съ великою милостью взяли и подъ ноги ея величеству покорили! О радость! О торжество несказанное! О дѣйствіе, нигдѣ и въ исторіяхъ не обрѣтаемое, да купно-же и страха превеликаго! Ибо, горя презельною къ своему отечеству любовью, здравіе и животь свой въ крайнее опасеніе послать она понудилась: не имѣя ни командира надъ солдатами, не офицера, сама была и полковникомъ, сама и командующимъ офицеромъ... (62) О коль чудны и дивны дѣла твои, Господи!...

«Наша героиня избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. А такими врагами были всѣ тѣ, которые подъ видомъ вѣрности, наше отечество раззоряли; и смотрите, какую дьяволь далъ имъ придумать хитрость: во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу наступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють (63); и какое многое множество подъ этимъ предлогомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили; монаховъ поразстригали и перемучили (64), спросивъ за что? больше не услышишь, кромѣ сего: суевѣрь, ханжа, лицемеръ, ни къ чему негодный. А все то дѣлали съ тѣмъ умысломъ, чтобъ во всей Россіи истребить священство православное, и завести свою нововымышленную безпоповщину (65). Разговора другого у нихъ не было, какъ только о ученыхъ людяхъ: «о Боже, какъ несчастна Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученіе завести не можетъ.» А между-тѣмъ, былъ-ли кто изъ Русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ, солдатъ старый, наипаче же, если онъ былъ ученикъ Петра, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвести, и тѣмъ либо голову ему отсѣчь, либо послать въ такое мѣсто, гдѣ нельзя не умереть

отъ голода (66). О коль безчисленно множество, сколько тысячъ (67) людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ и невинныхъ въ тайную (канцелярію) похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, вытали, мучили, кровь невинную потоками проливали, короче сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, отечеству весьма необходимыхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныхъ похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и деньгами многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что говорить стыдно; однако то сущая правда. Бывало, пріѣдетъ какой-нибудь иностранецъ, не знаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которые по заслугамъ своимъ въ Россіи всякой чести достойны) (68), и такого новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ ихъ совѣсти угоденъ, то хотябъ и не знали ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечестъ, но за то одно, что снѣ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, минуя достойныхъ заслуженныхъ русскихъ людей, производятъ его въ президенты (69), въ совѣтники, въ штаты и жалованья опредѣляютъ многія тысячи. И такой-то совѣсти были оныя внутренніе враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности... Они привели Россію въ безсиліе, нищету и въ крайнее раззореніе.

«Вспомнимъ только Турецкую войну (70). Сколько они безъ всякой баталіи старыхъ солдатъ уморили голодомъ, въ степяхъ жаждою. Сколько тысячъ *церковниковъ* въ рекруты переврали! А все это почти напрасно (71), для одной только ихъ добычи и суетной корысти; мнимые доброты Россіи, они только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Такими показали они себя, когда всѣ сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали (72) и тамъ въ банкѣ ные на проценты многіе миліоны полагали. *Идѣ же сокровище наше, ту есть и сердце наше.*

Ежели кто не вѣритъ, ступай въ Голландію, въ Англію, тамо лучше увѣдаешь. И отъ таковыхъ-то тайныхъ раззо-

рителей Россіи освободилъ насъ Богъ, чрезъ вторую Юднью, нашу государыню!»

Сильное Слово Амвросія было выслушано государыней со слезами умиленія. Извѣстно, что Елизавета была необыкновенно чувствительна. Съ торжествомъ внимали сему слову сподвижники «второй Юднѣи» и едва-ли съ пріятнымъ чувствомъ прислушивались къ нему многіе вельможи, облагодѣтельствованные Минихомъ, Остерманомъ и другими *раззорителями Россіи*, нынѣ-же, благодаря интригамъ, уцѣлѣвшіе при новомъ правительствѣ.

По окончаніи литургіи съ крѣпости и Адмиралтейства гремѣла пушечная пальба; гвардія и армейскіе полки, выстроенные въ парадѣ на льду Невы, дали нѣсколько ружейныхъ залповъ, громкое ура гремѣло долгое время, сопровождаемое «*метаньемъ шляпъ*» (73). Въ полдень государыня обѣдала въ торжественномъ собраніи «въ большой залѣ», сидя на тронѣ. Столъ на 220 персонъ былъ поставленъ въ видѣ двойной буквы Е. Въ продолженіе обѣда играла итальянская музыка съ «*перемѣною концертовъ и арій*». Къ балу, вмѣстѣ съ другими иностранными министрами, пріѣхалъ и персидскій посоль. Съ наступленіемъ сумерекъ дома въ городѣ были *преизрядно* иллюминированы. А въ началѣ 8-го часа, послѣ сигнала изъ пушки, на обыкновенномъ театрѣ фейерверковъ, также и у крѣпости сожжена была иллюминація. Она представляла большую садовую аллею. При входѣ великолѣпный порталъ изъ мраморныхъ столбовъ, надъ нимъ буква Е. подъ короною. Всѣ аллеи и проспекты были обнесены превосходною оградой. Впереди пьедесталы съ бранными трофеями, разными воинскими доспѣхами, а напротивъ другой монументъ, составленный изъ книгъ, картъ, глобусовъ, математическихъ инструментовъ и проч. Въ 12 часовъ сожженъ былъ фейерверокъ; аллегорическая картина его имѣла надпись: «Давный долгъ сему дню».

Академія наукъ поднесла торжественную оду, въ 100 стиховъ. Это былъ первый панегирикъ новой императрицѣ, написанный стихами; но ода не имѣетъ никакихъ достоинствъ: это наборъ громкихъ фразъ, выраженныхъ стихами, крайне надутыми, нерѣдко и вовсе нелѣпыми (74):

Надежда, свѣтъ Россіи всей,
 Въ тебѣ щедрота Божья зрится,
 Хоть внѣшней красотѣ твоей
 Довольно всякъ, кто зреть, дивится,
 Душевныхъ ликъ твоихъ добротъ
 Краснѣе внѣшнихъ всѣхъ красотъ...
 Величество являлось всѣмъ,
 Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ,
 На полномъ благъ лицѣ твоємъ
 И въ *селемьломъ* купно тѣлѣ.
 Желаетъ кто Петра смотреть
 Или Екаторину чтить,
 И ихъ добротъ дивиться цвѣту,
 Возреть пусь на Елисавету!
 Изволь хоть гдѣ себя прикрыть,
 Пріятство будетъ тамъ съ тобою (75)
 И милость во слѣдъ тебя ходить,
 Откроютъ намъ тебя собою...
 Избавь, избавь россійску кровь
 Отъ злаго скорбныхъ дней начала,
 Достойна на престолъ вступи,
 Къ присягѣ мы готовы вси.
 Отдай красу россійску трону
 По крови, правамъ и закону...
 Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ своимъ,
 Чинилъ, что прежде Константинъ
 Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
 Лишь чуть пришла, всѣхъ покорила...
 Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила,
 Къ себѣ взяла, на тронъ вступила.
 Который такъ веселый часъ
 Пріятенъ людямъ быть казался,
 Сердечъ тебѣ какъ вѣрныхъ гласъ
 И вивать къ верху звѣздъ промчался
 Твоихъ подданныхъ миллионъ —
 Имѣли вдругъ согласный тонъ, и т. д.

Къ этому же дню были выбиты двѣ медали, сдѣланныя
 Георгіемъ Вехторомъ. На лицевой сторонѣ медали, по слу-
 чаю восшествія на престолъ Елисаветы, сдѣлана была над-
 писъ: D. G. Elisabeta. Augusta. omn. ross. (Божію милостію

Елисавета, императрица всероссійская). Поясное изображение ея, обращенное вправо, въ малой коронѣ, въ императорской мантии (внизу: L. Waechter. T.). На оборотѣ медали: Restituit Rem (возстановила государство). Императрица, съ крестомъ въ правой рукѣ, предводительствуетъ войсками, указываетъ имъ лѣвою рукою на зданіе двѣнадцати коллегій. Въ обрѣзѣ: omdic. sol. pater. d. XXV. Nov. MDCCXLI (возвратила отеческій престолъ 25 ноября 1741 года) (76). Другая медаль была выбита на «освобожденіе заключенныхъ». Лицевая сторона медали: поясное изображение императрицы, на оборотѣ медали: Clementia augustae (милосердая монархиня). На площади, передъ тюрьмой, лежатъ въ цѣпяхъ трое узниковъ (не Долгоруковы-ли?). Геній, въ видѣ женщины, съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ, снимаетъ съ нихъ цѣпи. Въ обрѣзѣ: Noxiolum vinculis ex soltis. MDCCXLI. XV dec. (сняты съ преступныхъ оковы. 1741 г. 15-го декабря) (77).

Съ неменьшимъ торжествомъ праздновали день рожденія государыни въ Москвѣ. Во время торжественной литургіи въ Успенскомъ соборѣ, иконоспасскимъ архимандритомъ Кирилломъ Флоринскимъ сказано было Слово, отпечатанное въ томъ же году въ С. Петербургѣ, при Академіи Наукъ (78). Флоринскій говорилъ на текстъ: *смыло на земля будетъ сѣмя его*. Послѣ длинныхъ разсужденій о томъ, что и какъ должно понимать подъ словомъ *сѣмя*, послѣ доказательствъ, что сѣмя Петрово сильно, хотя-бы мы для разсмотрѣнія его употребили теорическую микроскопію, проповѣдникъ такъ развиваетъ свою мысль: «Сѣявшій въ насъ доброе сѣмя есть Петръ I, село есть Россія, доброе сѣмя, наслѣдница Петра — Елисавета. А плевелы, подъ видомъ токмо сынове отечества, вещь же порожденія Эхиднина, изгрызающіе утробу матери своей Россіи, да чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія русскаго расхитители и истлители, подъ ухищренною политикою всего счастья нашего губители. А врагъ всѣявый таковыхъ плевелоплодцевъ, той есть диаволь, т. е. Остерманъ, который до двѣдцати дней утаивалъ и хитро казненныхъ, скрывалъ тестаментъ императрицы Екатерины... Жатва, кончина и погибель плевелъ и плевелосѣятелямъ врагамъ; вѣр-

нынѣ-же сынамъ отечества честь и благополучіе, паче-же всѣхъ жнецамъ плебела и истребителямъ плебелосѣятелей лейбъ-гвардіи и всему войску.

«Странное чудо, что ты, о Россія, не вѣдала возрасть Елисаветы, знать по сторонамъ негдѣ ты бродила, или, безъ сомнѣнья, спала ты, Россія, да еще спала летаргомъ! Да, что я виню едину Россію? Яснѣе сказать, всѣ мы въ десять лѣтъ и болѣе нечувственнѣе деревъ были, не примѣчали, какъ созрѣло сильное сѣмя Петрово: государыня Елисавета!

«Россія, древо сіе не всяко плотоядные, но человѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ, съ своимъ стадищемъ, начали было чрезъ двѣнадцать лѣтъ беспокоивавше, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще ни видѣхомъ, ниже чувствованомъ, донде же само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ..... Ты, наследница отеческаго престола, ухищренными совѣты и навѣты Остермана съ его сковники мале не чрезъ двѣнадцать лѣтъ отъ престола удержана, комо же по ихъ злымъ совѣтомъ отъ насъ бѣдствовавшихъ (аще бы не Богъ, съ нами отлучена быть имѣла)....

«Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же попустившимъ Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства, да и вѣрнаго услуженія государству російскому въ Россіи правовѣріе и благочестіе неточіе превратятъ, но ю изъ кореня истребятъ. Какъ самъ дьяволъ умышляя Христу пресѣчь вольное за насъ страданіе возведъ его на гору высоко и, показавъ ему все царствіе міра, сказалъ: «сія вся тебѣ дамъ, аще падь, мнѣ поклонишися». Тако поступили Остерманъ и Минихъ съ своимъ снузниками».

По словамъ оратора они не допускали до престола Елизавету, они искореняли въ конецъ и истребляли православіе. Мало того, говоритъ Флоринскій: «Минихъ въ многобѣдствовавшей отъ него Украинѣ, ради зловѣрія своего, едва не возстановилъ кирки, да и здѣсь въ Москвѣ, въ Китайгородѣ на прельщеніе душъ неповинныхъ, не его ли стараніями воздвигнута Армянская церковь? Воскресни, Златоусте,

и о Армянской церкви въ ушию Елизаветы рцы: мы бо дремлюще и посреди насъ таковаго зла не чувствуемъ. Возгрями на пролившаго коварно многу кровь русскую, Остермана, загради Миниху челюсти, искавшему своя возоставити, гдѣ отъ вѣковъ того зловѣрія не бывало, кирки. Очисти градъ сей отъ безчествующей церкви Армянской!

«Думали Армяне и ласкатели мнози, кои слѣпимъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ расказамъ удивлятися, часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали, будто бы какъ въ первенствующей церквѣ два свѣтила, и два новые Апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой яко Аполлосъ пожиналъ: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ.

«Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози унотребльшеса чловѣкомъ, снидоша къ намъ и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ерміа. И во правду можно нареци идолами Остермана Діа, Миниха Ерміа, яко же бо Дій и Ермій во языцѣхъ; тако Остерманъ и Минихъ Россіи были кумиры златыя, имъ же сосовѣтній не устыдися, яко болванамъ, и жрети своя совѣсти воля ихъ, закаляюще въ жертву.

«Совѣта нераскаляннаго на сѣмя Петрово соборище, жертвенники, образы и жрецы Воаловы: Остерманъ, Минихъ и спуздники тѣхъ, ихъ же, и кромѣ насъ, яко скудельны идолы самъ сокрушитъ Господь.

«Не-душепагубные ли беззаконники министры, еретики сущіе, лишали тебя отеческаго престола, не церковь-ли православная подъ игомъ сихъ еретиковъ стенала, не святіе-ли отъ нихъ поруганны, не Россія-ли преисполнена отъ нихъ протестанской ереси?

«Но нынѣ претендентовъ державы твоей уже нѣсть, и адгеренты разсыпаются!»

Нечего и говорить, какъ важна для насъ проповѣдь Флоринскаго. Полпал самыхъ рѣзкихъ, чтобы не сказать бранныхъ, выходокъ противъ славныхъ министровъ Миниха и Остермана, она, безъ сомнѣнія, имѣла немаловажное и

притомъ худое вліяніе на судьбу сихъ несчастливцевъ. Въ рѣчи Флоринскаго мы слышимъ говоръ цѣлой партіи людей, самыхъ закоснѣлыхъ въ религиозномъ фанатизмѣ, для которыхъ дѣянія Миниха и Остермана, основанныя на вѣротерпимости, должны были казаться дьявольскимъ навожденіемъ. Съ какимъ изступленіемъ гремитъ московскій проповѣдникъ противъ протестантизма: противъ кироковъ и армянскихъ церквей: православіе падаетъ, православіе гибнетъ! Эти изступленные вопли фанатиковъ нашли себѣ, какъ мы ниже увидимъ, отголосокъ въ государственныхъ людяхъ того времени.

Рѣчь Флоринскаго замѣчательна и въ другомъ отношеніи: въ отечественной исторіи не прежде, ни послѣ этого времени, даже до нашихъ дней, мы не видимъ другого подобнаго сему дѣлу: съ церковной каѳедры, среди Москвы, при громадномъ стеченіи народа съ изступленіемъ поносятъ людей государственныхъ, славныя дѣла которыхъ гремѣли доселѣ по всей Европѣ, въ рукахъ которыхъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, было все управленіе російской монархіи. Даже въ остальныхъ проповѣдяхъ 1742 года нигдѣ не встрѣчаемъ тѣхъ странныхъ выходокъ, которыя дозволилъ себѣ Флоринскій, называя Миниха и Остермана *эмиссарами* дьявола, и требуя отъ лица Россіи, чтобы новая государыня *сокрушила челюсти* бывшаго фельдмаршала!

Умѣреннѣе и приличнѣе говорилъ проповѣдь на Рождество, 26 Декабря 1741 г., Маркель епископъ корельскій (79) на текстъ: *«во своя пріиде, и свои его не пріиша»*. Хотя и у него встрѣчаются слѣдующія выраженія, какъ бы вызванныя сожалѣніемъ о томъ бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находилась цесаревна Елизавета въ царствованіе Анны Ивановны и владычество ея временщика. «О плачу, о слезъ неутомимыхъ! о жалю безмѣрнаго! Аще дому владычицу изъ дому изгнаша, и вельзевуломъ посмѣятельнѣ нарѣкоша; то кольми паче домашнія ея ихъ же, овыхъ убо быша и мучиша различными муками, овыхъ убиша лютыми смертми, овыхъ по различнымъ далечайшимъ мѣстамъ заточиша, по мрачнымъ тюрмамъ, казармамъ затвориша, во срадѣ, гладѣ, хладѣ, и различными ухищреніями мучиша, то по

десяти, то по пятнадцать лѣтъ (?), въ темницахъ содержаща, честныхъ и достойныхъ людей чинувъ лишша, своихъ же знаемыхъ и сосѣдъ и друзей на мѣста ихъ возведоша, иныхъ же, будто милость являюще, чтобъ своимъ мѣсто уготовати и дати, въ дома отпустиша, заключающе имъ двери къ высокимъ чинамъ. О хитрости дѣвольской! О умышленія сатанинскаго! О михіавельства адскаго! Страшно и ужасно сердцу, и весьма болѣзненно созерцати воинство регулами отъ Петра I самыми изряднѣйшими новопросвѣщенное, но команды надъ ними никакой не имѣти. Служате вопль ихъ и стenanія сордечныя, и тяжкія воздыханія, паче же многихъ къ ней приходящихъ солдатъ, и горько съ плачемъ вопіющихъ и глаголющихъ, но не внимати: мати истинная наша, какъ оставила еси насъ, чадъ твоихъ существихъ? Како не радиши о овцахъ своихъ, которыхъ волки хищни похищаютъ и сѣдаютъ? Еще же напрасно и хитростно на многихъ своихъ интересныхъ затѣвныхъ баталіяхъ подъ Гданскомъ, на множайшихъ во время Турецкой войны взятыхъ грудью городовъ совѣщалися на святыхъ своя отеческія давныя, не глаголю слуги, но и други, и посылающія ихъ на самыя труднѣйшіе приступы, и огни, едва уже всѣхъ не перевели и побили. Рѣша въ сердцахъ своихъ лукавыхъ: истребимъ ихъ отъ земли!»

Всѣ эти слова направлены противъ Миниха; проповѣдникъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ не берегъ русскихъ солдатъ, объясняя притомъ этотъ фактъ съ своей нелѣпой точки зрѣнія.

Рѣзче выражается онъ объ Остерманѣ, не позволяя впрочемъ себѣ, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, называть ихъ по именамъ, изъ чувства ли приличія, или вѣрнѣе потому, что, не смотря на опалу, Минихъ и Остерманъ имѣли друзей, которые принявъ на себя новыя личины вторглись въ число приближенныхъ новой государыни. По словамъ Маркелла: «Остерманъ хромъ душею, хромъ совѣстью, хромъ и ногами (онъ былъ болѣнъ подагрой), сова сирданая въ сокола или орла притворявшаяся. Но нынѣ злозлый властолюбецъ погибаетъ: сокрушены нынѣ его голени, честь и мнимая его слава, палъ онъ змій лукавый, пали и

ангелы всё его, надѣявшіеся на него, и не возстанутъ; ибо день настонтъ праведной погибели его и праведнаго отмщенія Божія».....

Нельзя не упомянуть здѣсь о поступкѣ Шумахера, управлявшаго въ то время дѣлами Академіи. Изъ него, какъ нельзя лучше, можно видѣть въ какомъ странномъ состояніи находились панегиристы, поэты, ораторы, воспѣвавшіе и восхвалявшіе Анну Леопольдовну, разумѣется ради земныхъ благъ, и теперь, при новомъ правительствѣ, ради тѣхъ же благъ, они должны были отступиться отъ своихъ прежнихъ произведеній, мало того, тщательно ихъ истребить и тѣми же словами, только перемѣнивъ имена, они стали превозносить Елизавету. Такъ напр. рассказываетъ по этому случаю О. О. Куникъ, въ своей любопытной статьѣ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ: «не задолго до революціи осенью Шумахеръ издалъ: Палаты Спб. Академіи Наукъ, Библиотеки и Кунскамеры, которыя предоставлены въ планахъ, фасадахъ и профиляхъ». Надъ заглавіемъ былъ отчетливо выгравированъ фронтисписъ, изображавшій фигуру Анны Леопольдовны, въ видѣ Минервы; предъ нею мать (любовь къ отечеству) ведетъ своихъ дѣтей: Академію Наукъ и Кунскамеру; надъ ними летитъ слава, держащая въ рукѣ листъ съ надписью: «Петръ I началъ Анна (Леопольдовна) совершила». Книга была издана на нѣмецкомъ языкѣ съ посвященіемъ правительству. Григорій Тепловъ перевелъ ее на русскій языкъ. Посвященіе было перепечатано въ примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ (1741 года въ частяхъ 91 по 95, стр. 361—380). Шумахеръ, выставляя на видъ свои заслуги, говоритъ между прочимъ что «исполненіе премудрыхъ и преславныхъ намѣреній Петра (относительно Академіи Наукъ) оставило смотрѣніе Божіе до времени Анны Великія», «и при вашемъ достохвальномъ правительствѣ въ Россіи всё науки и искусства часть отъ часу въ большое приходятъ распространеніе. Отъ просвѣщеннаго разума вашего, отъ милостивѣйшихъ намѣреній, отъ собственныхъ вашихъ глубокихъ познаній въ наукахъ, науки и искусства растутъ и процвѣтаютъ. Учрежденія Петра и Екатерины въ добромъ содержаніи хранятся и

умножаются, вся Академія пользуется милостивѣйшимъ за- щипченіемъ и призраченіемъ». Далѣе Шумахеръ не скупится на похвалы Аннѣ Леопольдовнѣ: ея прозорливости, штатской мудрости, заботливости о дѣлахъ и наукахъ. Издатель за- ключаетъ посвященіе наивною просьбою: «На мои по сіе время продолжающіеся труды и старанія милостивое око обратитъ соизволите».

Настаетъ утро 25 Ноября, на престолѣ новая госуда- рыня, правительница арестована; ния ея произносится со страхомъ и трепетомъ, и Шумахеръ, не менѣе другихъ пе- репуганный, спѣшитъ вырвать изъ Вѣдомостей перепечатки его посвѣщенія (уцѣлѣвшаго въ единственномъ экземплярѣ собранномъ П. П. Ламбинымъ въ академической Библіотекѣ), забираетъ назадъ все изданіе *Палатъ*, выбиваетъ новую гравюру: на ней Минерва представляетъ уже Елизавету, слава возглашаетъ, что «Петръ I началъ а Елизавета (не Анна) совершила». Въ посвященіи все, что говорилось о правительницѣ, то отнесено либо къ Елизаветѣ Петровнѣ, либо къ покойной государынѣ Аннѣ Ивановнѣ; о чемъ и распространяется Шумахеръ въ предисловіи къ *новому* изда- нію. «Оно вышло въ томъ же году, вполнѣ принаровленное къ новымъ обстоятельствамъ». Этотъ фактъ говорятъ самъ за себя. Онъ нѣкоторымъ образомъ опредѣляетъ съ какой точки зрѣнія надо смотрѣть на панегирики, съ которыми и духовные, и свѣтскіе, и поэты, и проповѣдники спѣшили обратиться къ новой императрицѣ. Много-ли въ нихъ было искренняго показывааетъ продѣлка Шумахера.

Шумно, весело провела праздники Елизавета, среди ли- кующаго двора своего, внимая высокоомѣрнымъ хваламъ льстецовъ, устраивая торжественные обѣды, маскарады и проч. Жажда удовольствій и развлеченій, государыня не безъ наслажденія любовалась между прочимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ: на площади, сзади дворца, былъ устроенъ уве- селительный бой между нѣсколькими слонами (80).

Среди этихъ забавъ, 31-го декабря, былъ изданъ указъ. Въ немъ было сказано: государыня нашла, «что въ пра- вленіе герцога курляндскаго и принцессы Анны многіе «не по заслугамъ получили чины, деревни, дворы, казенныя

«деньги, кавалеріи, также многимъ не малый пенсіонъ и «свыше ранговъ ихъ жалованья определено» и о всѣхъ тѣхъ лицахъ Сенатъ, по силѣ сего указа, долженъ былъ собрать вѣдомость и доложить государынѣ, не медля. А до того разсмотрѣнія строго было приказано повышевыми въ чины называться и писаться прежними ихъ чинами; которые получили деревни, дворы, деньги, все то возратить; ордена же представить въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ (81).

Можно себѣ представить: какую суматоху произвелъ этотъ указъ, Богъ знаетъ какимъ государственнымъ мужемъ сего времени придуманный и представленный на утвержденіе. Какъ бы то ни было, но конфискованныхъ имѣній предвидѣлось такое число, что тогда же состоялся въ Сенатѣ указъ о прибавкѣ при канцеляріи Конфискаціи для приема описанныхъ пожитковъ *еще одного* комиссара (81).

Любопытно, что въ этотъ же день обнародованъ указъ о тѣхъ милостяхъ, которыхъ давно ждали Преображенцы. Императрица награждала съ безпримѣрною щедростью (82):

«При вступленіи нашемъ на престолъ, полки лейбъ-гвардіи, въ особенности же гренадерская рота Преображенскаго полка, ревностную свою вѣрность намъ такъ показали, что мы успѣли въ воспріятіи престола безъ всякихъ дальнѣйшихъ препятствій, и не учиня никакого пролитія получили. Въ слѣдствіе чего вѣрную ихъ службу не можемъ оставить, не показавъ особливой нашей милости.

«Штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи, равно Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ награждаемъ выдачею третнаго по ихъ окладамъ не въ зачетъ жалованья. Оныхъ полковъ унтеръ-офицеровъ, капраговъ, рядовыхъ и прочихъ чиновъ:

На Преображенскій полкъ	12,000 руб.
» Семеновскій	9,000 »
» Измайловскій	9,000 »
» Конный	6,000 »
» Ингерманландскій	3,000 »
» Астраханскій	3,000 »

Итого 42,000 руб.

Гренадерская рота Преображенскаго полка переименовывается въ Лейбъ-Компанію. Въ ней капитанское мѣсто мы соизволяемъ сами содержать, и оною командовать. При чемъ ротные чины будутъ въ слѣдующемъ порядкѣ соответствовать армейскимъ :

Капитанъ-поручикъ — генералъ полный	1	(Назнач. генераль-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій).
Поручиковъ — генераль-лейтенанты	2	(дѣйств. камергеры А. Г. Разумовскій и М. Л. Воронцовъ).
Подпоручиковъ — генераль-маіоры	2	(дѣйств. камергеры П. И. и А. И. Шуваловы).
Адъютантъ — бригадиръ	1	(бывшій рядовой Грюнштейнъ).
Прапорщикъ — полковникъ	1	
Сержантовъ — подполковниковъ	8	
Виц-сержантовъ — премьеръ-маіоровъ	6	
Квартирмейстеръ } — секундъ-маіоры.	1	
Подпрапорщикъ }	1	
Капраловъ — капитаны	12	
Вице-капраловъ — капитаны-поручики	12	
Лѣкаръ — капитанъ	1	
Писарь — поручикъ	1	
Подлѣкаръ — прапорщикъ	1	
Копіистъ — сержанты	1	
Фельдшеровъ }	3	
Барабанщиковъ }	4	
Флейщиковъ }	4	
Профосовъ }	1	

364

Унтеръ-офицеры, капралы и рядовые лейбъ-компаніи, кромѣ заротныхъ чиновъ, пожалованы были потомственнымъ дворянами. Имеѣна ихъ повелѣно внести Герольдіи въ дворянскую книгу; «а для незабвенной памяти будущимъ родамъ о ихъ подвигѣ», приказано сдѣлать гербы, по утвержденному государыней рисунку (83).

IX.

Празднованіе новаго года и дня крещенія. — Уничтоженіе награды и по-
вышеній, бывшихъ въ правленіе Бирона и Анны Леопольдовны. — Слѣд-
ствие, судъ, осужденіе и исполненіе приговора надъ государственными
преступниками. — Характеристики: Остермана, Миниха: отца и сына, Го-
ловкина, Левенвольда, Менгдена, Неплюева. — Распоряженія относительно
брауншвейгской фамилии. — Принцъ Людовигъ брауншвейгскій и графъ
Линаръ.

Первый день новаго года былъ отпразднованъ съ при-
личнымъ торжествомъ: по обыкновенію утромъ сего дня
(пятница, января 1-го) у двора былъ большой выходъ и го-
сударыня, по словамъ Вѣдомостей, «соизволила подняться въ
придворную церковь для слушанія литургіи» (84). Проповѣдь
говорилъ Стефанъ, епископъ псковскій и архимандритъ
александроневской Лавры (85). Мы не станемъ останавли-
ваться ни на этой, ни на послѣдующихъ рѣчахъ; немногія
изъ нихъ могутъ сравняться по рѣзкости съ приведеннымъ
словомъ Флоринскаго, либо по богатству фактовъ съ рѣчью
Амвросія. Почти всѣ они писаны въ одномъ духѣ; тѣ же
повторенія, общія мѣста, звонкія фразы и тотъ же фана-
тизмъ религіозный. Вотъ образецъ: «Не тое убо, слуша-
тели, что дожили, восклицаетъ Стефанъ, но какъ дожили,
вотъ о чемъ разсуждать подобаеть. Дожили не только мы,
но и скоты. Дожили не только Христіане, но и *жиды, и
турки, и лзычники*, дожили и сіи безбожники. «Дожили и тѣ»,
которые учили, что Богъ людьми, какъ картами, перевора-
чиваетъ, и кому выигрышь подати хоцеть, тому и козырей
сильныхъ посылаетъ, и тое ученіе не Христовыми ученика-
ми, но *Кальвиновыми* произнесено и разсѣяно» и т. д.

Впрочемъ Стефанъ не забылъ представить картину бѣд-
ственной доли Елизаветы до ея восшествія на престолъ.
Она, по его словамъ: «многовидныя, несказанныя, нестер-
пимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости
мужественно претерпѣла! Ее еще и тогда въ монастырь
понуждали; приставленные, неусыпные шпіоны наблюдали за
Елизаветой, что ѣстъ, что пьетъ, что дѣлаеть, куда ѣздитъ,
съ кѣмъ бесѣдуетъ» и проч.

По окончаніи обѣдни весь день гудѣли колокола, раздавались пушечные и ружейные выстрѣлы; въ полдень былъ торжественный столъ у императрицы, причѣмъ пѣли и играли итальянскіе пѣвцы и музыканты. Тотчасъ послѣ обѣда (таково было тогдашнее обыкновеніе) начался балъ. Съ наступленіемъ вечера городъ иллюминированъ, а на театрѣ фейерверковъ зажжена особо приготовленная иллюминація: она представляла храмъ благополучія въ зеленомъ лѣсу, въ фронтисписѣ храма великолѣпный щитъ съ вензелемъ ея величества, кругомъ эмблемы ея мудрости, милости, храбрости (?) и любви къ отечеству, въ видѣ золотыхъ статуй, на пьедесталахъ. Фейерверкъ изображалъ Россію, въ видѣ женщины; она входитъ въ храмъ (эмблема новаго царствованія). Премудрость Божія отворяетъ дверь, надпись: «сей послѣду» (86).

6-го января при освященіи воды государыня отправилась на Неву въ процессіи знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ. По обѣ стороны шла императорская Лейбъ-компанія, въ новыхъ мундирахъ, безъ ружей. На льду рѣки подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго (получившаго въ тотъ день шпагу, брилліантами украшенную) стояло въ парадѣ 12,000 войска: гвардія, армія и гарнизонъ. Вечеромъ при дворѣ былъ великолѣпный балъ.

Безъ сомнѣнія, замѣтивъ ту путаницу въ дѣлахъ, которую произвелъ указъ 31 декабря: объ уничтоженіи наградъ и пожалованій, сдѣланныхъ со смерти Анны Ивановны, правительство поспѣшило (8 января 1742 года) обнародовать другое распоряженіе. «Хотя то и подлинно есть, что немало въ правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Анны находятся въ числѣ награжденныхъ между достойными и недостойными, между заслуженными и незаслуженными, однако мы, по природному нашему матернему милосердію, не желая никого изъ нашихъ подданныхъ *огечалить*, утверждаемъ за ними полученные ордена, *деньги*, чины, но пансіоны, также прибавочное сверхъ окладовъ жалованье, отнимать» (на томъ основаніи, что таковыхъ дачъ не было при Петрѣ I) (87).

Обнародованіе сего указа, недѣлю спустя послѣ указа, прямо ему противорѣчащаго, показываетъ какая безуря-

дѣца была въ первое время въ тогдашнихъ распоряженіяхъ государственныхъ.

Государыня, возведенная на престолъ солдатами, въ это время пользовалась большою популярностію въ высшихъ слояхъ петербургскихъ жителей; они толпами, вслѣдъ за гвардейцами, кинулись къ своей *матушкѣ* съ челобитными, нерѣдко вовсе ничтожными просьбами. Въ слѣдствіе этого государыня приказала просьбами «безвременно ея персону не утруждать», а подавать ихъ только по *вторникамъ* (87).

Просьбы, подаваемыя чрезъ генерала рекетмейстера (Дювова) приказано было отнюдь не писать на простой бумагѣ, но непременно на гербовой (87).

Съ другой стороны, желая чѣмъ-нибудь занять солдатъ, бушевавшихъ, *озорничавшихъ* и дѣлавшихъ великія *непотребства* (83), приказала въ полкахъ чинить разнаго рода экзерциціи.

Штабъ и оберъ-офицерамъ на крѣпко подтверждалось имѣть за солдатами «весьма доброе и неоплошное смотрѣніе, держать ихъ въ послушаніи и почтеніи къ себѣ по воинскимъ артикуламъ.» Съ непослушныхъ повелѣно взыскивать безъ всякаго упущенія (87).

Энергическія выходки Кирилла Флоринскаго и другихъ проповѣдниковъ сего времени противъ армянской церкви не остались безплодными: 16-го января указано всѣ армянскія церкви, кромѣ одной каменной въ Астрахани, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Москвѣ, упразднить и впередъ позволеній на строеніе ихъ не давать (87).

Въ то время, когда Елизавета занята была распоряженіями и разсмотрѣніями дѣлъ государственныхъ, наградами лицъ къ ней приближенныхъ, забавами, всякаго рода увеселеніями, слѣдствіе и судъ надъ людьми ей ненавистными и ею заточенными приходилъ къ концу..... Но прежде нежели представимъ здѣсь ходъ слѣдствія и суда надъ знаменитымъ министромъ, правившимъ Россіей въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, укажемъ на нѣкоторыя біографическія черты его жизни.

Генрихъ Юганъ Фридрихъ Остерманъ родился въ 1686 году въ графствѣ Моргскомъ и былъ сынъ пастора бакумска-

го; въ русскую службу принятъ въ 1704; онъ сдѣлался однимъ изъ полезнѣйшимъ слугъ Петра, который скоро отличилъ дѣятельнаго, умнаго, предприимчиваго Остермана. Въ Россіи его стали называть Андреемъ Ивановичемъ послѣ слѣдующаго случая: когда онъ былъ представленъ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ, женѣ Ивана Алексѣевича, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, воспитывавшимъ въ то время ея дѣтей, царица спросила, какъ его зовутъ? «Генрихъ», отвѣчалъ Остерманъ, сынъ Ивана». «Слѣдовательно, продолжала Прасковья Ѳедоровна, вы должны назваться Андреемъ Ивановичемъ.»

Извѣстна дѣятельность Андрея Ивановича при заключеніи нинштадтскаго мира, какъ воспитателя императора Петра II-го, наконецъ, какъ перваго министра, если не по званію, такъ по существу власти въ царствованіе Анны Ивановны. Съ 1736-го года онъ не выходилъ изъ своей комнаты отъ сильной подагры. Только важнѣйшіе случаи вынуждали его являться ко двору неразлучно съ кресломъ. Уже въ то время, предвидя важные перевороты, Остерманъ намѣревался отправиться на теплыя воды въ Германію, для исправленія здоровья; по болѣзнь императрицы, а потомъ паденіе Бирона удержали его въ С. Петербургѣ. Генералъ-адмиралъ и вице-канцлеръ, честолюбивый Остерманъ заставилъ Миниха въ царствованіе Иоанна Антоновича выйти въ отставку. Съ удаленіемъ фельдмаршала Андрей Ивановичъ остался главнымъ лицомъ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Самой правительницѣ онъ составилъ планъ: какъ управлять Россіей; этотъ любопытной документъ, по свидѣтельству Ал. Малиновскаго (88), хранится въ архивѣ иностранной коллегіи.

Значеніе графа Остермана особенно основывалось на принцѣ Антоѣ Ульрихѣ, который называлъ его своимъ *наставникомъ*; правительница-же показывала гораздо болѣе расположенія и довѣренности вице-канцлеру, графу Головкину. Безъ вѣдома Остермана и не сказавъ даже мужу, она поручила Головкину въ день своего рожденія, 7-го декабря, превозгласить ее императрицей. Слухи о заговорѣ и замыслахъ цесаревны Елизаветы стали ходить въ Петербургѣ въ началѣ ноября. Съ извѣстіемъ о томъ явился

къ правительницѣ Остерманъ. Анна Леопольдовна почла сію вѣсть за хитрую съ его стороны выдумку для помѣшательства въ дѣлѣ, ея порученномъ графу Головкину. Она велѣла сказать Остерману, что ей смѣшны его трусливыя опасенія. Андрей Ивановичъ отъ друга своего англійскаго резидента Финча получалъ подробныя извѣстія о дѣйствіяхъ Лестока и его товарищей. Мѣшкать было нечего. Потерявъ надежду спасти правительницу, Остерманъ спѣшилъ позаботиться о личной безопасности, 12-го ноября графъ созвалъ всѣхъ придворныхъ медиковъ, объявилъ имъ о крайнемъ изнуреніи здоровья, и вытребовалъ письменное свидѣтельство о необходимости немедленно отправиться въ Спа, для излѣченія. Революція захватила Андрея Ивановича среди приготовленій къ отъѣзду.... Ровно за мѣсяць до роковой ночи и именно 25 октября, цесаревна Елизавета приѣзжала къ нему на домъ хотѣла непремѣнно его видѣть, приказывая ему сказать, что имѣетъ крайнюю надобность переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Проницательность осторожнаго Остермана на этотъ разъ ему измѣнила, онъ отказался принять Елизавету. 26-го октября цесаревна съ гнѣвомъ упрекала жену его, графиню Марфу Ивановну (урожд. Стрѣшневу): «скажи своему мужу, говорила Елизавета, чтобъ онъ помнилъ это, скоро потужитъ, да ужъ поздно будетъ!»

Этотъ знаменательный фактъ сообщаетъ Малиновскій (88) со словъ сына Остермана, Ивана Андреевича.

Въ три часа ночи на 25-е ноября двадцать гренадеро въ преображенскихъ явились въ домъ генералъ-адмирала. Домъ этотъ, нѣкогда великолѣпныя палаты А. Д. Меньшикова, находился у Исакиевскаго собора, онѣ достались Минниху, тотъ уступилъ ихъ въ обмѣнъ Остерману. (Палаты Андрея Ивановича были каменные, въ три этажа) (88).

Знаменитый старецъ, измученный подагрой, былъ арестованъ и отправленъ на Садовую улицу, отсюда-же вмѣстѣ съ нимъ отправлены въ 7 часовъ утра въ казематы Петропавловской крѣпости: генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ; кабинетъ-министръ графъ Головкинъ, оберъ-гофмар-

шалъ графъ Левенвольдъ, президентъ коммерцъ-коллегии баронъ Менгенъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ коллегии экономіи членъ Темирязевъ, генералъ Стрѣщневъ и кабинетъ секретарь Андрей Яковлевъ (88).

Для произведенія суда была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Н. Ю. Трубецкаго, членами верховнаго судилища были *А. И. Ушаковъ*, генералъ *Левашовъ*, оберъ-штабмейстеръ *А. Б. Куракинъ*, прежній министръ Михайло *Голицынъ*, вызванный изъ ссылки, и тайный совѣтникъ *Нарышкинъ*. Всѣ они, въ особенности Трубецкой, были смертельные враги Остермана и Мниха.

Скверное помѣщеніе, страхъ осужденія, повергли Остермана въ сильнѣйшую, простудную горячку. Доктора объявили жизнь его въ опасности. Императрица велѣла перевезти въ Зимній дворецъ, для поправленія здоровья и приказала обходиться съ нимъ съ уваженіемъ. Отзываясь съ великою похвалою о его заслугахъ, государыня говорила: «мнѣ очень жаль, что съ этимъ знаменитымъ старцемъ я должна поступить строго, но того требуетъ справедливость.» Такъ по крайней-мѣрѣ повѣствуетъ Терещенко (88); едвали это извѣстіе справедливо, по крайней-мѣрѣ авторъ даже не указываетъ источника своего разсказа. Въ остальныхъ, болѣе достовѣрныхъ и намъ извѣстныхъ біографіяхъ Андрея Ивановича нѣтъ сего разсказа, недостовѣрнаго уже потому, что онъ противорѣчитъ и характеру Елизаветы, и ея несправедливости къ знаменитому старцу.

Слѣдователи и судьи обвиняли его во многомъ, всѣ обвиненія были прописаны потомъ въ манифестѣ. Ему поднесли обвинительныя статьи для прочтенія. Онъ, не читая ихъ, сказалъ: «въ оправданіе свое ничего не могу представить, но повинуюсь. Еслибы я сталъ требовать измѣненія въ вашей обязанности, былъ бы весьма несправедливъ.» Не оправдываясь, не желая и знать въ чемъ его обвиняютъ, онъ слишкомъ хорошо былъ увѣренъ, что гибель его неизбежна и твердо подписалъ приговоръ на самого себя.

Вотъ, что писалъ о ходѣ процесса другъ Остермана Финчъ, 7-го декабря 1741-го года (89):

«Судъ надъ государственными преступниками продолжаетъ свои засѣданія въ дворцѣ императрицы. Ея величество постоянно присутствуетъ въ особомъ мѣстѣ, откуда все можетъ видѣть и слышать, не будучи сама видима. Она говоритъ, что присутствуетъ въ судѣ для того, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ дѣла и не допускать пристрастіе несправедливости.....»

«Слѣдствіе продолжается, пишетъ посолъ 14 декабря. Трудно представить безчеловѣчность судей. Мелкія придирки и всякого рода несправедливости увеличиваются съ каждымъ днемъ и все, какъ говорятъ, по приказаніямъ лицъ, присутствующихъ въ комиссіи для того, чтобъ не допускать несправедливости.»

«Одинъ изъ солдатъ, произведенный въ поручики, донесъ, что будто-бы Минихъ говорилъ имъ ночью, во время ареста герцога Курляндскаго, что онъ дѣлаетъ это съ цѣлю возвестить на престолъ цесаревну Елизавету. Обвиненіе было такъ живо и пошло, что Минихъ не считалъ нужнымъ оправдываться. Всѣ хорошо знали, что фельдмаршалъ, арестуя Бирона, поступалъ такъ по приказу правительницы. Тѣмъ не менѣе доносчикъ, увѣренный не только въ безнаказанности, но и въ полученіи за ложь щедрой награды, предлагалъ высѣчь себя кнутомъ съ тѣмъ однако, что если онъ и послѣ того станетъ подтверждать свое показаніе, то для дознанія истины подвергнуть той-же пыткѣ Миниха. Фельдмаршалъ, не желая удлиннять дѣло, подтвердилъ взведенныя на него обвиненія.» Любопытно, что обвинителя не нашли въ ротѣ, которую велъ въ ту ночь Минихъ; онъ нашелся въ командѣ, занимавшей караулъ у Бирона.

Все это дѣло, такъ возмущало честнаго Англичанина, что въ депешѣ 24 декабря, у него вырывается крикъ негодованія. «Я не знаю здѣсь никого, кто-бы могъ въ другой странѣ, кромѣ Россіи, назваться честнымъ человѣкомъ.»

Какъ ведены были дѣла слѣдственной комиссіи, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. «Одинъ изъ оберъ-офицеровъ посланъ былъ въ погоню за развѣнчаннымъ императоромъ и его родителями. Исполняя данный ему приказъ

офицеръ, самъ не зная за что, нещадно выпоролъ кнутомъ одну изъ горничныхъ прицессы Анны; затѣмъ офицеръ поспѣшно возвратился для полученія новыхъ приказаній.»

Никита Трубецкой, какъ-бы повторяя слова Маркела изъ его проповѣди, укорялъ Миниха въ большой трагѣ людей при осадѣ Данцига. «Чѣмъ можешь ты въ томъ оправдаться?» спрашивалъ генераль-прокуроръ. «Продолжайте, отвѣчалъ фельдмаршалъ, читайте мнѣ и другіе вопросные пункты, я на все вдругъ отвѣчу.» По прочтеніи ихъ, онъ произнесъ свое оправданіе съ убѣдительнымъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, ссылаясь на донесенія, хранившіяся въ военной коллегіи. «Во всемъ этомъ, говорилъ покоритель Данцига, буду отвѣчать предъ судомъ Всевышняго. Тамъ, конечно, оправданіе мое будетъ лучше принято. Въ одномъ только долженъ я себя упрекать, что не приказалъ тебя повѣсить, когда въ бытность твою генераль-кригсъ-компссаромъ, во время Турецкой войны, ты былъ обличенъ въ похищеніи казенныхъ денегъ. Этого я себѣ не прощу, и это моя единственная вина».

Императрица, стоявшая сзади ширмъ, услышавъ смѣлый и рѣзкій отвѣтъ Миниха, приказала прекратить допросы и отвести его въ крѣпость.

Наконецъ дѣло пришло къ развязкѣ. Сенатъ въ полномъ собраніи своихъ членовъ изрекъ смертную казнь. Назначенъ день казни *понедѣльникъ*, 18 января 1742 года.

На Васильевскомъ острову, предъ зданіемъ двѣнадцати коллегій (нынѣшній университетъ), былъ воздвигнутъ эшафотъ. На помостъ вели шесть ступеней (90); площадь заняли 6000 гвардейскихъ солдатъ. Каре Астраханскаго полка съ ранняго утра скружало мѣсто казни, удерживая въ почтительномъ разстояніи толпы любопытнаго народа, еще недавно видѣвшаго кровавыя казни на Ситномъ рынкѣ: Волинскаго, Хрущова, Еропкина и другихъ. Если вѣрить современному календарю, погода была ясная, утро морозное. Въ десятомъ часу толпа заволновалась: со стороны Петропавловской крѣпости показалась печальная процессія. Впереди всѣхъ, на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ, въ шлафрокѣ, и кошахъ

везли изнуреннаго, больнаго, обросшаго сѣдою бородою, графа Остермана. Сзади его шли остальные узники: графы Минихъ, Левенвольдь, Головкинъ, баронъ Менгденъ, генералы: Стрѣшневъ и Темиряевъ, Минихъ сынъ, Чечеринъ, Поздняковъ, Яковлевъ и другіе, всего восемнадцать чело-вѣкъ. Въ десять часовъ санн остановились у эшафота. Нѣ-сколько солдатъ Астраханскаго полка сняли его съ саней, внесли на помость и посадили на стуль.

Изъ группы присутствовавшихъ сановниковъ выступилъ секретарь Сената; въ рукахъ у него былъ «Манифестъ о ви-нахъ и казни Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темиряева». Полкъ отдалъ честь манифесту, за тѣмъ, при всеобщемъ молчаніи, началось громогласное чтеніе сего акта, занимавшаго пять листовъ. Въ немъ было сказано:

«Всѣмъ уже извѣстно, изъ манифеста 28 ноября 1741 года, въ слѣдствіе какихъ недоброжелательныхъ и коварныхъ происковъ бывшаго генералъ-адмирала и кабинетъ-министра графа Андрея Остермана мы, послѣ смерти императора Петра II-го, были удалены отъ наслѣдія престола. Право на него мы имѣли по завѣщанію Екатерины I-й. Всѣмъ также из-вѣстно, чрезъ какія вредительныя и Богупротивныя интриги Остермана, Миниха и прочихъ, мы, послѣ смерти Анны Ива-новны, снова лишены престола. А потомъ еще къ неспособному нашей собственной персонѣ утѣсенію и опасности, онъ же Остерманъ, съ бывшимъ вице-канцлеромъ графомъ Головки-нымъ, принцессу Анну Леопольдовну въ императрицы утвер-ждать отважились. И обо всѣхъ тѣхъ безбожныхъ поступ-кахъ и злыхъ намѣреніяхъ Остермана, Миниха и Головкина было уже объявлено 28 ноября 1741 года. Только въ слѣд-ствіи такихъ жалостныхъ и весьма опасныхъ обстоятельствъ принуждены мы были, вступивъ на престолъ, немедленно аре-стовать: Остермана, Головкина и Миниха, какъ государствен-ныхъ и общаго покоя ненавидящихъ злодѣевъ, вмѣстѣ съ ихъ сообщниками: бывшимъ оберъ-гофмаршаломъ Левенволь-домъ, президентомъ: Менгдена, дѣйствительнаго статскаго со-вѣтника Темиряева и прочихъ виновныхъ. А дабы извѣстно были всѣ ихъ Богомерзкія злодѣйскія, вредительныя намѣре-

нія и ихъ поступки, а также и для возстановленія внутренняго покоя и благополучія учредили особую слѣдственную комиссію. А по разпросамъ оказалось:

«Андрей Остерманъ, подписавъ завѣщаніе Екатерины I-й, не старался о исполненіи присяги; опредѣленіе о преемствѣ престола Іоанномъ самъ сочинилъ, духовную матери пашей утаилъ, разными умыслами въ дѣйство не привелъ и уничтожить старался. Отъ престола какъ насъ, такъ и нашего племянника отлучалъ, о чемъ между бумагами найдены его же собственноручные проэскты. Въ нихъ онъ писалъ между прочимъ, что ни мы, ни нашъ племянникъ правъ на престолъ не имѣемъ, но въ избѣжаніе съ нашей стороны претензіи необходимо выдать насъ за мужъ за отдаленнаго, чужестраннаго, *убогаго* принца. И во всемъ томъ, Остерманъ повинился, что писалъ онъ противъ совѣсти, затѣвалъ ложно, угождая государынѣ, Аннѣ Ивановнѣ; больше же всего, заботился Остерманъ (къ вящему нарушенію государственныхъ правъ и внутренняго покоя) передать престолъ въ семейство принцессы Анны. Въ собственноручномъ проэсктѣ онъ утверждалъ, что по смерти принца Іоанна престолъ долженъ переходить къ его сестрамъ и впредь *рождаемыя*. И когда на то прочіе министры сказали, что о выборѣ наслѣдниковъ *весьма надо разсуждать*, причемъ требовали время, Остерманъ поспѣшилъ подать принцессѣ мнѣніе, въ которомъ писалъ, что узаконеніе о наслѣдствѣ всегда зависитъ отъ воли самой самодержицы, а оная принцесса, по его безбожному толкованію, имѣетъ власть самодержицы (91).

«И въ разговорахъ своихъ съ Менгденомъ и Левенвольдомъ неоднократно говорилъ Остерманъ такія безсовѣстныя слова, что принцесса и прежде своихъ дочерей имѣетъ право взять сукцессію на престолъ. И во всѣхъ тѣхъ разговорахъ и проэсктахъ они повинились. Да онъ же Остерманъ учинилъ намъ еще *разныя оскорбленія*. Кромѣ того, по должности своей многого не представлялъ, что было необходимо для защищенія государства, въ важныхъ дѣлахъ съ прочими персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, большею частью поступагъ по своей волѣ. О вѣрномъ веденіи расходовъ суммъ, ему поручаемыхъ, старанія не прилагалъ. По важ-

нымъ мѣстамъ возводилъ людей чужеземныхъ, недовольно извѣстныхъ и низкаго состоянія (92), ихъ награждалъ, а природныхъ Русскихъ удалялъ. Своихъ *адгерентовъ*, или согласниковъ, къ наградамъ представлялъ, упущеніе ихъ скрывалъ, всегда ихъ защищалъ; немалыя суммы казенныхъ денегъ и другихъ вещей, безъ совѣта прочихъ кабинетъ-министровъ, въ расходъ выдавалъ. Въ мнѣніяхъ о дѣлахъ государственныхъ угождалъ людямъ высшимъ. Излишнимъ сборомъ рекрутовъ и лошадей отяготилъ государство. Имѣя въ своихъ рукахъ правленіе, многія славныя и древнія російскія фамиліи опровергалъ и искоренялъ, у государей въ озлобленіе приводилъ, отъ двора многихъ отлучалъ, жестокія, неслыханныя мученія и экзекуціи, какъ надъ знатными, незнатными, такъ и надъ духовными персонами, производилъ, между русскими подданными несогласіе всѣвалъ. Многія опредѣленія Петра I-го, какъ напр. о прокурорахъ, уничтожилъ, наконецъ оказался виновнымъ во многихъ другихъ преступленіяхъ и упущеніяхъ, о которыхъ подробно и обстоятельно въ дѣлѣ изложено.

«Бывшій фельдмаршалъ Минихъ духовную Екатерины I-й не защищалъ, о передачѣ власти въ чужія руки, по смерти Анны Ивановны, стараніе и наглавиѣйшую виновность въ томъ имѣлъ; о принятіи Бирономъ регенства первый хлопоталъ, непрестанно просилъ, и его къ тому возбуждалъ. Для партикулярныхъ своихъ видовъ Бирона съ регенства низвергнулъ. Зная горячность и особую склонность къ намъ солдатъ, отправляясь арестовать Бирона, увѣрялъ ихъ, что то дѣлаетъ ради спасенія нашего. Зная отъ сына своего оберъ-гофмейстера Миниха о замыслахъ прищессы Анны, и признавая ихъ за непристойныя, тѣмъ неменѣе не только права наши не защищалъ, но еще разныя чинилъ намъ озлобленія. Забывая свой чинъ и достоинство, не только самъ непристойнымъ образомъ провѣдовалъ о нашемъ поведеніи, но еще особаго урядника приставилъ, подъ предлогомъ надзора за нашимъ домомъ. Минихъ нанималъ сему шпиону извошниковъ: ѣздить за нами и доносить о насъ приказывалъ. Будучи же главнокомандующимъ, онъ не заботился о сбереженіи людей, презиралъ военные артикулы, презиралъ совѣтъ генераловъ,

дѣйствовалъ только для пріобрѣтенія личной славы; не только на оберъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатскіе штрафы налагалъ; въ первомъ перекопскомъ походѣ многихъ полковниковъ, ругаясь, подѣ ружье ставилъ, также предѣ всей арміей водилъ, ихъ же скованными держалъ; свойственниковъ и согласниковъ своихъ въ чины производилъ. Въ бытность первымъ министромъ, въ правленіе Анны, самовольно перебралъ суммы изъ государственной казны. О прочихъ великихъ его непорядкахъ въ слѣдственномъ дѣлѣ подробно показано, и во всемъ томъ онъ, по изобличенію, признался.

«Бывшій вице-канцлеръ Михайло Головкинъ былъ первымъ зачинщикомъ въ дѣлѣ о передачѣ сукцессіи престола въ фамилію принцессы Анны и въ томъ безбожномъ дѣлѣ Головкинъ призналъ себя виновнымъ. Будучи управительницей въ ближайшей конфиденціи и, видя непомѣрную растрату казенныхъ денегъ, не представлялъ ей о томъ и не удерживалъ отъ расходовъ.

«Бывшій оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ духовную матери нашей не защищалъ. Будучи въ ближайшихъ совѣтахъ съ Андреемъ Остерманомъ въ вредительныхъ его намѣреніяхъ о нашемъ удаленіи отъ престола, во всемъ потакалъ, злыя его дѣла апробовалъ, и съ нимъ въ разсужденія вступалъ. Изъ соляныхъ суммъ многіе расходы для себя дѣлалъ, и въ томъ отчета никому не давалъ.

«Бывшій коммерцъ-коллегіи президентъ Менгденъ имѣлъ крайнее стараніе о сдѣланіи Бирона регентомъ, утверждая, что въ противномъ случаѣ всѣ они иноземцы падутъ. Его же распоряженіями изъ нашихъ портовъ много отпущено за границу хлѣба, отъ чего нынѣ поднялась на него цѣна вдвое, въ особенности же пострадали лифляндскіе земледѣльцы. А въ тѣхъ торгахъ, вопреки указовъ, самъ Менгденъ участвовалъ, давъ на то дѣло купцу Бардевику 15,000 руб. При осмотрѣ фабрикъ и мануфактуръ бралъ немалыя взятки. Уставъ Петра I-го о векселяхъ, для своего токмо собственнаго соизволенія, перемѣнилъ.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Темиряевъ, изыскивая себѣ благополучіе, удалялъ насъ отъ престола,

стараясь о утверждениі его за фамилією принцессы Анны. По его же приказу и съ его же словъ иностранной коллегіи секретарь Андрей Позняковъ сочинилъ два манифеста на весьма худомъ и противномъ основаніи: первый о передачѣ престола, послѣ смерти принца Іоанна, сестрамъ, а второй о принятіи самой принцессой Анною власти императрицы.

«А по такимъ важнымъ преступленіямъ Остермана, Миниха, Головкина и прочихъ, для дознанія истины, по нѣкоторымъ пунктамъ, слѣдовало бы ихъ разыскивать, пытаться; но по нашему матернему милосердію того розыска мы чинить не повелѣли, а указали Сенату, собравъ весь военный и статскій генералитетъ, сихъ преступниковъ судить. А сентенцію генеральнаго суда положено всѣхъ ихъ казнить смертию, а именно:

1) Остермана	— колесовать.	
2) Миниха	— четвертовать.	
3) Головкину		} отсѣчь головы.
4) Левенвольду		
5) Менгдену		
6) и Темирязеву		

Движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять на насъ».

Остерманъ, украшенный сѣдинами, съ длинною бородой; непокрытой головою, спокойно безъ малѣйшаго волненія слушала чтеніе. Только первое время, по словамъ Галема, Остерманъ дрожалъ отъ стужи. Наконецъ секретарь провозгласилъ приговоръ Сената *колесовать*, но кромѣ двухъ плахъ и топоровъ ничего не было на мѣстѣ казни. Солдаты подняли Остермана со стула, положилъ голову на плаху: палачъ растегнулъ воротникъ у рубашки и шафрока, обнажилъ шею и взялся за топоръ. Все это продолжалось нѣсколько минутъ. Когда сѣкирѣ надлежало пасть, секретарь громко объявилъ прощеніе, онъ прочелъ:

«Хотя всѣ сіи преступники, за богомерзскія и злоумышленныя, государственныя преступленія, приговоренной смертной казни надлежатъ; однако мы, по матернему милосердію и великодушію, освобождаемъ ихъ отъ смертной казни: а ссылаемъ въ заточеніе: Андрея Остермана въ Березовъ, Ми-

ниха въ Пельмъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Солекамскій, Темиряева въ ссылку въ Сибирь (?). Женъ, буде онѣ пожелаютъ, отпустить съ мужьями, а всѣ ихъ движимыя и недвижимыя имѣнія взять на насъ».

Остерманъ продолжалъ лежать на плахѣ. Не лучше-ли, не человѣколюбивѣе-ли было, восклицаетъ Леклеркъ, въ эту ужасную минуту прекратить мученія несчастнаго? Палачъ съ грубымъ и пошлымъ ругательствомъ, такъ рассказываетъ Малиновскій, толкнувъ его ногой и приподнявъ на ноги. Онъ не могъ стоять, мучимый недугомъ. Солдаты подхватили его подъ руки, снова посадили на носилки. Осужденный спросилъ, гдѣ парикъ и колпакъ; надѣлъ ихъ, застегнулъ воротникъ у рубашки и плафрока: ни одна черта въ его лицѣ не перемѣнилась (90).

Остальныя жертвы не входили на эшафотъ, онѣ выслушали свой приговоръ, стоя внизу, у помоста. Только графъ Минихъ, одѣтый въ сѣрое платье, сверхъ котораго былъ накинута красный плащъ, съ твердостью взошелъ на мѣсто, гдѣ объявляли приговоръ. Съ ласковымъ видомъ кланялся офицерамъ и солдатамъ, нѣкогда слѣдовавшимъ за нимъ къ побѣдамъ. Безстрашно выслушалъ смертный приговоръ и всемілостивѣйшее прощеніе, обрекавшее его въ вѣчное и ужасное заточеніе въ *Пельмъ*. Унтеръ-офицеру, его сопровождавшему, онъ подарилъ кошелекъ съ червонцами. Въ то время, когда вмѣстѣ съ Остерманомъ, остальные осужденные явились на мѣсто казни съ длинными бородами, невымытые, нечесанные, худо одѣтые, одинъ только Минихъ (пишетъ Фичъ) явился на казнь выбритый, хорошо одѣтый, безстрашный, рѣшительный, какъ-будто въ главѣ арміи или на парадѣ. Во все время перехода изъ крѣпости онъ не переставалъ шутить и балагурить съ солдатами напоминалъ имъ о прежнихъ войнахъ, говорилъ, что какъ тогда, такъ и теперь смѣло, лицомъ къ лицу, встрѣчаетъ смерть.

«Наши государственные благодѣтели, восклицаетъ Карамзинъ, нѣкогда не были такъ велики, какъ стоя на эшафотѣ и желая счастья Россіи и Елизаветѣ. Вся вина ихъ состояла въ усердіи къ императрицѣ Аннѣ и въ мнѣніи, что Елиза-

вета, праздная, жаждущая веселій и наслажденій, не могла хорошо управлять государствомъ» (90). (Записка о древней Россіи И. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1843 г.)

Въ то же утро, въ присутствіи главнѣйшихъ осужденныхъ прочитана выписка изъ сентенціи генеральнаго суда о винахъ и наказаніяхъ остальныхъ государственныхъ *преступниковъ*.

«Бывшій оберъ-гофмаршалъ Минихъ, сказано было въ манифестѣ, хотя ни въ какія предосудительныя и вредительныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ, но изъ разговоровъ съ Левенвольдомъ и Менгденомъ о замыслахъ принцессы зналъ, будучи въ великой милости, и ее отъ нихъ не отвращалъ.

«Тайный Совѣтникъ Василій Стрѣшневъ, по приказу Андрея Остермана, употреблялъ себя въ шпионство и тайныя при дворѣ о насъ развѣдыванья.

«Генераль-лейтенантъ Мпхайло Хрущовъ, командуя Красногорскимъ военнымъ корпусомъ, изъ угожденія Остерману, мимо надлежащей команды, со всѣми рапортами и тайными донесеніями прямо относился къ нему.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ, бывъ у графа Остермана въ крайней и ближайшей конфиденціи, подавалъ и сочинялъ разныя относительноя государству опредѣленія и проэекты: о рекрутахъ, сборѣ провіанта и проч. Будучи въ кабинетѣ, поступалъ зѣло непорядочно, составлялъ указы зѣло темно и конфузно, при постановленіи регента у Остермана духовную императрицы Анны Ивановны компоновалъ и во всемъ томъ по нашему указу былъ нещадно *разыскиванъ* (т. е. пытанъ).

«Директоръ канцеляріи принца Антона Брауншвейгскаго подполковникъ Петръ Грамотинъ бралъ взятки за повышеніе въ чины, въ чемъ и повинился.

«Секретарь Сергѣй Семеновъ постоянно состоялъ при графѣ Остерманѣ въ его услугѣхъ и не по заслугамъ получилъ великія деревни.

«Конной гвардіи подпоручикъ Нотгофтъ ходилъ съ доносомъ къ бывшему генерал-ссимусу, герцогу Антону Браун-

швейгскому, о томъ, что слышала отъ литавщика Грубера, а тотъ отъ кузнецовой жены Коландорши, и послѣдняя отъ музыкантовой жены Строуши, что яко бы фельдмаршалъ Минихъ прїѣзжалъ къ нынѣ царствующей государынѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ. А по допросамъ графа Головкина слова тѣ объявились ложными. Подпоручикъ-же Нотгофъ въ бытность ея величества въ Смоленскомъ дворцѣ присматривалъ какъ за ней, такъ и за прїѣзжавшими къ ней и о всемъ рапортовалъ герцогу. Литавщикъ Груберъ поручилъ кузнецу Коландеру и женѣ его развѣдывать о цесаревнѣ, обѣщая за то изъ пожалованныхъ денегъ отъ генералиссимуса 200 рублей.

«Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, генераль-маіоръ Василій Чечеринъ, по приказу герцога, командировалъ капрала и нѣсколько гренадеръ, одѣвъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны, слѣдить по ночамъ за тѣми, кто ѣздитъ къ цесаревнѣ, къ фельдмаршалу Миниху и князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому. Такъ-же присмотръ чинили Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка аудиторъ Барановскій и сержантъ Обручевъ. А всѣмъ вышеписаннымъ государственнымъ преступленіямъ генеральный судъ присудилъ:

7) Оберъ-гофмейстера графа Миниха лишить чиновъ, орденовъ и сослать въ деревню, которую дать ему въ Россіи, а ливляндскія деревни его описать. И жить ему въ ссылкѣ безвыѣздно, въ чемъ взять подписку.

8) Тайнаго совѣтника Василя Стрѣшнева, лиша чиновъ, бить плетью и сослать въ деревню.

9) Генераль-лейтенанта Хруцова лишить кавалеріи и генераль-маіоромъ опредѣлить въ дальнюю команду.

10) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Яковлева лишить чиновъ, всѣхъ деревень и сослать въ Астраханскій гарнизонъ полковымъ писаремъ.

11) Директора Грамотина лишить всѣхъ чиновъ и отпустить домой, а въ службу не опредѣлять понеже былъ въ *катскихъ* рукахъ.

12) Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка секундъ-маіора Василя Чечерина опредѣлить въ армію премьеръ-маіоромъ.

13) Конной гвардіи подпоручика Нотгофта отправить въ Астраханскій гарнизонъ солдатомъ.

14) Литаврщика Грубера отпустить безъ абшпда.

15) Аудитора Барановскаго,

16) Сержанта Обручева перевести въ армію: Барановскаго солдатомъ, Обручева сержантомъ.

17) У секретаря Семелова деревни взять на ея величество, а его отъ службы отставить.

18) Секретаря Познякова высѣчь кнутомъ.

По прочтеніи указа и совершеніи экзекуціи арестанты отвезены обратно въ Петропавловскія казематы.

19 января во вторникъ рано утромъ, рассказываетъ Я. П. Шаховской, генераль-прокуроръ призвалъ меня въ Сенатъ и далъ письменный приказъ, вмѣстѣ съ изустнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы я къ разсвѣту слѣдующаго дня *выправилъ* въ мѣста ссылки Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена, Темиряева и Яковлева. Въ силу того-же приказа я поспѣшилъ женамъ арестантовъ графинямъ Остермановой, Головкиной и Миниховой, равно баронессѣ Менгденъ предложить, буде пожелаютъ, ѣхать съ мужьями. Всѣ онѣ съ радостью приняли предложеніе.

Въ то же утро государыня со всѣмъ штатомъ придворныхъ изволила выѣзжать въ Царское Село, то, чтобы не было никакой остановки въ моемъ порученіи, я получилъ приказъ безпрепятственно брать, какія мнѣ нужны, команды гвардейцевъ, лошадей и дорожныя сани, куда уложить кое-какой багажъ изъ домовъ осужденныхъ. Въ помощь мнѣ отъ Сената былъ отряженъ оберъ-секретарь съ нѣсколькими писцами, офицеръ съ унтеръ-офицерами и курьерами.

Черезъ часъ команда собралась въ Петропавловской крѣпости и заняла одну изъ комнатъ въ караульномъ домѣ. Заѣхавъ домой и наскоро пообѣдавъ, я пріѣхалъ туда-же. Съ наступленіемъ сумерекъ явился офицеръ гвардіи, наряженный конвоировать Остермана. Онъ мнѣ отрапортовалъ, что все уже готово къ отъѣзду, лошади запряжены и сани подвезены къ той казармѣ, гдѣ содержится арестантъ.

Вручивъ офицеру инструкцію, словесно добавивъ нѣсколько пристойныхъ наставленій, какъ вести арестанта, я отправился къ нему вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами изъ моей свиты.

При входѣ въ казарму увидѣлъ я бывшаго кабинетъ-министра, графа Остермана, лежащаго и громко стонущаго: его мучила подагра. Съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ онъ изъяснялъ сожалѣніе о своихъ проступкахъ, о томъ, что прогнѣвилъ государыню (всѣ слова арестантовъ приказано было записывать), просилъ, чтобы государыня не оставляла его дѣтей. Солдаты конвойные подняли бывшаго генераль-адмирала съ постелью, снесли и бережно положили въ сани. Когда графа и графиню усадили, также уложили всѣ ихъ вещи, я приказалъ офицеру въ пристойномъ порядкѣ тронуться въ путь. Не умѣю описать того отчаянія, какому предавалась жена Остермана: она горько плакала и стонала.

Лишь только сани скрылись изъ виду, явился новой гвардейскій офицеръ, наряженный въ конвой къ графу Левенвольду. «Все готово къ отъѣзду». Въ отвѣтъ на его рапортъ, я вручилъ инструкцію съ приличнымъ наставленіемъ и отправился въ слѣдующую казарму. Она была весьма сыра и темна. Я не съ разу узналъ человѣка, лежавшаго на землѣ. Онъ подползъ, обхватилъ мои колѣна, въ весьма робкомъ и смятенномъ духѣ, едва слышно, молилъ о пощадѣ. Волоса его были всклокочены, сѣдая борода, блѣдное лице, ввалившіяся щеки, рубище вмѣсто одежды, все это до такой степени поразило меня, что мнѣ пришло на умъ: не мастеровой-ли это какой, одинъ изъ здѣшнихъ арестантовъ?

«Отведите его, и укажите, гдѣ находится графъ Левенвальдъ», сказалъ я, обращаясь къ караульному офицеру. Тотъ отвѣчалъ, что графъ Левенвальдъ у ногъ моихъ. Невольно представился мнѣ этотъ человѣкъ, нѣкогда столь ласкаемый и почитаемый при дворѣ, украшенный множествомъ орденовъ, въ шегольскомъ нарядѣ, въ отмѣнномъ почтеніи предъ прочими. Теперь, найдя его въ столь ужасномъ состояніи, я пораженъ былъ неописанною жалостью. «Тоже самое и со мной легко можетъ случиться» подумалъ я, стараясь собраться съ духомъ. Поспѣшно остановилъ я

графа отъ дальнѣйшаго униженія, ласково убѣдилъ его выслушать приказъ и отправиться въ путь. Офицеръ съ командою усадилъ его въ сани и, исполнивъ все по инструкціи, тронулись съ мѣста.

Въ это время уже явился офицеръ, наряженный вести бывшаго фельдмаршала и рапортовалъ, что все готово къ отъѣзду. Снабдилъ я его инструкціей, передалъ нѣсколько наставленій и отправился въ казamatъ графа Миняха. Онъ былъ довольно далеко расположенъ отъ Левенвольдовскаго. Видя всѣ злосчастныя происхожденія, я невольно задумался. Вотъ, лучшее доказательство, говорилъ я самъ себѣ, чтобы никогда на фортуна, по своимъ гаданіямъ и предпріятіямъ, не полагаться! Къ кому я иду теперь? Давно ли этотъ человѣкъ, этотъ герой съ полномочною довѣренностію монарховъ предводилъ арміями; водилъ ихъ къ славнымъ побѣдамъ, многократно увѣнчанъ лаврами, воспѣтъ въ одахъ печатныхъ превыше римскаго Сципіона? Давно-ли я имѣлъ честь во всѣ три Турецкія компаніи съ нѣсколькими эскадронами конной гвардіи сопровождать сего военачальника; ему я обязанъ своимъ счастіемъ, лестными обо мнѣ рекомендаціями. Наконецъ годъ тому назадъ, онъ смѣло арестовалъ регента Бирона, правительницею Россіи утвердилъ принцессу Анну, и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ былъ первымъ министромъ — теперь, теперь я его увижу яко злодѣя, всѣхъ почестей лишеннаго, не далѣе какъ вчера на публичномъ мѣстѣ у эшафота отъ смертной казни освобожденнаго, и въ этотъ часъ я спѣшу отправить его въ ссылку на вѣчное житіе, въ дальнѣйшій уголъ Сибири, въ весьма худое мѣсто!

Съ смущеніемъ и печалью вступилъ я въ казарму героя, нынѣ-же начлосчастнѣйшаго человѣка, увѣренный въ томъ, что увижу его сраженнаго горестію и смятеніемъ.

Быстро распахнулись предо мной двери, фельдмаршалъ стоялъ спиной къ нимъ у окна. При первомъ шорохѣ онъ оборотился съ смѣлымъ и рѣшительнымъ видомъ, съ яснымъ и твердымъ взглядомъ, какимъ я неоднократно привыкъ его видѣть въ опаснѣйшихъ бояхъ съ непріателемъ,

среди ядръ и пороховаго дыма. Спокойно подошелъ онъ ко мнѣ, и молча ожидалъ приказаній:

Эта геройская твердость въ несчастіи возбудила во мнѣ желаніе тутъ-же показать ему излишнее предъ другими почтеніе, но какъ это неудобно было сдѣлать, да при томъ и для меня крайне бѣдственно, опасно, то я сколько могъ пересилилъ себя и съ тѣмъ видомъ, съ какимъ отправлялъ двухъ первыхъ, пристойно объявилъ ему приказъ о его отъѣздѣ. Легко было замѣтить на лицѣ фельдмаршала, что ни печаль и страхъ, а сильная досада его волнуетъ. Тѣмъ не менѣе по окончаніи моихъ словъ, съ набожнымъ видомъ, онъ поднималъ руки и возвелъ взоръ къ небу: «Боже, громко сказалъ Минихъ; благослови ея величество и государствованіе ея!» Затѣмъ, помолчавъ и потупивъ глаза, продолжалъ: «Такъ-какъ теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего инаго не осталось, то я принимаю на себя смѣлость просить, дабы для сохраненія отъ вѣчной гибели души моей, со мною отпустили пастора». Учтиво поклонясь, фельдмаршалъ смѣло глядѣлъ на меня и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Все уже было готово къ отъѣзду. Графиня Минихъ стояла тутъ-же, въ дорожномъ платьѣ, въ капотѣ, съ чайникомъ и чайнымъ приборомъ въ рукахъ; можно было подумать, что она отправляется въ давно-желанный путь. На ея лицѣ нельзя было замѣтить никакого смущенія.

Ударило три часа по полуночи, поѣздъ отправился въ Пелымъ; я уже чувствовалъ усталость отъ переходовъ изъ одной казармы въ другую, и отъ этихъ, душу потрясающихъ, сценъ; но въ ту же минуту, долженъ былъ, выслушавъ рапортъ новаго офицера, поспѣшить отправкой графа Головкина.

Этотъ человекъ былъ мой особенный благотворитель, я имѣлъ къ нему искреннее почтеніе и глубокую преданность. Вспомнилъ я 24-е ноября 1741 года, день, когда такъ веселился я у него на банкетѣ. Въ какомъ видѣ увижу я его теперь? Но лишь только вошелъ въ его казарму сердце у меня еще болѣе сжалось отъ тоски и сожалѣнія.

Вотъ, какимъ увидѣлъ я этого сановнина, въ высшей степени добродѣтельнаго и истиннаго патріота: борода и

голова его были покрыты длинными космами включенныхъ волосъ, съ исхудалымъ лицомъ, впалыми щеками, лишившимся обыкновеннаго румянца; съ истомленнымъ, увылымъ видомъ, онъ неподвижно сидѣлъ, владѣя только лѣвой рукой и горько стона отъ мучащей его въ то время подагры и хирагры.

Я подошелъ ближе и, крѣпясь, чтобъ не токмо въ духѣ вкорененная, но и на лицѣ моемъ написанная о немъ жалость не упустила слезъ изъ глазъ моихъ, что весьма было бы къ моему поврежденію, объявилъ указъ.

Съ печалью и прискорбіемъ, жалостно взглянувъ на меня, Головкинъ сказалъ: «Тѣмъ болѣе нынѣ несчастнымъ себя считаю, что воспитанъ въ изобиліи, благополучіи, стоялъ на высокой степенн, доннынѣ не вкушалъ я прямой тягости бѣды, конхъ теперь сносить силъ не имѣю».

Слова любезнаго благодѣтеля еще болѣе меня опечалили; я уже не могъ держаться отъ слезъ, тѣснвшихъ мою грудь, но въ ту же минуту, какъ бы для приданія бодрости, явился гвардіи офицеръ. Одинъ изъ первѣйшихъ членовъ судной комиссіи (Н. Трубецкой?), ложась спать, послалъ сего офицера въ благовѣсть заутренній навѣдаться о порученномъ мнѣ дѣлѣ, и рано по утру, какъ онъ проснется, увѣдомить его, скоро-ль кончится отправка? Этотъ запросъ вынудилъ скрыть слезы, и я съ твердостью отвѣчалъ: «скажите его сіятельству, что кромѣ сего, осталось только три арестанта, и тѣхъ надѣюсь, къ разсвѣту отпрavitъ». Затѣмъ, по моему приказу, солдаты бережно подняли съ постелью злосчастнаго арестанта и отнесли его въ сани. Жена его, графиня гораздо тверже перенесла несчастіе и мужественно послѣдовала за мужемъ. Оставшіеся арестанты, сидѣвшіе въ разныхъ казматахъ, баронъ Менгденъ, Темиряевъ и секретарь Андрей Яковлевъ, были готовы. Ихъ отправили безъ замедленія, причемъ ничего не было замѣчательнаго.

Едва началъ брезжить свѣтъ, когда я легъ спать. Въ тотъ же день чрезъ генералъ-прокурора князя Н. Ю. Трубецкаго я препроводилъ ея величеству рапортъ о исполне-

ни возложеннаго на меня порученія и записки о рѣчахъ, говоренныхъ арестантами при отъѣздѣ» (93).

Намъ не для чего подлинныхъ бумагъ слѣдствія и суда надъ Остерманомъ, Минихомъ съ товарищами, чтобы видѣть, что ихъ проступки были слишкомъ неважны, и уже во всякомъ случаѣ не заслуживали столь ужасной опалы. По-крайней-мѣрѣ, все, что ни собрано въ манифестѣ 22-го января, а въ немъ, безъ сомнѣнія, все собрано, что только могло, по мнѣнью судей, очернить и унижить нашихъ государственныхъ дѣятелей, ничто не выставляетъ обвиненныхъ *государственными преступниками*.

Остермана обвиняли въ подлогѣ и скрытїи завѣщанія Екатерины I, а оно было обнародовано своевременно и отпечатано въ Вѣдомостяхъ. Въ это время, т. е. въ 1730 году, онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ избранія Анны Ивановны, сказывался большимъ и не стоялъ ни за, ни противъ правъ на престолъ Елизаветы Петровны. А мы видѣли изъ предъидущей статьи нашей, что одна изъ весьма обыкновенныхъ, временныхъ болѣзней удержала цесаревну въ комнатахъ и не дозволила ей самой предъявить свои права.

Такимъ образомъ, и Манштейнъ, и всѣ послѣдующіе писатели, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, совершенно правы, говоря, что вся вина этихъ лицъ единственно состояла въ томъ, что они слишкомъ хорошо служили двумъ Аннамъ, исполняя присягу подданныхъ, и вовсе не служили Елизаветѣ, которой не присягнули. Притомъ же цесаревна, всходя на престолъ, обѣщала освободить солдатъ и своихъ сторонниковъ отъ власти иноземцевъ и обогатить приверженцевъ ихъ достояніемъ: надо было исполнить обѣщаніе, заточить именитѣйшихъ иноземцевъ, а главное конфисковать ихъ громадныя имущества....

Скучно и однообразно проводилъ дни свои въ Березовѣ знаменитый Остерманъ. Вотъ, что мы читаемъ о мѣстѣ его ссылки въ сочиненіяхъ Герарда-Фридриха Миллера и Щекатова (94)-

Березовъ уѣздный городъ съ 1772-го года лежитъ подъ 63° 36' 14" широты и подъ 82° 55' долготы, на лѣвомъ

кругомъ берегу Сосвы, въ 27 верстахъ отъ впаденія ея въ Обь, отъ Петербурга въ 3,814, отъ Москвы — 3,084, отъ Тобольска — 929 верстахъ. Во время ссылки Остермана въ цемъ было не болѣе 60 дворовъ и двухъ церквей, жителей болшею частію казаки, «народъ благопріятный, тихой, ласковый, занпмавшійся рыбною ловлею и звѣриною охотою. «Граждане, при всѣхъ неудобствахъ жизни и безмѣрнаго пьянства, были довольно кротки. Земля къ хлѣбопашеству «неспособная, городокъ окружень болотами, поросшими мелкимъ березнякомъ, тальникомъ и кедровникомъ. Рѣдка, арѣпа и капуста — единственные овощи.» «Собаки здѣшнія, пишетъ Миллеръ, съ утра до вечера бродятъ голодными стаями межъ домовъ обывателей, подымая такой вой, какъ пѣтушій крикъ (?); и только надобно, чтобъ одна стая завывала, то другая завывать не упуститъ».

Въ этомъ-то городѣ знаменитый министръ, стоявшій на ряду съ первыми дипломатами XVIII вѣка, прожилъ 5 лѣтъ, если только можно назвать жизнью тягостную борьбу съ смертью. Въ единственной, имѣвшейся у него книгѣ, нѣмецкой библии, онъ нашель листикъ чистой бумаги, на которой дрожащею рукою написалъ коротенькую записочку о своемъ семействѣ (95).

Страдальческая жизнь изгнанника пресѣклась 20-го мая 1747 года, на 62-мъ году отъ рожденія; тѣло его зарыто въ Березовѣ, близъ церкви Рождества Богородицы. «Остерманъ, писалъ о немъ дюкъ Липрійскій въ 1729 году, имѣеть всѣ нужныя способности, чтобъ быть хорошимъ министромъ; желаетъ истиннаго блага Россіи, но коварень въ высшей степени; религіи не имѣеть, ни во что не вѣруеть, скупъ, но не любитъ взятокъ».

«Остерманъ, писала въ 1737 году лэди Рондо, справедливо считается въ Европѣ величайшимъ министромъ. Онъ образованъ, красивъ и когда перестаетъ быть министромъ, то всегда занимательный собесѣдникъ. По желанію Петра I, онъ вступилъ въ супружество съ природною, русскою дѣвицею, отличной красоты, знатною по происхожденію и богатству; самъ Остерманъ остается лютераниномъ (95).

«Семейный его бытъ, по словамъ Манштейна, былъ весьма страненъ. Марѳа Ивановна, доставившая ему большое приданое, была дурная хозяйка и очень злая женщина. Комнаты въ ихъ домѣ скверно были убраны, нечисты; служителя были одѣты, какъ нищіе; серебряная посуда, которая служила для ежедневнаго употребленія, походила на оловянную. Одежда Андрея Ивановича такъ была замарана, что поселяла во всѣхъ отвращеніе».

«Впрочемъ, по словамъ Малиновскаго, скудость и неопрятность Остермана избавляли его отъ ненадобныхъ посѣтителей, которыхъ одно лакомство и суетливая только пышность примачиваютъ въ дома знатныхъ. Не стараясь угождать тунеядцамъ, онъ являлъ щедрость наукамъ: петербургская академія, дерптское училище и многіе ученые одолжены ему покровительствомъ и вспоможеніемъ (95).

«Остерманъ, пишетъ Фридрихъ II, подобно искусному кормчему управлялъ кормиломъ имперіи во время самыхъ бурныхъ переменъ. Онъ знаетъ Россію, какъ Верней — человѣческое тѣло».

Единственная дочь Остермана вышла за мужъ за подполковника артиллеріи Толстова. Два сына Иванъ и Ѳедоръ, гвардіи подполковники, кавалеры Александра Невскаго, переведены капитанами въ армію.

Ноябрскій переворотъ 1741 года не обошелся и безъ кровавыхъ жертвъ: *Гроссъ*, уроженецъ австрійскій, чловѣкъ просвѣщенный, воспитатель дѣтей Остермана, былъ арестованъ вмѣстѣ съ ними: Гросса допрашивали въ Тайной Канцеляріи съ угрозами, и онъ наложилъ на себя руки. Нѣкоторые повѣствуютъ, что несчастный застрѣлился изъ пистолета въ минуту ареста (96).

Не лучше Березова была слободка Пелымъ, мѣсто ссылки Миняха. Домовъ здѣсь было не болѣе 40, съ одною церковью; не было ни торгу, ни купечества; жители занимались звѣриными промыслами. Въ Пелымъ, лѣтомъ за грязью и болотами, зимой за глубокими снѣгами, было невозможно проѣхать. 3,702 версты отдѣляютъ его отъ С. Петербурга, 2,974 — отъ Москвы, 669 — отъ Тобольска, 229 — отъ *узднаго* города Туринска (97).

Елизавета выполнила просьбу фельдмаршала: она съ нимъ отпустила пастора Мартенса.

Въ Казани Минихъ встрѣтился съ Бирономъ, котораго везли въ Ярославль, ихъ сани должны были остановиться у моста; они узнали другъ друга и молча поклонились. Въ Пельимѣ фельдмаршалъ поселился въ томъ же домѣ, который былъ выстроенъ по его чертежу для герцога Бирона.

Въ своемъ печальномъ уединеніи, Минихъ завелъ подлѣ домика небольшой огородъ, и самъ его обрабатывалъ; сѣмена присылалъ изъ С. Петербурга одинъ садовникъ въ Ярославль, отсюда пересылали слуги къ фельдмаршалу. Сѣмена были насыпаны въ мѣшки изъ газетной бумаги: такимъ образомъ ссыльный узнавалъ, что дѣлается въ Европѣ. Религіей и философіей Минихъ поддерживалъ твердость и спокойствіе духа, ободрялъ домашнихъ; два раза въ день собирались они для слушанія молитвы, которую обыкновенно читалъ Мартенсъ. Смерть его въ 1749 году (97) была для Миниха величайшимъ несчастіемъ; долго и безутѣшно оплакивалъ онъ своего единственнаго, неизмѣннаго друга. Самъ заступилъ мѣсто пастора, говорилъ поученія, занималъ маленькій приходъ своей молитвами и пѣніемъ, сочинялъ духовныя пѣсни, писалъ о важнѣйшихъ догматахъ христіанскаго ученія, наконецъ обучалъ жителей Пельима (97).

И. А. Остерманъ опровергаетъ рассказы Машптейна, повторенные Галемомъ, Каменскимъ и друг. будто-бы фельдмаршалъ посылалъ въ Сенатъ проекты, въ страхѣ держалъ сибирскихъ воеводъ и проч. «Минихъ, повѣствуетъ Остерманъ-сынъ, содержался подъ строжайшимъ присмотромъ. Не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, доставалъ онъ перья и бумагу; въ слѣдствіе строжайшаго запрещенія не имѣлъ переписки ни съ кѣмъ, ни даже съ своимъ семействомъ. Герой ставучанскій не могъ держать въ страхѣ воеводъ, но дѣйствительно внушалъ всеобщее къ себѣ уваженіе. Даже приставленные къ нему офицеры не смѣли съ нимъ обходиться такъ, какъ съ простымъ ссыльнымъ, не похищали ничего изъ его содержанія. По возвращеніи, Минихъ самъ мнѣ рассказывалъ, продолжаетъ Остерманъ, что онъ тщательно сберегалъ три карандаша. Изъ получаемыхъ кален-

дарей вырывалъ бѣлые листочки и на нихъ писалъ разсужденія о войскѣ, о внутреннемъ управленіи Россіи. Но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ, въ злобѣ на него, намѣренъ сдѣлать доносъ, Минихъ бросилъ листы въ огоньъ.

Одинъ изъ солдатъ сдѣлалъ, подъ руководствомъ фельдмаршала, замѣчательные успѣхи въ геометріи и вообще въ математикѣ (97).

Минихъ былъ счастливѣе Остермана: 10-го февраля 1762 года прискакалъ курьеръ съ вѣстью о прощеніи и свободѣ!.... Вотъ какъ отзывался Фридрихъ II (соч. его, ч. I, стр. 66): «Минихъ былъ русскій Евгений (Le prince Eugène des Moscovites), имѣлъ добродѣтели и пороки великихъ полководцевъ: былъ искусенъ, предприимчивъ, счастливъ; но гордъ, высококомѣренъ, властолюбивъ, а иногда жестокъ; онъ жертвовалъ жизнью солдатъ для своей славы. Въ его школѣ образовались Ласси, Кейтъ, Левендалъ и многіе другіе, искусные генералы». «Остерманъ и Минихъ, по словамъ Карамзина, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ государственной системѣ европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды.»

Графъ Іоаннъ Эрнестъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, лишенный ордена св. Александра Невскаго и деревень, отправленъ былъ на житье въ Вологду, гдѣ двадцать лѣтъ провелъ въ кругу семейства, велъ жизнь плачевную, получая отъ двора 1200 рублей. Подобно отцу своему, Минихъ дождался свободы, возвращенія чиновъ, орденовъ и имущества. По свидѣтельству Манштейна, онъ не имѣлъ блестящихъ достоинствъ своего отца, но не имѣлъ и его пороковъ, былъ одаренъ отъ природы хорошими качествами, правомъ тихимъ, разсудкомъ основательнымъ; отличался примѣрною честностью и прямотушіемъ. Минихъ-сынъ былъ женатъ на баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ; сестра ея Юліана пользовалась неограниченною любовью правительницы, а другая сестра была женою доктора Лестока.

Вмѣстѣ съ Минихомъ и его семействомъ пострадали лица, къ нимъ приближенныя; изъ ихъ числа былъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ чинѣ капитана гвардіи, состоялъ онъ при фельдмаршалѣ, въ качествѣ адъютанта. Чины и ордена предстояли молодому капитану, но вотъ покровитель его въ казamatѣ, у эшафота, въ ссылкѣ, и Остенъ-Сакенъ, виновный только въ томъ, что имѣлъ честь пользоваться расположеніемъ Миниха, переведенъ въ ревельской гарнизонъ; съ чиномъ капитана сошелъ онъ въ могилу тринадцать лѣтъ спустя послѣ своей опалы.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, меньшій сынъ великаго канцлера, получилъ прекрасное образованіе за границей; въ 1722-мъ году Петръ сосваталъ ему невѣсту, славную родомъ, богатствомъ и красотою, то была дочь кесаря Ромадановскаго, Екатерина Ивановна. Берхгольцъ оставилъ любопытное описаніе этой свадьбы: «должность фельдмаршала исправлялъ самъ государь, который для дочери князя кесаря, противъ обыкновенія, одѣлся съ великолѣпиемъ. За столомъ прислуживали непростые гренадеры, какъ на остальныхъ свадьбахъ, а капитаны гвардіи. Кухмистеръ, выславшій съ блюдами гренадеръ, получилъ за свою разсѣянность добрый ударъ въ спину маршальскимъ жезломъ. Государь, по словамъ очевидца, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, за обѣдомъ шутилъ съ деньщикомъ А. Б. Бутурлинымъ, давалъ ему подымать свой жезлъ отъ земли, вытянутою рукою, чего Бутурлинъ не могъ сдѣлать. За то императрица, по желанью мужа, надъ столомъ иѣсколько разъ приподняла тяжелый жезлъ, съ ловкостью и силою, всѣхъ изумившими. На балѣ танцевалъ государь съ государыней, танцевалъ и весь дворъ. На слѣдующій день Петръ не позволилъ, какъ-то дѣлается обыкновенно: сѣсть жениху съ правой стороны: «садись съ лѣвой, закричалъ царь, дочь князя кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ». Вечеромъ, подъ предлогомъ того, что многіе *възгали*, а не *вошли* пѣшкомъ въ грязный дворъ князя кесаря, государь оппоилъ всѣхъ именитыхъ сановниковъ, безпрестанно приказывая имъ осушать чудовищной величины штрафные кубки и т. д.»

Михайло Гавриловичъ быстро возвысился при пріемникахъ Петра. Въ годъ своего паденія онъ былъ вице-канцлеромъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кабинетъ-министромъ, кавалеромъ св. Александра Невскаго, св. Андрея Первозваннаго, вѣдалъ внутреннимъ управленіемъ Россіи.

Мы уже читали восторженные отзывы о Головкинѣ *его друга* Шаховскаго, вотъ любопытные отзывы его *противника*, задушевнаго пріятеля А. И. Остермана, резидента Финча: «Головкинъ, писалъ англійскій посолъ къ лорду Карингтону, человекъ безмѣрно честолюбивый, надменный и нелюдимый. Онъ до крайности ненавидитъ иноземцевъ; съ тѣхъ-поръ, какъ сдѣлался кабинетъ-министромъ, Головкинъ радъ рѣзаться съ графомъ Остерманомъ при всякомъ случаѣ. Ему хочется ограничить Остермана работою перваго подсекретаря. Недавно Головкинъ дотого забылся, что сталъ мѣшаться въ распоряженія принца Антона Ульриха. Но правительница серьезно замѣтила, что не его дѣло опредѣлять мѣру власти генералссимуса, ея мужа (98).»

24-го ноября 1741-го года, въ день св. Екатерины, Головкинъ праздновалъ именины своей жены. Екатерина Ивановна, свойственница императорской фамиліи, владѣтельница 30,000 душъ, заставляла любить себя ласковымъ, пріятнымъ обхожденіемъ; непринужденною веселостью, не гордилась знатностью, богатствомъ, употребляла его на подвиги благотворенія. Немудрено, что въ этотъ день, къ именинницѣ съѣхались толпы гостей, по словамъ Шаховскаго: «всякаго рода ласкатели, милостей снискатели, а наипаче поздравители; но Головкинъ всѣ пронырства своихъ льстецовъ видѣлъ, какъ нельзя лучше, и въ дружеской со мной бесѣдѣ съ печальнымъ предчувствіемъ говорилъ: что настоящее счастье и почетъ наводитъ его на мысль о близкомъ несчастіи. Его не веселилъ шумъ праздника; мучимый подагрой, хирагрой и головою болью, онъ стоналъ въ отдаленной комнатѣ. А въ остальныхъ покояхъ именитые гости, какъ-бы изъ любви къ страждущему хозяину, остались у него обѣдать. Болѣе ста вельможъ ликовали, угощаемые любезной хозяйкой, пѣли, пили, танцовали, плясали русскую пляску, и только въ часъ по полуночи пьяными разѣхались по до-

мамъ. Какъ-бы предчувствуя, говоритъ Шаховской, злую долю моего благодѣтеля, я зашелъ къ нему и съ нѣжностью простился.»

Черезъ два часа отрядъ Преображенцевъ явился въ домъ министра (на Петербургскую сторону, Дворянскую улицу?). А черезъ четыре часа Головкинъ сидѣлъ въ казематѣ. Мы его видѣли тамъ истомленнаго душевно и тѣлесно, въ тоскѣ и отчаяніи, но чѣмъ болѣе унывалъ Головкинъ, тѣмъ болѣе твердости и спокойствія являла графиня Екатерина Ивановна. Она утѣшала, ободряла мужа, и на сдѣланное ей предложеніе императрицы: «чтобы она, пользовалась на свободѣ своими правами и имѣніями,» Екатерина Ивановна отвѣчала: «на что мнѣ и почести и богатство, когда не могу раздѣлить ихъ съ моимъ другомъ? Одна только смерть можетъ разлучить насъ».

Д. Н. Каменскій въ двухъ сочиненіяхъ: «Словарь дост. людей» 1836 г. и «Біографіи фельдмаршаловъ» 1840 г. называетъ мѣстомъ ссылки Головкина: Березовъ. Д. Н. Языковъ въ примѣчаніяхъ къ запискамъ «В. А. Нащокина, изд. 1842 года», утверждаетъ тоже и, что всего удивительнѣе, ссылается при этомъ на манифестъ 22-го января 1742 г.? А тамъ именно сказано, что Михайло Гавриловичъ сосланъ въ *Германъ*.

Я не нашелъ этого мѣста, говоритъ Терещенко въ своемъ «Опытѣ біографій вице-канцлеровъ и проч. 1837 г.» Не нашли и мы, тщательно просматривая карты, географіи и географическіе словари Россіи. Но въ *Тобольской* губерніи туринскомъ уѣздѣ есть слобода *Горинская*; она лежитъ въ 60 верстахъ отъ *Пелыма*, причемъ, благодаря своему возвышенному мѣстоположенію, пользуется лучшимъ климатомъ, нежели мѣсто заточенія Миниха (99).

Положеніе *Горинска* между *Пелымомъ* и *Березовымъ* даетъ мнѣ право думать, что это было мѣстомъ ссылки Головкина. Сочинитель манифеста легко могъ назвать *Горинскъ* — *Германомъ*, гораздо труднѣе смѣшать *Березовъ* съ *Германомъ*.

Какъ-бы то ни было: но ободряемый супругою Михайло Гавриловичъ, въ слѣдствіе регулярной жизни, и перемѣны кли-

мата, совершенно оправился отъ болѣзни. Четырнадцать лѣтъ прожили они въ тѣсной избушкѣ, гдѣ зимою льдины служили вмѣсто стеколъ; прожили, забытые людьми, среди дикаго, непросвѣщеннаго народа; въ краю, подверженномъ большую часть года жестокости зимы, неразлучнымъ съ ней туманамъ, а лѣтомъ чрезвычайному зною, въ странѣ безплодной. Головкинъ скончался въ исходѣ 1755-го года. Въ 1756-мъ году тѣло его было погребено въ Москвѣ, гдѣ на 90-мъ году отъ рожденія скончалась въ 1791 г. и жена Михайла Гавриловича. Екатерина Иваловна пережила лютейшаго гонителя своего мужа, князя Трубецкаго. Рассказываютъ, что Никита Юрьевичъ на смертномъ одрѣ принесть чисто-сердечное раскаяніе графинѣ Головкиной въ томъ, что постоянно преслѣдовалъ ея невиннаго мужа.

Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, будучи камеръ-юнкеромъ, пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины I-й. Хорошій ростъ, красивая наружность, ловкость, изящныя манеры давали ему большой успѣхъ среди прекраснаго пола. Камергеръ, графъ и кавалеръ св. Александра Невскаго при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, онъ при Аннѣ Ивановнѣ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, кавалеромъ Андрея Первозваннаго и вѣдалъ соляными доходами. Лѣнивый, безпечный, онъ не вмѣшивался въ дѣла государственный, за то героемъ являлся въ карточныхъ играхъ: онъ ихъ любилъ до страсти, до изступленія, и не имѣлъ соперниковъ въ волокитствѣ. Въ письмахъ Лэди Рондо есть любопытный, по сему случаю, рассказъ.....

За Левенвольдомъ отправилась въ Соликамскъ и жена его. По увѣренію Манштейна, они перенесли свое несчастье съ твердостью, Шаховской рассказываетъ противное. Левенвольдъ прожилъ въ Соликамскѣ шестнадцать лѣтъ, и какъ человѣку, привыкшему къ мотовству, роскоши, шумной жизни, ему особенно тяжела была ссылка: жизнь однообразная, но въ строжайшимъ присмотрѣ, въ уѣздномъ городѣ Пермской губерніи, въ 2223 вер. отъ Петербурга, 1497 отъ Москвы, и 263 верстахъ отъ губернскаго города. Какъ-бы то ни было, но Соликамскъ столица, относительно *Пельма, Горшка* и *Березова*: въ немъ были монастырь,

семь приходскихъ церквей, богадѣльня, болѣе 700 обывательскихъ домовъ и до 2000 купцовъ и мѣщанъ (100).

Левенвольдъ скончался въ 1758-мъ году. «Человѣкъ этотъ, говоритъ дюкъ-де-Лирия, былъ самаго дурнаго характера. Своимъ счастиемъ онъ обязанъ женщинамъ. Ради своихъ видовъ, не щадилъ ни друга, ни благодѣтеля. Тщеславие и честолюбіе его простирались до высочайшей степени. Религія въ немъ не было, въ бытіе Бога не вѣрилъ, корысть и одна корысть имъ управляла; былъ лживъ, коварень, его всѣ ненавидѣли; но онъ давалъ блестящіе праздники, имѣлъ красивую наружность, а этого было достаточно для полученія почестей и повышеній».

Странно, что Манштейнъ совершенно противорѣчить доку. По его словамъ: «Левенвольдъ былъ преполненъ чести.» Нѣтъ сомнѣнія, тотъ и другой отзывались такъ въ слѣдствіе личныхъ отношеній къ любимцу двухъ государынь.

Баронъ Менгденъ, по словамъ манифеста, сосланъ въ *Колымскій* острогъ, Бюшингъ и Галемъ называютъ мѣсто его ссылки *Алмо*, въ томъ и другомъ случаѣ къ берегамъ Ледовитаго моря. (Колыма довольно большая сибирская рѣка). Менгденъ, жена его и дочь, одинъ за другимъ, скончались послѣ мучительной жизни, въ ужасномъ заточеніи. Сынъ дожилъ до воцаренія Петра III-го, былъ прощенъ, но явился въ Петербургъ по кончинѣ государя.

Другой Менгденъ, зять фельдмаршала Миниха, бывшій въ Ригѣ въ 1741-мъ году президентомъ надворнаго суда, лишился своего почетнаго мѣста, за родственную связь съ опальными.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, членъ иностранной коллегіи, бывшій посломъ въ Константинополь, тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Александра, будучи слѣдователемъ и судьей надъ Волынскимъ, спасъ замѣшаннаго въ семь дѣлъ Н. Ю. Трубецкаго. По арестованіи Остермана, Неплюевъ, какъ другъ его, арестованъ и изъ Малороссіи имъ управляемой, послѣшно, подъ конвоемъ привезенъ въ Петербургъ. Двѣ тысячи его крестьянъ и обширныя помѣстья въ Малороссіи описаны на императрицу; съ него

сняли орденскую ленту и до окончанія слѣдствія содержали подъ строгимъ карауломъ. По словамъ Н. И. Панина (101), князь Трубецкой отплатилъ Неплюеву самой черной неблагодарностью; желая выслужиться, онъ хотѣлъ *выправить* своего благодѣтеля въ Сибирь, говоря, «что въ немъ душа Остермановская». Неизвѣстно, кто спасъ Неплюева: по ссылкѣ Остермана, онъ былъ призванъ во дворецъ; Елизавета приняла его весьма милостиво и возвратила Александровскій орденъ. «Увидѣвъ дочь Петра, пишетъ Неплюевъ, дочь государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и государя, я такъ обрадовался, что забылъ всѣ приключившіяся мнѣ огорченія».

Впрочемъ, эта *забычивость* и вѣрноподданческая любовь Неплюева не помогли дѣлу: помѣстья его остались конфискованными, а вмѣсто Малороссіи ему поручено вѣдать полудикимъ, бесплоднымъ и отдаленнымъ краемъ Оренбургскимъ.

Въ то время, когда грозная немезида карала Остермана, Минниха, Левенвольда и друг., сама правительница Анна первое время была освобождена отъ всякаго рода преслѣдованій; напротивъ, хотя ее держали подъ присмотромъ караула, но съ нею обходились милостиво, съ должнымъ почетомъ и уваженіемъ. Елизавета всенародно объявила 28-го ноября, что отправить брауншвейгскую фамилію за границу. Дѣйствительно, 12-го декабря 1741-го года, прямо изъ дворца цесаревны, снабженные всѣмъ необходимымъ, принцъ Антонъ-Ульрихъ съ женой, сыномъ Іоанномъ и дочерью Екатериной, подъ большимъ конвоемъ, въ сопровожденіи генералъ-полиціймейстера Салтыкова, отправлены изъ Петербурга по дорогѣ въ Ригу. Съ нихъ были взяты слѣдующія обязательства: 1) Никогда не возвращаться въ Россію. 2) Возвратить всѣ драгоценности, кромѣ принадлежащихъ лично принцессѣ Аннѣ. Наконецъ 3) Принцъ Антонъ-Ульрихъ долженъ сложить съ себя званіе русскаго генералиссимуса и титуло императорскаго высочества. Предполагалось доставить ихъ въ Кенигсбергъ, куда и должны они были прибыть 28-го декабря; на содержаніе въ Кенигсбергѣ, предположено было давать имъ ежегодно по 130,000 руб.; да на

дорогу одновременно выдано на руки гоф-фурьеру Гофману 30,000 р. Было приказано вести арестантовъ съ роздыхами, чрезъ каждые два дня, и дѣлать только по семи съ половиною миль, т. е. 32 версты въ день.

Къ несчастью близъ Нарвы малютка Екатерина занемогла; по желанію родителей ѣзда была такъ замедлена, что все семейство прибыло въ Ригу только 9-го января 1742 года. Между тѣмъ, въ Петропавловской крѣпости, производились допросы и розыски. Открылись обстоятельства, привлекавшія къ дѣлу: сначала баронессу Юлію Менгенъ, а потомъ и самую принцессу. Отъ первой потребовали отчетъ въ значительныхъ суммахъ, полученныхъ ею отъ императрицы Анны. Спустя нѣсколько, допрашивали Анну Леопольдовну, о ея намѣреніи заточить Елизавету въ монастырь. Принцесса отвѣчала, что она такихъ намѣреній не имѣла. Тѣмъ не менѣе все семейство велѣно было задержать въ Ригѣ, до окончанія слѣдствія. Они сидѣли въ крѣпости въ концѣ 1742-го года, когда Гемпель, повѣствующій объ этомъ, печаталъ біографію Остермана (95). Въ первое время, по заточеніи, всѣ письма къ правительницѣ и отъ нея тщательно вскрывались; потомъ присмотрѣвъ за арестантами немножко ослабили: разрѣшили посѣщать ихъ лицамъ постороннимъ. Это было недолго. Стали *ходить слухи*, что принцесса Анна съ мужемъ пытались два раза бѣжать: разъ плѣшкомъ, въ крестьянскомъ платьѣ, другой разъ на кораблѣ. Все это были пустые толки, а въ слѣдствіе ихъ надзоръ вновь усилили, увеличили караулъ, и далѣе крѣпостнаго сада заключенныхъ никуда не выпускали. Послѣдующія событія злосчастной жизни брауншвейгской фамилии не принадлежатъ настоящему очерку.....

Братъ герцога Антона Ульриха, принцъ Людовикъ Брауншвейгскій, нѣкогда мнимый женихъ цесаревны Елизаветы, *принцъ убогой*, такъ называла она его въ манифестѣ 28-го ноября, въ роковую ночь былъ арестованъ: къ его комнатѣ, во дворцѣ, приставили караулъ. Утромъ караулъ сняли, принцу отвели квартиру въ домѣ, принадлежавшемъ Юліанѣ Менгенъ, приставили караулъ, какъ-бы для ночле-

га, въ сущности-же для надзора за поведеніемъ Людовика. Принцъ возвратился въ Германію въ мартѣ 1742-го года.

Всѣ были убѣждены, говорить Манштейнъ, что если-бы принцъ Людовикъ, одаренный твердою волею и умомъ предпримчивымъ, былъ на мѣстѣ брата, то дѣла его фамиліи приняли бы другой оборотъ (102).

Графъ Морицъ-Карль-Линаръ, въ августѣ 1741-го года, выѣхалъ въ Польшу для окончательнаго устройства своихъ дѣлъ. Кавалеръ Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго, владѣлецъ большихъ помѣстьевъ въ Лифляндіи, прекраснаго дома въ Петербургѣ (конфискованнаго у Густава Бирона), онъ имѣлъ въ виду поступить въ русскую службу..... Если надежда его на полученіе новыхъ титуловъ и наградъ не осуществилась, то во всякомъ случаѣ Линаръ не могъ жаловаться на счастье: перемѣна правленія въ Петербургѣ совершилась во время его отсутствія: въ противномъ случаѣ онъ не избѣгъ бы Сибири. Правительство, не имѣя возможности *выправить* Линара въ Березовъ, Пелымъ или другое мѣсто, дозволило ему носить російскіе ордена. Онъ скончался въ 1768-мъ году.

Мы сказали о судьбѣ всѣхъ пменитыхъ лицъ, подвергшихся опалѣ и преслѣдованіямъ новой императрицы. Прослѣдимъ же какъ дѣятельность ея самой, такъ и распоряженія новыхъ военачальниковъ, дипломатовъ и министровъ, смѣнявшихъ Остермана, Миниха и Головкина, славныхъ *учениковъ* Петра Великаго.

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1) Считаемо долгомъ приѣсти глубочайшую благодарность *М. А. Корфу*: ему мы обязаны тѣмъ, что имѣли возможность пользоваться всѣми источниками, находящимися въ Публичной Библіотекѣ. А кто не знаетъ, какъ богата Публичная Библіотека сочиненіями, относящимися къ русской исторіи? Въ превосходно-составленномъ каталогѣ эти сочиненія распределены по годамъ,

къ которымъ они относятся. Такъ въ двухъ тетрадкахъ помѣщены заглавія всѣхъ, не только отдѣльно изданныхъ, книгъ, но не рѣдко указаны и статьи, тамъ-и-сямъ помѣщенные, которыя описываютъ событія 1741 и 1742 годовъ.

(2) Записки князя Якова Петровича *Шаховскаго*. 2 ч. 8-й д. 1821 г. Спб. Изданіе второе, стр. 53.

(3) Вѣдомости 1741 г., стр. 707. *Полное собраніе Законовъ*, изд. 1830 г., томъ XI (1740—1743), № 8473. Съ манифестомъ раздавалась форма клятвеннаго обѣщанія, въ силу котораго каждый долженъ былъ, между прочимъ, признать законнымъ наследникомъ того, кто волею императрицы будетъ «избранъ и опредѣленъ, и къ воспріятію престола удостоенъ».

(4) П. с. З. № 8474, 27-го ноября, № 8475. Сенатъ тогда-же разослалъ «форму о титулахъ ея величества въ грамотахъ, докладахъ и прочихъ бумагахъ».

Настоящая статья есть продолженіе нашего-же историческаго очерка, напечатаннаго въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г., книжка вторая, подъ заглавіемъ: «Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ 1709—1741». Кстати укажемъ здѣсь на статейку: «о пребываніи царевны Елизаветы Петровны въ Александровской слободѣ», напечатанной въ газетѣ 1857-го года *Молва*, № 18, стр. 212—213, просмотрѣнною нами при составленіи первой статьи. «Въ тяжкія годы своей жизни», говоритъ неизвѣстный составитель статейки «Молвы», «царевна Елизавета пребывала по нѣскольکو мѣсяцевъ въ Александровской слободѣ (Жаль, что не указано, въ какіе именно годы?) Пребываніе Елизаветы въ Александровѣ оставило слѣды въ воспоминаніяхъ у тамошнихъ гражданъ и въ названіяхъ урочищъ этой древней слободы, поставленной уже въ 1778 году на чреду уѣздныхъ городовъ Владимирской губерніи.

«У великой княжны въ Александровѣ были два дворца, лѣтній и зимній. Одинъ находился при нынѣшней Преображенской церкви, вмѣстѣ съ садомъ, который теперь застроенъ обывательскими домами, но воспоминаніе объ немъ сохранилось въ названіи улицы *Садомею*. Зимній дворецъ, подобно лѣтнему, *деревянный*, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ, занималъ мѣсто подлѣ нынѣшняго собора, на горѣ, которая и донымѣ слыветь *Царевин*.

«Въ Александровѣ царевна, вдали отъ двора и столицы, проводила время въ духѣ и вкусѣ того вѣка. Она почти ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ монастырѣ:

дома занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ, иногда выѣзжала въ поле забавляться соколиною охотою. Самое мѣсто этой охоты, на южной сторонѣ города, носитъ названіе *охотнаго луга*. На немъ, говорятъ, находился и сокольничій дворъ, гдѣ содержались соколы и кречеты. Верстахъ въ шести отъ города есть село Курганиха; туда-то царевна ѣзжала смотрѣть травлю волковъ, отъ чего и самая роща при сельцѣ, нынѣ срубленная, слыла *волчью*. Объ масляницѣ у дворца собирались слободскія дѣвушки кататься съ горы на салазкахъ, связанныхъ вмѣстѣ ремнями. Какъ любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица (?), цесаревна заставляла дѣвушекъ, какъ говорится въ просторѣчьи, *жрать* простонародныя пѣсни, и за то награждала ихъ разными лакомствами, пряниками, цареградскими стручками, орѣхами, маковою избойной и т. п. Иногда она каталась въ лодкѣ по прудамъ, въ которыхъ нѣкогда Иванъ Грозный топилъ опальныхъ; теперь на мѣстѣ этихъ прудовъ луговина. Такъ коротала время въ своемъ изгнаніи Елизавета Петровна, какъ рассказывала монахиня Александровскаго монастыря Апполинарія, умершая назадъ тому 30 лѣтъ, на 110-мъ году отъ рожденія. Соборный діаконовъ Александръ, дѣдъ нынѣшняго Христорождественскаго діакона Ѳедора Петрова, имѣющаго 80 лѣтъ, передавалъ внуку своему, что онъ самъ не рѣдко видалъ великую княжну, молившуюся передъ образомъ знаменія пресвятыя Богородицы.

«Возлѣ лѣтняго своего дворца цесаревна построила церковь во имя св. Захарія и Елизаветы, что нынѣ предѣлъ у Преображенской церкви. Причетъ этого храма, съ водворенія Елизаветы до 1818 г., получалъ жалованье изъ конюшеннаго вѣдомства. За оказанныя услуги (??) она переѣхала фамиліи Александровскихъ купцовъ Жихаревой на *Пероушкинскыя*, Куренныхъ на *Любимовскыя*. У нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ обывателей она крестила дѣтей. Во время своего царствованія Елизавета Петровна оказала много милостей alexandrovскимъ обывателямъ, которые въ нуждахъ своихъ относились прямо къ ней». (Сообщено изъ Александрова.)

Въ «Исторіи села Царскаго», изданной въ 1829-мъ году въ Спб. *Н. Яковкинныи* (отрывки изъ нея печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» *Семнина*), разсѣяно нѣсколько, впрочемъ, неважныхъ подробностей о жизни Елизаветы въ этомъ селѣ. Живя иногда въ Царскомъ, въ царствованіи уже Анны Ивановны, царевна заботилась о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ въ своихъ садахъ, сажала въ пруды разную рыбу, «много и настоя-

тельно помышляла о приведеніи въ Царское село проточную и обильную воду». Въ пяти верстахъ отъ села былъ устроенъ звѣринецъ для заблывахъ оленей. Въ самыхъ окрестностяхъ Царскаго Елизавета съ своими немногими придворными *ловила живыхъ и била лосей, оленей, или забавлялась тетеревиною на чучела охотою: на двухъ брусьяхъ, сдѣланныхъ въ родѣ полозьевъ, ставили бутки, снаружи убирали ихъ ельникомъ, внутри ставили печку; потолокъ, стѣны и полъ обивали войлокомъ и выбѣленной холостиною. Бутки перевозились съ мѣста на мѣсто, и ставились тамъ, гдѣ было болѣе тетеревовъ. При счастливой охотѣ царица всегда награждала охотниковъ или деньгами, или винною порціею. (Стр. 142, 146 и 148.)*

(5) П. С. З., т. XI, № 8476. Подлинный манифестъ, изданіе того времени (имѣющійся у насъ), отпечатанъ въ листъ, на трехъ страницахъ. Спб., 28-го ноября, а въ Москвѣ, 2-го декабря, напечатанъ на толстой, сѣрой бумагѣ, съ множествомъ грамматическихъ ошибокъ. Въ Публичной Библиотекѣ и Румянцовскомъ Музеумѣ находятся изданія сего манифеста на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 8-й д., 8 стр. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ № 95, вышедшимъ въ пятницу, 27-го ноября, наскоро было припечатано: «Въ прошедшую среду соизволила Елизавета Петровна, по всеусердному и единогласному прошенію вѣрныхъ своихъ подданныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ чиновъ, воспріять родительскій престолъ». Тогда-же успѣли выпрѣзать изъ прежнихъ номеровъ вѣдомостей всѣ листы, гдѣ что-нибудь говорилось о правительницѣ Аннѣ. Шумахеръ, завѣдывавшій въ то время Академіей, показалъ при этомъ такое усердіе, что досихъ-поръ нигдѣ не имѣется полнаго экземпляра вѣдомостей 1741 года. Публичная Библиотека и Румянцовскій Музеумъ ихъ вовсе не имѣютъ, въ академическомъ экземплярѣ не достаетъ № 89, 90, 91, 93 и 94.

(6) «Правда воли монаршей» перепечатана въ изданіи *Туманскаго*, нынѣ рѣдкою: «Собраніе записокъ и сочиненій къ исторіи Петра I-го», 1787 г. Москва, 10 частей.

(7) П. с. З., т. V, примѣчаніе въ выноскѣ подъ манифестомъ 3-го февраля 1718 г.

(8) «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., № 1, стр. 1—59.

(9) П. с. З., т. XI, стр. 542. Духовная Екатерины I-й въ подлинникѣ напечатана *Арсеньевымъ*: «Царствованіе Екатерины I-й», Спб., 1856 г.

(10) П. с. З., т. XI, стр. 543. *Manstein* въ сочиненіи: «*Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, 1727—1744*», изд. *M. Huber*, Leipzig, 1771, въ кратцѣ разбираетъ манифестъ 28-го ноября, относительно указа 5-го февраля 1722 года, стр. 423. *Наццокинъ*, изд. 1842 г. Спб., стр. 68.

(11) *Шаховской*, стр. 54.

(12) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, стр. 88—89. *Леклеркъ* баснословитъ, рассказывая слѣдующій случай: «Утромъ, 26-го ноября, Елизавета между прочимъ разговаривала съ Кейтомъ (его не было въ это время въ Петербургѣ, онъ былъ при арміи, въ Флоридіи). «Удивляюсь», говорилъ генераль, «отчего ваше величество не представили своихъ правъ на корону въ 1730-мъ году?» — «Это было-бы легко», отвѣчала та, «но я еще была слишкомъ-молода.» Странно, почему Леклеркъ (стр. 150), строгій къ самому Петру, превозноситъ его дочь. «Нельзя видѣть и не полюбить Елизавету», восклицаетъ французскій историкъ. «Она вся грація и доброта. Съ ея устъ слетаетъ счастье, ея взглядъ высушиваетъ слезы, поддерживаетъ въ отчаяніи. Никто лучше ее не зналъ прелести благотворительности. Кто не узнаетъ ее въ слѣдующихъ стихахъ нашего лирическаго поэта:

Dans la fleur de la jeunesse,
 Dans l'âge heureux de la tendresse,
 Elle unissait à la beauté,
 A la grace, à la noblesse,
 La bienfaisance et la bonté.»

(*M. de Rosay: drame lyrique des deux amis.*)

(13) *Вѣдомости*, № 96.

(14) *Вѣд.*, № 97, 98, 99, 1741 г. и въ № 3-мъ 1742 г.; описанія празднованія 18-го декабря въ Ревелѣ, Выборгѣ и Бѣлгородѣ. Всѣ они однообразны: тѣ-же молебны, поздравленіе властей отъ лица народа, обѣды, балы, иллюминаціи и все «съ несказанною радостью».

(15) Мы видѣли чрезвычайно-интересную картинку: Лестокъ убѣждаетъ Елизавету взойти на престолъ. Картинка помѣщена въ пятомъ томѣ *Della Storia dell' Imperio Russo compilata Dal Cav. Contradoni* (извлеченіе изъ исторіи Россіи графа *Сенора*). Сочиненіе составляетъ часть *Compendio della Storia universale antica e moderna*. Tomo XCVII. Milano. 1824 г., 8-ю д. л. Тутъ-же помѣщено плохое изображеніе Елизаветы, съ весьма-развитымъ бюстомъ. На упомянутой-же литографіи изображена комната съ

высокимъ отъ полу карнизомъ; окно съ драпри, окаймленными бахромой; у стѣны стулъ съ высокою спинкою; у другой, бокомъ къ окну, простой, чуть-чуть не кухонный столъ. На немъ большое, круглое зеркало, подѣвъ брошюга гребенка и полуоткрытая коробка: такъ представленъ будуаръ цесаревны. Сама она сидитъ въ креслѣ, бокомъ къ столу, въ утреннемъ, слишкомъ-неизысканномъ костюмѣ; одна рука лежитъ на груди, другая приподнята, на лицѣ выражается изумленіе. Босыя ноги въ туфляхъ стоятъ на скамейкѣ. Служанка взбиваетъ волосы госпожѣ. На переднемъ планѣ Лестокъ: онъ вбѣгаетъ въ комнату. Хирургъ съ выстриженною головой, длинными усами, въ длинномъ фракѣ, съ густыми эполетами (?), на ногахъ ботфорты, въ правой рукѣ извѣстная намъ картинка, лѣвая у длиннаго палаша. Подпись: «Lestocqu fa visolvere Elisabeta a farsi proclamare imperatrice.» Нечего говорить, что здѣсь: что не черта, то анахронизмъ. Изображеніе Елизаветы не имѣетъ и тѣни сходства. Лице Лестока также ни мало не похоже съ современнымъ его портретомъ, въ магазинѣ Бюшинга. (Здѣсь онъ представленъ очень-пожилымъ толстякомъ, въ пудреномъ парикѣ и французскомъ кафтанѣ, на груди виситъ портретъ Елизаветы. *Magazin. A. F. Büsching. Hambourg. 1769. T. II, стр. 415.*) Между другими картинками соч. *Compagnoni* одна изображаетъ *Viren arrestato*: стоитъ двуспальная кровать, подъ балдахиномъ, въ круглой комнатѣ. Манштейнъ въ кафтанѣ, ботфортахъ, съ косматою головой и усами, съ голою саблею въ одной рукѣ, другою вытаскиваетъ изъ-подъ кровати за шиворотъ какое-то чучело: художникъ подразумѣвалъ Бирона. На кровати, полузакрытая одеяломъ, лежитъ герцогиня. Въ ногахъ стоитъ гренадеръ. О сочиненіи *Compagnoni* см. также «Всеобщая Библіотека Россіи», *Черткова, М. 1838 г.*

(16, 17) Царствованіе Елизаветы. *А. Вейдемейера. Спб. 1834, стр. 9.* Словарь достопамятныхъ людей русскихъ, *Дм. Каменскаго. 1836 г. М. ч. 3, стр. 175.* Анекдоты о Петрѣ I, *Штеллина. Manstein, 438—445.* Записки Манштейна на долго останутся однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи Россіи во вторую четверть 18-го вѣка. Еще въ царствованіе Екатерины, вскорѣ послѣ перваго изданія мемуаровъ Манштейна на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (1771 г.), они были довольно хорошо переведены на русскій языкъ. Мы имѣли эту рукопись отъ графа *Г. А. Кушелева-Безбородко*; странно, почему она тогда-же не была напечатана. Манштейнъ изданъ на русскомъ языкѣ въ 1810 г. *Н. Глинкою* въ Дерптѣ, и *Малышковымъ. 1823. Москва.* Послѣдній пере-

водѣ особенно цюхъ и съ большими пропусками. Пора-бы издать Манштейна въ хорошемъ переводѣ, съ подробными, обстоятельно составленными примѣчаниями.

(18) *Камен.*, ч. 4, стр. 264. *Манс.* 440. Записки С. Порошина. Спб. 1844.

(19) Аничковскій дворецъ въ послѣдствіи купленъ Екатериной II и ею подаренъ Г. А. Потемкину, см. *Пушкарёва*: «Описаніе Санктпетербурга», 1839 г., ч. 1, стр. 99, 326.

(20) Отечеств. Записки *П. Соиньина*. 1825 г., ч. 25, стр. 236, «Примѣчанія на записки Манштейна».

(21) Біографіи генералъ-фельдмаршаловъ, ч. I. Спб. 1840 г., стр. 271.

(22) Опытъ біографій сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. *А. Терещенко*. Спб. 1837. ч. 2. стр. 101—108. *Merkwürdige Geschichte Elisabeth's*. 1759, in-4, стр. 47. *Вѣдомости* 1742 г., № 11. Мы имѣемъ нѣсколько писемъ изъ архива Грибоѣдовыхъ, относящихся къ 1742-му году. (О этомъ архивѣ смотр. статью мою въ *Москвитяинѣ*, 1855 г., № 12.) Какой-то Федоръ *Бехтлевъ* укоряетъ *А. Т. Грибоѣдова*, богатаго помѣщика Вяземскаго уѣзда, за озорство, что тотъ съ дубьемъ и рогатинами, въ главѣ шайки дворовыхъ челядинцевъ, ночью налетѣлъ на село сестры Бехтѣева; *изобидмъ*, выгналъ ее, а самъ поселился въ завоеванномъ помѣстьи, взятомъ съ *смертною бою*. Тщетно Бехтѣевъ просилъ Грибоѣдова оставить свои незаконныя трофеи заплатитъ за измятыя поля, сожженные амбары. Побѣдитель былъ непреклоненъ. Бехтѣевъ жаловался, дѣло пошло въ Санктпетербургъ. Безъ сомнѣнія, богатый Грибоѣдовъ выигралъ-бы тяжбу, но изъ письма къ нему его повѣреннаго Лосева, изъ Санктпетербурга, видно, что противникъ нашелъ себѣ милостивца въ М. Л. Воронцовѣ. «И ежели, государь мой», писалъ Лосевъ къ Грибоѣдову, «уповаете, что оное дѣло съ Бехтѣевымъ не весьма-право, такъ-бы, не лучше-ли вамъ съ нимъ *пока* помириться, какъ ни на есть; ибо Михайло Ларионовичъ, какъ великомочный человекъ, не сдѣлалъ-бы вамъ какой чрезъ то обиды; сильную руку Богъ судить.» Къ этимъ письмамъ нечего добавлять: изъ нихъ мы видимъ и вліяніе на дѣла *милостивцевъ*, временщиковъ, и безобразный бытъ нашихъ предковъ-помѣщиковъ.

(23) *Extraits*, 1858, стр. 89.

(24) . . . Покойный генералъ-маіоръ фонъ-*Визинъ* написалъ на это сочиненіе примѣчанія въ 1840-мъ году. Примѣчанія эти

цѣлое сочиненіе, въ которомъ авторъ излагаетъ событія съ царствованія Михаила до 1827 года, останавливаясь на любопытнѣйшихъ событіяхъ. Авторъ много сообщаетъ неизвѣстныхъ и самыхъ интересныхъ подробностей о ближайшемъ къ намъ времени. Желательно-бы было, чтобы записки эти, трудъ племянника Дениса Ивановича, явились бы гдѣ-нибудь въ печати.

(25) *Büsching*, t. 2, p. 190.

(26) П. С. З. 1743, авг. 17. «Родословіе граф. Ефимовскихъ», Спб. 1841. «Родословіе граф. Скавронскихъ», Спб. 1841, соч. *Бороздина*. О Скавронскомъ помѣщены разныя басни въ *Dictionnaire historique ou recherches sur la vie de plusieurs hommes célèbres*. 1771. 4 vol. 8 д. (О Петрѣ I-мъ, Екатеринѣ I-й, царевичѣ Алексѣѣ, Скавронскомъ и Паткулѣ.)

(27) «Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ». А. *Малиновскаго*. Посвящено императору Александру I-му. 1816, стр. 121—130. Это рукопись въ листъ, съ прекрасно-выполненными портретами. Она хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ. Странно, что она не была издана, и только отдѣльныя главы, какъ напр. біографія Ордынь-Нащокина, В. В. Голлицына были напечатаны въ «Трудахъ общества исторіи», кн. 7. 1838 и др. Не смотря на то, что и *Каменскій* и *Терещенко* въ изданныхъ ими словаряхъ много замечивали у Малиновскаго, тѣмъ не менѣе многіе еще факты, доселѣ нигдѣ не напечатанные, дѣлаютъ трудъ Малиновскаго весьма-интереснымъ.

(28) Великолѣпныя палаты А. М. *Черкаскаго*, достроенныя въ 1742-мъ году, стояли на Фонтанкѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Шереметевскаго дворца. Рубанъ, стр. 176.

(29) Описаніе происхожденія Шереметевыхъ, въ изданіи, нынѣ рѣдкомъ. 1774 г.

(30) *Вѣдомости*. 1741. № 99.

(31) 7-го декабря «становится къ холоду, склоняется къ вѣтру и жесткой погодѣ», такъ записано въ календарѣ, изданномъ при Академіи Наукъ на 1741 г. Въ единственномъ экземплярѣ сего года календарей петербургскихъ (Акад. Библ.), въ томъ-же году вырѣзаны всѣ числа, противъ которыхъ записаны табельные дни членовъ семейства правительницы. Любопытно, что Академики, занимавшіеся изданіемъ календаря, до такой степени были смущены и озабочены ноябрьскими событіями, что забыли записать день, въ который стала Нева въ 1741-мъ году, (что, безъ сомнѣнія, было въ 20-хъ числахъ сего мѣсяца). Въ росписи дней,

когда сталь прошелъ ледъ на Невѣ съ 1718 г. по 1742-й акуратно записаны всѣ эти дни, но за 1741-й годъ не записано. Вообще календарь, первой половины XVIII вѣка, явленіе довольно-любопытное: они даютъ понятіе о современномъ развитіи общества; вотъ, напр. какого рода *прогностики* напечатаны въ календарѣ 1722 г. 1) О войнахъ и мирскихъ дѣлахъ. 2) О болѣзняхъ сего года и т. п. Все это самыя любопытныя предсказанія, выведенныя изъ *астрологическихъ наблюдений*. Въ Сѣв. Архивѣ, ч. 36, N° 11—12, помѣщены замѣчанія о календаряхъ Петровскаго времени.

(32) *Порошинъ*, 75. *Magazin für die neue Historie*, t. 19—20.

(33) Сочиненія А. *Камтемира*, изд. А. *Смирдина*, Спб. 1847 г.

(34) Extraits de la correspondance de divers résidents étrangers accrédités auprès de la cour de Russie, au commencement de XVIII siècle, въ 3-й части извѣстнаго сочиненія *Н. П. Тургенева*: «La Russie et les russes», Bruxelles, 1847, стр. 258—290.

(35) *Mémoires du duc de Lihria*. Paris. 1788, p. 44. Не всѣмъ, можетъ-быть, извѣстно, что знаменитый И. И. Бецкій былъ побочный сынъ И. Ю. Трубецкаго.

(36) «Исторія Петра I-го», *В. Бермана*. 1833 г., т. 6, стр. 60—80.

(37) Въ третьей заглѣ Румянцовскаго Музеума виситъ превосходно-выполненный портретъ Александра Ивановича, во весь ростъ. Впечатлѣніе, производимое выраженіемъ его лица, не опровергаетъ рѣзкаго отзыва Нащокина.

(38) Словарь достоп. русск. люд. *Каменскаго*, изд. 1847 г. Спб., ч. 3, стр. 444. *Сказанія* о родѣ Долгоруковыхъ. Спб. 1840, стр. 259. Рѣзкая и справедливая характеристика Ушакова сдѣлана *П. К. Щербальскимъ* въ N° 5-мъ Русской Газеты 1859 года.

(39) *Oeuvres militaires du prince de Ligne*. VI, стр. 20—84. *Hupel's Nord. Miss. XV—XVII*, стр. 629.

(40) *Щербатовъ*, стр. 36—44. *Туманскій*; ч. I, стр. 304—307. Родословная книга княжескихъ фамилій, *рукопись* Акад. Библ., N° 30—31, въ листъ. Собр. списк. кавал. четыр. русск. орденовъ, *Каменскаго*. — *Кропоткинъ*: Военн. Энцикл. Лекспк., 1841 г., ч. 5-я, стр. 415. Фельдмаршалы, *Каменскаго*, ч. I, стр. 159. П. С. Зак. 1739 г., ноябр. 12. *Сказанія*. 89—97. Въ 1853-мъ году были изданы замѣчанія на эту книгу, подъ заглавіемъ: «Фамиліи князя Алексѣя *Долгорукаго*». Книжка не велика по объему, но богата тщеславными выходками. Между прочими любопытна слѣдующая: авторъ-князь сильно оскорбляется гвѣмъ, что люди

не свѣдующіе смѣшиваютъ ливреи Долгоруковыхъ съ ливреями Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ; разъ навсегда онъ разрѣшаетъ недоумѣнье: «ливрея *наша* красная, черный воротникъ, обшлага и карманы (?), золотой жилетъ или камзолъ, голубые (а не *красные*) панталоны; Аргутинскихъ красныя безъ чернаго (?), золотой жилетъ и голубыя панталоны». Авторъ сердится за то, что многіе думаютъ, что *есть* князь имѣютъ право носить *красную* ливрею, напротивъ, *право это* далеко не всѣмъ предоставлено и т. п. (стр. 30).

(41) *И. А. Остерманъ* опровергаетъ слова Манштейна, повторенныя въ сочиненіяхъ *Каменскаго*, *П. Долгорукаго* и *Терещенко*. «Напрасно Манштейнъ», замѣчаетъ Остерманъ, «обвиняетъ принца Гомбургскаго въ доносѣ на В. В. Долгорукаго. Послѣдній, единственно по невоздержанности своего языка, дважды былъ сосланъ въ заточеніе». От. Зап. 1825 г., ч. 21, стр. 232.

(42) *Моск. Вѣд.* 1782 г. Записки *Н. Б. Долгорукой*. Родосл. Сборн. *П. Долгорукаго*. 1841. Спб., ч. 1, стр. 108, ч. 3, стр. 21.

(43) *Минихъ-отецъ*: «Ebanche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhague». 1774.

(44, 45) «Записки *А. С. Пушкина*», Собр. его сочин., т. 11-й, изд. 1841 г., стр. 197. Въ уединеніи Ганибалъ на французскомъ языкѣ описывалъ исторію своей жизни; но, однажды (въ царствованіе Анны), услышавъ звонъ колокольчика близъ своей деревни, вообразилъ, что за нимъ ѣхалъ нарочный изъ Санктпетербурга. Въ принадлежнѣ паническаго страха онъ сжегъ интересную рукопись. По свидѣтельству *А. С. Пушкина*, его прадѣдъ всегда дрожалъ при звукѣ колокольчика.

(46) Описание Кіевской іерархіи, митроп. *Евгенія*. *Ростокъ митропол. кіевскихъ*. 1776 г., стр. 100.

(47) *Истор. Росс. іерархіи*, ч. I, стр. 198.

(48) Жизнеописан. русск. адмираловъ, *Бера*, ч. 1, изд. 1834 г.

(49) Отеч. Зап. 1825 г., ч. 21, стр. 238.

(50) Записка изъ дѣла *А. П. Волинскаго*, см. въ «Чтеніяхъ *Бодянскаго*. Москва, 1858 г. О Волинскомъ-же смотр. извѣстную статью *А. А. Краевскаго*, Энц. Лек. 1838, т. 11. *Порошинъ*, стр. 74—75.

(51) *Устряловъ*: Энц. Лек. 1836, т. 6. *Manstein*, стр. 451. *Сергеевичъ*: Записки о родѣ Голицыныхъ. Спб. 1853, стр. 81—87. Ярославскій *дворянинъ* Бобринцевъ-Пушкинъ приклякъ *Бирена* чрезвычайно ласкою. Герцогъ сталъ жить роскошно и весело. Его обыкновенно видѣли въ короткомъ бархатномъ полукастаньѣ,

опушенномъ соболемъ, въ родѣ венгерки, съ золотыми выкладками, а на ней шитая орденская звѣзда, украшенная драгоцѣнною осыпью. За персидскимъ кушакомъ заткнуть былъ турецкій ятаганъ; волосы покрыты пудрою; польская, бархатная шапка съ золотыми шнурами, перчатки съ крагенами, огромныя сапоги съ ужасными шпорами составляли его убранство. Съ хлыстомъ въ рукахъ посѣщалъ онъ именитыхъ жителей Ярославля, ѣздилъ съ ними на охоту и жилъ спокойно. По словамъ *И. А. Остермана*, Биронъ получалъ въ это время только 6000 р. содержанія. От. Зап. 1825 г., ч. 21. *Magazin, D. A. F. Büsching.* 1788, t. IX. Довольно плохой переводъ записки Бирона отпечатанъ въ Сынѣ Отеч. на 1829 г., ч. 129, стр. 151—158. Въ Академ. Библиот. находится посланіе Бирона въ стихахъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Оно отпечатано на большомъ листѣ, въ красиво-гравированной рамкѣ, въ верху напечатаны ноты, на нихъ переложены стихи, послѣдніе напечатаны въ низу, въ два столбца: текстъ нѣмецкій, съ права переводъ русскій. И оригиналъ и переводъ равныхъ достоинствъ. Доселѣ нигдѣ не упоминалось о этой интересной библиографической рѣдкости. Приводимъ буквально русскія вирши Бирона:

«Когда ты чтуть многія народы,
 Монархія Самодержавна!
 Гласить въ свои и младость годы,
 Ея жъ на мнѣ одежда явна.
 Покорна ея вся ти рѣзвость,
 И такъ чиста, и непорочна,
 Въ подданныхъ какъ всей любви трезвость,
 Или какъ цорфира ти точна.

* * *

Не гнѣвайся, что объявляю:
 Очей ти мнѣ свѣтъ токмо нравень;
 Въ высокости цѣны не знаю,
 Въ вѣнцахъ силу-жъ знать неисправень!
 Мнѣ только слава объявила,
 То теперь лишь въ память приходитъ,
 Что многа глава ихъ носила, ●
 Но твоя вся тѣ превосходитъ.

* * *

Буде монархія мнѣ вольно,
 Польстить въ прозбѣ себя душею,
 Прошу покрывать мя довольно,
 Раба, милостию твоею:

Карль-бо твой, живеть что тобою,
И будеть твой собственный въ вѣки,
Отдаеть ти всю жизнь собою,
За милости твоя рѣки.

* * *

О Боже, ту благослови самъ!
По многой твоей благостыпѣ!
Когда ея жизнь толь нужна памѣ,
Продай счастье дни ей нынѣ!
Возьми младости моей лѣта
Въ жертву, закрывъ мои зѣяныи,
Къ лѣтамъ приложи оны свѣта
Великия императрицы.»

«Тако засвидѣтельствовавъ августѣйшей императрицѣ всероссійской въ торжественнѣйшій ея праздникъ коронаціи, апрѣля 28-го 1734 года, всеподданинѣйшія своя желанія Карль Эрнестъ, графъ фонъ-Биронъ.»

Карль-фонъ-Биронъ, по словамъ современниковъ, лично его знавшихъ, былъ человѣкъ самый необразованный, грубый, необходимый и притомъ страшнымъ образомъ изувѣченный отъ побоевъ, бывшихъ послѣдствіями его страсти къ вину и распутству.

(52) Диплом. снош. русск. Двора съ европ., IV части. Отецъ Безстужева-Рюмна, Петръ Михайловичъ, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ возведенъ въ графское достоинство. Вѣриѣйшій портретъ Алексѣя Петровича Безстужева помѣщенъ въ магазинѣ Бюшннга.

(53) *Ebanche*, стр. 121. Очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра I го до учрежденія министерствъ. Казань, 1855. Фамилія Голицыныхъ, забытая въ царствованіе Анны, поднялась при Елизаветѣ. Между другими, оберъ-гофмейстериною Двора была пожалована жена покойнаго фельдмаршала, князя М. М. Голицына, Татьяна Борисовна.

(54) П. с. З., т. XI, № 8480. *Manstein*, стр. 484. «Изъ числа прежнихъ сенаторовъ, при новомъ назначеніи», по словамъ Шаховскаго, «исключены П. Салтыковъ, П. Шиповъ, А. Пушкинъ, В. Стрѣшневъ и я, любимецъ опальнаго, графа Головкина» Шаховской прекрасно характеризуетъ вновь возвеличенныхъ сановниковъ. «Отъ меня, опальнаго, отворотились люди, мною облагодѣтельные; со мной перестали говорить... Наконецъ получаю приказъ явиться въ Сенатъ. Являюсь во дворецъ; офицеръ, нѣкогда встрѣчавшій меня съ глубочайшими поклонами,

нынѣ не тронулся съ мѣста. Экзекуторъ, не позволявшій себѣ сѣсть въ моемъ присутствіи, нынѣ, преспокойно занимаясь своимъ дѣломъ, не скоро отправился съ докладомъ обо мнѣ. Сухо и холодно обошелся со мной оберъ-прокуроръ Брылкинъ, мой бывшій хорошій пріятель, также любимецъ Головкина, при паденіи котораго не только не пострадалъ, но удержался на прежнемъ мѣстѣ, и Богъ знаетъ какъ, вкрался въ довѣренность Никиты Трубецкаго.... Между-тѣмъ, въ продолженіи нашего разговора, всѣ двери распахнулись настежь. Офицеръ и экзекуторъ бѣжали впереди, расчищая сквозь тысячу просителей, нашей братьи площадныхъ дворянъ, дорогу для господъ сенаторовъ. И я, недавно господинъ сенаторъ, въ такихъ-же блестящихъ почестяхъ бывшій, нынѣ, вмѣстѣ съ другими, сталъ къ сторонѣ, съ почтеніемъ уступая дорогу многомочнымъ господамъ.... Изъ нихъ, нѣсколько дней назадъ бывшихъ моими пріятелями, только одинъ, князь А. Д. Голицынъ, оказалъ прямо образъ человѣка: онъ подошелъ ко мнѣ, говорилъ съ прежнею ласкою и дружелебіемъ.... Но, вотъ, опала прошла, я оберъ-прокуроръ Синода, въ одномъ рангѣ съ оберъ-прокуроромъ Сената, и предо мною распахиваются на стежь двери; экзекуторъ и офицеры встрѣчаютъ на лѣстницѣ, расчищаютъ суетливо дорогу, члены Синода, именитые архипастыри, говорятъ льстивыя привѣтствія.» Ч. I, стр. 54—62. Жизнь Я. П. Шаховскаго, соч. А. Н. Радищева, стр. 58—64. *Manstein*, стр. 454. Опредѣленіе Шаховскаго оберъ-прокуроромъ, см. № 5 *Вѣдомостей* 1742 г. Прокурорами въ остальные коллегии и тому подобныя учрежденія, были назначены Константинъ *Баклановскій*, Михайло *Бодановъ*, Иванъ *Яковлевъ*, *Лопухинъ* — всѣ они выпороты плетью и кнутами въ мартѣ 1718 года, по дѣлу царевича Алексѣя. Изъ Сибири возвращены въ 1728-мъ году, по указу Петра II-го.

(55) П. с. З. № 8481. *Вѣдом.* 1741 № 101.

(56) *Вѣдом.* № 102.

(57) Амвросій Юшкевичъ, епископъ Новгородскій, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ своего времени. Каменскій находитъ лучшимъ словомъ Амвросія, сказанное 18-го декабря 1841 г. Странно, однако, что никто не обратилъ вниманія на проповѣди и предики сего времени, столь важные историческіе матеріалы. Замѣчательно, что этотъ же Амвросій въ 1739 году, въ словѣ по поводу бракосочетанія принцессы Анны, превозноситъ какъ ее, такъ добродѣтели и милосердіе Анны Ивановны. Но вотъ наступило утро 25-го ноября и поэты, проповѣдники, ораторы стали уничтожать

свои хвалебныя произведенія, посвященные двумъ Аннамъ, надо было заготовлять новыя Елизаветѣ. Усердіе ихъ при уничтоженіи было такъ велико, что до-сихъ-поръ, при всѣхъ усиліяхъ, я не нашелъ проповѣди Амвросія (1739 г.) ни въ общественныхъ, ни во многихъ частныхъ библіотекахъ. Нечего и говорить, что архипастырь не хотѣлъ и видѣть Рѣчи своей 1739 года, и чѣмъ сильнѣе было воспоминаніе о семъ *грѣховномъ* Словѣ, тѣмъ энергичнѣе гремѣлъ онъ проклятіемъ надъ правленіемъ Анны Леопольдовны. Оп. слов. рос. писат. *Н. И. Новикова* 1771. *Моск. Вѣд.* 1834.

(58) *О. О. Куникъ* доставилъ намъ какъ Вѣдомости 1741—1742 г. съ ихъ примѣчаніями, такъ и проповѣди 1741—1742 г. Въ первый годъ царствованія Елизаветы проповѣди говорились почти каждое воскресенье, чего желала сама императрица. Всѣ они напечатаны въ томъ же году церковною или гражданскою печатью. Намъ извѣстно 44 проповѣди сего времени. По катологамъ *Сопикова* (1815), *Шурлева* (1830), *Плавильщикова*, *Смирдина*, *Заикина*, *Ольхина*, и друг. не видно, чтобы было напечатано болѣе; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ каталоговъ вовсе не упоминается о проповѣдяхъ 1741—1742 г. Печатавшіяся вкратцѣ, въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, они сохранились въ одномъ только экземплярѣ въ Академической Библіотекѣ, куда поступили отъ извѣстнаго Крекшина. Долгомъ считаемъ здѣсь принести полнѣйшую благодарность Оресту Орестовичу Кунику за то живое участіе, которое онъ принялъ въ нашемъ трудѣ, и тѣ совѣты, которыми мы, по мѣрѣ силъ, старались воспользоваться. *А. Д. Галахову*, *Н. В. Калачову*, *П. П. Ламбину* и *Н. Г. Устрялову* обязаны мы указаніями на нѣкоторые источники.

(59) Тексты, выбираемые для проповѣдей сего времени, обыкновенно прямо или косвенно относились либо къ Елизаветѣ, либо къ лицамъ и обстоятельствамъ, способствовавшимъ ея воцаренію. Любопытно, что до декабря 1742 года въ продолженіи одного года отпечатано 44 проповѣди, а въ двадцать лѣтъ до 1742 г. вышло изъ печати 16 Словъ! Неизвѣстно, что было причиною сего обстоятельства: устала-ли Елизаветѣ читать, утомились-ли проповѣдники ихъ говорить?

(60) Начиная съ Амвросія всѣ проповѣдники превозносили Петра I и Екатерину I, прямо и рѣзко осуждали десятилѣтнее владычество Бирона, но никогда ни у кого не нашли мы выходы противъ личности принцессы Анны. Можетъ быть, имъ совѣстно

было гремѣть противъ женщины, умъ и добродушіе которой они такъ недавно превозносили?

(61) Если Амвросій немного и украсилъ свою рѣчь риторическими фигурами, тѣмъ не менѣе подробности, сообщаемыя имъ о экспедиціи 25-го ноября, не могутъ быть не достовѣрными; трудно допустить, чтобы архіепископъ рѣшился сочинять и лгать о событіяхъ, дѣйствующія лица которыхъ стояли въ толпѣ его слушателей.

(62) Мы уже говорили въ предшествовавшей статьѣ, Елизавета вывела изъ сѣязжей Преображенскаго гренадерскую роту въ составѣ 360 человекъ безъ офицеровъ, но при унтеръ-офицерахъ.

(63) Еще Петръ I, какъ извѣстно, сильно желалъ искоренить суевѣріе, ханжество, пустосвятство и невѣжество нашего духовенства. Преемники государя въ этомъ случаѣ только слѣдовали его прихѣру; но самымъ рьянымъ гонителемъ фанатизма былъ не Биронъ, не Анна Ивановна, а архіепископъ псковскій честолюбивый, проницательный, тѣмъ не менѣе вполне образованный, Теофанъ Прокоповичъ.

(64) Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь витія подразумѣвалъ Теофилакта *Лопатинскаго*, архіепископовъ Θεодосія, Ванатовича, Юрлова и друг. пострадавшихъ не столько отъ Бирона, сколько отъ Теофана Прокоповича.

(65) Прокоповичъ былъ сильно склоненъ къ лютеранству. Вообще, говорятъ Каменскій, лютеранская и кальвиническая секты въ Петровскій періодъ имѣли много тайныхъ и явныхъ доброжелателей между православными, въ высшемъ слоѣ общества.

(66) Архіепископъ Θεодосій, заточенный въ 1726 году въ Архангельскомъ монастырѣ подъ присмотромъ гвардейскихъ солдатъ, скончался отъ сквернаго помѣщенія и еще сквернѣйшей пищи.

(67) Манштейнъ, И. А. Остерманъ и друг. также считаютъ тысячами ссыльныхъ съ 1727—1740.

(68) Амвросій хорошо зналъ, что въ числѣ слушателей были иноземцы: Лестоки, Шетарди, Шварцъ и другіе.

(69) Напр. Менгенъ, президентъ комерцъ-коллегіи; въ это время онъ сидѣлъ въ крѣпостномъ казематѣ.

(70) Амвросій былъ отчасти правъ, упрекая Минниха. «Фельдмаршалъ, по словамъ *Леди Рендо*, никогда не размышляетъ, сколько онъ людей приноситъ въ жертву своего честолюбія.» «Миннихъ, говорятъ графъ *Амаротти*, купается въ кровѣ; солдаты больше

боятся, нежели любить его. (Lettres d'une dame anglaise. 1788. Letter IV, to Lord Hervey.)

(71) Въ 1739 году Амвросій превосносилъ Миниха, какъ побѣдителя Турокъ.

(72) Остерманъ и Минихъ, видя, что правительница не внимаетъ ихъ совѣтамъ, спѣшили отъѣздомъ за границу и перевели туда свои капиталы. Въ Кенигсбергѣ, по приказу короля прусскаго, все уже было готово для принятія Миниха.

(73) Описаніе празднествъ въ Выборгѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Глуховѣ и Архангельскѣ: съ *Влѣд.* 1741, N° 104. 1742, N° 2, 5, 7. Описаніе рижской иллюминаціи напечатано тогда же отдѣльно, въ листъ экз. Публ. Библ.

(74) *Прим.* *Влѣд.* 1741 г, 98—102. Изъясненіе фейерверка 18-го декабря, оно было издано отдѣльно на русск. и нѣмец. языкъ.

(75) Тѣмъ же словамъ *Юнкеръ* хвалилъ принцессу Анну въ 1732 году. *Влѣд.* *Петерб.*

(76) «*Собраніе русскихъ медалей*» Спб. 1740 г. N° 123. Медали временъ Елизаветы принадлежатъ *Вехтеру* изъ Золлингена. *Вехтеръ* также оставилъ нѣсколько хорошихъ медалей. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣланы *Т. Ивановымъ* и друг.

(77) Медаль работы *Вехтера*, копія *Иванова*. N 124.

(78) Печат. при Акад. 4 д. граждан. печатью стр. 1—24.

(79) Тоже при Ак. 4 д. стр. 1—12.

(80) Слоны были присланы Шахомъ-Надиромъ въ началѣ 1741 г. *Влѣдом.* N° 102.

(81) П. с. З. N° 8490,8493. Въ этотъ же день состоялся указъ о дѣланіи новыхъ монетъ, и о сдачѣ прежнихъ съ портретомъ принца Юанна. Давался годъ сроку, послѣ котораго деньги эти не должны были быть въ употребленіи. N° 8494. «Обозр. русскихъ денегъ.» *Шодуара*. Спб. 1837 г.

(82) П. с. З. N° 8491. Изъ описанія одеждъ русскаго войска *А. Висковатова*. Спб. 1842 г. т. 2, видно, что тогдашняя форма Преображенцевъ была довольно проста, красива и удобна. Ее составляли: кафтанъ, камзолъ, поясная портупья съ сумкой, шарфъ черезъ плечо, откладной воротникъ, треугольная шляпа, штиблеты и башмаки.

(83) Много интересныхъ и характеристическихъ подробностей о состояніи гвардіи того времени разсѣяно въ полковыхъ архивахъ. Благодаря *М. Д. Хмырову*, мы имѣли возможность поль-

зоваться рукописями архива Измайловскаго полка. Канцеляріи полковныя въ то время были завалены громадною перепискою. Бумаги полка за одинъ 1742-й годъ составляютъ 35 толстѣйшихъ книгъ. Заглавія входящихъ бумагъ въ это время составляютъ толстую книгу въ 4000 номеровъ. Перечень исходящихъ бумагъ состоитъ изъ 8000 нум. Вѣдомости о раздачѣ отъ государыни *имянинныхъ* и *крестинныхъ* денегъ занимаютъ три книги. Особенно интересны *Приказныя* книги: нѣкоторыя изъ приказовъ чрезвычайно характеристичны: «26-го ноября 1741 г. господамъ офицерамъ подтвердить солдатамъ, чтобъ отъ пьянства и ссоръ воздерживались. Унтеръ-офицерамъ ходить дозоромъ почаще и смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ кабакахъ и иныхъ непотребныхъ мѣстахъ солдатъ бы не было, а буде таковыя будутъ, тѣхъ брать подъ караулъ и нещадно наказывать.» (л. 290.) Нѣтъ сомнѣнія, что въ ночь на 25-ое ноября солдаты вели себя не совсѣмъ скромно. А вотъ чѣмъ Елизавета поддерживала свою популярность. Въ приказѣ того же дня: «О солдатахъ гренадерахъ, которые случатся имянинниками, и у кого будутъ крестины, и пожелаютъ чтобъ крестила ея величество, и о тѣхъ подавать особыя вѣдомости ко двору.» Нѣкоторые офицеры и солдаты Измайловскаго и другихъ полковъ были награждены въ первые же дни по воцареніи Елизаветы. Такъ напр. капитанъ И. Гурьевъ, приказомъ отъ 1-го декабря, былъ произведенъ въ Секундъ-маіоры «за особую, извѣстную ея величеству, службу.» (л. 295.)

Командиромъ полка былъ принцъ Гомбургскій. Предписанія отъ его имени составляютъ два тома. Неизвѣстно, умѣлъ-ли онъ читать по-русски, но писать не умѣлъ; онъ подписывался такъ: Пуртх. П. Г. Г. (Принцъ Гессенъ-Гомбургскій.)

Нельзя пропустить безъ вниманія того обстоятельства, что первые дни, по восшествіи Елизаветы, въ полковыхъ приказахъ постоянно встрѣчаются вызовы: не нашелъ-ли кто шапку, сумку, аммуницію, даже ружье, потерянные ночью 25-го ноября у дворца, (л. 298, 301, 304, 319 и др.). Первое время солдаты, ласкаемые государыней, гордые своими подвигами, ежедневно обращались къ ней съ самыми мелочными просьбами. Въ слѣдствіе чего, 15-го декабря во всѣхъ полкахъ воспрещалось впредь «челобитень о партикулярныхъ своихъ дѣлахъ не подавать лично самой государынѣ, а дѣлать то по командѣ.» (л. 307.) 30-го декабря также запрещено солдатамъ прямо ходить во дворецъ и беспокоить Елизавету просьбами крестить ихъ дѣтей (л. 320.). Для

ношенья кушаній на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ наряжались гвардейскіе солдаты, причѣмъ выбирали обыкновенно: «изъ передней шеренги молодыхъ, рослыхъ и здоровыхъ» (л. 321.)

Подтвержденія о воздержаніи отъ пьянства и продерзостей были напрасны. Почти въ каждомъ дневномъ приказѣ мы встрѣчаемъ такого рода распоряженія: «капитану Данебергу рядоваго Садовникова за пьянство и проч. продерзости нещадно выпоротъ батогами предъ ротою, причѣмъ подтвердить» и проч. (л. 296.) Не смотря на наказанія, безпорядки въ полкахъ были довольно важные: отлучки изъ караула, даже изъ дворца, буйства въ кабакахъ, напрасныя оговариванья *словомъ и дѣломъ*, продерзости начальникамъ, кровавыя драки другъ съ другомъ, безпрестанные побѣги изъ полка, все это было дѣлами довольно частыми и обыкновенными (л. 299, 300, 303, 305, 308, 311, 313, 314. Прик. 1742 л. 4, 16, 17, и друг.) Наказывали арестами, переводомъ въ армію, батогами. Болѣе строгія мѣры употреблялись въ первые мѣсяцы довольно рѣдко. Такъ напр. «рядовому Семенову за то, что онъ, «отлучась изъ дворцоваго караула, сталъ въ пьяномъ видѣ ссориться, матерно ругать лавочника Митрофанова, затѣмъ подстрѣлилъ его изъ ружья» присуждено было отсѣчь правую руку. Государыня въ неизрѣченной своей милости смягчила приговоръ: Семеновъ пропущенъ сквозь строй семи тысячъ рядовыхъ, вооруженныхъ пшицрутенами. Изъ приказовъ видно, что иногда гоняли сквозь полкъ пять разъ. (Полкъ состоялъ изъ 2100 рядовыхъ.)

(84) *Пет. Вѣд.* 1742 г. N° 2. стр. 14.

(85) Печ. гражд. печ. Спб. Ак. Наук. 4 д. стр. 1—15.

(86) Въ 1 и 2 ч. Примѣч. къ Вѣд. 1742 г. помѣщено описаніе иллюминаціи 1 янв. стр. 1—8. Оно было тогда же издано отдѣльно въ листъ. Кстати замѣтимъ, что объявленія Вѣдомостей того времени даютъ намъ довольно хорошее понятіе о расходахъ двора разныхъ припасовъ. Такъ напр. на 1742-й годъ требовалось «на обиходъ двора ея величества» поставки: «весьма знатнаго числа корицы, мушкатныхъ орѣховъ, сахару, кофе ливанскаго, кофе ординарнаго, смоквы, вишень сухихъ, оливокъ, капорсу, пшена сорочинскаго, крахмалу бѣлаго и синяго, тартуфелю, оленьяго рогу тертаго, коринки, конфектовъ французскихъ, сыру и друг. Винъ бургонскаго, шампанскаго, рейнвейна, бѣлаго, краснаго и др. весьма изрядное количество. Меду 500 пудъ, хмѣлю 400 пудъ и проч. (N° 5, 7, 30, 34, и друг.) Припасы собирались въ такомъ громадномъ числѣ, что въ апрѣлѣ 1742 г. дворцовыя

конюшни продали 18000 пудовъ лишняго сѣна. Дровъ ставилось въ годъ 9300 саж. Кромѣ поставокъ на дворъ, газеты требовали поставщиковъ на каторжныхъ невольниковъ: холста 20,000 арш. сукна сермяжнаго 7,800 ар. и проч.»

(87) П. с. З. № 8496, 8497, 8498, 8500, 8502, и 8505.

(88) «Биографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ». А. *Малиновскаго*. Рукоп. Румянцовскаго Музеума. № 266 въ листъ стр. 112—115. *Тереценко* ч. 3. стр. 124—216. *Каменскій* 1836 г. ч. 4, стр. 78—88. *Еюжж*. Дѣян. Полковод. Петра 1-го, 1813 г. ч. 2.

(89) *Manstein*. 426.

(90) *Берманъ* ч. 6. стр. 263. *Тереценко* ч. 3. стр. 126. *Нащонинъ* 68. *Manstein*. 428. *Малиновскій* 117—124. *Карамзинъ* (Зап. о древн. Рос.), стр. 55. *Büsching*. 1769. т. 410—414. О Миннихъ тамъ же т. III. стр. 383—526.

(91) Не имѣя возможности, прочитатъ подлинное дѣло суда надъ Остерманомъ и его товарищами по заключенію, мы должны довольствоваться манифестомъ 22 января. П. с. З. № 8506 стр. 567—577. Домъ Остермана подаренъ А. П. Безстужеву-Рюмину. См. «Описаніе Спб.» *Богданова* 1751 г. изд. *Рубана*. 1779 г. стр. 162, рисун. 47. *Бергольцъ* такъ писалъ въ 1722-мъ году о Петропавловской крѣпости; (ч. 2 стр. 140.) «Она имѣетъ нѣсколько толстыхъ, каменныхъ бастіоновъ, уставленныхъ большимъ числомъ пушекъ. Сооруженіе ея стоило множества народа; по недостатку хлѣба и одежды люди умирали какъ мухи, и тамъ же хоронились. Петропавловская крѣпость родъ Парижской бастиліи; въ ней содержатся всѣ государственные преступники, въ ней производятся нещадныя, тайныя пытки; подъ валами сдѣланы казармы и казаматы.»

(92) Всѣ эти обвиненія еще прежде, съ церковныхъ каедръ, высказаны велерѣчивыми ораторами.

(93) *Шаховской*. Спб. 1821. Ч. I, стр. 69—81. *Радищевъ*, въ биографіи князя Шаховскаго (Москва. 1810 г.), взялъ слѣдующій эпиграфъ изъ Державина, воплія характеризующій Шаховскаго:

Закону Божию послушенъ,
 Чувствителенъ, великодушенъ,
 Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
 Къ себѣ строгаѣ, чѣмъ къ другому,
 Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
 Идетъ, лишь по пути прямому.

(94) «Географической словарь Россіи, въ настоящемъ ея видѣ». Москва. 1801—1806. 4 д. 6 томовъ. *Максимовича* и *Щекатова*. Ч. I, стр. 387. Это капитальное въ своемъ родѣ изданіе нынѣ рѣдко. Также смотр. Географическій лексиконъ Россіи *Миллера*. 1773. Москва. Стр. 28.

(95) Федоръ Андреевичъ Остерманъ подарилъ эту біблію А. Малиновскому. При рукописи послѣдняго приложенъ лучший портретъ А. И. Остермана. Жена его скончалась въ собственномъ имѣніи, 24 февраля 1781 года, на 83-мъ году отъ рожденія. *Малиновскій*, стр. 119. *Manstein*, стр. 426—439. *Rondo*, стр. 85. *An. de la cour de Russie*, т. V, стр. 255. *De Lihria*, т. III. Schreiben eines Freundes wegen der Execution so an denen gewesenenen Staats-Ministern zu St. Petersburg den 22. Jan. 1742 ist vollzogen worden. 4 д., 8 стр. Манифестъ 22 января 1742 г. былъ напечатанъ на шведскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ.

Въ октябрѣ 1742 года, въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ изданы на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія А. И. Остермана, соч. *Гемпеля* (12 д., 304 стр.). Въ слѣдующемъ году было напечатано такое-же сочиненіе въ Бременѣ (8 д., 664 стр.). Экземпляры всѣхъ этихъ изданій, найденные въ Петербургѣ, по приказу Елизаветы, были преданы сожженію. Нѣкоторыя подробности о сыновьяхъ Остермана можно, между прочимъ, найти въ интересныхъ, весьма важныхъ для русской исторіи, запискахъ *А. И. Энгельгардта*, напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1859 г., кн. 2, 4 и друг.

(96) О продажѣ пожитковъ совѣтника посольства, Гросса, было неоднократно объявлено въ Вѣдомостяхъ профессоромъ Вейтбрехтомъ (1742 г., стр. 200, 474 и друг.). Тамъ-же о продажѣ конфискованныхъ вещей Миниха, Остермана, Менгдена и друг. (стр. 255, 459 и друг.).

(97) *Максимовичъ*, ч. 4, стр. 1027—1029. *Миллеръ*, стр. 241. Жизнь графа Миниха, соч. *Галлема*, 1806 г., стр. 212. «Отч. Записки», 1829 г., ч. 38, стр. 211—228. *Manstein*, стр. 426—439. *Histoire de Russie M. Levesque*, т. V, стр. 234. 1783. *Lihria*, стр. 125. *Минихъ-сынъ*. Спб. 1817. *Рубанъ*, стр. 64. Все имѣніе Миниха было описано: прекрасный домъ его въ Гостилицахъ, въ 54 верстахъ отъ Спб., подаренъ А. Г. Разумовскому. *Сольмсъ*, адъютантъ Миниха, повѣствуетъ, что фельдмаршалу было назначено на содержаніе 6000 руб., но онъ не получалъ и половины этой суммы. И. А. Остерманъ противорѣчитъ Сольмсу. Мартенсъ пріѣхалъ изъ Галле въ 1741-мъ году на мѣсто магистра Рихтера,

который былъ вызванъ для петербургскаго нѣмецкаго евангелическаго прихода. У Бюшинга напечатаны молитвы Миниха.

(98) *Бергюльцъ*, ч. 2, стр. 174—184. *Малиновскій*, стр. 126. *Шаховской*, стр. 46—49. *Нащокинъ*, стр. 221. Мыза Ропша принадлежала М. Г. Головкину. Елизавета взяла ее на себя. Здѣсь кончилъ жизнь племянникъ ея, Петръ III, послѣ чего Екатерина II подарила Ропшу, свидѣтелю его кончины, Г. Г. Орлову.

(99) *Максимовичъ*, т. 2, стр. 14. *Миллеръ*, стр. 67. Германова слободка есть въ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда? Вейдемейеръ, въ брошюрѣ: «Царствованіе Елисаветы Петровны», дѣлаетъ пренаивныя ошибки; такъ, наприм., на 24 стр. *третью* изданія онъ пишетъ: «Не смотря на болѣзненное состояніе графа «М. Г. Головкина, онъ пребылъ въ ссылкѣ до 1767 года (!), въ который и скончался. Удивительно, восклицаетъ авторъ, что Головкинъ «не былъ возвращенъ ни при Петрѣ III, ни при Екатеринѣ II.» Стоило-бы только г. Вейдемейеру заглянуть — ну, хоть въ записки Шаховскаго (изд. 1810 и 1821 г.), и онъ узналъ-бы, что *въ 1767 г. трунъ* Головкина, возвращенный на родину, уже *двѣнадцать* лѣтъ покоился въ Москвѣ. Жена сего министра не была забыта Екатериной II. Графиня получила нѣсколько тысячъ крестьянъ, столь щедро раздаваемыхъ государыней, и званіе штатсъ-дамы, потерянное ею въ 1741 году.

(100) *Максимовичъ*, ч. 5, стр. 1077. *Миллеръ*, стр. 365.

(101) *Порошинъ*, стр. 75.

(102) Подлинныя бумаги и письма, относящіяся къ судьбѣ правительницы, хранились въ Публичной Библиотекѣ. Въ 1851 году они поступили въ Государственный Архивъ. На основаніи этихъ бумагъ М. А. Корфъ составилъ въ высшей степени любопытную записку: «Отправленіе брауншвейгской фамиліи *въ Холмогоры*». Жаль, если этотъ трудъ, наполненный до селѣ неизвѣстными подробностями, не явится въ печати. Статья *Шольнова*: «Отправленіе брауншвейгской фамиліи *изъ Холмогоръ* за границу», отпеч. въ Труд. Акад. 1840, ч. 1. См. также *Яковлева*: жизнь Анны Леопольдовны. 1814 г. Магазины *Бюшинга*. 1779 г., ч. 6. 1788, ч. 22. О Холмогорахъ см. «Начертаніе исторіи сего города» В. Крестинина. Спб. 1790. Прекрасный очеркъ состоянія сего города помѣщенъ въ «Путешествіи» С. В. Максимова. Спб. 1858 г. Морск. Сборн. О принцѣ Іоаннѣ смотр. «Recueil de pièces, conservant la mort du Prince Iwan, fils aîné du duc Antoine Ulric de Brunswic-Lunebourg, second frère du duc regnant de ce nom et de la princesse Anne de Mecklenbourg-Schwerin, *petite fille* de Pierre I,

Londre. 1765. 8 д. Книжка не такъ важна по содержанию, какъ рѣдка въ библиографическомъ отношеніи. Лучшій портретъ Анны Леопольдовны выгравированъ въ 1739 году *Вортманомъ*. Въ *Штелиновомъ* реэстрѣ официальныхъ бумагъ, относящихся къ исторіи Академіи съ 1725 по 1749 г., записано: «12-го марта 1742 г., мастеръ Вортманъ уволенъ». Нѣтъ сомнѣнія, что уволенъ мастеръ за его гравюры правительницы, ея мужа и Бирона. Портреты эти были тогда-же уничтожены, нынѣ они рѣдки. Впрочемъ, отставка Вортмана не была продолжительна: «31-го іюля 1742 года онъ снова принятъ *Гридоровальщикомъ*». Подробности о Вортманѣ смотр. въ статьѣ нашей: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ». *Иллюстрація*. 1859 г. № 64, стр. 211.

Михаилъ Семеновскій.

Спб. 17-го апрѣля 1859 года.

ИХТ

I.

Мелодія Байрона.

Ты кончилъ трудный путь земной
И началъ путь теперь иной,
О сынъ отчизны, сынъ избранный!
Ты мечъ и жизнь ей посвящаль,
Ты ей свободу даровалъ.
Она поетъ твой подвигъ славный.

Ты умеръ; — но доколѣ есть
У насъ свобода, слава, честь,
Дотоле душа твоя пребудетъ
Душой всѣхъ насъ; — и кровь, тобой
Пролитая, въ землѣ родной
Струей живительной течъ будетъ.

Когда-жъ мы на врага поидемъ, —
Твое мы имя воззовемъ!..
Про твой конецъ благословенный
Всѣ наши дѣвы будутъ пѣть.
И злобный врагъ не будетъ смѣть
Попрять твой край стопой надменной!..

II.

Последнія слова пророка.

О, Боже! въ купинѣ неопалимой
 Явился Ты пророку Твоему,
 И огонь возжесть въ душѣ неутолимый,
 И дивный свѣтъ послалъ его уму
 И мысли далъ могучую свободу.
 Слова мои обильно потекли.
 Сынамъ враждующимъ Египетской земли
 Изрекъ я казнь, — избранному-жь народу
 Я былъ вождемъ и далъ ему законъ!
 И долго я огонь, Тобою данный,
 Пыталъ въ душѣ... Но гаснетъ, гаснетъ онъ
 На рубежахъ Земли-обѣтованной!...
 Творецъ! уже-ль Твой сынъ и Твой пророкъ
 Исполнилъ трудъ, назначенный Тобою?
 Уже-ль онъ всѣ слова Твои изрекъ? —
 И не покроется мой прахъ святой землею?...
 Вонъ, полный суетныхъ желаній и страстей,
 Опять весь Твой народъ, вокругъ тельца, ликуеть....
 Зачѣмъ-же голосъ Твой молчитъ въ душѣ моей —
 И вся душа моя мятется и тоскуеть?...

С. Славутинскій.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ АМУРА КЪ РОССІИ.

ПЕРІОДЪ II.

ПОТЕРЯ АМУРА *).

(1689 — 1847 г.)

Небольшое населеніе Русскихъ, оставившее берега рѣки Амура въ слѣдствіе договорныхъ условій съ Маньчжу-Китайцами и переселившееся въ ближайшее Нерчинское воеводство, долго не могло забыть привольной жизни своей въ привольныхъ мѣстахъ сѣверной Маньчжуріи. Название *благословенной земли*, оставшееся до-сихъ-поръ между потомками Албазинскаго воеводства, вполне говорило въ пользу этого малонзвѣстнаго края. Да и могли-ли они забыть землю, которую отстаивали съ такими неимовѣрными усиліями, имѣя дѣло съ сильнымъ народомъ Маньчжурами, покорившими Китай и всѣ сосѣдственные народы. — Дѣйствительно происшествія, совершившіяся на Амурѣ, есть рядъ безпримѣрныхъ военныхъ подвиговъ Русскихъ, составляющихъ интереснѣйшія страницы въ исторіи колонизаціи Сибири. Что-же касается до неумѣренной молвы о природныхъ богатствахъ тамошняго края, о которомъ Албазинцы въ отпискахъ своихъ отзывались съ такимъ преувеличеніемъ; то это было только влеченіе къ новому поселенію, которое безъ сомнѣнія во всемъ было лучше Якутскаго края и сосѣдняго Нерчинскаго. Въ особенности казакамъ нравилась при-

*) Большая часть этого періода взята изъ рукописныхъ свѣдѣній о сѣверной части Маньчжуріи и р. Амурѣ, находящихся въ Сибирскомъ отдѣлѣ и заимствована изъ данныхъ, обработанныхъ Г. И. Невельскимъ.

вольная, безответственная жизнь; они свободно разъѣзжали почти по всему теченію Амура, собирали ясакъ съ тунгузскихъ племенъ двоеданцевъ, захватывали всегда казенную дань прежде, нежели она попадалась въ руки Маньчжуровъ и проч. Смѣлость ихъ простиралась до того, что многія изъ казацкихъ партій заходили за добычей хлѣба по р. Шингалу (Сунгари) во внутреннюю Маньчжурію. Подобная жизнь была по сердцу русскимъ пришельцамъ. — Въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ небольшимъ числомъ людей были построены на берегахъ Амура остроги Албазинскій и Камарскій, нѣсколько малыхъ острожковъ, нѣсколько деревень, много однодворокъ, мельницъ, крестьянскихъ займокъ и зимовьевъ. Жилыя эти были растянуты по теченію Амура на огромное разстояніе, — почему при усиленныхъ военныхъ дѣйствіяхъ Маньчжуровъ, казаки и крестьяне всякой разъ должны были покидать свои отдаленныя жилища и собираться для отраженія непріятеля въ главный пунктъ — Албазинскій острогъ.

Съ первыхъ лѣтъ заселенія Маньчжуріи Русскими, по случавшимся тамъ неурожаемъ хлѣба, Якутское воеводство заботилось объ обеспеченіи продовольствія тамошнихъ жителей. Потомъ, когда Албазинъ перешелъ въ вѣдѣніе Нерчинска, оттуда также въ критическихъ случаяхъ сплавался въ Албазинъ хлѣбъ и другіе принасы. Кромѣ того, при безпрепятственныхъ военныхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ Маньчжурами, очень часто посылались на Амуръ изъ Тобольска, Енисейска, Илимска, военныя подкрѣпленія, пушки, пищали, порохъ, свинець и все необходимое, что было сопряжено съ огромными издержками и тяжкими трудностями въ путешествіи. — Тогда не было ни дорогъ, ни жилыхъ мѣстъ; предметы необходимыхъ потребностей посылаемые въ Албазинъ бывали иногда въ пути по два года, между-тѣмъ какъ Албазинцы едва существовали. — Житейскія нужды тамъ не прекращались, — что конечно противорѣчило описываемымъ богатствамъ страны; но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что удалые казаки всегда охотнѣе пускались въ походы на жителей и на сборъ ясака и вообще не любили заниматься обработываніемъ земли.

Болѣе всего Амуръ привлекалъ къ себѣ русскихъ промышленниковъ чрезвычайнымъ изобиліемъ пушныхъ звѣрей. Нѣкоторые изъ родовъ тунгусскихъ были обложены податью отъ пяти до шести соболей съ души, самая меньшая накладка ограничена была тремя соболями. Кромѣ того, тамъ собиралось большое количество лучшей бѣлки и другихъ пушныхъ звѣрей. Въ 1656 году, казакъ Степановъ съ однихъ Гиляковъ и Дучеровъ, еще небывшихъ тогда подвластными Китаю, собралъ 120 сороковъ соболей. Въ отношеніи разнообразныхъ богатствъ природы, этотъ край, прорѣзанный многими хребтами, служащими истоками многихъ значительныхъ рѣкъ, дѣйствительно наполненъ множествомъ пушныхъ и дикихъ звѣрей, а воды Амура, изобиліемъ рыбы, можетъ быть превосходить всѣ большія рѣчныя системы восточной Сибири.

Вотъ основныя богатства сѣверной Маньчжуріи, завлекшія сюда Русскихъ и бывшія причиною ихъ раздора съ Маньчжурами.

Вспоминая объ утраченномъ нами краѣ, здѣсь кстати должно упомянуть, что въ географической картѣ, напечатанной въ царствованіе Алексѣя Михайловича, границами нашими были: на востокѣ — Охотское море до устья р. Амура, на юго-востокѣ — р. Амуръ до устья Шингала (Сунгари), на югѣ — отъ устья р. Шингала и отъ сей послѣдней по горнымъ хребтамъ и рѣкамъ до р. Исети. Въ составъ владѣній вошли всѣ земли съ ихъ жителями, завоеванными при царяхъ Михайлѣ Федоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ-то (кромѣ сѣверныхъ инородцевъ): Гиляки, Натки, Ачанцы, Дучеры, Дагуры, Тунгусы, обитающіе по лѣвому берегу Амура и всѣ непокоренные прежде Буряты.

Китай, завладѣвъ приамурскою Даурією, прервалъ сообщеніе Забайкальской области съ моремъ, и восточная Сибирь осталась вполне чуждою всякому дальнѣйшему развитію, ибо единственная жизненная ея артерія р. Амуръ, дающая ей возможность къ благотворному движенію и осмысляющая ея полное значеніе, была прервана. Стоитъ только внимательно взглянуть на карту восточной Сибири, чтобы вполне оцѣнить всю важность этой потери. И дѣйстви-

тельно — полоса земли, въ нѣсколько тысячъ верстъ, удобная для жизни осѣдлаго человѣка, и составляющая собственно страну (восточную Сибирь), гдѣ сосредоточивалось и могло развиваться далѣе ея народонаселеніе, а съ нимъ и жизнь края, ограждается — на югѣ недоступными для путей цѣпями горъ и песчаными морями, — на сѣверѣ ледяными безконечными тундровыми пустынями, прилегающими къ такому-же ледяному и на вѣки закрытому океану, — на западѣ путями, чрезъ которыя только можно наблюдать и направлять ея дѣйствія къ дальнѣйшему развитію съ общимъ развитіемъ нашего отечества, путями, чрезъ которыя только и можетъ послѣдовать увеличеніе ея населенія, — на востокѣ опять недоступными для сообщенія горами, болотами и тундрами. Всѣ огромныя рѣки, ея орошающія, Лена, Енисей и др., которыя при другомъ направленіи и положеніи могли бы составить благо для края, — текутъ въ тотъ-же ледяной и недоступный океанъ и чрезъ тѣ-же недоступныя для жизни человѣка пространства.

Ясно, что край, находящійся въ такомъ положеніи, не можетъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ правильно развиваться.

Между тѣмъ, природа не отказала восточной Сибири въ средствахъ къ этому развитію; она надѣлила ее и здоровымъ климатомъ и плодоносными землями и внутренними водяными сообщеніями, связывающими ее болѣе или менѣе съ остальною Россією, и богатствами благородныхъ и другихъ металловъ, лѣсовъ и тому подобныхъ произведеній, элементовъ, ручающихся за благоденствіе ея жителей и за ея развитіе, при открытіи ей пути, посредствомъ котораго она свободно могла бы сообщаться съ моремъ. Этотъ-то путь и составляетъ р. Амуръ, которую мы потеряли и тѣмъ, какъ видѣли, поставили восточную Сибирь въ отчужденное для свѣта положеніе, удалили себя отъ всякаго вліянія на Тихій океанъ и государства, имъ омываемыя.

Преданіе говоритъ, что великій преобразователь Россіи, императоръ Петръ I, не смотря на темное еще въ то время понятіе о Сибири, вполне уже сознавалъ значеніе въ будущемъ для нея Амура, и при разсужденіи о будущемъ раз-

витии Россіи съ любимцемъ и помощникомъ своимъ А. Д. Меншиковымъ указывалъ на три важныхъ для Россіи пункта: устья Дона, — Невы и — Амура. Переселивъ въ Забайкалье околныхъ стрѣльцовъ, Петръ положилъ первое основаніе въ верховья Амура нашей силы. Такъ пончмалъ значеніе Амура Великій Петръ и такъ за нимъ понимала и Екатерина II, говоря: «что если-бы Амуръ могъ намъ только служить какъ путь, чрезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣеть уже значеніе».

Китай, довольный тѣмъ, что съ сѣвера горы и безлюдныя пустыни отдѣляли приамурскую Даурію отъ Якутской области, страны откуда явился на Амуръ для завоеванія его Русскіе, — ограничился только построеніемъ на верхнемъ Амурѣ Айгуна, служащаго оплотомъ приамурской Дауріи со стороны Забайкалья; остальную-же за тѣмъ часть края оставилъ безъ всякаго вниманія, съ одной стороны имѣя въ виду, что горы и море, отдѣляющія ее на сѣверо-востокъ отъ болѣе или менѣе населеннаго нашего Приленскаго края, служатъ уже вѣрною защитою отъ насъ для ихъ Маньчжурин; а съ другой, боясь притязаній на этотъ край Русскихъ, по случаю его неопредѣленности, оставилъ средній и нижній Амуръ съ его притоками въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ нашелъ эти мѣста Поярковъ.

Новая жизнь переселенцевъ Албазинскаго воеводства, оставившихъ берега Амура и вышедшихъ въ Нерчинскій край, конечно, не могла сравниться съ ихъ привольною жизнію въ Маньчжуріи. Не смотря на строгія мѣры, взятыя съ обоихъ сторонъ въ исполненіи святости договора Албазинцы особенно въ первые годы, безпревывно цѣлыми партіями, переходили завѣтный рубежъ для звѣропромышленности, особенно на р. Зею, что было причиною многихъ обоюдныхъ непріятныхъ столкновеній, недоходившихъ однакожь до большихъ ссоръ.

Точно также удскіе и учурскіе Тунгусы, гоняясь за соболями, переходили чрезъ каменные горы въ долины Амура, и за ними слѣдомъ ходили туда-же отъ 5 до 10 якутскихъ торгашей съ водкой, масломъ, сухарями, бисеромъ, поро-

хомъ и т. п. бездѣльцами, служащими соблазномъ для этихъ дѣтей-промышленниковъ, обирали ихъ и тѣмъ составляли свою фортуна.

Такимъ образомъ одни только наши забайкальскіе и верхненеленскіе Сибиряки, какъ ближайшіе сосѣди приамурской Дауріи, сожалѣли о потерѣ ея, какъ страны, одаренной болѣе мягкимъ климатомъ и болѣе богатою растительностію, нежели земли ими занимаемая, и представлявшей имъ болѣе широкое раздолье поохотиться за звѣрями.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ договора, Русскіе, опасаясь внутреннихъ междоусобій Монголовъ, пускались съ караванами чрезъ Маньчжурію и этимъ путемъ достигали Пекина. Въ лежащихъ на пути городахъ и селеніяхъ, они производили мѣновую торговлю съ Маньчжурами. По новости торговыхъ сношеній, Русскіе какъ-то не могли сойтись съ ними, отъ чего происходила безпрестанная вражда, пожившая предѣлъ всякимъ сношеніямъ. Послѣ убійства; сдѣланнаго Русскими въ центрѣ Маньчжуріи, наши караваны не были туда впускаемы и должны были выбрать новый путь въ Пекинъ, чрезъ Монголію. Съ-этихъ-поръ, все было какъ-бы забыто и Приамурскій край для насъ какъ-бы не существовалъ. Сопредѣльное-же съ нимъ наше Забайкалье сдѣлалось мѣстомъ ссылки преступниковъ и было для насъ только грозою и какимъ-то ледянымъ чудовищемъ, при воспоминаніи о которомъ трепетали въ Европѣ. Такъ проходили годы.

Между-тѣмъ народонаселеніе Сибири возрастало; пути, ведущія въ нее изъ Европы, населялись и улучшались. Владѣнія наши болѣе и болѣе распространяются отъ Якутска къ сѣверо-востоку.

Восточный океанъ, съ его островами и побережьями твердой земли Азіи, дѣлается въ особенности предметомъ изысканій предприимчивыхъ казаковъ и отчаянныхъ промышленниковъ, побуждаемыхъ жаждою обогащенія. Съ 1690 года стала извѣстна Камчатка, спустя не много открыты Курильскіе острова и между этимъ-же временемъ, именно въ 1710 году, получены обстоятельныя свѣдѣнія объ Японіи, извѣстной намъ прежде сего только по однимъ слухамъ. Въ 1712 году Русскіе заняли острова Шантарскіе, свѣдѣнія о которыхъ

получены отъ удскихъ Тунгусовъ. Впрочемъ острова эти были извѣстны гораздо ранѣе, именно въ то время, когда казаки, владѣя Амуромъ, доплывали до устья его, гдѣ отъ Гиляковъ слышали о существованіи Шантарскихъ острововъ. Молва о богатствахъ сосѣдственной Японіи и рассказы объ этой странѣ плѣнныхъ Японцевъ, занесенныхъ бурей въ Камчатку, болѣе-и-болѣе обращали на себя вниманіе Русскихъ. Въ 1716 году, два торговыхъ дома въ Петербургѣ подали въ Сенатъ просьбу о дозволеніи имъ производить торговлю съ Японіею и Остѣ-Индіею. Не имѣя никакого понятія о водяныхъ сообщеніяхъ Сибири, они предполагали слѣдовать такимъ образомъ, чтобы плаваніе начать изъ Сѣверной-Двины, потомъ Ледовитымъ моремъ войти въ Обскую губу и плыть по извѣстнымъ водянымъ системамъ западной и восточной Сибири до Байкала, отъ сюда до Шилки и наконецъ Амуромъ и Восточнымъ океаномъ до Японіи. Просьба эта была передана генераль-фельдцейхмейстеру Брюссю, съ большимъ участіемъ поддерживавшему это предпріятіе. Брюссъ предварительно отнесся къ тобольскому воеводѣ князю Гагарину, о вытребованіи отъ нерчинскаго начальства достовѣрныхъ извѣстій плаванія по Амуру и новыхъ указаній объ Японіи. Между прочимъ Брюссъ сдѣлалъ особое представленіе о посылкѣ свѣдущихъ людей для ученаго описанія отдаленныхъ мѣстъ восточной Сибири и водянаго пути въ Японію, съ которою онъ предполагалъ войти въ торговые сношенія, могущія принести важную пользу Россіи. Обстоятельство это не имѣло никакихъ послѣдствій; надо думать, что по силѣ статей нерчинскаго трактата, всякіе виды на Амуръ, особенно въ то время, - были невозможны.

Между 1710-мъ и 1720-мъ годами, Русскіе принимаютъ совершенную осѣдность на полуостровѣ Камчаткѣ и отсюда постепенно занимаютъ гряду Курильскихъ острововъ. Съ этого времени учреждается постоянное водяное сообщеніе между Охотскомъ и Камчаткою, обращается особенное вниманіе на описаніе восточныхъ береговъ твердой земли, между Охотскомъ и рѣками Удью и Тугуромъ и Шантарскими островами, на которыхъ русскіе промышленники впервые открываютъ промыслъ пушныхъ звѣрей.

Въ 1719 году, Петру I угодно было послать на Востокъ особую экспедицію подъ начальствомъ геодезиста Евреннова, который обозрѣлъ южную часть Камчатки и первый положилъ на карту Курильскіе острова. Думаютъ, что ему также поручено было собрать свѣдѣнія объ Японіи. За симъ слѣдуетъ рядъ замѣчательныхъ путешествій и новыхъ открытій, сдѣланныхъ Русскими на водахъ Восточнаго океана.

Въ 1725 году, императрицѣ Екатеринѣ I-ой, по начертанію Петра Великаго, пришлось осуществить отправленіе морской экспедиціи, подъ начальствомъ командора Беринга, цѣль которой преимущественно состояла въ открытіи пролива существующаго между сѣверо-восточною Азіею и сѣверо-западнымъ берегомъ Америки. Въ помощь Берингу даны были два лейтенанта Шпанбергъ и Чириковъ, и эти три лица оказались главными дѣятелями открытій на водахъ почти неизвѣстныхъ.

Двукратная экспедиція Беринга, съ его достойными сотрудниками, стоявшая немовѣрныхъ трудовъ и самопожертвованій увѣнчана была полнымъ успѣхомъ. Русскіе вполне ознакомлены были съ Камчатскимъ полуостровомъ, островами Восточнаго океана и материкомъ Америки.

Вторая экспедиція Беринга, назначенная въ 1733 году по повелѣнію императрицы Анны Иоанновны, главнѣйше посвящена была открытію пути въ Японію и занятію ближайшихъ мѣстъ сѣверной Америки. Въ 1739 году Шпанбергъ посланъ былъ въ Японію, путешествіе свое онъ совершилъ успѣшно, посѣтилъ одинъ изъ Японскихъ острововъ и былъ хорошо принятъ туземцами. Въ Петербургѣ однакожь не были увѣрены въ дѣйствительности открытія Японіи Шпанбергомъ и ему предписано было вторично плыть туда немедленно. Въ 1742 году, онъ пустился въ морской путь, отдѣливъ отъ себя мячмана Шельтинга для описанія мѣстъ отъ Курильскихъ острововъ до устья р. Амура, но оба плаванія были безуспѣшны, впрочемъ Шельтингъ успѣлъ приблизиться къ устью Амура. Командоръ Берингъ и лейтенантъ Чириковъ въ это-же время открыли матерой берегъ Америки, лежащій на сѣверъ отъ Калифорніи. Заслуги ихъ на морскомъ поприщѣ были очень важны; они первые показали путь

русскимъ промышленникамъ, занявшимъ въ послѣдствіи сѣверо-американскіе острова и ту часть твердой земли Америки, которые нынѣ отдѣлены въ вѣдѣніе Россійской Американской компаніи.

Отправленное при императрицѣ Екатеринѣ I-й посольство графа Саввы Владиславича Рагузинскаго въ 1727 году не касалось вопроса объ Амурѣ. Хотя Китайцы и предлагали ему опредѣлить границу въ земляхъ, между р. Удью и Амуромъ лежащихъ, оставленныхъ по нерчинскому трактату не разграниченными; но графъ Рагузинскій отклонилъ отъ себя этотъ вопросъ, говоря, что онъ не имѣетъ на то полномочія, — и потому тѣ земли были оставлены *«какъ прежде постановлено»*.

Съ занятіемъ приморскихъ мѣстъ отъ устья рѣки Уди до Охотска, Гижиги, Большерѣцка и юго-восточнаго берега Камчатки, правительство наше, въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, понимая будущую важность этихъ пунктовъ въ отношеніи политическомъ и промышленномъ, начало обращать особенное вниманіе на заселеніе ихъ. Главнѣйшій трудъ состоялъ въ продовольственномъ обеспеченіи этихъ отдаленныхъ мѣстъ. Если и нынѣ попытки разведенія зерноваго хлѣба въ Охотскомъ и Камчатскомъ краяхъ составляютъ вопросъ не совсѣмъ разрѣшенный, то въ то время еще менѣе можно было думать о водвореніи тамъ хлѣбопашества. Нѣсколько неудачныхъ опытовъ, сдѣланныхъ при самомъ началѣ заселеній, надолго утвердили правительство въ той мысли, что приморской край, по суровости климата, не можетъ производить хлѣба. Доставка статей продовольственныхъ въ то время, о которомъ говоримъ мы, была сопряжена для казны съ величайшими издержками и трудностями. При расширеніи круга дѣйствія Россійско-Американской компаніи и съ усиленіемъ вниманія мѣстнаго начальства на пути сообщенія, доставка туда тяжестей много улучшилась. По тогдашнимъ свѣдѣніямъ, были года, когда пудъ хлѣба, съ привозомъ его на мѣсто, обходился казнѣ до 15 руб. ассигн., въ такой-же цѣнѣ были и другія необходимыя жизненные потребности. Важность такого предмета, какъ продовольствіе цѣлаго обширнаго края, заставило правительство

обстоятельно вникнуть въ это дѣло и дать ходъ чрезвычайно полезному проекту сибирскаго губернатора Мятлева, поданному въ Москвѣ въ 1753 году. Здѣсь не упоминается о проэктѣ, посланномъ изъ Камчатки гораздо ранѣе и именно между 1742 и 1747 годами; проэктъ этотъ неизвѣстно кѣмъ написанъ, въ немъ доказывается о необходимости Россіи обладанія Амуромъ и о способахъ къ возвращенію его отъ Китая. Послѣ многихъ лѣтъ, Амуръ опять возобновляется въ памяти Русскихъ. При затрудненіяхъ правительства въ перевозкѣ хлѣба изъ Якутска въ Охотскъ, по дорогѣ едва проходимой, рѣка Амуръ признается необходимымъ, единственнымъ путемъ, которымъ можно сплавать хлѣбъ изъ Нерчинска и тѣмъ избѣгнуть постоянныхъ утратъ казны. Губернаторъ Мятлевъ, имѣя предписаніе о принятіи другихъ, болѣе выгодныхъ мѣръ въ продовольствіи Охотска и Камчатки, подалъ въ Правительствующій Сенатъ проэктъ о доставленіи рѣкою Амуромъ провіанта, для обеспечения войскъ, расположенныхъ въ Охотскѣ, Камчаткѣ и отдаленныхъ мѣстахъ Якутской области. Сенатъ, утвердивъ проэктъ Мятлева, предоставилъ Иностранной Коллегіи войти предварительно въ сношеніе съ китайскимъ трибуналомъ и увѣрить между прочимъ тамошнее правительство, что святость послѣдняго мирнаго трактата вѣчно сохраняться будетъ. На это однакожь не было получено никакого отвѣта, между-тѣмъ губернаторъ поставилъ въ обязанность мѣстнаго начальства, какъ можно усилить хлѣбопашество въ Нерчинскомъ краѣ для будущаго обеспечения приморскихъ мѣстъ. Въ случаѣ-же рѣшительнаго отказа китайскаго правительства, Мятлевъ просилъ отъ селенгинскаго коменданта Якоби, мнѣнія его, какія по мѣстному усмотрѣнію можно изыскать способы къ свободному открытію сообщенія по Амуру, умноженіемъ-ли войскъ, или другими предосторожностями? По важности предмета, вѣрно ввѣрить обстоятельство это только одному надежному чиновнику и о содержаніи всего въ тайнѣ взяты подписку подъ присягою. Тайна о видахъ на Амуръ открыта была адъютанту Якоби, поручику Власову. Комендантъ отвѣчалъ, что онъ, управляя Селенгинскимъ округомъ, не имѣетъ никакихъ свѣдѣній объ отдаленномъ Нерчинскомъ краѣ, тѣмъ

болѣе объ Амурѣ. Въ другомъ донесеніи своемъ, нѣсколько спустя, Якоби пишетъ, что онъ, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія, по случаю возвращенія изъ Китая директора россійскаго каравана Владыкина, который, на требованіе коменданта, объявилъ: «что въ восточной сторонѣ населенія много, что земли по Амuru въ сравненіи съ другими мѣстами китайскаго государства весьма плодородны». Между прочимъ, директоръ показывалъ полученную имъ въ Пекинѣ на маньчжурскомъ языкѣ карту. Изъ нее видно, что по рѣкѣ Амuru существуютъ города, и при устьѣ его находится небольшая флотилія состоящая изъ 4000 человекъ (?!) Въ послѣдующемъ рапортѣ своемъ Сенату (21-го февраля 1756 года) Якоби доноситъ, что, по его мнѣнію, основанному на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, не должно, съ нашей стороны, дѣлать рѣшительнаго сношенія съ китайскимъ дворомъ относительно домогательства плаванія по Амuru, но напередъ на границахъ селенгинской и нерчинской, въ приличныхъ мѣстахъ, поставить провіантскіе магазины и заготовить хлѣбные запасы; потомъ выслать изъ Россіи достаточное число войскъ, снабдивъ ихъ полнымъ вооруженіемъ и артиллерією. Когда всѣ эти необходимыя мѣры приведутся въ исполненіе, тогда только можно будетъ отнестись въ трибуналъ съ требованіемъ о дозволеніи свободнаго плаванія по Амuru. Если же со стороны китайской послѣдовалъ бы отказъ; то послѣ сего распорядиться построеніемъ на берегахъ р. Амuru крѣпостей и редутовъ и, принявъ всѣ военныя предосторожности, нельзя не ожидать намъ успѣха, ибо Китайцы, внезапно увидя многочисленную стражу, едва-ли будутъ въ готовности начать какія-либо военныя дѣйствія. Для большаго-же охраненія нужно учредить крѣпости отъ Амuru къ полуденной сторонѣ и по селенгинской границѣ, въ кочевьяхъ Мунгалъ. Все сіе будетъ стоить огромныхъ издержекъ; но, предположивъ важную выгоду, какая можетъ произойти отъ обезпеченія Камчатки хлѣбомъ, то издержки таковыя скоро возвратятся. Можно тогда принять въ подданство Россіи и Мунгалъ, что навѣрное воспослѣдуетъ, когда они увидятъ столько крѣпостей на мѣстахъ ихъ жительства и, будучи обороняемы съ нашей стороны, не пожелаютъ возвратиться обратно.

Наконецъ еслибы и случилось, что китайское правительство не согласилось на наше требованіе относительно Амура, то учрежденіе крѣпостей и усиленіе войскъ, все не было бы излишне, не смотря назначительные расходы, «и служило бы къ славѣ, а не къ безславію Россіи!» Не смотря на живое участіе, принимаемое въ отношеніи видовъ на Амуръ, важное дѣло это остановилось въ самомъ началѣ.

Миѣніе Якоби о построеніи крѣпостей на Амурѣ ни сколько не отвѣчало мѣстнымъ обстоятельствамъ того времени. Можетъ быть, позволеніе плаванія по Амуру скорѣе могло быть получено при миролюбивыхъ отношеніяхъ нашихъ съ Китайцами, а не въ такое время, когда мы, по разнымъ пограничнымъ случаямъ, находились съ ними въ отношеніяхъ непріязненныхъ. Послѣдующіе годы еще болѣе не благоприятствовали Россіи. Послѣ принятія въ подданство наше Зюнгарцовъ и Монголовъ, а болѣе всего извѣстнаго Нойона Амурсаняня, умершаго на нашей землѣ, раздоры съ Китаемъ увеличились дотого, что богдыханъ Цянь-Лунь замышлялъ непріятельскія дѣйствія противъ Россіи и грозилъ вѣчнымъ разрывомъ дружественныхъ сношеній. Въ промежутокъ этого времени, именно, въ 1757 году, совѣтникъ посольства Братищевъ, бывший въ Пекинѣ и собиравшій всѣ свѣдѣнія относительно слуховъ о предполагаемой войнѣ по поводу зюнгарскихъ дѣлъ, между прочимъ, сообщилъ о подозрѣніи Китайцевъ, обратившихъ вниманіе на нашу постройку судовъ на р. Ингодѣ и выразившихся при этомъ случаѣ, что никогда Русскіе не будутъ плавать на водахъ Амура. При такомъ положеніи дѣлъ, намъ нельзя было и думать о прежнихъ предположеніяхъ на занятіе Амура, оставалось только отстаивать собственную свою границу, растянутую на такомъ необъятномъ пространствѣ. Командантъ Якоби полагалъ, кромѣ бывшей за Байкаломъ военной стражи, прислать туда еще 30,000 человекъ, съ артиллеріею. Въ отношеніи же продовольствія войскъ, думалъ построить новые магазины, а хлѣбъ доставить за границу изъ мѣстъ болѣе плодородныхъ. Предположенія Якоби не были уважены въ Петербургѣ, по огромнымъ издержкамъ, какія требовались для приведенія ихъ въ исполненіе.

Вмѣсто просимыхъ войскъ, Военная Коллегія, въ 1758 году, предписала отправить изъ находящихся на сибирской линіи легкихъ войскъ, Донской и Лицкой команды 980 человекъ.

Въ 1780 году охотскій командиръ Бензингъ въ рапортѣ своемъ иркутскому губернатору Кличкѣ, между прочимъ, донесъ, что Тунгусы, живущіе при р. Амурѣ, довели до его свѣдѣнія, что въ прошедшемъ году находящійся на р. Амурѣ городъ, а также и мостъ, сдѣланный черезъ эту рѣку, разбиты были русскими людьми до основанія, жители побиты и оставшіеся въ живыхъ разбѣжались. На устьѣ-жѣ Амура инородцы видѣли суда, на которыхъ были Русскіе. Въ послѣдствіи это обстоятельство ничѣмъ не подтвердилось, и переписка объ этомъ тогда-же кончилась.

О посылкѣ на Амуръ геодезис-офицеровъ, бывшихъ тамъ съ 1759 по 1762 годъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Ничтожные случаи о перебѣжкахъ съ той и другой стороны и разныя пограничныя происшествія нисколько не относились до прежнихъ попытокъ нашихъ на приобретеніе водной системы р. Амура. — Посольство-же полковника Кропотова, отправленное при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1767 году, съ цѣлю приведенія въ порядокъ кяхтинскихъ торговыхъ дѣлъ и устраненія различныхъ несогласій, — вовсе не касалось вопроса объ Амурѣ.

Въ 1783 году, французское правительство, для открытій и описи береговъ, послало въ Тихій Океанъ ученую экспедицію подъ начальствомъ знаменитаго мореплавателя Лаперуза. Лаперузъ, слѣдуя вдоль восточнаго берега Маньчжуріи, названнаго имъ *Татарскимъ*, въ широтѣ 51° 29' N, открылъ на этомъ берегу удобный для якорной стоянки заливъ, который и назвалъ, въ честь бывшаго тогда французскаго морскаго министра, *«заливомъ де-Кастри»*. Здѣсь онъ остановился и собралъ свѣдѣнія о сѣверной части острова Сахалина и устьѣ рѣки Амура. Жители береговъ залива, при начертаніи Лаперузомъ на песокъ очерка матераго берега и острова, постоянно проводили между островомъ и берегомъ черту и показывали, что будтобы Сахалинъ соединяется съ матеркомъ отмелью, которая въ малую воду совершенно обсыхаетъ и что предъ устьемъ р. Амура, впа-

дающей противу Сахалина, лежатъ такія-же мели. Но, не смотря на эти показанія туземцевъ, Лаперузъ не оставилъ своего намѣренія пройти изъ залива де-Кастри лиманомъ р. Амура въ Охотское море, а потому и направился изъ залива къ сѣверу. Черезъ нѣсколько миль глубина отъ 15-ти сажень уменьшилась до 9-ти, между тѣмъ вліянія теченія отъ сѣвера — какъ бы слѣдовало ожидать — замѣчено не было, почему онъ не желалъ продолжать путь свой по направленію, которое могло привести его къ отмелямъ, — на глубинѣ 9-ти сажень сталъ на якорь и послалъ для изслѣдованія къ сѣверу два гребныя судна. Эти суда, пройдя три мили по указанному направленію и найдя тамъ глубину 6 сажень, возвратились къ нему обратно. Всѣ эти послѣднія обстоятельство: показанія туземцевъ на берегахъ залива де-Кастри, постепенное уменьшеніе глубины и бездѣйствіе теченія,—побудили Лаперуза оставить свое намѣреніе и заключить, что Сахалинъ или соединяется съ матерымъ берегомъ — перешейкомъ, или каналъ, отдѣляющій его отъ материка, становится наконецъ весьма узкимъ и съ весьма малою глубиною не болѣе нѣсколькихъ футъ, и слѣдовательно входить въ лиманъ р. Амура съ юга недоступенъ.

Этотъ знаменитый мореплаватель, описавъ западную, южную и юговосточную часть Сахалина и проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ острова Матсмая, первый далъ намъ ясное понятіе о положеніи Сахалина и о берегахъ Татарскаго пролива, на которомъ, равно какъ и на западномъ берегу Сахалина, онъ не нашелъ ни одной гавани.

Черезъ 10-ть лѣтъ послѣ Лаперуза прибылъ въ Татарскій заливъ на маленькомъ бригѣ, сидѣвшемъ въ водѣ 9-ть футовъ, знаменитый англійскій мореплаватель, капитанъ Бротонъ. Пользуясь тѣмъ, что для его судна не требуется большой глубины, онъ хотѣлъ пройти отъ залива де-Кастри въ Охотское море, а потому, слѣдуя по пути Лаперуза, погнался къ сѣверу далѣе послѣдняго на восемь миль, встрѣтивъ глубину около 2-хъ сажень. Не смотря однако на эту малую глубину, проливъ между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ не былъ видѣнъ, оба берега представляли одинъ неразрывный. Каналъ, по которому онъ шелъ, казалось

оканчивался заливомъ, на 3 или 4 мили углубленнымъ въ землю. Помощникъ капитана Бротона Чепмень, посланный на гребномъ суднѣ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, объявилъ, что хотя между мелями и встрѣчаются глубины, но эти глубины, постепенно уменьшаясь, приводили его къ Сахалинскому берегу или къ сплошнымъ отмелямъ. Послѣ этого Бротонъ приказалъ Чепмену объѣхать видѣнный имъ заливъ, которымъ казалось оканчивался каналъ, гдѣ стоялъ на якорѣ его бригъ. По изслѣдованіи оказалось, что этотъ заливъ окружается по всюду низменными песчаными берегами, такъ-что нигдѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ къ проходу.

Эти обстоятельства заставили Бротона оставить свое намѣреніе и заключить, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ посредствомъ песчаной низменности.

Въ 1803 году, правительство наше снарядило первую русскую кругосвѣтную экспедицію къ берегамъ Китая и Японіи, поручило ее капитану Крузенштерну и отправило на ней посланникомъ камергера Рязанова. Для лучшаго достиженія назначенной этому посольству цѣли, въ 1805 году высочайше назначено было особое посольство въ Китай, подъ начальствомъ графа Головкина. Важное событіе это должно было принести безчисленныя пользы, въ смыслѣ политическомъ, торговомъ и въ упроченіи значенія и быта восточной Сибири. Между главнѣйшими пунктами инструкціи посла и бывшими за тѣмъ распоряженіями, дѣйствія его должны были воспослѣдовать трактованіемъ вообще о дѣлахъ пограничныхъ и возобновленіемъ прежнихъ вопросовъ о странѣ, омываемой р. Амуромъ.

Главныя статьи инструкціи посла Головкина заключались, относительно Маньчжуріи и границы китайской, въ томъ, чтобы приобрести право плавать по Амуру и пользоваться свободной торговлею по всей китайской границѣ, безъ-взятія. Ему поручено было развѣдать о степени судоходности рѣки Амура и вытребовать отъ Китайцевъ позволенія ходить по этой рѣкѣ хотя нѣсколькимъ судамъ ежегодно, для снабженія Камчатки и Русской Америки необходимыми припасами. Если по Амуру могутъ ходить суда

только мелкія, не могущія пускаться въ море, въ такомъ случаѣ домогаться, чтобъ Китайцы дозволили устроить на устьѣ Амура складочное мѣсто для перегрузки товаровъ. Приэтомъ, внушено было послу не отрекаться отъ приѣма могущихъ быть со стороны Китайцевъ условій, на какія могутъ подвиднуть ихъ мелочность и трусость. Въ случаѣ отказа на согласіе въ какихъ-либо пунктахъ, посоль, въ замѣнъ ихъ, долженъ домогаться иныхъ выгодъ, на-примѣръ, чтобы посылать изъ Россіи караваны во всѣ внутренніе и пограничные города Китая, или только въ Пекинъ, въ Наунъ и станъ Хутухты (Ургу), что прежде дозволялось русскимъ купцамъ, и наконецъ позволеніе ходить караванамъ и миссіямъ въ Пекинъ, другою удобнѣйшею дорогою. При согласіи Китайцевъ на распространеніе торговли съ Россіею, исходатайствовать право содержать ей своихъ торговыхъ агентовъ на устьѣ Амура, въ Кантонѣ и дипломатическаго въ Пекинѣ, и при совершенномъ уклоненіи отъ этого, по-крайней-мѣрѣ выговорить право архимандриту русской миссіи сносятся съ правительствомъ по дѣламъ купцовъ. Если Китайцы вздумаютъ требовать новаго разграниченія съ Россіею, опредѣлениѣ существующаго, отозваться послу, что онъ на это не уполномоченъ; но, подавъ надежду на всякую со стороны Россіи податливость, отклонить самое дѣло до другого времени, не столь неблагоприятнаго какъ нынѣшнее, по смутнымъ обстоятельствамъ существующимъ въ Европѣ. Собрать точнѣйшія и подробнѣйшія свѣдѣнія о силахъ, средствахъ и состояніи Китая, отношеніяхъ Китайцевъ къ Маньчжурамъ и Монголамъ и до какой степени велико ихъ вліяніе на народъ опасный этому двору. Въ дополненіе къ инструкціи, между прочимъ говорится о собраніи свѣдѣній по всей Азіи, въ географическомъ, торговомъ и политическомъ отношеніяхъ, для извлеченія средствъ въ пользу Россіи.

Послѣ того въ слѣдствіе различныхъ представленій графа Головкина, касающихся цѣли и подробнѣйшихъ обстоятельствъ его посольства, ему было разрѣшено:

Опредѣлить границы между Амуромъ и Удою на 2,500 верстъ, отъ Горбицы до Восточнаго Океана. При этомъ, вну-

шить Китайцамъ, въ случаѣ крайняго ихъ нетерпѣнія, мысль о назначеніи, для переговоровъ по этому дѣлу, особенныхъ чиновниковъ, на самой границѣ. вмѣстѣ съ симъ было получено дозволеніе на посылку небольшой экспедиціи на Амуръ, съ осторожностью, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ Китайцахъ.

Графъ Головкинъ въ своемъ донесеніи, говоря о причинахъ, по коимъ прерывалась торговля у Россіи съ Китаемъ, заключалъ мысль свою мнѣніемъ, что не посольству, а начальнику военныхъ силъ Сибири должно трактовать съ Китацами на границѣ о тѣхъ предметахъ, какіе нужны для Россіи отъ Китая.

Излагая цѣль неудавшагося посольства графа Головкина, слѣдуетъ вспомнить о трудахъ бывшаго при посольствѣ полковника Довре (d'Auvrey), занимавшагося по порученію графа, описаніемъ Забайкальскаго края и въ особенности пограничной черты, также собраніемъ всѣхъ свѣдѣній, касающихся до рѣки Амура. Ему предписано было: собрать точныя свѣдѣнія и сдѣлать свои замѣчанія о военномъ положеніи страны, между Байкаломъ и чертою китайской границы, начиная отъ Стрѣлки до Кяхты и преимущественно обратить вниманіе на часть земли, ближайшей къ слиянію Шилки съ Аргунью въ Амуръ. Кромѣ сего Довре долженъ былъ обстоятельно узнать о состояніи военной части у Китайцевъ въ Маньчуріи, по Амуру, и проч. Отъ него также требовалось представленіе своего заключенія, возможно-ли будетъ со временемъ совершить небольшую тайную экспедицію въ страны, лежащія между Амуромъ и Становымъ хребтомъ. При этомъ Довре предписано было сохранять тайну и осторожность и отнюдь не переходить черту границы. Посолъ Головкинъ доносилъ о важности интересныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ экспедиціей Довре, и необходимости его трудовъ при составленіи общаго военно-политическаго плана относительно Китая. 11-го мая 1806 года доставлена была имъ записка объ осмотрѣ границы отъ р. Горбицы до Нерчинска. Тутъ между прочимъ упоминалось объ извѣстныхъ по китайскимъ источникамъ китайскихъ столбахъ съ надписями на пяти языкахъ, и о постановленіи вмѣстѣ ихъ

иницъ знаковъ, ежегодно возобновляемыхъ Китайцами. По свидѣтельству старыхъ людей Нерчинскаго округа, переданному Довре, столбы эти должны находиться на р. Амазарѣ, которую Китайцы также зовутъ и Горбицей. Онъ говоритъ между прочимъ о преданности здѣшнихъ и приамурскихъ Тунгусовъ къ Русскимъ, о показаніи ихъ, что земля эта принадлежитъ Русскимъ. Г. Довре узналъ также о существованіи описанія путешествія боярскаго сына Милованова въ 1686 году по рѣкѣ Зеѣ, съ картою, котораго по его предположенію долженъ находиться одинъ экземпляръ въ Енисейскѣ, а другой — въ Москвѣ. Любопытная бумага эта въ послѣдствіи была найдена въ нерчинскомъ архивѣ, и объ ней было упомянуто въ 1-й части настоящаго изложенія. Отъ 10 августа 1806 года полковникъ Довре представлялъ объ исполненіи имъ особаго пункта, данной ему графомъ инструкціи, проекта о способахъ къ осмотру и описи Амура и совершеніи экспедиціи по лѣвому берегу этой рѣки, не подавъ подозрѣнія Китайцамъ.

Вообще свѣдѣнія переданныя Довре были чрезвычайно интересны. Его проектъ объ укрѣпленіи китайской границы, и предположеніе о возможности тайной описи Амура, конечно могли служить въ то время весьма хорошимъ руководствомъ при сужденіи объ этихъ предметахъ.

Послѣ свѣдѣній, собранныхъ и представленныхъ полковникомъ Довре, графомъ Ламбертомъ, коему поручено было ближайшее наблюденіе за ходомъ всѣхъ дѣлъ на границѣ, и другими лицами, — составлена была графомъ Головкинымъ объ рѣкѣ Амурѣ особая записка. Въ ней графъ озложилъ свое особое мнѣніе о невозможности и ненадобности домогаться отъ Китайцевъ уступки всей рѣки, но ограничиться пространствомъ, какое опредѣляется Амуромъ, Зеей и Удью. Кромѣ этого въ октябрѣ 1805 года графъ Головкинъ представилъ Государю Императору новую записку объ Амурѣ, съ картою, заключающую въ себѣ всѣ свѣдѣнія, какія только онъ могъ собрать. Изслѣдованія графа Ламберта о политическомъ положеніи Китая, его торговлѣ и способахъ имѣть Россіи сношеніе посредствомъ Восточнаго океана, были весьма интересны и заключали въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣ-

дѣній, ибо собирались трудолюбивымъ усердіемъ чиновниковъ посольства. Кромѣ полковника Довре описаніемъ этого края въ географическомъ и другихъ отношеніяхъ занимался академикъ Адамсъ. Было предложено отправить Адамса, Богдановича и другихъ по сѣверному склону Становаго хребта въ Удскій острогъ, оттуда на Шантарскіе острова и къ устью Алдомы, для соображенія свѣдѣній о странахъ, лежащихъ между р. Горбицею и Охотскимъ моремъ, необходимыхъ по предполагаемой границѣ между Россіею и Китаемъ. Экспедиція эта была высочайше разрѣшена, но по причинамъ извѣстнымъ только одному послу отправленіе Адамса до времени оставлено, оно и послѣ не осуществилось.

Между прочимъ извѣстно, что въ числѣ причинъ, по которымъ не состоялась поѣздка Адамса, было также затрудненіе въ выставкѣ Тунгусами значительнаго числа оленей, необходимыхъ для этой экспедиціи. Въмѣсто предполагаемаго путешествія Адамсъ совершилъ ученое обозрѣніе р. Лены. Подобное же предназначеніе осмотра приграничныхъ мѣстъ только съ нѣкоторыми измѣненіями возложено было гораздо позднѣе на адъюнкта Редовскаго, который, кромѣ мѣстъ указанныхъ Адамсу, долженъ былъ посѣтить Камчатку, Курильскіе острова до Матсмая, О-въ Сахалинъ и наконецъ острова Шантарскіе. Инструкція, данная посломъ Редовскому, неизвѣстна, впрочемъ онъ долженъ былъ, между другими дѣлами, заняться и ученымъ описаніемъ означенныхъ мѣстъ; но и эта экспедиція, за смертію адъюнкта Редовскаго не состоялась.

Въ числѣ лицъ, трудившихся въ посольствѣ, нельзя не вспомнить о переводчикѣ Игумновѣ, прикомандированномъ посломъ къ своей свитѣ. Отъ него были доставлены гр. Головкину разныя историческія и политическія свѣдѣнія относительно Китая, Маньчжуріи и Монголіи, собранныя Игумновымъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Изложивъ обстоятельства неудавшагося посольства графа Головкина, слѣдуетъ разсмотрѣть одновременно съ нимъ происходившія дѣйствія Рязанова на Восточномъ океанѣ съ своимъ спутникомъ капитаномъ Крузенштерномъ.

Дурное состояніе дѣлъ едва только возникшей Амери-

канской компаніи, не смотря на своихъ достойныхъ представителей, каковы были Шелеховъ и потомъ Барановъ, заставило правительство наше особенно выикнуть въ затруднительное положеніе этой компаніи, и чрезъ посредство графа Румянцова осуществлено было отправленіе Рязанова, долженствовавшее принести безконечную пользу по своей прекрасной цѣли и многостороннимъ видамъ правительства, относительно водворенія порядка и благосостоянія въ нашихъ отдаленныхъ колоніяхъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ посольство должно было обнять три главные вопроса: 1) на основаніи листа, привезеннаго Лаксманомъ изъ Японіи, поставлялось въ обязанность истребовать отъ этого государства согласія на торговлю съ Россіей. 2) описать на обратномъ пути изъ Японіи, сколько позволятъ обстоятельства, Курильскіе острова, О. Сахалинъ, *устье Амура* и вообще весь Маньчжурскій (Татарскій) берегъ, и 3) сдѣлать осмотръ вообще всего восточнаго края Сибири,—съ полномочіемъ отъ правительства и компаніи брать такія мѣры къ его устройству, какія найдеть за нужное; принять на себя довѣренное лицо компаніи и правительства.

Между различными соображеніями, кои имѣло въ виду правительство, прежде всего должно упомянуть о запискѣ директора Американской компаніи Булдакова о необходимости перемѣнить способъ доставки въ Охотскъ и Камчатку провіанта и другихъ припасовъ и вмѣсто возки сухимъ путемъ къ крайнему раззоренію Якутовъ, огромной цѣнности провоза и другимъ безчисленнымъ неудобствамъ, отправлять моремъ, начавъ снаряженіе изъ С. Петербурга, на судахъ Американской компаніи и на ея счетъ. Кромѣ сего разсуждалось о предложеніи Англичанина Макмейстера завести на 18-мъ Курильскомъ островѣ поселеніе и торговлю съ Японією. Въ это-же время думали о заселеніи Шантарскихъ острововъ и всего материка противъ нихъ, съ присканіемъ мѣста для порта вмѣсто Охотска. Въ особыхъ представленіяхъ Рязанова, между многими статьями, заключались: иныя его о удобности завести съ Японією торговлю и о способности Россіи преимущественно предъ другими державами имѣть съ нею сношенія, явный примѣръ чему представлялся

въ удачныхъ результатахъ Лаксмана и Ловцова, бывшихъ въ Японіи въ 1791 г., и заведеніи въ 1794 году по этому предмету на сосѣдственномъ къ ней островѣ Урупѣ русскаго поселенія. Необходимость обозрѣть американскія владѣнія Россіи, дать имъ устройство и завести торговлю съ разными сопредѣльными мѣстами и о отношеніи острововъ Сахалина (Таракая) и Шантарскихъ. Особая докладная записка Государю Императору о способности Русскихъ къ основанію торговли на Восточномъ океанѣ, преимущественно предъ всѣми другими народами, необходимость узнать берега, ихъ обитателей и приискать гавани для судовъ. Разсужденіе объ островѣ Сахалинѣ, независимости его отъ Китая и близости къ русскимъ водамъ. Все это было принято благосклонно Государемъ Императоромъ, но только велѣно было записку Рязанова содержать въ тайнѣ и стараться не испугать Китайцевъ близкимъ приходомъ къ *устью Амура*.

Особымъ рескриптомъ, въ 1803 году, камергеръ Рязановъ былъ высочайше назначенъ посланникомъ къ японскому двору. Два судна слѣдующія съ нимъ были отданы подъ начальство Крузенштерна. Обоимъ лицамъ даны отдѣльныя инструкціи, обнимающія все, что касалось до этого важнаго предмета. Въ отношеніи видовъ на Японію преимущественно было предписано стараться завести торговлю съ этимъ государствомъ, въ слѣдствіе листа даннаго Японцами на входъ одному русскому кораблю въ Нангасаки, въ случаѣ-же неудачи, домогаться по-крайней-мѣрѣ о заведеніи торговли съ этимъ народомъ на островѣ Урупѣ и, наконецъ, развѣдать островъ Сахалинъ и устье Амура.

Рязановъ, по прибытіи своемъ въ предѣлы Восточнаго океана, писалъ изъ Камчатки, что онъ намѣревается совершить посольство въ Японію и возвратиться въ Петропавловскую гавань въ іюлѣ 1805 г., оттуда отправиться въ Кадьякъ, отпустить суда съ грузомъ въ Кантонъ и вокругъ мыса Доброй Надежды въ С.-Петербургъ, а самъ останется на зимовку въ Америкѣ, гдѣ приведетъ въ устройство поселенія возвратится въ Камчатку въ 1806 г. и оттуда достигнетъ сухимъ путемъ Охотска, собственно для обозрѣнія и описанія приморскаго края. Приэтомъ онъ изложилъ свое мнѣніе,

что Петропавловская гавань можетъ быть средоточіемъ всей торговли Американской компаніи и далѣе обращалъ вниманіе на положеніе Камчатки по многимъ важнымъ статьямъ, въ особенности на земледѣліе и малочисленность этого края.

Камергеръ Рязановъ отплылъ изъ Камчатки въ Японію въ августѣ 1804 года и прибылъ туда сентября 16-го того-же года, въ Нангасаки. Въ продолженіи 6 мѣсяцовъ шли переговоры съ японскимъ начальствомъ. При всемъ стараніи посланника склонить японскій дворъ къ обоюдной торговлѣ, кончилось на томъ, что Японцы, по проискамъ одного недоброжелательствующаго намъ министра, измѣнили слову данному Лаксману и рѣшительно отказали Россіи въ торговыхъ сношеніяхъ съ ними. Это вынудило Рязанова высказать японскому правительству, что русскому императору немного надо способовъ привести Японію въ правила, какихъ требуетъ уваженіе къ лицу его. Приэтомъ, между прочимъ, передали Японцамъ, чтобъ они не простирали своихъ владѣній далѣе N-ой оконечности Матсмая. Въ апрѣлѣ 1805 г. Рязановъ изъ Нангасаки обратно отправился въ Петропавловскую гавань. Въ этотъ путь Крузенштерну отдано было на произволъ идти или Корейскимъ моремъ для узнанія собственно Сангарскаго пролива, или тѣмъ-же курсомъ, какимъ пришли въ Японію, но приэтомъ предложено было осмотрѣть островъ Урупъ, восточную часть Сахалина и мохнатыхъ Курильцевъ.

14-го Мая 1805 г. дано было новое предложеніе, оставивъ описаніе Сахалина, по причинѣ льдовъ, встрѣченныхъ у мыса Терпѣнія, зайти на нѣсколько дней въ Петропавловскую гавань. По приходѣ Рязанова въ Петропавловскій портъ, посланъ былъ отчетъ объ экспедиціи въ Японію. Здѣсь-же было сдѣлано измѣненіе плана, въ отношеніи видовъ на Камчатку, въ которомъ излагалось, что если это новое предположеніе удостоится высочайшаго утвержденія, то отказъ Японцевъ дорого имъ будетъ стоить. Въ донесеніяхъ своихъ Рязановъ писалъ о необходимости, какъ можно скорѣе, занять островъ Сахалинъ, чтобъ не предварили другія державы, и что есть причина, по которой посланникъ приказалъ Крузенштерну описать этотъ островъ. При описаніи

Японіи, между разными предметами, есть истолкованіе Японцевъ своего листа, даннаго Лаксману, что торгъ не былъ ими разрѣшенъ; а позволено только придти русскому судну для трактованія съ губернаторомъ, что и дѣйствительно такъ значится въ листѣ. Въ дополненіяхъ Рязанова находится много интереснѣйшихъ подробностей о выгодахъ для Россіи отъ торговли съ Японіей, — статьи торга, возможность завести его, кромѣ Нагасаки, еще гораздо выгоднѣе на сѣверѣ. Рязановъ обращалъ вниманіе Государя Императора на потребность поскорѣе заселить губу Аниву на островѣ Сахалинѣ, еще неизвѣстную свѣту, но могущую вскорѣ быть занятю Англичанами, Сѣверо-Американцами или другими народами и необходимую для заведенія тутъ торговли Россіи съ Японіей, излагалъ важность заселенія Сахалина *относительно видовъ Россіи на Амуръ*, необходимость, выгоды и средства къ овладѣнію этою рѣкою, и всю пользу отъ водворенія Россіи на островѣ Сахалинѣ. Въ отчетѣ къ Государю Императору, между прочимъ, упоминалось о явной склонности Японцевъ къ торговлѣ съ Россіею, ропотѣ ихъ на своей дворъ за отказъ и общее сожалѣніе при отплытіи Русскихъ. Очень любопытны были по этому случаю заключенія графа Румянцова, — «что если недостигнута цѣль съ разу, по-крайней-мѣрѣ, проложенъ путь; что еще остается надежда въ будущемъ, продолжая настойчиво начатое дѣло, можно будетъ достигнуть сближенія съ Японіею и узнать ея нужды въ Россіи, и что ни въ какомъ случаѣ не упускать изъ виду торга съ Японіею, предпринимая его исподоволь въ сѣверныхъ предѣлахъ, то-есть въ Матсмаѣ и Сахалинѣ».

По прибытіи въ Калифорнію Рязановъ вошелъ въ портѣ Сан-Франциско въ обоюднo-дружелюбныя сношенія съ Испанцами и въ донесеніяхъ своихъ приводилъ причины необходимости соединить русскія владѣнія съ испанскими общей границей, для предупрежденія постороннихъ вселеній между ихъ владѣніями и указывалъ также на необходимость завести Россіи съ Калифорніею мѣновую торговлю рухлядью на хлѣбъ. Стараніями Рязанова испанскій губернаторъ *уступилъ* для торговли *Русскимъ три порта: Сан-Франциско, Монтерей и Сан-Діего*. Въмѣстѣ съ необходимостью торговли,

Рязановъ представлялъ объ усиленіи русскаго флота, о поселеніяхъ на островахъ Восточнаго океана, объ основаніи поселеній изъ Петропавловской гавани на Сандвичевыхъ островахъ, о необходимости Русскимъ занять эти острова и учредить на одномъ изъ нихъ различныя мануфактурныя заведенія и проч.

Избранный правительствомъ къ приведенію въ исполненіе такихъ важныхъ порученій, Рязановъ своимъ присутствіемъ сдѣлалъ большое вліяніе на судьбу нашихъ восточныхъ колоній. Онъ прибылъ туда въ такое время когда Русскіе могли утратить свое владычество надъ островами нашей компаніи. Непріязненность дикихъ островитянъ и появленіе въ здѣшнихъ мѣстахъ усилившихся Сѣверо-Американцевъ и Англичанъ, могли дѣйствительно остановить благія начинанія въ упроченіи быта нашихъ колоній и, при находящейся въ совершенномъ упадкѣ компаніи, самые острова могли перейти въ чужія руки. Не смотря на шаткость существованія нашихъ поселеній, Рязановъ своими умными и быстрыми распоряженіями, устранивъ всѣ покушенія туземцевъ и другихъ народовъ, далъ, такъ сказать, новую жизнь Американской компаніи. Смерть Рязанова, случившаяся въ предѣлахъ восточной Сибири, положила конецъ тѣмъ обширнымъ предначинаніямъ, кои клонились къ славѣ Россіи и упроченію благосостоянія Американской компаніи.

Спутнику Рязанова И. Ѡ. Крузенштерну было между прочимъ поручено описать сѣверо-восточную и сѣверную части острова Сахалина, матерой юговосточный берегъ Охотскаго моря и *устье р. Амура*. Крузенштернъ, описывая въ 1805 году восточную часть Сахалина, около параллели 52°, на пространствѣ около 10 миль къ NO-му встрѣтилъ признаки отмели и буруновъ и за тѣмъ, обогнувъ Сахалинъ съ сѣвера и слѣдуя къ югу, 13 августа 1805 года увидѣлъ проливъ около 5 миль шириною, который онъ принялъ за каналъ ведущій въ р. Амуръ. Направляясь къ этому каналу и дойдя до глубины 6 сажень, онъ не рѣшился продолжать курсъ далѣе, почему легъ въ дрейфъ и для изслѣдованія его послалъ на гребномъ суднѣ лейтенанта Ромберга, съ приказаніемъ чтобъ онъ, достигнувъ мыса на Сахалинѣ, отъ ко-

торого начинается каналъ, взявъ отъ него направление поперекъ канала и измѣрилъ его глубину. Г. Ромбергъ, возвратясь на судно, донесъ Крузенштерну, что по причинѣ встрѣченнаго имъ сильнаго теченія отъ S-да онъ не могъ приблизиться къ мысу болѣе какъ только на разстоянiе около 3-хъ мпль, гдѣ глубина была 4 сажени, а потому съ этого мѣста взялъ направление поперекъ канала. Сначала глубина была одинаковая до 4-хъ сажень, а потомъ уменьшилась до 3½; оттуда онъ и возвратился, не достигнувъ впрочемъ до противоположнаго сахалинскаго матерого берега. Вода, взятая съ этого мѣста г. Ромбергомъ, оказалась совершенно прѣсною. Видѣнный на Сахалинѣ, мысъ Крузенштернъ называлъ мысомъ Головачева, а противоположный ему на матеромъ берегу, откуда начинался каналъ, мысомъ Ромберга. Этимъ Крузенштернъ окончилъ свои изслѣдованiя Амурскаго лимана съ сѣвера. «Сильное теченiе, встрѣченное мною въ этихъ мѣстахъ», пишетъ Крузенштернъ, «и опасенiя, чтобы дальнѣйшими изслѣдованiями не навлекъ подозрѣнiя китайскаго правительства и тѣмъ не повредить кахтинской торговли» (въ чемъ предостерегали его въ Камчаткѣ), наконецъ, опасенiя, чтобы не столкнуться съ воображаемою имъ китайскою эскадрою, наблюдающею будтобы за устьемъ Амурса, — были причиною, что Крузенштернъ не исполнилъ въ точности данныхъ ему приказанiй и отправился въ Петропавловскъ.

Изъ этихъ изслѣдованiй, какъ своихъ собственныхъ, такъ и капитановъ Далеруза и Бротона, Крузенштернъ заключилъ: а) что нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что Сахалинъ соединяется съ матерымъ берегомъ, и слѣдовательно онъ есть полуостровъ, а потому и плаванiе къ Амуру съ юга Татарскимъ залвомъ невозможно; б) что между берегами Сахалинскимъ и Татарскимъ лиманъ Амурса *долженъ быть забро- саны мелями*; в) что устье рѣки Амурса должно весьма близко находиться къ мысамъ Головачева и Ромберга; д) что доступъ въ рѣку, если и существуетъ, то *развѣ* только съ сѣвера и по причинѣ сильныхъ теченiй онъ долженъ быть весьма затруднителенъ и опасенъ; е) что судя по огнямъ, замѣчаемымъ близъ мыса Ромберга, на материкѣ, можно полагать,

что китайское правительство наблюдает за устьем Амура; f) что отмель, встрѣченная на восточной сторонѣ острова Сахалина около 52° ширины, должна представлять баръ какой-либо большой рѣки, а можетъ быть даже и рукава Амура; g) что ни на берегахъ Сахалина, ни на матеромъ берегу Татарскаго залива гавани не найдено.

Можетъ быть никогда не представлялось такого удобнаго времени къ совершенному занятію Русскими острова Сахалина и другихъ сосѣдственныхъ Японіи острововъ, какъ во время пребыванія тамъ Рязанова и Крузенштерна; но все ограничилось однимъ только легкимъ описаніемъ мѣстъ, находящихся въ нашихъ предѣлахъ.

По причинамъ неудовлетворительности результатовъ, выведенныхъ Крузенштерномъ и другимъ неконченнымъ имъ порученіямъ, посланы были туда-же морскіе офицеры Хвостовъ и Давыдовъ. Они опять посѣтили Урупъ, заливъ Аниву и сѣверное побережье Матсмая и также должны были вручить партію людей, управляемую Звѣздочетовымъ, посланную гораздо прежде сего на островъ Урупъ для предупрежденія занятія этого острова другимъ какимъ-либо народомъ. Посылка этихъ офицеровъ много повредила намъ относительно Японіи, при могущихъ быть новыхъ видахъ на сношенія съ этимъ государствомъ. Между-тѣмъ Американская компанія и министръ коммерціи, все еще домогались достигнуть давнишней цѣли — торга съ Японіею. Съ 1806 года до настоящаго времени, продолжается непрерывный ходъ судовъ вокругъ свѣта для подкрѣпленія русскихъ колоній въ Америкѣ. Многія изъ нихъ посылались собственно для описей разныхъ пунктовъ и ученыхъ открытій. Въ 1807 году, шлюпъ Діана, подъ командою капитанъ-лейтенанта Головина, и въ 1809 году фрегатъ, подъ начальствомъ лейтенанта Подушкина, были отправлены съ тѣмъ, чтобы произвести подробную опись Курильскихъ острововъ, всего берега восточной Сибири до устья Амура и острова Сахалина. Подушкину даже исключительно было предписано описать прежде всего островъ Сахалинъ, начиная съ губы Анивы, которую и велѣно тотчасъ-же занять подъ поселеніе Русско-Американской компаніи, для заведенія тамъ китовой ловли и торговли съ Япо-

пией. Подушкинъ кажется не цѣнялъ всей важности своего порученія, и проплававъ два года, безуспѣшно возвратился назадъ. Головинъ въ 1811 году, описывая острова Курильскіе, зашелъ на японскій островъ Кунаширъ, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ Японцами, еще не забывавшими непріязненныхъ поступковъ съ нимъ Хвостова. Последнимъ путешествіемъ, совершеннымъ въ 1814 году Рикордомъ, выручившимъ изъ плѣна Головина, кончились наши домогательства на сношенія съ Японіей.

Съ тѣхъ-поръ до современныхъ намъ событій не случилось ничего особеннаго, чтобы возбудило Россію на новыя предпріятія. Всѣ наши старыя предположенія утвердятся въ сосѣдствѣ Японіи, начатыя съ такимъ рвеніемъ, не принесли никакой пользы государству. Отъ всего осталась одна утѣшительная мысль, что за Русскими остается право давности господствованія въ тѣхъ мѣстахъ, а обладаніе Курильскими островами подавало прекрасную надежду, что видны наши на островъ Сахалинъ и на сношенія съ Японцами еще не были потеряны. Здѣсь, мы не упоминаемъ о послѣдующихъ событіяхъ, клонившихся также къ пользѣ нашихъ колоній. Въ особенности былъ замѣчателенъ проэктъ Дебелла: о заведеніи на Восточномъ океанѣ китовой и рыбной ловли, о занятіи острововъ Лпкейскихъ, о постоянномъ пребываніи нашего консула въ Пекинѣ, о развитіи торга въ Кантонѣ, объ обращеніи вниманія на пути сообщенія въ Сибири и прочемъ. Предложенія Дебелла хотя и были приняты правительствомъ, но по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, дѣло это, обѣщавшее столько выгодъ, имѣло никакихъ добрыхъ послѣдствій.

Заключенія знаменитыхъ мореплавателей о затруднительности входа въ устье Амура съ моря, съ сѣвера и юга, о неимѣніи гаваней на берегахъ Приамурскаго края и о вліяніи на низовья Амура китайскаго правительства, невольно привели насъ къ вопросу: для чего намъ добиваться владѣнія рѣкою, которая не имѣетъ не только удобнаго, но даже почти никакого сообщенія съ моремъ, и по этому имѣетъ такое же ничтожное значеніе для Сибири, какъ, и многія орошающія ее рѣки: Енисей, Лена и др.; и для чего намъ распро-

странять наши — и безъ того уже растянутыя — владѣнія въ Сибири и тѣмъ, по утвердившемуся вліянію на этотъ край Китайцевъ, вредить выгодной для государства кяхтинской торговлѣ, когда на берегахъ этого края не найдено даже ни одной гавани. Еслибы сказанныя заключенія знаменитыхъ мореплавателей были справедливы, то и выгоды наши и благоразуміе требовали бы оставить безъ вниманія Приамурскій край и для насъ бы все равно, въ нашемъ или китайскомъ владѣніи находится рѣка Амуръ и весь орошаемый ею край; и было бы все равно, гдѣ бы ни была проведена граница наша съ Китаемъ въ этихъ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, лишь бы только она была южнѣе рѣки Уди, на которой существовалъ уже нашъ острогъ.

Но кто могъ заподозрить въ ошибочности заключеніе такого знаменитаго европейскаго авторитета! Кто могъ поднять завѣсу, опущенную имъ на этотъ край, и наконецъ, кто могъ сомнѣваться и въ безошибочности свѣдѣній, доставляемыхъ о немъ нашею миссіею изъ Пекина, — свѣдѣній, которыя показывали, что народы, обитающіе въ Приамурскомъ краѣ, находятся въ положеніи организованномъ и совершенно зависимомъ отъ Китая, что они управляются какими-то вассальными князьями, которые ѣздятъ жениться на царевнахъ въ Пекинѣ (*). Такъ-то, вполнѣ довѣряя ошибочнымъ заключеніямъ и свидѣтельствамъ о рѣкѣ Амуръ и о Приамурскомъ краѣ, и болѣе или менѣе невольно ихъ себѣ усвоивая, мы оставались совершенно къ нему равнодушными. На географическихъ картахъ восточной Сибири отъ верховьевъ рѣки Уди являлась наша пограничная черта съ Китаемъ, простирающаяся прямо къ востоку до Тугурской губы, *черта проведенная безъ всякаго основанія*. Но мы смотрѣли на это равнодушно и не вникали ни въ смыслъ верчинскаго трактата, ни въ степень достовѣрности данныхъ, на которыхъ были основаны заключенія Лаперуза, Бротона и Крузенштерна.

Равнодушіе съ нашей стороны къ Приамурскому краю въ то время болѣе подтверждалось еще и тѣмъ обстоятель-

*) Статистическое описаніе Китайской имперіи, Іакинфа, ч. II, стр. 30. Изд. 1842 г.

ствомъ, что Тихій океанъ, омывающій его съ сѣверовостока и юговостока, былъ чуждъ военному, коммерческому и промышленному движенію. Сопредѣльные съ Приамурскимъ краемъ колоссальныя государства, Китай и Японія, были заперты для Европейцевъ; Сандвичевы острова заняты были народами дикими. Сѣверо-западный берегъ Америки былъ почти пустыней. Богатыя китаи Охотское, Камчатское и Берингово моря не были еще посѣщаемы отважными кито-промышленниками; по нимъ ходили одни только наши суда изъ Охотска въ Камчатку и въ возникающія тогда наши Сѣверо-Американскія колоніи. Возможность настоящаго коммерческаго и промышленнаго движенія въ Тихомъ океанѣ казалась тогда весьма отдаленнымъ или, лучше сказать — почти несбыточнымъ будущимъ, въ особенности послѣ неудачныхъ попытокъ Рязанова въ Японіи и Китаѣ открыть для нашей торговли порта этихъ государствъ. Мы тогда не предвидѣли, что образующееся на югѣ Англо-Индійское государство и возникающіе на западѣ Сѣверо-Американскіе штаты могутъ отпереть Китай, оживить Тихій океанъ и создать на немъ торговлю и промышленность, въ чемъ Россія, по мысли Великаго Петра и по самому географическому положенію своему, должна бы быть первою участницею и на что она должна бы имѣть прямое и рѣшительное вліяніе. Но все это, какъ показывалъ тогда уже и самый опытъ, могло бы быть только при утвержденіи нашемъ въ принадлежащемъ, какъ мы видѣли, намъ по праву, Приамурскомъ краѣ. Но всего этого мы кажется не предусматривали, полагая, вѣроятно, что Тихій океанъ и страны имъ обмываемыя, если не навсегда, то на весьма и весьма продолжительный еще періодъ времени, останутся недоступными для общенароднаго движенія. Мы не приняли во вниманіе и того обстоятельства, что водвореніе осѣдлости, составляющей необходимое основаніе прочнаго утвержденія въ краѣ, нигдѣ не совершается скоро, а тѣмъ болѣе въ такой отдаленной и пустынной странѣ, какъ Приамурская, даже и при большихъ средствахъ должно идти медленно и постепенно, для чего потребно не одно десятилѣтіе. Китайское правительство о немъ по видимому не заботилось, остерегаясь по неопредѣленности границъ съ нами въ этомъ краѣ,

своими въ немъ распоряженіями навлечь на себя наше неудовольствіе, и чрезъ то дать намъ поводъ къ скорѣйшему и прочному нашему въ немъ утвержденію.

По всѣмъ этимъ причинамъ, наше правительство рѣшилось содержать на востокѣ, въ Охотскѣ, Камчаткѣ и Американскихъ колоніяхъ, только такую силу, которая-бы могла удерживать въ повиновеніи дикія племена, тамъ обитающія. Въ Охотскѣ и Камчаткѣ мы имѣли до 500 чел. морскихъ чиновъ, двѣ сотни казаковъ, при 3-хъ и 4-хъ малаго ранга транспортныхъ судахъ, назначаемыхъ собственно для снабженія продовольствіемъ Петропавловска, главнаго пункта Камчатскаго полуострова и главнаго нашего порта на Восточномъ океанѣ, и мѣстечекъ: Гижиги, Тигиля, Большереѣцка и Нижне-Камчатска. Для безопасности-же американскихъ нашихъ владѣній, положено посылать посмѣнно одно или два небольшихъ судна изъ Кронштадта. Но вскорѣ это послѣднее распоряженіе было отмѣнено и предоставлено самой Россійско-Американской компаніи (въ вѣдѣніи которой находятся эти мѣста) охранять свои колоніи, и за тѣмъ предположено было посылать изъ Кронштадта въ сибирскіе наши порта, Петропавловскъ и Охотскъ, одинъ транспортъ, по мѣрѣ надобности, чрезъ 4 и 5 лѣтъ, для снабженія этихъ портовъ такими матеріалами и вещами, которыя или невозможно, или дорого было доставлять чрезъ Охотскъ изъ Якутска, каковы: якоря, канаты, орудія, снаряды, такелажъ, муцирные и проч. матеріалы. Для основанія-же положительной и полезной сѣблности въ Камчаткѣ и около Охотска, равно и для развитія торговли въ Петропавловскѣ, сѣбланы были изъ Сибиря небольшие переселенія крестьянъ въ Камчатку и на берега Охотскаго моря, а Петропавловскъ объявленъ порто-франко. Въ видахъ поощренія жителей къ разведенію огородничества и хлѣбопашества въ этихъ мѣстахъ, даны были правительствомъ значительныя имъ привилегіи, а начальникамъ, назначаемымъ въ этотъ край, равно и служащимъ, для поощренія ихъ къ внимательному и должному за этимъ наблюденію, дарованы были особыя преимущества, заключающіяся въ награжденіи чинами, двойномъ жалованьи и пенсіонами. Но не смотря на всѣ эти распоряженія правительства, клонящіяся

къ основанію въ Петропавловскѣ надлежащаго порта и силы — они не могли имѣть успѣха, ибо сама природа поставляла тому непреоборимыя препятствія. Хлѣбопашество въ Камчаткѣ и на сѣверныхъ берегахъ Охотскаго моря, по условіямъ климатическимъ и по причинѣ весьма-прибыльной пушной промышленности, вознаграждающей гораздо-значительнѣе труды человѣка, не принималось и не существовало. Хлѣбъ урожался тамъ только на однѣхъ бумагахъ; въ дѣйствительности-же его не было, не только для продовольствія такого ничтожнаго количества войскъ, но даже и для самихъ принужденно обращаемыхъ на это производителей. Хлѣбъ и все необходимое для продовольствія, доставлялось туда постоянно чрезъ Охотскъ изъ Якутска, по цѣнамъ немовѣрно высокимъ *). Кромѣ-того, не только около Петропавловскаго порта, но и на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, ни для обыкновенныхъ построекъ, ни для исправленій судовъ, не находилось самага необходимаго матеріала, годнаго строительнаго лѣса. По всѣмъ этимъ причинамъ для поддержанія Петропавловска и Камчатки необходимо было существованіе Охотска. Россійско-Американская компанія, во владѣніяхъ которой также не было земли удобной для хлѣбопашества, заняла, съ этою послѣднею и промышленною цѣлію, заливъ Бодего, лежащій въ сѣверной Калифорніи, въ широтѣ 37° N. Это занятіе могло бы имѣть для насъ важныя послѣдствія; но компанія, дѣйствуя въ ограниченномъ и весьма уже прибыльномъ для нея объемѣ коммерческаго своего предпріятія, не желала воспользоваться свободнымъ тогда положеніемъ сѣверо-западнаго берега Калифорніи; и занявъ узкую полосу земли около залива Бодего, въ началѣ богатаго бобровымъ промысломъ, — не шла далѣе отъ моря во внутрь страны съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать эти мѣста житницею для своихъ колоній, Камчатки и Охотска. Попытки ея развести вблизи моря хлѣбопашество на землѣ, подвергавшейся вліянію морскихъ тумановъ, оказывались неудовлетворительными, между-тѣмъ, какъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку дѣвственная, прекрасная почва и климатъ Калифорніи давали

*) Отъ 4 р. 50 к. до 5 руб. сер. пудъ ржаной муки; до 20 руб. сер. пудъ сальныхъ свѣчъ, самага низкаго сорта.

урожаемъ неизвѣрный. Дѣйствія ея въ Калифорніи ограничивались основаніемъ маленькаго селенія подъ названіемъ *Росса*, въ которое компанія вывозила на вокой изъ колоній своихъ служителей и промышленниковъ и вообще всѣхъ людей неспособныхъ къ колониальнымъ работамъ. Она получала, однако, изъ Росса огородныя овощи, въ значительномъ количествѣ, мясо и прочія тому подобныя произведенія; часть-же хлѣба, свѣчи, масло и прочее шло въ колоніи чрезъ Охотскъ изъ Сибири, а потому, не смотря на то, что неудобство Охотскаго порта болѣе и болѣе открывалось, онъ все-таки оставался необходимымъ пунктомъ *). Не было ни одного начальника въ Охотскомъ портѣ, который-бы не представлялъ о необходимости перенести его въ другое мѣсто, и рѣдкое изъ судовъ нашей охотской флотиліи оканчивало свое служебное поприще обыкновеннымъ порядкомъ: всѣ они или разбивались, или, валяясь на банкахъ при входѣ въ Охотскъ съ моря, коротали свой вѣкъ. Эти обстоятельства вынудили правительство пріискывать для порта другое мѣсто на восточныхъ берегахъ Охотскаго моря, представляющее, при удобствахъ сообщенія его съ Якутскомъ, и возможность для устройства въ немъ болѣе-полезнаго порта. Двѣ системы рѣкъ: 1) Алданъ, Мая и Алдома и 2) Алданъ, Учуръ и Уда, — представляли, казалось, средства къ учрежденію лучшаго сообщенія между Якутскомъ и восточнымъ берегомъ Охотскаго моря, нежели существующее уже изъ Якутска въ Охотскъ; ибо первая р. Мая, вливающаяся въ р. Алданъ, которая, въ свою очередь, соединяется съ рѣкою Леною, около 150 верстъ ниже Якутска, подходитъ около 180 верстъ къ верховьямъ р. Алдомы, впадающей въ Охотское море въ 56° сѣверной широты; а р. Учуръ, впадающая также въ р. Алданъ, подходитъ къ р. Удѣ, вливающейся въ то же море, въ 54° N. широты. Но изъ нихъ устье рѣки Уды и Удская бухта, по описанію капитанъ-командора Фомина, оказались совершенно-неудобными для устройства тамъ порта, а потому принята была для сообщенія первая система рѣкъ, т. е. рѣка Алданъ, Мая и Алдома. Отъ урочища Нелькагъ,

*) Переписка объ этомъ началась Скарникомъ-Писаревымъ и Берингомъ въ 1794 г.

на р. Маѣ (мѣста ближайшаго къ р. Алдомѣ), начали вести дорогу къ р. Алдомѣ, а по берегамъ р. Маи хотѣли основать поселеніе. Для устройства этой дороги много было употреблено людей, трудовъ и капиталовъ (до 1 милліона руб.); но всё усилія оказались тщетными: горы, пустынное положеніе страны, болота и самый климатъ, представляли на каждомъ шагу непреодолимые препятствія. Основать-же осѣдлость на берегахъ рѣки Маи было также затруднительно и по климатическимъ условіямъ страны, по которой она протекаетъ, и по качеству самой почвы ея береговъ — большею частью каменныхъ, утесистыхъ и болотистыхъ. Самыя-же рѣки Маи и Алдома, по причинѣ быстрого теченія, пороговъ и шкверовъ, весьма-затруднительны были для плаванія. Единственные на всемъ пространствѣ берега между Охотскомъ и рѣкою Удою, бухты — Алдомская, въ которую впадаютъ р. Алдома, и къ югу отъ нея лежащая Аянская, — по различнымъ обследованіямъ оказались неспособными для учрежденія въ нихъ порта.

Всѣ эти обстоятельства возбудили снова всеобщее, живое сожалѣніе въ Сибири о потерѣ Амура, ибо всё вышесказанное попытки къ устройству сообщенія Сибири съ Охотскимъ моремъ ясно показывали, что только эта рѣка можетъ открыть для Сибири удобный доступъ къ морю.

Однако, со времени несостоявшагося посольства графа Головкина, отъ котораго можно было ожидать важныхъ послѣдствій, какъ въ отношеніи разграниченія Маньчжуріи, такъ и по видамъ свободнаго плаванія по Амуру, прошло слишкомъ 20 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Амуръ былъ забытъ, и правительство не предпринимало никакихъ попытокъ къ возвращенію его.

Бывшій начальникъ байкальской флотиліи, капитанъ-лейтенантъ (нынѣ контръ-адмиралъ) Лушковскій, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, просилъ дозволенія генералъ-губернатора восточной Сибири спуститься изъ Нерчинска по Амуру до его устья для-того, чтобъ удостовѣриться, въ какой степени справедливы рассказы Тунгусовъ и якутскихъ купцовъ объ этой рѣкѣ и о состояніи народовъ, обитающихъ по ея бе-

регамъ. Но это представленіе капитана Лушковскаго не имѣло послѣдствій.

Послѣ того, отправленной изъ Кронштадта въ 1826 году, экспедиціи капитана Ѡ. П. Литке поручалось между прочимъ произвести опись берега между Сахалиномъ и Удскимъ острогомъ, но эта экспедиція и не заходила въ Охотское море.

Въ 1828 году снова начинается возникать переписка объ видахъ нашихъ на р. Амуръ. Въ этомъ году управлявшій Азіятскимъ департаментомъ, г. Родофинкинъ, отнесся къ генераль-губернатору восточной Сибири, д. с. с. Лавинскому, излагая, что, во время послѣдняго пріѣзда Лавинскаго въ столицу, онъ имѣлъ съ нимъ разсужденіе о рѣкѣ Амурѣ и о важности открытія по ней плаванія. По этому, отлагая наши сношенія по этому предмету съ китайскимъ правительствомъ до болѣе благопріятнаго времени, г. Родофинкинъ тѣмъ не менѣе полагаетъ полезнымъ имѣть подъ рукою всѣ новѣйшія свѣдѣнія о р. Амурѣ, о степени судоходности ея, о народахъ, живущихъ по берегамъ ея, о мѣсахъ, находящихся въ верховьяхъ и проч.,— почему и проситъ генераль-губернатора собрать по этимъ предметамъ подробнѣйшія свѣдѣнія и прислать въ министерство, а для соображенія препровождаетъ къ нему записку объ Амурѣ полковника Довре, представленную имъ нашему правительству еще въ 1808 году. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Родофинкинъ отнесся и въ нашу пекинскую миссію, прося архимандрита Веніамина собрать въ Пекинѣ всевозможныя свѣдѣнія о р. Амурѣ и стараться войти съ китайскими министрами въ сношенія о дозволеніи намъ плаванія по этой рѣкѣ.

На эти требованія министерства иностранныхъ дѣлъ генераль-губернаторъ восточной Сибири Лавинскій, въ 1831 году, препроводилъ: а) карту и описаніе теченія Амура, составленную г. Ладыженскимъ изъ различныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ якутскаго и иркутскаго архивовъ, различныхъ китайскихъ документовъ, и наконецъ изъ рассказовъ нашихъ аргунскихъ и усть-стрѣлочныхъ казаковъ и б) показанія крестьянина Кудрявцова *), проживавшаго на

*) Не лишне сказать здѣсь нѣсколько словъ о походе Кудрявцова. Въ 1818 г., съ нѣсколькими другими промышленниками Удскаго края, подѣ

устьяхъ Амура съ 1819 по 1821 годъ, прибавляя, что всѣ эти свѣдѣнія весьма далеки еще отъ истины, а чтобъ имѣть основательное объ этомъ краѣ понятіе, какого требуетъ министерство, онъ полагаетъ необходимымъ послать внизъ по Амуру экспедицію и для этой цѣли употребить находящагося нынѣ въ Сибири на поселеніи преступника, бывшаго маіора Раевского, съ 10 человекѣми расторопныхъ казаковъ изъ Забайкальской области. Что-же касается до образованія верфи на р. Шилкѣ, то онъ находитъ, что самое удобное къ тому мѣсто представляется около слободы *Стрѣтенской*. Вслѣдъ за этимъ къ генераль-губернатору Лавинскому явился въ Иркутскъ курпуса флотскихъ штурмановъ капитанъ Козминъ, который по порученію Р. А. компаніи съ сентября 1829 по іюнь 1831 года проживалъ въ Удскомъ краѣ для подробнаго описанія Шантарскихъ острововъ и Удской губы. Г. Козминъ представилъ Лавинскому записку, заключающую въ себѣ: во 1-хъ) свѣдѣнія собранныя имъ о р. Амурѣ и о народахъ, обитающихъ при ея устьѣ, и во 2-хъ) прозектъ, какимъ образомъ и какими средствами онъ могъ-бы обследовать теченіе Амура и устья рѣки и вообще собрать подробныя и точныя свѣдѣнія какъ объ этихъ предметахъ, такъ и о народахъ, обитающихъ по берегамъ р. Амура.

Свѣдѣнія, доставленныя о Пріамурскомъ краѣ Ладыжен-

предводителемъ якутскаго мѣщанина Лопатина, Кудрявцовъ отправился на звѣриной промыселъ на островъ большой Шантаръ; но, по случаю недостатка въ продовольствіи, Лопатинъ ушелъ въ Удскій острогъ, а изъ спутниковъ его большая часть погибла отъ болѣзни и голода; остальные же, въ числѣ которыхъ былъ и Кудрявцовъ, перебравшись съ Шантара къ устью р. Тугура, старались достигнуть также Удскаго острога. Но Кудрявцовъ заблудился и вмѣсто Удскаго острога попалъ на урочище Буруканъ, гдѣ, встрѣтивъ Нишдальцовъ, прибылъ съ ними въ 1819 г. на р. Амгунь, а оттуда на Амуръ. Здѣсь до 1821 года онъ жилъ у Гиляковъ, питался рыбкою и занимался звѣринымъ промысломъ. Весною-же 1821 г. онъ отправился съ прибрежными Гиляками на лодкѣ моремъ для нерпичьяго промысла на устье р. Тугура, гдѣ, встрѣтивъ удскихъ Тунгусовъ, осенью того-же года явился въ Удскій острогъ. Кудрявцовъ показалъ, что Гиляками онъ принятъ былъ радушно, что народъ этотъ обитаетъ на Сахалинѣ, въ Лиманѣ и на значительное разстояніе отъ устья вверхъ по берегамъ Амура, вообще добродушенъ, ни отъ кого независимъ и не только не имѣетъ управленія, но и ничего объ этомъ не знаетъ, что р. Амуръ вообще глубока, широка, берега ея лѣсисты и проч.

скимъ, Кудрявцовымъ и Козминымъ, показывали, что рѣка должна была быть глубока и не представляетъ препятствій для судоходства, что Гиляки, обитающіе около устья Амура, по берегамъ Лимана и Охотскаго моря, въ сѣверной части Сахалина и по самой рѣкѣ Амуру, равно и Нипшдалцы, занимающіе берега Амгуни и ея притоковъ, составляютъ народъ независимый; и наконецъ, что ни Маньчжуры ни Дауры не дѣлали для торговли никакихъ препятствій якутскимъ купцамъ и удскимъ промышленникамъ, постоянно и ежегодно посѣщающимъ р. Селимжу, Бурею и ихъ притоки (въ особености-же притоки этой послѣдней, которую Маньчжуры считаютъ какъ-бы имъ принадлежащею).

Генераль-губернаторъ Лавинскій, получивъ отъ Козмина эти свѣдѣнія и видя готовность его привести въ исполненіе представленныя имъ предположенія, писалъ г. Родофинкину въ 1832 г., что онъ, находя представленія г. Козмина, офицера извѣстной уже опытности и ревности, вполне основательными и весьма удобоисполнимыми, проситъ—если эти предположенія одобрить правительство—возвратить къ нему г. Козмина въ Иркутскъ не позже 15-го марта и разрѣшить ему на снаряженіе этой экспедиціи произвести расходы, которые не будутъ превышать 20 т. руб. ассигнаціями, и наконецъ, вслучаѣ какихъ-либо вопросовъ со стороны китайскаго правительства, дозволить ему, какъ ближайшему къ Китаю мѣстному начальнику, представить этому правительству о необходимости открытія для насъ плаванія по Амуру и замѣтить Китайцамъ о непріятности, сдѣланной или нашему правительству непріятиемъ отправляемыхъ прежде къ нимъ по высочайшему повелѣнію нашихъ посланниковъ. Г. Родофинкинъ до полученія еще отъ Лавинскаго этихъ представленій, отъ 14-го января 1832 года, возвращая ему препровожденныя въ министерство иностранныхъ показанія ссыльнаго Гурія Васильева, проживавшаго нѣсколько лѣтъ на Амурѣ, увѣдомлялъ, что изъ этого показанія Гурія Васильева *) видно, что у Маньчжуровъ въ Амурской про-

*) Гурій Васильевъ, уроженецъ Екатеринославской губерніи, изъ старообрядцевъ, за бродяжничество, въ 1808 г., былъ сосланъ на поселеніе въ Удлинскій округъ Забайкальской области. Весною 1815 г., съ двумя товари-

впнци проживаютъ многіе изъ нашихъ бѣглыхъ, а посему въ случаѣ если на будущее требованіе наше о плаваніи по Амуру китайское правительство станетъ находить препятствія, то, основываясь на этомъ показаніи, можно слегка, какъ-бы въ укоризну, замѣтить китайскому правительству

ицами своими старообрядцами бѣжалъ на Амуръ съ цѣлю на пустынныхъ берегахъ этой рѣки основать старообрядскій скитъ. Они поселились на Амурѣ въ пещерѣ, около устья рѣки Урки (близъ Албазина), гдѣ и провели зиму съ 1815 на 1816 годъ; но весною этого года были взяты Маньчжурами и представлены въ Айгунь; здѣсь Маньчжуры склонили ихъ обречь бороды и вступить въ подданство Китаю, по примѣру какъ то дѣлали многіе изъ бѣглыхъ Русскихъ, у нихъ проживающихъ; но они на это не соглашались, а потому Маньчжуры представили ихъ чрезъ Цыцикаръ и Хайларъ на нашу границу въ *Цурухайтуй*, оттуда они были препровождены на старое мѣсто въ Удинское селеніе. Гурій Васильевъ, по привычкѣ своей къ уединенной жизни, недолго оставался на мѣстѣ; въ 1818 году снова бѣжалъ на Амуръ и въ слѣдующее лѣто 1819 года снова былъ пойманъ Маньчжурами и тѣмъ же путемъ препровожденъ въ Цурухайтуй, откуда уже его послѣ наказанія плетью отправили въ нерчинскіе заводы. Не смотря на это, Гурій Васильевъ не могъ одолѣть внутренняго своего влеченія къ пустынной скитской жизни и нашелъ случай въ третій разъ, въ 1822 году, бѣжать изъ Нерчинска на Амуръ въ ту-же пещеру, около устья рѣки Урки. Здѣсь онъ провелъ зиму съ 1822 по 1823 годъ, питался, какъ и прежде, кореньями, рыбою и дичью; но съ наступленіемъ весны, опасаясь, чтобы въ этомъ мѣстѣ, сдѣлавшемся уже извѣстнымъ, не схватили его Маньчжуры, рѣшился на маленькой лодкѣ изъ бересты, такъ-называемой вѣткѣ, спуститься дагѣ внизъ по Амуру. Не пройдя однако и 100 верстъ, онъ былъ схваченъ Маньчжурами и препровожденъ въ Айгунь.

Но на этотъ разъ мѣстное начальство не заблагоразсудило отправить его въ Россію, а отдавъ только подъ присмотръ полиціи, отпустило его въ городъ, вмѣнивъ ему въ обязанность обучать взрослыхъ дѣтей русскому языку, за что отпускали ему пищу, одежду и содержали его вообще въ болѣешемъ довольствѣ. Въ 1826 г., по распоряженію начальства, онъ былъ отправленъ изъ Айгуна, вмѣстѣ съ Маньчжурами, внизъ по Амуру для ловли рыбы. Здѣсь обращались съ нимъ гораздо хуже, это не понравилось Васильеву, и потому онъ рѣшился бѣжать на ихъ же маленькой лодкѣ внизъ по Амуру. Пройдя слияніе р. Сунгары съ Амуромъ, показываетъ Гурій Васильевъ, я былъ внѣ всякой опасности; ибо народъ Янты (Гольди), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ Китайцевъ и Маньчжуръ. Продолжая путь свой дагѣ по Амуру съ помощію уже туземцевъ, къ осени онъ достигъ земли Гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку. Отъ Гиляковъ онъ узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ Тунгусы, а потому весною 1827 года вышелъ изъ Амура на гилякской лодкѣ въ Охотское море и слѣдуя вдоль берега его, не доходя 30 верстъ до устья рѣки Тугуръ, остановился у Тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, явился въ Удскій острогъ.

«что мы желаемъ только свободно плавать по Амуру, а не «отыскивать въ ихъ предѣлахъ нашихъ перебѣжчиковъ, проживающихъ у нихъ въ при амурскомъ краѣ въ противность «заключенному съ ними трактату».

Вся возникшая такимъ-образомъ переписка была пре-
провождена въ 1833 году изъ министерства иностранныхъ
дѣлъ къ министру финансовъ на заключеніе, такъ-какъ пред-
метъ этотъ относился и до торговли нашей съ Китаемъ. На
это министръ финансовъ изложилъ свое мнѣніе такимъ-обра-
зомъ :

«Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р.
«Амуру бесполезно и, въ отношеніи подозрительности Ки-
«тайцевъ, опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣ-
«реній (какъ видно изъ представленныхъ мнѣ фактовъ) обла-
«дать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о
«судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣ-
«дуетъ что-либо затѣвать».

За этимъ отъ 17-го мая 1833 года, по приказанію ми-
нистра иностранныхъ дѣлъ, директоръ Азіятскаго департа-
мента на всѣ вышепомянутыя представленія Лавинскаго от-
вѣчалъ ему слѣдующимъ образомъ :

«Сколь ни кажутся основательными и мудро придуманными
«всѣ предлагаемыя вами средства; но необходимость требуетъ
«дабы приведеніе оныхъ въ исполненіе было отложено до бо-
«лѣе благоприятствующихъ обстоятельствъ».

«Министерство, относившись въ минувшихъ годахъ къ ва-
«шему превосходительству, имѣло только въ виду собрать
«подробныя свѣдѣнія не теряя времени, и желаніе министер-
«ства въ этомъ отношеніи уже достигнуто, и при благосклон-
«номъ вашемъ содѣйствіи представленъ и планъ, могущій
«служить вѣрнѣйшимъ руководствомъ при будущихъ начина-
«ніяхъ; остается ожидать только обстоятельствъ благоприят-
«ствующихъ, чтобы привести его въ дѣйствіе».

Этимъ кончилось правительственное тогда вниманіе на
Приамурское побережье и мы не сдѣлали ни одного шагу
впередъ для разрѣшенія вопроса объ устьѣ рѣки Амура, а
время болѣе и болѣе укрѣпляло въ насъ ошибочныя и не-
опредѣленныя о немъ понятія.

Одновременно съ этой перепиской, въ 1832 году бывший приставъ пекинской миссиі г. Ладыженскій и спросилъ разрѣшеніе генералъ губернатора на отысканіе каменнаго пограничнаго памятника, поставленнаго Китайцами въ 1591 году, на р. Амазарѣ или большой Горбицѣ, впадающей въ Амуръ въ 40 верстахъ ниже Усть-Стрѣлки, — о чемъ существовало показаніе въ запискѣ Довре, въ маньчжурскихъ источникахъ и въ разсказахъ нерчинскихъ старожиловъ. По этому поводу г. Ладыженской спускался внизъ по Амуру до бывшаго Албазина и на возвратномъ пути осмотрѣлъ мѣста около устья р. Амазаръ, но столбовъ отыскать не могъ. По настоянію г. Ладыженскаго отысканіе это было поручено въ зимнее время цурухайтуевскому приставу Разгильдѣеву. Онъ нашелъ двѣ груды камня въ двухсаженномъ одна отъ другой отстояніи, но надписей никакихъ на нихъ не оказалось. Тѣмъ вся попытка къ отысканію этихъ памятниковъ и кончилась.

Правительство, затративъ значительные капиталы и труды безъ всякой пользы на устройство надежнаго пути между восточною Сибирью и моремъ и не предвидя настоящаго движенія въ Тихомъ океанѣ, который оставался тогда еще невозмутимымъ, охладѣло не только къ Приамурскому побережью, требовавшему тщательныхъ изслѣдованій и снаряженія особой экспедиціи, но и къ существующимъ уже тогда владѣніямъ нашимъ на Восточномъ океанѣ. Петропавловскъ, главный нашъ пунктъ на этомъ океанѣ, и весь Камчатскій полуостровъ, не смотря на преимущества его какъ порто-франко и на затраченные труды и капиталы для водворенія въ нихъ торговли и полезной осѣлости, не подвигались впередъ ни шагу. Петропавловскъ оставался тою-же ничтожною деревней; Авачинская губа, въ которой расположенъ этотъ портъ, видѣла на своихъ водахъ одни только обычные казенные транспорты, приходившіе каждую осень изъ Охотска съ мукой и прочими запасами и 2-мя — 3-мя купеческими прикащиками отъ якутскихъ купцовъ съ разными ничтожными товарами для мѣны на соболей съ туземцами и проч., и наконецъ чрезъ 5 или 4 года показывался въ Камчатку транспортъ изъ Кронштадта съ матеріалами и другими необходимыми предметами для порта. Камчадалы оставались

тѣми-же звѣроловами; полезная осѣдлость не только къ нимъ, но даже и къ переселеннымъ въ этотъ край крестьянамъ изъ Сибири, рѣшительно не прививалась; эти послѣдніе скоро дѣлались тѣми-же звѣроловами, какъ и туземцы. Безконечное и бездорожное разстояніе, которое отдѣляло Камчатку отъ центра правленія, климатическое, орографическое и пустынное ея положеніе, препятствующее даже устройству внутренняго по ней сообщенія, имѣло слѣдствіемъ то, что всѣ представленія нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ мѣстныхъ начальниковъ, клонящіяся даже къ сохраненію быстро уменьшающагося ея народонаселенія отъ внесенія въ край Русскими болѣзней, были по большей части ничто иное, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо переписка изъ Камчатки не только съ Петербургомъ, но и съ Иркутскомъ (котораго Петропавловскъ составлялъ уѣздъ) длилась годы. Несоблюденіе какой-либо формальности, несоотвѣтствующей установленнымъ правиламъ—по большей части несообразнымъ ни съ положеніемъ ни съ состояніемъ страны, — возбуждало множество вопросовъ, казавшихся весьма простыми на мѣстѣ, но совершенно темными для людей, которые должны были ихъ разрѣшать, людей по большей части знавшихъ только по одной географической картѣ о существованіи края. Всѣ эти обстоятельства уничтожали въ благонамѣренныхъ начальникахъ всякое рвеніе къ пользамъ края и заставляли ихъ помышлять только о томъ, чтобъ скорѣе выжить 5-ти лѣтній срокъ и получить установленныя привилегіи.

Въ Камчаткѣ находилось до 100 чел. морскихъ чиновъ и до сотни казаковъ, а всего до 200 человекъ. Эти люди составляли и гарнизонъ, и полицію, и рабочихъ, какъ порта такъ и всей страны. Укрѣпленіе-же порта составляло что-то въ родѣ, частію земляной и частію деревянной, батарен, вооруженной 10 орудіями малаго калибра.

Охотскъ, какъ складочный пунктъ для Камчатскаго края и американскихъ нашихъ колоній, и портъ, гдѣ строились транспортныя суда и куда собирались на зимовку, не смотря также на всѣ старанія правительства привести его въ сколько возможно лучшей видъ, по тѣмъ-же причинамъ нисколько не улучшался. Онъ представлялъ почти такую-же ничтожную

деревню, расположенную на узкой дресвяной кошкѣ *) какъ и Петропавловскъ. Построенныя въ немъ мелкія транспортныя суда были какими-то карриатурами на суда. Самая мѣстность и климатъ Охотска, развивающіе цыngu и другія тому подобныя скорбутныя болѣзни, весьма чувствительно уничтожали его команды. Невозможность оставлять для зимовки суда не вытасченными на берегъ, мелководіе (до 3 футъ въ малую воду) и опасность бара отъ рѣкъ Кухтуя и Охоты (при устьяхъ которыхъ былъ расположенъ этотъ портъ), позднее открытіе и раннее закрытіе порта для навигаціи и накоицеъ льды и туманы, господствующіе въ Охотскомъ морѣ, останавливали всякое рвеніе и возможность къ какому-либо улучшенію порта и показывали всю неестественность его существованія, и всю невозможность развитія около него и по берегамъ Охотскаго моря полезной осѣдлости, которая по этимъ причинамъ рѣшительно не принималась какъ тамъ, такъ и на Камчатскомъ полуостровѣ. Между-тѣмъ, всѣ даже самыя ничтожныя и необходимыя устройства въ этихъ портахъ, ихъ поддержаніе и содержаніе ничтожной силы въ Охотскѣ и Камчаткѣ, сравнительно стоили казнѣ неимовѣрныхъ суммъ **).

Извѣдавъ, какъ мы видѣли, все это на самомъ опытѣ и усматривая, что при такомъ физическомъ положеніи и состояніи этой страны не представляется возможности усилить тамъ наши дѣйствія дотога, чтобъ они могли приносить какую-либо существенную пользу, и что этотъ край, какъ несвязанный естественнымъ путемъ съ общимъ цѣлымъ, всегда будетъ совершенно отрѣзаннымъ, поневолѣ охладѣли къ нему и махнули рукой на него; какъ на край безполезный, только поглощающій непомѣрные расходы и представляющій изъ себя одно необходимое зло, которое мы должны какъ-нибудь поддерживать, ибо земли съ разбросанными на нихъ нѣсколькими тысячами кочевыхъ народовъ, принятыхъ нами подъ свое покровительство, принадлежали намъ. Подъ

*) Коса, образовавшаяся отъ наносовъ съ моря и изъ рѣкъ.

***) Одинъ нашъ почтенный адмиралъ говорилъ, что стоимость казармы тополеваго лѣса въ Петропавловскѣ равняется стоимости подобной величины казармы въ Петербургѣ, построенной изъ желѣза и покрытой мѣдью.

вліяніемъ этихъ справедливыхъ убѣжденій, все приняло тамъ и соотвѣтственную рутину, и такимъ-образомъ, по большей части, все, что было дурнаго, негоднаго, или неспособнаго въ Россіи, было отправляемо въ сибирскіе наши порта. Наши моряки, пересылаемые на транспортахъ изъ Кронштадта въ Петропавловскъ, — подъ впечатлѣніями тропическихъ странъ, изъ которыхъ они туда приходили, — радушныхъ пріемовъ, дѣлаемыхъ имъ въ Петропавловскѣ, гдѣ ихъ приходъ составлялъ важную эпоху, — особаго рода мѣстополюженій, которыми рѣзко отличается Камчатка отъ другихъ ими видѣнныхъ странъ, — разительной противуположности въ состояніи Камчатки и самой Авачинской губы въ различныя времена года, и наконецъ — самого очерка этой губы, удовлетворяющей по видимому всѣмъ требованіямъ превосходнѣйшей и обширнѣйшей гавани, — привозили разныя о Камчаткѣ мнѣнія, а потому, какъ въ правительствѣ, такъ равно и во всѣхъ, порождали ошибочныя и сомнительныя объ этомъ краѣ заключенія. Одни, весьма впрочемъ немногіе, думали, что Камчатка намъ вовсе бесполезна, а другіе напротивъ, что она многое представляетъ въ будущемъ и что съ нею мы имѣемъ на востокѣ все, чего могли бы желать и что для большаго нашего тамъ утвержденія стоитъ основать маленькую колонію въ Тихомъ океанѣ на какомъ-нибудь острову, не занятомъ другими, и ближайшемъ къ тропикамъ и Петропавловску (какъ указывалъ Ѳ. П. Литке на острова Бонинъ-Сима), или учредить, чтобы этотъ портъ снабжался нужнымъ изъ Маниллы.

Въ этомъ хаосѣ различныхъ попытокъ, представленій, мнѣній и предположеній, правительство, не видя никакихъ твердыхъ основаній, а только увеличеніе и то уже значительныхъ расходовъ, справедливо не обращало своего вниманія на эти страны. Истина была отъ него скрыта, ибо никто не обратилъ тогда серьезнаго вниманія на мысль Велыкаго Петра, что только въ Приамурскомъ краѣ можно твердо и полезно стать на Тихомъ океанѣ.

Открытіе плаванія по Амуру, къ чему, какъ мы выдѣлили, клонились всѣ старанія гг. Родофинкина и Лавинскаго, — имѣло главнымъ предметомъ обезпеченіе Камчатки

нашихъ американскихъ колоній; по ни одно изъ мѣстъ, намъ принадлежащихъ въ Камчаткѣ или на берегахъ Охотскаго моря, по физическимъ причинамъ (закрытію ихъ на 7¹/₂ мѣсяцовъ для навигаціи), не могло быть опорнымъ нашимъ пунктомъ на Восточномъ океанѣ. Южное-же побережье Приамурскаго края, гдѣ надобно было искать этого пункта, по заключеніямъ Ланеруза, Бротона и Крузенштерна для Амура, какъ бы не существовало. Не имѣя ни силы ни намѣренія обладать Приамурскимъ краемъ, — какъ замѣтилъ министръ финансовъ, — мы не могли думать о судоходствѣ по Амуру и о водвореніи тамъ торговли. Слѣдовательно прежде чѣмъ хлопотать о плаваніи по этой рѣкѣ, нужно было съ удобопроездимостію ея устья разрѣшить и то главное обстоятельство, въ какой степени возможно сообщенія устья Амура чрезъ Лиманъ съ южнымъ побережьемъ Приамурскаго края, и наконецъ необходимо было принимать мѣры для образованія силы въ верховьяхъ Амура. Но разрѣшеніе сказаннаго вопроса, не только въ это время, но и въ послѣдствіи, не имѣлось въ виду у правительства и вопросъ объ Амурѣ представленъ, что рѣка эта нужна намъ только для обезпеченія Камчатки, неволью ставшия вопросомъ менѣе чѣмъ второстепеннымъ и гадательнымъ.

Таково было наше положеніе на Восточномъ океанѣ, положеніе ничтожное, совершенно соответствующее тому бездѣйственному состоянію, въ какомъ находился тогда и самый океанъ. Мысль Великаго Петра была предана забвенію и скрывалась только въ легендахъ, составляемыхъ нашими Сибиряками, и въ говорѣ между ними — говорѣ еще болѣе усилившемся при открытіи золотопромышленности, этого новаго источника богатства Сибири, дающаго важную цѣну этой странѣ, ставящаго кяхтинскую торговлю на гораздо уже низшую степень, и наконецъ привлекающаго въ Сибирь капиталы, труды и самое населеніе. Но и это не обращало нашего вниманія на Приамурскій край, мы оставались совершенно убѣжденными, что сама природа навсегда защитила Сибирь нашу отъ всякихъ непріязненныхъ со стороны моря покушеній.

Наконецъ въ 1840 годахъ обнаруживается движеніе въ

Тихомъ океанѣ и это движеніе быстро началось тамъ въ русскихъ моряхъ. Цѣлые флоты отважныхъ китобоевъ являются въ моря Камчатское, Берингово и Охотское, и вывозятъ отъ насъ на нѣсколько милліоновъ рублей произведеній этой прибыльной промышленности. Вслѣдъ за этимъ Англичане — по вопіющей, съ ихъ точки зрѣнія, несправедливости, недопущенію китайскимъ правительствомъ ввоза въ Китай соблазнительной для народа отравы, опиума — объявляютъ Китаю войну и заставляютъ эту недоступную доселѣ монархію заплатить имъ тяжкую контрибуцію и открыть для торговли всѣхъ націй, кромѣ насъ, пять портовъ своихъ. Этимъ открывается на Тихомъ океанѣ и коммерческое движеніе, быстро развивавшееся не одними Англичанами, но и Сѣверо-Американцами неупустившими случая вступить съ ними въ соперничество. Шангай, весьма близкій къ Приамурскому краю, дѣлается важнѣйшимъ сѣвернымъ пунктомъ морской торговли. Мы же, какъ бы удивленные такимъ внезапнымъ переворотомъ, котораго дотолѣ не предвидѣли, не имѣя надлежащаго опорнаго пункта на Восточномъ океанѣ, и при томъ же постоянномъ предубѣжденіи относительно Приамурскаго края, не предвидя даже возможности гдѣ-либо основать его, а чрезъ это и дать надлежащее коммерческое и промышленное движеніе и содержать достаточную силу къ его охраненію*), — вынуждаемся по необходимости оставаться въ бездѣйствіи и пропускать безъ вниманія какъ доходившія до правительства изъ Камчатки и Охотска жалобы на дерзкіе и вредные поступки китобоевъ, совершаемые ими не только по нашимъ бережьямъ, но даже и въ самомъ портѣ Петропавловскѣ**), такъ и то, что они расноряжаются въ нашихъ моряхъ какъ въ своихъ, ловятъ китовъ въ противность общенародному морскому праву у самыхъ нашихъ

*) Ибо было явно невозможно сдѣлать въ Петропавловскѣ пристанище для коммерческаго и военнаго флота, какъ пунктъ совершенно отрѣзанномъ, не имѣющемъ главныхъ мѣстныхъ средствъ и требующемъ огромныхъ расходовъ для его укрѣпленія и содержанія, сообразно этимъ укрѣпленіямъ, значительнаго гарнизона.

**) Здѣсь, при бывшемъ начальникѣ Камчатки Ш...., китобои разбили караулъ, буйствовали и разобрали на дрова нашу батарею.

прибрежьевъ и въ бухтахъ *), дѣйствуя же такимъ образомъ, совершенно истребляютъ въ нашихъ моряхъ этихъ морскихъ животныхъ. А съ другой стороны, при твердомъ убѣжденіи въ недоступности для судовъ съ моря рѣки Амуръ, какъ единственной, которая представляетъ удобный путь въ нашу Сибирь, оставались увѣренными, что во всякомъ случаѣ Сибирь наша съ этой стороны вполне защищена уже самою природою отъ всякаго непріязненнаго покушенія. По этимъ причинамъ мы не увеличивали нашихъ средствъ на Тихомъ океанѣ для ограниченія вредныхъ дѣйствій китобоевъ, оставили имъ въ полное распоряженіе моря наши и всѣ ихъ прибрежья, какъ мѣста не приносящія и не могущія приносить намъ даже и въ будущемъ никакой пользы.

Англо-китайская война и возникшее внезапно движеніе въ Тихомъ океанѣ, въ которомъ Россія не могла принять участія, и наконецъ продажа и оставленіе Россійско-Американскою компаніею владѣній ея въ Калифорніи **), возбуждали много толковъ какъ о самой потерѣ этихъ владѣній, такъ и о безсиліи нашемъ на Тихомъ океанѣ и невольно родили живыя воспоминанія объ Амурѣ и о равнодушіи нашемъ къ Приамурскому краю.

Общее мнѣніе указывало на Амуръ, какъ на единственный пунктъ, гдѣ мы легко успѣли бы въ продолженіи полутора вѣковъ основать оплотъ и силу нашу на Тихомъ океанѣ, а на Калифорнію, какъ на самую надежную и прекрасную станцію, какую могла бы тамъ имѣть Россія, и какъ на мѣсто, обѣщавшее большія богатства (какъ оно и случилось).

Въ періодическихъ журналахъ того времени и даже въ энциклопедическихъ лексиконахъ являлись статьи указывавшія на важность для Россіи Приамурскаго края.

Но ни эти указанія, ни представленія о томъ же предметѣ генералъ-губернатора восточной Сибири Руперта не имѣли послѣдствій; и только случайный упадокъ нашей кяхтинской торговли въ 1842 году и представленіе московскаго губернатора министру финансовъ о вредныхъ послѣдствіяхъ,

*) Ибо въ бухты самки приходятъ плодиться, а китобои, убивая ихъ и дѣтенышей, истребляли и самый родъ этихъ животныхъ.

***) См. статью въ фельетонѣ газеты «Иваландъ», 3-го ноября 1857 г.

какія отъ этого могутъ произойти для нашихъ мануфактуръ и фабрикъ, обратило вниманіе правительства на дѣла наши въ восточной Сибири, а съ этимъ и на устье р. Амуръ и побережье Охотскаго моря. Въ іюнь 1843 года по высочайшему повелѣнію составленъ особый комитетъ отъ министерства финансовъ, иностранныхъ дѣлъ и морскаго для обсужденія вопроса: *«какія мѣры нужно принять къ тому, дабы поддержать и обеспечить на будущее время нашу кяхтинскую торговлю.»*

Комитетъ положилъ: «что въ видахъ положительнаго познанія на мѣстѣ о торговлѣ съ Китаемъ необходимо отправить отъ насъ довѣренное лице въ Кантонъ и тѣ китайскіе порты, которые на основаніи трактата, заключеннаго въ 1840 году англійскимъ правительствомъ съ Китаемъ, открыты теперь для великобританской торговли.»

Одинъ изъ членовъ комитета контръ-адмиралъ Путятинъ, развивая эту мысль, представилъ комитету слѣдующее: «тѣра эта въ теперешнихъ обстоятельствахъ кажется весьма полезна, если только приведена будетъ въ исполненіе въ возможно скоромъ времени и сокрыта въ тайнѣ до появленія довѣренняго лица въ Кантонъ. Отправленіе этого лица не иначе можетъ быть сдѣлано, какъ на военномъ суднѣ; ибо секретное появленіе въ Кантонъ несомнѣнно съ достоинствомъ Россіи. А дабы не возбудить подозрѣнія и догадокъ, полагаю полезнымъ отправить это судно не изъ Кронштадта, а изъ Чернаго моря.»

Въ заключеніе контръ-адмиралъ Путятинъ предложилъ:
1) Хотя нельзя еще предвидѣть, къ чему могутъ повести послѣднія событія въ Китаѣ, но на всякой случай было бы благоразумно изслѣдовать восточную нашу границу съ этимъ государствомъ. Доселѣ мы знаемъ только то, что на всемъ протяженіи восточнаго берега, начиная отъ *полуострова Сахалина* до устья рѣки Уди, нѣтъ ни одного благонадежнаго порта; но отъ сей рѣки берегъ, загибающійся по параллели слишкомъ на 3 градуса долготы, никѣмъ не былъ изслѣдованъ. Самый заливъ между материкомъ и полуостровомъ Сахалиномъ, въ который—какъ предполагаютъ—впадаетъ р. Амуръ, намъ повсе неизвѣстенъ. Сѣверная оконечность по-

луострова Сахалина, хотя и была осмотрѣна Крузенштерномъ, но требуетъ однако подробнаго изслѣдованія. Отысканіе болѣе удобнаго порта въ этихъ мѣстахъ, чѣмъ Охотскъ, для сообщенія съ Камчаткою и нашими американскими колоніями, уже само-по-себѣ не есть предметъ безполезный; а потому можно было бы поручить той же экспедиціи осмотрѣть и описать означенные малозвѣстные берега.

2) Съ плаваніемъ судовъ въ Охотскомъ морѣ не было бы несомнѣннымъ соединить и новую попытку для открытія сношеній съ Японією.

На основаніи всѣхъ этихъ предположеній комитета, для представленія на благоусмотрѣніе Государя Императора, составлены были: а) докладъ о назначеніи контръ-адмирала Путятина довѣреннымъ лицомъ и начальникомъ экспедиціи, состоящей изъ корвета и транспорта черноморскаго флота. б) проекты инструкціи и с) соображенія, во что обойдется казѣ эта экспедиція. Все это 16-го апрѣля 1843 года было утверждено Государемъ Императоромъ.

Контръ-адмиралу Путятину между прочимъ предписывалось: осмотрѣть внимательно юго-восточный берегъ Охотскаго моря, сѣверную оконечность Сахалина, губу, образуемую этою оконечностію и материкомъ, гдѣ предполагается устье р. Амура, и устье этой рѣки тщательно изслѣдовать. На обратномъ же пути разрѣшалось Путятину посредствомъ пароходнаго сообщенія чрезъ Черное море и Египетъ послать въ С. Петербургъ нарочнаго офицера, или отправиться самому съ донесеніемъ, поручая въ послѣднемъ случаѣ привести суда въ Кронштадтъ командиру корвета.

К. А. Путятину вмѣстѣ съ симъ поручено было: 1) *относительно Китая*: собрать нужныя для насъ свѣдѣнія по части торговой; попытаться вступить при этомъ въ торговую связь съ Китайцами въ открытыхъ для европейской торговли ихъ портахъ, для чего на транспортѣ и отправлены Суперкарго и для расторжки нѣкоторое количество товаровъ и 2) *относительно сношенія съ Японією*. По окончаніи дѣлъ въ Китаѣ явиться К. А. Путятину въ одинъ изъ японскихъ портовъ по его усмотрѣнію, какъ посланному отъ російскаго правительства для открытія дружескаго сноше-

нія съ Японцами — и при этомъ виѣнялось ему въ обязанность, дѣйствуя по обстоятельствамъ, имѣть въ виду осторожность во всѣхъ поступкахъ.

По утверженіи такимъ образомъ Государемъ Императоромъ отправленія этой экспедиціи, главному командиру черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютанту Лазареву, поручено было изготовить къ октябрю мѣсяцу корветъ Менелай и одинъ изъ кавказскихъ благонадежныхъ транспортовъ. Но вслѣдъ за этимъ 17-го августа того же года была представлена министромъ финансовъ докладная записка его величеству слѣдующаго содержания: «Отправленіе экспедиціи въ Китай и Японію едва ли соотвѣтствуетъ настоящему положенію нашихъ торговыхъ дѣлъ, ибо 1) морская торговая по состоянію нашего судоходства представляетъ выгоды лишь весьма отдаленныя. Она не можетъ помѣшать торговлѣ кактинской, но попытка портовой торговли можетъ разстроить послѣднюю и дать Китайцамъ понять, что одну хотятъ замѣнить другою. Посылать въ ихъ порты наши товары излишне, ибо они ихъ знаютъ; 2) въ портахъ китайскихъ могла бы торговать одна американская компанія, но § 7-мъ ея устава сіе воспрещается. По мнѣнію моему нельзя предпринять экспедицію: а) не сірося компаніи, можетъ-ли она вести съ Китаемъ значительную торговлю, и, въ семъ случаѣ, возложить на нее издержки экспедиціи, б) безъ предварительнаго соображенія съ предшествовавшими актами и событіями по китайской портовой торговлѣ; 3) экспедиція будетъ стоить примѣрно отъ 250 т. до 340 т. р. сер., что вчетверо болѣе (и даже слишкомъ) того, во что обходились прежнія экспедиціи на счетъ Американской компаніи; 4) свѣдѣнія полезны, но собрать ихъ удобнѣе чрезъ особыхъ агентовъ въ видѣ частныхъ путешественниковъ; 5) Рязановъ отправленъ былъ въ Японію, по просьбѣ и избранію Американской компаніи. Купцы наши не допускаются въ это государство, а едва ли полезно предпринять такое дѣло, которое и при успѣхѣ можетъ остаться безъ послѣдствій».

«Исполняя всеподданнѣйшую обязанность откровеннымъ изложеніемъ мыслей моихъ о семъ важномъ предметѣ, по

когда краткость времени вынудитъ въ оный мѣсяцъ позволить, осмѣливаюсь въ заключеніе присовокупить, что можетъ быть благонадежнѣе было-бы, не говорю отмѣнить, но, по крайней-мѣрѣ, отложить до будущаго года выше-означенное предпріятіе, такъ какъ между-тѣмъ дѣла нашей торговли на Кяхтѣ должны проясниться и тогда съ большею положительностію можно будетъ судить о дальнѣйшемъ».

Эта записка 18-го августа 1843 года была передана министру иностранныхъ дѣлъ съ надписью Государя Императора: *отложить до будущаго года.*

А вслѣдъ за этимъ Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ: отложить на неопредѣленное время отправленіе военныхъ судовъ къ китайскимъ берегамъ съ контръ-адмираломъ Путятинимъ и всѣ приготовленія къ этой экспедиціи дѣлаемая по морскому вѣдомству прекратить.

Въ томъ-же году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ адмиралъ Крузенштернъ чрезъ князя Меншикова представилъ его величеству, что, для возстановленія дружескихъ сношеній съ Японцами, полезно послать туда особую экспедицію на одномъ 20-ти пушечномъ корветѣ и вмѣстѣ съ этимъ поручить ей изслѣдованіе: а) западнаго берега Камчатки, и в) берега Охотскаго моря отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура. Это послѣднее изслѣдованіе, пишетъ адмиралъ, весьма важно на тотъ случай, если современемъ сочтено будетъ возможнымъ возобновить переговоры съ Китаемъ насчетъ свободнаго плаванія русскихъ по р. Амуру, нѣкогда принадлежавшей Россіи и имѣющей свое начало въ нашихъ владѣніяхъ. Китайское правительство конечно согласится на это плаваніе, необходимое потому, что рѣка сія, соединяя владѣнія наши съ Охотскимъ моремъ и Камчаткою, можетъ быть удобнѣйшимъ путемъ для доставленія въ Камчатку и наши американскія колоніи всего того, что теперь идетъ сухимъ путемъ или моремъ вокругъ мыса Горна. На это представленіе послѣдовало высочайшее повелѣніе: отложить на неопредѣленное время, а адмирала благодарить.

Всѣ эти факты показываютъ, что первая и главная цѣль экспедиціи контръ-адмирала Путятина заключалась въ собраніи объ торговли въ китайскихъ портахъ свѣдѣній такого

рода, сообразно которымъ правительство могло бы принять мѣры къ отстраненію упадка кяхтинской торговли, и затѣмъ, какъ цѣлю этой экспедиціи, такъ и цѣлю предположенія адмирала Крузенштерна было основать нашу морскую торговлю съ Китаемъ и Японіею. Но эти виды не представляли достаточнаго повода къ снаряженію подобной экспедиціи и отправленію посланника въ Китай и Японію. Ибо, во *первыхъ*: изъ фактическихъ доводовъ министра финансовъ и перво-статейныхъ нашихъ купцовъ, торгующихъ на Кяхтѣ, было ясно, что наша кяхтинская торговля не зависитъ отъ морской торговли въ Китаѣ. Упадокъ ея въ 1842 году произошелъ отъ особыхъ неизбежныхъ обстоятельствъ, которыя по временамъ и прежде случались и еще могутъ повториться, но отъ которыхъ вообще она пострадать не можетъ. И наконецъ, во *вторыхъ*: при *приниманіи* на Восточномъ океанѣ надлежащаго пункта, который былъ бы связанъ удобнымъ внутреннимъ сообщеніемъ съ Сибирью и при невозможности основать на этомъ океанѣ какую-либо военную силу, всякое наше стремленіе къ образованію тамъ морской торговли было бы напрасно, а по этой причинѣ всякіе трактаты наши съ Китаемъ и Японіею, клонящіеся къ этой цѣли, не имѣли-бы надлежащихъ послѣдствій, а оставались бы только мертвою буквою. Затѣмъ, *третья*, и какъ-бы *лимоходная*, цѣль отправленія въ Восточный океанъ нашихъ судовъ съ контръ-адмираломъ Путятинымъ заключалась въ приведеніи въ ясность юговосточныхъ береговъ Охотскаго моря, сѣверной части Амурскаго лимана и устья самой рѣки, но въ томъ только единственно предположеніи, чтобы отыскать на этихъ берегахъ мѣсто для устройства лучшаго порта нежели Охотскій, дабы чрезъ него удобнѣе было обеспечивать продовольствиемъ Камчатку и американскія наши колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ удобопроходимости изъ Охотскаго моря въ устье Амура, имѣть также возможность наблюдать изъ него и за этимъ устьемъ.

По высочайшему повелѣнію въ 1844 году предложено было предсѣдателю главнаго правленія Россійско-Американской компаніи, барону Врангелю, «снарядить и отправить на «счетъ казны къ устью Амура, одно изъ судовъ Россійско-

«Американской компаніи съ цѣлью дознанія, въ какой степени «для судовъ возможенъ входъ въ лиманъ и рѣку съ Охотскаго моря, ибо какъ и ему извѣстно, что объ этомъ существуетъ мнѣніе, якобы наносные пески препятствуютъ совершенно плаванію».

На это повелѣніе предсѣдатель главнаго правленія Россійско-Американской компаніи отвѣчалъ: «что судно можетъ «быть послано изъ колоній не ранѣе 1846 года, что онъ, «вполнѣ цѣня довѣріе къ нему правительства, приметъ всѣ «мѣры для точнаго исполненія высочайшей воли, что-же касается до стоимости компаніи этой экспедиціи, то она будетъ простираться не свыше 5000 р. сер. и наконецъ объяснилъ, что онъ вполнѣ увѣренъ, что долженствующій нынѣ «отправиться правителемъ колоній капитанъ 2-го ранга Тебенъковъ приметъ съ своей стороны всѣ мѣры». Вслѣдствіе этого отзыва министръ иностранныхъ дѣлъ препроводилъ барону Врангелю высочайше-утвержденную инструкцію для препровожденія командиру судна, назначенному изъ колоній для изслѣдованія устья р. Амуръ. Эта инструкція заключалась въ слѣдующемъ:

«Главная цѣль снаряженія судна къ р. Амуръ заключается въ изслѣдованіи ея устья, о которомъ существуетъ «мнѣніе, якобы отъ наносныхъ песковъ, не только затруднительно, но и не возможно даже для прохода самыхъ малыхъ судовъ. При этомъ изслѣдованіи должны имѣться въ «виду два главныя обстоятельства: а) чтобы не встрѣтить «Китайцевъ, которые отнюдь не должны подозрѣвать, съ какою цѣлью пришло туда это судно, и б) положительно удостовериться въ какой степени удобопроходимо для судовъ «устье р. Амура. На этихъ основаніяхъ повелѣвается: 1) судно, «назначенное къ изслѣдованію Амура, имѣетъ избрать на сѣверѣ «удобный для якорной стоянки пунктъ ближайшій къ устью «рѣки и изъ него производить на гребныхъ судахъ изслѣдованіе устья рѣки, 2) собирать отъ туземцевъ свѣдѣнія о «дальнѣйшемъ плаваніи по Амуру, но главное рѣшить положительно, въ какой степени удобно устье рѣки для плаванія, «и затѣмъ полезно бы было осмотрѣть берегъ отъ р. Уди «до Сахалина, заливъ между Сахалинымъ и матерымъ бере-

«гомъ, т. е. заливъ лежащій предъ лиманомъ Амура на сѣ-
«верѣ и протокъ или проливъ отдѣляющій тамъ-же Сахалинъ
«отъ материка, т. е. входъ въ Лиманъ съ сѣвера. Для со-
«ображенія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ
«этомъ пунктѣ прилагается карта Миддендорфа юговосточ-
«наго берега Охотскаго моря и пути его съ этого берега
«въ Забайкалье, 3) донесенія о дѣйствіяхъ экспедиціи от-
«правлять немедленно чрезъ Аянъ *) на имя предсѣдателя
«главнаго правленія компаніи барона Врангеля».

Согласно предписанію г. предсѣдателя главнаго правле-
нія Р. А. компаніи, главный правитель колоній г. Тебеш-
ковъ отправилъ изъ Ново-архангельска къ устью Амура ма-
лага ранга бригъ «Константинъ», подъ командою подпоручика

(*) Въ связи съ общимъ повѣствованіемъ здѣсь нужно упомянуть объ основаніи Аяна. Россійско-Американская компанія имѣла въ Охотскѣ свою факторію, къ которой одинъ или два раза въ лѣто приходило ея судно изъ колоній и изъ Курильскаго отдѣла. Кругъ дѣйствій этой факторіи заключался въ отправкѣ въ Якутскъ пушныхъ товаровъ, привозимыхъ судами компаніи. Положеніе этой факторіи, у правительственнаго порта, было выгодно для компаніи тѣмъ, что не надобно было держать при ней значительнаго числа людей и гребныхъ судовъ для выгрузки, ибо при этихъ обстоятельствахъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, факторія могла обращаться къ средствамъ порта, и сверхъ-того ей не нужно было затрачивать значительнаго капитала для устройства и содержанія дороги, служащей для сообщенія съ Якутскомъ. Она пользовалась дорогою, устроенною и содержимою правительствомъ. По этимъ причинамъ вопросъ о перенесеніи Охотскаго порта всегда былъ нѣкоторымъ образомъ связанъ съ вопросомъ и о перенесеніи мѣстѣ съ нимъ и факторіи компаніи; и потому за представленіями начальниковъ Охотска правительству, по большей части всегда слѣдовали представленія главному правленію Россійско-Американской компаніи отъ управляющихъ ея факторіею о ея перенесеніи. Но какъ правители этой факторіи были чужды морскаго дѣла, и какъ правительство не находило другого мѣста для порта на западномъ берегу Охотскаго моря, то онъ и оставался въ Охотскѣ. Въ 1843 году правителемъ Охотской факторіи Россійско-Американской компаніи былъ назначенъ лейтенантъ Завойко и ему, какъ морскому офицеру, было поручено рассмотреть на мѣстѣ дѣло о перенесеніи факторіи и представить объ этомъ предметѣ свои соображенія. Исправляющій должность начальника Охотскаго порта, капитанъ-лейтенантъ Транковскій, согласно съ мнѣніемъ г. Завойко, полагалъ перенести Охотскій портъ, вмѣстѣ съ факторіею, въ з. Аянъ; но прибывшій въ это время начальникомъ Охотскаго порта, вмѣсто г. Транковскаго, капитанъ 1-го ранга Волыарярскаго, отвергъ это предложеніе, изъясняя, что Аянскій заливъ весьма подробно изслѣдованъ и что онъ не представляетъ возможности для основанія тамъ порта; ибо большая часть его открыта, суда на вольной водѣ, подобно какъ и въ Охотскѣ, и-

Корнуса Флотскихъ штурмановъ Гаврилова, офицера опытнаго. Экипажъ брига составляли: 3 вольныхъ штурмана и 22 челов. команды, болѣею частію изъ Финляндцевъ, при 2-хъ байдаркахъ и 2-хъ шлюпкахъ. Независимо отъ высочайше утвержденной инструкціи г. Тебенъковъ препроводилъ г. Гаврилову своеручную инструкцію, въ которой объясняетъ ему главную цѣль его командировки къ устью Амура слѣдующими словами:

«Отъ Тунгусовъ, скитающихся на берегахъ Охотскаго моря, правительство извѣстилось, что многіе изъ бѣглецовъ, или перебѣжчиковъ, преслѣдуемые законами, пробрались къ устью р. Амура и основали тамъ свои поселенія.

«По сей причинѣ правительство наше, чтобы подавить

говать въ немъ не могутъ, мѣстность для порта неудобна и тѣсна, время навигаціи къ этому заливу столько-же коротко, какъ и къ Охотску, и наконецъ, кромѣ того, что надобно будетъ снова устраивать къ нему дорогу изъ Якутска (что весьма затруднительно, какъ показалъ опытъ Фомина), причѣмъ не только въ окрестности Аяна, но и по берегамъ Охотскаго моря нѣтъ надлежащаго количества строеваго необходимаго матеріала лѣса, потребнаго для строенія судовъ (*), въ чемъ въ Охотскѣ нѣтъ недостатка. Не смотря на эти доводы г. Вонлярларскаго, по представленію г. Завойки, охотская факторія Россійско-Американской компаніи въ томъ-же году, съ помощію служащаго въ компаніи г. Орлова и якутскаго мѣщанина Березина была имъ перенесена въ заливъ Аянъ, причѣмъ главное правленіе Компаніи исходатайствовало у правительства дарованія правителю Аянской факторіи правъ командира порта. Переносъ факторіи въ Аянъ, хотя и былъ въ нѣкоторомъ отношеніи полезенъ для компаніи, полезенъ вообще и тѣмъ, что на Охотскомъ морѣ сдѣлалась однимъ пунктомъ болѣе, но эта польза была, вѣроятно, чувствительна для компаніи, ибо устройство и поддержаніе дороги изъ Якутскъ и наконецъ увеличеніе на факторіи команды и гребныхъ судовъ и постоянное содержаніе этой команды на всю зиму и проч., потребовали значительнаго увеличенія расхода на факторію противу того, какой былъ въ Охотскѣ. Поэтому въ то время старались убѣдить всѣхъ, что ничего въ этомъ краѣ будто-бы нѣтъ лучше Аяна и много толковали о выгодахъ и великомъ значеніи его въ будущемъ. Въ слѣдствіе этого содержаніе дороги изъ Аяна въ Якутскъ, правительство приняло на себя и употребило значительный капиталъ для поселеній на р. Маѣ, ибо въ то время имѣлось въ виду основать военный портъ въ Аянѣ. Но опытъ показалъ, что на Маѣ осѣдность прививалась весьма-трудно и Аянъ остается до-сихъ-поръ тѣмъ-же ничтожнымъ селеніемъ, какъ и въ первые годы своего основанія.

*) Всѣ эти замѣчанія оправдались опытомъ. Съ постройки въ Аянѣ 10 небольшихъ зданій, компанія весьма затруднилась окончить, по немнѣиоу лѣса, одной маленькой шкуны.

«такого рода скопища въ самомъ началѣ, предложило главному правленію Р. А. компании снарядить изъ колоній судно, которое бы вошло въ устье р. Амура и удостовѣрилось на мѣстѣ, дѣйствительно-ли подобное поселеніе Русскихъ тамъ находится, и если есть, то въ какой степени «опасно, относительно могущихъ быть безпокойствъ».

За тѣмъ г. Тебенъковъ предписываетъ въ этой же инструкціи Гаврилову «имѣть въ виду оставить дальнѣйшее изслѣдованіе устья Амура, если онъ встрѣтитъ тамъ мели такого рода, что суда входятъ въ рѣку не могутъ, и имѣть въ виду, что бригъ «Константинъ» долженъ возвратиться въ «колоніи благовременно».

Вслѣдствіе этихъ распоряженій Гавриловъ, на бригѣ Константинъ, 5 мая 1846 года отправился изъ Ново-Архангельска въ Аянъ, откуда 16 іюля 1846 года пришелъ въ заливъ Надежда (за мысомъ Елисаветы у сѣверной оконечности острова Сахалина). Повѣря здѣсь хронометры, онъ продолжалъ плаваніе вдоль сахалинскаго берега, гдѣ, около мыса Головачева, открылъ заливъ, который принялъ сначала за Амурскій лиманъ; но, по изслѣдованіи (отнявшемъ у него много времени) узнавъ свою ошибку, назвалъ его *Заливомъ Обмана*. 29-го іюля, пользуясь полной водой, бригъ, перейдя чрезъ банки около мыса Головачева ($53^{\circ} 28' N$ шир.), попалъ въ лиманъ на каналъ, идущій вдоль западнаго берега Сахалина къ югу. Борясь съ теченіями и противными вѣтрами, онъ весьма медленно подвигался по этому каналу и до 3-го августа прослѣдовалъ до широты $52^{\circ} 49\frac{1}{2}'$. Оставивъ здѣсь бригъ на якорѣ, самъ г. Гавриловъ отправился въ рѣку на гребномъ суднѣ и 2-хъ байдарахъ. На этомъ пути по Лиману до южнаго въ рѣку входнаго мыса дѣлалъ промѣры и войдя въ рѣку около этого мыса поднимался противъ теченія до 12 миль. Такимъ образомъ г. Гавриловъ былъ *первымъ изъ Русскихъ*, который вошелъ наконецъ съ моря въ это недоступное и какъ бы заколдованное, въ теченіи двухъ столѣтій, устье р. Амура и поднялся на шлюпкѣ вверхъ по рѣкѣ, какъ видно до гиляцкой деревни Чыырахъ. За тѣмъ по изслѣдованіи устья рѣки 9-го августа онъ возвратился на бригъ, до 14 августа производилъ промѣры на гребныхъ судахъ и

байдарнахъ по Лиману къ устью рѣки и по Сахалинскому каналу до широты 52°, 40', а 15-го числа того-же мѣсяца, согласно даннымъ ему предписаніямъ, отправился изъ Лимана въ Аянъ. Отсюда отправивъ 20 числа, чрезъ начальника Лянской факторіи, донесеніе, журналъ и карту своихъ пслѣдовацій на имя предсѣдателя главнаго правленія Р. А. компаніи барона Врангеля, 22-го августа отплылъ обратно съ бригамъ въ Ново-Архангельскъ. Представивъ перечень своихъ дѣйствій, г. Гавриловъ такъ заключаетъ свое донесеніе барону Врангелю:

«Къ сѣверной части Лимана рѣки Амура могутъ, но съ большимъ трудомъ, подходить парусныя суда, сидящія въ водѣ не болѣе 16 футовъ, — дальнѣйшее же плаваніе по Лиману для парусныхъ судовъ невозможно; что же касается до входа въ самую рѣку, то только при средствахъ, какія употребляются для промѣра въ шхерахъ Финскаго залива, можно надѣяться найти проходъ въ рѣку, но только для париходовъ сидящихъ въ водѣ не болѣе 5 футовъ и можно надѣяться также найти отъ устья рѣки къ сѣверу въ Охотское море узкій и извилюстый протокъ, но по протоку этому по узкости и извилинамъ ни въ какомъ случаѣ невозможно плавать судамъ даже и мелководнымъ; и наконецъ, что никакихъ поселеній русскихъ на устьѣ Амура онъ не нашелъ».

Разсматривая внимательно журналъ г. Гаврилова можно усмотрѣть, что всѣ промѣры въ сѣверной части Лимана и въ устьѣ рѣки Амура были произведены бѣгло, безъ всякой системы и связи; почему и могутъ служить только нѣкоторыми данными для опредѣленія немногихъ ямъ и банокъ въ Лиманѣ, но не представляютъ никакихъ убѣдительныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно бы было вывести какое-либо опредѣленное понятіе о степени удобопроеходимости для судовъ устья Амура: они не только не разрѣшали вопроса для котораго снаряжена была эта экспедиція, но еще болѣе его запутывали и, безъ внимательнаго разсмотрѣнія средствъ и способа, какими они были производимы, могли только убѣждать, и еще съ большей основательностію чѣмъ прежнія экспедиціи, въ недоступности устья Амура.

Карта сѣверной части Лимана и устья рѣки, приложен-

ная г. Гавриловымъ къ своему донесенію и журналу, показывала: а) что входъ въ рѣку Амуръ для судовъ невозможенъ, ибо устье ея заирается баромъ, на которомъ глубина отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 футовъ, и б) что южная часть лимана, отъ параллели $52^{\circ} 40'$, должна быть заперта мелями. Но разсматривая внимательно журналъ, по которому эта карта составлена, можно было придти къ заключенію, что на ней болѣе или менѣе вѣрно опредѣлены только часть канала, идущаго вдоль Сахалина отъ мыса Головачева до параллели $52^{\circ} 49\frac{1}{2}'$ и нѣсколько ямъ и банокъ въ лиманѣ и рѣкѣ, безъ всякой общей связи. А потому по этой картѣ и журналу видно было, что г. Гавриловъ не успѣлъ сдѣлать даже и удовлетворительной рекогносцировки этого устья Амура, которая, представляя приблизительно мѣстность вообще, должна бы была непременно разъяснить достаточно вѣрно главный вопросъ, къ рѣшенію котораго она была направлена.

Предсѣдатель главнаго правленія Россійско-Американской компаніи, получивъ отъ Г. Гаврилова донесеніе, журналъ и карту, препроводилъ все это въ С. Петербургъ въ 1847 году при слѣдующемъ донесеніи:

«Главное правленіе почитаетъ себя счастливымъ, если ему удалось оправдать довѣріе оказанное ему правительствомъ. Изъ приложенныхъ при семъ журнала и карты видно, что Г. Гавриловъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ усиліемъ и маніемъ дѣла; онъ совершилъ то, въ чемъ не имѣла успѣха известная экспедиція 1805 года, и, проникнувъ первый изъ Еврепейцевъ съ морской стороны въ устье Амура, произвелъ *удовлетворительную рекогносцировку лимана и барной рѣки*. Почему долгомъ своимъ оставляю ходатайствовать о награжденіи главному правителю колоній г. Тебенъкову, снаряжавшему эту экспедицію, г. Гаврилову и командѣ, посланной къ устью Амура». Что-же касается до стоимости экспедиціи Россійско-Американской компаніи, то она по отчету составляетъ 5435 р.

Тогда утвердилось мнѣніе, что устье рѣки Амура недоступно для плаванія судовъ. Между-тѣмъ высѣтайше novelty было: «за труды при этомъ понесенные, выдать г. Тебенъкову 2000 р., г. Гаврилову 1500 р. и командѣ брига

«Константинъ» 1000 р. серебромъ и уплатить компаніи по представленному разсчету за посылку къ р. Амуру брига 5445 р. серебромъ».

Такимъ образомъ разрѣшеніе столь важнаго вопроса, возбужденнаго благотворною волею въ Бозѣ почившаго императора Николая 1, не только что не было приведено, экспедиціе Рос. Ам. комп., къ правильному окончанію, но еще болѣе затемнилось и запуталось. Но приэтомъ нельзя пропустить незамѣченнымъ, что г. Гавриловъ въ письмѣ своемъ барону Врангелю, благодаря его превосходительство за исходатайствованіе ему награжденія 1500 р. сер., извѣщалъ, что онъ не считалъ себя въ правѣ ожидать подобной награды, ибо чувствуетъ, что его изслѣдованія вовсе не разрѣшили вопроса объ Амурѣ. Г. Тебенковъ обнаруживалъ чрезъ напечатаніе въ его атласѣ (стр. 30) карту сѣверной части Сахалина, лимана и устья р. Амура, на которой показано, что устье рѣки запираетъ обсыхающая лаида, на которой глубина бываетъ отъ 1½ до 3 футь.

Въ это время, когда такимъ образомъ распространилось убѣжденіе о недоступности для судовъ устья Амура, академикъ Миддендорфъ, возвратившись въ С. Петербургъ изъ своего путешествія по Сибири *), между прочимъ объяснилъ, что при слѣдованіи своимъ отъ Тугурской губы въ Забайкальскую область въ пространствѣ отъ верховьевъ р. Уди до вершины Горбицы по южному склону Яблоноваго хребта онъ съ топографомъ Вагановымъ открылъ столбы, поставленные Китайцами какъ бы за пограничные, и изъ этого выводилъ: «что пространство російскихъ владѣній увеличится, примѣрно до 50 т. квадратныхъ верстъ, если російское правительство признаетъ эти столбы на основаніи трактатовъ правильно поставленными и что эти земли обѣщаютъ большія минеральныя богатства не исключая золота». Онъ представлялъ, что «на сѣверѣ отъ устья Амура обитаютъ Гилляки, народъ совершенно отъ Китая независимый и который за безцѣнокъ могъ бы уступить намъ часть своей земли для основанія тамъ складочнаго торговаго мѣста.»

*) Г. Миддендорфъ былъ въ Сибири по порученію Академіи Наукъ, въ 1844 и 1845 годахъ.

Въ то же время начальникъ Охотскаго порта капитанъ 1-го ранга Вонлярлярскій въ 1847 году изъ Охотска представлялъ начальнику главнаго морскаго штаба о необходимости перенести этотъ портъ въ открытый на Сегнекинскомъ полуостровѣ г. Миддендорфомъ въ 1844 году заливъ, или губу, названную при описаніи въ 1847 году г. Поплонскимъ заливомъ В. К. Константина. Этотъ заливъ по мнѣнію г. Вонлярлярскаго представлялъ всѣ удобства для основанія въ немъ порта гораздо лучшаго нежели Охотскій. Дѣло объ этомъ въ 1848 году не встрѣчало затрудненія, и министерство полагало съ своей стороны полезнымъ перенести Охотскій портъ въ Константиновскій заливъ, но для окончательнаго представленія объ этомъ предметѣ на благоусмотрѣніе и учрежденіе Государя Императора, ожидало мнѣнія и отзыва генераль-губернатора восточной Сибири на вопросъ: возможно ли, согласно проекту г. Вонлярлярскаго, по склону Яблоноваго хребта провести дорогу изъ Константиновскаго залива въ Забайкальскую область.

Съ другой стороны г. предсѣдатель главнаго правленія Россійско-Американской компаніи вмѣстѣ съ начальникомъ Аянскаго порта г. Завойко, представляли генераль-губернатору восточной Сибири о важности Аянскаго порта, какъ пункта, который, посредствомъ проводимой уже компаніею дороги отъ него до урочища Нелькана (на р. Маѣ) и по рѣкамъ Маѣ, Алдану и Ленѣ, представляетъ удобное сообщеніе восточной Сибири чрезъ Якутскъ съ моремъ. А въ доказательство, что путь имѣется возможность привести въ надлежащій видъ, г. Завойко представлялъ, что на пространствѣ 220 верстъ между Аяномъ и Нельканомъ и за тѣмъ по берегамъ рѣки Мая находится много мѣстъ, удобныхъ къ осѣдлому населенію,—такъ что Аянскій заливъ по ихъ мнѣнію представлялъ всѣ выгоды, чтобы въ немъ сдѣлать такой портъ, какой только намъ въ этомъ краѣ и желать можно и что поэтому правительству на него и слѣдуетъ обратить полное свое вниманіе.

Свѣдѣнія, доставленныя г. Миддендорфомъ при доказываемой въ то время недоступности для судовъ съ моря устья рѣки Амура, невольно рождали такого рода заключенія, что опредѣливъ границу нашу съ Китаемъ по южному склону

Яблоноваго хребта, указываемому г. Миддендорфомъ и приобрѣтя отъ Гиляковъ клочокъ земли для основанія на берегу Охотскаго моря, къ сѣверу отъ устья Амура, складочнаго торговаго пункта, мы можемъ съ *одной стороны* отбросить въ китайскіе предѣлы бесполезную для насъ рѣку Амуръ, и пресѣчь такимъ-образомъ всякую надежду на ея приобрѣтеніе и происходящіе отъ этой надежды докучливые и тревожные для дипломатическихъ нашихъ сношеній объ ней разговоры. Черезъ это удовлетворяя Китайцевъ, приобрѣтемъ для Россіи около 50000 квадратн. верстъ земли богатой металлами не исключая и золота. Съ *другой стороны* чрезъ Аянъ и основанный у Гиляковъ торговый складъ можемъ распространить наше вліяніе на народы, обитающіе около устья Амура и тѣмъ отстранить всякое покушеніе на занятіе этихъ мѣстъ какою-либо иностранною державою.

Изъ всего изложеннаго видно, что всѣ экспедиціи, предшествовавшія послѣдней, снаряженной Р. А. компаніею, являвшіяся къ берегамъ Приамурскаго края съ цѣлію описанія и изслѣдованія лимана и устья р. Амура, рождали объ этихъ мѣстахъ нѣкоторое сомнѣніе и въ правительствѣ и въ людяхъ, вниманіе которыхъ болѣе или менѣе было обращено на этотъ край. Правительство, находясь въ этомъ сомнѣніи, согласно трактату 1689 года, старалось сохранить въ этомъ краѣ неопредѣленное положеніе границы нашей съ Китаемъ. Этимъ оно удерживало за Россіею право на принадлежность ей этой страны и пытало въ другихъ надежду, что должно наконецъ наступить время открытія прочнаго прямаго сообщенія восточной Сибири съ моремъ и утвержденія нашего на прибрежьѣ восточнаго Приамурскаго края: обстоятельство, отъ котораго зависѣла ея жизнь и развитіе. Но эта послѣдняя экспедиція 1846 года, руководимая какими-то непонятными убѣжденіями, разрушила совершенно эти надежды, и доказывая, что лиманъ, а въ особенности устье рѣки Амуръ непроходимо и что Сибирь съ этой стороны заперта для океана, отстранила вниманіе Россіи отъ страны, въ которой она имѣла надежду создать и улучшить свои флоты и въ обширныхъ размѣрахъ развитъ свою торговлю.

Таковыя представленія и свѣдѣнія о результатахъ экспе-

дипломатии убедили въ Божѣ почившаго императора Николая I, сознавшаго необходимость улучшить наше положеніе на Восточномъ океанѣ, въ бесполезности для этой цѣли р. Амура и Приамурскаго края, и обратили вниманіе его величества въ этомъ отношеніи на Аянъ, заливъ Константиновскій и побережье Охотскаго моря, къ сѣверу отъ Амура.

Въ такомъ положеніи въ 1847 году былъ вопросъ о Приамурскомъ краѣ и таковы были послѣдствія ошибочныхъ заключеній объ устьѣ р. Амура и ея лиманѣ.

Д. Романовъ.

ПѢСНИ АЛКЕЯ.

За недостаткомъ источниковъ, мы не можемъ сказать многого ни о самомъ греческомъ поэтѣ, ни о его жизни; намъ представляется только нѣкоторая возможность судить о немъ по тѣмъ незначительнымъ отрывкамъ, которые сохранились еще до нашего времени; все, что только осталось отъ Алкея, мы предлагаемъ теперь въ переводѣ нашимъ читателямъ; о немъ-же самомъ извѣстно только то, что жилъ онъ, на островѣ Лесбосѣ, за 604 года до Рождества Христова, во время сорокъ-четвертой олимпиады — слѣдовательно, былъ современникъ Сафо. Недешево обогатилъ ему эниграммы и сатиры его, направленные противъ одного изъ значительныхъ гражданъ Митилены — Питтака, котораго причисляютъ къ семи греческимъ мудрецамъ; этими насмѣшками онъ только навчилъ себѣ лишняго, и при томъ, довольно сильнаго врага, который вредилъ ему и преслѣдовалъ всѣми способами на каждомъ шагѣ. Его стихъ, полный язвительной ѣдкости, и эта безпокойная, неуживчивая гордость, которою отличался его характеръ, послужили главнѣйшими причинами его изгнанія. Тогда онъ вооружился противъ Митилены, но... убѣжалъ съ поля сраженія и попался какимъ-то образомъ въ руки Питтака, который, желая, вѣроятно, показать свое великодушіе, отпустилъ поэта, не сдѣлавъ ему никакого вреда. Сражался противъ Аэнианъ, онъ какъ-то, во время пораженія, бросилъ свой мечъ и щитъ, которые мѣшали его бѣгству: этотъ щитъ и мечъ взяли Аэниане съ поля сраженія и, какъ трофей, повѣсили въ храмѣ Минервы.

Во время своего изгнанія, Алкей большею частію путешествовалъ, былъ, между прочимъ, въ Египтѣ и во все это время преимущественно занимался поэзіею, писалъ разныя оды, гимны и эпиграммы, и въ особенности, эпиграммами своими не нравился многимъ тиранамъ, которыхъ бичевалъ всею тяжестью своей сатиры — *Alcei minaces satenae*, говорить Горацій.

Кромѣ сатиры Алкею не чуждъ былъ и эротическій родъ поэзіи, который въ немъ отличался необыкновенно милою, изящною граціею, сколько мы можемъ судить по какимъ-нибудь двумъ-тремъ небольшимъ пьескамъ, которыя успѣли сохраниться до нашего времени. Немудрено, что его современники сравнивали его съ Гомеромъ, въ отношеніи стиха и способа изложенія — какъ тотъ, такъ и другой, замѣчательны по своей строгой, гармонической и изящной простотѣ. Горацій однимъ взмахомъ пера великолѣпно обрисовалъ нашего поэта :

*Et te sonantem plenius augeo,
Alcee, plectro....*

что можно перевести такъ: «и ты, Алкей, который увлекаешь такіе чудные звуки изъ твоего золотого смычка». Его талантъ, то пламенный, доходящій до энтузіазма и высшей степени экзальтаціи въ одѣ, то ѣдкій, горькій и угрожающій въ сатирѣ — въ этихъ двухъ родахъ рѣшительно становится на степень совершенства. Вотъ, что говоритъ о немъ римскій критикъ Квинтиліанъ: «Алкей въ тѣхъ изъ своихъ стихотвореній, гдѣ нападаетъ онъ на разныхъ тирановъ, по всей справедливости заслуживаетъ этотъ *plectrum augeum*, какъ говоритъ Горацій. Кромѣ-того Алкей имѣетъ еще большое значеніе, какъ живописецъ нравовъ. Его стихъ сжатъ, богатъ и быстръ — онъ имѣетъ сходство съ Гомеромъ. Жаль только, что онъ унижаетъ свой талантъ на дионрамбы Бахусу и прославленія Амуре — талантъ, созданный для болѣе-высокаго призванія».

Какъ видно изъ этихъ словъ, Квинтиліану были знакомы такія произведенія Алкея, которыя въ настоящее время намъ уже неизвѣстны; до насъ дошли только не болѣе пятнадцати отрывковъ, сохраненныхъ Атенеємъ и Свидасомъ.

Henry Estienne собралъ ихъ оттуда и помѣстилъ въ слѣдъ за своимъ Пиндаромъ. Мы, представляя теперь читателямъ все то, что осталось намъ отъ Алкея, собрали подъ одну рубрику — эпиграммы его и афоризмы, подъ другую — эротическія и вакхическія стихотворенія, и наконецъ помѣстили два стихотворенія, которыя имѣютъ нѣкоторое политическое значеніе. — Въ этихъ отрывкахъ, хотя и не полно, однако все-таки рисуется поэтическая физиогномія Алкея. Можетъ-быть, найдется одинъ или два афоризма, отличающіеся небрежностью и нѣкоторой безцвѣтностью, какъ наприм. V-й — въ этомъ случаѣ роптать уже не на кого; эти вещи мы старались только передать по возможности ближе къ оригиналу.

В. Ж.—И.

ЭПИГРАММЫ И АФОРИЗМЫ.

I.

Бѣдность — коварное зло!... лишь она убиваетъ народы,
Если прійдутъ на подмогу къ ней сестры родныя — невзгоды.

II.

Слава и имя *великихъ* — людьми богачамъ отданы,
Бѣдный-же гибнетъ съ нуждою, въ презрѣнны, безъ всякой цѣны.

III.

Други! да будетъ примѣромъ вамъ имя лукавца Адмета! —
Бойтесь безчестныхъ, какъ язвы! бѣгите ихъ ласкъ и привѣта! —
Нѣтъ имъ на свѣтѣ ни въ комъ ни участя, ни слезъ сожалѣнья —
Даже и самый безчестный клеймитъ ихъ позоромъ презрѣнья.

IV.

Смертный! зачѣмъ ты не можешь взоромъ пытливымъ пронзатъ
Тайно-глухіе покровы темнаго сердца людскаго,
Насквозь пронзить его взглядомъ, тихо закрыть его снова —
И... съ отрезвленной душою — лучшаго друга избрать!...

V.

Ракъ неуклюжій увидѣлъ, какъ смяла змѣю черепаха —
Онъ посмотрѣлъ и не могъ не сказать про-себя съ сожалѣньемъ:
«Еслибъ мой другъ не усталъ, изнуря себя понапрасну,
«Еслибы онъ не вертѣлся, такъ вѣрно-бы не былъ раздавленъ». —
Лучшее правило въ жизни: скромно идти стороною.

VI.

Стыдъ лишь двоякій бываетъ: одинъ украшаетъ невинность —
Въ страхъ и въ погибель позора смертныхъ другой вовлекаетъ.

VII.

Въ мирной-ли пристани ты — а на морѣ гроза завываетъ:
Пѣнисто-гнѣвныя волны зовутъ небеса на борьбу —

Любо глядѣть тебѣ въ море и слушать, какъ море рыдаетъ,
 Чуютъ бѣду и спокойно хвалить за спасенье Судьбу. —
 Если-же грозная буря застанетъ тебя въ океанѣ —
 Нѣтъ тебѣ къ счастью возврата! — со смертью, во влажномъ
 гробу,
 Гордо борьбу выноси и съ волнами кружись въ ураганѣ!..

Гимнъ.

Паллада, богиня разумная!
 Храни насъ отъ рабственныхъ ранъ!
 И пусть — ни усобица шумная,
 Ни горе, ни ярость безумная
 Не мучать Лесбійскихъ гражданъ!

А вы, Олимпійцы съ Церерою,
 Вы — къ жатвѣ обильныхъ плодовъ
 Отсыпьте намъ полною мѣрою —
 И въ храмахъ мы жертвенникъ съ вѣрою
 Воскуримъ въ честь вашихъ даровъ.

Теперь-же, въ года плодородные,
 Къ тебѣ, Прозерпина, мой стонъ:
 Пусть, граждане вѣчно-свободные,
 Хранять и преданья народныя,
 И правять свой древнѣй законъ!

Вакхическія и эротическія стихотворенія.

I.

Пусть изморозь темнить небесъ лазурный сводъ,
 Пусть насъ Зевесъ дождемъ холоднымъ орошаетъ
 И быстрый бѣгъ рѣки морозами скуётъ —
 Что намъ до нихъ! — мудрецъ ни зимъ, ни вьюгъ не знаетъ:
 Затопимъ мы очагъ пылающимъ огнемъ,
 И чаши до-верху цѣлительнымъ виномъ
 Наполнимъ....

Отд. I.

¼ 26

II.

Давайте пить! Зачѣмъ намъ ждать
 Огней полунощнаго пира? —
 Намъ будетъ солнце освѣщать,
 А забавлять — вино да лира!
 Наполни-жь чашу мнѣ виномъ!
 Да лей смѣлѣе; лей до края! —
 Друзья! потопимъ, замирая,
 Мы души въ нектарѣ живомъ!...

Восходитъ Сиріусъ надъ нами —
 Намъ мучить жажда... мучить жаръ...
 Вонъ, даже трезвый — Вакховъ даръ
 Глотаеть жадными устами —
 Такъ что-жь намъ ждать! — Давайте пить!...
 Друзья! воздѣлаемъ разсадникъ
 И станемъ рьяно разводить
 Пурпурно-сочный виноградникъ!...

III.

Скорбите вы... скорбите — но къ чему-жь?..
 Иль изъ бѣды исхода вамъ не видно? —
 Нѣтъ, братья! — тотъ не человѣкъ, не мужъ,
 Кто предъ бѣдой склоняется постыдно!..:

Намъ жизнь горька — пусть такъ!... Но ты, Ліэй!
 Богъ Индіи, богъ гроздій и забвенья! —
 Ты воскресишь страдальца въ день скорбей,
 Кружа его въ восторгахъ опьянѣнья!...

IV.

Еслибъ я былъ лира — лира полнозвучная,
 Какъ у дѣвъ Лесбоса, на пирахъ торжественныхъ,
 Съ Вакхомъ и Клеоэрой вѣчно-неразлучная
 Въ гимнахъ ихъ божественныхъ!..

Еслибъ я былъ созданъ золотой повязкою —
 О, тогда-бы дѣвы, красотой надменныя,
 Украшали мною съ прихотливой ласкою
 Перси бѣлопѣчныя!..

V.

КЪ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦѢ.

Пей, моя дѣва, со мною и старѣйся, вмѣстѣ со мною,
 Вмѣстѣ со мною рѣзвись и вѣнчайся цвѣтными вѣнками;
 Если-жъ твой другъ загруститъ — освѣжи его нѣжной слезою —
 Пусть эти думы тоскливо, какъ звуки, летаютъ надъ нами.
 Но берегись!... въ этой жизни отъ взора такъ много сокрыто! —
 Вѣрь: и подъ гладкой плитою кишатъ въ темнотѣ скорпионы —
 Нѣтъ!... озирайся пытливей предъ всѣмъ ты, что мракомъ по-
 вито —
 Бойся за каждый твой мигъ — противъ тайнаго нѣтъ обороны!..

I.

Взвиваются волны — волна надъ волною
 И съ грохотомъ ходятъ на дикомъ просторѣ...
 Нашъ челнъ заплескало... И спорить съ грозой
 Суровое море....

Нашъ челнъ заплескало... И кружатъ, и клонятъ
 То вѣтеръ, то волны сосѣдніе челны —
 Нашъ отдыхъ подъ бурей... — Такъ пусть-же хоронять
 Нашъ буря да волны!..

Впередъ, безъ надежды!.. Впередъ, безъ вѣтрила!..
 Не бросить намъ якорь въ ревущей пустынѣ —
 И весла, и мачту гроза изщепила —
 Умремъ-же въ пучинѣ!..

II.

Я подъ вѣткой мирты скрою,
 Какъ Гармодій, предъ толпою,
 Свой свободный мечъ —
 Какъ въ тѣ дни, когда народу
 Отдалъ онъ его свободу
 И былую рѣчь....

Но, поправъ его невзгоды,
 Ты не умерь, мужъ свободы,
 Покидая свѣтъ:

Ты предсталъ передъ Зевесомъ,
 Какъ съ героемъ Ахиллесомъ
 Старецъ Діомедъ.

* * *

Я подъ вѣткой мирты скрою
 Острый мечъ, какъ предъ толпою
 Мужъ Аристогонъ —
 Вспомнимъ: въ день Панаэиней
 Палъ Гиптархъ и всѣ злодѣи,
 А воскресъ законъ!...

Вашей славѣ жить въ потомкахъ
 И гремя, блистать въ обломкахъ
 Міровыхъ руинъ:
 Вы пронзили грудь тирану
 И свободу влили въ рану
 Страждущихъ Аѳинъ!...

Всесолецъ Престолннй.

К Р И Т И К А .

**И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа:
«Дворянское гнѣздо» (Современникъ, 1859 г. № 1).**

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

Статья третья.

XV.

То глубокое впечатлѣніе, которое произвело на всѣхъ болѣе или менѣе чувствующихъ людей и притомъ въ разныхъ слояхъ общества, послѣднее произведеніе Тургенева, «Дворянское гнѣздо», впечатлѣніе, равное которому въ другомъ впрочемъ родѣ, изъ всѣхъ литературныхъ явленій нынѣшняго и даже прошлаго года, произвела еще «Воспитанница» Островскаго,—можетъ быть объяснено только органическою жизнью развитою въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», равно какъ и въ «Воспитанницѣ», органическимъ и неискусственнымъ процессомъ зарожденія художественной мысли, лежащей въ основѣ созданія. Сочувствіе, возбужденное двумя этими, далеко несовершенными, но органическими произведеніями, вовсе непохоже на сочувствіе, возбуждаемое другими, гораздо большими по объему, гораздо болѣе исполненными замѣчательныхъ частныхъ, гораздо болѣе возбуждающими интересъ любопытства.

Если начать смотрѣть на «Дворянское гнѣздо» математически-холодно, то постройка его представится безобразно-неододѣланою. Прежде всего обнаружится огромная рама съ холстомъ для большой картины, на этомъ холстѣ отдѣланъ только одинъ уголокъ или пожалуй центръ: по мѣстамъ мель-

каютъ то совершенно отдѣланныя части, то обрисовки и очерки, то малеванье обстановки. Въ самомъ уголкѣ или покалуй центрѣ, иное живетъ полною жизнью, другое является этюдомъ, пробой: а между тѣмъ, это и не отрывокъ, не эскизъ изъ картины. Нѣтъ, это драма, въ которой одно только отношеніе разработано— живое, органическое цѣлое, вырванное почти безжалостно изъ обстановки, съ которой оно связано всѣми своими нервами, и оборванные нити, оборванные связи безобразно висятъ на виду зрителей.

Я думаю, что хуже того, что я говорю о произведеніи одного изъ любимыхъ моихъ современныхъ писателей, сказать нельзя, и между тѣмъ, это только справедливо, равно какъ съ другой стороны справедливо и то, что безобразно недоконченное «Дворянское гнѣздо» какъ слишкомъ сѣло и сжато набросанная «Воспитанница» неизмѣримо выше всего, что являлось въ литературѣ настоящаго и прошлаго года; ибо эти произведенія хотя и недодѣланныя, или набросанныя, но за то недѣланныя и живыя, живорожденные.

Вы скажете можетъ быть, что я захожу слишкомъ далеко и въ строгости суда и въ увлеченіи. Не думаю и надѣюсь доказать, т. е. по возможности показать это, на сей разъ, только по отношенію къ «Дворянскому гнѣзду».

XVI.

Огромный холстъ, натянутый для огромной исторической картины, уцѣлѣлъ во первыхъ, въ самомъ названіи романа, во вторыхъ, въ рѣзкомъ и нехудожественномъ выраженіи мысли въ эпиграфѣ. Дѣло ясное, что художнику созданіе его дѣйствительно явилось первоначально въ огромномъ очеркѣ цѣлаго гнѣзда типовъ изъ дворянскаго сословія извѣстной полосы мѣстности. Центромъ, связью всей широко задуманной исторической картины должно было быть одно отношеніе, отношеніе Лаврецакаго и Ольги. Центръ былъ взятъ въ высочайшей степени правильно, съ истиннымъ тактомъ поэта, какъ мы увидимъ: въ зачинаніи (концепціи) образовывался романъ, т. е. созданіе, долженствовавшее связать частное драматическое отношеніе съ цѣлымъ особеннымъ міромъ, съ особенною полосою мѣстности, съ нравами особой жизни...

Задачи предстояли истинно огромныя, ибо и самая особенность жизни, замкнутость міра, должны были быть оразумлены, освѣщены, приведены въ органическую связь съ общою жизнію. «Дворянское гнѣздо» должно было обвить какъ разнообразный растительный міръ центральную группу и свѣтъ, надающій преимущественно на эту группу, въ извѣстной степени озарилъ бы и всѣ перспективы того міра, съ которыми центральная группа связана физиологическимъ единствомъ. Вотъ для чего, явнымъ образомъ готовился огромный холстъ картины. Ибо иначе, зачѣмъ бы 1) Тургеневъ окружилъ своего Лаврецкаго новыми отпрысками стараго гнѣзда, 2) зачѣмъ бы онъ сталъ толковать о его предкахъ и 3) сопоставлять его въ сравненіе съ ними посредствомъ бесѣды съ ихъ портретами. Зачѣмъ бы онъ съ другой стороны, еслибы первоначально у него не было такого или подобнаго широкаго зачинанія; зачѣмъ бы онъ сталъ *обобщать* частный характеръ отношеній, придумывать, напимѣръ для душевной драмы своей Ольги, выходъ обще-русскій, т. е. одинъ изъ общерусскихъ выходовъ—монастырь; зачѣмъ бы иначе и самая встрѣча Лаврецкаго въ монастырѣ съ Ольгою, все то однимъ словомъ, что въ его созданіи набросано, намалевано, и не оскорбляетъ какъ сочиненное, слѣланное, только потому, что оно явнымъ образомъ вырвано изъ живаго органическаго единства, такъ что по неволѣ скажешь: все это безобразно, у всего этого висятъ оборванные члены, но все это рождалось, а не составлялось: это выкидышь а не гомункулусъ Вагнера, недоношенное созданіе поэта, а не трудъ сочинителя. Зачѣмъ спросили бы вы опять при томъ же условіи, этюдъ въ видѣ фигуры старика музыканта Лемма? Вѣдь онъ явно нуженъ только въ одну минуту психологической драмы, минуту, когда необходимы душѣ человѣческой бетговенскіе звуки, да и тутъ онъ явнымъ образомъ стоитъ какъ тѣнь Бетговена. Ну, для чего иначе онъ нуженъ, сами согласитесь. О «чистыхъ звѣздахъ» могъ мечтать и безъ него Лаврецкій? записку передать Ольгѣ можно было и не черезъ него. Развѣ только еще для того, чтобы простое и истинно-глубокое чувство изящнаго, врожденное натурѣ Лаврецкаго, отгнѣвить отъ ложной артистичности Паншина?

силы бы вы съ совершеннымъ правомъ, превосходное, но чисто эпизодическое появленіе оригинальнаго Михалевича и превосходная бесѣда съ нимъ, если бы Лаврецкій, съ одной стороны физиологически связанный съ дворянскимъ гнѣздомъ, до того плотно связанный, что вѣрнѣе въ предсказаніе тети Глафиры Петровны «помяни мое слово племянникъ: не свѣтъ же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ ввѣкъ»,—если бы этотъ самый Лаврецкій не былъ глубоко, душевно связанъ еще и съ міромъ Рудина, Фауста, Гамлета Шигровскаго уѣзда.

И послѣднее: зачѣмъ? порождаемое всѣми этими различными и при строгомъ чтеніи непрерывно возникающими: «зачѣмъ» — будетъ вотъ какое:

Зачѣмъ Тургеневъ не далъ вырѣть своему зачинанію, т. е. зачѣмъ Тургеневъ не *повпримъ* въ свое зачинаніе, въ возможность его осуществленія? Повѣрь онъ въ него крѣпко тою вѣрою, которая заставляетъ двигаться горы, раскидываетъ міры короля Лира, Сны въ лѣтнюю ночь, или міры Консуэло, Теверино и т. д. вышло бы нѣчто такое, что пережило бы нашу эпоху, какъ одно изъ цѣльныхъ ея выраженій, нѣчто истинно эпическое....

А изъ этаго: «зачѣмъ» возникаетъ новое и послѣднее «зачѣмъ,» относящееся уже ко всей эпохѣ нашего теперешняго развитія. Ибо такое-же: «зачѣмъ» какъ къ Тургеневу можете вы, въ другихъ отношеніяхъ обратиться къ Островскому и за «Воспитанницу, и за «Доходное мѣсто» и, болѣе всего за высшее по задачамъ его произведеніе за «Не такъ живи какъ хочется», къ Толстому—дѣло другое—обращается всегда почти другое: «зачѣмъ?» — зачѣмъ *гибель силъ бысть*, т. е. зачѣмъ показывается столько силъ таланта, столько могучихъ его капризовъ при отсутствіи содержанія?.. Въ отношеніи-же къ Тургеневу и къ Островскому вопросъ переходитъ въ вопросъ эпохи, разумѣется эпохи, взятой исключительно у насъ на Руси, — эпохи, въ которую всѣ зачинанія только поднимаются какъ пѣна, не давая даже браги, не то что пива, раскидываются широко и распадаются какъ фата Моргана, — эпохи пробы огромныхъ силъ, не выработавшихъ себѣ простора дѣятельности и между тѣмъ страшно возбужденныхъ, силъ, неминуемо долженствующихъ кон-

чать свои поштыки невѣріемъ... въ тѣ широко раскидывающіеся міры, которые имъ грезятся!

Печальная, если вы хотите, эпоха, когда таланты съ глубокимъ содержаніемъ не найдутъ формъ для содержанія, въ которыя-бы они повѣрили — и дають намъ только добросовѣстную борьбу вмѣсто художественныхъ міровъ, или показываютъ даромъ и безцѣльно, силы дарованія, а сильные таланты второстепенные, строятъ искусственно цѣлыя большія зданія, чуть что не на основахъ азбучныхъ или по-крайней-мѣрѣ практическихъ, но ужъ во всякомъ случаѣ никакъ не художественныхъ мыслей, — печальная эпоха, когда искусство не видитъ вдаль и не оразумливаетъ явленій быстро несущейся впередъ жизни!

XVII.

Центръ драмы, которая съ широкою обстановкою рисовалась явнымъ образомъ въ воображеніи художника при зачинаніи его произведенія, Лаврецкій и его отношеніе къ Ольгѣ.

Я не стану, какъ я уже оговаривался прежде, ни вамъ въ особенности, ни читателямъ вообще, не только рассказывать даже напоминать содержанія Дворянскаго гнѣзда. Я читалъ его четыре раза, и притомъ въ разные сроки, въ вѣроятіи, да и большинство читателей, тоже не одинъ разъ. Повторю опять, произведеніе сдѣлало глубокое впечатлѣніе: оно болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто читаютъ «Прекрасную Астраханку», «Атамана бурю» или графа Монте-Кристо и романы Поля Феваля. Стало быть, я могу слѣдить за психологическимъ развитіемъ характеровъ, не прибѣгая къ разсказу, у критиковъ всегда почти вядому, о событіяхъ или положеніяхъ въ которыя они поставлены.

Итакъ на первомъ планѣ — Лаврецкій: на него падаетъ весь свѣтъ въ картинѣ; его лично оттѣняетъ множество фигуръ и подробностей, а тѣ психологическія задачи, которыхъ онъ взялъ представителемъ, положительно оттѣняются всѣми фигурами и всѣми подробностями. Такъ и слѣдуетъ, такъ родилось, а не сочинилось созданіе въ душѣ артиста; фигура

Лаврецкаго и психологическія задачи, которыхъ представителемъ онъ является, имѣютъ важное значеніе въ нравственномъ, душевномъ процессѣ поэта и нашей эпохи. Лаврецкій, прежде всего, послѣднее (т. е. до-сихъ-поръ) слово его борьбы съ типомъ, который тревожилъ и мучилъ его своей страстностью и своимъ крайнимъ, напряженнымъ развитіемъ, типомъ дразнившимъ его и который онъ самъ додразнилъ нѣкогда въ себѣ до созданія Василья Лучинова. Лаврецкій—полнѣйшее, покамѣсть разумѣется, выраженіе протеста его за доброе, простое, смиренное, противъ хищнаго, сложно-страстнаго, напряженно-развитаго. Между тѣмъ, личность эта вышла сама чрѣзвычайно сложною, можетъ быть потому, что самая борьба поэта съ противоположнымъ типомъ далеко еще непокончена или поканчивалась имъ доселѣ насильственно и постоянно отдается, какъ отдалась она явно въ Рудинѣ.

Лаврецкій отчасти то лице, которое съ необычайною силою и энергіею, всею безпощадною послѣдовательностью правды, но не освѣтивши никакимъ разумно-художественнымъ свѣтомъ, изобразилъ Писемскій въ высшемъ до-сихъ-поръ по тону и по душевнымъ задачамъ своимъ произведеніи, въ Тюфякѣ. Его *любовь изъ-за угла* къ Варварѣ Павловнѣ, его женитьба, самая драма разыгрывающаяся съ нимъ въ его брачныхъ отношеніяхъ, представляютъ немалое сходство съ любовью, женитьбой и драмой брачныхъ отношеній героя Писемскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это сходство только внѣшнее. Лаврецкій, тюфякъ только по виду, тюфякъ до тѣхъ поръ только, пока онъ спалъ моральнымъ сномъ. Бешметевъ Писемскаго, звѣрь, звѣрь съ нашимъ роднымъ и нѣжно нами любимымъ хвостомъ, и авторъ почти что холитъ и лелѣетъ въ своемъ героѣ это, по истинѣ столь драгоценное украшеніе. Страшная по своей правдѣ, до возмущенія души страшная сцена за обѣдомъ, гдѣ Павелъ, выпивши бесѣдуетъ о женѣ съ лакеемъ при самой женѣ и множество другихъ подробностей полагаютъ неизмѣриму ю разницу между нимъ и Лаврецкимъ. Сходство между ними, только внѣшнее, а между тѣмъ, Лаврецкій въ глазахъ Марьи Дмитревны, называющей его тюленемъ, Паншина, своей жены, М-г Эреста и вѣроятно М-г Жюля, пишущаго фельетоны о М-me de-

Lavretzky, cette grande dame si distinguée, qui demeure rue de P.; въ глазахъ ихъ онъ — тюфякъ или, какъ выражается М-г Эрнестъ въ письмѣ къ его женѣ, gros bonhomme de mari. Больше еще, даже въ глазахъ Марѣы Тимофеевны, этой уже совершенно непосредственной и вовсе не зараженной утонченными вкусами натуры, онъ тоже тюфякъ, хоть и очень хорошій человѣкъ. «Да онъ я вижу на всѣ руки... Какое тихоня?» говоритъ она съ удивленіемъ, узнавши объ отношеніяхъ его къ Лизѣ... стало быть и она не подозрѣвала, что онъ можетъ увлечь женщину... Все дѣло въ томъ, что Лаврецкій по натурѣ своей гораздо болѣе *тюфякъ*, чѣмъ герой Писемскаго. Герой Писемскаго — не просто тюфякъ: онъ съ одной стороны звѣрь, съ другой — циникъ, циникъ косиющій въ своемъ цинизмѣ, циникъ, для котораго нѣтъ и выхода изъ его цинизма. Между самою женидбой его, и стало быть между первымъ чувствомъ къ женщинѣ, или лучше сказать къ женственности, и таковымъ-же Лаврецкаго большое различіе. Побудительныя причины женидбы Павла Бешметева исключительно животненныя: среда, въ которую онъ брошенъ, среда, съ которой не разорвало его, странное дѣло! и университетское образованіе, а которая между тѣмъ такова, что *развитая* и *честная* сестра его балуетъ его животненные инстинкты и устрояетъ благополучно безнравственный бракъ съ нелюбящей его вислошко дѣвушкой, на основаніи всегдашней надежды, что дескать «стерпится — слюбится...» эта среда холить, лелѣетъ и раститъ его хвостъ Въ томъ, что Писемскій взялъ своего героя неотдѣлимо отъ его среды жизни, заключается и могущественная сила его произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, психологически-художественная ошибка. Натура страстная до звѣрства, сильная и впечатлительная, дикарь и тюфякъ Павелъ Бешметевъ влечетъ къ себѣ глубокое сочувствіе, но невольно вѣдь возбуждается вопросъ: какимъ образомъ, мимо этой страстной и впечатлительной натуры, прошло развитіе вѣка, какъ оно не по дѣйствовало на него внутренне, ибо внѣшнимъ образомъ онъ съ имъ знакомъ, онъ читалъ, учился, учился даже основательнѣе героя Дворянскаго гнѣзда, который почти что самоучка... Павелъ Бешметевъ влюбляется чисто-животненно,

любить нисколько не тоньше Задоръ Мановскаго, другого героя Писемскаго («Боярщина»), Павелъ Бешметевъ способенъ былъ-бы жить какъ мужъ съ своей женою, даже зная за нею невѣрности, что для Лаврецкаго невозможно, потому что онъ влюбился въ идеаль а не въ плоть, любилъ идеаль: разъ идеаль разбился, разбилась и любовь.

Сравненіе этихъ двухъ лицъ, *вышше-сходныхъ* и натурою и положеніемъ, чрезвычайно поучительно — но оно не приведетъ ни къ какому результату, если при немъ останешься только въ границахъ чисто-художественной критики.

Художественныя представленія — не порожденія мозга, а чада плоти и крови. Въ различіи представленія двухъ лицъ, принадлежащихъ повидимому къ одному типу, лежитъ на двѣ различіе моральныхъ, да и всякихъ вѣрованій, различіе всего міросозерцанія двухъ, повидимому недалекихъ одна отъ другой, эпохъ, изъ которыхъ къ одной, старшей по времени, принадлежитъ авторъ «Дворянскаго гнѣзда», а къ другой, младшей, авторъ «Тюфяка».

Одна эпоха вѣровала исключительно въ развитіе, т. е. въ силы и ихъ стремленія.

Другая вѣритъ исключительно въ натуру, т. е. въ почву и среду.

Въ числѣ эпизодическихъ сценъ тургеневскаго произведенія, т. е. эпизодическихъ въ отношеніи къ одному, отдѣланному уголку его картины, а не къ цѣлому холсту, на которомъ задумывалась картина, есть одна, особенно поразительная своею глубокою вѣрою въ развитіе, въ силы, это — сцена свиданія Лаврецкаго и Михалевица, сцена, въ которой рисуется цѣлая эпоха, цѣлое поколѣніе съ его стремленіями, глубокознаменательная, *историческая* сцена, дополняющая изображеніе того міра, изъ котораго вышелъ «Рудинъ»... Вотъ она: я позволяю себѣ повторить ее вамъ и читателямъ; ибо въ ней все характеристично въ высочайшей степени:

«Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человекъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими, воспаленными глазками. Это былъ Миха-

левичъ, бывший его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. — Они не видѣлись съ Москвы. — Посыпались восклицанія, распросы; выступили на свѣтъ Божій давно-заглохшія воспоминанія. — Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевищъ разсказалъ Лаврецкому свои похождения; въ нихъ не было ничего очень-веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ, нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. *Михалевищъ говорилъ такъ-же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кпильлъ по-прежнему.* Лаврецкій упомянулъ-было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевищъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «Слышалъ, братъ, слышалъ, — кто этого могъ ожидать?» — и *тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.*

— Я, братъ, промолвилъ онъ, — завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. *Мнѣ хочется непременно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденія, чѣмъ ты сталъ, чѣмъ жизнь тебя научила?* — (Михалевищъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ; *волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ? — хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился; я, по-прежнему, вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, — я вѣрую теперь, да — я вѣрую, вѣрую.* Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу; въ ней я выразилъ самыя задушевные мои убѣжденія. Слушай. — Михалевищъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно-длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
 Какъ ребенокъ душою я сталъ:
 И я сжегъ все, чему поклонялся,
 Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, *Михалевищъ чуть не заплакалъ; легкія судороги — признакъ сильнаго чувства — пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло.* Лаврецкій слушалъ его, слушалъ.... *духъ противорѣчія зашевелился*

въ нелѣ; его раздражала всегда готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. — Четверти-часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возрекая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обонхъ; голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго приѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что-же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичь въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лаврецкій; тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, — а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованій*, то *скпльтыкъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было; *ты былъ рожденъ съ душой сирастной, любящей*, — а тебѣ ^{насилъственно} отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы, — *спрочемъ, что это я ору — судьбы нѣту*; старая привычка не точно выражаться. — Но чтожь это доказываетъ?

— *Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вымкнули*.

— А ты себя вправъ! — на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергій тебѣ не занимать стать! Но какъ-бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно — частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю.

— Нѣтъ, это твое правило, правило, перебивалъ его въ свою очередь Михалевичь.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ часъ спустя: — ты желаешь самонаслажденья, ты желаешь счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя....

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строишь свой домъ на зыбкомъ нескѣ....

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо я тебя не понимаю.*

— Ибо, — пожалуй, смѣйся, — ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣчный умъ.... ты, просто, жалкій, *отсталой вольтеріанецъ — вотъ ты кто.*

— *Кто, — я вольтеріанецъ?*

— Да, *такой-же, какъ твой отецъ,* — и самъ того не дозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій, — я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевищъ, — я, къ несчастію, *ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія....*

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ-же Михалевищъ въ 3-мъ часу ночи. — Ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты — *байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, не наивный байбакъ.* Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому-что не умѣютъ *ничего дѣлать*; они и не думаютъ ничего; — а ты мыслящій человекъ — и лежишь; ты могъ-бы что-нибудь дѣлать — и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ къ верху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому-что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій; — почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ-того вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевищъ, — *начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку Нѣмецъ хромаетъ; знаете, что плохо у Англичанъ и у Французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лишь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше инсное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я-молъ, вотъ, умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ.* Да! — А то есть у насъ такіе господа — впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ — которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней — какъ.... какъ грибокъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевищъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О,

это мѣнѣе скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать противный байбакъ....

— Да что-жь ты бранишься? *опмя* въ свою очередь Лаврецкій. — Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосеенъ полтавскій!

— Вишь, чего захотѣлъ! — Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосеенъ. — Помѣщикъ! — дворянинъ! и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то-бы зналъ; вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровения.

— Дай-же, по-крайней-мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! — Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда-же, гдѣ-же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ, — у насъ! теперь! въ Россіи! *Когда на каждой отдельной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....*

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, промолвилъ Лаврецкій: — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра», проговорилъ онъ съ улыбкой — и всунулъ трубку въ носетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій; но друзья еще болѣе часу бесѣдовали.... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе — и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Федору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душою не было. Лаврецкій уже накануне съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади, на сюртукѣ, не доставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужинномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими, черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, ко-

торый взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка». Со всѣмъ тѣмъ Михалевичь не унывалъ и жилъ-себѣ — циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человечества, о собственномъ призваніи, — и весьма-мало заботясь о томъ, какъ-бы не умереть съ голоду. Михалевичь женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; *особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую «панну».... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая Жидовка, хорошо известная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ.... Но какъ подумаешь — развѣ и это не все-равно?*

Съ Леммомъ Михалевичь не сошелся; Нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры.... Горемыка издали и тотчасъ чуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ, — и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться, — даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичь еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣды, — и тутъ-же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ! не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичь; — а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная, плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое истрогло-бы тебя изъ твоей апатіи....

— Спасибо, братъ, промолвилъ Лаврецкій; — съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, цыныкъ! воскликнулъ Михалевичь.

— «Цыныкъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыныкъ, повторилъ, не смущаясь, Михалевичь. Даже, сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; *окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжьлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развѣивалъ свои взоры на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ-бы разспевая съмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ.... — «Помни мои послѣднія три слова», закричалъ онъ, высунувшись вѣсьмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансъ:*

«религія, прогрессъ, чело́вѣчность!» — Прощай!» Голова его съ нахлобученной на глаза фуражкой исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ — и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. *«А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ, возвращаясь въ домъ, «пожалуй, что я байбакъ.»* Многія изъ словъ Михалеви́ча неотразимо вошли ему въ душу, хотъ онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только чело́вѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.»

Этотъ небольшой эпизодъ, и самъ по себѣ, отдѣльно взятый, мастерская историческая картина, долженствующая уцѣлѣть надолго до тѣхъ поръ, пока будутъ водиться у насъ Лаврецкіе и Михалеви́чи, а они будутъ водиться еще очень долго, благодаря сильной закваскѣ ихъ породившей... Въ этихъ двухъ лицахъ захвачены глубоко и стремленія и формы стремленій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая въ новомъ мірѣ, только на своей родинѣ, въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни; съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало быть органически, а у насъ, благодаря независящимъ отъ нея философіи обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ напри́мѣръ натура Бѣлинскаго, конечные результаты Гегелизма, она даже самоучку Полеваго ставила выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ премудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ сознанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило такъ сказать въ религію, т. е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторю вѣроятно еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книжки для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часъ

всю сущность нашего нравственного міра... Поэтому-то самому, всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное, сообщаетъ умственнымъ эпохамъ развитія особый цвѣтъ и запахъ. Поэтому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысле-боязни: но слѣпая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство, не видятъ по ограниченности своей, что стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами виною того, что мысль ломаетъ, сокрушаетъ факты, вмѣсто того чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Чтобы разомъ представить осязательно это болѣзненное дѣйствіе мысли, я опять обращусь къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи и укажу вамъ на дикіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева, на страшную и холодно безпощадную послѣдовательность Лермонтова, на мучительныя «Думы» самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика, на глубокую религіозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта монологовъ. Последняго въ особенности вспомнишь всегда и невольно, когда говоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь и мракъ! Какъ все томительно пустынно,

Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,

Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,

И на сердцѣ печально и темно

Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;

Еще ловлю я призраки вдали

Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;

Но жизнь и мысль убили, сны мои...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,

Страшна твоя тяжелая борьба,

Грозный небесныхъ бурь кесешь ты разрушенье,

Неумолма какъ сама судьба;

Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,

Меня навѣкъ въ броженіе вовлекла,

*За вѣрой вѣру ты съ души моея стубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.*

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безъискусственномъ стонѣ, задушевная исповѣдь цѣлой эпохи, стонъ цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отдававшееся мысли поколѣніе, толкуя какъ кружокъ Гамлета Щигровскаго уѣзда о вѣчномъ солнцѣ духа «переходя *ins Unendliche* съ Гёте и сливаясь съ жизнію *des absoluten Geistes*, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство...» Было время, — говорило оно тогда устами одного изъ высшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неофитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимаю въ чаду упоенія символами и мистеріями. «Было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть «счастье. Твердили о суетности, непечности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось и наслаждаться жизнію, во чтобы-то ни стало. Разумѣется, всякой по своему понималъ и толковалъ счастье «жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ «въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались «вѣчнымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. «Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и «предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія; знали, вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ «должны соединить религія и законы, знали это хорошо и «приравнивали религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ «понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ «идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое «общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, «чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была «религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка «сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,

Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судьбъ ударъ

.....

Пой, ѣшь и веселись, сосѣдь!
На свѣтѣ жить намъ время срочно,
Веселье то лишь непорочно
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

«Это была еще самая высочайшая нравственность; самыя лучшіе люди того времени не могли возвыситься до «высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели — нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости высшербченнѣйшій мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ «превосходной своей повѣсти: Донъ Кихотъ XIX вѣка — «этомъ истинномъ chef d'oeuvre русской литературы — и «которыхъ наконецъ недавно убила наповаль Библіотека для «Чтенія. Эти новые надуватели, съ удивительною наглостію «и шарлатанствомъ, начали проповѣдывать самыя безнравственные правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ, будто бы, не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего «человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи «сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость «жалкихъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что «будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ «къ добру, исполненная миссій и страданій, можетъ называться жизнью человѣческою, а всякая другая, есть болѣе или меньше приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые «поэты стали дѣйствовать какъ будто бы по согласію съ «сиими злонамѣренными философами и распространять различные вредныя идеи, какъ-то: что человекъ непременно долженъ выразить, жтъ какую-нибудь человѣческую сторону «своего человѣческаго бытія, если не въ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на

«важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ лично-
«му вознагражденію, или отдать всего себя знанію для са-
«маго знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя
«наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для
«свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искус-
«ство (будто бы) есть одно изъ звѣнзвѣвъ, соединяющихъ землю
«съ небомъ; или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствова-
«теля, если чувствуетъ на это произведеніе свыше, но не
«призваніе кармана; или полюбить другую душу, чтобы
«каждая, изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила:

Я на землѣ любила и жила, —

«или наконецъ, просто имѣть какой-нибудь высшій человѣ-
«ческой интересъ въ жизни, только не наслажденіе, необъ-
«яденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ филосо-
«фамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фак-
«тами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ
«въ частности, но и весь родъ человѣческой стремится къ
«какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго
«совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ,
«почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право
«не знаю, кто правъ: прежніе-ли французскіе философы или
«нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ;
«но знаю, что между тѣми и другими, между тѣмъ и дру-
«гимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ... (Сочин.
В. Бѣлинскаго, томъ I — стран. 382).

Вотъ, какими вѣрованіями была первоначально полна
эпоха, которой два отсадка, два представителя изображены
Тургеневымъ въ эпизодѣ задуманной имъ исторической кар-
тины. Приводимое мѣсто изъ Бѣлинскаго, одно изъ мѣстъ,
наиболѣе характеризующихъ философско-лирическія увле-
ченія того времени, показываетъ въ какой степени сильна
была закваска, сообщенная умственной жизни философіей...

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, перехо-
дили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло
кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой
собственный хвостъ — нужды нѣтъ, что въ концѣ концовъ,
идеализмъ XIX вѣка, гордо возстававшій на XVIII вѣкъ,

сошелся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ — дѣло въ процессѣ, который приводитъ къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей феноменологiи...

XVIII.

Два раза и оба раза въ высшей степени удачно изображалъ Тургеневъ отзывъ великихъ философскихъ вѣяній въ жизни — въ приведенномъ эпизодѣ его послѣдняго произведенія и въ эпизодѣ Рудина — эпилогѣ, который на столько же выше всей повѣсти, на сколько повѣсть выше множества болѣе отдѣльных и по-видимому цѣльныхъ произведеній многихъ современныхъ писателей. Различіе между двумя этими изображеніями въ томъ, что Михалевичъ - Рудинъ — Донъ-Кихоть, Донъ-Кихоть почтенный, по все-таки Донъ-Кихоть, а Лаврецкій — Лежневъ опоэтизированный, Лежневъ, которому придано много качествъ Рудина.

Въ Лаврецкомъ и Лежневѣ философское направленіе кончается смиреніемъ передъ дѣйствительностью, смиреніемъ передъ тѣмъ, что Лаврецкій называетъ въ другой эпизодической сценѣ «Дворянскаго гнѣзда» народною правдою: — въ Михалевичѣ, хотя онъ и говоритъ о практической дѣятельности и въ Рудинѣ, хотя онъ и бросался въ практическую дѣятельность — протестомъ, протестомъ вѣчнымъ, безвыходнымъ. Смиреніе Михалевича и Рудина — только логическое требованіе (постулатъ) или поставляемое, смиреніе автора монологовъ:

Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ

Въ душѣ глубоко погребли... И что-же?

Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?

Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ.

И въ ней затворимся — безъ желчи, если можемъ.

Смиреніе Лежнева и Лаврецкаго, послѣднимъ гораздо дороже безъ сомнѣнія пріобрѣтенное чѣмъ первымъ, есть смиреніе дѣйствительное. Они по натурѣ тюфяки, пожалуй байбаки, какъ зоветъ Лаврецкаго Михалевичъ, или тюлени, какъ зоветъ его Марья Дмитриевна, — но тюфяки не такіе, каковъ Тюфякъ Писемскаго.

Смирениемъ завершается ихъ умственный и нравственный процессъ, потому-что въ нихъ больше природы, больше если хотите физиологической личности чѣмъ въ Рудинѣ и Михалевичѣ — больше внутреннихъ, физиологическихъ связей съ той почвою, которая произвела ихъ, съ той средой, которая воспитала ихъ первыя впечатлѣнія. Жертвы всякія имъ дороже достаются чѣмъ Рудинимъ и Михалевичамъ — опять таки потому-что въ нихъ больше природы — и въ нихъ-то въ особенности совершается тотъ нравственный процессъ, который у высокаго представителя нашей фizioноміи выразился въ Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ.

Онъ если хотите — Обломовцы; такъ какъ слово Обломовцы — стало на-время моднымъ словомъ, во всякомъ случаѣ никакъ не Штольцы, что имъ впрочемъ дѣлаетъ большую честь, ибо Штольцы у насъ порожденіе искусственное. Только Тургеневъ, какъ истинный поэтъ по натурѣ и какъ одинъ изъ послѣднихъ могикиановъ эпохи, созданной могущественными вѣяніями, не могъ никогда обособить такъ рѣзко этотъ типъ, какъ обособилъ его Гончаровъ въ своемъ романѣ. Въ его Лаврецкаго вошло нѣсколько чертъ Рудина, такъ какъ въ Рудина наоборотъ вошли двѣ-три черты Лаврецкаго, хоть-бы то напримѣръ, что онъ, по справедливому приговору Пигасова, оказывается *куцымъ*.

Съ другой стороны Тургеневъ, не умѣя или не желая сдѣлать изъ своего Лаврецкаго логической фокусъ, въ которомъ сводились бы многообразныя, общія тому, другому и третьему, черты — не могъ взять его и въ исключительной зависимости отъ почвы и среды какъ взялъ Писемскимъ Павелъ Бешметевъ... Разница между этими двумя личностями слишкомъ очевидна... На сколько въ Лаврецкомъ больше физиологической личности чѣмъ въ Рудинѣ и Михалевичѣ, — на столько же меньше ее въ немъ, чѣмъ въ Тюфякѣ Писемскаго. Сравните сцены, гдѣ тотъ и другой убѣждаются въ невѣрности своихъ женъ; сравните всѣ ихъ послѣдующія отношенія къ невѣрнымъ женамъ, хотя въ этихъ пунктахъ Тургеневъ нисколько не уступаетъ Писемскому, не только въ психологической правдѣ — что на сколько не удивительно, но

даже въ энергін, которой достигаетъ онъ рѣдко. Я вновь обращаюсь къ выпискѣ:

«Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

«Милый ангелъ Бетти! (я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя *Varbe* или Варвара (*Varvara*). Я напрасно прождалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра въ половинѣ втораго на нашу квартиру. Твой добрый толстякъ (*ton gros bonhomme de mari*) объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего поэта *Пушкина* (*de votre poète Pouskine*), которой ты меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ!— Тысячу поцалуевъ твоими ручками и ножками. Я жду тебя.»

«Эрнестъ.»

«Лаврецкій не сразу понялъ, что такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задолбался, и заплакалъ въ одно мигушенье. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый смазливый мальчишкѣ лѣтъ 23-хъ, со вздѣрнутыми носкомъ и тонкими усиками, едва ли не самый ничтожный изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полъ-часа; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ руки и безмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдные лица: мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падаетъ, падаетъ, падаетъ... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелкового платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнья; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мигушенье онъ былъ въ ея стѣннѣ истерзавъ ее, избивъ ее до полу-смерти, по-мужицки, задумавъ ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ только могъ прошептать: Бетти,— и выбѣжать изъ дому.»

«Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто спянно, даже какъ

будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зъвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало—а онъ и не чувствовалъ усталости, — за тó усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть по прежнему спокойной, по прежнему спокойной, по прежнему ласковой и доверчивой съ нимъ! — Ничего не понимаю! шептали его засохшія губы. — Кто мнѣ поручится теперь, что и въ Петербургѣ.... И онъ не доканчивалъ вопроса и звалъ опять, дрожа и пожимался всѣмъ тѣломъ. — Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: «Старый мужъ, грозный мужъ!» Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ,—и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойти сказать имъ: «вы со мною напрасно пошутили; прадыдъ мой круто расправлялся съ мужиками, а дыдъ мой самъ былъ мужикъ»—да убитъ ихъ обоимъ.— То вдругъ ему казалось, что все, что съ нимъ дѣлается—сонъ и даже не сонъ — а такъ, вздоръ какой-то; что стоитъ только встряхнуться, оглянуться.... Онъ оледывался, и какъ лстребъ коптитъ пойманную птицу, глубже и глубже орывалась тоска въ его сердце. — Къ довершенію всего, Лаврецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣялся быть отцомъ.... Прошедшее, будущее—вся жизнь была отравлена. — Онъ вернулся наконецъ въ Парижъ, остановился въ гостинницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:»

«Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ всё. — Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги.» *(Эту фразу блдний Лаврецкій готовилъ и леплялъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ).* «Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно.»

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ...

но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненья этого непоплатнаго, непостижимаго дѣла. — Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли,—и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кое-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. — Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ; но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію.—Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать,—лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женниной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на нея имя довѣренности; но Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама припечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне. Скрываясь въ небольшомъ италянскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ—Баденъ; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мусье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ сквозь обычную игривость проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Федора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. — Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагико-комическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль.... Все было кончено: Варвара Павловна стала «извѣстностью.»

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такаа брала его тоска по жени, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже пожалуй... простилъ бы ее, лишь

бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку съ своей рукой. Однако время шло недаромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ: его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену, — близкого человека только тогда и поймешь полною, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими.

† Въ этихъ двухъ какихъ-нибудь страницахъ — цѣлый адъ страданія — и какого страданія. Оно вполне глубокочеловѣческое; оно соединено съ борьбою противъ стихійнаго, фізіологическаго; борьбою природы *сдѣланной*, созданной идеями, образованіемъ съ натурой грубой, звѣриной. Правда, что приливы звѣриныхъ свойствъ природы тутъ только пѣна, а не настоящее дѣло. Лаврецкій не только что не убилъ — не побилъ бы своей жены; за это можно отвѣчать. Даже въ другую минуту, когда долгая разлука уже раскрыла ему всю натуру Варвары Павловны и когда другое болѣе значительное и глубокое чувство наполнило все его бытіе, въ минуту, когда Варвара Павловна разбиваетъ своимъ появленіемъ созданный имъ міръ прочнаго и поэтическаго блаженства, въ минуту наконецъ, когда вслѣдствіе противоположности, натура ея и всѣ свойства этой природы должны быть ему въ высшей степени ненавистны — въ немъ только накипаетъ пѣна, не больше. Помните это, тоже поразительное по своей психологической правдѣ мѣсто:

«Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она шла, кромно положила одну руку на другую и прижалась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовать, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что *Варвара Петровна* насколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ ее обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, *тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы*: — намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами — мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. — *Это отращеніе*, подумала она; — *кончено: я для него даже не женщина.*

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и *застенился доверху*. — Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было — вы все таки, къ сожалѣнію, моя жена. — Не могу же я васъ прогнать... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики; живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будите получать все нужное, сверхъ пенсіи... Согласны вы?

— Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервически подергивая губами: — что я на все буду согласна, что бы вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ — эдакъ лучше, послѣшно проговорилъ Лаврецкій. — Стало быть, продолжалъ онъ, приближаясь къ двери: — я могу рассчитывать...

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста. — Но Федоръ Ивановичъ... (Теодоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничемъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться покрайней мѣрѣ, что со временемъ...

— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій: — *вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ совсѣмъ не нужно. — А я давно васъ простилъ, но между нами всегда была бездна.*

— Я съумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и

склонила голову. — Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти, — кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, номеръ журнала.

Федоръ Ивановичъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашемъ. Варвара Павловна еще съ большимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. — Она была очень хороша въ это мгновенье. *Сырое парижское платье стройно охватывало ея шикій, почти семнадцати-лѣтній станъ; ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ воротничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колець, — вся ея фигура отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки была такъ изящна...*

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ: брава! чуть не ударилъ ее кулакомъ по плечу — и удалился.

Вы понимаете разумѣется, до какой степени должны быть Лаврецкому противны и эта кротость и эта покорность и это кокетство — вся бездна гнусной, неизлѣчимой моральной лжи. Вы понимаете такъ же, какъ ему, слабому, но самолюбивому человѣку должно быть ужасно сознание, что «Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ, а онъ только можетъ тяжело дышать и по временамъ стискивать зубы»... Въ этой ужасной, но глубокой по истинности своей сценѣ слышенъ огаревскій стонъ:

Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться... больше еще, вѣчные стоны Гамлета. Правда простирается тутъ до беспощадности, до подмѣтки въ Лаврецкомъ движенія, чисто актерскаго, когда онъ *«застегивается доверху»*.

И между тѣмъ, этотъ же самый, подогрѣвающій въ себѣ душевныя движенія, Лаврецкій никогда, за это смѣло можно ручаться, не измѣнитъ принятому разъ, подъ вліяніемъ идей, рѣшенію, на что и хотѣлъ намекнуть Тургеневъ и намекнулъ мастерски описаніемъ фигуры и позы Варвары Павловны; тогда какъ тюфякъ Писемскаго могъ бы помириться съ женою до возможности ближайшихъ отношеній, тогда какъ Волынский *допотопнаго* Лажечникова, и эта черта удивительная въ типическомъ изображеніи русскаго, страстнаго характера, беззавѣтно отдается страстному увлеченію съ пріѣхавшей

женой, только что, чуть не накануне, погубивши Мариорицу. Правда, что Волынский не может ненавидѣть жены, потому что ему не за что и ненавидѣть. Лаврецкому послѣдовательность дается не одною лимфатическою натурою, ибо это еще вопросъ: лимфатическая у него натура или натура переработанная глубоко захватившимъ ее могущественнымъ вѣяніемъ идей. Положимъ, что нѣсколько слабая или скорѣе переработанная натура помогаетъ ему въ послѣдовательности, но основа послѣдовательности чисто духовная: въ принципы онъ вѣритъ, принципамъ служить, принципы стали для него жизнію, и вотъ въ какомъ смыслѣ говорю я, что Тургеневъ придалъ ему нѣкоторыя Рудинскія черты.

Какъ ошибка или лучше сказать, *tour de force* въ созданіи Писемскимъ «Тюфяка» заключается въ томъ, что онъ повелъ можетъ быть слишкомъ далеко мысль о неотдѣлимости природы отъ почвы и среды и повѣрилъ только въ физиологическія черты, такъ ошибка — если только можно назвать это ошибкой — Тургенева заключается въ непослѣдовательности изображенія тюфяка, байбака, тюленя.

Я сказалъ: если можно назвать это ошибкой — ибо, не знаю какъ вы, а я не люблю логической послѣдовательности въ художественномъ изображеніи, по той простой причинѣ, что не вижу ее нигдѣ въ жизни. Вся разница двухъ изображеній внѣшне-сходнаго типа въ различіи эпохъ, подъ вѣяніями которыхъ они создались.

Вслѣдъ за философскою эпохою, т. е. вслѣдъ за эпохою могущественныхъ философскихъ вѣяній — въ нашей умственной жизни настала эпоха чисто аналитическая, эпоха оглядки на самихъ себя, эпоха повѣрки требованій жизни, эпоха сомнѣнія въ силѣ вѣяній и законности порожденныхъ ими стремленій.

Талантъ, по преимуществу впечатлительный, впечатлительный, какъ я уже нѣсколько разъ повторялъ, до женственности, Тургеневъ, храня, даже вопреки своимъ новымъ стремленіямъ, старыя вѣянія, но неспособный закалиться въ мрачномъ, хотя бы и лирическомъ отрицаніи, поддастся и аналитическимъ вѣяніямъ новой эпохи. Смирненіе передъ почвою, передъ дѣйствительностью возникло въ душѣ его, какъ

душѣ поэта — не чисто логическимъ, Рудинскимъ или Михале-
вическимъ требованіемъ — а отсадкомъ самой почвы, самой
среды, Пушкинскимъ Бѣлкинымъ.

Только талантъ, а не гений, не заклинатель, — онъ за-
шелъ слишкомъ далеко

И онъ сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ....

XIX.

Какъ и въ слѣдствіе чего совершился процессъ, послѣднимъ
словомъ котораго было смиреніе, ясно для наблюдателя, какъ
и во всей его дѣятельности, такъ и въ послѣднемъ его про-
изведеніи.

Лаврецкому противопоставлено отгнѣняющее его лице —
даже можетъ быть слишкомъ его отгнѣняющее. Это —
Паншинъ.

Значеніе фигуръ Лаврецкаго и Пашина въ концепціи
большой задуманной исторической картины — ясно обозна-
чается въ особенно яркомъ эпизодѣ ихъ нравственнаго и
умственнаго столкновенія.

«Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Ка-
лптиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой пре-
красный вечеръ, что Марья Дмитриевна, несмотря на свое от-
вращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери
въ садъ и объявила, что въ карты играть не станеть, что въ
такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться
природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный
вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя
приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію:
прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тон-
костями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ
не успѣлъ еще опять войти въ моду) — и вдругъ, какъ бы
устыдясь своихъ изліяній, началъ по поводу извѣстной «Думы»
укорять и упрекать новѣйшія поколѣнія, пррчемъ не упустилъ
случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему, еслибъ
власть у нее была въ рукахъ. — «Россія, говорилъ онъ, — от-
стала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы мо-
лоды — это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности
нѣтъ; самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки

не выдумаши. *Слѣдовательно, мы по неволѣ должны замѣстовать у другихъ.* Мы больны, говоритъ Лермонтовъ, — я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы умблись, тѣмъ мы и льчиться должны (*de cadastre*) подумаетъ Лаврецкій). — У насъ, продолжалъ онъ, — лучшія головы — *les meilleures têtes*, — давно въ этомъ убѣдились; *все народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія — и дѣло съ концомъ.* Пожалуй можно приравниваться къ существующему народному быту; *это наше дѣло, дѣло людей* (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) — служащихъ; но въ случаѣ нужды, не безпокойтесь, учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ.» — Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину: «вотъ какой, думала она, — умный человекъ у меня бесѣдуетъ.» Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимофеевна, игравшая въ уголку въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. — Паншинъ расказывалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленіемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣніе, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. — Въ саду Казитинныхъ, въ большомъ кустѣ сирени жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. *Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву, — но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія;* Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявлялъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что, забывъ свое маммеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ *Лаврецкаго отстающимъ консерваторомъ*, даже намекнулъ — правда, весьма отдаленно — на его ложное положеніе въ обществѣ. — Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевиچъ тоже называлъ его отстающимъ — только вольтеріянцемъ) — и спокойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. *Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ съ высоты чиновничьяго самосознанья — передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею — того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозмож-*

на; не отклонился наконецъ отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— *Все это прекрасно! воскликнулъ наконецъ расдосадованный Паншинъ: — вотъ вы вернулись въ Россію, — что же вы намъ ренди дѣлать?*

— *Пахать землю, отъпалыть Лаврецкій, — и старайся какъ можно лучше ее пахать.*

— Это очень похвально, безспорно, возразилъ Паншинъ, — я мнѣ сказывалъ, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія...

— *Une nature poétique*, заговорила Марья Дмитріевна, — конечно не можетъ пахать... *et puis*, вы призваны, Владимиръ Николанчъ, дѣлать все *en grand*.

Этого было слишкомъ даже для Паншина; онъ замылся — и замыля разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта — все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ. — «Какъ! въ такой вечеръ?» слабо возразила она; однако велѣла принести карты. Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марыи Тимофеевны.»

Не правдами, что рѣзко, но въ высшей степени вѣрно очерченная здѣсь личность Паншина, человѣка теоріи, отгѣняетъ необыкновенно личность человѣка жизни, какимъ повсюду является у Тургенева его Лаврецкій.

Но сказать, что Паншинъ — человѣкъ теоріи, мало. И Рудинъ, нѣкоторымъ образомъ человѣкъ теоріи, и душу самого Лаврецкаго подчинили себѣ теоріи въ извѣстныхъ по крайней-мѣрѣ пунктахъ. Паншинъ, тотъ *дѣятельный* человѣкъ, тотъ реформаторъ съ высоты чиновническаго воззрѣнія, тотъ нивелёръ, вѣрующій въ отвлеченный законъ, въ отвлеченную справедливость, который равно противенъ нашей русской душѣ, явится-ли онъ въ исполненной претензій комедіи графа Сологуба, въ лицѣ Надимова, въ большомъ-ли созданіи Гоголя въ лицѣ Констанюгло, въ посягающихъ-ли на лавреатство драматическихъ произведеніяхъ г. Львова, или въ блестящемъ произведеніи любимаго и уважаемаго таланта, каковъ Писемскій въ лицѣ Калининича.

Отношеніе Тургенева къ этой личности— совершенно правильное и законное, но самая личность и недодумана и не отдѣлана. Паншинъ — великолѣпенъ, когда онъ покровительственно любезничаетъ съ Геденовскимъ, великолѣпенъ въ сценахъ съ Лизою, великолѣпенъ, когда онъ граціозно играетъ въ пикетъ съ Марьей Дмитриевной, великолѣпенъ въ разговорахъ съ Лаврецкимъ: однимъ словомъ всѣ наружныя стороны его личности отдѣланы художественно, но внутренне онъ долженъ былъ быть захваченъ и шире и крупнѣе. Вѣдь онъ — реформаторъ, пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ и Иванъ Александровичъ Хлестаковъ въ сущности, онъ долженъ былъ совмѣстить въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ реформаторовъ, пригляясь къ дѣятельности которыхъ, люди жизнч, люди съ широкими мечтами и планами, кончаютъ привязанностью къ почвѣ, смиреніемъ передъ народною правдою, онъ долженъ былъ войти въ картину такъ рельефно, чтобы видно было и то какимъ путемъ онъ развился.

А то, что мы о немъ знаемъ?.. Ничего, кромѣ такихъ чертъ, которыя рисуютъ просто пустаго и просто вишняго, безсодержательнаго человѣка, да и въ этихъ, немногихъ чертахъ, нѣкоторыя совершенно фальшивы.

«Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городѣ О... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабсъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготнѣй въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Не смотря на всю свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищоты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. Зато онъ, по-своему, позаботился объ его воспитаніи. Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. *Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское слово въ нѣкоторыхъ, большей частью забавныхъ случаяхъ — можно; é els même très chic,*

какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войти въ любую гостинную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между робберами или послѣ удачнаго «большаго шлема», онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ «Володькѣ» какому нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны Владиміръ Николаичъ во время пребыванія въ университетъ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень не дуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно — почтительно, гдѣ можно — дерзокъ, отличный товарищъ, *un parfait garçon*: завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, умѣлъ съ полукраснливой важностью заниматься вздоромъ и показать еидѣ, что почитаетъ все важное за вздоръ, — танцевалъ отлично, одѣвался по-англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ, — не хуже отца; но онъ былъ очень даровитъ. *Все ему далось: онъ мало пилъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ.* Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою пронпцательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыкновенныя слабости. *Какъ человекъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ жаръ и, нѣкоторое увлеченіе, и восторженность,* и вслѣдствіе этого позволилъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, непринадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ».

Во всемъ этомъ изображеніи, видно какое-то художественное колебаніе между чертами, какая-то неясность очерка.

Вы остаетесь въ нѣкоторомъ недоумѣніи, что именно хотѣлъ сказать Тургеневъ фигуурою своего Паншина и какими сторонами натуры отгѣняетъ Паншинъ лице Лаврецакаго. Тѣмъ ли, что онъ натура чисто-внѣшняя, внѣшне-даровитая, внѣшне блестящая и т. д. въ противоположность искренней и съ виду далеко неблестящей личности главнаго героя? Тѣмъ ли что онъ одна изъ общихъ истертыхъ фигуръ свѣтскихъ героевъ, въ родѣ героевъ повѣстей графа Сологуба и вообще повѣстей сороковыхъ годовъ? Или наконецъ тѣмъ что, онъ—холодная теоретическая натура, въ противоположность жизненной натурѣ Лаврецакаго?

Вы скажете: и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Такъ, но вѣдь въ отношеніи къ фигурѣ, которую онъ долженъ извѣстнымъ образомъ отгѣнять, поставленъ же онъ какими-либо сторонами рельефнѣе? Да онъ явно и поставленъ такъ въ весьма знаменательной эпизодической сценѣ умственнаго и нравственнаго столкновенія съ нимъ Лаврецакаго. Тутъ онъ явно рельефно поставленъ какъ человѣкъ теоріи въ контрастъ человѣку жизни и почвы. Я нисколько не отрицаю, что онъ можетъ быть и внѣшне-даровитымъ и свѣтски-моднымъ господиномъ, но на сухой методизмъ его, на его реформаторскія замашки, художникъ долженъ былъ обратить болѣе вниманія, долженъ былъ показать, какъ въ немъ такой методизмъ созданъ и развился.

А этого мы не видимъ, или это самое тронуто въ-первыхъ поверхностно, во-вторыхъ фальшиво.

И прежде всего, я подымаю процессъ, начатый весьма справедливо однимъ изъ серьезныхъ нашихъ журналовъ съ Писемскимъ за его Калпновича, хотя это многимъ показалось и смѣшно; Владиміръ Николаевичъ Паншинъ, равно какъ и Калпновичъ, не могли выйдти изъ университетовъ. Они продукты специальныхъ заведеній.

Изъ университетовъ нашихъ выходили, или Бельтовы и Рудины, т. е. вообще лица недослуживающіе 14 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ до пряжки, потому что идеалы ихъ не мирятся съ практикой, а они упорно и сурово уходятъ въ свои идеалы; или Лаврецаки и Дежневы, можетъ быть менѣе, но тоже недослуживающіе до пряжки, или «Досужевы» Доходнаго мѣста

живущіе на счетъ «карасей» и запросто съ карасями, т. е. съ земщиной, знаніемъ съ одной стороны нравовъ и обычаевъ «карасей», а съ другой знаніемъ отвлеченнаго и темнаго для «карасей», закона и умѣнемъ справляться съ этимъ отвлеченнымъ для карасей міромъ въ пользу «карасей», которые ихъ за то любятъ, холятъ, и уважаютъ и ублажаютъ, т. е. наши юристы въ настоящемъ смыслѣ этого слова или наконецъ просто взяточники и подъячіе, но никакъ не реформаторы съ высоты чиновничьяго величія.

Таковые могутъ образоваться только подъ вліяніемъ резонерства теорій, а не подъ вліяніемъ философіи и, болѣе или менѣе, но всегда энциклопедическаго университетскаго образованія.

Провести въ Паншинѣ идею теоретической чистоты и отвлеченности у Тургенева не достало послѣдовательности. А не достало этой послѣдовательности только потому, что къ самому Лаврецкому нѣтъ у него окончательно ясныхъ отношеній.

1) Ему непремѣнно хотѣлось сдѣлать своего Лаврецкаго тюфякомъ, тюленемъ, байбакомъ изъ насильственной любви къ типу загнаннаго человѣка, любви порожденной борьбою съ блестящимъ, нѣсколько хищнымъ типомъ. Тургеневъ

....сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ

Но дѣло въ томъ, что артистъ въ немъ сильнѣе мыслителя, и артистъ рисуетъ въ Лаврецкомъ, противъ воли мыслителя, да и слава Богу, вовсе не загнаннаго человѣка, а очеркъ чего-то оригинально живаго. Намѣреніе художника сдѣлать Лаврецкаго тюфякомъ, байбакомъ, тюленемъ — жертва, принесенная имъ идеѣ загнаннаго типа, идеѣ, до которой довело его «сожалѣніе всего, чему онъ поклонялся».... Лаврецкій, тюфякъ и тюлень, только для женщинъ подобныхъ Варварѣ Павловнѣ и Марьѣ Дмитриевнѣ — но, развѣ только и свѣту, что въ окошко? только и натуръ, что природы вышеупомянутыя.... Миѣ кажется вообще, что, находясь въ нѣсколько неясныхъ отношеніяхъ къ своему герою, къ своему душевному типу, Тургеневъ опустилъ изъ виду нѣкоторыя отношенія его къ людямъ и неясно поставилъ другія.... Какъ-

Будто кромѣ Ольги, не находилось и прежде никакихъ натуръ, способныхъ и оцѣнить и полюбить его, и кромѣ Михалевиича лицъ, которыя понимали его не такъ какъ М-г Эрнестъ и М-г Jules?... Судя по его натурѣ, можно съ достовѣрностью заключить противное, т. е. по-крайней-мѣрѣ то, что были женщины, которыя любили его страстно, да можетъ быть не соотвѣтствовали его идеаламъ. Вѣдь женщинъ два рода — два типа — и стремленія этихъ двухъ типовъ, между которыми есть разумѣется множество среднихъ терминовъ, диаметрально противоположны... А Тургеневъ — и это относится не къ Лаврецкому только, а ко множеству образовъ проходящихъ передъ читателями въ его повѣстяхъ и разсказахъ — такъ запуганъ блестящимъ типомъ, хищнымъ типомъ, что другой типъ представляется ему въ видѣ загнаннаго, тщетно ищущаго симпатій: много-много что онъ даетъ ему въ Лежневѣ — половинную, лимфатическую симпатію.... Въ Лаврецкомъ — и это уже огромный шагъ впередъ въ нравственномъ процессѣ — типъ переходитъ изъ загнаннаго въ имѣющій право гражданства, получаетъ своего рода поэтическую оболочку, но все еще, въ отношеніяхъ къ нему автора, видно много неопредѣленности, непослѣдовательности.

2) Въ слѣдствіе этого, нѣкоторыя качества, свойственныя Лаврецкому, Тургеневъ придаетъ Паншину, и на оборотъ.

Такъ, главнымъ образомъ, онъ совершенно ложно ставитъ между ними фигуру старика музыканта Лемма, главную повѣрку *чувства* (не только изящнаго, но вообще чувства) въ натурѣ того и другого. Дѣло въ томъ, что холодная, виѣшняя даровитость Паншина, даровитость, которой всѣ впечатлѣнія — заказныя, сдѣланныя, на первый разъ должна была непремѣнно *надуть* старика-Нѣмца. Вѣдь тѣ Веретевскія артистическія черты, которыя Тургеневъ придалъ Паншину, черты непосредственной даровитости, поэческаго пониманія, вовсе нейдутъ къ нему: такимъ людямъ гораздо свойственнѣе *заказныя* восторги Бетховеномъ и виѣшнее знаніе дѣла, съ приличнымъ толкованіемъ о дѣлѣ и даже съ приличнымъ исполненіемъ. Все Веретевское ско-

рѣе шло бы къ Лаврецкому, разумѣется въ меньшей степени, нежели развито оно Тургеневымъ въ самомъ Вертевѣ.

Ибо прежде всего у Лаврецкаго есть натура, прежде всего онъ дитя почвы — вслѣдствіе чего и кончаетъ нравственнымъ смиреніемъ передъ нею.

XX.

Чтобы покончить съ Лаврецкимъ, какъ съ идеалистомъ и съ отношеніями его къ жизни какъ идеалиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ перейти къ другой половинѣ его существа, я долженъ напомнить объ одной старой вещи — не знаю, читали вы ее, которая невольно, какъ нѣчто въ отношеніи къ Тургеневскому произведенію допотопное, приходила мнѣ въ голову въ томъ мѣстѣ когда усталый, морально разбитый и смирившійся Лаврецкій, возвращается въ свое родовое нѣніе и ставится Тургеневымъ съ очей на очи, съ цѣлою галерею его предковъ... Какъ это сопоставленіе, такъ фантастическая бесѣда Лаврецкаго съ портретами его предковъ, — невольно напоминаютъ замѣчательную по мысли, но вовсе уже не художественную вещь, именно «Идеалиста» А. В. Станкевича.

Важную и трудную для рѣшенія задачу избралъ себѣ авторъ этого разсказа: вотъ, какія слова взялъ онъ эпиграфомъ къ своему произведенію — слова замѣчательныя какъ motto, какъ чувство, проникающее все содержаніе. «Страшно подумать, что святое чувство любви истощится въ тщетномъ стремленіи къ необъятному, къ безотвѣтному. Не пожмешь руки великану, называемому вселенной, не дашь вселенной поцѣлуя, не подслушаешь какъ бьется ея сердце». Этими словами, которыя звучатъ одною тяжелою скорбію, не просвѣтленною разумнымъ сознаниемъ, объясняется многое, въ вещи г. Станкевича, которую смѣшно какъ-то и назвать даже повѣстью: до такой степени она была «плѣнной мысли раздраженіемъ».

Идеализмъ — одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она дастъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадали, приступать

ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно мертвою переднею мыслію; отшатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противопоставитъ отпоръ требованіямъ нашего я, и замкнуться гордо въ самого себя: таковы самые обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбежныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего я — вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе или страдающіе одною болѣзнію. Тоска, которая грызла скептика Оберманна, романтика Рене, перешла и къ намъ по наслѣдству: мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе-либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то преимущество, что можемъ сколько-нибудь отрѣшиться отъ этой болѣзни, исторически добираться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный — наше единственное право, и имъ покаместъ должны мы ограничиться. Разрѣшить задачу окончательно — если только она разрѣшима — должно предоставить будущему времени. Одно только кажется намъ несомнѣннымъ — то, что по скольку съ участіемъ и даже уваженіемъ къ больнымъ мѣстамъ, должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, по стольку же должна быть подвергаема посмѣянію и презрѣнію жалкая страсть къ ходульности, болѣзнь душевно купленнаго празднаго разочарованія. Вотъ почему, смѣясь надъ Тамаринымъ, нельзя оскорбить какою-либо насмѣшкою героевъ подобныхъ герою г. Станкевича, хотя многіе, привыкшіе видѣть только виѣшнее, только факты, готовы будутъ, пожалуй, смѣшать эти совершенно разнородныя лица. Съ перваго взгляда въ-самомъ-дѣлѣ представляется много сходнаго между Тамаринымъ и Левинымъ (герой разсказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи, тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ нетрудномъ подвигѣ одурачить семнадцати-лѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой равно далеки отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою той дѣвчонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ,

однаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, я передамъ содержаніе «Идеалиста».

Въ селѣ Березовѣ ждуть молодаго помѣщика, еще не заглядывавшаго въ него ни разу съ того времени, какъ оно досталось ему по смерти отца. Левинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣзду туда до слѣдующаго года. Приѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какимъ воображала его себѣ дворян:

«Черезъ нѣсколько минутъ влѣтѣла на дворъ коляска, и «лихой ямщикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. «Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусинномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ «раскланивался со встрѣчавшими его, *«что-то, казалось, смутило его, яркая краска покрыла его блѣдныя щеки, и, потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою поспѣшностью выско-«чилъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ. Недостатокъ важности, приличный случаю и лицу, въ приѣздѣшемъ господинѣ, «былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворян разбрелась въ ка-«комъ-то недоумѣніи».*

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностію, не хочетъ изъ себя корчить ничего, не имѣетъ претензіи на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, видитъ странность и фальшивость своего положенія, и только выходя изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, приобрѣтаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ болѣе своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностію, самъ въ нѣкоторыя минуты готовъ судить себя какъ Гамлетъ, но, какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Вотъ онъ въ своемъ родовомъ наслѣдіи — въ домѣ своихъ предковъ, и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. «Почти на всѣхъ лицахъ мужескихъ

«и женскихъ, не смотря на различіе формъ и чертъ, лежала какаля-то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что, казалось, память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь «изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ.»

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и ту же женщину въ разные годы ея жизни. Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее: дѣдъ Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой «кометы въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ»; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмятежныхъ, неподвижныхъ «физиономій», что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

«Наступалъ вечеръ. Левинъ вошелъ въ гостинную и опустился въ кожаняя кресла у раскрытаго окна. Предъ нимъ «былъ старыи, тѣнистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, за рѣкою лугъ, за лугомъ поля и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ, соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинымъ: онъ впалъ въ то «состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и «стремленія, забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, «все минувшее, опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, «и въ нѣсколько минутъ, онъ вновь переживаетъ всю жизнь «свою.»

И вотъ передъ Левинымъ проносятся дни дѣтства, и мелькаетъ образъ матери, нѣжно любящей, вѣчно лелѣющей...

«Вотъ онъ наконецъ юноша: душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, «за всѣмъ гоняется мысль, для всего есть восторгъ и жаръ, «вокругъ юноши свѣжія, мягкія лица, жизнь шумна и легка,

«а объ руку съ нимъ всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ — и какъ полны всѣ дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ ними; смѣло и жадно рвутся они туда и «мощный всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодыя души, притягивалъ къ себѣ ихъ взоры....»

Да простятъ намъ читатели, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ, какъ всѣ мы, болѣе или менѣе, поразился грандіозностью чужаго идеала, прямо, на вѣру принявъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ у него притомъ чисто-гѣмекскій. Все въ его воспоминаніяхъ отзывается мечтами Шиллера, — звучитъ великою пѣснью германскаго поэта о радости.... Немудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ нашель начало раздвоенія, когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Das Dort wird niemals Hier;

что

Ewig jung ist nur die Fantasie....

Немудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло.... Левинъ исключительно увѣлся Шиллеровскимъ идеаломъ, и пошатно, что какъ только проходитъ паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только внезапная тишина объемлетъ его послѣ веселаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужиться. Энергія поддерживалась въ немъ внѣшними, нѣсколько насильственными средствами: въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго установленнаго.

«Потянулись другіе дни: *смущень, озадаченъ* юноша *предоставшею ему дѣйствительностью*, онъ всматривается въ *жизнь съ напряженіемъ*, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно допрашивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, «ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все «шутка, что настоящій смыслъ жизни за чѣмъ-то скрытъ «отъ него, что тайна и истина наконецъ откроются ему. «Нетерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва, онъ ждетъ, а жизнь «несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея вол-

«ны; несокрушимы цѣпь и мощь овладѣвшаго имъ идеала. «Ноетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ — и потянулись дни безжизненныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стоновъ.»

Состояніе страшное, котораго долго не вынести душѣ человеческой. Такъ или иначе, она должна выдти изъ него. Не для всякой природы возможенъ тотъ желанный исходъ, на который указалъ Гёте въ одной пѣсни въ *Wilhelm Meister's Wanderjahren*:

Und den unbedingten Trieben
Folget Freude, folget Rath
Und dein Streben sey's im Lieben
Und dein Leben sey die That.

Не для всякаго возможно и Шиллеровское примиреніе *im Reiche der ewig jungen Fantasie*.... Нѣтъ! обыкновенно бываетъ такъ какъ съ Левинымъ:

«Тянутся дни безсильной тоски, затѣмъ дни равнодушія и безчувствія, замерло и притихло сердце, и голова начала «свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не пугаетъ его, гордо, съ поднятой головою смотритъ онъ въ безконечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь нѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно «встрѣчаетъ всѣ ея явленія».

Полно, такъ ли? Примиреніе ли это — когда внутри шевелится сѣмя, брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности — и внезапно становится онъ разстроенымъ, смущенъ и мраченъ. Странное спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы — странное спокойствіе, разрѣшающееся агоніею и Гамлетовыми проклятіями на себя самого, бесѣдою съ призраками предковъ!

«Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты — ты только «смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по «обычаю предковъ жилъ ты, не посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, «я вотъ презрѣнный и жалкій, ты растерялся и заблудился.

«Презрѣнный, не страмилъ бы ты нашего дома и пропадалъ бы себѣ, гдѣ знаешь!»

Чѣмъ же кончится этотъ судъ челоѣка надъ самимъ собою? Неужели голосъ предковъ, голосъ прошедшаго, вызваннаго имъ самимъ, голосъ отжившаго и умершаго возторжествуетъ безусловно надъ нимъ, сыномъ настоящаго?... Вопросъ, не разрѣшенный г. Станкевичемъ, да не разрѣшенный доселѣ и никѣмъ еще.

Вотъ его герой бродить по своему имѣнью: все ему чуждо тутъ, все самое обыкновенное ему непонятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимся въ его головѣ представленіями—а почему лучше его представленія того, что есть на самомъ дѣлѣ, и точно ли они лучше, и стоитъ ли окружающее его одного холоднаго презрѣнія или величаваго равнодушія, онъ не хочетъ подумать.

«Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботность и лѣнь «на лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и «рость бабъ, рѣшился спросить у возвратившагося водовоза, «отъ чего скрываютъ колеса его бочки, и, получивъ отвѣтъ, «что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ».

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостоиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ *прислушивался ко всѣмъ звукамъ жизни*, если онъ такъ *допрашивался смысла всѣхъ ея явленій*, если никогда не сходилъ онъ съ своего карточнаго олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него — и притомъ не за чѣмъ-то, а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ, не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже на счетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердце напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

«Чѣмъ же ты такъ смущень, заговорила прекрасная «бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который «дается только сильной и страстной юности, неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты задавилъ его, а отъ него «только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю.»

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ вызванъ имъ, какъ представитель другой крайности — слѣ-

пой стихіи, волнуемой жаждою наслажденій точно такъ же неопредѣленною, какъ его жажда и его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами, вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицомъ, какъ у Кальдерона въ *El Magico prodigioso* — красавица мгновенно обращается въ скелетъ. И печѣмъ тутъ смущался, что распадается прахомъ созданное изъ праха. Уловить въ проходящемъ вѣчное и непреходящее, принять его въ себя не отвлеченно и искать его повсюду дѣятельно — вотъ правда, которая лежитъ подъ сердцемъ человѣческимъ, и тогда, по слову Гёте (*Das Vermächtniss*):

Внутри души своей живущей,
 Ты центръ увидишь вѣчно-сущій,
 Въ которомъ нѣтъ сомнѣній намъ:
 Тогда тебѣ не нужно правилъ,
 Сознанья свѣтъ тебя наставилъ,
 И солнцемъ сталъ твоимъ дѣламъ.
 Вполнѣ твоими чувства стануть,
 Не будешь ими ты обмануть,
 Когда не дремлетъ разумъ твой.
 И ты съ спокойствіемъ свободы,
 Богатой нивами природы
 Любишься вѣчной красотой,
 Но наслаждайся не безопасно,
 Присущъ да будетъ разумъ вѣчно,
 Гдѣ жизни въ радость жизнь дана.
Тогда бывшее удержимо,
Грядущее заранѣ зримо,
Минута съ вѣчностью равна.

Пожалуй и Левинъ любитъ вѣчной красотой нивами природы, да не то разумѣлъ поэтъ подъ такимъ наслажденіемъ, что разумѣетъ Левинъ, замѣчающій только лѣнь и беззаботность на лицахъ мужиковъ, и углубляющійся въ созерцаніе муравейника. Нѣтъ! примиреніе, которое разумѣлъ Гёте (и до котораго дошелъ самъ онъ впрочемъ только сознаніемъ) и проще и выше — это, примиреніе въ дѣятельности, въ любви, — величіе въ маломъ, въ ежедневномъ, въ обыкновенномъ:

Dass wir uns in ihr zerstreuen
Darum ist die Welt so gross

говорить онъ въ той-же пѣсни, которую мы уже приводили,
ободряя тутъ-же стремящагося тѣмъ, что

Kopf und arm mit heitern Kräften
Ueberall sind sie zu Haus.

Но не таковы мы — разумѣя болящихъ болѣзнию героя г. Станкевича, чтобы дойти до такого здороваго и простаго примиренія — и часто приходили мы къ горькому заключенію, что сами виноваты во всемъ томъ, въ чемъ такъ наввно. и вмѣстѣ такъ гордо вниимъ переходную эпоху, что мы сами роємъ неизмѣримую пропасть между мыслию и дѣломъ, подрывая у первой всѣ основы, которыми бы она могла опереться на почву дѣйствительности, лишая послѣднее всякаго достоинства. И безсильна становится мысль, истощенная вращаніемъ въ одномъ и томъ же безъисходномъ околдованномъ кругѣ, тупѣя въ застоѣ, на который сама себя осудила, — и все постыднѣе и постыднѣе падаетъ дѣло, и подъ гнетомъ безсильной, тяжелой мысли, которая что старѣетъ, то шалѣетъ, и все становится притязательнѣе, тащится человѣкъ по жизни, словно кляча, сбившаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ гордыми и вольными орлами, какъ идеалистъ г. Станкевича: утѣшенія эти кратковременны, какъ всякое самообольщеніе. Жаждѣ жизни нѣтъ инаго исхода кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точить внутренность, и живетъ, питаясь ея соками.

Я привелъ только первыя страницы разсказа г. Станкевича, потому что онѣ однѣ важны въ немъ. Впечатлѣніе, оставляемое ими — не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ не менѣе, эти страницы — искреннія, патетическія.

Съ чисто художественной стороны, и самыя эти страницы не имѣли большаго достоинства. Онѣ повтсряли только, и, такъ сказать, расплосжили то чувство, которое прежде сильнѣе и лучше оказалось во многихъ стихотвореніяхъ, онѣ были павѣяны какъ будто «Старымъ домогъ». Огарева:

Я ждалъ: знакомыхъ мертвецовъ
 Не встанутъ ли вдругъ кости...
 Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
 Не явятся ли въ гости.

Еще менѣе художественнаго таланта было во всемъ послѣдующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ видѣнъ былъ въ авторѣ чело­вѣкъ мыслившій, жившій и глубоко-чувствовавшій, — вездѣ прекрасныя цѣли — и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляла собою развитіе одного изъ Лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ знаютъ стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая и т. д.

Никто не станетъ отрицать конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ буряхъ жизни чело­вѣка къ мнунтно посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ стихахъ съ удивительною энергіею. Никто такъ же не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣлыя повѣсти, — что все, бывшее настоящею бурею въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едва ли не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стихотвореніе его, взятое изъ Гейне:

Они любили другъ друга и долго и нѣжно,

или стихотвореніе, выше нами приведенное, къ жизни какого-нибудь Ивана Ивановича или Марьи Петровны, выйдетъ нѣчто комическое. Что-то комическое же являлось въ повѣсти г-на Станкевича, являлось противъ воли ея весьма серьезнаго автора, — наперекоръ желанію читателя, который видѣлъ въ «Идеалистѣ» не Тамирина, а чело­вѣка дѣйствительно мыслившаго и много страдавшаго. Въ особенности смѣшны были орлы, являвшіяся Левину и во снѣ и во очію на пароходѣ.

«Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, «и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся передъ глазами «его пустыню. Вдали показался островъ, и когда пароходъ «приблизился къ нему, Левинъ увидалъ большаго орла, по-«днимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пусты-

«ню, другого орла, и слова слышанныя отъ него во снѣ: «пари и гордо созерцай до послѣдней минуты своей Онъ «поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезнув- «шимъ въ полетѣ къ небу, и ему почудилось, что вѣчность «представилась ему во образѣ безпредѣльнаго неба и без- «предѣльной движущейся пустыни — и онъ услышалъ ея «могучій призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди: Ле- «вина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его *расширилась и пор- «вала цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томи- «лась она (?)* Радостно почувствовалъ онъ вновь свою сво- «боду. Гордо поднялась опять голова его, смѣло, и спокойно «смотрѣлъ взоръ, — и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ «и жилъ прежній *холодный безстрастный идеалистъ*. Опять «страпствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и за- «думывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ «все болѣе изощрялась и развивалась несчастная способ- «ность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ. «и онъ — никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не «заключалъ союза. *Жизнь его, на всегда осталась, какъ и была, «пустою и праздною.*»

«Идеалистъ» г. Станкевича былъ напечатанъ въ 1851 году въ сборникѣ: «Комета», Тургеневское «Дворянское гнѣздо» написано въ 1858 году. Этимъ сопоставленіемъ я ужъ конечно не хочу и не думаю сказать, чтобы артистъ Тургеневъ что-либо взялъ у г. Станкевича, который явился вовсе не артистомъ, а только мыслящимъ человѣкомъ и лирикомъ въ своемъ произведеніи, но для меня подобныя сближенія суть наглядныя указанія на процессы воплощеній всякой поэгической мысли или поэгическаго намѣренія. Такъ здѣсь, мысль является сперва чисто лирически, какъ музыкальный мотивъ въ удивительномъ стихотвореніи Огарева: «Nocturno» принимаетъ фантастически странныя и непомерно-рѣзкія формы въ «Идеалистѣ», этомъ лирическомъ результатѣ печальной и серьезной думы о жизни, лишенномъ художественной оболочки, соразмерной, гармонической плоти, и наконецъ поэтъ истинный, какъ Тургеневъ, приводитъ въ гармонию поэгическое намѣреніе и поэгическое исполненіе.

Больше еще. Есть внутреннее сродство въ идеѣ поро-

дившей Левина и въ идеѣ породившей Лаврецаго. Идея шла даже однимъ процессомъ, дошла въ «Идеалистѣ» до сознанія и только перешла въ *дѣло* въ Лаврецкомъ. «Левинъ» г. Станкевича, понялъ свою несостоятельность въ отношеніи къ дѣйствительности, но его смиреніе передъ нею, передъ правдою жизни, выражается только въ ожесточеніи, въ окаменѣніи, въ изолированности: такой конецъ процесса въ «Идеалистѣ» г. Станкевича, какъ порожденіи «раздраженія плѣнной мысли» какъ произведеніи рѣзкомъ и нагомъ, вопреки намѣреніямъ автора доходитъ до комизма. Лаврецкій Тургенева такой же идеалистъ, но въ немъ есть плоть, кровь, натура: у него сознаніе не ограничилось однимъ отрицаніемъ и перешло въ дѣло.... Въ немъ столько же натуры и привязанности къ почвѣ, сколько идеализма. Въ его душѣ глубоко отзываются и воспоминанія дѣтства, и семейныя преданія, и бытъ роднаго края, и даже суевѣрія. Онъ чѣловѣкъ почвы, онъ, если хотите изъ Обломовцовъ, къ которымъ недавно проникся такою враждою замѣчательно-даровитый публицистъ «Современника». Въ этомъ его слабость, но въ этомъ и его сила; слабость, разумѣется, въ настоящемъ, сила въ будущемъ. Онъ *нашъ*, онъ *нашъ* родной, *нашъ* рускимъ людямъ, какими сдѣлала пастъ реформа.

Покажѣтъ, онъ точно, какъ Обломовецъ, ни въ какое дѣло негодится, но онъ наша эгида противъ реформаторовъ Паншиныхъ, противъ устроителей Костанжогло, наконецъ противъ этой безцѣльной дѣятельности для дѣятельности, которая математически-рѣзко, но вѣрно представлена Гончаровымъ въ фокусѣ (ибо личностью я фокуса назвать не могу) Штольца.

Тутъ бы и слѣдовало мнѣ покончить съ Лаврецкимъ и съ самымъ произведеніемъ Тургенева, если бы я былъ публицистомъ а не критикомъ.

Но художественное произведеніе для меня есть откровеніе великихъ тайнъ души и жизни, единственное порѣшеніе общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Въ первый разъ въ литературѣ нашей, въ лицѣ Лаврецаго, нашъ Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ вышелъ изъ своего запуганнаго, чисто-отрицательнаго состоянія. Пусть онъ явился въ произведеніи

явно неоконченномъ, пусть самъ поэтъ стоитъ къ нему еще въ нерѣшительныхъ отношеніяхъ, но эти нерѣшительныя отношенія уже видимо не тѣ, въ которыхъ стоялъ Тургеневъ къ типу въ «Дневникѣ лишняго человѣка», въ «Двухъ пріятеляхъ», въ «Рудинѣ» рисуя Лежнева... Лаврецкій существуетъ уже самъ по себѣ, не составляя контраста Рудину какъ Лежневъ, ибо въ немъ самомъ есть черты Рудинскія, для него самого необходимъ въ картинѣ контрастъ, несовсѣмъ еще удавшійся поэту въ Паншинѣ отъ нерѣшительныхъ отношеній къ главному герою... Онъ уже какъ сказано и «не идеалистъ» не гордо и ожесточенно замкнувшійся человѣкъ.

Когда онъ, усталый отъ жизни, полуразбитый жизнью, возвращается въ міръ старыхъ преданій, на родную, возросшую его почву, онъ возвращается туда не умирать какъ г. Чулкатуринъ въ свои «Овечьи воды»... Онъ живетъ и живетъ впервые полною гармоническою жизнью.

Высокая поэтическая идея, за одну которую можно простить Тургеневу всю неоконченность созданія!..

Съ самой минуты появленія Лаврецкаго, вы знаете, вы чувствуете, что этотъ человѣкъ будетъ жить, что ему *слышится жить*, при первомъ столкновеніи его съ Лизой и съ неопѣненной старушкой, составляющей художественный перлъ «Дворянскаго гнѣзда» и всей нашей современной литературы... Вы знаете это, потому что, въ первый же вечеръ своего появленія «наверху, въ комнатѣ Марѣи Тимофеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колына и положивъ лицо на руки: старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ»... Сохранившаяся въ душѣ его способность сочувствовать этой старушкѣ, физиологическая связь между этими двумя, столь раздѣленными и годами и образованіемъ существами, это — святая связь Пушкинсконатуры съ Ириной Родионовной, святая любовь къ почвѣ, къ преданіямъ, къ родному быту, наша эгида противъ сухой практичности и суроваго методизма!

Вы знаете, что онъ будетъ жить, что онъ уже живетъ, этотъ полуразбитый сердцемъ и въ высочайшей степени раз-

витый умомъ человѣкъ, какъ только обхватило его вѣяніе воздуха роднаго края.

«Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухъ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями разползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣромъ загоны полей, на медленно мелькавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностчю взиравшихъ бокомъ на пробѣжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябинкой; онъ глядѣлъ.... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинныя холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы — вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ тоже время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили: очертанія ихъ были также неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто-бы бродившихъ, тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну — и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодрого, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ, — потомъ слѣпаго, плаксиваго, съ неопрятной сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, рассказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну — и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ....»

И скучаетъ-то онъ въ родномъ захолустьѣ не такъ, какъ скучали другіе идеалисты:

«Лаврецкій всталъ довольно рано, потолоковавъ со старостой, побывавъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей ка-

нуры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подь окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивою кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телега, на деревнѣ скрипятъ ворота. «Чего?» задрезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ ты, мой сударикъ», говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвочки, которую нянчить на рукахъ. «Квасъ неси», повторяетъ тотъ-же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ; «кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подь окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицины слѣзки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій; «пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло». И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то-же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ: кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та-же жизнь текла неслышно, какъ вода по

болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній свѣтъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.»

А между тѣмъ, онъ все-таки разбитъ, этотъ живущій и способный жить человѣкъ и въ трагическую минуту, онъ такъ же осужденъ

...Надъ своимъ безсиліемъ смѣяться

И видѣть вокругъ себя безсиліе людей.

И вотъ почему, какъ «Идеалистъ» г. Станкевича ставится онъ поэтомъ на очную ставку съ его просто, дико, грубо развратно или тонко развратно, но безъ заднихъ мыслей жившими предками...

«Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ — безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ приѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья! — «Вѣрно Михалевичь правъ» думалъ онъ. — «Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ, — ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть онъ доволенъ своей судьбою... Чтожь? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова ей выпала доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что приѣхалъ въ Россію за тѣмъ, чтобы пахать землю; ты приѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой».... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышлений; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невоз-

мутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостинной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка. — «Эхъ ты! мелко плаваешь!»; казалось говорили его, на бокъ скрученные, губы. «Неужели же, думалъ онъ, — я не слажу съ собою, — поддамся этому... вздорю?» (Тяжело раненные на войнѣ всегда называютъ «вздоромъ» свои раны. Не обманывать себя человѣку — не жить ему на землѣ), «Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастья на всю жизнь — оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ — повернись колесо еще немного, и бѣднякъ пожалуй сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать — и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сiju здѣсь, забивши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть — вздоръ! — «Антонъ! закричалъ онъ громко, — прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ». — Да, подумалъ онъ опять, — надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы»...

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изъ всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали: онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу.»

И всѣми этими чертами онъ нашъ... чуть было не сказалъ герой, но спохватился, что героевъ нѣтъ и не можетъ быть изъ Обломовцевъ...

И вотъ, почему я, разъяснивши его историческое и общественное значеніе, не кончаю еще статьи о «Дворянскомъ гнѣздѣ» и о Тургеневѣ....

Ан. Григорьевъ.

ДВА ПИСЬМА НАШЕГО ПАРИЖСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Парижъ, 31-го марта 1859.

I.

Слава Богу, наконецъ - то начинаютъ показываться и книги, въ которыхъ, у насъ ощущался-таки порядочный недостатокъ; о чемъ, помните, я говорилъ вамъ въ первомъ моемъ письмѣ. Но о книгахъ — послѣ; а пока надо обратить вниманіе на міръ театральный, который съ самаго начала года, какъ-будто спалъ, — по-крайней-мѣрѣ не давалъ намъ ровно ни одной, хотя на сколько-нибудь замѣчательной новой пьесы; за тѣ теперь — онъ, словно, проснулся съ тѣмъ, чтобы вознаградить потерянное время, да притомъ еще вознаградитъ блестящимъ образомъ; поэтому, въ настоящей моей статьѣ придется говорить мнѣ почти объ одномъ театрѣ, и, надо сказать по правдѣ, два такія музыкальныя произведенія, какъ «*Faust* и *Herculanum*», и двѣ столь значительныя комедіи, какъ *Le Droit chemin* и *Un Beau mariage*, не считая уже при этомъ нѣсколькихъ произведеній, относительно меньшаго достоинства, во всякомъ случаѣ, достойнымъ образомъ пополняютъ этотъ театральный пробѣлъ.

Однако, прежде чѣмъ начать разбирать эти вещи, мы не можемъ пройти молчаніемъ литературное празднество Французской академіи, которая предложила де-Лапранду (*de-Laprade*) занять одно изъ пустыхъ своихъ креселъ, и именно — кресло Альфреда де-Мюссе, самаго младшаго изъ недавно избранныхъ ея членовъ. Эти академическія собранія, какъ и многое, потеряли во Франціи въ настоящую пору тотъ блескъ, который окружалъ ихъ въ былыя вре-

мена; теперь идутъ туда только изъ приличія, да и то еще какъ!... одни — для того, чтобы имѣть удобный случай выказать свои декорации, т. е. рядъ сіяющихъ орденовъ, а иная госпожа — разумѣется, чтобы похвастать своимъ блестящимъ туалетомъ — и только! — все равно какъ въ спектакль, какъ на первое представленіе новой оперы или новаго балета.

Въ XVIII вѣкѣ, принятіе въ члены академіи было дѣло довольно важное: оно занимало всѣхъ; давало на нѣсколько дней пищу умамъ; раздѣляло на партіи дворъ и общество. Хроникеры того времени рассказываютъ много занимательныхъ и остроумныхъ анекдотовъ объ этихъ собраніяхъ.

Впрочемъ, и лѣтъ двадцать тому назадъ академическія собранія были еще очень оживлены; этому оживленію, разумѣется, весьма много содѣйствовалъ тотъ политическій характеръ, которымъ они отличались въ то время; нельзя сказать, чтобы и теперь не старались придать имъ, на сколько возможно, *цвѣтъ* этого политическаго элемента — да жаль только, что цвѣтъ-то этотъ вылинялъ уже совершенно!... Таково было въ послѣднее время избраніе гг. *Berryer* и *de-Falloux*. Избраніе перваго, впрочемъ, было сдѣлано вполне достойно, по заслугамъ, хотя онъ и не писалъ ничего, исключая одного юридическаго труда, снабженнаго нѣкоторыми коментаріями — «*L'Eloquence Judiciaire*». Трудъ этотъ, надо отдать ему должную справедливость, есть знаменитый вкладъ въ литературу современнаго юридическаго краснорѣчія; что же касается до г. *Falloux*, то его заслуги уже черезъ чуръ скромны — дотога скромны, что мы, не смотря на самое рьяное усиліе съ нашей стороны доискаться ихъ во чтобы-то не стало, къ глубокому сожалѣнію, не нашли ни одной!

Новый академикъ, г. де-Лапрадъ, не можетъ быть причисленъ ни къ какой политической партіи, а скорѣе принадлежитъ онъ... какъ-бы это сказать? — къ *школь католической* и является, въ этомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ блестящихъ ея поэтовъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему

быть и професоромъ литературы на кафедрѣ Лионскаго факультета.

Какъ-то странно показалось намъ услышать отъ г. Лапрада принужденную академическую похвалу своему предшественнику — Альфреду де-Мюссе; однако онъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія необыкновенно ловко и съ большимъ тактомъ: онъ еще одинъ лишній разъ доказалъ ту старую аксіому, что крайности сходятся между собою. Религіозный пѣвецъ библейскихъ поэмъ, нисколько не затруднился въ похвалахъ знаменитому творцу «*Rolla*» и «*Des cantes d'Espagne et d'Italie*». Де-Лапрадъ начинаетъ съ первыхъ и, къ сожалѣнію, недоконченныхъ страницъ его жизни и богатыхъ трудовъ; преимущественно съ «*La confession d'un enfant du siecle*», смѣлость котораго, во всякомъ случаѣ, извиняется его неподдѣльною искренностью. Онъ представляетъ его такимъ, какимъ онъ есть и въ-самомъ-дѣлѣ, съ воплями его жалобъ, со всею его горечью, заблужденіями и скептицизмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, со всѣми его высокими пробужденіями радости, надеждъ, любви и вѣры; и дѣйствительно, Альфредъ де-Мюссе при всемъ своемъ скептицизмѣ, былъ все-таки въ душѣ — поэтъ-спиритуалистъ, и притомъ, единственный спиритуалистъ романтической школы, поэтъ, хотя и глубоко уязвленный въ самую глубину своего сердца, хотя и израненный самыми ужасными, кровавыми ранами, но все-таки завершающій дивнымъ гимномъ слезъ, слезъ вызванныхъ безконечнымъ стремленіемъ къ безсмертному идеалу, крикъ отверженія и скептицизма.

Но, къ сожалѣнію, г. де-Лапрадъ не пошелъ такъ далеко, не заглянулъ глубже въ сокровенный смыслъ этой поэтической личности, а ограничился только слѣдующими словами: «за недостаткомъ вѣры Альфредъ де-Мюссе получилъ даръ слезъ»; въ этомъ ужасномъ анализѣ сердца, въ «этой столь живой существенности такъ и хочется подслушать исповѣдь. Не долженъ-ли былъ плакать тотъ, кто «вызывалъ столько искреннихъ слезъ и у своихъ идеаловъ, и у своихъ читателей. И мы были ему благодарны за эту «правду слезъ, за эту правду его внутренней кручины, поднимавшую свой голосъ въ то самое время, когда мы были

«затоплены въ морѣ безчисленныхъ неестественныхъ, искусственныхъ поддѣлокъ подъ вопль искренняго нелицемѣрнаго «горя.»

Что же касается до его критическихъ взглядовъ, то въ этомъ отношеніи, я предпочитаю, передъ всѣми прочими, взглядъ его на *Rolla*; взглядъ, дѣйствительно отличающійся вѣрностью и, такъ сказать, *возвышенностью* своего рода: «Чтобъ возвыситься за одинъ разъ и своимъ изобрѣтеніемъ, и моральнымъ смысломъ, Альфреду де-Мюссе нужно было только посовѣтоваться со своимъ собственнымъ вдохновеніемъ»... Нѣсколько страницъ изъ Донъ-Жуана останутся намъ памятны навсегда — душа поэта видна здѣсь совершенно.

Въ его снисходительныхъ глазахъ, это есть стремленіе къ идеалу, это — безконечность, которую преслѣдуетъ Донъ-Жуанъ среди своихъ безчисленныхъ и мимолетныхъ похожденій. Но не будемъ спорить съ поэтомъ, лучше отдадимся душою всей прелести его стиха! Есть-ли гдѣ у насъ другой подобный стихъ, который-бы выливался съ такимъ вдохновеннымъ порывомъ, который-бы живѣе увлекалъ насъ своею гармоническою мелодіей?... Этотъ-то порывъ, это стройное вдохновеніе блещетъ еще оригинальнѣе, еще своеобразнѣе и сильнѣе въ причудливомъ и великолѣпномъ созданіи — *Rolla*. . . . .

Съ какой тоской и томленьемъ, съ какимъ глубокимъ душевнымъ страданіемъ, обращается онъ къ нему, съ исканіемъ, съ вызовомъ Бога, съ какою нѣжностью лобзаетъ онъ знаменіе того, котораго считаетъ мертвымъ, но котораго хотѣлъ бы обожать! До-тѣхъ-поръ эта симпатическая и даже наивная душа въ угоду толпѣ старалася скрыть свой истинный характеръ подъ маской ироніи и отвращенія. *Эта натура, нѣжная и насмѣшливая, простая и хитрая, кажется какъ-будто боялась насмѣшки, — до такой степени она была сильна въ ней!*

Не возможно ужъ лучше высказать подобный этому, безпристрастный судъ! Я не могу цитировать всѣхъ прекрасныхъ

мѣсть, которыми такъ богата рѣчь г. де-Лапрада, но мнѣ хотѣлось бы еще сообщить вамъ изъ нея одинъ только отрывокъ о комедіяхъ и пословицахъ (proverbe) Мюссе. Впрочемъ, эти произведенія, столь остроумныя, столь игривыя и милыя, извѣстны вамъ болѣе нежели намъ; вы первые аплодировали имъ въ партерѣ Михайловскаго театра, и только теперь, г-жа *Allan*, уѣзжая отъ васъ, перенесетъ ихъ, вмѣстѣ со своею бойкой игрой, на парижскую сцену, чтобы помириться съ нею.

Вотъ, что говорить объ этихъ произведеніяхъ г. де-Лапрадъ:

«*Фантазія* — была муза, которой особенно сочувствовалъ поэтъ, и она нисколько не старалась связать своими крѣпкими узами тѣ безчисленные цвѣты, которые рождались изъ-подъ его бойкаго пера. Но сколько картинъ, достигающихъ до совершенства въ самихъ себѣ, сколько рельефныхъ образовъ, быстро и бойко очерченныхъ въ этихъ рамкахъ, столь эластически-элегантной отдѣлки!... Эта свободная, искренне-комическая и глубоко задуманная сцена, сцена Молиера, по которой съ такимъ искусствомъ разсыпана граціозность Мариво, озарится молніей Шекспира».

И надо согласиться, что въ этомъ опредѣленіи, дѣйстви-тельно заключается вся драматическая генеалогія Альфреда де-Мюссе.

Г. Витѣ, предсѣдательствовавшій въ этомъ собраніи, сказалъ въ отвѣтъ новоизбранному сочлену небольшую рѣчь, написанную, быть-можетъ, съ меньшею *цветистостью*, чѣмъ у г. де-Лапрада (которою, надо правду сказать, слишкомъ уже щеголяетъ почтенный поэтъ), однако болѣе твердую и рѣзкую.

«Вы рождены совершеннымъ антиподомъ въ отношеніи къ Альфреду де-Мюссе, сказалъ онъ де-Лапраду съ милою ироніею, вы даже никогда и не видали его, но, при всемъ томъ очертили его удивительно вѣрно». И онъ съ большимъ достоинствомъ высказалъ заслуги новаго академика въ отношеніи вкуса и языка. Потомъ, вооружаясь, съ порывомъ искренняго убѣжденія, противу равнодушія къ дѣлу поэзіи, въ эпоху всеобщаго поклоненія однимъ матеріальнымъ инте-

ресамъ, онъ какъ-нельзя болѣе кстати привелъ этотъ отрывокъ изъ стихотворенія де-Лапрада :

«Plus haut! Encore plus haut! vers ces hauteurs sereines,
 Ou les bruits de la terre, ou le chant des sirènes,
 Ou les doutes railleurs ne nous parviennent plus;
 Plus haut dans le mépris des faux biens qu'on adore,
 Plus haut dans le combat dont le ciel est l'Engeu;
 Plus haut dans vos amours; monter, monter encore,
 Sur cette échelle d'or qui va se perdre en Dieu.»

II.

Но пора теперь поговорить и о театрѣ. Прежде всего я считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на комедію Эмиля Ожье и Фусье, — «*Un beau mariage*», данную на театрѣ Гимназіи. Гг. Эмиль Ожье и Фусье извѣстны и у васъ, я думаю на столько-же, на сколько и у насъ, въ Парижѣ. Они еще прежде дали *Водвиллю* двѣ довольно порядочныя пьесы: «*le Mariage d'Olympe*» и «*les Lionnes pauvres*». Впрочемъ новая ихъ пьеса достаточно разнится отъ двухъ этихъ, хотя и нельзя вполне опредѣлительно сказать о ней, что она такое въ сущности: названа она, пожалуй, комедіею, но приближается болѣе къ драмѣ, и если въ ней не плачутъ, какъ зачастую случается на *l'Ambigu*, то зато нерѣдко внутренно содрагаются какъ на театрѣ *à la Porte Saint Martin*.

Герой этой комедіи — Пьеръ Шамбо, бѣдный неизвѣстный ученый, который женатъ на дочери одной очень богатой вдовы и живетъ у нея въ домѣ. Эта вдова, хотя и выдала за него свою дочь, однако не дала за нею никакого приданого. Пьеръ Шамбо тотчасъ-же понялъ свое незавидное положеніе въ этомъ домѣ, гдѣ на каждомъ шагу его третируютъ, почти какъ лакея — вотъ положеніе его на сценѣ, въ продолженіе двухъ актовъ, Клементина, его жена, воспитанная въ глубокомъ уваженіи къ своему приданому — богатству своей матери, не чувствуетъ къ мужу ни малѣйшей любви и, кажись, даже презираетъ его немножко за его бѣдность. Теща его — г-жа Бернье, ни болѣе, ни менѣе, какъ простая мѣщанка, крайне деспотическая баба, которая

занимаетъ ему деньги (она никому ничего не даетъ даромъ) на огромные проценты. Бѣдному ученому приходится играть крайне жалкую и печальную роль въ этой семейкѣ, въ которой роли значительныя, такъ сказать *внѣшнелюбныя* выдались на долю двухъ довольно комическихъ господъ — маркиза де-Ларошъ Пиньолё, вѣчнаго опернаго закулисника и *эксъ-красавца*, который раззорился, что называется въ пухъ и прахъ, и на долю друга его барона де-Лапалюдь, самозванца-ученаго и самозванца-дворянина. Это господинъ, который титулуетъ себя кандидатомъ *Института*, присваиваетъ себѣ всѣ открытія Шамбо. И эти-то два друга довольно хитро оспариваютъ руку богатой вдовы и ведутъ дѣло съ тою особенною, свѣтскою *rouerie de bon aloi*, какъ говорятъ Французы, которая, надо сказать по правдѣ, одна-то только и составляетъ всю комическую сторону этой комедіи.

Пьеръ Шамбо, угнетенный до послѣдней степени безпрестаннымъ униженіемъ и слишкомъ уже накопившейся на сердцѣ горечью, наконецъ, осмѣянный всѣми, покидаетъ домъ тещи и возвращается въ прежнюю мансарду, къ своимъ химическимъ печамъ. Онъ давно уже преслѣдуетъ великое химическое открытіе — растопленіе газа (*liquefier*). Шамбо производитъ въ присутствіи нѣсколькихъ людей довольно отважный опытъ, который долженъ продолжаться семь минутъ, и если въ продолженіи этого времени не лопнетъ банка и не убьетъ на мѣстѣ безстрашнаго ученаго; то открытіе увѣнчается полнѣйшимъ торжествомъ. Во время представленія, точность времени въ исполненіи опыта довели до такой мелочности, что не украли даже ни одной секунды.

Какъ видите — моментъ очень эффектный — вѣроятно вы ужъ и ожидаете эффекта *театральнаго*, внезапнаго выстрѣла изъ банки и окровавленнаго тупа Шамбо — ни чуть не бывало: опытъ удался совершенно — Шамбо торжествуетъ; однако, надо замѣтить, что во время опыта, даже дамы, не говоря уже о мужской половинѣ публики, не выказали ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшей тревоги томительнаго ожиданія: чѣмъ-то разрѣшится этотъ моментъ? — все прошло очень спокойно, очень равнодушно. Эта сцена довольно новая, довольно ориги-

нальная, по небывалому еще перенесенію на театр — химія, сцена, въ которой даже не были пощажены и химическіе научныя термины, могла-бы имѣть успѣхъ на театрѣ des Boulevards; разумѣется, при условіяхъ эффектнаго трагическаго окончанія, взрыва, смерти и т. п. но, такъ какъ она принадлежитъ легкой комедіи, то мы, разумѣется, совершенно вправѣ желать ей счастливаго окончанія, а непосредственно за нею, счастливаго окончанія и самой комедіи, — ну, и дѣйствительно, къ общему удовольствію, она, какъ водится, разрѣшается примиреніемъ мужа съ женою, которая узнавъ, что онъ затѣялъ что-то необыкновенное и черезъ чуръ уже отважное, отыскиваетъ его лабораторію и съ замираніемъ сердца стоитъ, прислушиваясь, за дверью ровно семь минутъ, послѣ чего (опять таки, какъ водится) бросается къ нему въ объятія, слѣдуетъ сцена примиренія и всеобщаго счастья и — комедіи конецъ.

Въ настоящее время «*Le beau mariage*» имѣетъ успѣхъ и даже очень большой успѣхъ, который, впрочемъ, не даромъ былъ отданъ этой пьесѣ; дѣйствіе идетъ и развивается весьма стройно, среди цѣлаго фейерверка остротъ, эпиграммъ, игры словъ и даже каламбуровъ, которыхъ не пожалѣлъ-таки на этотъ разъ Эмиль Ожье, какъ, бывало, и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ; онъ, кажется, рѣшительно неистощимъ; — это неисчерпаемый сосудъ ироніи и злости, хоть и не совсѣмъ аттическаго свойства, но все-таки хорошей французской соли.

Скрибъ не былъ такъ счастливъ со своими «*Rèves d'amour*» на *Theatre Français* — они какъ-то быстро и незамѣтно испарились при шиканьи и свистѣ.

А вотъ, напротивъ, я могу предсказать успѣхъ пятиактной комедіи въ стихахъ «*Le droit chemin*», которую давали третьяго дня въ Одеонѣ: она принадлежитъ г. *Latour de Saint-Ubalo*, очень даровитому драматическому поэту, литературная жизнь и убѣжденія котораго, какъ нельзя болѣе, согласуются съ названіемъ даннымъ имъ своей пьесѣ.

Мы присутствовали при первомъ блестящемъ ея исполненіи на сценѣ Одеона: впрочемъ, о ней — до слѣдующей бесѣды.

Теперь же мы не можемъ пройти молчаніемъ одно изъ замѣчательныхъ музыкальныхъ произведеній драматическаго искусства; произведеніе, которому выпало на долю быть чуть-ли не триумфомъ нашей французской школы, въ настоящемъ году. Мы говоримъ о «*Фаустъ*» — оперѣ г. Гуно (Gounod). Ужъ сколько разъ это гениальное произведеніе германскаго поэта появлялось на всевозможныхъ сценахъ, во всевозможныхъ видахъ: его коверкали, его изворачивали, пародировали, обрѣзывали совершенно уродски, его оскорбляли — да чего еще лучше — въ наше же время безстыдство (именно, безстыдство) дошло до того, что изъ него выкроили.... балетъ!.. Могло-ли быть что-либо оскорбительнѣе и безобразнѣе этого?.. Признаюсь, я и теперь ожидаю новаго оскорбленія этому дивному созданію, особенно въ либретто, потому что во всякомъ случаѣ, считаю довольно дерзкимъ дѣломъ рѣшимость аранжировать для разныхъ музыкальныхъ нуждъ и условій, такую грандіозную, стройную и музыкальную вещь. Я менѣе боялся за композитора — онъ въ мірѣ звуковъ, какъ у себя дома: міръ его — міръ фантазіи, мечты, страсти и безпредѣльности; слѣдовательно, онъ болѣе безопасенъ, и подлежитъ только критикѣ музыкальной.

Впрочемъ ужъ это не первая опера, которую пытались писать на гениальную гетевскую тему. Есть одна г. Шпора въ репертуарѣ нѣмецкомъ и дѣвицы Бертонъ — въ итальянскомъ. Ричардъ Вагнеръ и Линдпайнтнеръ вдохновлялись ею въ своихъ увертюрахъ, Листъ взялъ ее для симфоніи, а Берлиозъ во Франціи создалъ изъ нея свою «*La Damnation de Faust*» — великая симфонія, которая составляетъ лучшую страницу его до крайности эксцентрическихъ созданій.

Однако, не смотря на сочиненіе Шпора и дѣвицы Бертонъ, Фаустъ все-таки не существовалъ какъ опера въ настоящемъ значеніи этого слова — теперь дѣло сдѣлано и недостатокъ этотъ пополненъ на нашемъ лирическомъ театрѣ.

Мы не будемъ на этотъ разъ анализировать сценической обстановки и либретто, потому что оба либреттиста, люди съ тактомъ и со вкусомъ, религіозно уважали твореніе Гете и укоротили въ немъ только то, чего не возможно было по-

ставить на французскую сцену, соображаясь съ ея условіями и законами.

Чувствуешь, что г. Гуно, съ его мечтательнымъ и спокойнымъ созерцаніемъ, былъ весь вдохновенно пропитанъ духомъ своего идеала. Онъ жилъ, онъ чувствовалъ, онъ думалъ съ нимъ, раздѣляя его радости и печали, его экстазъ, его изнеможеніе и его любовь. Въ этомъ произведеніи выяснилось совершенное приравненіе музыки со словомъ, вполне родственное и повятное между ними, потому что музыка есть языкъ *безконечнаго*, которая звучитъ въ соединеніи съ душею, если можно такъ выразиться, употребляя счастливое выраженіе критика Монитера.

Въ этой оперѣ нѣтъ увертюры; короткая инструментальная интродукція прямо приготовляетъ васъ къ этой драмѣ, которая тотчасъ же готова развернуться; двѣ личности, Фаустъ и Маргарита, какъ два антитеза, встаютъ передъ глазами зрителя: одинъ, полный ироніи и сарказма нечестиваго разврата; другая—олицетворенная кротость и чистота, даже въ самомъ паденіи. Въ первомъ актѣ заключаются только двѣ сцены—это скорѣй предисловіе, или такъ сказать, изложеніе предмета. Фаустъ одинъ. Онъ изъясняетъ свое отвращеніе къ жизни и рѣшается самоубійствомъ покончить расчетъ съ нею и со своими мученьями. Но вдругъ вдали слышались пѣсни поселянъ, онъ вслушивается въ эти звуки и они на минуту снова привязываютъ его къ этой жизни, растраченной имъ по пустому. Но это чувство было мимолетно — отчаяніе возвращается съ новою силою и онъ въ дикой ярости призываетъ злого духа. Мефистофель является. Фаустъ проситъ его воротить ему минувшую молодость. Дьяволъ соглашается, но, разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ, потому что сатана ничего вѣдь не даетъ даромъ и для того, чтобы поскорѣй выманить у старика его душу, онъ являетъ ему образъ Маргариты, которая сидитъ за самопрялкой. Эффектъ этой декорации удивительный, въ соединеніи съ оркестромъ, въ которомъ слышится мотивъ пѣсни *du Rouet*.

Дуэтъ договора съ дьяволомъ не показался мнѣ слишкомъ грандіознаго свойства, однако задумалъ онъ хорошо и выходитъ весьма оригиналенъ. Второй актъ, который скорѣй

можно бы было назвать первымъ, открывається хоромъ въ шесть голосовъ, хоромъ, полнымъ увлеченія, форма котораго напоминаетъ прекрасные хоры среднихъ вѣковъ—это вальсъ, подъ которымъ и Веберъ не задумался бы подписать свое имя и который вѣроятно въ самомъ непродолжительномъ времени появится во всѣхъ нашихъ салонахъ; жаль только, что и ему не избѣжать нашего *Mabille*, послѣ чего ужъ разумѣется, онъ въ исковерканномъ видѣ сдѣлается жертвою варварскихъ шарманокъ. Вальсъ прерванъ прибытіемъ Маргариты, которую Фаустъ встрѣчаетъ съ фразой: «*ne permettez vous pas, ma belle demoiselle?*» Фраза эта съ акомпаниментомъ оркестра — истинное великолѣпіе! Третій актъ весь происходитъ въ саду Маргариты. Арія Фауста: *Salut de teure chaste et pure*—вещь замѣчательной красоты, признаемся, она насъ тронула до слезъ, хотя въ партерѣ прошла почти незамѣченною; странно, но дѣйствительно—это было единственное мѣсто въ оперѣ, которому, не смотря на всю его глубокою красоту, менѣе всего хлопали, словно и не замѣтили его вовсе. Сцена возвращенія Маргариты въ домъ—восхитительна. Мы даже не можемъ выразить сколько было граціи, наивности и простоты въ этихъ двухъ стихахъ; которые г-жа Miolan-Carvalho фразировала съ такою неподражаемой, несравненной манерой.

«Je voudrais bien savoir quel était ce jeune homme
Si l'est un grand seigneur et comment il se nomme».

Дѣва, еще окруженная своими ангелами, въ то самое время, когда вокругъ ея цѣломудреннаго жилища бродитъ обольститель, садится за свою самопрялку напѣвая тихонько старую балладу—эта арія написана въ строгомъ грустномъ стилѣ, что даетъ ей такъ сказать, готическій характеръ, который весьма приспособленъ къ предмету — вотъ истинный и здоровый реализмъ! Намъ менѣе нравится арія *des Vigoux*, которую поетъ Маргарита, примѣряя свои наряды — она ни мало не идетъ къ дѣлу, потому-что не примѣнена къ положенію и вслѣдствіе этого нѣсколько уменьшаетъ интересъ. Но что прикажете дѣлать! — ужъ это необходимо—это есть ничто иное, какъ своего рода контрибуція, отъ которой не освобод-

ждались даже и такіе знаменитые композиторы, какъ Россини, контрибуція наложенная пѣвицами, которыя вообще любятъ выказывать свое умѣнье и искусство въ затѣйливыхъ и трудныхъ руладахъ, но на этотъ разъ слава Богу еще, что рулады эти исполняетъ г-жа *Miolan*.

Квартетъ Мефистофеля, старой Марты, Маргариты и Фауста выдержанъ прекрасно и начиная отсюда до самаго конца акта всему надо удивляться, всему надо аплодировать — отъ дуэта любви, до пѣсни Маргариты у ея окошка, гдѣ она призываетъ въ свидѣтели опьяняющаго ея счастья и звѣзды, и небеса, и безконечную, вѣчную природу — эта истома, этотъ экстазъ, полный какой-то болѣзненности, полный нѣмецкаго *Sehnsucht*, это упоеніе еще цѣломудренное, которое краснорѣчиво оканчивается послѣднимъ призывнымъ крикомъ Маргариты къ своему возлюбленному, — неподобны, во всѣхъ отношеніяхъ!

Четвертый актъ представляетъ намъ Маргариту уже покинутую... Она еще поетъ арію *du Rouet*, но уже со слезами стыда и униженія. Возвращеніе брата ея Валентина, возгласы товарищей его по оружію, признаніе Маргариты, дуэль и смерть ея мстителя — всѣ эти сцены великолѣпно выдержаны. Декорація перемѣняется посредствомъ какого-то удивительнаго механизма, который до-сихъ-поръ еще не былъ употребляемъ на театрѣ. Вообразите себѣ соборъ, который вдругъ открывается передъ вами и дивно развертывается со всѣми его рельефными коллоадами, арками и готическими окнами. Маргарита молится въ церкви. Невидимый Мефистофель хочетъ заглушить въ ней даже раскаяніе и угрожаетъ ей во имя неба вѣчнымъ наказаніемъ и мукой. Г. Гуно возвысился здѣсь, мы говоримъ безо всякаго преувелченія, до высоты великихъ маэстро религіозной музыки, какъ Марселло, Гайдигъ и Бетговенъ.

Мы боялись только за одно, достанетъ-ли этого небеснаго вдохновенія для пятаго акта; однако хоть онъ и нейдетъ въ уровень съ четвертымъ, но надо согласиться, что и безъ того заключаетъ въ себѣ много первоклассныхъ красотъ и между прочимъ дуэтъ сумасшествія, гдѣ воспоминаніе о садѣ и вальсъ смѣшивается въ помраченномъ умѣ

бѣдной Маргариты, потомъ удивительное тріо и блистательная апотеоза.

На дняхъ въ *Palais de l'industrie* было великолѣпное собраніе шести-тысячъ арфеонистовъ изъ Парижа и изъ провинцій. Мы также присутствовали на этомъ собраніи въ числѣ комисаровъ празднества, и поэтому случаю были приглашены на бесплатный спектакль, который давалъ Наполеонъ III арфеонистамъ. Это послѣднее было для насъ очень пріятно, потому-что до-тѣхъ-поръ мы еще не видали новаго произведенія Фелисіана Давида — Геркуланумъ, о которомъ — до слѣдующей бесѣды.

Парижъ, 30-го апрѣля 1859 г.

Между публикаціями, листками и брошюрами, имѣющими минутный, дневной интересъ, которые такъ сильно наводнили въ послѣднее время наши книжные магазины, появляются и серьезные книги — труды независимые отъ современныхъ биржевыхъ и политическихъ интересовъ, не занимающіе у нихъ ровно ничего; труды, которые помимо дневнаго значенія имѣютъ значеніе болѣе серьезное, болѣе прочное — значеніе обще-человѣческое, и принадлежатъ какъ настоящему, такъ равно и будущимъ временамъ; къ числу такихъ-то трудовъ безспорно принадлежитъ замѣчательная книга Гизо — *L'Histoire de la Civilisation*.

Восходя до той эпохи, когда цивилизаціи древняго міра исчезли подъ волнами варварскихъ наплывовъ, которые наводнили собою всю древнюю Галлію и разрушили римскую имперію, Гизо развернулъ въ своемъ изслѣдованіи, чуждомъ всякой сухости и рутинѣ, такую блестящую эрудицію, такое благородство мысли, умѣренный и строгій стиль языка, которые, по истинѣ, ставятъ его сочиненіе на завидную высоту между всякого рода добросовѣстными историческими работами.

Всѣ цивилизаціи, — говоритъ онъ — совершались подъ вліяніемъ одной исключительной идеи: въ Египтѣ — теократія, въ Греціи — демократія, въ Римѣ — побѣда и завоеванія; въ

новой Европѣ, напротивъ всѣ эти формы споспѣшествовали къ видимымъ и въ наше время конечнымъ результатамъ: монархіи, аристократизму и республикѣ; сплавленіе этихъ трехъ конечныхъ началъ ведетъ къ стройному союзу или скорѣе къ *соединенію власти со свободой*, поддерживаемыхъ въ непрерывномъ и полномъ равновѣсіи — вотъ, сколько мы могли уразумѣть изъ сущности изслѣдованія Гизо, вся его система, ключъ къ его творенію и главная его идея.

Онъ говоритъ, что націи вообще не цивилизуются путемъ благосостоянія торговли и промышленности (однако Англичане и Голландцы живой примѣръ противнаго), но болѣе путемъ нравственнаго развитія.

Зрѣлище подобнаго моральнаго и социальнаго развитія, въ настоящую минуту, представляетъ глазамъ Европы — Россія и вотъ подобное-то морально-соціальное развитіе Гизо ставитъ въ главѣ прогрессивнаго движенія каждой цивилизаціи.

Разумное движеніе проявляется, по его мнѣнію, въ двухъ довольно различныхъ феноменахъ: въ совершенствованіи *индивидуальномъ* и совершенствованіи *соціальномъ*; но если одно нейдетъ въ параллель другому, то тотчасъ же являются обоюдныя замедленія и препятствія, какъ неизбежное слѣдствіе развитія одного элемента на счетъ другого.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ спѣшитъ прибавить, что Христіанство имѣетъ болѣе *человѣчное*, чѣмъ *организательное* примѣненіе и ведетъ только къ *улучшенію* человѣка, однако это заключеніе, кажется намъ несовсѣмъ-то справедливо и отзывается нѣсколько протестантизмомъ въ узкомъ его значеніи; намъ кажется напротивъ, что разумное примѣненіе социальныхъ принциповъ чистаго, незатемнѣннаго поповскими теоріями Христіанства, и сознательно точное выполненіе ихъ, во всѣхъ человѣческихъ актахъ, привело бы къ самой совершеннѣйшей конституціи, какую только можно желать для блага всего человѣчества.

Но вотъ, господа, если у кого поискать настоящей исторіи цивилизаціи, такъ это у Эдуарда Фурнье. Вотъ истинно археологъ, ученый, и вмѣстѣ съ тѣмъ веселый, находчивый и остроумный — качества, почти исключитель-

ныя, небывалыя въ археологѣ; археологъ, который въ то время, когда молотъ разрушенія сбивалъ столь много добрыхъ и дряхлыхъ вещей стараго Парижа, уничтожалъ безъ всякаго почтенія, безъ всякаго сожалѣнія даже всѣ слѣды знаменитыхъ воспоминаній, зарылся въ пыли этихъ развалинъ, чтобы вытащить на свѣтъ Божій нѣсколько почтенныхъ остатковъ старины, спасти нѣсколько достопримѣчательныхъ пергаментовъ.

Его «*Paris démolie*» составляетъ еще одинъ вкладъ въ сумму этихъ небольшихъ, но чрезвычайно милыхъ сочиненій, какъ напримѣръ: *Variétés historiques et littéraires*, *Histoire des Hôtelleries et Cabarets*, *L'esprit des autres*, и *L'esprit dans l'histoire*. Этотъ Эдуардъ Фурнье — великій правдивый судья и ужасный инквизиторъ; онъ отдаетъ справедливость за гробомъ, воздастъ кесарево кесарю — это его правило, его девизъ; и теперь этотъ девизъ примѣнилъ онъ самымъ достойнымъ образомъ къ прекрасному повому изданію въ двухъ томахъ, подъ остроумнымъ заглавіемъ: *Le vieux neuf* *), гдѣ всѣ открытія и новѣйшія изобрѣтенія окончательно утверждены за тѣмъ, кому они дѣйствительно принадлежатъ по праву.

Вообще въ Фурнье вы находите познѣйшее оправданіе мудрѣйшей истины, которую почтенный Соломонъ написалъ по-еврейски, а мы передадимъ хоть по-латыни: «*nil sub sole novum!*» — старая пословица, которую Фурнье могъ бы вознести даже до праотца Ноя. Старый англійскій поэтъ Чаузеръ недаромъ-же писалъ въ XIV вѣкѣ, что «*только то ново, что старо*» и вѣдь почти пятьсотъ лѣтъ послѣ него М-Се Бертанъ, модистка Маріа Антуанеты, говорила, обновляя какую-то старомодную бездѣлушку: «*только то ново, что позабыто*».

Всеѣдущій авторъ книги «*Vieux neuf*», вѣроятно вспомня это мудрое слово, которое въ продолженіе столькихъ вѣковъ переходило изъ устъ царя Соломона въ уста поэта, а изъ устъ поэта въ уста модистки и нисколько не утратило своей истины, принялся за свой трудъ, чтобы еще разъ оправдать

*) 2 vol. Chez Dentu, editeur galerie d'Orleans.

эту мудрую истину. А впрочемъ можетъ быть — почесть знать — можетъ быть и то, что онъ вдохновился статью Шарля Нодье въ *Bulletin du bibliophile* за августъ мѣсяцъ 1835 года.

Во всѣхъ цивилизаціяхъ, которыя идутъ впередъ и въ особенности во Франціи, гдѣ цивилизація просто галопируетъ, а не идетъ, есть какая-то неодолимая склонность къ новому и непреодолимое отвращеніе къ старому, а между тѣмъ цивилизація не догадывается, да впрочемъ нѣтъ!... что я говорю: *не догадывается* — просто сказать, *не понимаетъ* той простѣйшей и весьма немудреной штуки, что все новое выкраивается изъ *старого*, да впрочемъ и то сказать — вѣдь въ новѣйшемъ, современномъ намъ обществѣ и не можетъ быть иначе.

То, что Шарль Нодье только предвидѣлъ и означилъ, Эдуардъ Фурнье возстановилъ и доказалъ.

Научный слогъ его, хотя и серьезенъ, однако очень остроуменъ и очень занимателенъ, такъ что я намѣренъ представить вамъ нѣсколько образчиковъ его:

«Вѣроятно *всѣ* думаютъ, что Макадамъ (Macadam) есть изобрѣтеніе г-на Макъ-Адама (Mac-Adam, Esquire) и что прививаніе оспы — открытіе доктора Дженнера; итакъ исключая имени макадамъ былъ употребляемъ на дорогахъ въ римской Галліи, а прививаніе оспы было извѣстно въ Индостанѣ.

«А Суэцкій каналъ? Древніе прорыли его со стороны Краснаго моря до Нила, а въ XVI вѣкѣ Португальцы открыли гигантскія работы для открытія канала Панамакаго, вопросъ, который, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ новѣйшихъ вопросовъ нашихъ громаднѣйшихъ промышленныхъ предпріятій.

«Мы всякій день на четвертой страницѣ разныхъ газетъ читаемъ объявленія г-на *de-Foy*, перваго прожектора и основателя матримоніальнаго агентства, тогда какъ еще въ 1732 году въ городѣ Гамбургѣ существовало уже одно подобное объявленіе, откуда и почерпнута слѣдующая превосходная *реклама*:

«Дама пятидесяти-девяти лѣтъ, которая вотъ уже три недѣли какъ имѣла несчастье овдовѣть въ четвертый разъ, ищетъ молодаго человѣка двадцати-шести лѣтъ, здороваго и спльнаго. Онъ будетъ жить съ нею настоящимъ большимъ бариномъ: она ему даетъ великолѣпный экипажъ и пр. Заботъ ему не предстоитъ никакихъ и ни о чемъ. Онъ будетъ ея единственнымъ наследникомъ».

Итакъ не со вчерашняго таки дня начались матримониальныя рекламы подобнаго рода.

Еще съ шестнадцатаго столѣтiя пытались объяснять музыкальныя звуки математическими формулами и цифрами и вотъ ровно сто лѣтъ, какъ Лабордъ заставилъ двигаться клавиши въ клавишнѣ посредствомъ электричества, замѣченнаго гораздо ранѣ Гальвани французскимъ анатомистомъ *du-Verney*.

Эдуардъ Фурнье болѣе чѣмъ интересенъ — онъ трогателенъ, когда рассказываетъ несчастья Папена, перваго ученаго, который открылъ возможность примѣненiя паровъ къ ходу судовъ и кораблей; его рассказъ становится чрезвычайно занимателенъ, когда онъ говоритъ, какъ Папенъ жилъ за границей и производилъ опыты надъ своею лодкою на одной германской рѣкѣ. Опытъ удался совершенно; но зависть нѣкоторыхъ людей сдѣлала то, что бѣдный ученый былъ признанъ шарлатаномъ и сумасшедшимъ.

Примѣры подобной черной неблагодарности вообще не рѣдко встрѣчаются въ исторiи, и мы, право, можемъ быть благодарны Эдуарду Фурнье, не говорю за трудъ его: за то благодарность само собою, но и за этотъ правдивый рассказъ, въ которомъ онъ все-таки отомстилъ память такъ несправедливо поруганнаго Папена.

Нельзя не остаться благодарнымъ Эдуарду Фурнье и за то также, что онъ на основанiи своихъ изслѣдованiй доказалъ, что приписываемое Фультону открытiе и примѣненiе къ ходу лодки пароваго насоса, какъ двигателя, вовсе не есть его открытiе, а принадлежитъ маркизу Жофруа, который сдѣлалъ его гораздо ранѣ, и просилъ у правительства средствъ для произведенiя опытовъ; но благоразумное правительство, вѣроятно, изъ разныхъ видовъ экономiи, и при-

томъ, принимая въ соображеніе положительную *глупость*, круглую *нелпность* этого предпріятія, какъ и всегда, заблагоразсудило отказать бѣдному ученому, который послѣ этого благоразумнаго отказа рѣшился бросить разъ навсегда всякую надежду на осуществленіе своей идеи. Впрочемъ, и самъ Фультонъ въ обстоятельствѣ довольно — такъ щекотливомъ призналъ заслугу Жофруа. Когда онъ, увѣнчанный славою своего открытія, возвратился въ Парижъ, и здѣсь-то неожиданно встрѣтилъ себѣ довольно значительную парализацію со стороны академіи. При оспориваніи своего открытія другимъ претендентомъ, онъ прямо отнесъ его доводы къ открытіямъ, сдѣланнымъ на рѣкѣ Саонѣ еще въ 1783 году маркизомъ де-Жофруа, который, слѣдовательно, по собственному его сознанію, опередилъ ихъ обоихъ.

Можно пойти *все наше новое* въ *Vieux neuf* и англійскіе сады, родившіеся въ воображеніи комическаго поэта Фрессей; законы новѣйшей гимнастики, возобновленной Галеномъ; омнибусы — идея Блезъ-Паскаля, которые ходили еще во время Людовика XIV; каучукъ, изслѣдованный въ 1749 году, капитаномъ Фресно, который предвидѣлъ его будущую счастливую судьбу; наконецъ дамамъ, вѣроятно, очень любопытно будетъ знать, что кринолина появилась впервые *въ XVI вѣкѣ!* и что образцы тѣхъ самыхъ шелковыхъ матерій, *на право изобрѣтенія* которыхъ забиралась патенты въ наше-же время, были извѣстны еще Карлу Великому; только тогда они приходили къ намъ съ востока, нашего старшаго брата въ дѣлѣ цивилизаціи.

Мы только успѣли просмотрѣть эту остроумную и весьма легкую для чтенія книгу, однако не можемъ покончить съ нею безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ изъ ея предисловія, противу тѣхъ нареканій, которые, вѣроятно, могли бы быть къ-мъ-нибудь сдѣланы ей. Не надо вовсе думать, что Фурнье умъ печальный, суровый, порицающій съ презрѣніемъ свое время, свою эпоху, свой вѣкъ, — вотъ яркое доказательство совершенно противнаго:

«Мы скажемъ всегда если наша эпоха и не была эпохою геніальныхъ, великихъ созданій, движимыхъ первичными геніальными идеями, за то она стала эпохой приложенія и

дальнѣйшаго развитія идей, эпохой уевершенствованія и дополненія множества великихъ открытій и идей, примѣненія ихъ къ простой, практической жизни, къ полезному труду, эпохой всеобщаго ихъ пониманія и принятія.

«Наша эпоха есть эпоха могучей, громадной практической производительности, обильная и серьезная, приготовившая здоровую почву дѣятельности и тѣ сѣмена, которыя были брошены въ нее предъидущимъ временемъ, возростали такими прекрасными цвѣтами на глазахъ нашихъ предшествовавшихъ поколѣній, только теперь, въ наше время окрѣпли, завязались и наконецъ дали свѣжій, сочный плодъ.

«Намъ кажется, что первая идея того, что *должно* совершить человѣчество во все продолженіе своего существованія, зародилась еще въ первыя времена созданія нѣсколькихъ первообразныхъ индивидуальныхъ представителей его но съ однимъ только непремѣннымъ условіемъ, что зрѣлость идеи не опередитъ зрѣлости самаго человѣка. Что сдѣлалъ бы онъ, этотъ человѣкъ, въ первыя времена созданія со своей неискусной рукой и способностями ограниченными, скованными цѣпами невѣжества и рабства? Что сдѣлалъ бы онъ въ то время съ этими мертвыми матерьялами, которые ожили и получили значеніе только подъ его развитою искусствомъ рукой, подъ эгидою его свободной мысли? Чтобы сдѣлалъ онъ съ паромъ, съ типографскимъ станкомъ? (Д'Израэли полагаетъ, что Римляне знали его, но только не примѣнили къ дѣлу) Что сдѣлалъ бы онъ съ аэростатами, съ порохомъ? — ничего!... А если они и были знакомы ему прежде, то ужъ конечно не такими, какими мы ихъ знаемъ. Человѣкъ— дитя: онъ выбиралъ себѣ изъ этихъ матерьяловъ только то, что можетъ и что долженъ имѣть ребенокъ, сообразно своему возрасту. Онъ имѣлъ ихъ, да только въ первоначальномъ состояніи, и они были для него не болѣе, какъ игрушки».

Къ этимъ словамъ, столь хорошо задуманнымъ и столь хорошо сказаннымъ, да будетъ еще позволено мнѣ прибавить этотъ старій куплетъ одного риематиста, который, быть можетъ, предчувствовалъ книгу Фурнье:

Dis-je quelque chose assez belle,
L'antiquité tout en cervelle,
Me dit: «Je l'ai dit avant toi»....
L'ait une plaisante donzelle!
Que ne venait elle après moi, —
J'aurais dit la chose avant elle.

Вотъ, еще нѣчто очень старое и вмѣстѣ съ тѣмъ новое «*Les Ennéades de Plotin*», въ первый разъ переведенные на французскій языкъ инспекторомъ академіи, г. Бониле (*Bonille*), авторомъ «*Les dictionnaires Universels* *).

Послѣ діалоговъ Платона и энциклопедическаго труда Аристотеля, Эннеады составляютъ самый лучшій памятникъ греческой философіи. Конечно, въ этомъ огромномъ трудѣ встрѣчается иногда нѣчто химерическое между многими истинными воззрѣніями; пожалуй, вы можете даже посмѣяться если угодно, надъ мистическими мечтами греческаго философа и надъ его вѣрою въ демоновъ и геніевъ, но что посреди всего этого всегда будетъ достойно удивленія, такъ это «*книга о прекрасномъ*», даже послѣ двухъ превосходныхъ діалоговъ Платона. Читатели ея найдутъ въ ней высокія и благородно высказанныя мысли о добрѣ, «*которое даетъ особенный блескъ красотѣ*». Какъ не узнать въ этомъ «*прекрасномъ*», которое есть «*сіяніе добра*», знаменитую мысль, столь часто приписываемую Платону, что «*прекрасное есть сіяніе (ореола) истинны*» — мысль, которая есть самое лучшее выраженіе его доктрины.

Г. Бониле прилагаетъ къ своему переводу довольно обширныя комментаріи и примѣчанія, — читатель не можетъ на это пожаловаться, потому что нѣтъ того темнаго мѣста въ подлинникѣ, на которое не проливали бы яркій и критическій свѣтъ комментаріи — такимъ образомъ трудъ критическій совершенно пополняетъ трудъ перевода. Но самая новая и, безъ сомнѣнія, интереснѣйшая часть этого труда есть та, въ которой комментаторъ прслѣдуетъ сквозь первыя эпохи развитія Христіанизма и сквозь политико-религіозное движе-

*) Dictionnaire universel d'histoire et de géographie; Dictionnaire universel des sciences, des lettres et des arts. Les Ennéades de Plotin, 2 vol., chez Hachette.

ніе средних вѣковъ прохожденіе неоплатоническаго ученія. Онъ находитъ слѣды его — кто бы могъ этого ожидать! — у св. Августина, Кирилла и Василя, въ ученіяхъ знаменитыхъ докторовъ схоластической философіи и даже въ книгахъ Босюэта, Фенелона, Малевранша и Лейбница.

Здѣсь нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго. Въ сферѣ разума есть одна всеобщая цѣпь, звѣнья которой болѣе или менѣе тѣсно соединяютъ истинныя идеи, истинныя ученія и великіе умы — такимъ образомъ изъ вѣка въ вѣкъ передавались и ученія александрійской школы. Латинскіе переводы Марія Викторина познакомили съ ея теоріями св. Августина и теоріи эти оказали-таки свою долю вліянія на него, такъ что онъ даже позаимствовался нѣкоторыми изъ нихъ, не скрывая и источниковъ, изъ которыхъ они были имъ почерпнуты.

Изъ его трудовъ и трудовъ многихъ отцовъ греческой и римской церкви, философы подобныя Боэсу оставили среднимъ вѣкамъ довольно большой кредитъ — и такимъ образомъ теоріи неоплатониковъ перешли въ книги Скотта Эригена, св. Омы аквитанскаго и Альберта великаго, а отсюда, по преданіямъ, часто шаткимъ и сбивчивымъ, перешли къ христіанскимъ философамъ XVII вѣка, которые не разъ передавали идеи Плотина, воображая, совершенно невинно, что передаютъ идеи св. Августина. — Иллюзія весьма простительная, если принять въ соображеніе нѣкоторое сродство неоплатоническихъ идей съ идеями Христіанизма, и ученый Барониусъ дѣйствительно могъ совершенно справедливо сказать, что *академія была преддверіемъ церкви*.

Между извѣстными и наиболѣе важными публикаціями, мы можемъ означить одну, объявляющую о выходѣ новой книги «*Histoire politique et littéraire de la presse en France*», съ историческимъ введеніемъ о происхожденіи и всеобщей библиографіи журналовъ отъ самаго ихъ начала. Авторъ этого огромнаго труда г. Готанъ положилъ первое основаніе этому труду въ 1846 году, выпустивъ «*L'Histoire du Journal en France*», небольшой томъ, предназначенный, по его мысли, бросить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе періодическаго книгопечатанія и привлечь вниманіе на этотъ предметъ столь

сильнаго и разнообразнаго интереса. Въ 1853 году г. Жана, остроумный издатель *La Bibliothèque Elzevirienne*, далъ намъ второе изданіе этого сочиненія въ количествѣ экземпляровъ, которое гораздо болѣе чѣмъ вдвое превышало число экземпляровъ перваго. А теперь издатели Пуле-Маласисъ и де-Бруазъ, — торговый домъ которыхъ отличается выборомъ и эlegantностью своихъ публикацій и въ особенности вниманіемъ къ молодымъ, начинающимъ писателямъ, объявляютъ о появленіи этого огромнаго труда, который обниметъ собою періодъ времени отъ Теофраста Ренадо до Эмиля Жирардена. Газета Ренадо существуетъ теперь подъ именемъ *Gazette de France* и гордо носитъ на своемъ первомъ листѣ годъ своего рожденія; живетъ она на бѣломъ свѣтѣ ужъ 229 лѣтъ и для своихъ лѣтъ пользуется, надо правду сказать, превосходнымъ здоровьемъ. Старая газета имѣла заглавіе гораздо длиннѣе — вотъ оно, съ его орфографіей:

«Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires, relations et récits des choses avenues-tant en ce Royaume qu'ailleurs, pendant l'année»....

Это будетъ болѣе чѣмъ любопытное сочиненіе; оно представитъ намъ и довольно важный научный интересъ, потому что доставитъ богатые свѣдѣнія о нашихъ нравахъ, обычаяхъ и объ историческомъ ходѣ движенія умовъ, такъ какъ они отражаются въ нашей журналистикѣ въ теченіи двухъ вѣковой ея жизни.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская лирическая поэзія для дѣвиць. Часть первая (Жуковскій, Денисъ Давыдовъ, Козловъ, Языковъ, Дельвигъ, Баратынскій, Лермонтовъ, Кольцовъ). Спб. 1859 г. in-12°. (стр. 266).

Нельзя не привѣтствовать отъ души каждое подобное явленіе въ нашей литературѣ, которая, вообще, не такъ-то богата хорошими книгами и изданіями для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, и въ особенности, для нашихъ молодыхъ дѣвиць. Мы съ удовольствіемъ останавливаемъ вниманіе на этой вновь вышедшей книжкѣ, потому что видимъ въ ней не спекуляцію, а добросовѣстный и полезный трудъ, предпринятый человѣкомъ, заслужившимъ себѣ достойную извѣстность на педагогическомъ поприщѣ, человѣкомъ, который умно, съ большимъ тактомъ и знаніемъ, принялся за свое дѣло, сколько можно судить по первому выпуску вновь предпринятаго имъ изданія. Въ этой книжкѣ соединены восемь поэтовъ новой романтической школы, современныхъ Пушкинско́й эпохѣ и четверо изъ нихъ принадлежать собственно къ его школѣ, какъ личности разившіяся непосредственно подъ его могучимъ вліяніемъ.

Г. Стоюнинъ, не дѣлая изъ своей книги какой-нибудь новой хрестоматіи и не сталкиваясь съ хрестоматіей почти ни въ чемъ, въ отношеніи выбора пьесъ, — сдѣлалъ свой выборъ съ большимъ умѣніемъ, собравъ пьесы наиболѣе яркими красками характеризующія поэтическую личность каждаго поэта, и притомъ, пьесы отличающіяся своимъ свѣжимъ,

живымъ колоритомъ и какъ нельзя болѣе доступныя пониманію того возраста, для котораго онѣ предназначались. Не смотря на свое, въ нѣкоторомъ родѣ, все-таки специальное назначеніе, онѣ съ равною же пользою могутъ служить и для юношей, какъ для дѣвицъ, потому что выборъ ихъ, повторяемъ, безукоризненно хорошъ — въ этомъ не трудно убедиться, прочтя только помѣщенное въ концѣ книжки оглавленіе находящихся въ ней пьесъ: все, что есть лучшаго въ собственно лирическихъ произведеніяхъ избранныхъ редакторомъ поэтовъ, соединено въ его первомъ выпускѣ такимъ образомъ, что поэтическая личность каждаго изъ этихъ осьми поэтовъ ярко и сосредоточено встаетъ передъ вами почти со всѣми ея характерными особенностями. Мы сказали почти, потому что редакторъ, не смотря на свой необыкновенно вѣрный тактъ въ выборѣ и большое пониманіе, не счумѣлъ, или не хотѣлъ совершенно отрѣшиться отъ рутины. Вѣдь нынче, слава Богу, мы наконецъ понимаемъ, что значитъ истинная нравственность и истинная *безнравственность*, не такъ какъ понимали это наши бабушки, маменьки и достопочтенные наставники, которые растили насъ Господу-Богу на славу, себѣ на родительское утѣшеніе, а церкви и начальству на пользу; то, что имъ казалось вполне законнымъ и нравственнымъ, намъ уже во многомъ кажется совершенно противузаконнымъ и положительно безнравственнымъ. Наши бабушки и наши воспитатели, растившіе насъ въ страхѣ Божіемъ и, слѣдовательно, въ страхѣ начальническаго наказанія (обыкновенно голодомъ или розгой), находили верхомъ безнравственности дать въ руки молоденькой дѣвушкѣ, хоть бы Евгенія Олѣгина (о Гоголѣ ужъ нечего и говорить!), на томъ основаніи, что тамъ-де все эдакое «любовное», чего *благовоспитанной* дѣвушкѣ никогда и знать не слѣдуетъ, а въ тоже время въ ихъ глазахъ было совершенно естественно, совершенно законно и въ высшей степени нравственно внушать дѣвушкѣ, что она не, простая (*неподлая*) смертная, а *дворянка* (иногда пожалуй еще и *генеральская дочка*), что она въ будущемъ полная госпожа своихъ *крѣпостныхъ*, слѣдовательно — барыня и помѣщица, что ей нуженъ женихъ побогаче, да починовнѣе, да постарѣе, а тамъ что послѣ будетъ, — то въ волѣ Божіей... послѣ *все* бу-

детъ можно!... Имъ нисколько не казалось возмутительнымъ и то, если ихъ дочка въ порывѣ своего дворянско-барскаго негодованія, величественно била по щекамъ свою горничную, за плохо выглаженную шемизетку; — напротивъ: это такъ и должно было быть, — одна барыня, а другая холопка... Но вѣдь мы-то ужъ смотримъ на это не такъ; тоже самое и въ отношеніи воспитанія: бабушкамъ казалось, что нельзя дать внучкѣ Евгенія Онѣгина, а намъ кажется, что нужно и непременно нужно, даже *должно*, — слѣдственно, взгляды тутъ ужъ діаметрально противуположны. Правда, есть и теперь такія достойныя маменьки; но неужели же въ угоду имъ и ихъ нравственнымъ тенденціямъ редакторъ, столь хорошо понимающій свое дѣло, напустилъ на себя пошло рутинерныя взгляды узкихъ нравственно-безправственныхъ принциповъ? Для чего исключилъ онъ изъ книги, вышедшей подъ его редакціей, пѣсни *любви*, безъ которыхъ личность любого истиннаго поэта, какъ бы она ни была рельефно очерчена избранными его произведеніями, будетъ все-таки неполна, недорисована, недокончена? Ужъ если брать какого-нибудь поэта, въ его характеристекѣ, такъ надо взять и совокупить въ одно цѣлое, гармонически-стройное, всѣ проявленія его типовыхъ особенностей, хотя по нѣкоторымъ, но главнымъ фазисамъ, въ которыхъ, по возможности, съ большею полнотою вылилось и сосредоточилось какое-либо изъ этихъ проявленій типоваго, изъ которыхъ въ совокупности, слагается и выдѣляется на свою оригинальную ступень поэтическая физиогномія каждаго поэта. Любовь, подъ какими бы она формами не проявилась, непременно составляетъ необходимое и неизмѣнное звѣно въ цѣли поэтическихъ вѣрованій каждой поэтической личности, и каждый поэтъ въ своихъ пѣсняхъ любви непременно проявлялся съ самой искренней, съ самой лучшей и задушевиѣйшей своей стороны; въ эти пѣсни онъ, болѣе или менѣе, вноситъ свою долю той оригинальности, той индивидуальной особенности, которая составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, необходимыхъ чертъ характеристики его поэтической физиогноміи. Мы позволимъ себѣ спросить, неужели же показалось бы кому-нибудь безнравственнымъ или могло бы и въ самомъ

дѣлѣ развратить дѣвушку чтеніе любой изъ пѣсень любви Кольцова,—ну, хоть пѣсни: «такъ и рвется душа изъ груди молодой» или «последній поцѣлуй» или наконецъ «пора любви» отчего не прочесть бы и Хуторокъ?—прежде всего надобно помнитъ идею: что *истинно прекрасное никогда не можетъ быть безнравственно!* Повѣрьте, что молодую дѣвушку не развратитъ даже и Демонъ Лермонтова, Демонъ, котораго такъ рѣвниво боятся чадолюбивыя маменьки и котораго каждая дочка непременно, при первой же возможности, прочтетъ втихомолку. Нѣтъ, пора намъ наконецъ бросить эти ложныя нравственно-безнравственные взгляды пошлой рутинны на дѣло образованія и эстетическаго образованія въ особенности; они у насъ портятъ все дѣло; они зачастую бываютъ причиною того, что изъ нашихъ дѣвушекъ выходятъ не дѣвушки, а барышни; не женщины и не жены, а нравственно-безнравственные куклы...

Надѣмся, что всѣмъ искренно желающимъ добра нашему нормальному, нравственно-здоровому образованію, всѣмъ правдиво понимающимъ дѣло нравственнаго и эстетическаго образованія было бы весьма пріятно въ слѣдующихъ выпускахъ «Русской лирической поэзіи» встрѣтить полныя характеристики поэтовъ, изъ которыхъ не были бы выключены и пѣсни любви; въ такомъ случаѣ, намъ останется только пожелать совершеннаго успѣха этому въ высшей степени полезному и хорошему изданію.

ДЕРЕВНЯ. Разказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. Спб. 1859 года. in-12° (стр. 470).

Случай представляетъ намъ возможность еще вернуться къ вопросу о томъ, что истинно-нравственно или истинно-безнравственно: — передъ нами лежитъ книга предназначенная, также какъ и предъидущая, преимущественно для юношескаго возраста и книга такая, какихъ у насъ, по дѣтской литературѣ, было очень мало еще до настоящаго времени. До-сихъ-поръ у насъ, надо правду сказать, пичкали голову бѣднымъ дѣтямъ нравственными побасенками, большею частью переводными, о томъ, что Модестъ Добронравовъ былъ скромный, прілежный, и благонравный мальчикъ, который

любилъ и уважалъ старшихъ, и за то сподобился получить къ празднику отъ маменьки книжку съ раскрашенными картинками и поѣхать къ доброй бабушкѣ на елку, а Николинъка былъ негодный, злой и своенравный мальчишка, и за то его всё безъ исключенія ненавидѣли; — хотя, разумѣется, басня о зломъ Николинъкѣ и очень поучительна — но ужъ она давнымъ давно опротивѣла всѣмъ и старымъ, и малымъ.... Пичкали имъ головы и патріотическими баснями, возбуждающими въ юныхъ сердцахъ высокія и благородныя чувствованія доблестнаго гражданина, но увы! эти патріотическія басни, сколько помнится, возбуждали въ насъ одну зѣвоту и непреодолимое отвращеніе ко всякимъ высокимъ доблестямъ и чувствованіямъ! — Читать бѣднымъ дѣтямъ рѣшительно было нечего; но, слава Богу, наконецъ-то начинаютъ появляться у насъ и для нихъ такія добрыя книги, какъ книга г. Стоюнина, или Деревня неизвѣстнаго автора. Очень жаль, что мы не знаемъ его имени; изъ книги видно однако, что авторъ — женщина. Мы считаемъ особенно пріятнымъ долгомъ сказать объ этой послѣдней книгѣ нѣсколько добрыхъ словъ, которыхъ она вполне заслуживаетъ; во-первыхъ, уже потому, что авторъ коснулся, рѣшительно *въ первый* разъ, предмета всѣмъ намъ близкаго, дорогаго нашему сердцу и о которомъ, однако, доселѣ никто не позаботился сказать дѣтямъ хотя что-нибудь; тогда какъ для нихъ-то именно, это было всего необходимѣе и гораздо полезнѣе всевозможныхъ патріотическихъ и нравственныхъ побасенокъ о зломъ Николинъкѣ и проч.

Это, поистинѣ, первая книга, которая заговорила съ дѣтьми о нашемъ добромъ крестьянскомъ и крѣпостномъ словіи, показала его не въ розовомъ идиллическомъ свѣтѣ, яодъ благодѣтельною сѣнью помѣщичьяго права, а такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми его нуждами и невзгодами, со всѣми его немногими радостями и многими скорбями, со всею его честной, тяжелой трудовою жизнью, которою онъ не имѣлъ даже права располагать по собственному разумному произволу. Вотъ, для примѣра одно мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ, существующихъ у насъ между крестьяниномъ и его владѣльцемъ:

«Въ деревнѣхъ кромѣ крестьянъ живутъ еще помѣщики.

«Крестьянинъ воздѣлываетъ самъ, собственными руками, ту землю, отъ которой получаетъ себѣ пропитаніе. Помѣщикъ самъ своей земли не обрабатываетъ, а даетъ ее обрабатывать крестьянамъ; въ вознагражденіе за ихъ трудъ, онъ предоставляетъ имъ часть этой земли въ пользованіе, или входитъ съ ними въ какія-нибудь другія условія.....

«До-сихъ-поръ въ Россіи существовало такъ называемое *крѣпостное право*, т. е. крестьяне живущіе на землѣ помѣщика считались вмѣстѣ съ землею какъ-бы его собственностію; онъ могъ передать ихъ вмѣстѣ съ землею другому владѣльцу, могъ рѣшать ихъ судьбу по своему произволу, переселять ихъ въ своихъ владѣніяхъ съ одного мѣста на другое, назначить имъ какое ему было угодно занятіе, могъ разлучать родителей съ дѣтьми и т. п. Въ этомъ положеніи было много грустнаго и тяжелаго не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ. Крестьяне были слишкомъ стѣснены властью помѣщика; помѣщикъ самъ тяготился этою властью, если онъ былъ довольно добрый и разсудительный человѣкъ; если же онъ не былъ добрымъ, тогда положеніе крестьянъ было еще хуже. Давно ужъ большинство русскихъ помѣщиковъ желало перемѣны въ этихъ отношеніяхъ.

«Благодаря Бога — теперь положено начало этой перемѣнѣ. Помѣщики многихъ русскихъ губерній изъявили желаніе измѣнить свои отношенія къ крестьянамъ, улучшить бытъ крестьянъ, отказавшись отъ крѣпостнаго права. Государь Императоръ изъявилъ согласіе на ихъ желаніе. По всей Россіи идутъ теперь совѣщанія, какъ лучше устроить эту важную перемѣну; во всѣхъ губерніяхъ собираются для этаго комитеты изъ помѣщиковъ. Всякій, кто только понимаетъ это дѣло, кто можетъ подать въ немъ голосъ, работаетъ въ настоящее время надъ рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Кто не можетъ самъ участвовать въ этомъ дѣлѣ — радуется со стороны, и отъ всей души желаетъ успѣха этому дѣлу, и молить объ этомъ Бога.

«Счастливо молодое поколѣніе Русскихъ, теперь растущее и воспитывающееся, счастливо оно, что въ самомъ началѣ своей жизни видитъ начало благодатной перемѣны, слышать

со всѣхъ сторонъ толки, которые привлекають всеобщее вниманіе и участіе къ крестьянскому быту. Къ порѣ вашей зрѣлости, мои читатели, многое будетъ ужъ рѣшено въ этомъ вопросѣ, многое будетъ подготовлено для васъ вашими отцами. Для васъ — если вы будете когда-нибудь помѣщиками — эта обязанность будетъ гораздо легче и отраднѣе, чѣмъ она была для вашихъ отцовъ; вы не будете знать того, что было въ ней самаго тяжкаго. Благодарите за это Бога и просите у него силы и ума, чтобы сдѣлаться достойными той будущности, которая васъ ожидаетъ.»

О всемъ, что только касается крестьянскаго быта, авторъ говоритъ съ полнымъ, благороднымъ сочувствіемъ; видно, что онъ весь проникнутъ теплою любовью къ нашему мужику, и самымъ искреннимъ, живымъ участіемъ къ его святому и въ тоже время беззащитному дѣлу. Кромѣ всего этого, въ книгѣ его дышетъ, почти на каждой страницѣ, такое здоровое пониманіе природы, такое глубоко поэтическое сочувствіе къ самымъ тонкимъ ея проявленіемъ, къ ея гармонической жизни, къ ея простору и раздолью, что во многихъ мѣстахъ онъ становится истинно-поэтически увлекателенъ. Дѣти поймутъ его: онъ пишетъ такимъ простымъ, непринужденно-безыскусственнымъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ дѣтьми, но — что всего важнѣе, такъ это то, что своимъ увлекательнымъ рассказомъ, онъ увлечетъ и своихъ читателей, возбудитъ въ нихъ такое-же поэтическое сочувствіе къ природѣ, и любовь къ мужику, да кромѣ всего этого разовьетъ ихъ на столько, что они будутъ съ полнымъ убѣжденіемъ смотрѣть на мужика не какъ на *крѣпостнаго* или какъ на что-то низшее, почти что достойное презрѣнія, къ чему можетъ быть и успѣшно старались ихъ привести инцы чадолюбивыя маменьки и чиновные папеньки, а какъ на *полезнѣйшаго* члена общества, какъ на *человѣка* и слѣдовательно, брата своего, *который*, во всякомъ случаѣ, болѣе многихъ достоинъ уваженія и любви. А это для нашихъ дѣтей почти необходимо всего, о чемъ такъ искренно хлопчутъ каждая мать, каждый отецъ, которые хотятъ въ сынѣ своемъ видѣть *человѣка* прежде, чѣмъ чиновника или офицера.

Намъ бы хотѣлось привести изъ этой книги, хоть нѣсколько страницъ для примѣра, но тутъ ужь, право теряться, не зная, что выбрать получше, на чемъ остановиться — все такъ хорошо, такъ ароматно, такъ свѣжо, такъ и пахнетъ весною, широкимъ полемъ, покосомъ, снѣгомъ гѣсомъ; ото-всего этого такъ и вѣетъ тою простою, благоуханной поэзіей, при вѣяніи которой, какъ сказалъ поэтъ, все неестественно

....хочется въ поле, широкое поле,

Гдѣ шествуя, сыплеть цвѣтами весна!..

Впрочемъ, развернемъ книгу наудачу — вотъ попался намъ луга — посмотрите, какъ рисуетъ ихъ авторъ:

«Луга бываютъ всего красивѣе въ іюнѣ, въ ту пору, когда трава на нихъ ужь высока и вся въ цвѣту; но еще не начали ее скашивать. Когда подойдешь къ ровному и открытому лугу, то издали кажется будто это ярко-зеленый коверъ съ пестрыми разводами. Но какой это чудный коверъ! какихъ цвѣтовъ, какихъ тѣней и оттѣнковъ тутъ нѣтъ! Тутъ и розовые, и малиновые, и голубые, и бѣлые, и желтые, и шловые цвѣта разныхъ оттѣнковъ, и темнѣе, и свѣтлѣе. Все это пестрѣетъ сливается въ какіе-то неопредѣленные, прихотливые, но очень красивые узоры. Нѣтъ, не только на коврахъ не бываетъ такихъ чудесныхъ узоровъ, но и живописецъ самый искусный не сумѣетъ нарисовать красками на картинѣ такихъ чудныхъ узоровъ! У него нѣтъ такихъ красокъ, и яркихъ, и вмѣстѣ нѣжныхъ! У него нѣтъ столькихъ оттѣнковъ въ краскахъ! Да еслибъ и были, у него на картинѣ узоры вышли бы неподвижные; а здѣсь — пронесется надъ лугомъ вѣтерокъ, и всѣ эти узоры задвигаются, заколышутся; тѣни бѣгутъ по лугу, бѣгутъ и переливаются какъ волны на морѣ».

«Нельзя еще различить ясно, какіе цвѣты растутъ на лугу, а ужь чувствуешь, что льется отъ нихъ пріятный, сладкій запахъ и въ этомъ сильномъ смѣшанномъ запахѣ различаешь ужь запахъ многихъ знакомыхъ растений: вотъ запахло мятой, вотъ донникомъ, вотъ кашкой.»

«Подходишь ближе — такъ и манитъ войти въ эту высокую, густую, мягкую траву, которая такъ легко, съ ти-

химъ шелестомъ ложится подъ ногами. Вотъ и запахъ простой травы! Какой это пріятный, освѣжительный запахъ! Его здорово вдыхать въ себя.»

Мы приводимъ еще одинъ небольшой отрывокъ, вырывая, подобно первому, одинъ небольшой клочекъ изъ цѣлой великолѣпной картины. Вотъ какъ авторъ описываетъ наступленіе зимы:

«Но вотъ настали наконецъ первые осенніе заморозки; меньше грязи на улицѣ, меньше сырости въ воздухѣ. Рады этимъ морозамъ и большіе и маленькіе; всѣмъ надоѣли грязь, дождь, слякоть. Вотъ завернулъ въ одну ночь сильный морозецъ; кочки грязи стали жесткія, будто каменные; на землѣ и на деревьяхъ блеститъ бѣлый иней; лужи стали мельче и покрылись сверху тонкимъ льдомъ. Вотъ залетали въ воздухъ сухія бѣлыя пушинки.»

«Снѣгъ! снѣгъ! зима! кричатъ ребятишки съ такой радостью, какъ будто наступленіе зимы не вѣсть какое благополучіе, и опростетью бѣгутъ на улицу, безъ шапокъ, ловить снѣжинки. Они помнятъ, какія бывали прошедшею зимою красивыя снѣжинки, будто звѣздочки. А теперь, такія-ли? Зима, зима! скоро можно будетъ на салазкахъ кататься, по-льду скользить, въ снѣжки играть!»

«И большіе рады, что не мороситъ больше дождикъ цѣлый день, не нужно шлепать по грязи выходя на улицу, что стало свѣжо и сухо. Всѣ какъ-будто ожили съ морозами: у всѣхъ видъ сталъ здоровѣе, движенія развязнѣе; всѣ стали ходить какъ-будто легче и живѣе.»

«Вотъ лужи покрылись толстымъ слоемъ льда; ребятишки давно ужъ стали пробовать не выдержать ли ихъ ледъ? но все проваливались, а теперь и въ самомъ дѣлѣ ледъ ужъ выдерживаетъ ихъ. И не только лужи — пруды, озеро покрылись льдомъ.»

«Вотъ и рѣка встала! А есть близко другая рѣчка, въ которую впадаетъ ключъ, но та никогда не замерзаетъ.»

«Вотъ пришелъ и осенній Егорьевъ день; близко и Николай день; а это ужъ совсѣмъ зимній праздникъ.»

«А дни-то, дни какіе коротенькіе! Только разсвѣтетъ и ужъ смеркается. А въ крестьянской избѣ такъ и совсѣмъ

почти не видятъ дня въ эту пору. Когда дождь и слякоть цѣлый день, и на дворѣ не очень свѣтло: что же въ избѣ, когда туда и въ свѣтлый-то день мало проходитъ свѣту? А потомъ, когда наступятъ морозы, хоть погода на дворѣ и сдѣлается яснѣе, такъ окна въ избѣ замерзнутъ, и оттого опять-таки темно.»

«По вечерамъ тускло освѣщается крестьянская изба лучиною; женщины чешутъ лёнъ, готовятъ куделю, чтобы пряхъ, а инья ужъ и начали пряхъ; мужнины нослѣ молоченья возвращаются въ избу усталые; рано одолеваетъ всѣхъ сонъ; ребятишки засыпаютъ, свернувшись на лавкѣ гдѣ кто попало, не дождавшись ужина. На слухъ добу-дятся ихъ къ ужину, а иногда и не добудятся: возьмутъ да перенесутъ на постель. Такъ они и проспять до утра.»

— Хоть бы скорѣе дни-то начали прибавляться! раздается въ избѣ чей-то голосъ, пока еще не улеглись спать: веселѣе бы было!

— А вотъ уже скоро начнутъ прибавляться, отвѣчаетъ другой голосъ: Николинъ день близко, а это самый короткій день, а тамъ черезъ шесть дней и Спиридонъ—солнце-поворотъ, и начнутъ деньки прибавляться.

— Снѣжку, снѣжку бы теперь надо! замѣчаетъ третій голосъ, голосъ молодого парня. Съ молотью посправились: нашему брату и на извозъ пора разъѣзжаться по городамъ да большимъ дорогамъ.»

Но въ примѣрѣ увлекательнаго описанія мы можемъ привести жатву, сѣнокосъ, весну и весенній Егорьевъ день; да впрочемъ, и все остальное ни въ чемъ пожалуй, неуступить этимъ свѣжимъ, простымъ, благоуханно-поэтическимъ страницамъ, въ которыхъ часто среди самаго увлекательнаго разсказа, вдругъ встрѣчаются какія-нибудь соотвѣтствующе стихи Майкова, Фета, Кольцова и многихъ нашихъ лучшихъ поэтовъ, которые авторъ такъ удачно и какъ нельзя болѣе кстати вставляетъ въ свое описаніе. Дай Богъ намъ болѣе и болѣе такихъ добрыхъ книгъ, какъ эта, и вотъ то, гдѣ именно надо намъ искать для дѣтей истинно-нравственныхъ и соціально-благородныхъ началъ!

Основные законы воспитанія, Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ С. Петербургскаго университета, по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при гатчинскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Изданіе автора. Спб. 1859 г. in-8° (стр. 71).

Представляя отчетъ объ этой достопочтенной книгѣ, намъ ничего болѣе не остается, какъ только выписать главнѣйшія принципы (яли *принципы*, но выраженію достопочтеннаго автора) этого полезнаго труда и снабдить ихъ въ видѣ выносокъ только нѣкоторыми скромными комментаріями.

Принципы этой почтенной книги суть слѣдующаго свойства:

Во первый достопочтенный авторъ изъясняетъ свое педагогическое сожалѣніе, что «не всѣ молодые люди достаточно приготовлены, довольно зрѣлы, чтобы приносить пользу, соотвѣтствующую обязанностямъ къ церкви, государству и къ семейству» и вслѣдъ за тѣмъ предлагаетъ себѣ неменѣе педагогическій вопросъ: не скрываются ли тутъ лѣнь, самоувѣренность, баловство и недостатокъ въ *патріотизмѣ* (вм. *патріотизма*).

Далѣе слѣдуютъ самыя *принципы*:

1) «Богатая исторія Русскаго народа развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выражавшихся въ минуты отечественной невзгоды. Это именно нашъ отличительный девизъ: «За вѣру и царя»¹⁾. Отсюда мы должны и опредѣлить идею нашего воспитанія: она заключается въ развитіи природныхъ индивидуальныхъ силъ русскаго челоувѣка для примѣненія ихъ къ русскому общественному благу²⁾ и пользѣ.»

2) «Если воспитатель долженъ довести питомца, будущаго гражданина до сознанія, что права челоувѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если

1) На шапкахъ ополченцовъ?...

2) Мы просимъ читателя обратить особенное вниманіе на первый *принципъ*, потому-что въ дальнѣйшихъ *принципахъ* будутъ объяснены способы, посредствомъ которыхъ только и достигается это русское общественное благо.

всякая гражданская обязанность есть ничто иное, какъ *безусловное* подчиненіе нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ; то, само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданского послушанія.

3) «Разумное воспитаніе соображается съ индивидуальностью воспитанника, основывается на любви и потому не признаетъ произвола въ требованіи отъ воспитанника повиновеніи ¹⁾).

4) «Легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ (!) рано увялъ» (отъ чего бы вы думали? отъ насилія? отъ вѣшняго грубаго произвола? — нѣтъ), «отъ горделивой воли, отъ недостатка смиренности. Такъ напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, любимомъ поэтѣ молодежи (вм. любимомъ поэта, — это маленькая кандидатская ошибка, впрочемъ протитительная кандидату словесныхъ наукъ). Мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски *величественной Кавказской природы*; но за то весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу — *смиренность*.

5) ²⁾ Какъ истинное знаніе выказывается скромностью, такъ равно истинная душевная сила выражается смиренностью. Смиренный человѣкъ съумѣетъ перенести и скорбь, и радость, и злополучіе, и счастье; онъ всегда останется тотъ же самый, вѣрный Богу, Царю и самому себѣ.

6) «Родительская любовь есть естественное самой природой основанное чувство. Каждое материнское и отцовское сердце бьется за свое дитю; и потому въ св. Писаніи ии-

1) Мы покорнѣйше просимъ г. кандидата С. петербургскаго университета, по разряду историко-филологическихъ наукъ, объяснить намъ по-проще и удобопонятнѣе, хотя въ слѣдующихъ своихъ выпускахъ этотъ послѣдній замысловатый *принципъ*. Онъ вовсе неясенъ для насъ, темныхъ смертныхъ, неозаренныхъ истиннымъ свѣтомъ логики эксъ-профессора, пр. Райковскаго.

2) Вы видѣли изъ предъидущаго въ Лермонтовѣ отсутствіе смиренности, а изъ этого *принципа* узнаете, что такое за птица эта смиренность и чего именно недоставало Лермонтову, какъ не смиренному человѣку. — Это очень назидательно.

гдѣ не сказано: вы родители любите дѣтей. Оно само собой разумѣется... Родители *не имѣютъ права* слушаться своей *естественной* любви (?), снисходить къ дѣтскимъ недостаткамъ; любовь ихъ будетъ дѣйствительная и разумная, когда она тамъ, гдѣ нужно, и *причиняетъ* ребенку либо нравственную, либо физическую боль. Отсюда мы выведемъ опредѣленіе:»

«Разумная любовь есть любовь не безъ дисциплины: или она дисциплина не безъ любви 1).»

7) «Школьное знаніе исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть передъ обычаями, нравами и дѣлами какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ *не однихъ гербовъ, не громкихъ торговыхъ фирмъ* (вм. не одни гербы не громкія торговыя фирмы — это, извините, опять маленькая ошибка ученаго филолога-кандидата), нѣтъ и въ крестьянской избѣ 2) отцы и дѣды должны служить *путеводительными точками* 3) для молодаго поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю.

1) Если разумная любовь проявляется въ дисциплинѣ, а дисциплина проявляется въ причиненіи либо нравственной, либо физической боли, то отсюда смѣло можно заключить, что только тотъ мужъ любить свою жену (надѣмся, что супружеская любовь не лишена-таки права на разумность) и притомъ истинно и разумно любить, который бьетъ ее постоянно, причиняя боль физическую и унижаетъ ругая... ну, хоть даже площадными словами, причиняя боль моральную. А потомъ нетрудно дойти и до того заключенія, что чѣмъ болѣе бьетъ помѣщикъ своего крѣпостнаго, тѣмъ нѣжнѣе и разумнѣе онъ его любитъ. Истинно такъ! надѣмся, что это, по мнѣнію почтеннаго автора, одинъ изъ непремѣнныхъ *принциповъ*, ведущихъ къ русскому обществу благому состоянію.

2) Даже и тамъ?! О, какъ, однако-же, г. Миллеръ снисходителенъ и человѣколюбивъ!... Ужъ этого мы даже и не предвидѣли....

3) Что это такое, *путеводительная точка*? будьте такъ снисходительны, г. Миллеръ, научите насъ, какъ добрый педагогъ!

«А вслѣдствіе этого въ Англіи, говоритъ далѣе авторъ, «воспитанники знаютъ и гордятся, что живутъ въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, дышать тѣмъ же воздухомъ (,) какъ многие мужи до нихъ, которыми отечество гордится.» Вслѣдъ за этимъ г. авторъ раздражается противъ педагогической теоріи филантропизма Руссо слѣдующимъ образомъ:

«Эти плевелы,» говоритъ онъ въ благородномъ своемъ негодованіи, «указывавшія на исключительное стремленіе къ одному полезному и вещественному, покрыли народъ матеріализмомъ, водворили эгоизмъ, разъединили силы; а главное—вѣра, источникъ вдохновенія, пострадала отъ такого направленія. Мудрено-ли послѣ этого, если тогда Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покорилъ Пруссію ¹⁾. И въ настоящее время не вся Германія очистилась отъ этого *Руссокаго* (!!!) филантропизма; она все еще борется съ нимъ, что доказываетъ ложное *либеральное* обращеніе съ молодежью въ семействѣ и школахъ ²⁾. По крайней мѣрѣ тамъ не повсюду и не во всѣхъ школахъ дисциплина указанная св. Евангеліемъ ³⁾.»

Далѣе идутъ слѣдующіе *принципы*, предначертанные въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ:

8) «Патріотизмъ молодежи есть вѣрнѣйшее ручательство и ихъ (вм. ея — это также филологическая описка — вѣрно

мы, право, не знаемъ — искали, искали и въ логикѣ пр. Райковскаго и въ логикѣ пр. Терновскаго — только и тамъ не нашли...

1) Дѣйствительно, крайне-мудрено, если только отъ этого.

2) Забудьте себѣ: ложное да притомъ еще и либеральное обращеніе! Вотъ истинный ядъ-то гдѣ! Не правда-ли, г. Миллеръ?

3) Интересно-бы знать, въ какомъ-же это мѣстѣ Евангеліе указываетъ подобную дисциплину, о которой говоритъ нашъ достопочтенный авторъ? Что касается до насъ, то намъ Евангеліе извѣстно болѣе чѣмъ хорошо, однако мы нигдѣ не встрѣчали въ немъ даже намека на какую-бы то ни было дисциплину, не говоря уже о той нѣмецко-татарской, которую проповѣдуетъ г. Миллеръ, и мы покорнѣйше просимъ нашего достопочтеннѣйшаго автора, не дѣлать впредь подобныя ложныя ссылки на книгу, столь хорошо извѣстную почти всѣмъ и каждому — это вѣдь то-же своего рода кощунство.

по разсѣянности) дѣтской любви къ родителямъ, потому что онъ не допускаетъ и эгоизма врага любви.

9) Разумная любовь родителей состоитъ *ни* (вм. *не*) въ боязливой заботливости, *ни* (вм. *не*) въ безпечномъ довѣрїи; она отыскиваетъ *предѣловъ*» (вм. предѣлы — вы пожалуйста, господа, не смущайтесь грамматическими ошибками ученаго кандидата С. петербургскаго университета по разряду историко-филологическихъ наукъ, онѣ столь часты, что надо наконецъ либо помириться съ ними, либо ужъ молча отмѣчать ихъ — мы избираемъ послѣднее). Итакъ, эта разумная любовь «отыскиваетъ *предѣловъ* вѣ физической и нравственной опасности (слѣдственно, гдѣже, если ни въ той, ни въ другой сферѣ?) и въ нихъ предоставляетъ дѣтямъ волю, для свободнаго развитія воли» ¹⁾.

10) «Кто сколько-нибудь всматривался въ человѣческую натуру, согласится съ нами, что естественная любовь дитяти весьма непрочно и невѣрна. Она только заимствуетъ свою прочную силу, освящаясь *отъ разумной любви или* — что то же самое — *отъ дисциплины*. Другого средства, кромѣ дисциплины, нѣтъ отъ эгоизма. Позволимъ себѣ здѣсь высказать наше мнѣніе какъ бы совѣтомъ: *не покоряйтесь безусловно своему родительскому чувству, не всегда показывайте его дѣтямъ.*»

11) «*Повинуясь, дѣти учатся любить.* (Но не на оборотъ)» ²⁾.

1) Мы вотще доискивались, на основаніи какихъ логическихъ законовъ построена эта глубокая педагогическая мысль; однако, такъ-какъ вообще мы люди темные, профаны, то и рѣшились *смиренно* (какъ учитъ г. Миллеръ) отнести ее либо къ логикѣ пр. Райковскаго, либо, что еще вѣроятнѣе, къ его-же собственному мышленію — до этого уже онъ, какъ Гоголевскій Аммосъ Федоровичъ, самъ, своимъ собственнымъ умомъ дошелъ, — не иначе....

2) Не знаемъ, на сколько справедлива эта знаменитая и «непреложная педагогическая истина», какъ называетъ ее нашъ достопочтенный авторъ; мы объ этомъ предметѣ можемъ судить только по нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ, которыя сохранило намъ дѣтство: какъ ни старался быть строже къ намъ нашъ

12) «Послѣдователи школы рационалистовъ назывались филантропами, потому что ихъ теорія воспитанія имѣла главною цѣлью земное ¹⁾ счастье человѣка; о вѣчной жизни ²⁾ они мало заботились. Поэтому вѣрно будетъ, если мы *почтимъ* ³⁾ всѣхъ нынѣшнихъ натуралистовъ также филантропами. Такихъ замысловатыхъ героевъ довольно много за границею».... «И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами святой Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ а не иначе».... «За то какое уваженіе, какую любовь дѣльные люди питаютъ къ своимъ воспитателямъ. Нерѣдко мы слышимъ: «Покойный отецъ взыскивалъ, былъ строгъ, да ужъ и дѣлу училъ. Бывало—не знаешь урока, такъ и во время стола постоишь, или безъ обѣда останешься. А Боже упаси, если заупрямишься!—Мы не станемъ болѣе доказывать, что одна дисциплина прочить родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непреложною педагогическою истинною: *повинуясь дѣти учатся любить*. (Но не на оборотъ)».

13) «Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ дѣтямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами. Это, въ сущности, тоже самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія; потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родите-

---

инспекторъ, какъ ни старался заставить насъ повиноваться своей волѣ и, разумѣется, столь восхваляемой вами, г. Миллеръ, дисциплинѣ, однако-жь — увы! мы не питали къ нему никакихъ нѣжныхъ чувствъ! хотъ и повиновались, и ходили въ ногу и въ тактъ, хотъ и были застегнуты на всѣ пуговицы, хотъ и галстукъ у насъ былъ въ исправности, наконецъ, хотъ и наказывали насъ исправно, а всежь-таки мы были такъ безнравственно-черствы душою, что не восчувствовали къ нему никакихъ нѣжныхъ чувствованій. — Что-жь дѣлать, каемся!..

1) А не загробное.

2) Т. е. о загробной.

3) Ого! да г. Миллеръ начинаетъ дѣлаться *тиканьемъ*, говоря чиновничьимъ способомъ выраженія! — Вотъ, что хорошо, то хорошо! объ этомъ и спору быть не можетъ....

лей, а причинъ, резоновъ и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать. Мы сами часто доводимъ ребенка до грѣха (?) именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкающее къ возраженіямъ, мало по малу усваиваетъ себѣ право переговоровъ. А что же возраженія, переговоры, какъ не *идея равенства!*.... «Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ и что человѣкъ всегда доходитъ отъ малаго до великаго, то здравое воспитаніе и не допустить резоновъ у дѣтей. Оно непременно установитъ для всѣхъ воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія, — разумное правило: *не разсуждай, а исполняй*» ¹⁾.

14) «Воспитанникъ, получившій выговоръ отъ матери, отца, наставника или кого-нибудь другого, долженъ также прочи-

1) Неужели и въ наше время съ полнымъ убѣжденіемъ можно высказывать такія правила, да еще и титуловать ихъ разумными? Нѣтъ, г. Миллеръ, не унижайте, не позорьте слова *разумность* — съ этимъ словомъ нечего шутить такія шутки! Неужели вы не замѣчаете, что, проповѣдуя во имя разумности вашу нѣмецко-татарскую истину, вы проповѣдуете круглый *идіотизм!* Вѣдь вы, во имя разума, разумъ-же и отнимаете отъ человѣка, вѣдь вы изъ него дѣлаете автомата, а не человѣка! Послѣ этого только и остается ждать, что вы, во имя разумности, предпишете ребенку вставать, одѣваться, мыться и Богу молиться не иначе какъ по темпамъ, — разъ, два! ходить предпишете не иначе какъ съ лѣвой ноги и ребенокъ не посмѣетъ даже и подумать обо всемъ этомъ безобразіи! Нѣтъ, г. Миллеръ, вы-бы лучше обратились съ вашей почтенной теоріей къ г. Крейцбергу — тамъ она была-бы у мѣста и противу нея тогда-бы мы ничего не сказали, а теперь.... О, вспоминается мнѣ мое золотое дѣтство, когда я знавалъ тоже одного почтеннаго педагога, который, подобно вамъ, г. Миллеръ, съ полнымъ убѣжденіемъ говаривалъ: «не должно позволять дѣтямъ мыслить и разсуждать, ибо разсужденіе ведетъ ко вреду общества и государства — вотъ, я самъ лучший примѣръ», добавлялъ этотъ почтенный педагогъ, «дожилъ до сѣдыхъ волосъ, до генеральскаго чина, а могу сказать съ честью, ни надъ чѣмъ еще не разсуждалъ въ моей жизни!» — Этотъ почтенный педагогъ, съ его теоріями, не умеръ въ васъ, не менѣе почтенный г. Миллеръ!

тать свой выговоръ на лицѣ всѣхъ окружающихъ его *властей*».

15) «Выраженіе упрека остается на лицѣ всѣхъ воспитательныхъ *властей* до тѣхъ поръ, пока виновный и дѣйствительно не исправился».

16) «Воспитательская награда тамъ *дѣйствительная* (вм. *дѣйствительна*), гдѣ она служитъ цѣлью, но не средствомъ повиновенія».

17) «Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освящена смиренностью, какъ св. Церковь и требуетъ этого: она большею частью раздается благословляющею рукою духовной особы» ¹⁾.

18) «Каждое крещеное дитя принадлежитъ св. Церкви и потому занимаетъ законное мѣсто между міромъ».

19) «Каждое крещеное дитя растетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ святыхъ таинствъ Крещенія, слѣдовательно оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра» ²⁾.

---

1) Что касается до насъ, мы не можемъ судить объ этомъ послѣднемъ фактѣ, потому, во первыхъ, что были не на столько богаты, чтобы имѣть возможность заслужить себѣ награду, а во вторыхъ, были столь безвравственно-черствы сердцемъ, какъ уже и докладывалъ выше, что никакъ не хотѣли подчиниться той разумной дисциплинѣ, которую проповѣдуетъ г. Миллеръ, которой такъ глубоко сочувствовало наше благотѣльное начальство и съ которою только соединена возможность полученія награды; впрочемъ, намъ кажется, что «благословляющая рука духовной особы» вовсе не споспѣшествуетъ смиренности и дѣйствительности награды — награда, какъ и взятка, питаетъ только мелкое самолюбіе и эгоизмъ чиновника — на службѣ и воспитанника — на школьной скамьѣ — впрочемъ, это *намъ* только такъ кажется — наше благотѣльное начальство, купно съ г. Миллеромъ, думаетъ объ этомъ нѣсколько иначе — «рука руку моетъ».

2) А не крещеное дитя, напр. еврейскаго или мусульманскаго происхожденія, развѣ не имѣетъ этого-же самаго права на уваженіе общества или «*міра*», какъ называете вы, г. Миллеръ? Намъ кажется, что въ человѣкѣ прежде всего надо видѣть человека, а потомъ уже крещенаго. Нѣтъ, какъ ни глядимъ мы на

20) «Всякое наказаніе и дѣйствительное (?? Не хотѣлъ ли авторъ сказать дѣйствительно? если такъ, то по-крайней-мѣрѣ хотя смыслъ какой-нибудь будетъ), если виновный воспитанникъ почувствовалъ смерть своей воли — своеволия.

21) «Не уступай волѣ упрямаго ребенка, но сохраняй всевозможную твердость, внѣшнее и внутреннее спокойствіе. Эта метода разумная (ви. разумна), она (,) болѣею частію скала, о которую шумныя волны дѣтскаго упрямства разбиваются. Дитя, испытавшее однажды неудачу, не такъ скоро другой разъ не обнаружитъ своей воли(??? Вѣроятно ученый авторъ имѣлъ въ виду сказать: не такъ скоро въ другой разъ обнаружитъ свою волю, а впрочемъ, не знаемъ: можетъ-быть и нето; потому-что авторъ, нашъ слишкомъ своеобразенъ и иногда говоритъ вещи исключительно своеобразнаго свойства какъ напримѣръ слѣдующій принципъ въ анекдотѣ или анекдотъ въ принципъ, которымъ мы и закончимъ наши выписки изъ его почтеннаго труда). Дѣло въ томъ, что жилъ-былъ одинъ мужъ, у него была одна жена, а у нихъ были дѣти — все какъ слѣдуетъ. Вдругъ отецъ взялъ да и умеръ, а когда онъ умеръ, то «для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее, два года въ классѣ сидѣлъ и все не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было препоручить его опытному человѣку, что и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два

принципы нашего ученаго кандидата, однако не можемъ не признать въ немъ ученика того достопочтеннаго старца, который съ нѣмецкимъ акцентомъ вѣщаетъ своимъ слушателямъ, что: «педагогика раздѣляется на три половины: первая половина говоритъ о воспитаніи, но вторая половина — вотъ она уже говоритъ о воспитаніи, но за то третья половина, эта уже говоритъ тоже о воспитаніи и т. д. до слѣдующаго раза». Жаль, что вы, г. Миллеръ, не представили свой трудъ на диспутъ — васъ-бы, вѣроятно, увѣнчали степенью ученаго магистра — тогда и мѣсто инспектора легче-бы можно было найти... Жаль также, что книга ваша не вышла нѣсколькими годами раньше, тогда-бы вы, вѣроятно, и директорское мѣсто получили, да еще съ приличнымъ украшеніемъ!.. Право, жаль!

часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; поэтому мальчикъ скоро привыкъ къ порядку, хорошо занимался. Но увы! черезъ мѣсяць старинное упрямство опять появилось: сынокъ по-прежнему не слушаетъ матери, *сидитъ сколько угодно*, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, *просто, не боится*. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упрямца. Однажды учитель приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаётъ все семейство еще за *коффеемъ*, кромѣ *Петю*. Мать посылаетъ за Петей — Петя не идетъ, не хочетъ *коффея*. Учитель самъ наконецъ требуетъ черезъ *меньшаго* брата *Петю* къ столу, (;) ему привезтъ *отвѣтъ*, что Петя не идетъ и *баста*. Все замолкло, — нить и *дѣти* покрасѣли, — учителю также неловко стало. Какъ тутъ быть (!). — Случай *необычайный* (поразительно необычайный! безпримѣрный!!!) а между-тѣмъ и для другихъ дурной примѣръ. Учитель *хотя не хотя* (??) отправляется въ комнату Петю, все надѣясь еще, что грѣшникъ (!) сконфузится, покорится ему. Не тутъ-то было. «Зачѣмъ ты къ *коффею* не явился?» «Я, я не хочу!» Какъ ты не хочешь?? Вотъ тебѣ! — *Петя съ такою быстротою получалъ три пощечины, что совсемъ растерялся, заплакалъ и давай просить у матери прощенья*.

Еслибы-же (!) употребили розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая *осторожная* пощечина, то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ-бы время собраться съ духомъ, вынесъ бы *казнь* и остался бы *упрямымъ*.

Послѣ такого возмутительнаго факта, который г. Миллеръ приводитъ какъ благоразумный педагогическій примѣръ, выставляя его прекраснымъ образомъ дѣйствій разумнаго и опытнаго педагога, намъ нечего больше говорить объ его книгѣ, которая, благодаря своему наглому заглавію, найдетъ себѣ читателей — неопытныхъ отцовъ и матерей и достойныхъ послѣдователей между благодѣтельными двигателями нѣмецко-татарскаго направленія разныхъ учебныхъ заведеній.

Мы почти своимъ непремѣннымъ долгомъ указать на эту положительно-вредную книгу.

Новороссійскій литературный сборникъ. Изданіе А. *Бодановскаго* и А. *Георгиевскаго*. Одесса 1859. in-8° (стр. 364).

Нельзя не замѣтить съ чувствомъ доброй радости, что въ послѣднее время умственное движеніе и литературная дѣятельность стали съ такою энергіею пробуждаться въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи и въ особенности на югѣ ея — въ Одессѣ, которая въ настоящемъ году дала намъ весьма порядочный сборникъ статей литературнаго содержанія. Хотя внѣшность и цѣна его (3 р. с.) и не весьма привлекательны*), однако прекрасная статья Пирогова: «Чего мы желаемъ», выкупаетъ всѣ эти внѣшніе недостатки; такъ какъ она тоже касается частью педагогій (только, ужъ во всякомъ случаѣ, не Миллеровской), то мы и позволимъ себѣ прежде всего обратить на нее вниманіе читателя.

Авторъ совершенно основательно доказываетъ въ этой статьѣ, что наши русскіе университеты были и до-сихъ-поръ продолжаютъ быть учрежденіями *учебными* (но не *учеными*), приспособленными преимущественно къ *образованію людей должностныхъ на службу государству*, а не на служеніе наукѣ, тогда какъ *университетъ* прежде всего долженъ имѣть въ виду эту послѣднюю цѣль; но государство сознаетъ болѣе только свою первую цѣль, предоставляя получившимъ ученія степени извѣстныя служебныя права; а то, что университеты соотвѣтствуютъ этому требованію, доказывается и числомъ слушателей, поступающихъ послѣ на службу, и степенью ихъ образованія. Между тѣмъ дѣятельность нашихъ университетовъ не удовлетворяетъ вполнѣ этой цѣли въ такомъ обширномъ государствѣ, и это, какъ нельзя яснѣе доказывается существованіемъ у насъ другихъ спеціальныхъ заведеній, въ родѣ школы правовѣдѣнія, медико-хирургической академіи, педагогическаго института и др. — заведеній, пользующихся почти такими же правами. Наконецъ, что наши университеты никогда не имѣли главною задачею *образовать ученыхъ спеціалистовъ*, это доказывается недостаткомъ въ

---

*) Гг. издатели, впрочемъ, оправдываютъ себя тѣмъ, что, «за моремъ телушка — полушка, да рубль перевозъ», говоря ихъ словами.

выборъ кандидатовъ на вакантныя кафедры и часто встречающаюся трудностію замѣстить выбывшихъ профессоровъ дѣльными специалистами. Итакъ, говоря по чистой совѣсти, наши университеты никогда не имѣли другихъ, болѣе западныхъ, цѣлей, да и судя по историческому развитію и не могли ихъ имѣть. Въ нашихъ университетахъ, говоритъ авторъ, никогда ни одна наука не излагалась въ полномъ ея объѣмѣ, и весьма немногія кафедры были снабжены всѣми средствами, необходимыми для современнаго изложенія науки. У насъ никогда не было конкуренціи, столь благодѣтельной для научнаго прогресса, и никогда одна и таже наука не преподавалась нѣсколькими профессорами. Наше университетское ученье, (можетъ-быть за исключеніемъ одного Дерптскаго университета) никогда не было совершенно свободнымъ, и потому никто изъ учащихся не могъ посвятить себя съ самаго поступленія въ университетъ исключительному изученію одного предмета; всякій имѣя въ виду обязательныя курсы, срочное время пребыванія въ университетѣ и экзамены, спѣшилъ покончить и развязаться какъ можно скорѣе съ формальными требованіями, и потому никто не имѣлъ и времени заняться наукою для одной науки.

Послѣ всего этого, разумѣется, всякому, кто только сочувствуетъ наукѣ и истинно-университетскому дѣлу, остается желать только коренныхъ преобразованій нашихъ университетовъ — потребность преобразованія видна; теперь естественно возникаетъ необходимый вопросъ: на какихъ основаніяхъ должно произойти такое преобразование, которое бы во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало требованіямъ современной науки и современно-истинному значенію университета? Пироговъ предлагаетъ для этого слѣдующія, дѣйствительно необходимыя условія:

«Учрежденіе особенныхъ, постоянныхъ институтовъ преподавателей при нашей академіи наукъ, и при нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ; постоянное обновленіе университетовъ свѣжими силами: внесеніе новыхъ элементовъ въ научную дѣятельность, — вотъ по моему убѣжденію, прибавляетъ авторъ, гдѣ намъ нужно искать главной помощи и противъ нашей апатіи, и противъ нашей инерціи, и противъ

нашего nepoтизма. Какъ скоро окажется въ нашихъ университетахъ вліяніе силъ, постоянно освѣжаемыхъ новыми личностями; какъ скоро силы эти окажутся достаточными въ такой степени, что каждый научный предметъ будетъ раздѣленъ по-крайней-мѣрѣ между двумя преподавателями; то тогда и вопросъ о распредѣленіи лекцій, объ испытаніяхъ, о способѣ ученія — будетъ рѣшенъ положительно. А существующій теперь *полуобязательный, полусвободный* способъ ученія, какъ ни къ чему не служащая полумѣра, долженъ будетъ уступить мѣсто *совершенно свободному*. Если нельзя отвергать, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, еще необходима цѣлая масса людей и *слегка образованныхъ*, для неполненія самыхъ вопіющихъ потребностей общества, то, съ другой стороны, нельзя отвергать и того, что для насъ также необходима и *образовательная сила дѣятелей науки*, для которыхъ нѣтъ лучшаго способа воспитанія, какъ университетское — свободное. Огъ одинъ можетъ развить талантъ и дарованіе.

Второе условіе, которое считаетъ Пироговъ не менѣе жизненнымъ для нашихъ университетовъ и нашей науки, состоитъ въ коренной реформѣ средних и низшихъ учебныхъ заведеній. Если живою силою личности, говоритъ онъ, я предлагаю обновить среду наставниковъ *сверху*; то я въ этой же одной силѣ вижу возможность и преобразованія среды учащихся — *снизу*. Но и въ этомъ случаѣ спрошу предварительно: чего мы желаемъ отъ нашихъ учащихся?

Идеально-нормальное состояніе пресвѣщенія въ обществѣ было бы то, еслибы всѣ, безъ различія, однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ широкимъ — университетскимъ. Это значило бы, что всѣ безъ различія сословій и состояній, *были бы обязаны* пройти общій гимназическій курсъ, поступить въ университетъ, избрать одинъ изъ его факультетовъ и потомъ уже выдти въ жизнь, слѣдуя по одному избранному пути. Этимъ *обязательнымъ* для всѣхъ гражданъ способомъ пресвѣщеніе равномерно распространилось бы чрезъ всѣ среды общества, и избраніе того или другого рода жизни молодымъ человекомъ, совпадало бы съ окончаніемъ его университетскаго ученія. Но, если *рано созрѣтій реалистъ*

общества требуетъ совсѣмъ другого отъ образованія; если общество спѣшитъ располагать людьми — *спеціалистами*, и ему некогда долго ждать окончанія университетскаго ученія; если, съ другой стороны, это ученіе не посредствуетъ каждому и требуетъ со стороны учащихся большихъ жертвованій, такъ что только одни люди съ достаткомъ могутъ учиться по двѣнадцати и по пятнадцати лѣтъ, пока упадутъ на путь жизни; — то мысль общаго гимназическо-университетскаго образованія, конечно, въ настоящее время не осуществима. Если такъ, — то должно по крайней мѣрѣ *сохранить въ чистотѣ духъ истинно-университетскаго образованія, отдѣливъ его гуманно-реальное направленіе отъ направленія чисто-реальнаго*. И такъ, пусть высшія *спеціальныя* школы, назначенныя для удовлетворенія насущной потребности общества, остаются въ рукахъ различныхъ вѣдомствъ; но пусть и *научное* направленіе, съ присущимъ ему *гуманно-реальнымъ элементомъ*, сохранится въ гимназіяхъ и университетахъ во всей его чистотѣ. Пусть *раздѣленіе школъ начнется снизу, а гимназіи, мишеньныя теперешней своей двуличности, пусть будутъ приспособлены къ одному университетскому ученію*. Какъ ни грустно такое расщепленіе при самомъ корнѣ образованія, но если оно жизненно-необходимо для общества; то нужно, по крайней мѣрѣ, сохранить университетское начало въ первобытной его чистотѣ. Тогда остается еще надежда развить это начало впоследствии, когда общество по законамъ противодѣйствія само убѣдится наконецъ въ его необходимости, и прибѣгнетъ снова къ нему за помощью.

Развивая свой взглядъ на реформы среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, Пироговъ переходитъ къ существенно-необходимымъ реформамъ университета, поставляя прежде всего въ виду естественно важнѣйшій вопросъ: «чего мы желаемъ отъ университетскаго преподаванія?» На этотъ вопросъ, говоритъ онъ, я, конечно, неотвѣчу: — изложенія науки по печатной программѣ, а скажу: я желаю, чтобы учащійся въ университетѣ *усвоилъ себѣ науку образовательною силою мысли и слова*. За исключеніемъ клиникъ и другихъ практическихъ демонстрацій (при которыхъ наставникъ и его уче-

ники иѣвляются мыслями); на всѣхъ другихъ университетскихъ лекціяхъ учащіеся остаются обыкновенно *пассивными* слушателями. Между тѣмъ извѣстно, что ничто не возбуждаетъ столько умственной дѣятельности, какъ *активное* участіе въ научныхъ занятіяхъ.... итакъ, если не встрѣчается непреодолимаго препятствія въ громадномъ числѣ слушателей; если преподаватель излагаетъ уже пзвѣстные данныя по учебникамъ и запискамъ, и если онъ не отличается особеннымъ даромъ слова, я бы предложилъ ввести для многихъ предметовъ, вмѣсто обыкновенныхъ лекцій, Сократовскій способъ ученія въ видѣ *бесѣды*, главною цѣлію которыхъ было бы обсужденіе основныхъ и самостоятельныхъ вопросовъ науки. Учащіеся должны бы были приготовляться у себя дома чтеніемъ указанныхъ имъ источниковъ, руководствъ или записокъ, а на бесѣдахъ для уясненія предмета, они не только бы отвѣчали какъ на репетиціяхъ, но и сами бы спрашивали, судили и возражали. При этомъ способѣ преподаванія, профессору не было бы никакой необходимости *читать* свои лекціи всякій день и терять время на систематическое изложеніе такихъ истинъ, которыя каждый слушатель, знающій грамоту и хотя сколько-нибудь подготовленный, можетъ самъ прочесть не спѣша и хорошенько обдумавъ, въ любомъ учебникѣ. А каждый наставникъ могъ бы съ большею пользою употребить свое время на составленіе хорошихъ руководствъ, монографій и на разговорное объясненіе того, что дѣйствительно должно быть уяснено. Нѣтъ сомнѣнія, что такія бесѣды несравненно болѣе дали бы пищи для ума, и болѣе бы содѣйствовали къ усвоенію науки самостоятельною дѣятельностью ума учащихся.

Авторъ обсудилъ свой предметъ со всѣхъ сторонъ и въ заключеніе переходя къ *испытаніямъ*, опредѣляетъ экзаменъ мѣрою, означающею вообще недостаточную образованность общества: оно и дѣйствительно такъ, потому что, говоря его словами, экзаменъ совершенно уже излишенъ тамъ, гдѣ общество само можетъ оцѣнить свѣдѣнія необходимыхъ для него людей. Онъ есть привиллегія цеховъ и кастъ, препятствующая конкуренціи, и слѣдовательно, только тогда необ-

ходима, когда эта конкуренція вредна для общества.... и такъ, экзамень—это мѣра временно и условно необходимая. Если успѣхъ просвѣщенія подтвердитъ мнѣніе, которое уже и теперь слышится, что цехи и монополии не столько полезны, сколько вредны къ развитію промышленности и торговли; то ученые касты, съ ихъ привилегіями, едва ли удержатся. Но куда правительство должно еще ручаться передъ обществомъ за свѣдѣнія привилегированныхъ имъ лицъ, и мы должны заняться рѣшеніемъ вопроса: *чего мы желаемъ отъ экзамена?* Если онъ есть ручательство одного привилегированнаго сословія передъ лицомъ общества; то спрашивается, передъ кѣмъ же ручаются университеты вступительными своими экзаменами? Не передъ самими ли собою только и не передъ одними ли испытуемыми? Положимъ, обществу необходимо знать, что учитель, врачъ или юристъ, образовавшіеся въ университетѣ, дѣйствительно имѣютъ необходимыя свѣдѣнія для ихъ занятій; но какое дѣло обществу до того, что при поступленіи въ университетъ студенты дѣйствительно имѣютъ свѣдѣнія, необходимыя для высшаго образованія? Собственно и университету до этого также мало дѣла. Если большая часть вступающихъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній; то тѣмъ хуже для нихъ. Итакъ, если вступительные экзамены необходимы, то они необходимы для самихъ учащихся, чтобы доказать имъ достаточность или недостаточность ихъ свѣдѣній для высшаго образованія.... Но положимъ — какъ это теперь и есть, — что университеты посредствомъ своихъ вступительныхъ экзаменовъ убѣдились въ недостаточности знаній большинства вступающихъ. Положимъ, что и дипломы объ успѣшномъ окончаніи полного гимназическаго курса—невѣрные доказательства. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Очевидно, представляются три возможные мѣры. Нужно, или измѣнить университетское ученіе, приспособивъ его къ уровню гимназическаго, или возвысить уровень гимназическаго, или же, наконецъ, принявъ правиломъ известное *«laissez faire,»* представить все дѣло времени.

Пироговъ остается совершенно правъ, предлагая эти три мысли, но ни съ одной изъ нихъ онъ не примиряется; съ

первою, дѣйствительно, невозможно согласиться, потому что она странна, сама по себѣ, да при томъ же и черезъ чуръ ужъ несовременна; вторая мысль точно также не можетъ быть достигнута по естественному недостатку средствъ: — потому что для этого необходимы дѣятели, стоящіе въ уравнень съ современною наукою, наставники владѣющіе кромѣ перваго условія еще и особеннымъ педагогическимъ тактомъ, а подобныхъ дѣятелей и для университетовъ нужны сотни, да и то, ощущается иногда и въ нихъ нѣкоторый недостатокъ, тогда какъ для гимназій понадобились бы для этого тысячи а ихъ-то и негдѣ взять, да наконецъ гдѣже для этого и сообразныя, необходимыя матеріальныя средства. Если это такъ, то значить, ничего болѣе не остается, какъ оставить все дѣло улучшенія *in statu quo*. Но можно ли все оставлять на произволъ времени, тогда какъ труды экзаменаторовъ съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ геометрической прогрессіи и возрастаютъ бесполезно, потому что съ увеличивающимся числомъ поступающихъ въ университетъ, нѣтъ никакой возможности соблюдать строгій контроль при испытаніяхъ. Уже во всѣхъ университетахъ обнаруживается новый родъ промышленности между учащимися, которая и теперь уже дѣлаетъ для экзаменатора невозможнымъ узнать подставныхъ самозванцевъ; а это зло можетъ со временемъ развиться въ огромныхъ размѣрахъ.... Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что если мы искренно желаемъ предоставить нашимъ университетамъ чисто-научное значеніе, то мы должны также желать одного изъ двухъ: или пусть останутся вступительныя испытанія, но внѣ университетовъ ¹⁾; или же пусть университетъ откроетъ всѣмъ свободный *входъ* въ свое святилище наукъ, оставивъ каждому заботиться самому о собственномъ образованіи и самому судить созрѣлъ ли онъ для университета или нѣтъ, требуя только при *выходѣ* строгаго отчета, чтобы отличить знаніе и талантъ отъ невѣжества и бездарности.

Но какъ-бы то ни было, изберется-ли та или другая мѣра,

---

1) При гимназіяхъ, посредствомъ экзаменаціонной комиссіи, въ присутствіи университетскаго депутата.

нужно все-таки рѣшить окончательно, *чего мы желаемъ отъ испытанія вообще, будетъ ли оно вступительное или окончательное?* Я бы отвѣтилъ коротко и просто: опредѣлить не максимум, а минимум свѣдѣній испытываемаго. Максимум свѣдѣній, для достиженія какой-бы то ни было цѣли, безпредѣльно и безконечно. Какъ ни разнообразьте ваши отмѣтки, какъ ни распредѣляйте число балловъ, вы никогда не обозначите *всѣхъ степеней свѣдѣнія*. Вы никогда и ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе, и спросите: имѣеть-ли такой-то достаточно знанія, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно *да* или *нѣтъ*; потому-что для каждой цѣли есть извѣстное минимум, котораго уже непременно нужно достигнуть. Конечно, на различныя степени и минимум знаній условны; но безъ сомнѣнія, гораздо легче условиться въ одномъ, нежели во многомъ. Итакъ, только два слова: *да* или *нѣтъ* должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленный вопросъ о *минимум* свѣдѣній испытываемаго. Правда, внутренняя цѣнность и этихъ двухъ отмѣтокъ будетъ опредѣляться личностью экзаменатора; но все-таки, эта цѣнность будетъ несравненно менѣе условна, нежели та, которая выражается словами означающими безчисленныя степени хорошаго и худаго. А замѣняя слова цифрами, и оцѣнивая человѣческія свѣдѣнія ариметическими выкладками, мы нисколько не поступаемъ точнѣе, какъ бы ни хлопотали выразить всѣ отмѣтки знанія, простыми ли, или десятичными дробями, — все будетъ напрасно, и именно потому, что и здѣсь мы не спросили себя: *чего мы желаемъ?*

Эта статья Пирогова не требуетъ ни возгласовъ за себя, ни похвалъ, которые ей не нужны, и потому мы не станемъ произносить ихъ понапрасну, а скажемъ просто, что это доброе, честное и энергическое слово; слово, въ которомъ давнымъ давно ужъ нуждается наше общество, съ которымъ связаны одни изъ самыхъ живѣйшихъ и существеннѣйшихъ его интересовъ; Пироговъ сказалъ его — и за то отъ насъ ему простое *спасибо!*

«Чего мы желаемъ» есть лучшее украшеніе Новороссійскаго Сборника, въ которомъ также помѣщена прекрасная, имѣющая современное значеніе, статья г. И. Милицкаго — «замѣтки о Франціи» и повѣсть г. В. Елагина — «Важное мертвое тѣло», повѣсть принадлежащая къ разряду повѣстей, такъ называемой *судебной литературы*, и довольно богатая дѣйствительно возмущающими фактами — что и выкупаетъ недостатокъ творческаго таланта въ авторѣ. Написана она, видимо, съ цѣлью обнаружить одинъ изъ самыхъ гнуснѣйшихъ фактовъ, зачастую совершаемыхъ нашими всевозможными властями — въ достовѣрности факта сомнѣваться нельзя; въ нашей всепокровной матери-Россіи и не то еще, подь часъ, приключается — но дѣло въ томъ, если это все пишется во имя, такъ называемой, *благодѣтельной гласности*, то мы считаемъ себя въ правѣ повторить вслѣдъ за однимъ писателемъ нашего вѣка: «имя, дайте намъ имя этихъ мерзавцевъ!» а то, иначе мы никогда не узнаемъ ничего болѣе того, что въ *какомъ-то* году, въ *какомъ-то* городѣ, *кто-то* сдѣлалъ, *какую-то* общественную пакость и за то удостоился награды, а нѣсколько *какихъ-то* невинныхъ погибли безъ суда и расправы. — Нѣтъ, господа! это не та *благодѣтельная гласность*, безъ рьяныхъ тостовъ за которую у насъ не обходится нынче почти ни одинъ изъ quasi-демонстраціонныхъ обѣдовъ!

Наставленіе для содержанія портныхъ заведеній (составлено особою комиссією, учрежденною для осмотра ремесленныхъ заведеній). Сиб. 1859 г. in-12°. (стр. 27).

Цѣль этой полезной, изданной на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ брошюры, направлена къ предупреденію и облегченію тѣхъ неудобствъ, съ которыми соединено, каждое болѣе или менѣе трудное ремесло и которыя прямо ведутъ къ существенному вреду мастеровыхъ людей. Изданіе этой брошюры есть дѣло правительства, которое вотъ какимъ образомъ смотритъ на этотъ предметъ: «въ послѣднее время, говорить эта брошюра, обращено особенное вниманіе на бытъ малолѣтнихъ ремесленниковъ. Съ

этою цѣлью изданы правила для содержанія ремесленныхъ заведеній.»

«Обезпечивая бытъ малолѣтнихъ ремесленниковъ, отъ притѣсненій, правительство не можетъ остаться равнодушнымъ и къ способу производства мастерства, такъ какъ въ немъ могутъ оказаться и дѣйствительно оказываются приемы для здоровья вредные. Въ этомъ отношеніи мастерства подраздѣляются на тяжелыя и легкія. Одни изъ нихъ не требуютъ для производства ни излишняго напряженія физическихъ силъ, ни употребленія какихъ-либо вредно дѣйствующихъ составовъ, другія же напротивъ того, обуславливаются такими приемами, которые сами-по-себѣ вредны и могутъ имѣть пагубное вліяніе на здоровье занимающихся ими. Не имѣя средствъ и возможности къ уничтоженію подобныхъ приемовъ, мастера не должны однако пренебрегать указываемыми наукой мѣрами, коими вредныя послѣдствія мастерства могутъ быть, если не совершенно отстранены, то, по крайней мѣрѣ, уменьшены.»

Вслѣдъ за этимъ исчислены всѣ существенныя неудобства портного мастерства и гигиеническія средства ихъ предотвращенія, безо всякихъ излишнихъ затрудненій для держателей мастерскихъ. Все это изложено кратко, ясно и совершенно доступно для тѣхъ, кому, по преимуществу, предназначалась эта брошюра. Мы надѣемся, что это не послѣднее *руководство*, такъ какъ въ брошюрѣ объявлено, что подобныя же наставленія будутъ, по мѣрѣ возможности, составлены и для другихъ мастерствъ, ибо правительство поставило себѣ цѣлью постоянно водворять въ ремесленную промышленность не одинъ только формальный порядокъ, но существенный, имѣя въ этомъ отношеніи въ виду отнюдь не стѣсненіе промышленности, а напротивъ того, сообщеніе ей всѣхъ средствъ къ развитію въ той мѣрѣ, въ какой это возможно, не причиняя вреда народному здоровью.

Отъ души привѣтствуемъ начало изданія этихъ новыхъ и весьма полезныхъ брошюръ! Въ нихъ для насъ видѣтъ первый залогъ *человѣчной* заботливости правительства о томъ, о чемъ давнымъ-давно уже слѣдовало бы основательно позаботиться. Дай Богъ только, чтобы и фактической конецъ этого дѣла соответствовалъ его доброму началу!

Краткій политико-экономическій словарь. Изданіе И. И. Глазунова. Спб. 1859. in-12° (стр. 170).

Въ 1859 году вышла новая желтенькая книженка; издалъ ее книгопродавецъ И. Глазуновъ; называется она: *краткій политико-экономическій словарь*, — ну, и значить, издана на пользу общую и потребление; кажись бы такъ, — только вотъ вопросъ: кому и какую пользу, въ самомъ дѣлѣ, можетъ принести желтенькая книженка, по скромному заглавію своему изображающая нѣкоторую скромную претензію на современность; не на ту современность, которая втунѣ надрывается за *благодѣтельную гласность* и тому подобныя назидательныя и привлекательныя предметы, которыми очень удобно можно играть на словахъ, прикрывая фразою разные грѣхи, а на современность *научную*, на современность, ни болѣе, ни менѣе, какъ политической экономіи, слѣдовательно, на предметъ болѣе солиднаго свойства? Для специалистовъ политическихъ наукъ *краткій политико-экономическій словарь* никуда не годится: для специалистовъ не требуется объясненія *вкратцѣ* терминовъ родной имъ науки; люди же, занимающіеся неспеціально политической экономіей, вѣроятно также на столько знакомы съ принципами ея, что пособіе краткаго словаря для нихъ вовсе излишне: издатель, можетъ быть, увѣренъ, что они и не заглянутъ въ сего желтенькую книженку, — остаются профаны; положимъ, желтенькая книженка, не отличающаяся даже мягкой бумагой, имѣла въ виду профановъ, — но кто же изъ самыхъ отъявленныхъ профановъ и безъ помощи краткаго словаря, не знаетъ того, что «комерція» значить — «торговля, торгъ, купечество; контора, — комната для письменныхъ занятій; управление дѣлами купца или торговаго дома, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ?» кто же не знаетъ того, что «обмѣнъ» значить «мѣна, состоящая въ куплѣ и продажѣ,» а «покупка есть ничто иное, какъ полученіе предмета за деньги, сирѣчь, купля?» Странно бы было заподозрить въ такомъ наивномъ неусвоеніи этихъ простыхъ понятій любого профана, который уже рѣшается взять въ руки какую бы то ни было политико-экономическую книгу.

Вопросъ: изъ какихъ же причинъ и для кого же издавалась краткая желтенькая книженка?

МАТЕРИАЛЫ для истории южной Руси, изданные *Григоріем Милорадовичемъ*. Черниговъ. 1858 г. (стр. 109).

Хотя матеріалы, собранные г. Милорадовичемъ, и не имѣютъ особенной важности для того, чтобы раскрыть нѣчто новое въ мало разработанной исторіи южной Руси, однако для историка, специально занимающагося этимъ предметомъ, они имѣютъ своего рода относительную важность, потому-что почти нѣтъ того ничтожнаго акта, который не имѣлъ бы своей доли значенія при подобномъ трудѣ. Вслѣдствіе этого нельзя не отдать должной справедливости трудолюбивому составителю этой небольшой книги, въ ожиданіи и впредь отъ него продолженія столь полезнаго, безкорыстнаго и добросовѣстнаго труда.

Іовъ; свободное подражаніе священной книгѣ Іова. *Ө. Глинки*. Спб. 1859 г. in-8° (стр. 173).

Не смотря на негармоническую растянутость этой поэмы, какъ стройнаго цѣлаго, не смотря на несовременный, чересчуръ уже цвѣтисто-семейный и наивно-интимный элементъ предисловія и посвященія, не смотря, наконецъ, на нѣкоторую небрежность отдѣлки, по большей части безвременнаго стиха, которая какъ-то неволью отзывается старчествомъ, и дикость нѣкоторыхъ неестественно придуманныхъ авторомъ словъ и натянутыхъ выраженій, мы не можемъ не указать на нѣсколько прекрасныхъ, благородныхъ мѣстъ поэмы, которыя доходятъ до высоко-энергическаго порыва и дышать неподдѣльной, искренней поэзіей и благородствомъ убѣжденій. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны XXXIV и XXXVI главы, высоко выдающіяся надъ всѣми остальными главами поэмы. При этомъ случаѣ мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ нѣсколько отрывковъ, напримѣръ, вотъ этотъ:

Творца судить дерзнетъ-ли тварь?!
 Сидитъ земной на тронѣ царь,
 Одѣявъ властію землею,
 И мощно править онъ страну,
 Съ непоколебимостью судьбы;
 Предъ нимъ дрожать его рабы:
 А Богъ не самъ-ли управляетъ

Своей небесной высотой?
 Ужель Онъ сдалъ міроуправленіе
 Другому Богу — и почилъ?...
 О, нѣтъ! Онъ Самъ, своей десницей,
 Вращаетъ небомъ и землей,
 И, подъ вѣнцомъ и багряницей,
 Смущаетъ духъ земныхъ царей, —
 Когда народовъ вопль и стоны
 Тревожатъ неба высоты,
 И люди просятъ правоты,
 И отъ насилій обороны....
 Одною нищаго слезой
 Онъ, тронутый, идетъ съ грозой,
 Идетъ съ судомъ неумолимымъ!
 Предъ Нимъ предвѣстный мчится страхъ;
 Онъ гордыхъ расшибаетъ въ прахъ,
 И ставитъ щитъ передъ гонимымъ,
 И бережетъ его въ бѣдахъ.
 Владѣя небомъ, смертью, адомъ,
 Онъ нищихъ и царей разитъ —
 Все тѣмъ-же стрѣлометнымъ взглядомъ! —
 Творенье все въ рукѣ Творца:
 Предъ нимъ и спяные слабѣютъ,
 И, подъ сіяніемъ вѣнца,
 Дрожатъ предчувствіемъ сердца,
 И души, судъ слыша, мгнѣютъ....
 Кто сводитъ бурю съ вышины?
 Кто движетъ въ океанѣ воды,
 До ихъ бездонной глубины? —
 Кто возмущаетъ вдругъ народы? —
 Вотъ, средь полнощной тишины,
 Зажглись огни, оружье блещетъ,
 Въ толпахъ мятежныхъ дикій ревъ;
 Отбита стража, градъ трепещетъ:
 То — Божій судъ, то — Божій гнѣвъ!..
 Всезрящій не глядитъ на лица,
 Судъ равный всякому даетъ;
 Вѣрна въ грозѣ его десница,
 И мечъ безъ промаха сѣчетъ....

.....
 .....

.....
 .....
 Се! — Онъ пустыни изшумилъ
 И, въ видѣ пышнаго намета,
 Надъ ними собралъ облака:
 Велить — и горяя рѣка
 Дождями брызнетъ на долины;
 Забороздится высь огнемъ,
 И море закипитъ ключемъ,
 И темя волнъ его сѣдины
 Кудрявой пѣной облекутъ,
 И грозно на скалы пойдутъ —
 Съ кипящимъ громомъ исполины...
 Не то — плеснетъ моря цвѣтовъ
 На грудь смѣющихся луговъ! —
 Такъ, правя сушей и морями,
 Свершаетъ Богъ *сверховный* судъ
 Надъ царствами и надъ царями!
 Смотри!... Онъ молнію схватилъ
 И, метя на чело гордыни,
 Громами огласилъ пустыни,
 И рекъ: «рази!» Разить.... и въ прахъ
 Упали грады-великаны,
 И прахъ слизали ураганы!...
 .....
 .....
 ..... Будетъ ночь
 Грозна, таинственна, ужасна,
 Въ которую разгромный вихрь
 Прочитя страшно надъ землею
 И сломитъ все, сомнетъ, сорветъ,
 И вырветъ съ корнемъ грѣхъ и сплу,
 И кости грѣшниковъ смететъ
 Въ широко-зѣвную могилу...

Надѣмся, что эти выписки достаточно подтверждаютъ сказанное нами въ началѣ нашего отзыва. Правда, онѣ составляютъ лучшія мѣста поэмы: все остальное блѣднѣетъ передъ ними; но сами по себѣ онѣ столь хороши и столь благородны, что для нихъ нельзя не извинить автору нѣкоторыхъ его недостатковъ.

Стихотворенія С. Николаевскаго. Спб. 1859 г. in-8° (стр. 158).

Недалѣе, какъ въ этой же книжкѣ, мы имѣли случай говорить о значеніи поэтической личности, отражаемой ея собственными произведеніями, въ которыхъ, какъ въ лучшихъ, или по-крайней-мѣрѣ *идеальнѣйшихъ* проявленіяхъ ея, непременно отражается физиогномія поэта, съ ея характерными особенностями; съ ея своеобразнымъ значеніемъ, — однимъ словомъ, отражается *весь поэтъ* со стороны его моральной природы. Теперь же намъ представляется пріятный случай сказать и о значеніи самыхъ произведеній, какъ выраженія нравственной личности поэта. Нерѣдко произведенія его сами по себѣ становятся лучшими матеріалами для его біографіи. Для насъ же вообще имѣеть своего рода неотъемлимую важность біографія всякаго поэта и въ случаѣ, если бы для будущей біографіи нашего поэта С. Николаевскаго не оказалось достаточное количество біографическихъ данныхъ, мы попытаемся доставить о немъ нѣкоторыя важнѣйшія свѣдѣнія на основаніи собственныхъ же его произведеній.

Поэтъ, какъ видно, много размышлялъ надъ самимъ собою, углублялся во дни своего отрочества, провѣрялъ мечты юности и наконецъ дошелъ до удивленія къ самому себѣ, — удивился и не могъ не воскликнуть съ благородною гордостью:

Сколько гимновъ стройныхъ
Въ честь высокихъ дѣлъ,
Въ честь сыновъ достойныхъ
Руси я напѣлъ!

Дѣйствительно, напѣлъ онъ очень много; но объ томъ, что именно онъ изволилъ напѣть, мы распространимся далѣе, въ своемъ мѣстѣ, а теперь обратимся лучше къ его многознаменательной и поучительной біографіи. Дѣтство свое онъ началъ тѣмъ, что прежде всего счелъ своимъ непремѣннымъ долгомъ изъявить свою преданность и наиглубочайшее почтеніе «Музѣ». Это было еще очень давно, въ то время когда его завертывали въ непоэтическія пеленки, на что у насъ имѣется его собственноручное свидѣтельство, такъ что будущій біографъ можетъ смѣло положиться на историческую

несомнѣнность этого факта; жаль только, что эта достопо-
ттенная муза портила нѣжную натуру нашего поэта, потому-
что научила его какому-то таинственному веселью. Несомнѣ-
ность и этого послѣдняго факта столь же очевидна, какъ и
вредящаго, потому-что г. Николаевскій самъ изволилъ
относится объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ:

*Чуть из пеленъ, едва из колыбели,
Уже своимъ ты нарекла меня,
И рядъ иныхъ, таинственныхъ веселій,
Стала отрока манить съ того-же дня.*

Послѣ цѣлаго ряда этихъ таинственныхъ наслажденій,
г. Николаевскій сообразилъ, что не худо бы было извлечь
посильную пользу для себя изъ своего же собственнаго языка
и вслѣдствіе этого тотчасъ же его око

*далече прозрѣло,
Грѣховный и слабый мочуъ сталъ языкъ.*

Достигнувъ желанной цѣли на этомъ хитроумномъ по-
прищѣ, онъ сталъ получать и достойные плоды, разумѣется
въ свою личную выгоду и пользу, ему это все ни почемъ:
онъ съ полной самоувѣренностью сказалъ о самомъ-себѣ:

*Затѣю-ли съ вѣрой и малое дѣло,
А плодъ его выйдетъ великъ.*

Слѣдовательно, какъ видите сами, въ подобнаго рода
дѣлахъ мало особенной смѣтки и языка, а нужна еще и
вѣра, нѣчто въ родѣ *высшаго покровя* и только съ *вѣрой*
можно дойти до чертоговъ различныхъ вельможъ. Такъ какъ
родъ занятій г. Николаевскаго обязываетъ его прикрываться
иногда и лохмотьями, то онъ зачастую изволилъ являться
въ такомъ нарядѣ и въ чертоги, какъ самъ на этотъ счетъ
выражается объ этомъ предметѣ:

*Прикрытый лохмотьемъ, лишь словомъ украшенъ,
Вхожу я въ чертоги вельможъ и царей;
А тамъ, не вкусивши отъ сладкихъ ихъ брашенъ,
Бѣгу я въ часъ ночи въ пещеры звѣрей.*

Мы не думаемъ, чтобы вельможи не дали г. Николаев-
скому вкусить отъ своихъ сладкихъ брашенъ, за его много-
трудную и усердную службу; не смѣемъ также заподозрить

и самого поэта въ столь гнусной клеветѣ и ложномъ доносѣ на сихъ доблестныхъ мужей, и потому смѣло относимъ это къ чисто типографскимъ погрѣшностямъ, недосмотру наборщика и корректора, но ужъ ни коимъ образомъ не къ скупости вельможъ, а то иначе, согласитесь сами, зачѣмъ бы г. Николаевскому и бѣжать ночью въ пещеры звѣрей?... Вопросъ же, зачѣмъ онъ побѣжалъ туда, мы покрываемъ непроницаемой завѣсой мрака, собственно по нѣкоторой его щекотливости, а все, что, нѣкоторымъ образомъ, позволительно добавить въ поясненіе его, основываясь на словахъ самаго поэта, такъ это только слѣдующую выписку:

Одно только прежнее чувство *въ пустыню* ¹⁾,
Изъ шумнаго міра унесъ я съ собой ²⁾:
 Любовь берегу я, какъ сердца святыню,
Любовью свершаю и подвигъ я свой ³⁾.

Затѣмъ подвиги г. Николаевскаго переносятся въ *темницу*, гдѣ встрѣчаетъ онъ утро. Мѣсто заточенія поэта было, конечно, болѣе прозаическаго и, разумѣется, не весьма пріятнаго свойства; но вѣдь нельзя же въ поэзии называть вещи настоящими ихъ именами; для красоты слога, очень удобно можно одно изъ такихъ прозаическихъ понятій замѣнить словомъ *пещера*, а другое словомъ *темница*. Но въ темницѣ съ господиномъ Николаевскимъ стали уже дѣлаться странныя вещи: у него въ глазахъ вдругъ, откуда не возмись, солнечный лучъ и давай прыгать!... буквально *прыгать!* да еще и прикипать къ темничному ложу г. Николаевскаго съ улыбкою привѣта... Это странное явленіе, весьма близкое къ *чертикамъ* и *зеленому змію*, естественно, было слѣдствіемъ внушенія сладкихъ яствъ и питія въ чертогахъ вельможъ, куды, благодаря своему языку, проникаетъ г. Николаевскій.

Но можете ли себѣ представить, какъ печально было положеніе поэта въ темницѣ, послѣ чертоговъ-то, послѣ слад-

1) Т. е. въ пещеры звѣрей.

2) Т. е. изъ чертоговъ вельможъ.

3) Желательно-бы было знать, какой именно подвигъ свершала г. Николаевскій среди ночи, въ пещерахъ звѣрей и о какой любви говоритъ онъ? Ужъ не о томъ-ли таинственномъ весельи, которому еще въ отрочествѣ научила его муза. *Да и что, наконецъ, это за пещеры?*

каго яствія и питія! надо было, во что бы то ни стало, выйдти изъ этого грустнаго положенія, — онъ и умудрился, повернувъ дѣло очень просто: взялъ да и сталъ писать высокія оды на разные случаи, ну, и не ошибся въ расчетѣ: опять очутился по прежнему въ чертогахъ, для которыхъ требуется весьма немногое; но ужъ тутъ одолѣлъ его дикій и ярый бѣсъ славолюбія, и, въ слѣдствіе этого, сталъ онъ на удивленіе грядущимъ вѣкамъ и потомкамъ, воздвигать себѣ достойный мавзолей, восклицая:

И передамъ я смыслъ своихъ страданій,
И чувствъ ожившихъ силою твоей (т. е. музы),
И такъ теперь, изъ собственныхъ преданій,
Я заживо построю мавзолей.

Этимъ мавзолеемъ г. Николаевскій надѣется обезсмертить описанныя выше похождения свои, а мы, ужъ за одно, сдѣлали на него и скромную біографическую надпись.

Но довольно о похожденияхъ, надо поговорить и о талантѣ. — Г. Николаевскій высокій поэтъ, онъ не касается предметовъ *подлыхъ*, а воспѣваетъ предметы только высокіхъ, высшихъ и высочайшихъ свойствъ; даже пародія его на стихотвореніе Лермонтова «Воздушный корабль» *) принимаетъ лирико-патріотическое пареніе, а къ російской имперіи онъ относится не иначе, какъ называя ее Русь, матушка, кормилица, святая, родимая и т. п. — вообще питаетъ къ ней пѣжно-пѣническія, сыновнія чувствованія. И притомъ еще, крѣпко вѣруетъ, что все то, чѣмъ Русь жила до половины послѣдняго десятилѣтія — ни коимъ образомъ не умретъ —

Наши чувства, наша сила,
Все, чѣмъ Русь жива — живеть.
Нѣтъ на свѣтѣ нмѣ могилы,
Ихъ и время не возьметъ!

А въ господниѣ Виземскомъ онъ находитъ удивительное свойство *вдохновляться свѣтло въ кочующей берлохъ (!)* и тутъ же прибавляетъ въ своемъ хвалебномъ гимнѣ къ нему слѣдующія два пятистишія:

*) Флотъ мертвцовъ.

Но одну-ли ты природу
Ярко такъ изобразилъ,
Въ память буйственному юду,
Ты лже-мудрую свободу
Словомъ правды поразилъ.

Славу, честь отчизны милой,
Доблесть царственной семьи, —
Все воспѣли съ дивной силой,
Въ годъ другой лихой, унылой,
Струны звучныя твои.

Но кромѣ этой заслуги —

Пѣснь твоя (т. е. господина Вяземскаго) еще иная
Есть сердечно-хороша!

воскликаетъ г. Николаевскій и въ сердечномъ умиленіи прибавляетъ въ заключеніе гимна:

Будь-же долго *вдохновеннымъ* (?),
Первымъ (???) *родины пльцомъ*. (!!!)

Съ Пушкинымъ онъ также находится въ весьма интимныхъ отношеніяхъ и обходится съ нимъ очень фамиллярно, совсѣмъ за-просто, называя его *милицъ своимъ Пушкинымъ*. У него есть стихи и къ лебедю, который въ 1849 году, во время смуть въ Италіи, гдѣ *гремѣлъ тогда военный гласъ*, улетѣлъ подъ незлобную сѣнь россійскаго орла, и зажилъ себѣ въ благословенномъ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи. Есть въ свою очередь стихотвореніе и къ орлу, который «на возмутителей слетаетъ»; по этому вообще Англичане и Французы не пользуются особеннымъ сочувствіемъ нашего поэта: онъ совершенно добросовѣстно придаетъ имъ эпитетъ *богомерзкихъ*

Христова имени враговъ,
Отецтва клеветниковъ.

Но лучшее стихотвореніе г. Николаевскаго относится къ нашему молодому поколѣнію; оно столь хорошо и многозначительно, что мы не можемъ не привести его въ назиданіе нашимъ юношамъ:

Не знаетъ племя молодое
Ни ненавидѣть, ни любить;

Отд. II.

¼ 8

*Лишь знаетъ время золотое
 Оно безсмысленно губить,
 Безъ цѣли въ мѣрѣ проходя,
 Гурьбы страстей съ собой ведя.
 Они, взлеглажные счастьемъ,
 Благословенные судьбой,
 Знакомы-ль съ искреннимъ участьемъ,
 Съ молитвой, съ жизненной борьбой?
 Сихъ блаз не въдаютъ они.
 Блзутъ въ ничтожествъ ихъ дни.
 Во цвѣтѣ лѣтъ счастливыцы эти,
 Пришла ихъ подвиговъ пора;
 Но, какъ безсмысленныя дѣти,
 Они для правды, для добра,
 Да, дѣти! Только ихъ мечты
 Такъ чужды дѣтской чистоты!
 На все ихъ голось безотвѣтенъ,
 Чтѣ носить истины печать:
 Для нихъ тотъ свѣточъ непримѣтенъ,
 Въ котормъ блещетъ благодать,
 Остановиться-бы предъ нимъ, —
 Да веселиться надо имъ.*

Вотъ, на такихъ-то незыблемыхъ основаніяхъ строить свой мавзолей нашъ знаменитый поэтъ, который, считая свое стихописаніе великимъ гражданскимъ подвигомъ, изображаетъ на своемъ монументѣ слѣдующую эпитафію:

*И полонъ весь святыхъ волненій
 За Русь свою, ей вѣрный сынъ
 Въ страницахъ легкихъ вдохновеній
 Сказался я, какъ гражданинъ!*

Но это еще не все: намъ хочется вмѣстѣ съ нимъ предложить вамъ, господа, одну замысловатую загадку, дѣло идетъ о поэтѣ, который говоритъ:

Всеобщій смѣхъ встрѣчаю я сурово,
 Разсѣянно внимаю похвалямъ;
 И хочется сказать мнѣ правды слово
Тѣмъ дилеттантамъ-господамъ:
 Дивитесь вы красѣ поэтава созданья,
 Его огнемъ согрѣты въ васъ сердца;

Но много-ли пришлось участя и вниманья
 На долю самого пѣвца?

.....
 .....
 .....
 .....

*Но вотъ идетъ межъ васъ небесъ избранникъ,
 Другой великій человекъ;*

*Идетъ неузнанный; всю жизнь влечить, какъ странникъ,
 И бѣдственно кончаетъ вѣкъ.*

*И вамъ съ укоръ потомъ признаютъ ваши дѣти,
 Что этотъ странникъ былъ пророкъ.*

Какъ бы вы думали, господа, кто бы такой могъ быть
 этотъ пророкъ, этотъ избранникъ небесъ? — Я вижу, вы
 теряетесь въ догадкахъ, вы приходите въ тупикъ, — успо-
 койтесь: это ни болѣе, ни менѣе, какъ нашъ чертожный,
 знаменитый, Николаевскій-поэтъ!

В—дъ Кр—скій.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы, на стра-
 ницы нашего библіографическаго перечня, извѣщеніе о вы-
 ходѣ въ свѣтъ втораго изданія, столь давно ожидаемыхъ
 всѣми «Записокъ охотника» Тургенева (въ двухъ частяхъ
 in-12° стр. I ч. 316, стр. II ч. 312). Изданіе сдѣлано *безъ*
перемѣнъ. Въ составъ первой части вошли рассказы: 1) Хорь
 и Калинычъ, 2) Ермолай и Мельничиха, 3) Малиновая вода,
 4) Уѣздный лекарь, 5) Мой сосѣдъ Радиновъ, 6) Одиногорецъ
 Овсянниковъ, 7) Льговъ, 8) Бѣжинъ лугъ, 9) Касьянъ съ
 красивой Мечи, 10) Бурмистръ, 11) Контора. Вторая часть
 заключаетъ въ себѣ также одиннадцать рассказовъ: 12) Би-
 рюкъ, 13) Два помѣщика, 14) Лебедянь, 15) Татьяна Бори-
 совна и ея племянникъ, 16) Смерть, 17) Пѣвцы, 18) Петръ
 Петровичъ Каратаевъ, 19) Свиданіе, 20) Гамлетъ Щагров-
 скаго уѣзда, 21) Чертопхановъ и Недопюскинъ и; 22) Лѣсъ
 и степь. Въ будущей (Іюльскоѣ) книжкѣ нашего журнала

будетъ данъ отчетъ о Запискахъ охотника въ критической статьѣ редактора А. А. Григорьева, которая закончитъ собою обзоръ литературной дѣятельности Тургенева.

Книга продается въ Петербургѣ — во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а въ Москвѣ у книгопродавца Ивана Васильевича Базунова. Цѣна за двѣ части 3 рубля, съ пересылкою же 3 рубля 50 копѣекъ себѣбромъ.

Въ слѣдующей же книжкѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ библиографіи, мы представимъ отчетъ и о «Украинскихъ народныхъ разсказахъ» Марка Вовчка, прекрасно переведенныхъ съ малороссійскаго нарѣчія на русскій языкъ Тургеневымъ.

Шиллеръ въ переводъ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Томъ V, VI и VII, in-12°.

Надѣмся въ скоромъ времени поговорить, на страницахъ нашей библиографіи, объ этихъ трехъ послѣднихъ томахъ и вообще обо всемъ изданіи Н. В. Гербеля, теперь-же, для желающихъ нѣсколько ознакомиться съ содержаніемъ этихъ трехъ частей и вновь предполагаемыхъ VIII, IX и X мы сообщимъ пока нѣчто изъ предисловія самого издателя. Пятый томъ заключаетъ въ себѣ: 1) «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ». Трагедія въ пяти актахъ. Переводъ Н. Гербеля и 2) «Марія Стюартъ». Трагедія въ пяти актахъ. Переводъ А. Шишкова 2-го. Въ составъ шестаго тома войдутъ слѣдующія пьесы драматическаго содержанія: «Валенштейнъ». Драматическая поэма въ двухъ частяхъ. Часть I «Прологъ» въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея, «Лагерь Валенштейна» въ *новомъ-же* переводѣ Л. А. Мея, «Пикколомини», также въ *новомъ* переводѣ В. А. Лялина. Часть II. «Смерть Валленштейна», въ старомъ переводѣ А. А. Шишкова 2-го. *Часть седьмая*: «Орлеанская Дѣва», въ старомъ переводѣ В. А. Жуковскаго, съ приобщеніемъ, въ примѣчаніяхъ, не переведенныхъ имъ мѣстъ, въ переводѣ Л. А. Мея, и «Коварство и Любовь» въ *новомъ* переводѣ М. М. Достоевскаго. *Часть осьмая* также готовится къ печати. Въ составъ ея войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», не оконченная трагедія, въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея, «Духовидѣцъ», романъ, также въ *новомъ* переводѣ А. А. Григорьева, «Мизантропъ», дра-

матическій отрывокъ, въ *новомъ же* переводѣ издателя, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ двѣ первыя части «Шиллера», въ переводахъ В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берта, Н. В. Гербеля, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, Ѳ. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ. *Части девятая и десятая*, куда войдутъ два большихъ историческихъ сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны» и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества», оба въ *новыхъ* переводахъ, первое — М. Л. Михайлова, а второе — Л. А. Мея, также начаты. Остальныя *одинадцатая и двѣнадцатая части* будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера. Многія изъ нихъ уже переведены; остальные — переводятся.

О сочиненіяхъ Э. И. Губера, изданныхъ подъ редакціей А. Г. Тихменева, мы надѣемся въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ, по возможности въ ближайшемъ, представить полный отчетъ; теперь же скажемъ, что изданіе сдѣлано весьма добросовѣстно и опрятно — (in-12°). Въ началѣ перваго тома приложенъ прекрасный гравированный портретъ поэта (въ видѣ бюста) и подъ нимъ факсимиле его подписи.

В. В. Писаревъ, составитель техническихъ руководствъ, недавно составилъ новое руководство о постройкѣ водяныхъ мельницъ. Эта книга, въ составъ которой вошли записки извѣстнаго своею 30-ти лѣтнею практикою строителя Цырга, есть плодъ двѣнадцатилѣтняго практическаго труда и изученія. Она, при 15-ти листахъ текста, заключаетъ въ себѣ 700 политипажей. Вотъ ея содержаніе:

Введеніе. Разрѣшеніе вопросовъ, предшествующихъ постройкѣ водяныхъ мѣльницъ.

Глава I. Начальныя свѣдѣнія изъ гидравлики. — Живое сѣченіе. Подводный периметръ. Паденіе рѣки. Нивелировка. Скорость. Средняя скорость на поверхности. Измѣреніе средней скорости на поверхности: поплавки, колеса съ лопатками. Средняя скорость живаго сѣченія и опредѣленіе оной. Таблица Дюбоа. Расходъ живаго сѣченія. Измѣреніе живаго сѣченія помощію формулы Симпсона и безъ оной. Запасъ работы воды, зависимость оной. Вычисленіе запаса работы воды.

Глава II. О прудѣ и плотинахъ вообще. Водоспоръ. Подпруды. Плотины съ водосливомъ и прорѣзныя. Свѣдѣнія о рѣкахъ. Развѣдка грунта. Измѣренія каменныхъ и земляныхъ плотинъ. Подробности устройства плотинъ земляныхъ и машинныхъ.

Глава III. О гидравлическихъ приемникахъ. — Теорія дѣйствія гидравлическихъ приемниковъ. Нормальная скорость. Произведенное дѣйствіе. Раздѣленіе гидравлическихъ приемниковъ. Гидравлическія колеса, водостолбовыя машины. Инструменты нужные для постройки гидравлическихъ колесъ. Подробности о устройствѣ составныхъ частей водяныхъ колесъ, валовъ, ободьевъ, перьевъ, ковшей, ручекъ и проч. Описаніе Турбинъ: Шотландской Вейтлау, Фурниерова, Коллона, Фонтеня, Жонваля, Кехлина, Швамкуга, Боржуа, Вейсбаха и др.

Глава IV. О передаточныхъ и исполнительныхъ механизмахъ. Приводы: простыя, сложныя. Подробности устройства зубчатыхъ колесъ, шестеренъ и проч.

Исполнительные механизмы: жернова и сопредѣльныя съ ними части: сита, безконечныя винты и проч.; дополнительные механизмы.

Глава V. Образцы мельницъ. Описаніе полной водяной мельницы. Мельницы, приводимыя въ движеніе силою животныхныхъ.

Въ настоящемъ номерѣ «Русскаго Слова», мы имѣемъ удовольствіе представить читателямъ нашимъ біографію покойнаго Александра Гумбольдта, теперь же увѣдомляемъ, что извѣстный книгопродавецъ и издатель А. Смирдинъ-сынъ (и комп.) намѣренъ предпринять изданіе его сочиненій. Въ настоящее время мы не можемъ еще дать отчета о подробностяхъ этого предпріятія, замѣтимъ однако, что по извѣщенію г. Смирдина, переводъ и редакція переданы будутъ лицамъ вполне владѣющимъ предметомъ. Виѣшность изданія будетъ соотвѣтствовать внутреннему достоинству и цѣна будетъ назначена, по возможности умѣренная. Желаемъ полнаго успѣха этому доброму и полезному предпріятію.

С М Ъ С Ъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА IX.

Римъ. — Гулянье на Монте-Пинчіо. — Панорама Рима. — Храмъ св. Петра.
— Сикстинская капелла. — Микель-Анджело.

Не смотря на то, что Италія славится своею зимою, своимъ постояннымъ тепломъ, какъ-бы нескончаемымъ лѣтомъ; но бывали дни въ Римѣ, и даже цѣлыя недѣли — когда мы всѣ кутались какъ только могли, усаживаясь вокругъ затопленнаго камина и стараясь согрѣться; — обжигали себѣ ноги и руки у очага, а въ то же время холодный вѣтеръ, пробравшись съ визгомъ сквозь неплотно притворенное окно, такъ и пронизывалъ насъ холодомъ. Бывало даже, утромъ выйдешь изъ дому, чтобъ продолжать свои прогулки по римскимъ древностямъ, и видишь къ изумленію своему, что фонтаны на площади del Popolo, или на площади di Spagna остановили свое теченіе — они замерзли.

Итальянцы меня всегда старались увѣрить, что это небывалый случай, что они не помнятъ еще такой холодной зимы въ Римѣ. Но я мало вѣрю этому, и думаю скорѣе, что всѣ эти восклицанія моего чичероне, который болѣе всѣхъ старался мнѣ доказать небывалость такихъ холодовъ въ Римѣ, происходитъ отъ избытка любви къ родинѣ — чувства совершенно извинительнаго и даже похвальнаго.

Правда тоже, что утренніе морозы эти, которые намъ были всѣмъ такъ чувствительны, никогда не превышали 2-хъ или 3-хъ градусовъ ниже нуля; да еще какъ-бы въ вознагражденіе за нихъ посреди той-же холодной недѣли, выдаться вдругъ ясный чудный день; солнце выглянетъ блестящее, свѣтлое изъ массы темныхъ облаковъ, разсѣтъ ихъ въ мигъ, — все оживетъ во-кругъ васъ, — улицы, площади наполнятся народомъ. Коляски,

тильбюри, верховые всадники и всадницы покажутся со всѣхъ сторонъ. Вы невольно послѣдуете общему примѣру — и длинная вереница экипажей потянется къ Monte Pincio, обычному гульню Рима. По широкой аллеѣ окруженной лѣсомъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ и кустовъ, вы вѣзжаете на самый хребетъ Monte Pincio, и тутъ останавливаетесь чтобъ послушать полковую музыку и полюбоваться самою лучшею панорамою Рима. Весь городъ у вашихъ ногъ; по срединѣ, какъ-бы царствуя надъ нимъ, громадно рисуется куполъ Св. Петра, — вокругъ него расположены весь городъ, тутъ направо Ватиканъ, тамъ подалеже Капитолій, налѣво castro St. Angelo и мостъ того-же имени перекинутый черезъ Тибръ, котораго желтыя воды внушили столько стиховъ мѣстнымъ и чужестраннымъ поэтамъ.

Тибръ извилистый точно змѣй, раздѣляетъ весь Римъ на двѣ половины, и отсюда съ горы, его изгибы чрезвычайно живописны.

Въ теплый, ясный день, вся эта аллея и эта площадка на самой вершинѣ горы Пинчю, наполнены народомъ и гѣшеходами и экипажами, и всѣ каждый разъ останавливаются дойдя до верху у мраморныхъ перилъ ограждающихъ площадку — и всѣ рѣшительно любятъ и не налюбуются прелестнымъ видомъ, необыкновенною панорамою. Но любуясь этимъ прелестнымъ видомъ, невольно сосредоточивашь все свое вниманіе на самый центръ панорамы, на этотъ смѣлый куполъ Св. Петра, гениальное произведеніе Микель-Анджело столь часто описанное и расхваленное всѣми. Я съ своей стороны часто даже оставлялъ это людное гулянье, — впрочемъ до гуляній вообще я не страстный охотникъ, въ какомъ-бы они видѣ не были, — и спѣшилъ еще разъ насладиться осмотромъ этого чуднаго произведенія величайшаго художника.

Такъ и васъ, любезные читатели, я попрошу покинуть гулянье и сѣсть со мною въ наемную мою коляску, чтобъ съѣздить въ знаменитый храмъ.

Вамъ можетъ - быть грустно, любезная читательница, что я не хочу остаться долѣе на Monte Pincio, не передаю вамъ тулетовъ, шляпокъ, волановъ и длинныхъ предлинныхъ хвостовъ нынѣшнихъ модныхъ дамскихъ платьевъ; не стараюсь вамъ обрисовать форму модныхъ колясокъ, тильбури, американскихъ фаэтоновъ, не говорю ни слова объ упряжи какой-нибудь четверки сѣрыхъ лошадей, запряженныхъ à la Daumon, съ жокеями одѣтыми въ полосатыя шелковыя куртки съ букетами

розановъ вѣ петлицѣ; не описываю еще этихъ молодыхъ Англичанъ высокихъ, стройныхъ, съ густыми темными или бѣлокурыми бакенбардами или съ тоненькимъ усикомъ завитымъ нѣсколько вверхъ; не рассказываю вамъ какъ они ловко сидятъ на своихъ кровныхъ лошадяхъ, припрыгивая, какъ увѣряютъ знатоки, чрезвычайно граціозно во время рыси, вытягивая свои тощія ноги, одѣтыя въ клѣтчатыя панталоны и высовывая ихъ впередъ.

Все это конечно чрезвычайно занимательно, чрезвычайно мило, граціозно, эффектно, но все это повторяется, встрѣчается всегда и вездѣ, и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Москвѣ, — только мѣстность другая, а народъ все тотъ-же. Притомъ, какъ хотите, сиди въ наемной моей коляскѣ полинялой, запачканой, запряженной парю тощихъ и крайне-высокихъ лошадей, которыми управляетъ, сидя на чрезвычайно возвышенныхъ козлахъ, старикъ кучеръ, одѣтый въ какое-то рыжее пальто съ двѣнадцатью, по-крайней-мѣрѣ, воротниками, — сидя въ такого рода экипажѣ, конечно даже совѣстно вмѣшаться въ эту блестящую пышную разнопвѣтную толпу. И я еще разъ васъ увѣряю, что всегда съ удовольствіемъ покидалъ такого рода людное увеселеніе и даже на сей разъ позволю себѣ пригласить васъ, любезные читатель и читательница, послѣдовать за мною въ храмъ Св. Петра.

Прежде всего я считаю долгомъ своимъ васъ предупредить, что я пропускаю всю исторію этого знаменитаго храма. Исторія эта очень сложная, длинная, и навѣрно я ее не лучше сдумѣлъ бы рассказать, чѣмъ рассказывали ее уже до меня сотни писателей-путешественниковъ. Скажу только что храмъ этотъ былъ начатъ при Папѣ Николаѣ V; Браманте, Сангалю, Рафаель, Микель-Анджело, Бернини, Виниоли и еще многіе другіе попеременно содѣйствовали украшенію этого храма. Но безъ всякаго сомнѣнія, главнымъ строителемъ его долженъ быть признанъ *Микель-Анджело*, хотя онъ не успѣлъ докончить задуманный имъ куполъ, который до-сихъ-поръ удивляетъ всѣхъ своею смѣлостью рисунка и громадностью размѣровъ; но планъ этого купола принадлежитъ ему.

Трудно счесть, сколько милліоновъ стоила вся эта постройка, которая по нѣскольку разъ прерывалась за неимѣніемъ нужныхъ средствъ.

Папа Левъ X придумалъ весьма остроумное средство, чтобъ собрать требующіяся деньги. Средство это, конечно, не можетъ

быть названо иначе как остроумнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть признано явнымъ доказательствомъ упадка нравственности того времени, въ-особенности въ римскомъ духовенствѣ.

Левъ X началъ продавать индульгенціи, т. е. прощеніе грѣховъ, и каждый грѣхъ былъ такимъ образомъ оцѣненъ въ извѣстное количество скудъ. Эти деньги служили для дальнѣйшей постройки храма. Грѣховъ по-видимому было въ то время немало, потому-что деньги сышались постоянно въ кассу папы и задержекъ болѣе съ-тѣхъ-поръ не было.

Эта продажа индульгенцій тотчасъ-же возбудила многихъ, которые стали порицать такое неслыханное и безнравственное учрежденіе. Появились Лютеръ и многіе другіе. Ереси множились и распространялись — и такимъ образомъ сооруженіе величайшаго храма христіанскаго было отчасти причиною распадѣнія и упадка католицизма въ Европѣ! Но оставимъ исторію, перейдемъ къ настоящему.

Нельзя ничего себѣ представить величественнѣе, какъ площадь, растилающаяся передъ храмомъ Петра, — она окружена съ обѣихъ сторонъ широкою колоннадою, которая сперва идетъ вертикально къ храму и образуетъ такимъ образомъ цѣлую площадь, потомъ расширяется и изгибаясь дугою, вновь почти соединяется. Посреди этой второй уже круглой площади, поставленъ огромный обелискъ и по бокамъ два большіе фонтана, чрезвычайно изящно устроенные. Площадь эта, фонтаны и обелискъ, все съ перваго взгляда вамъ кажется нисколько не такъ громаднымъ, но когда вы подходите къ каждой колоннѣ боковыхъ галерей и размѣрите ближе величину каждаго монолита, когда вы наконецъ, пройдя всю длину обѣихъ соединенныхъ площадей выше описанныхъ, взойдете на крыльцо самаго храма, которое само-по-себѣ составляетъ опять уже третью площадь, то вы истинно удивитесь этимъ невѣроятнымъ размѣрамъ.

При входѣ во внутрь храма, въ сѣняхъ стоятъ по бокамъ двѣ верховыя статуи, одна изъ нихъ на право, работы Бернини, изображаетъ Константина Великаго; другая на лѣво, работы Корнаккини — Карла Великаго. За ними находится дверь, ведущая въ Ватиканъ, но мы не останавливаясь предъ этими кованными статуями, войдемъ въ среднюю дверь.

Но какъ вамъ описать все, что я почувствовалъ въ первый разъ, когда я вошелъ въ этотъ храмъ? Не то что трудно, но можно смѣло сказать — невозможно. Храмъ Св. Петра поразилъ

меня прежде всего своимъ освѣщеніемъ, — я до-сихъ-поръ привыкъ видѣть внутренность церковей большихъ, даже соборовъ, въ полу-мракѣ, — здѣсь-же напротивъ такъ-же свѣтло, какъ на самой площади. Толстыя каменные пиластры съ мраморными херувимами, различныя мраморныя памятники надъ гробницами бывшихъ папъ — все это такъ ясно представляется вамъ, какъ-бы подъ открытымъ сводомъ; а въ центрѣ храма подъ самымъ куполомъ возвышается главный престолъ, увѣнчанный громаднымъ балдахиномъ, поддерживаемый четырьмя витыми бронзовыми колоннами.

Мы такъ привыкли всѣ находить таинственный полусвѣтъ во всѣхъ внутренностяхъ соборовъ, церковей, что яркое дневное освѣщеніе, не только поражаетъ съ перваго разу, но даже словно уменьшаетъ первое впечатлѣніе. Размѣры этихъ громадныхъ пиластровъ, которые поддерживаютъ своды, вамъ кажутся только весьма обыкновенными; мраморныя ангелы, украшающіе капитель и базисъ этихъ пиластръ, вамъ представляются такой-же величины, какъ тѣ гипсовые ангельчики, которыхъ продаютъ весною на улицахъ петербургскихъ, и вы смѣло идете къ любому столбу, чтобъ удостовѣриться ближе въ совершенно преувеличенной — какъ вамъ кажется въ то время — славѣ громадности всего собора, — и тотчасъ, съ первыхъ шаговъ, вы узнаете всю вашу ошибку. Вы наконецъ подходите совершенно къ одному изъ этихъ пиластровъ и видите, что эти ангелы чуть-ли не въ ростъ взрослому человѣку, — чѣмъ дальше вы углубляетесь во внутренность собора, тѣмъ громаднѣе онъ вамъ кажется; наконецъ у одного изъ среднихъ столбовъ поддерживающихъ самый куполъ, вы подходите къ огромному изображенію Св. Апостола Петра, вылитого изъ бронзы, и подходя къ нему вы видите, что пьедесталъ его такъ высокъ, что вы только можете дотронуться устами до одной ноги всей статуи, эта нога вся уже искажилась и превратилась въ какой-то неопредѣленный круглый комокъ бронзы отъ частаго прикосновенія вѣрующихъ, потому что эта статуя Св. Петра, пользуется большимъ почетомъ у всѣхъ Итальянцевъ.

Кстати объ этомъ. Вообразите, что эта всѣми уважаемая статуя, которая читается почти какъ святыня, нечто иное какъ древнее изображеніе Юпитера, которое было найдено не помню уже въ какихъ развалинахъ Рима. Папа нашелъ возможнымъ, прибавивъ только два бронзовые ключа, которые онъ вложилъ въ лѣвую руку идола превратить его въ святыню. Неужели между

идоломъ и боготворимой статуей въ храмъ Св. Петра, только и есть разнища въ бронзовыхъ ключахъ? А народъ слѣпо вѣрнѣ въ эту святыню, и смиренно, благоговѣнно прикладывается къ лѣвой ногѣ бывшаго Юпитера, который уже теперь сидитъ въ своихъ креслахъ представляя апостола, — и дотого много этихъ вѣрующихъ, что, какъ я уже вамъ сказалъ, эта бронзовая нога вся огладилась и превратилась въ нѣчто круглое, что-то въ родѣ перста. Сколько нужно было такихъ устъ, чтобъ сгладить бронзовую ногу?

Когда вы достигли самага центра храма и находитесь подъ куполомъ, величайшимъ архитектурнымъ твореніемъ знаменитаго Микель-Анджело, вы совершенно понимаете тѣ восторженные возгласы, которые вы вѣрно встрѣчали въ описаніяхъ этого храма. Истинно стоитъ остаться не болѣе пяти минутъ, чтобъ пожелать уже пробыть цѣлыя сутки въ какомъ-то восторженномъ напряженіи. Простота и вмѣстѣ съ тѣмъ пзщество всѣхъ линий; чрезвычайная, непонятная даже, пропорціональность всѣхъ частей; удивительное, непостижимое освѣщеніе всего храма, которое не оставляетъ ни одного уголка въ темнотѣ, все это необычайно поражаетъ васъ. Я по нѣскольку разъ заѣзжалъ въ этотъ храмъ и всегда съ восторгомъ любовался имъ, и если что-нибудь меня еще влечетъ въ Римъ, это конечно храмъ Св. Петра.

Ватиканъ, со своими фресками, великолѣпенъ — и въ историческомъ и въ артистическомъ отношеніи, огромная глѣстница ведетъ во дворецъ папъ и дотого отлога, что кажется можно бы легко по ней въѣхать въ экипажѣ. Въ залахъ Ватикана находятся, такъ называемыя, ложи Рафаэля — эти замѣчательные произведенія величайшаго изъ живописцевъ, которыя остались до-сихъ-поръ какъ-бы лучшими моделями для всѣхъ художниковъ. Знаменитая библіотека Ватикана, вся расписана фресками Джуліо Романо и самага Рафаэля, поражаетъ васъ необыкновенно изящною пестротою своею живописи, — но все это не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ производимымъ соборомъ Св. Петра.

Я еще забылъ вамъ рассказать кстати объ этомъ соборѣ довольно оригинальный фактъ. Между многими статуями, изваянными первѣйшими художниками, которыя поставлены на гробницахъ папъ, похороненныхъ въ нишахъ боковыхъ стѣнъ собора, были нѣкоторыя, представлявшія аллегорическими фигурами различныя душевныя качества покойниковъ въ видѣ плачущихъ женщинъ, — и конечно артисты имѣя въ виду свое

художественное произведеніе, позволили себѣ изъять весьма хорошо сложенныхъ изящныхъ дѣвъ.

Я самъ нахожу довольно страннымъ таковыя изображенія на гробницахъ папъ, которые, прежде всего, люди отказавшіеся отъ свѣтской жизни и обратившіе всю свою жизнь на служеніе единому Богу. Странны въ особенности эти изображенія во внутренности храма; но мнѣ кажется уже если эти статуи показались нынѣшнему папѣ неприличнымъ украшеніемъ храма, то слѣдовало бы ихъ просто велѣть вынести оттуда и поставить куда-нибудь, въ какую-нибудь изъ галерей Ватикана.

Но вообразите! Надѣли на этихъ бѣдныхъ мраморныхъ женщинъ желѣзныя рубашки, которыя выкрашены масляною краскою подъ мраморъ—такъ что издали и не замѣтно, и вашъ чичероне непременно подводитъ васъ къ каждой изъ этихъ статуй, рассказывая вамъ этотъ фактъ. Рубашки эти даже запираются ключемъ, который хранится въ Ватиканѣ, и какъ увѣряютъ — вовсе не портятъ самыхъ статуй.

Въ первый разъ я здѣсь видѣлъ мраморныя статуи одѣтыя такимъ образомъ въ желѣзо, и право если-бы я самъ не подошелъ къ нимъ, то не повѣрилъ бы такому странному капризу.

Я не стану вамъ описывать одно за другимъ всѣ великолѣпія Ватикана; вы вѣрно, любезные читатели, уже нѣсколько разъ читали обо всемъ этомъ, а мое перо какъ-то съ трудомъ подчиняется этому подробному и болѣе или менѣе сухому описанію замѣчательныхъ произведеній искусства. Я скорѣе перейду къ моей частной жизни въ Римѣ: тутъ болѣе свободы; вы мнѣ позвольте конечно вспомнить о нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, рассказать вамъ какой-нибудь анекдотъ, слышанный мною тутъ, или даже случившійся со мною. Скажу вамъ только еще слова два, чтобъ покончить эту главу о Сикстинской капеллѣ, которая по своей оригинальности заслуживаетъ истинно, хотя бѣглаго, описанія. Это — длинная четверугольная зала, освѣщенная съ одной стороны рядомъ оконъ, которыя находятся подъ самымъ потолкомъ. Въ глубинѣ сзади престола во всю стѣну находится знаменитое произведеніе Микель-Анджело—Страшный Судъ, — боковыя стѣны тоже расписаны этимъ великимъ художникомъ и представляютъ различные случаи изъ Священной исторіи.

Микель-Анджело, знаменитый архитекторъ, скульпторъ и живописецъ во всѣхъ родахъ искусства, приобрѣлъ себѣ безсмертную славу. Страшный Судъ его единогласно признанъ величайшимъ произведеніемъ живописи. Пять лѣтъ онъ работалъ почти

одинъ въ этой капеллѣ надъ своими картинами и не допускалъ никого, даже самого папу къ себѣ. Разъ даже, говорятъ, когда папа Юлій II пришелъ было со многими кардиналами, чтобъ осмотрѣть начатую работу знаменитаго художника, Микель-Анжело, сидя на лѣсахъ съ палитрою и кистью въ рукахъ, будто печально уронилъ оттуда большую доску, которая тотчасъ же разогнала испуганныхъ кардиналовъ, и папа несколько не обидѣлся этимъ явнымъ знакомъ неудовольствія художника и болѣе не беспокоилъ его.

До начала Сикстинской капеллы, самъ Микель-Анжело не считалъ себя живописцемъ, и когда папа предложилъ ему написать вновь выстроенную капеллу, онъ было сперва отказался, говоря, что онъ скульпторъ, но не живописецъ, и предлагалъ даже поручить эту работу молодому Рафаэлю, который уже приобрѣлъ въ то время свою славу, но папа настаивалъ, и наконецъ Микель-Анжело согласился. Работа его до того заняла, что, какъ мы уже сказали, онъ пять лѣтъ сряду рѣшительно почти безвыходно занимался ею.

Онъ вообще былъ извѣстенъ своею любовью ко всѣмъ своимъ трудамъ, и можно сказать питалъ какое-то особое чувство привязанности ко всѣмъ своимъ произведеніямъ во всѣхъ родахъ искусства.

Микель-Анжело часто говорилъ: скульптура — моя законная жена, а живопись — моя любовница, — и отъ обѣихъ я имѣлъ весьма красивыхъ дѣтей.

М. Б.

Госпитальный споръ въ 1757 году.

(Матеріалъ для исторіи медицинскихъ учреждений въ Россіи.)

Учрежденіе большихъ госпиталей имѣетъ тѣсную связь съ развитіемъ страны, потому что съ одной стороны выражаетъ потребности, сознание которыхъ проявляется не вездѣ въ одно время, а съ другой указываетъ возможность удовлетворенія этихъ потребностей, какъ признакъ извѣстнаго благосостоянія государства. Къ сожалѣнію, въ нашемъ отечествѣ исторія большихъ госпиталей никогда еще не была разрабатываема, хотя весьма многіе изъ нихъ существуютъ уже около 150 лѣтъ. Одно только извѣстно, что почти всѣ наши госпитали съ самаго начала имѣли характеръ военныхъ учреждений (за исключеніемъ однакоже са-

наго перваго — Московскаго, по особымъ обстоятельствамъ, первоначально бывшаго гражданскимъ и только впоследствии сдѣлавшимся военнымъ), между тѣмъ какъ большія гражданскія больницы явились гораздо позже. Этотъ хронологическій фактъ объясняется впрочемъ тѣмъ, что и вся исторія нашего отечества шла тѣмъ-же путемъ: успія военного развитія всегда у насъ предшествовали ходу гражданского преуспѣянiя.

Мысль объ учрежденiи большаго военного госпиталя въ С. Петербургѣ относится къ первымъ годамъ прошлаго столѣтiя, слѣдовательно почти современна основанiю этого города. Но она не могла быть приведена въ исполненiе частiю потому, что ново-строившiйся городъ поглощалъ все вниманiе Петра Великаго и не позволялъ ему заниматься частностями, когда матеріальныя средства его были безграничны, а частiю и потому, что въ началѣ стоявшiе тамъ полки довольствовались собственными своими маленькими лазаретами. Даже и въ то время, когда явилась мысль учредить центральный военный госпиталь, онъ могъ быть устроенъ только въ видѣ лазарета, въ пустой казармѣ, которая прежде занята была солдатами, а потомъ оставлена ими. Казарма эта была на Выборгской сторонѣ, а позади нея находилась другая казарма, въ которой помѣщались казаки. Кажется даже, что подобныхъ казармъ было нѣсколько, въ особенности на Петербургской сторонѣ. Первоначальное устройство этого госпиталя поручено было въ 1710 году стряпчему съ ключемъ Панкратiю Богдановичу Сумарокову, сносившемуся по этому предмету съ только-что учрежденнымъ тогда Прав. Сенатомъ, и первымъ докторомъ въ немъ былъ, по избранiю самого царя, Антошiй Севасто, жившiй въ самомъ госпиталѣ. Все это видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ учрежденiю перваго С. Петербургскаго госпиталя:

1. 1710 августа 2, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великіи, и малыи, и бѣлыя Россiи самодержца, *стряпчему съ ключемъ Панкратiю Богдановичу Сумарокову.*

Велѣно тебѣ быть для надсмотру и призрѣнiя разныхъ полковъ у больныхъ солдатъ, которые были въ вѣдѣнiи у подполковника Островскаго; оныхъ больныхъ солдатъ, также которымъ быть для зрѣнiя и караула, взять у него именной списокъ и по списку пересмотрѣть и чинить по ниже писаннымъ пунктамъ:

1.

Какъ оные больные солдаты у подполковника Островскаго приняты будутъ, и тебѣ при тѣхъ больныхъ солдатѣхъ быть всегда самому неотлучно; да у тѣхъ же больныхъ солдатъ велѣно быть съ тобою для осмотру и леченiя лекарю и велѣтъ ему лекарю при себѣ у тѣхъ солдатъ болѣзни ихъ

осмотрѣть, и кто какими болѣзнями немогутъ оному лекарю лечить и по вся дни пластыри у нихъ переимѣнить со всякимъ прилежнымъ радѣтельствомъ неоплошно за досмотромъ твоимъ.

2.

А провіантъ и деньги на оныхъ больныхъ солдатъ принимать тебѣ по указу и приказать ихъ кормить, чтобъ у нихъ все было ѣсть вареное горячее безъ перемежку, а другихъ и соленыхъ ядей, которыя имъ не въ пользу будутъ, не давать и отъ того велѣть беречь, также и квасы бы были у нихъ для питья въ довольство и того смотрѣть прилежножъ, а какая имъ въ провіантѣ будетъ нужда о томъ доносить.

3.

Въ казармахъ, гдѣ тѣ больные солдаты будутъ лежать, осматривать и очищать, чтобъ всегда было чисто, а на нихъ солдатахъ черныя рубашки велѣть переимѣнить и перемывать, чтобъ были бѣлыя.

4.

А для нужниковъ велѣть выкопать ямы отъ тѣхъ казармъ въ пристойныхъ мѣстахъ одалъ, и тѣ нужники огородить и подѣлать столчаги.

5.

А для священныхъ потребъ у нихъ солдатъ велѣно съ тобою быть священнику, и которые изъ оныхъ солдатъ гораздо будутъ больны велѣть исповѣдываться, чтобъ безъ покаянія не померли.

6.

А ежели изъ нихъ солдатъ по волѣ Божіей кто умретъ, отправя надъ нимъ погребеніе, священнику велѣть тебѣ ихъ хоронить безъ замедленія въ полѣ, избравъ мѣсто удобное отъ тѣхъ казармъ съ полверсты, и у того мѣста по ночамъ ставить караулъ, чтобъ звѣри тѣхъ ихъ не вырыли.

7.

А сверхъ сихъ вышеписанныхъ пунктовъ будучи тебѣ у оныхъ больныхъ солдатъ въ томъ надсмотрѣ и прирѣніи къ лучшему показать свое радѣніе со всякимъ усердіемъ, за что ожидать его государевой милости.

8.

А ежелибъ у оныхъ солдатъ будучи по вышеписаннымъ пунктамъ станешь ты чинить въ надсмотрѣ своемъ нерадѣніе и то взыскано будетъ на тебѣ подъ опасеніемъ его государева жестокаго штрафа. Подписать Денисъ Билъсъ.

II. 1711 ноября дня, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, *Панкратію Богдановичу Сумарокову*.

По его вел. госуд. указу и по приказу свѣтлѣйшаго римскаго и россійскаго государствъ князя и герцога ижорскаго, Е. Ц. В. верховнаго дѣйств. тайнаго совѣтника и надъ войски командующаго генералъ-фельдмаршала и губернатора губерніи С. Петербургской, кавалера св. Апостола Андрея, и Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ, и подполковника Преображенскаго лейбгвардіи и полковника надъ тремя полками, Александра Даниловича Меншикова, велѣно тебѣ въ С. Питербурхѣ призирать надъ больными солдаты, а паче какою они нуждою одержимы исправлять по возможности и довольствовать тѣхъ солдатъ пищею, и того ради взять поваренной посуды, котловъ, горшковъ и ставцовъ и ложекъ деревянныхъ изъ Адмиралтейства и учредить для приготовленія имъ на пищу поваровъ на каждыя 10 человекъ

одного человѣка, которой бы могъ ихъ покомить, также и казармы осмотрѣть и вычистить, а гдѣ попортилось починить и сдѣлать окончины изъ тонкого холсту и прикрыть масломъ или инымъ тѣмъ пристойно, въ тѣхъ же казармахъ печи и трубы починить немедленно, и всякому солдату сдѣлать постели изъ холсту соломенные, а въ тѣхъ казармахъ къ тѣмъ дѣлѣмъ поваровъ и хлѣбниковъ и столяровъ требовать у г. генерала-лейтенанта Бріа, а каменщиковъ отъ г. оберъ-комисара Синявина, а на покупку тѣхъ припасовъ взять у Спб. инспектора г. Гурьева денегъ 300 рублей, а о дачѣ тѣхъ денегъ указъ къ нему послать, и какъ тѣ деньги въ расходѣ и въ какія дачи будутъ подать въ канцелярію земскихъ дѣлъ вѣдѣніе за своею рукою. Подписалъ: Ландрихтеръ Корсаковъ.

III. Указъ стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.

Въ нынѣшнемъ 1716 году іюня въ 11 день, по его вел. гос. указу и по приказу Прав. Сената и по доношенію твоему, велѣно въ лазаретъ больныхъ и раненыхъ принимать тебѣ, а именно армейскихъ полковъ драгунъ, солдатъ и рекрутъ, изъ гарнизоновъ присланныхъ зачѣмъ ни есть въ Санктъ-Петербурхъ солдатъ-же, по присланнымъ указамъ изъ канцеляріи Сената и изъ военной канцеляріи, а лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго, Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ солдатъ по присланнымъ указомъ отъ командировъ тѣхъ полковъ, а гарнизонныхъ солдатъ Спб. губерніи по присланнымъ указамъ отъ свѣтлѣйшаго князя г. Меншикова, а не въ бытности его по указамъ той губерніи отъ командировъ, и которые нынѣ есть въ лазаретахъ налицо и впредь присланы будутъ, какъ лейбъ-гвардіи, такъ и армейскихъ всѣхъ и гарнизонныхъ драгунъ, солдатъ и рекрутъ довольствовать пищею и на лекарство виномъ, уксусомъ, постели, дрова и прочимъ, какъ прежь сего у тебя держано было, присланными деньгами изъ канцеляріи Сената, которыя положены съ епархій съ вѣнечныхъ памятей и дьяковъ, также и которыя будутъ къ тебѣ въ присылкѣ изъ церквей С. петербургскихъ. А буде къ тебѣ особо деньги или какаѣ пища на лейбъ-гвардію или на иные какіе полки именно присланы будутъ изъ кабинета Цар. Велич. или отъ другихъ комнать, и тѣми деньгами и пищею тѣхъ и довольствовать, на которыхъ будетъ въ присылкѣ. А что у тебя присланныхъ изъ кабинета цар. вел., изъ канцеляріи Сената и другихъ какихъ мѣсть денегъ или какаѣ пища будетъ въ приходѣ и расходѣ, о томъ тебѣ велѣтъ записывать въ книгу подлинно и съ тѣхъ книгъ вѣдомости за своею рукою подать въ канцелярію Сената помѣсячно, а которые изъ тѣхъ драгунъ и солдатъ выздоровятъ и осмотра и о предѣленіи ихъ доносить противъ вышесписаннаго жъ въ военной канцеляріи, а лейбъ-гвардіи и Спб. губерніи командирамъ, и для того дать тебѣ въ помощь комисара изъ дворянъ, да для письма подъячаго, и о томъ въ Спб. губернію и въ военную канцелярію для вѣдома указы посланы.

Подписалъ Тихонъ Стрѣшневъ. Дьякъ Иванъ Молчановъ. Справилъ Дмитрій Окуньковъ. 1716 іюня въ 13.

IV. Наказъ стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.

1.

Вѣдать ему Спб. губерніи всѣхъ гарнизонныхъ больныхъ солдатъ надзираниемъ, пропитаниемъ и всякимъ содержаніемъ.

2.

Опредѣлить на тѣхъ солдатъ половину лазарета, которой на малой Невѣ, а другую половину того лазарета оставить въ диспозицію военнаго комиссаріата.

3.

На содержаніе того лазарета имать отъ Сиб. комиссаріата денежное жалованье тѣхъ больныхъ солдатъ, которые въ лазаретъ будутъ присылаться, за вычетомъ на мундиръ и на медикаменты, также которые свергъ того и экстраординарные присылаться будутъ, и тѣмъ деньгамъ какъ приходъ, такъ и расходъ держать порядочно съ запискою. А по окончаніи года приходныя и расходныя книги для сѣту подавать въ Сиб. губернскую канцелярію.

Подписаль: Александръ Меншиковъ.

Данъ въ Сиб. мая 26 дня 1716 года.

V. *Указъ стрѣльчому съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.*

Сего декабря въ 3 день, по указу вел. государя, по доношенію твоему, Правит. Сенатъ приказалъ въ лазаретѣ у письма всякихъ дѣлъ быть вмѣсто подъячихъ и писарей Якову Кузнецову, и Е. В. Государя денежное и хлѣбное жалованье давать ему противъ армейскаго солдата: въ годъ денегъ 10 рублей 18 алтынъ 4 деньги; провіанта: муки по полосинѣ, крупъ по осмой долѣ четверика, соли по два фунта въ мѣсяць. Деньги изъ доходовъ, которые бывають у тебя, а хлѣбъ изъ провіантской канцеляріи, соль изъ ратуши помѣсячно. И о томъ въ провіантскую канцелярію и въ ратушу е. ц. в. указы посланы.

Подписаль: Махайло Самаринъ. Свидѣтельствовалъ дьякъ Семень Ивановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. Декабря 11 дня 1716 году.

VI. *Указъ ему же.*

Прошедшаго марта мѣсяца 28 дня въ канцелярію Сената въ доношеніи твоемъ написано: повелѣно тебѣ вѣдать при Сиб. въ госпитали больныхъ разныхъ полковъ солдатъ надзираемъ и всякимъ довольствомъ по указу, а для посылокъ всякихъ государевыхъ дѣлъ и караулу денежной казны, которая на гошпитальные расходы, о солдатѣхъ къ тебѣ указу не прислано. И дабы повелѣно было о помянутыхъ солдатѣхъ указъ учинить.

И сего апрѣля въ 5 день, по его вел. гос. указу, Прав. Сенатъ приказали у тебя въ лазаретѣ для караулу и охраненія вел. госуд. денежныхъ казны быть тремъ человекамъ солдатамъ, да ефрейтору, а для посылокъ всякихъ государевыхъ дѣлъ брать тебѣ четырехъ человекъ солдатъ же изъ лазарета, которые отъ болѣзней будутъ свободны, погодно.

Подписаль: Графъ Петръ Апраксинъ. Съ приговоромъ свидѣтельствовалъ дьякъ Иванъ Молчановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. 1718 году апрѣля въ 8 день.

VII. *Указъ ему же.*

Въ нынѣшнемъ 1718 году апрѣля 5 числа, въ канцелярію Сената въ доношеніи доктора Антонія Севастія написано: по его царск. вел. указу велѣно ему быть при С. Петербургѣ въ госпитали для надзиранія и леченія у больныхъ и раненыхъ солдатъ, также и для смотру всѣхъ офицеровъ и солдатъ же къ отставкѣ, и непрестанно бывааетъ по нево по указамъ

присылки на семь и на другіе острова и гошпитали не въ одномъ мѣстѣ, которые ему смотрѣть повелѣно, и на Малой Невѣ, и въ Питербурхской и въ Гранадерской слободахъ больные солдаты, и къ лекаремъ въ леченіи отъ него людей посылать надобно, и лѣтнимъ путемъ на другіе острова, гдѣ ему по указу царекъ велич. смотрѣть повелѣять, въ гребцахъ нужду имѣеть. И дабы повелѣно было ему дать отъ лазарету или откуда надлежитъ солдатъ для посылокъ трехъ и ради лѣтняго пути гребцовъ четырехъ человекъ и о томъ бы указъ учинить.

И тогоже апрѣля въ 10 день, по его Вел. Госуд. указу, Правит. Сенатъ приказали оному доктору для посылокъ трехъ, да для лѣтняго времени въ гребцы четырехъ человекъ дать изъ солдатъ, которые обрѣтаются въ лазаретахъ. И стряпчему съ ключемъ Павкратію Богдановичу Сумарокову учинить о томъ по сему его Вел. Госуд. указу.

Подписалъ: Графъ Петръ Апраксинъ. Свидѣтельствовавъ дьякъ Семень Ивановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. 1718 году апрѣля въ 10 день.

Медицинскими дѣлами въ государствѣ при вступленіи Петра Великаго на престолъ завѣдывалъ *Ближній Государевъ Аптекарскій Приказъ* въ Москвѣ, съ присоединенною къ нему *Нижнею Новою Аптекою*, учрежденный, кажется, при Борисѣ Годуновѣ. 25 февраля 1697 году, указомъ трехъ соправительствовавшихъ самодержцевъ, назначенъ къ управленію имъ бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, и это былъ послѣдній бояринъ, завѣдывавшій Аптекарскимъ Приказомъ. Указомъ Петра Великаго 17 февраля 1714 года, скрѣпленнымъ царскимъ архіатеромъ Робертомъ Эрскиномъ (Robert Areskin), Аптекарскій Приказъ переименованъ въ *Канцелярію Главнѣйшей Аптеки*, а подъячимъ его приказали называться канцеляристами. Слѣдовательно съ этого времени должно считать замѣну боярина въ управленіи медицинской части государства врачомъ, хотя Эрскинъ утвержденъ архіатеромъ въ полномъ смыслѣ этого слова и президентомъ *Канцеляріи царской надворной всего медицинскаго факультета въ Имперіи* только указомъ 9 сентября 1716 года въ Гданскѣ (въ Данцигѣ), а съ другой стороны нижняя аптека подчинена была ему еще въ 1700 году. По указу 31 августа 1721 года учреждена была *Медицинская Коллегія*, которой подчинены были всѣ госпитали и аптеки въ Имперіи; только коллегія эта состояла изъ одного лица — составившаго утвержденный Петромъ I прозектъ ея — царскаго лейбъ-медика, а съ 1722 года архіатера и президента мед. кол. Юганна Деодата (Ивана Лаврентьевича) Блюментроста, что подадо поводъ къ недоразумѣніямъ и даже насмѣшкамъ. Такъ напр. знаменитый профессоръ и главный докторъ Московскаго госпиталя Николай Бидлоо никакъ не хотѣлъ подчиниться коллегіи состоящей изъ одного лица, увѣряя, что никогда и нигдѣ

не видано и не слыхано, чтобы одно лицо могло составить коллегію. Въ 1725 году эта коллегія переименована *Медицинскою Канцелярію*, оставаясь подъ управленіемъ того же И. Л. Блюментроста и въ главномъ вѣдѣніи Прав. Сената. Но со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны Ивановны, архіатеръ Блюментростъ впалъ въ немилость, обвиненъ въ злоупотребленія и отставленъ отъ службы безъ пенсін (указомъ 14 сентября 1730 года), должность архіатера уничтожена (не надолго), а вмѣсто нея составлена новая медиц. коллегія или *Докторское собраніе* изъ пяти докторовъ (Бидлоо, Шоберта, фанъ-деръ-Гульста, Ант. Севасто и А. Тейльса), которые обязаны были разъ въ недѣлю собираться въ Мед. Канцелярію «и все въ верхней аптекѣ и надлежащія дѣла основательно разсматривать и по обыкновенію коллежскому учреждать и во всемъ такъ поступать, какъ-бы они предъ ея велич. отвѣтствовать могли.» Такой порядокъ существовалъ однакожъ не долго. Бирону пришла мысль поставить шпіона своего во главѣ медицинскаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибрать къ рукамъ довольно значительные доходы Медиц. Канцеляріи, и вслѣдствіе этого именнымъ указомъ 6 января 1732 года возстановлено архіатерство, съ отѣною докторскаго собранія, и лейбъ-медикъ Христофъ Ригеръ назначенъ архіатеромъ, съ тѣмъ, какъ сказано въ указѣ, чтобы онъ во всемъ управлялъ Мед. Канцелярію, какъ управлялъ сю бывший докторъ Блюментростъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именнымъ указомъ 13 февраля 1732 года Мед. Канц. взята изъ вѣдомства Сената и передана въ вѣдомство кабинета ея величества, подобно соляной конторѣ, съ тѣмъ чтобы въ оную ни откуда повелительныхъ указовъ не посылать и никакихъ рапортовъ не требовать. Въ этомъ вѣдомствѣ оставалась она до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, когда опять передана была Сенату.

Медиц. Канцелярія существовала до восшествія на престолъ Екатерины II и преобразована именнымъ указомъ 12 ноября 1763 года въ *Государственную Коллеію медицинскаго факультета*, раздѣленную на два департамента, изъ коихъ одинъ назывался *Коллеію докторскаю и лекарскаю искусства*, а другой *Канцелярію управляющею всю экономію медиц. факультета*. Коллегіи повелѣно быть «въ особливомъ имп. велич. вѣдѣніи и протекціи.» Въ тотъ же день Госуд. Мед. Коллегіи дана инструкция, въ 10 пунктѣ которой сказано слѣдующее:

«Исторія сей Мед. Кол. собираема изъ всей имперіи будетъ и по разности климатовъ и пространству земель много заключать

новаго въ откровеніи натуры для врачеванія рода человѣческаго, а уповательно что и лекарства изъ произрастеній откроются новыя. Коллегія изъ собранія таковыхъ журналовъ негодное исключая, полезное издавать должна въ печать на латинскомъ языкѣ особливую книгою подъ именемъ: *Записки докторовъ российскихъ*, которыя хотя для однихъ только докторовъ и физиковъ издаваться будутъ во всю Европу, а матерія оныхъ имъ однимъ вразумительна будетъ, однакожь экстрактомъ надобно прилагать при томъ и переводъ на російскій языкъ.»

Но возвратимся къ Петербургскому госпиталю.

Учреждая свою резиденцію въ Петербургѣ, Петръ Великій еще прежде большаго госпиталя приказалъ перевести въ Петербургъ аптеку: въ указѣ его 1710 года, посланномъ изъ походной канцеляріи въ Московскій Губернскій Разрядъ за подписью А. Д. Меншикова, приказано «аптеку вѣдать въ Спб. губерніи, а на аптекарскіе расходы присылать изъ Московской губерніи въ Спб. Канцелярію по вся годы по 50 тысячъ рублей.» Другимъ указомъ отъ 11 марта 1710 года, онъ приказалъ аптеку вѣдать въ Ижорской губерніи и дворцовое село Измайлово съ приписною Игжельскою волостью «для дѣла алхимической посуды и иныхъ работъ, и всѣми вѣдать въ аптекахъ, а въ Московской губерніи аптеки и села Измайлова и выщеписанныхъ волостей ни чѣмъ не вѣдать, а которые съ тѣхъ волостей положенные доходы напередъ сего иманы во дворецъ, и тѣ доходы имать въ аптеку и посылать въ Московскую губернію.» Указъ этотъ подписанъ также Меншиковымъ и подъ нимъ помѣта Павла Яковлевича Веселовскаго: 1710 апрѣля въ 25 день.

Итакъ съ 1718 года новый Петербургскій госпиталь считался учрежденнымъ и въ немъ происходили приемъ и леченіе больныхъ; но онъ не имѣлъ еще ни названія, ни опредѣленнаго штата. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ въ дѣлахъ Мед. Канцеляріи до 1732 года, когда приступлено къ постройкѣ каменнаго зданія насчетъ комиссаріата подъ надзоромъ генералъ-фельдцейхмейстера графа Миниха. Онъ назывался уже тогда «санктпетербургскимъ госпиталемъ» и въ указѣ изъ Военной Коллегіи на имя Главнаго Коммиссаріата отъ 24 и 31 марта 1732 года, предписывалось: «для работы въ с. петербургской госпиталь къ достройкѣ фундамента и прочей подѣлки командировать мая къ первому числу изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ сколько надлежитъ, и при нихъ для присмотру оберъ-и унтеръ-офицеровъ по числу людей, по разсмотрѣнію генерала фельдцейх-

мейстера и кавалера графа фонъ-Миниха, и пока оныя солдаты при той работѣ будутъ, за тѣ дни давать имъ изъ Городовой Канцеляріи заработныя деньги по указу, какъ и прежь сего давано было».

Въ указѣ оттуда же, отъ 22 апрѣля предписывалось «для достроенія и показыванія командированнымъ солдатамъ работы и опредѣленія къ тому подмастерьевъ, назначить инженеръ-полковника Трезина, а матеріалы къ тому строенію отпускать надлежащія изъ Канцеляріи отъ Строеній» *).

Указомъ 22 мая предписывалось «имѣющіеся въ ономъ госпиталѣ недостроенныя каменные палаты достроить Канцеляріи отъ Строеній нынѣшнимъ лѣтомъ неотмѣнно изъ положенной на то строеніе суммы, дабы за немуществомъ покоевъ больные и другіе служители не претерпѣли какой нужды.»

Указомъ 8 сентября предписывалось Канц. отъ Строеній, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ, непремѣнно достроить каменные палаты этимъ лѣтомъ, дабы за немѣніемъ покоевъ больные и прочіе служители не претерпѣли какой нужды, что взыщется на той Канцеляріи, также и о командированіи для достройки при томъ госпиталѣ фундамента и прочихъ подѣлокъ изъ здѣшней команды изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ и къ нимъ для присмотру пристойнаго числа оберъ и унтеръ-офицеровъ, сколько надлежитъ по разсмотрѣнію генерала-фельд-маршала и кавалера графа фонъ-Миниха.»

9 ноября этотъ указъ опять повторень.

9 января 1733 утверждень штатъ Медиц. Канцеляріи, а съ нимъ и штатъ Спб. сухопутнаго госпиталя, названнаго «генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ.» По этому штату положено содержать въ немъ: 1 доктора, 1 главнаго лекаря (въ послѣдствіи прибавленъ былъ еще, какъ во всѣхъ генерал. госпиталяхъ, 1 младшій докторъ), 5 лекарей, 10 подекарей, 20 лекарскихъ учениковъ, 1 аптекарскаго гезеля и 1 работника, и всѣмъ этимъ

---

*) Канцелярія отъ Строеній соотвѣтствовала нынѣшнему Главному Управленію Публичными зданіями съ частію вѣдомства Инженернаго Департамента, хотя собственно для военныхъ сооружений существовала особая Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортификаціи. Въ 1787 году учреждена въ Спб. Строительная Комиссія, въ которой первыми членами были: Минихъ, Александръ Нарышкинъ, Федоръ Соймоновъ, Петръ Еропкинъ, Иванъ Унковскій и Андрей Рухъ. Она начала выпрямлять улицы и на Адмиралт. острову сломала дворъ Мед. Канцеляріи, выходявшій на Греческую улицу (гдѣ нынѣ Морскія улицы).

чинамъ положено давать денежное жалованье по окладамъ ихъ изъ суммъ Мед. Канцеляріи, а ученикамъ пищу по регламенту отъ госпиталя, т. е. на счетъ Комиссаріата. Кромѣ того всѣмъ чинамъ предписано дать въ госпиталяхъ квартиры и всѣ эти распоряженія приведены въ исполненіе 28 мая 1733 года.

Военная Коллегія торопила Канцелярію отъ Строеній достроивать госпиталь осенью 1732 года и отъ того многія работы исполнены были кое-какъ. Слѣдствіемъ было то, что весною 1733 года, т. е. въ первый же годъ своего существованія, госпиталь сгорѣлъ, и тогда опять начались переписки о поправкѣ и починкѣ погорѣлыхъ палатъ и строеній. Военная Коллегія прислала указъ за указомъ (7 іюня, 25 іюля, 10 августа, 15 и 20 декабря), но дѣло шло очень медленно. Комиссаріатъ приставилъ смотрѣть за скоростью и тщательностью работъ майора Кобылина, предписавъ ему еженедѣльно рапортовать о нихъ; но это ничему не помогло. Канцелярія отъ Строеній прислала подрядчиковъ провазводить работы: спб. купческаго человѣка Григорья Икорникова, крестьяниа капраза лейбъ-гвардіи Преображескаго полка Петра Голохвастова и майора Василья Сумарокова, изъ Галицкаго уѣзда Никифора Астафьева и Григорья Гаврилова, а комиссаріатъ предписывалъ «свидѣтельствовать противъ ихъ договоровъ, вѣрить изъ нихъ кому будетъ можноль»? 15 декабря даже Сенатъ виѣшался въ дѣло объ ускореніи построекъ, но онѣ все-таки не были въ этомъ году кончены и Канцелярія отъ Строеній осталась вѣрна самой-себѣ: больше отписывалась, чѣмъ дѣлала.

Главными докторами С. петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя (что нынѣ 2 военно-сухопутный) въ первые 47 лѣтъ его существованія были послѣдовательно: Антонъ Филипповичъ Севасто, Скендо фамъ-деръ-Бехъ, Николай Энгеллертъ, Яковъ Гривъ, Абрагамъ Ничъ, Андрей Унгебауеръ и Иванъ Андреевичъ Поветика.

Антонъ Филипповичъ Севасто (Antonius Sevasto), родомъ Грекъ изъ Венеціи, получившій медицинское образованіе и докторскій дипломъ въ Падуѣ, пріѣхалъ въ Москву 6 октября 1703 года по приглашенію русскаго посланника въ Польшѣ князя Григорія Ѳедоровича Долгорукова. Онъ не долго управлялъ госпиталемъ и вышелъ въ отставку жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 20 августа 1754 года. У него было два сына Антонъ и Андрей и дочь Анна. О первомъ сынѣ его ничего неизвѣстно; но второй сынъ Андрей Антоновичъ былъ докторомъ Астраханскаго морскаго госпиталя (при Елизаветѣ Петровнѣ), а потомъ докторомъ Украин-

скаго ландмилиціоннаго корпуса (въ Бѣлевской крѣпости), подъ командою генераль-аншефа и дѣйствительнаго камергера графа Петра Семеновича Салтыкова. Въ Астрахани онъ женился на дочери астрах. сояннаго комисара Алексѣя Васильевича Богданова Настасѣи Алексѣевнѣ Богдановой. Сестра его Анна была замужемъ въ Москвѣ за секретаремъ Булгаковымъ.

Schendo fanъ-деръ-Вехъ (*Schendo van der Vech*), Грекъ изъ Македоніи, учившійся въ Падуѣ. Онъ управлялъ госпиталемъ до 1725 года и біографія его напечатана у В. Рихтера.

Николай Энгеллертъ (*Nicolaus Engellert*) вступилъ въ русскую службу въ 1714 году и опредѣленъ докторомъ въ Низовый корпусъ (въ Астрахани), которымъ командовалъ генераль-лейтенантъ Матюшкинъ. Оттуда, съ дозволенія этого генерала, уѣхалъ онъ въ 1724 году за болѣзнію въ Москву, а потомъ въ Петербургъ (передавъ свою должность штабъ-лекарю Бримо), гдѣ въ 1725 году опредѣленъ главнымъ докторомъ Спб. сухопутнаго госпиталя, которымъ управлялъ до 1742 года. 3 іюня этого года онъ уволенъ отъ службы за старостью, съ пенсією на основаніи штата Мед. Канц. 9 января 1733 года, т. е. одной трети полнаго его жалованья, поселился въ Москвѣ съ женой своей, но послѣ возвратился въ Петербургъ и умеръ 15 ноября 1753 года.

На его мѣсто главнымъ докторомъ госпиталя опредѣленъ Англичанинъ *Яковъ Гривъ* (*Jacob Grieve*), принятый въ русскую службу 19 мая 1734 года по контракту къ канцеляріи главнаго правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, гдѣ и оставался до 1737 года, а потомъ перечисленъ по новому контракту къ Оренбургской Коммисіи, которою управлялъ сперва тайный совѣтникъ Василій Татищевъ, а потомъ тайный совѣтникъ Неплюевъ. Соскучившись жить въ этомъ отдаленномъ краю, хотя получалъ жалованья по 800 рублей въ годъ, онъ началъ проситься въ отставку, но вмѣсто того получилъ предложеніе занять мѣсто глав. доктора въ генер. Спб. госпиталѣ и, принявъ это предложеніе, опредѣленъ туда 3 іюня 1742 года, съ жалованьемъ по 650 р. въ годъ. Онъ однакожъ только полтора года управлялъ госпиталемъ и потомъ переведенъ былъ (5 декабря 1744) докторомъ къ Спб. дивизіи, а оттуда назначенъ (12 октября 1747 года) штадтъ-физикомъ сперва къ С. петербургской Мед. Конторѣ, на мѣсто умершаго Матвея Минята, а потомъ (13 августа 1751 года) къ Московской Медицинской Конторѣ, откуда черезъ шесть лѣтъ, по собственному прошенію, за старостью и домашними обстоятельствами вовсе уволенъ отъ службы (17 апрѣля 1757 года) и

уѣхалъ въ Англію, съ женою Елисаветою и сыномъ Яковомъ (хотя, по словамъ В. Рихтера, послѣ опять возвратился въ Россію).

Мѣсто его въ Московской Медиц. Коллегіи занялъ д-ръ Антонъ де-Тейльсъ (A. de Theyls), бывший нѣкогда главнымъ докторомъ Московскаго госпиталя, преемникомъ Бидлоо, а въ С. петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 5 декабря 1743 года) докторъ *Абраамъ Ничъ* (*Abraham Nitsch*). Онъ принятъ въ русскую службу 16 мая 1731 года, по контракту на 5 лѣтъ, дивизионнымъ докторомъ Спб. дивизіи, съ жалов. по 600 р. въ годъ, послѣ того долго служилъ въ Украинскомъ корпусѣ, затѣмъ нѣкоторое время былъ Спб. штаттъ-физикомъ и при опредѣленіи въ госпиталь былъ уже очень старъ. Умеръ 19 октября 1749 года.

Преемникомъ его былъ молодой докторъ *Иванъ Андрей Унгебауеръ* (*Johann Andreas Ungebauer*), родомъ изъ Лейпцига, вступившій въ службу по капитуляціи на три года, 1 іюня 1741 года, младшимъ докторомъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. По окончаніи контрактнаго срока онъ просилъ объ увольненіи его на родину, но вмѣсто того опредѣленъ былъ дивизионнымъ докторомъ въ Украинскую дивизію, въ Лубны, въ команду генерала фонъ-Штофеля, съ жалованьемъ по 600 р. и 10 раціонами, куда и прибылъ 30 апрѣля 1745 года. Тамъ онъ пробылъ, впрочемъ, недолго и опять возвращенъ былъ младшимъ докторомъ въ Петербургъ, по не сухопутный, а въ адмиралтейскій госпиталь (7 ноября 1747 года, на мѣсто перечисленнаго къ академіи наукъ Абрагама Каау Бургава), откуда по смерти Нича назначенъ (30 іюня 1750 года) главнымъ докторомъ въ генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ. Шестъ лѣтъ управлялъ онъ госпиталемъ, когда начались приготовленія къ семилѣтней войнѣ и русское войско значительно увеличено, а съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ увеличиться и численный составъ медицинскаго корпуса. Предвидя эту потребность, директоръ Мед. Канц. Павелъ Захаровичъ Кондонди обратился къ Сенату съ просьбою о разрѣшеніи опредѣлить въ армію одного главнаго доктора къ генераль-фельдмаршалу съ званіемъ *генеральнаго фельдъ-медикуса* въ полковничьемъ рангѣ, по примѣру прочихъ европейскихъ государствъ, для управленія медицинскими дѣль и надзора за всѣми другими докторами и лекарями въ арміи, съ тѣмъ чтобы онъ получалъ жалованья по 1000 р. въ годъ, а раціоны и денщиковъ противъ полковника драгунскихъ полковъ. Сенатъ призналъ основа-

тельность этого представлѣнія и принимая во вниманіе, что въ арміи прибавлено два полныхъ генерала, разрѣшилъ (25 сентября 1756 года) прибавить двухъ докторовъ, сверхъ шести положенныхъ по штату, а къ генералъ-фельдмаршаламъ опредѣлить особыхъ двухъ старшихъ докторовъ, которыхъ и именовать *генеральными штабъ-докторами*, какъ было въ Турецкую войну по именному указу 4 іюня 1738 года.

При выборѣ лицъ на эти новыя должности, Кондоиди остановился на двухъ докторахъ, находившихся тогда въ Петербургѣ, именно въ армію генералъ-фельдмаршала графа Степана Ѳедоровича Апраксина назначилъ (30 сентября 1756) генеральнымъ штабъ-докторомъ (General-Stabs-Medicus) доктора генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя И. Андрея Унгебауера, съ жалов. по 1000 р., 15 раціонами и 4 денщиками *), а въ армію генералъ-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина доктора морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса *Георга Томаса Аша* (*Georg Thomas Asch*), съ такимъ же содержаніемъ **). А чтобы мѣста ихъ не остались вакантными, онъ опредѣлилъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь старшимъ докторомъ младшаго доктора того-же госпиталя профессора и доктора *Ивана Андреевича Полетнику*, а въ морской шляхетный кадетскій корпусъ помощника Спб. штабт-физика доктора *Демьяна Петаля а Брилль* (*Damianus Petalaa Bryll*), вступившаго въ русскую службу въ 1754 году ***).

*) Лично при особѣ фельдмаршала Апраксина, по просьбѣ послѣдняго, состоялъ во все время похода, по именному указу 18-го сентября 1756 года, лекаръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка *Келлеръ*, безъ исключенія изъ полка.

**) Докторъ *І. Т. Ашъ*, петербургскій уроженецъ, сынъ Спб. почтдиректора, вступилъ въ службу 18-го августа 1750 года и состоялъ сперва по особымъ порученіямъ Медицинской Канцеляріи въ чужихъ краяхъ для присканія и закупки минеральныхъ водъ; потомъ числился при той-же Канцеляріи помощникомъ Спб. штабт-физика; затѣмъ находился нѣкоторое время докторомъ при Динландской дивизіи и наконецъ былъ докторомъ при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Младшій братъ его, *Петръ Эрнстъ Ашъ* (*Peter Ernst Asch*), получившій въ Геттингенѣ докторскій дипломъ 7-го апрѣля 1756, принятъ въ русскую службу младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь 31-го октября 1756 года, на мѣсто д-ра Христіана Пеккена (Chr. Paesken), переведеннаго въ Московскую дивизію послѣ увольненія отъ службы Якова Ѳомича Монзея, и 1757 переведенъ въ Москву въ формировавшійся тамъ observationalный корпусъ, на мѣсто умершаго доктора Франца Кланке. Оба брата *Аши* въ царствованіе Петра III начали называться *баронами* и навсегда сохранили этотъ титулъ.

***) Докторъ Демьянъ Дмитріевичъ Петаля а Брилль (*Damianus s. Damianus Demetrii Petala a Bryll*), уроженецъ съ острога Фессалии, учился въ Галле,

Докторъ *Иванъ Андреевичъ Полетика* родился въ Малороссіи, въ городѣ Ромнахъ Лубенскаго полка, и первоначально 9 лѣтъ учился *humaniora*, а также греческому и латинскому языкамъ въ Кіевской академіи. Оттуда онъ поѣхалъ въ чужіе края учиться медицинѣ, какъ это видно изъ того, что въ 1750 году онъ подалъ въ Спб. прошеніе въ Мед. Канцелярію, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ въ Голштиніи въ городѣ Кигѣ, 4 года учился медицинѣ въ тамошней академіи (въ чемъ и представилъ подлинное свидѣтельство), «но означенною наукою недоволенъ и для большаго утвержденія въ той наукѣ просить принять его въ Спб. генеральный госпиталь слушать медицинскіе лекціоны на своемъ коштѣ, но на казенной квартирѣ.» Просьба эта была уважена и 31 декабря 1750 года онъ принятъ въ госпиталь подлекаремъ. Учителями его здѣсь были докторъ и профессоръ Шрейберъ,

гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Лѣтомъ 1754 года онъ пріѣхалъ съ братомъ своимъ, тоже докторомъ Галльскаго университета, *Иваномъ Петаля а Бриль (Joannes Demetrii Petala a Bryll)* и вмѣстѣ экзаминованы были въ Медицинской Канцеляріи на латинскомъ языкѣ (въ сентябрѣ 1754), въ присутствіи Кондонди, Шрейберомъ, Энсомъ, Лерхе, Унгебауеромъ и Гійонгіосси, причемъ оказались слабы въ анатоміи и въ чтаніи Иппократовыхъ, Сиденгамовыхъ и Бургавовыхъ книгъ. Однако-жъ *Діамантъ Петаля* 1-го октября 1754 принятъ былъ въ службу и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь, на мѣсто уволеннаго изъ службы д-ра Ф. Н. Марграфа, а братъ его, за неимѣніемъ вакансіи, прикомандированъ къ тому же госпиталю, на своемъ коштѣ, съ позволеніемъ жить съ старшимъ братомъ въ госпиталѣ на казенной квартирѣ и имѣть въ госпиталѣ не болѣе 6-ти больныхъ для леченія. Черезъ годъ *Демьянъ Петаля* былъ переведенъ изъ госпиталя (18-го ноября 1755) и назначенъ помощникомъ штатдѣ-физикъ Лерхе при Медицинской Канцеляріи, а на его мѣсто опредѣленъ д-ръ *Христофоръ Пеккенъ*, Венгерецъ изъ города Розенау, сперва учившійся математикѣ, а потомъ медицинѣ въ Виттембергѣ и Галле и въ 1751 году получившій докторскій дипломъ въ Виттембергѣ, защита печатную диссертацию *De causis et effectis plethorae*, d. 25 septembris 1751. Возвратившись оттуда на родину, Пеккенъ былъ физикомъ въ графствѣ Геммеръ и въ 1754 уволенъ отъ службы, а въ 1755 пріѣхалъ въ Спб. Что-же касается *Ивана Петаля а Бриль*, то въ 1755 онъ опредѣленъ былъ на службу младшимъ докторомъ въ Московскій генеральный госпиталь, но, едва пріѣхавъ въ Москву, захворалъ горячкою и умеръ (17-го сентября 1755). Наконецъ выше упомянутый д-ръ Марграфъ (*Friedericus Nicolaus Marggraff*) принятъ былъ въ русскую службу, 2-го ноября 1751 года, младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что когда въ 1754 г. предложили ему преподавать клиническую медицину въ госпиталѣ, то онъ обидѣлся этимъ предложеніемъ и просилъ либо уволить его отъ службы, либо опредѣлить въ какую-либо дивизию докторомъ. Кондонди уволилъ его 1-го сентября 1754 года.

операторъ фонъ-Мелленъ и докторъ Унгебауеръ. Однакожь здѣшнимъ учениемъ онъ еще меньше былъ доволенъ, чѣмъ кильскимъ, и потому не прошло года, какъ онъ опять уѣхалъ за границу и началъ учиться сперва въ Кильскомъ, а потомъ въ Лейденскомъ университетахъ. На этотъ разъ учение шло хорошо и въ 1754 году онъ получилъ въ Лейденѣ докторскій дипломъ, напечатавъ и защитивъ публично диссертацию *De morbis hereditariis*. Но получивъ дипломъ, онъ не тотчасъ возвратился въ Россію, можетъ быть потому, что не зналъ еще о смерти стоявшаго при его отъѣздѣ во главѣ медицинскаго управленія въ Россіи Г. К. Бургаава, вообще не любившаго Русскихъ, а еще менѣе любившаго Русскихъ образованныхъ и ученыхъ. Раздумывая о своемъ положеніи, онъ отправился изъ Лейдена въ Киль и тамъ удостоился чести, какой вѣроятно и не предвидѣлъ: въ томъ-же 1754 году Кильская медицинская академія избрала его въ свои профессора и это избраніе утверждено было герцогомъ Шлезвигъ-Голштейнскимъ и наследникомъ русскаго престола Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ (который въ послѣдствіи назывался императоромъ Петромъ III). Итакъ И. А. Полетикѣ досталась честь первому изъ Русскихъ быть профессоромъ въ иностранномъ университетѣ. Два года занималъ онъ тамъ профессорскую кафедру, но потомъ, соскучившись по родинѣ, началъ просить объ увольненіи для возвращенія въ Россію и получилъ его, причемъ данъ ему абшттъ, подписанный 8 іюня 1756 года самимъ герцогомъ Петромъ и скрѣпленный фонъ-Пехлиномъ *). Приѣхавъ въ С. Петербургъ, онъ не былъ подвергнутъ экзамену на право практики, потому что хотя приѣхалъ и не по вызову (сказано въ указѣ Медицинской Канцеляріи 12 августа 1756 года), но «какъ природный русскій, а не чужестранецъ, причемъ къ славіи отечества по прилежанію въ наукахъ сверхъ докторской степени удостоился и произошелъ въ чинъ профессора, которымъ какъ въ данномъ ему отъ Е. И. В. благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича абшттъ точно объявлено, въ Голштиніи при академіи Кильской дѣйствительно находился.» Однакожь такъ какъ экзаменъ установленъ былъ закономъ, котораго обойти было нельзя, то Кондоиди придумалъ сдѣлать въ Медицинской Канцеляріи съ

*) Копія этой бумаги на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ находится въ дѣлахъ Медицинской Канцеляріи. Тамъ-же находятся и всѣ приведенныя здѣсь подробности о Полетикѣ. В. Рихтеръ или не зналъ ихъ, или не хотѣлъ помѣстить въ своей *Исторіи Медицины въ Россіи* (ч. III, стр. 484), потому-что ихъ нѣтъ у него.

пріѣзжимъ профессоромъ и докторомъ ученый разговоръ о медицинѣ и ея частяхъ. Разговоръ должны были вести съ нимъ профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ въ присутствіи самого Кондонди. Онъ происходилъ 11 сентября 1756, послѣ чего тотчасъ же подписанъ одобрительный аттестатъ и Полетикѣ дано право свободной медицинской практики въ имперіи, съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь, причемъ въ указѣ онъ названъ, какъ и съ самого пріѣзда всегда назывался, «докторомъ и профессоромъ», а черезъ три недѣли послѣ того назначенъ старшимъ докторомъ того же госпиталя, на мѣсто Унгебауера. Онъ первый изъ природныхъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь. *)

При вступленіи И. А. Полетики въ управленіе Спб. генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ, находились въ немъ слѣдующія лица: младшимъ докторомъ Христіанъ Пеккенъ, вскорѣ смѣненный Петромъ-Эрнстомъ Ашемъ; главнымъ лекаремъ Н. М. Линдвурмъ (Nicolaus Martin Lindwurm), переведенный въ эту должность 28 августа 1750 г. изъ лекарей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; операторомъ Яковъ фонъ-Мелленъ, аптекаремъ Христофоръ Георгъ Гебгардтъ, лекарями Иванъ Хемницеръ и Генрихъ Вейтбрехтъ, комиссарами поручикъ Чернавскій и прапорщикъ Иванъ Большой Львовъ. Въ госпитальной конторѣ присутствовали старшій докторъ, главный лекарь (какъ помощникъ его) и комиссаръ, а письменными дѣлами завѣдывалъ главный писарь. Кромѣ того три раза въ недѣлю въ конторѣ присутствовалъ военный инспекторъ госпиталя генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ.

Состояніе госпиталей того времени было вообще довольно печально. Правда, *Генеральнымъ Регламентомъ о госпиталяхъ* точно опредѣлялись обязанности каждаго изъ госпитальныхъ чиновъ и старшій докторъ поставленъ былъ во главѣ госпитальнаго управленія: но законъ оставался мертвою буквою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невыгодно было точное разграниченіе взаимныхъ отношеній и строгое исполненіе обязанностей, а невыгодно это было всякій день и всякую минуту. Поэтому самымъ обыкновеннымъ и повсемѣстнымъ правиломъ, которымъ руководство-

---

*) Въ медицинской службѣ того времени былъ еще другой Полетика, Тимофей Ивановичъ, сынъ значковаго товарища малороссійскаго Лубенскаго полка, родившійся въ Ромнахъ и учившійся до реторики въ семинаріи Троицко-Сергіевской лавры: но онъ только 18-го октября 1757 года вступилъ въ Спб. генеральный госпиталь лекаремъ ученикомъ.

вались всѣ госпитальныя чины, было — жить въ возможно-тѣсномъ взаимномъ согласіи и при его пособіи возможно скорѣе набивать себѣ карманы. При томъ же это согласіе было и нетрудно: чужая сторона быстро сдружала людей, а мысль о далекой родинѣ непрерывно напоминала, что надобно торопиться въ достиженіи цѣли, для которой они разстались съ нею. Наконецъ же надобно забывать и того, что контроль былъ вообще или весьма слабъ или даже совсѣмъ не существовалъ, частію по новостидѣла, а частію по взаимности выгодъ, ни для кого не обидной. Слѣдовательно весьма было естественно, что госпитальною службою очень дорожили даже такіе доктора, которые занимали прежде гораздо высшія должности, а тѣ, которые однажды испытали ее, очень неохотно разставались съ нею. Этимъ между прочимъ объясняется и то, почему докторъ Унгебауеръ, получивъ весьма лестное назначеніе въ генеральныя штабъ-докторы съ жалованьемъ вдвое большимъ того, какое получалъ въ госпиталѣ, принявъ эту должность съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ по мнѣваніи кампаніи его опять возвратили къ прежней госпитальной службѣ, а въ залогъ исполненія этого обѣщанія оставилъ при госпиталѣ семью свою.

Итакъ госпитальною службою всѣ были довольны, кромѣ, разумѣется, больныхъ, да еще тѣхъ, кто, не участвуя самъ въ общей поживѣ, видѣлъ зло, но по его всеобщности не зная какъ за него приняться, чтобъ если не искоренить, то хоть ослабить его.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ въ описываемую эпоху директоръ Медич. Канцеляріи тайный совѣтникъ и первый лейб-медикъ императрицы Павелъ Захаровичъ Кондонди.

Еще бывши генеральнымъ штабъ-докторомъ арміи при архітерѣ Фишерѣ, этотъ величайшій администраторъ своего времени видѣлъ тоже самое зло въ полковыхъ лазаретахъ и заботился о мѣрахъ къ его истребленію. Если въ полкахъ увеличивалась болѣзненность, а въ полковыхъ лазаретахъ смертность, то обвиняли лекарей, какъ-будто они изнуряютъ солдатъ и подвергаютъ ихъ всѣмъ возможнымъ лишеніямъ. Полковые командиры принимали полки свои за даровой капиталъ, который долженъ приносить возможно большіе проценты, а полковые лекаря терпѣли нареканіе и несли всю тяжесть отвѣтственности за постепенное изнываніе и исчезаніе этого ходячаго капитала *).

*) До чего доходила болѣзненность въ полкахъ, стоявшихъ на спокойныхъ квартирахъ, и слѣдовательно единственно отъ нерадѣнія и злоупотреб-

гѣло вмѣстѣ съ ними и медицинское высшее управленіе. Болѣзненность и смертность велики, значить мало лекарей или они неспособны къ службѣ, — вотъ аргументъ, который постоянно вертѣлся на языкѣ у всѣхъ, желавшихъ оправдать имъ свою собственную недобросовѣстность и злоупотребленія. Кондонди видѣлъ все это и пытался разъяснить дѣло.

«Понеже отъ однихъ лекаревъ (писалъ онъ 13 іюня 1738 года къ генералъ-адъютанту фонъ-Бирону, командовавшему первою дивизіей) и едино отъ призрѣнія докторовъ и лекарей отнюдь уповать не возможно вылеченія больныхъ, ежели притомъ надлежащее попеченіе около оныхъ не будетъ въ пищѣ и питіи, покоѣ и проч, что до выгоды больныхъ надлежитъ и отъ чего наипаче уповать можно вылеченія оныхъ *), и которое имѣется

леній полковыхъ командировъ, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Въ 1756 году фельдмаршалъ Бутурлинъ писалъ, что въ Ярославскомъ и Куринскомъ пѣхотныхъ (3-батальйонныхъ) полкахъ, стоявшихъ въ Казани, было въ сентябрѣ этого года въ первомъ 960, а въ послѣднемъ 1028 человекъ больныхъ. Послали туда лекарей: но что они могли сдѣлать, когда людей негдѣ было помѣстити, нечѣмъ одѣть и нечѣмъ кормить?

*) Эта-же самая мысль недавно высказана была, можетъ-быть въ тысячупервый разъ, по поводу неустройствъ французскихъ военныхъ госпиталей въ Крымскую войну, въ Константинополѣ, однимъ изъ медицинскихъ инспекторовъ французской арміи, и слова его повторены дѣлою Европою какъ будто великая и никогда неслыханная новость. Не то-же ли случается иногда и со множествомъ другихъ вещей, которыя выдаются за новыя потому только, что слишкомъ-хорошо забылись. Такъ, напримѣръ, въ наше время считается новостью въ Россіи введеніе сестеръ милосердія въ военные госпитали, между-тѣмъ какъ мысль о женскомъ уходѣ за больными въ военныхъ госпиталяхъ существовала еще при Петрѣ Великомъ и даже приведена имъ была въ исполненіе. Указомъ этого императора, 1722 года, повелѣно было въ морскихъ госпиталяхъ, именно въ Санктпетербургскомъ, Котлинскомъ и Ревельскомъ, имѣть изъ дѣвичьихъ монастырей по одной старицѣ и по одной помощницѣ ей, для надзора надъ бѣльемъ и госпитальными работницами (т. е., вѣроятно, прачками). Адмиралтействъ-Коллегія требовала ихъ въ госпитали 11-го февраля 1723 года, но Синодъ долго не рѣшался отпустить и наконецъ, на повторенное 29-го іюня 1724 года требованіе, назначилъ (17-го іюля 1724) двухъ старицъ изъ Новгородскаго Сыркова мѣнастыря (монахинь Агафію и Пелагею) въ Санктпетербургскій и Котлинскій, и одну изъ Псковскаго Вознесенскаго монастыря въ Ревельскій госпиталь, съ жалованьемъ старицамъ по 7, а помощницамъ ихъ по 5 р. въ годъ. 10-го іюня 1726 года монахиня Августина и помощница ея Евпраксія жаловались Синоду изъ Ревельскаго госпиталя, что имъ негдѣ жить, потому-что квартиры назначены общія, въ каютѣ конторы генералъ-кригсъ-коммисара, и что имъ не даютъ по деньгѣ въ день на рыбу, наравнѣ съ другими госпитальными служителями, получающими по деньгѣ въ

ли для больныхъ — надсматривать и вѣдать до должности докторовъ и лекарей не касается, которые должны токмо представлять о чемъ надлежитъ, и дѣлается-ли по тому или нѣтъ — о томъ вѣдать не должны; также напоминать должны о чемъ надлежитъ полковымъ командирамъ, а принудить ихъ исполненіе учинить по тому — какъ докторамъ можно? доносить-же на нихъ оное не должности доктора и лекаря касается по силѣ Е. И. В. регламентовъ. А понеже отъ помянутаго призранія полковыхъ командировъ наипаче зависитъ желаемый успѣхъ въ пользованіи больныхъ, нежели отъ чрезмѣрнаго употребленія лекарствъ, отъ котораго кромѣ вреда иное уповать не возможно, а паче въ таковыхъ людяхъ, которые принимать оныя не привыкли; и для того в-го выс-првства всепокорно прошу, дабы повелѣно было опредѣлить при первой дивизіи одного вѣрнаго и радѣтельнаго человѣка, которому незапно ходить по полковымъ лазаретамъ и надсматривать, въ какомъ призраніи имѣются больные и по присяжной должности безъ лицемѣрія и опасенія объявлять сущую правду, имѣють-ли больные все то, что по воинскому уставу и адмиралтейскому регламенту имъ имѣть положено, такожь всякой должность свою исправляетъ-ли съ ревностію и прилежаніемъ, ибо по тому изыскивать будетъ возможно причину умноженія больныхъ и виноватыхъ къ тому, а безъ того напрасно обвинены будутъ доктора и лекари, также вступя употребляются лекарства и отъ оныхъ никакого плода уповать невозможно.»

Неизвѣстно, были-ль въ то время назначены просимые Кондонди госпитальные инспекторы, отъ которыхъ онъ ожидаетъ большой пользы, но несомнѣнно, что онъ сохранилъ мысль объ нихъ до вступленія своего въ управленіе Медицинскою Канцеляріею, когда и сообщилъ ее Военной Коллегіи. Последняя обѣщала привести ее въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ. Случай представился въ 1754 году. Зимой этого года въ Военной Коллегіи, въ присутствіи генераль-аншефовъ Александра Бо-

день на мясо, прибавляя, что въ Ревелѣ даже пропитаться нельзя даваемымъ имъ жалованьемъ. Сунодъ хлопоталъ объ удовлетвореніи ихъ и Адмиралтействъ-Коллегія согласилась устроить въ Ревельскомъ госпиталѣ особый чуланъ для ихъ помѣщенія, а въ Спб. и Кронштадтѣ дать особыя квартиры при госпиталяхъ и помѣсячно выдавать деньги на рыбу. — Но тотчасъ послѣ смерти Петра Великаго, императрица Екатерина I (въ августѣ 1725) вовсе отменила указъ своего супруга о назначеніи старицъ въ госпитали и велѣла всѣхъ возвратитъ въ дѣвичьи монастыри, а къ госпитальному бѣлю приставить особыхъ комиссаровъ и опредѣлить добрыхъ и вѣрныхъ наемныхъ работниковъ.

рисовича Бутурлина и графовъ Александра Ивановича и Петра Ивановича Шуваловыхъ, было общее разсужденіе о производствѣ въ слѣдующіе чины разныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ и объ ихъ послѣдующемъ назначеніи — кого въ отставку, кого къ новымъ должностямъ. Въ спискахъ, при этомъ составленныхъ, включены были генераль-маоръ баронъ фонъ-Вертернъ къ производству въ генераль-лейтенанты, и бригадиръ Данило Кумингъ въ генераль-маоры, съ назначеніемъ ихъ инспекторами госпиталей (такъ какъ въ арміи вакансій для нихъ не было) перваго— въ Спб. генеральный сухопутный, а послѣдняго— въ генеральный Московскій. Списки представлены были императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 14 декабря 1754 и утверждены ею черезъ годъ, 25 декабря 1755 года. Это были *первые военные инспекторы госпиталей* въ Россіи *). Сообщая объ ихъ назначеніи Медицинской Канцеляріи, Военная Коллегія писала 31 января 1756 года, что инспекторамъ госпиталей велѣно «повседневню, а по-крайней-мѣрѣ три дни въ недѣлю въ генеральныхъ госпиталяхъ самимъ быть и всѣхъ больныхъ осматривать прилежно, наблюдая всѣ-ль они въ пристойномъ по болѣзнямъ ихъ прирѣвнн и довольствіи пищею и прочимъ содержатся и отъ докторовъ, лекарей, подлекарей и прочихъ съ надлежащимъ раченіемъ пользуются, и буде усмотрятъ въ чемъ-либо чью изъ нихъ какую неприлежность, о томъ представлять имъ въ Военную Коллегію, а буде въ содержаніи больныхъ пищею и прочею выгодою какіе-либо окажутся недостатки, о таковыхъ имъ давать знать и генералу-кригсъ-комисару и въ Главный Комисаріатъ, а въ отсутствіе Главнаго Комисаріата и генерала кригсъ-комисара и того комисаріата въ Контору, а между тѣмъ тогдажъ и въ Военную Коллегію доносить, и наиприлежнѣйше стараться, дабы какъ точно одержимые болѣзнями въ госпиталяхъ отъ времени до времени въ лучшемъ и безнедостаточномъ прирѣвнн содержаны были, такъ и притворно болѣзни на себя всклепавшіе, напрасно на госпитальномъ довольствіи состоящіе, къ командамъ скорѣе отправлены бытъ

*) *Вторымъ*, по времени, инспекторомъ петербургскихъ госпиталей (сухопутнаго и адмиралтейскаго вмѣстѣ) былъ генераль-поручикъ *Карауловъ*, получившій этотъ чинъ и назначеніе, съ правомъ присутствовать въ Военной Коллегіи, 8-го мая 1759 года. Въ докладѣ объ его производствѣ и назначеніи сказано, что онъ имѣлъ въ своемъ смотрѣннн заграничные русскіе госпитали въ Пруссіи; въ Кенигсбергѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ и пр., во время семилѣтней войны, и такъ объ нихъ заботился, что изъ 12,000 больныхъ и раненыхъ умерло только 424 человекъ.

могли; о чемъ о всемъ въ Мед. Канц. чрезъ сіе сообщается и требуется, чтобъ находящіеся при тѣхъ госпиталяхъ докторы и прочаго званія медиц. факультета чины имъ, генераламъ, были въ благопрістойномъ послушаніи и яко о всеобщей пользѣ прилежный свой трудъ употребляли и о томъ бы изъ той Канцеляріи съ надлежащимъ основаніемъ имъ накрѣпко подтверждено было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Главному Комисаріату предложено было составить инструкцію для инспекторовъ госпиталей, которая, бывъ предварительно просмотрѣна Медиц. Канцелярією, была утверждена Военною Коллегією 21 марта 1756 года. Вотъ эта

Инструкція опредѣленному къ С. Петербургскому генеральному сухопутному госпиталю г. генералъ-лейтенанту фонъ-Вертеру.

1.

С. Петербургскій сухопутный госпиталь вамъ, генералъ-лейтенанту, имѣть въ полномъ своемъ вѣдѣніи и ѣздить въ оный повсядневно, а по-крайней-мѣрѣ три дни въ недѣлю, а именно по понедѣльникамъ, средамъ и субботахъ, и находящихся въ ономъ больныхъ спрашивать каждого, всѣмъ-ли оные, въ силѣ Госпитальнаго Регламента и Е. И. В. указовъ, по приличности болѣзней, въ довольствіи содержатся, и всегда-ль въ надлежащія времена докторъ бываетъ, а лекари и подлекари, также и прочіе служители (комъ должны для пользы отъ болѣзней и призорительнаго содержанія безотлучны быть) въ своихъ званіяхъ тщательны, и не терпятъ-ли больные отъ чьихъ небреженій какихъ отягощеній или въ надлежащемъ содержаніи и довольствіи въ пищѣ и питіи недостатковъ; и надъ госпитальною конторою наблюдать, чтобъ въ оной служители, всякъ по своей должности, въ силѣ о госпиталяхъ Регламента, во всемъ неупустительно поступали.

2.

Опредѣленную по Госпитальному Регламенту онымъ больнымъ пищу и питіе осматривать, все-ль оное въ надлежащемъ качествѣ, изъ свѣжихъ припасовъ приготовляемое, и какъ пищу, такъ и питіе каждое отвѣдывать, не имѣють-ли оныя какого отъ гнилости или отъ неисправнаго приготовления худаго и больнымъ бесполезнаго вкуса.

3.

Наблюдать, дабы въ покояхъ больные безъ тѣсноты помѣщаемы и кровати-бъ и постели каждому, со всѣмъ надлежащимъ приборомъ, по прістойности, смотря по болѣзнямъ, къ лучшему успокоенію были, и чтобъ отъ жесткости матрацовъ и подушекъ или отъ прочихъ притомъ неисправностей какой тягости и безпокояства не терпѣли.

4.

Осматривать всѣ покои, въ коихъ больные содержатся, и подтверждать, дабы оные всегда были въ надлежащей чистотѣ съ пристойными по мѣстамъ душиками, чтобъ ни мало больнымъ вредительно не токмо въ ихъ покояхъ, но и прочихъ внутри и снаружи около того госпиталя мѣстѣхъ нигдѣ-бъ никакой отъ небрежности, нечистоты и худыхъ запаховъ не было.

5.

Нерѣдко-же по бытности вашей осматривать вмѣщающіеся при томъ госпиталѣ въ магазейнахъ и погребехъ заготовляемые къ довольствію больныхъ съѣстные и питейные припасы и прочіе матеріалы въ надлежащемъ-ли сохраненіи содержатся и чтобъ оныя и впредь безъ всякаго вреда хранимы были, какъ о семъ въ Госпитальномъ Регламентѣ пространнѣе изъяснено.

6.

Ежели-же когда что изъ вышепронисаннаго въ пунктахъ или другое тому подобное къ содержанію и довольствію, въ силѣ Госпитальнаго Регламента и Е. И. В. указовъ, больныхъ и госпитальной экономіи, въ небреженіи и упущеніи усмотрѣно вами будетъ, и то все, сколько возможно по согласію съ докторомъ, безъ малѣйшаго промедленія и послабленія въ должную исправность съ надлежащимъ порядкомъ приводить, а о не возможномъ самимъ рѣшеніе учинить, а къ тому еще что къ вышеписанному въ пополненіе за наилучшую способность предусмотрите, должнымъ порядкомъ давать знать генераль-кригсъ-комиссару и въ Главный Комиссаріатъ, а въ отсутствіе Главнаго Комиссаріата и генераль-кригсъ-комиссара, сношеніе имѣть съ комиссаріатскою конторою и въ силу Военскаго устава съ обер-стеръ-кригсъ-комиссаромъ или у кого тотъ госпиталь подъ смотрѣніемъ состоятъ будетъ, и тогда-жъ въ Военную Коллегію немедленно доносить.

7.

Госпитальнаго доктора по регламенту начальственная должность смотрѣть, чтобъ какъ главный лекарь, такъ комиссаръ и прочіе въ его командѣ обрѣтающіеся служители госпиталя должностъ свою исправляли негѣлостно; однако-жъ вы, яко надъ всѣмъ госпиталемъ командиръ и надъ онымъ, для лучшаго надзиранія во именному Е. И. В. указу опредѣленъ, то гораздо должны вы оному доктору во всякихъ по госпиталю обстоятельствахъ, въ чемъ высочайшій Е. И. В. интересъ зависить, вспоможеніе подавать, и ежели медицинскаго факультета въ какихъ-либо чинахъ недостатокъ или иное что къ лучшей пользѣ усмотрите, о томъ вамъ съ требованіемъ сообщать въ Медицинскую Канцелярію и въ Коллегію рапортовать.

8.

Имѣть вамъ для караула, изъ госпитальнаго разводу, при одномъ капралѣ шесть человекъ рядовыхъ, да для проѣзду воднымъ путемъ рябить, а ежели нынѣ нѣтъ, вновь имѣете приказать построить и въ гребцахъ изъ такихъ-же, какъ до сего употреблялись.

9.

Для той порученной вамъ команды за адъютанта дать изъ полковъ Слб. гарнизона оберъ-офицера, кого вы къ тому за способнаго признаете, а письменныя дѣла исправлять госпитальной конторы служителями, а съ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента и къ тому съ воспослѣдовавшихъ указовъ копіи и что до того госпитальнаго смотрѣнія принадлежить, по требованію вашему даны будутъ изъ здѣшней комиссаріатской конторы.

10.

Вамъ-же наблюдать, чтобъ въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ принадлежащемъ къ тому жильѣ, никакого безчинія, пьянства, карточныхъ и иныхъ игръ, подозрительныхъ людей и прочаго, однимъ словомъ ничего того, что Е. И. В. указами запрещается, отнюдь-бы никогда не происходило.

11.

Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ ни къ кому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій; а ежели какое пренятствіе отъ кого въ томъ или иномъ будетъ вашему дѣлу, то писать вольно куда заблагоразсудишь, только упоминая о врученномъ вамъ дѣлѣ генерально, отъ чего оному поврежденіе есть; такъ-же ежели случатся дѣла постороннія, тайнѣ подлежащія, и въ реляціяхъ къ тому, отъ кого отправленъ, писать будетъ за какимыъ подозрѣніемъ невозможно, то вольно писать кому въ томъ повѣришь, а о врученномъ своемъ никакъ иначе, только какъ выше писано, подъ жестокимыъ наказаніемъ по винѣ преступленія, и сей указъ и посланнымъ отъ себя всякому писать въ инструкціяхъ *). Марта 21-го дня 1756 года. Подписали: генералъ Степанъ Апраксинъ, оберъ-штаб-майстеръ Петръ Сумароковъ, генералъ принцъ фонъ-Голштейнъ, генералъ-лейтенантъ царевичъ Георгій Грузинскій, генералъ-лейтенантъ князь Федоръ Мещерскій, генералъ-мазоръ Василій Суворовъ, оберъ-секретарь Сергій Поповъ, оберъ-аудиторъ Петръ Посниковъ.

Инструкція эта, какъ видятъ читатели, составлена была довольно легко и общими мѣстами, въ сущности ни къ чему не обязывая инспектора госпиталя. Составляя ее, комисаріатъ зналъ, что это лицо бесполезно и злоупотребленій не истребитъ: но онъ очень охотно принялъ его, какъ еще одну лишнюю ширму, которою не слѣдуетъ пренебрегать въ случаѣ надобности плотнѣе прикрыть кое-какія темныя дѣла. При этомъ не упущено изъ виду и то, что инспекторъ могъ, пожалуй, послужить помѣхою разнымъ quasi «бюстителямъ казеннаго интереса», точно такъ какъ иногда и госпитальный докторъ способенъ сдѣлаться подобною-же помѣхою. И чтобъ предотвратить всѣ подобныя случайности, постановили такъ, что госпитальный докторъ остается по прежнему полнымъ начальникомъ госпиталя, которому подчинены всѣ остальные чины (по регламенту) до тѣхъ поръ, пока онъ соглашается извѣстнымъ образомъ «бюсти казенный интересъ;» какъ-же скоро попадетъ на его мѣсто такой, которому честь и правда дороже этихъ лицемѣрныхъ прибаутокъ, то госпитальн. инспектору предоставлялось по 7 пункту выказать себя командиромъ и повернуть дѣла такъ, чтобъ «интересъ соблюдался» и безъ помощи госпитальнаго доктора. Слѣдовательно

*) Последній пунктъ (11) значительно разнится отъ прочихъ и своимъ содержаніемъ и формою изложенія. Это отъ того, что онъ цѣликомъ взятъ изъ указа Петра Великаго, 17-го января 1724 года, касательно государственныхъ дѣлъ подлежащихъ тайнѣ, и обязательно присоединялся ко всѣмъ безъ исключенія административнымъ инструкціямъ, какъ объ этомъ, впрочемъ, упомянуто въ концѣ и въ немъ самомъ.

выписанная здѣсь инструкція служила только къ тому, чтобы покрѣпче прикрыть то, что иногда видѣлось, особенно для неумѣренно зоркой Медич. Канцеляріи, и чтобы лучше перепутать интересы медицинскіе съ комисаріатскими и сдѣлать ихъ общими, т. е. ничьими въ особенности или такъ-называемыми «казенными».

Впрочемъ въ первый годъ послѣ составленія этой инструкціи все шло благополучно, т. е. совершенно такъ, какъ будто инспектора госпиталя вовсе и не существовало. Онъ ѣздилъ въ госпиталь съ надлежащею начальническою важностью, только никогда не говорилъ съ больными о нуждахъ ихъ (какъ слѣдовало по 1 пункту инструкціи), по той простой причинѣ, что не зналъ ни одного слова по-русски, а докторъ Унгебауеръ умѣлъ убаюкивать его самолюбіе сладкими напѣвами на родномъ его языкѣ, и жили они въ добромъ согласіи. Но не такъ пошла дѣла, когда Унгебауеръ уѣхалъ въ армію и на его мѣсто поступилъ честный, правдивый и немножко горячій Полетика.

Но для ясности дѣла необходимо возвратиться нѣсколько назадъ и упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, обрисовывающемъ роль госпитальнаго инспектора. Назначая это лицо, Военная Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ предложила Мед. Канцеляріи доставить ей свѣдѣніе: какія нужно сдѣлать улучшенія въ Спб. генеральномъ сухопут. госпиталѣ, какъ объ этомъ было прежде по частямъ представляемо. Мед. Канцелярія 30 апрѣля 1756 года отвѣчала слѣдующее: «Для лучшаго учрежденія помянутаго генеральнаго госпиталя не соблаговолено-ль будетъ учинить слѣдующее: 1) всѣмъ живущимъ въ томъ госпиталѣ медицинскаго чина служителямъ, кромѣ аптекаря съ подчиненными его, понеже безотлучно при аптекѣ жить должны, въ близости госпиталя построить особенные дворы, какъ и госпит. старшему доктору пристойный дворъ выстроенъ отъ комисаріата, для прочности и безопасности отъ пожарнаго страха каменные, или на первый случай хотя деревянные, и тѣмъ госпитальные покои, въ коихъ живутъ оныя служители, очистить и исправить для болящихъ; уповается же, что въ оныхъ покояхъ немалое число больныхъ умѣстится можетъ; а къ тому впредь построить сколько понадобится для свободнаго умѣщенія двухъ тысячъ человекъ больныхъ. 2) Чрезъ весь госпитальный дворъ изъ большой въ малую Неву рѣку, снесшись съ Адмиралтейскою Коллегією, одинъ ради обоихъ госпиталей, или уже особливо для того генеральнаго сухопутнаго, прорыть пристойный каналъ, чтобъ такую

коммуникаціею гнилое во дворѣ болото высушить, а нужники съ берегу въ близости около госпитальнаго строенія, въ каковыхъ мѣстахъ весьма онымъ быть неприлично, перенести на особыя пристойныя мѣста, дабы происходящій отъ тѣхъ болота и нужниковъ срадный и вредный духъ очищенъ быть могъ, а для трудно-болящихъ, которыхъ на воздухъ выводить не должно, имѣть нѣсколько столычаковъ. 3) При добрѣ учрежденныхъ госпиталяхъ имѣется всегда особенный покой для чиненія надъ жпвыми хирургическихкихъ важныхъ операций, дабы крику и жалости другіе больные не слышали и не видѣли; такой покой особой и въ ономъ госпиталѣ имѣть надлежитъ. 4) Понеже въ тотъ госпиталь и сумасшедшіе посылаются, иногда жъ и офицеры, и для оныхъ имѣть надлежитъ особый покой. 5) При всѣхъ госпиталяхъ кромѣ анатомическаго театра, въ которомъ ученіе единственно быть должно, имѣется особый покой для положенія мертвыхъ тѣлъ и дѣйствій анатомическихкихъ, и хотя въ томъ госпиталѣ такой имѣется, но весьма малъ, и для того прибавить или къ тому придать надобно. 6) Понеже по госпитальному регламенту положено при генеральномъ госпиталѣ содержать одного старшаго, другого младшаго докторовъ, одного главнаго лекаря, 5 лекарей, 10 подлекарей, 20 учениковъ, и чтобъ на всякое двусотное число больныхъ было по лекарю да по два подлекаря и по четыре ученика; но токмо по умноженію больныхъ, какъ выше явствуетъ *), оныхъ недостаточно и бываетъ на одного лекаря тѣхъ больныхъ человекъ по 300, а иногда и болѣе, почему едва съ крайнею трудностію исправляются, а ежели по вышеписанному увеличится оный госпиталь, то и напаче число медпц. служителей прибавить будетъ нужно.»

На это Главный Комисаріатъ увѣдомилъ (11 июня 1756), что Военная Коллегія разрѣшила исполнить все, о чемъ представляла Мед. Канц., именно устроить нѣсколько деревянныхъ связей, покой для офицеровъ и караульныхъ, баню, конюшню и сарай особо, за госпитальнымъ садомъ (по согласію оберъ-кригсъ-комисара Мерлина съ старшимъ докторомъ госпиталя), такъ чтобы послѣ того можно было помѣстить въ госпиталѣ еще 300 больныхъ. Старшій докторъ предложилъ при этомъ построить 10 деревянныхъ связей на камен. фундаментѣ въ два ряда, одинъ

*) Число больныхъ увеличилось отъ того, что во время послѣдней шведской войны чрезъ Петербургъ проходило много войскъ, въ Финляндіи расположенъ былъ цѣлый корпусъ, да и вокругъ Петербурга стояло много войска.

противъ другого, въ видѣ казармъ, для того что если больныхъ прибавится, то они будутъ помѣщаться въ этихъ связяхъ, а если больныхъ будетъ мало, то половину ихъ будутъ занимать служащіе при госпиталѣ, получая на отопленіе казенныя дрова *). Планъ и смѣта ихъ составлены оберъ-крюгсъ-комиссаромъ Даниломъ Мерлинымъ и сенатскимъ архитекторомъ Александромъ Вистомъ, а вмѣстѣ подписанъ и докторомъ Унгебауеромъ. Въ слѣдующемъ году разрѣшено прибавить въ госпиталь еще 30 лекарскихъ учениковъ и для нихъ построить особливую деревянную связь рядомъ съ госпитальнымъ огородамъ, противъ госпитальной конторы. Вообще госпитальныхъ построекъ и передѣлокъ было много и кому же было лучше наблюдать за исполненіемъ ихъ, какъ не инспектору госпиталя, не несшему на себѣ, кромѣ надзора за госпиталемъ, никакихъ другихъ обязанностей и имѣвшему гораздо больше досуга, чѣмъ служебныхъ занятій? Эта мысль весьма естественно могла прийдти Комисариату, который 1-го іюля 1756 года и представилъ ее Военной Коллегіи, предлагая поручить надзоръ за постройками генералу фонъ-Вертеру. Коллегія согласилась было: но 12 іюля этотъ генералъ самъ явился съ письменнымъ донесеніемъ въ ея присутствіе, что онъ не можетъ и не желаетъ взять на себя этого порученія, «ибо по его иностранству таковыя обстоятельства ему не-

---

*) Это — нынѣшнее второе отдѣленіе госпиталя, состоявшее первоначально изъ 5-ти корпусовъ. Строилъ его Спб. купецъ и бумажный фабрикантъ Василій Ольхинъ, по подряду, въ теченіе 8-ми мѣсяцовъ (въ 1759 году), изъ своихъ матеріаловъ, на сумму 5,500 руб., подъ смотрѣніемъ архитектора Виста. Назначеніе этихъ 5 корпусовъ было слѣдующее: въ *первомъ корпусѣ*: младшему доктору два покоя съ комнатою для поклажи, чуланъ и очагъ; одному лекарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; двумъ подлекарямъ и 8-ми лекарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. Въ *второмъ корпусѣ*: оператору два покоя съ комнатою для поклажи, чуланъ и очагъ, и сверхъ-того одинъ покой съ каминомъ для произведенія его искусства; одному лекарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; 2-мъ подлекарямъ и 8-ми лекарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. Въ *третьемъ корпусѣ*: главному лекарю два покоя съ комнатою для поклажи, чуланъ и очагъ; одному лекарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; 2-мъ подлекарямъ и 8-ми подлекарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. Въ *четвертомъ корпусѣ*: одному лекарю два покоя съ чуланомъ и очагомъ; учителю латинскаго языка одинъ покой съ каморкою; 3-мъ подлекарямъ и 12-ти лекарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. Въ *пятомъ корпусѣ*: одному лекарю два покоя съ чуланомъ и очагомъ; рисовальному мастеру одинъ покой съ каморкою; одному подлекарю и 14-ти подлекарскимъ ученикамъ два покоя съ очагомъ.

знакомы, да и щеты о приходахъ и расходахъ при госпитальной конторѣ имѣются и чрезъ то воспомядовать можетъ, хотя бы онъ весьма старался оныя подряды какъ должно отвращать, во тѣмъ высочайшему интересу противно быть можетъ, а долженъ онъ непремѣнную должность всецѣло впрочемъ на него положенную по возможности своей съ надлежащею прилежностію отвращать.» Дѣлать было нечего. Военная Коллегія должна была убѣдиться, что генералу не хочется дѣлать что-либо полезное для госпиталя, хотя онъ затѣмъ и опредѣленъ туда, чтобы наблюдать за хозяйственною частью, и 7 сентября опредѣлила всѣ подряды и покупки производить изъ госпитальной конторы при оберъ-кригсъ-комисарѣ Мерлинѣ и кому изъ подчиненныхъ отъ Комисариата поручено будетъ, «а генерала фонъ-Вертерна къ тому не привлекать, ибо онъ по высочайшей Е. И. В. концирмаціи опредѣленъ токмо для одного смотрѣнія надъ тѣмъ госпиталемъ и чтобъ тотъ госпиталь въ добромъ порядкѣ и болѣе въ надлежащемъ призрѣніи и довольствіи содержанъ былъ.» Этимъ опредѣленіемъ, очевидно, еще болѣе стѣснилась инструкция, данная инспектору госпиталя, и онъ осуждался на бездѣйствіе, котораго самъ желалъ и слѣдовательно на совершенную бесполезность для госпиталя.

Директоръ Мед. Канцеляріи П. З. Кондриди съ сожалѣніемъ видѣлъ непониманіе его мысли объ инспекторахъ военныхъ госпиталей и лазаретовъ; однакожъ у него все еще была надежда, что инспекторы принесутъ пользу госпиталямъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своимъ безучастіемъ въ мелочныхъ ежедневныхъ расчетахъ, слѣдовательно безпристрастнымъ различіемъ истинны отъ лжи, ошибокъ отъ злоупотребленій. Онъ надѣялся, что инспекторы будутъ живыми и мыслящими представителями закона, способными вникать во всѣ частности и направлять ихъ правдиво и неуклонно къ предполагаемой цѣли; поэтому отказъ генерала фонъ-Вертерна отъ хозяйственныхъ заботъ и распоряженій по госпиталю казался ему даже новымъ ручательствомъ истиннаго пониманія роли, которая предоставлена была ему въ госпиталѣ. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали всѣхъ этихъ ожиданій.

Вмѣсто того, чтобы быть въ госпиталѣ представителемъ закона и высшаго человеколюбія, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за ходомъ госпитальнаго управленія и направлять его исключительно и неуклонно къ пользамъ больныхъ, генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ, съ самаго вступленія своего въ госпиталь,

прежде всего выставилъ на видъ свое генеральство, свой личный произволъ поставилъ закономъ и потребовалъ отъ госпитальной конторы безусловнаго себѣ повиновенія. Далѣе, бывая почти ежедневно въ конторѣ и видясь съ старшимъ докторомъ, онъ никогда не дѣлалъ ни одного личнаго распоряженія, не отдавалъ ни одного словеснаго приказанія, но всегда выражалъ свою волю письменными ордерами, которые иногда самъ же и приносилъ въ контору. Наконецъ добровольно отказавшись при самомъ вступленіи въ должность отъ всякаго участія въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, подъ предлогомъ лучше наблюдать за ними, онъ на дѣлѣ однакожъ не позволялъ госпитальной конторѣ ни одного шагу безъ собственнаго своего разрѣшенія. Но и это было бы еще сносно, еслибъ не послужило ко вреду: но бѣда въ томъ, что все, что было въ госпиталѣ беззаконнаго и злоупотребительнаго, находило въ немъ при извѣстныхъ условіяхъ самаго горячаго и непреклоннаго защитника.

При такихъ-то обстоятельствахъ вступилъ докторъ И. А. Полетика въ управленіе госпиталемъ. Облеченный по Генеральному Регламенту полною властью въ госпиталѣ и полною же за него отвѣтственностью, честный по природѣ и по высокому образованію и немножко горячій по молодости и малороссійскому происхожденію, онъ долго терпѣлъ несправедливое и вредное притязаніе госпитальнаго инспектора, старался даже наединѣ разъяснить ему злоупотребленія, которымъ тотъ явственно, хоть можетъ быть и неумышленно, потакаетъ, но это ничему не помогло. Лъстивыя внушенія людей, которымъ честность старшаго доктора грозилла неминуемою опасностью, брали верхъ надъ жесткою правдою и простое упрямство превращали въ дѣйствительную вражду. Не было, конечно, недостатка и въ клеветахъ, которыя чернили доктора не щадя мрачныхъ красокъ и въ особенности направлялись противъ личнаго генеральскаго самолюбія и безконтрольности личнаго его произвола.

Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться и Полетика невольно схватился за Регламентъ, чтобы разъяснить себѣ собственное свое положеніе въ госпиталѣ. А какъ Регламентъ ставилъ его единственнымъ и полнымъ начальникомъ госпиталя, то онъ рѣшился начать борьбу съ военнымъ деспотомъ за попранныя права свои, не хотѣлъ болѣе терпѣть злоупотребленій въ госпиталѣ, къмъ бы они уполномочиваемы и поддерживаемы ни были и началъ съ того, что пересталъ принимать письменные ордера инспектора. Взбѣшенный генералъ тотчасъ-же на-

впсалъ жалобу Медицинской Канцеляріи; но та ему отвѣчалъ, что можетъ-быть докторъ поступилъ и неучтиво, но тутъ ничего нѣтъ противузаконнаго, да и не было надобности въ письменныхъ ордерахъ, когда генералъ, бывая въ госп. конторѣ, можетъ словесно сообщать ей всѣ свои замѣчанія.

Такой отвѣтъ, конечно, не могъ понравиться ему, и потому онъ обратился съ той же жалобой къ Военной Коллегіи, выказавъ только въ общихъ словахъ, что Полетика не признаетъ его за своего «главнаго командира»: но та ничего ему не отвѣтила. Это еще болѣе обидѣло его, и чтобы отомстить за все, онъ пожаловался Военной Коллегіи на словахъ, будто Полетика въ конторѣ бранится съ нимъ. Послѣдній узналъ объ этомъ и чтобъ обезоружить своего притѣснителя и на этомъ пунктѣ придумалъ весьма простое средство: говорить съ генераломъ въ госп. конторѣ исключительно только о служебныхъ дѣлахъ и притомъ такъ, чтобы всѣ лица, присутствующія при этихъ разговорахъ, во всякое время и хотъ подъ присягою могли повторить слова его, т. е. по-русски. Но вышло то, чего Полетика можетъ-быть и не ожидалъ: генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ не зналъ ни одного слова по-русски и во всю свою долгую службу даже и не подозрѣвалъ, чтобы ему когда-нибудь въ Россіи понадобился русскій языкъ; поэтому онъ такъ обидѣлся выходкою Полетики, что тотчасъ-же вскочилъ съ мѣста и уѣхалъ изъ госпиталю, а черезъ часъ прислалъ ордеръ, запрещавшій старшему доктору являться въ госпитальную контору; и чтобъ этотъ ордеръ исполненъ былъ лучше, къ дверямъ конторы приставленъ военный часовой съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не пускать туда старшаго доктора. Это было на пятой или шестой недѣлѣ поста. Полетика, получивъ ордеръ, заперся дома и пересталъ посѣщать госпиталь, донесъ о томъ Медицинской Канцеляріи. Госпитальные дѣла остановились. Настала страшная недѣля, надобно было выписывать выздоровѣвшихъ больныхъ, а выписывать ихъ было некому и многіе изъ нихъ потихоньку бѣжали изъ госпиталю. Дѣлать нечего: генералъ самъ принялся за выписку ихъ, и въ тоже время писалъ длинную жалобу въ Военную Коллегію, чтобы какъ-нибудь столкнуть этого ненавистнаго доктора и въ тоже время оправдать свое собственное немножко чрезмѣрное уже самоуправство.

Съ другой стороны, пока происходило это несогласіе генерала съ докторомъ, въ госпиталѣ поднялись мелочныя вражды. Всякій крохоборъ и взяточникъ считалъ себя обиженнымъ че-

стностью, прямою и безкорыстіемъ старшаго доктора, хотя не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Всѣ чины, начиная отъ комисара до послѣдняго водовоза, считали себя теперь вправѣ и въ силахъ дѣлать непріятности Полетикѣ, частію изъ желанія угодить инспектору госпиталя, а частію въ отмщеніе за тѣ глухіе, но чувствительные укоры и безпокойства, которые дѣлали не докторъ, а собственная совѣсть. Безчестный всегда чувствуетъ себя неловко предъ лицомъ честнаго человѣка и искусственно пододрѣтою и безпричинною злобою старается только заглушить вопли внутренняго своего голоса.

Дѣло было уже не шуточное и Военная Коллегія не могла не вступить въ рѣшеніе его. Поэтому 7-го марта 1857 года она сообщила Мед. Канцеляріи жалобы генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ слѣдующей промеморіи:

«Генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертеръ объявлялъ доношеніями: 1) что онъ хотѣлъ опредѣлить, по испрошенному имъ указу Военной Коллегіи, сержанта Московскаго 2-го полка Якова Степанова главнымъ писаремъ въ контору генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя, и опредѣлилъ его и привелъ къ присягѣ, а докторъ Полетика (въ отсутствіе генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна по болѣзни) представилъ отъ себя въ комисію оберъ-кригсъ-комисара Мерлина, чтобъ Степанову, «за несостояніе при томъ госпиталѣ и за незнаніемъ, можетъ ли онъ ту должность исправлять и какого онъ состоянія», было отказано и къ приему письменныхъ дѣлъ не допустилъ, а вмѣсто него представилъ на это мѣсто писаря той-же госпитальной конторы Семена Малахова, между-тѣмъ какъ прежнимъ докторомъ Унгебауеромъ ни одинъ изъ госпитальныхъ писарей въ то званіе удостоенъ не былъ. Притомъ-же о представленіи писаря Малахова надлежало предварительно увѣдомить его, генераль-лейтенанта. 2) Прежній докторъ Унгебауеръ всегда спрашивалъ у генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна какъ госпитальныя порядки содержать, что дѣлывалъ прежде и докторъ Полетика, а нынѣ послѣдній съ гордости неправильно почитаетъ, что будтобы онъ не обязанъ слушаться ордеровъ генераль-лейтенанта и рапортовать ему, ссылаясь на Госпитальный Регламентъ и на то, что состоитъ единственно подъ дирекцію Мед. Канцеляріи и Правительствующаго Сената, не представляетъ ему 8-дневныхъ рапортовъ, не принимаетъ его ордеровъ и даже не уважаетъ Военной Коллегіи. Въ конторѣ госпиталя онъ явно говорилъ, будто онъ равнаго съ нимъ ранга и завелъ съ доктор-

шею Унгебауеръ и съ аптекаремъ такія ссоры, которыя очевидно о безпокойствѣ его свидѣтельствуя. Генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ просилъ его въ повиновеніи быть, какъ былъ Унгебауеръ, но напрасно. 3) По указу Главнаго Комисаріата, бывшимъ генераль-крюгсъ-комисаромъ (что нынѣ фельд-маршалъ графъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ) велѣно лошадей госпитальнаго аптекаря Гебгардта довольствоваться казеннымъ фуражемъ, а нынѣ докторъ Полетика воспретилъ выдавать рационъ на эту лошадь аптекаря. Послѣдній жаловался генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну и онъ приказалъ выдавать фуражъ по прежнему, а Полетика не допустилъ этого, запечатавъ магазинъ казенною печатью, какъ доносилъ комисаръ-поручикъ Чернавскій. Кромѣ того, докторъ Полетика роздалъ больнымъ въ госпиталѣ полученныя къ празднику деньги, не увѣдомивъ генерала, и этимъ показалъ, что онъ себя одного считаетъ командиромъ въ госпиталѣ — между-тѣмъ какъ пять лѣтъ только назадъ онъ былъ еще сверхкомплектнымъ подлекаремъ — не почитаетъ надлежащимъ образомъ всемплоствѣише пожалованный ему чинъ генераль-лейтенанта, почему послѣдній и проситъ въ этихъ обидахъ учинить ему надлежащую сатисфакцію, а до-тѣхъ-поръ онъ не будетъ ѣздить въ госпиталь. 4) Генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ 3-го минувшаго января приказалъ стоявшему на караулѣ при госпиталѣ поручику Копорскаго гарнизоннаго полка Марку Коптеву наказывать деищика докторши Унгебауеръ Степана Казакова (изъ госпитальныхъ служителей) за неучитовость къ ней, и высѣчь его батогами, а докторъ Полетика запретилъ его наказывать, слѣдовательно опять показалъ, что считаетъ себя одного командиромъ въ госпиталѣ, а его, генераль-лейтенанта, ни во что вмѣняетъ и оказываетъ себя противнымъ образомъ. Затѣмъ, сославшись на Военскій Уставъ, гл. XIX, н. 1, Морской Регламентъ, гл. I, н. 12, на Генеральный Регламентъ о госпиталяхъ, гл. II, п. 1 и гл. XII, п. 10, и на инструкцію, данную изъ Военной Коллегіи генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну, а равно и на то, что Мед. Канцелярія сама предписала Спб. и Моск. госпиталямъ быть въ благопристойномъ послушаніи военнымъ инспекторамъ госпиталей, Военная Коллегія увѣдомила Мед. Канцелярію, что она утвердила сержанта Степанова главнымъ писаремъ конторы генерал. сух. Спб. госпиталя, а съ докторомъ Полетика «за прописанныя несходствующіе съ артикуломъ поступки учинить съ нимъ по указамъ и онаго генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна,

по его заслуженному характеру, удовольствоваться надлежащею сатисфакціею и при томъ подтвердить, чтобы впредь какъ онъ, такъ и прочіе медицинскіе служители, въ сходство ХLIX гл. п. I Воинскаго Устава, должное генераль-лейтенанту послушаніе чинили, яко главному надъ тѣмъ госпиталемъ командиру надлежащимъ образомъ респектовали, ибо онъ по высочайшему указу опредѣленъ»; однако генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну поставлено въ обязанность, если кто изъ медицинскихъ служителей окажется неисправенъ и нерадѣтеленъ, о тѣхъ доносить Мед. Канцеляріи, самому же ими не распорядиться, а надзирателей и прочихъ нижнихъ служителей можетъ наказывать самъ, по усмотрѣнію вины. Чтоже касается до раціона аптекаревой лошади, то это дѣло передается на разсмотрѣніе Главному Комисаріату. А какія докторъ Полетика говорилъ дерзости комиссару Чернавскому или при немъ, то послѣдняяго приказано допросить оберъ-крюгсъ-комиссару Мерлину и представить въ Военную Коллегію. А если кого изъ нижнихъ чиновъ находящихся въ госпиталѣ надобно представлять къ отставкѣ по неспособности — что чинилъ докторъ чрезъ оберъ-крюгсъ-комиссара Мерлина или чрезъ госпитальную контору въ Военную Коллегію, то на будущее время предписывается представлять свидѣтельства объ нихъ изъ госпитальной конторы генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну, а этотъ послѣдній будетъ уже представлять ихъ Военной Коллегіи. 7-го марта 1857-го года. Подписалъ: Принцъ фонъ-Гольштейнъ, секретарь Ларіонъ Украинцовъ».

Полетика съ своей стороны тоже не остался въ долгу и 17 марта 1757 года представилъ Мед. Канцеляріи слѣдующее донесеніе: «1) Не имѣя четвертаго денщика, на котораго по закону имѣлъ право, и замѣтивъ, что при госпитальной аптекѣ находятся четыре работника, тогда какъ по штату слѣдуетъ быть только двумъ, съ которыми по немножеству дѣлъ исправляться можно, я взялъ къ себѣ одного изъ нихъ*). Аптекарь Гесгардтъ былъ этимъ недоволенъ и пожаловался генералу фонъ-Вертерну, который, пріѣхавъ въ контору и позвавъ аптекаря, спросилъ у него: находился ли взятый работникъ въ лабораторіи? и послѣ утвердительнаго отвѣта съ великимъ крикомъ приказалъ караульному офицеру взять насильно упомянутаго денщика изъ моей

*) По законамъ того времени госпитальные чины должны были брать себѣ денщиковъ изъ госпитальной наличной прислуги.

квартиры и по приводѣ въ контору отдалъ антенарю *). 2) 13 марта генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ спросилъ меня: нѣтъ ли какихъ дѣлъ къ его рѣшенію, а я, зная, что этотъ генералъ жаловался на меня Военной Коллегіи, будто бы я при разговорахъ пренебрегалъ честь его, и желая чтобъ предложенія мои ему могли быть засвидѣтельствованы и посторонними людьми (ибо въ госпитальной конторѣ по большей части такіе, которые нѣмецкаго языка не разумѣютъ, какъ-то: комисаръ, караульные офицеры и шисаря), навѣдывался, гдѣ находится его

*) Аптекарь Гебгардтъ (Georg Christoph Gebhardt), игравшій важную роль въ возбужденіи и поддержаніи раздора между генераломъ фонъ-Вертерномъ и докторомъ Полетикою, изъ своихъ корыстныхъ видовъ, былъ прусскій уроженецъ и съ 1736 года былъ гезелемъ при Лубенской полевой аптекѣ, изъ которой переведенъ въ 1742 году къ аптекѣ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, откуда въ 1748 году назначенъ былъ въ армію, сдѣлавъ походъ въ Богемію и возвратившись опять опредѣленъ въ госпиталь. Онъ не отличался, повидимому, особенною уживчивостью характера. Въ официальныхъ бумагахъ есть нѣсколько указаній на его особенную наклонность къ ябедѣ и задору. Такъ еще въ ранней молодости онъ нерѣдко жаловался на товарищей и накликалъ на нихъ наказаніе. Между прочимъ разъ жаловался онъ (въ сентябрѣ 1742 года) на ученика лекарскаго (генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя, гдѣ Гебгардтъ былъ аптекарскимъ гезелемъ) Франциска Луку Елачича, за то, что будто-бы тотъ «бранился и дѣлалъ неучтивые поступки въ аптекѣ», и бѣднаго Елачича высѣкли лозами. Въ послѣдствіи этотъ Елачичъ (*Franciscus Lucas Jaellatschitsch*), вѣнскій уроженецъ, былъ замѣчательною личностью: три раза ѣздилъ въ Китай, былъ первымъ штатнымъ лекаремъ въ Спб. Академіи наукъ и наконецъ операторомъ въ Московскомъ госпиталѣ. Биографія его будетъ представлена въ другомъ мѣстѣ, а теперь приведемъ еще одно указаніе на характеръ аптекаря Гебгардта. По закону описываемаго времени предписывалось не топить печей позже девяти часовъ вечера, а Гебгардтъ держалъ каждую ночь большой огонь въ госпитальной лабораторіи, не приставляя работника смотрѣть за нимъ и притомъ для частныхъ своихъ работъ. Докторъ Унгебауеръ, предвѣстникъ Полетики, просилъ его не дѣлать этого или приставлять работника, для избѣжанія пожара. Это было въ госпитальной конторѣ и въ присутствіи генерала фонъ-Вертерна, который тоже присоединилъ свою просьбу, не держаъ ночью огня, ссылался на то, что и старшій докторъ полагаетъ это возможнымъ. Но аптекарь разсердился и съ бранью отвѣчалъ, что «докторъ въ этомъ дѣлѣ ничего не разумѣетъ, а огню въ лабораторіи всегда надобно быть», и потомъ безцеремонно бранилъ доктора въ присутствіи конторы сколько хотѣлъ, а фонъ-Вертернъ молча слушалъ эту брань. Аптекарь Г. Х. Гебгардтъ умеръ 24-го апрѣля 1758 года, а послѣ него госпитальною аптекою временно управлялъ гезель Спб. адмиралтейской аптеки Іоганнъ Фридрихъ Нилусъ (*J. F. Nilus*), пока назначенъ былъ на это мѣсто изъ Спб. адмиралтейскаго госпиталя гезель Захаръ Цахертъ (*Zacharias Zachert*) аптекаремъ (8-го мая 1758 года).

адъютантъ, который бы служилъ переводчикомъ, но получивъ въ отвѣтъ, что онъ боленъ, сталъ представлять генералу свои предложенія чрезъ главнаго лекаря (Линдвурма) на российскомъ діалектѣ. 3) Обидѣвшись этимъ, генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертеръ 14 марта прислалъ ко мнѣ открытый ордеръ не присутствовать въ конторѣ и туда не ходить, ибо вчерашній день не отвѣтствовалъ на его вопросы и въ томъ противъ чести его поступилъ. Правда, я не принялъ ордера и по осмотрѣ больныхъ пошелъ въ контору; но караульный солдатъ при дверяхъ конторы, перекинувъ шпагу, воспретилъ мнѣ входъ и объявилъ, чтобъ я въ контору не шелъ, а на вопросъ: по чьему это распоряженію — онъ отвѣчалъ, что распоряженіе сдѣлано генералъ-лейтенантомъ фонъ-Вертерномъ чрезъ караульнаго офицера. 4) А такъ-какъ по Генеральному Регламенту дирекцію въ госпиталѣ и начальственное присутствіе въ госпитальной конторѣ велѣно имѣть старшему госпитальному доктору, то запретивъ мнѣ входъ туда генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертеръ подавъ поводъ къ остановкѣ дѣлъ и теперь мнѣ производить выписку больныхъ и представлять недѣльный рапортъ уже невозможно. Определенъ же я въ госпиталь отъ Медиц. Канцеляріи, а не отъ онаго генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, да и по данной ему изъ Военной Коллегіи инструкціи хотя и велѣно ему главное смотрѣніе имѣть надъ госпиталемъ, только ежели что будетъ касаться до медицинскихъ дѣлъ и до медицинскихъ служителей въ случаѣ усмотрѣнной неисправности ихъ велѣно сообщать Медиц. Канцеляріи, а не штрафовать самому. Что же касается до представленія моего о дѣлахъ на российскомъ діалектѣ, то бывшіе въ конторѣ въ то время главный лекарь, комиссаръ и караульный офицеръ могутъ засвидѣтельствовать, что я представлялъ ему о настоящихъ дѣлахъ со всякою чести его пристойностью, а что я говорилъ съ нимъ не на нѣмецкомъ языкѣ, а на российскомъ, то дѣлалъ это для предосторожности своей, вѣдая что въ судебныхъ мѣстахъ о государственныхъ дѣлахъ всегда представляется на российскомъ діалектѣ, яже природы российской и въ нѣмецкомъ языкѣ не такъ доволенъ, какъ въ российскомъ; того ради оный генералъ-лейтенантъ не имѣетъ новаго случая пожаловаться на то, яко бы я въ рѣчахъ своихъ пренебрегалъ честь его и ему не отвѣтствовалъ, ибо какъ комиссаръ, такъ и караульный офицеръ и прочіе служители нѣмецкаго языка не знаютъ, а дѣланныя мною на российскомъ языкѣ предложенія засвидѣтельствовать могутъ. 5) Когда я хотѣлъ написать

рапорты обо всемъ этомъ въ Военную Коллегію и въ Медицинскую Канцелярію, то ни одинъ писарь не сталъ ихъ писать, ссылаясь на запрещеніе генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна.»

Въ тотъ же день Полетика представилъ другое донесеніе въ Мед. Канцелярію о томъ, что, обходя госпиталь и зайдя въ аптеку, онъ нашелъ тамъ сороковую бочку съ ренсковыми дрожжами, и на вопросъ: откуда она — получилъ отвѣтъ, что одинъ кожевникъ съ Выборгской стороны прислалъ ее къ аптекарю для перегонки изъ дрождей вина, и что подобная перегонка много разъ уже производилась казенными дровами, аппаратами и псевдою. Домашнее изслѣдованіе подтвердило справедливость этихъ показаній.

Неприятна была Медицинской Канцеляріи промеморія Военной Коллегіи отъ 7 марта, но надобно было разобрать дѣло и она потребовала отъ Полетики объясненія на жалобы генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна. Къ сожалѣнію, эти жалобы были послѣднія и ими только начинался цѣлый рядъ князъ и придирокъ. Такъ, 21 марта генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ формально пожаловался Мед. Канцеляріи на непослушаніе и непокорность Полетики, въ тоже время оправдываясь въ своихъ противъ него насліяхъ. Онъ писалъ, что «докторъ Полетика не хотѣлъ ему подчиниться и не объявилъ по госпиталю указа о назначеніи его, генерала фонъ-Вертерна, госпитальнымъ инспекторомъ. Позволилъ лекарю Вейтбрехту взять къ себѣ въ казенную квартиру сестеръ своихъ, и когда генераль велѣлъ выгнать ихъ, то онъ не позволилъ этого и даже разсердясь сказалъ, при выходѣ изъ конторы на нѣмецкомъ языкѣ, что генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ не годенъ присутствовать въ конторѣ. Въ особенности же жаловался генераль на то, что докторъ Полетика позволялъ себѣ говорить съ нимъ на русскомъ языкѣ, «и зная, что я по-россійски говорить не знаю, хотя онъ нѣмецкій діалектъ знаетъ какъ природный нѣмецъ, отвѣтствовалъ мнѣ въ насмѣшество на російскомъ языкѣ, и какъ видно не иное что, только изъ злости своей онъ Полетика мнѣ ругается, кои рѣчи уже перевелъ мнѣ главный лекарь Лпидурмъ, что оныя касаются до строенія госпиталя, и тѣмъ онъ Полетика меня крайнѣ обидѣлъ и по его противъ меня непристойнымъ поступкамъ и всемилостивѣйше пожалованный мой рангъ весьма не обсерветъ, ибо съ начала службы моей еще я себѣ таковыхъ, какъ выше значить, противностей и обидъ не видѣлъ.» Далѣе генераль приводитъ въ обвиненіе доктора то, что послѣдній въ-

диль въ Кронштадтѣ на день, не спросившись его и поручивъ госпиталь младшему доктору. Чтобъ отъ суровыхъ неприяностей и непослушаній не претерпѣвать, продолжаетъ онъ, я запретилъ ему ходить въ контору къ отправленію письменныхъ дѣлъ, поручивъ ихъ главному лекарю, который однакоже оказался больнымъ, почему я и взялъ на себя подписывать всѣ дѣла по госпитальному расходу. Я не препятствовалъ, говоритъ онъ, доктору лечить больныхъ и даже послалъ къ нему для свидѣтельства двухъ нижнихъ служителей, но онъ изъ злости ихъ не свидѣтельствовалъ и отослалъ ко мнѣ обратно, и мои ордеры ни во что вмѣняетъ, а теперь сидитъ праздно и цѣлую недѣлю даромъ жалованье получаетъ.»

Это «сидѣнье праздно» продолжалось не недѣлю, а цѣлый мѣсяцъ, что и вынудило генерала фонъ-Вертерна снова пожаловаться Меднц. Канцеляріи на Полетику, что онъ не подписываетъ лекарскихъ рецептовъ.

Правду сказать, лекарскіе рецепты были тутъ только предлогомъ, а въ самомъ-то дѣлѣ генералъ начиналъ трусить: приближалась пасха, выздоровѣвшіе настойчиво просились на выписку, начались даже побѣги изъ госпиталя, а выписывать было некому, такъ что оставалось генералу самому приняться за это дѣло, что онъ наконецъ и дѣйствительно сдѣлалъ. Въ послѣдствіи это подтверждено формальнымъ донесеніемъ оберъ-крюгсъ-комисара Мерлина въ Меднц. Канцелярію отъ 7 апрѣля. Тамъ сказано, что «по донесенію комисара Спб. генерал. сухопутнаго госпиталя прапорщика Ивана Большаго Львова на 6 и 7 недѣляхъ великаго поста и на свѣтлой недѣлѣ не было выписки больныхъ, хотя выздоровѣвшихъ-было много, а бѣжало на свѣтлой недѣлѣ шесть человекъ, чего предупредить по малому караулу въ госпиталѣ невозможно.»

А чтобы цѣлый госпиталь не разбѣжался и вина въ томъ не пала на генерала фонъ-Вертерна, послѣдній еще разъ написалъ въ Военную Коллегію, не преминувъ повторить всѣ прежнія свои обвиненія противъ Полетики и прибавивъ, что онъ изъ упрямства не присутствуетъ въ госпитал. конторѣ и не свидѣтельствуется неспособныхъ, да видно и лекарямъ запретилъ ихъ свидѣтельствовать, потому что они начисто отказались, говоря, что это не ихъ дѣло, стало быть Полетика виноватъ и тѣмъ, что заставляетъ ихъ послушаться приказаній генерала (особенно обвинялись лекари Иванъ Хемшцеръ и Вейтбрехтъ). Разговоръ на русскомъ языкѣ такъ безпокоилъ его, что онъ снова вста-

вилъ его въ свою жалобу. На Вейтбрехта, котораго теперь ненавиждѣлъ генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ, прибавлено то, что когда-то (по донесенію стоявшаго въ караулѣ при госпиталѣ подпоручика 4-го гренадерскаго пѣхотнаго полка Александра Сомова) онъ приказалъ деньщику своему топить печь въ своей квартирѣ въ половинѣ девятаго часа по полудни, и Полетника, бывшій въ гостяхъ у Вейтбрехта, дозволилъ топить, не смотря на запрещеніе караульнаго офицера, а когда деньщикъ не зналъ кого слушать и не рѣшался топить, то Полетника ударилъ его въ носъ до крови *).

Жалобы эти и доносы переданы были Мед. Канцелярія Военною Коллегіею 11 апрѣля, причемъ прибавлено, что она приказала допустить доктора Полетнику къ должности по госпитальной конторѣ и сдѣлала замѣчаніе генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну, что ему и устранять его отъ должности не подлежало. Въ заключеніе она просила Мед. Канц. подтвердить Полетникѣ, чтобъ онъ былъ «въ благопристойномъ послушаніи у генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна, и по его характеру какъ главнаго командира решектовалъ и на словесные для его иностранства вопросы отвѣтствовалъ съ почтеніемъ, потому что иначе госпиталь потеряетъ такого ревностнаго генерала». А по дѣлу аптекаря и перегонки дрождей Военная Коллегія увѣдомила, что при допросѣ аптекарь показалъ, что онъ дѣйствительно перегонялъ вино изъ дрождей, но единственно «для узнаванія химическихъ наукъ».

Медицинская Канцелярія препроводила и съ этой промеморіи Военной Коллегіи копію къ Полетникѣ, съ требованіемъ объясненія. Между-тѣмъ 2-го мая генераль-лейтенантъ фонъ-Вертернъ лично явился въ Военную Коллегію, снова пожаловался на стар-

---

*) Спрошенный объ этомъ Полетника отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно дозволилъ топить печь для больной Вейтбрехтовой матери, что и не Регламенту дозволено (гл. VIII, п. 6); а если денщикъ показалъ, будто я разбилъ ему носъ, то онъ могъ сдѣлать это по наущенію или съ сердцовъ самъ себя окровавилъ, что какъ отъ здоровыхъ, такъ и отъ больныхъ много дѣлается. Генераль-лейтенанту фонъ-Вертерну не слѣдовало этому и вѣрить, но онъ сдѣлалъ это, очевидно, чтобъ мени вредъ подкомандными унизить и ихъ къ послушанію привести. Доказательствомъ служить то, что 27-го мая одинъ госпитальный работникъ шелъ мимо моей квартиры, въ которой я у открытаго окна сидѣлъ, и онъ предо мною съ крайнимъ непочтеніемъ и глядя на меня въ посмѣшество прошелъ и шляпы не поднялъ, за что я велѣлъ отвезти его въ контору подъ караулъ, а генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ, бывъ въ то время въ госпиталѣ, не учиня мнѣ никакой сатисфакціи, въ посмѣшество мнѣ велѣлъ его освободить.

наго госпитальнаго доктора и объявилъ, что ужиться съ нимъ не можетъ; почему Военная Коллегія 12-го мая опредѣлила просить Медицинскую Канцелярію смѣнить Полетнику, въ особенности за то; будто онъ сказалъ комиссару Чернавскому, что они поступаютъ «воровски и кормятъ лошадь аптекаря также», и назначить на его мѣсто другого знающаго и опытнаго доктора.

Медицинская Канцелярія отвѣтила на это 30-го мая, что на основаніи Военнаго Устава гл. L, н. 1 и 2, «доктора и профессора Полетнику безъ суда отрѣшить отъ должности невозможно. Въ формѣ же о судѣ, высочайше утвержденной, сказано: когда время суда придетъ, тогда изготовить двѣ тетради шнуровыя и запечатать, изъ которыхъ на одной писать отвѣтчикамъ отвѣтъ, а на другой истцовы или доносительныя улики. А такъ-какъ опредѣленіе Военной Коллегіи учинено по единымъ только онаго генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна представленіямъ и жалобамъ, а чтобъ отъ онаго доктора какія противъ тѣхъ его представленій и жалобъ объясненія были, того въ тѣхъ Военной Коллегіи промеморіяхъ не упомянуто: того ради отрѣшить его невозможно». При этомъ Медицинская Канцелярія спросила: съ назначеніемъ генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ С.-Петербургскій и генераль-майора Куминга въ Московскій госпитали отмѣнены-ли Генеральный о госпиталяхъ Регламентъ, высочайше утвержденный, или состоитъ еще въ полной своей силѣ и дѣйствіи, «понеже Медицинская Канцелярія о томъ извѣстія не имѣетъ и буде въ Военной Коллегіи каковое извѣстіе о томъ имѣется, то благоволено бы было сообщить въ Медицинскую Канцелярію».

Эта бумага сообщена была генералу фонъ-Вертерну и сильно озадачила его: онъ вовсе не желалъ суда и даже боялся его. Прямой судъ, да еще по Генеральному Регламенту, ни въ какомъ случаѣ не могъ оправдать его, а обвинилъ бы очень легко. По этому онъ предпочелъ лучше отказаться отъ своихъ притязаній, чѣмъ рисковать опасностью, которая была не маловажна. Обдумавъ дѣло, онъ сталъ просить мѣста въ арміи генераль-фельд-маршала С. Ѳ. Апраксина, соглашаясь быть даже волонтеромъ, если тамъ нѣтъ генераль-лейтенантской вакансіи, и въ половинѣ іюня пересталъ ѣздить въ госпиталь. Увѣдомляя объ этомъ Медицинскую Канцелярію, Военная Коллегія присоветовала, что за госпиталемъ поручено, вмѣсто него, смотрѣть оберъ-кригсъ комиссару Мерлину.

И такъ виновникъ спора сошелъ со сцены, но съ его удале-

ніемъ не прекратились непріятности для доктора Полетника. Военная Коллегія не могла ему простить, что поддерживала неправыя притязанія удалившагося генерала и не въ силахъ была поддержать ихъ до конца; а Комисаріатъ еще менѣе могъ простить и ужиться съ тѣмъ, кто хоть разъ посмѣлъ сказать, что подчиненные его поступаютъ «воровски». По этому теперь началось преслѣдованіе отъ Комисаріата и доносы его въ Военную Коллегію, которая принимала ихъ безъ особеннаго неудовольствія. Такъ въ началѣ іюня Мерлинъ донесъ Военной Коллегіи, что «докторъ Полетникъ 2-го іюля въ госпитальной конторѣ обидѣлъ госпитальнаго комисара Ивана Большаго Львова, назвавъ его бунтовщикомъ и возмутителемъ госпитальной команды и необычайно крича на него, что видѣли госпитальные служители и даже засвидѣтельствовали, но не могли подписаться за неужніемъ грамотѣ, а за нихъ подписался главный писарь (тотъ самый Степановъ, котораго Полетникъ не хотѣлъ допустить къ должности). Комисаръ-же былъ ничѣмъ не виноватъ и наряжалъ служителей къ перевозкѣ на казенномъ щерботѣ пустыхъ бочекъ на Петровскій островъ на сохраненіе». Военная Коллегія передала эту жалобу въ Медицинскую Канцелярію, съ просьбою розобрать дѣло и если обвиненіе комисара окажется несправедливымъ, то заставить доктора дать ему satisfactію.

Другая жалоба представлена уже самою Военною Коллегіею за ослушаніе Полетника и такъ-же по донесенію Мерлина. Полетникъ освидѣтельствовалъ двухъ солдатъ, но не хотѣлъ представить свидѣтельства Мерлину, а прямо отъ конторы представилъ въ Военную Коллегію. Последняя возвратила ему бумаги, приказывая представить оберъ-крюгсъ-комисару: а упрямый докторъ настаивалъ на своемъ, что къ комисаріату не относится разборъ дѣлъ о личности солдатъ. Разсерженная Военная Коллегія понимала, что онъ правъ, и тѣмъ настоятельнѣе стала требовать отъ Медицинской Канцеляріи, чтобъ она смѣнила его и опредѣлила въ госпиталь другаго доктора.

Но съ другой стороны и Медицинской Канцеляріи наскучили эти несправедливыя преслѣдованія честнаго человѣка, вся вина котораго состояла именно въ томъ, что онъ былъ чрезмѣрно честенъ и прямъ. Къ тому-же отъ него получено наконецъ было объясненіе на всѣ пункты, въ которыхъ обвиняли его. Вотъ это объясненіе:

1. О упомянутомъ въ томъ указѣ Медицинской Канцеляріи писарѣ Малаховѣ и объ опредѣленіи его въ госпитальную кон-

тѣру въ писари, по способности его къ приказнымъ дѣламъ и знакомству съ ними, было отъ госпитальной конторы представлено въ Коммисію Главнаго Комисаріата вѣдѣнія оберъ-кригсъ-комисара Мерлина: но это представленіе было сдѣлано гораздо прежде послѣдованія указа Военной Коллегіи о назначеніи главнымъ писаремъ сержанта 2-го Московскаго полка Якова Степанова, а именно 20-го ноября 1756 года. Сдѣлано оно потому, что Малаховъ состоитъ при госпитальной конторѣ немалое время и въ дѣлахъ имѣеть заобыкновенность и знаніе. Въ отвѣтъ на это представленіе отъ Коммисіи послѣдовалъ указъ 27-го того же ноября, которымъ и велѣно писарю Малахову въ правленіи должности главнаго писаря быть и дѣла исправлять впредь до резолюціи Главнаго Комисаріата. Послѣ же того отъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна объявлена конторѣ копія съ указа Военной Коллегіи о назначеніи главнымъ писаремъ сержанта Якова Степанова, хотя, по смыслу Генеральнаго о госпитальныхъ Регламентѣ, въ которомъ о должности главныхъ писарей при госпитальныхъ означено, что они выбираться могутъ изъ канцеляристовъ и добрыхъ подканцеляристовъ, слѣдственно знающему канцелярскія дѣла быть должно, а не такому, какъ тотъ писарь Степановъ, который въ дѣлахъ по той конторѣ необыкновененъ, какъ и въ-самомъ-дѣлѣ нынѣшняя немалая остановка во время надобности происходитъ, отъ чего я не такъ какъ командиръ, но власно помощникъ за нимъ въ дѣлахъ наблюдаю, чрезъ что въ смотрѣніи больныхъ и въ упражненіи время къ разсмотрѣнію по моей наукѣ книгъ имѣю немалую остановку и упущеніе времени. Притомъ же генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ представлялъ Военной Коллегіи объ опредѣленіи Степанова главнымъ писаремъ при госпитальной конторѣ и требовалъ о томъ указа одинъ, отъ себя, безъ согласія госпитальной конторы, а мое замѣчаніе о способности Степанова принялъ за противность и удержалъ онаго писаря у себя и велѣлъ ему жить на дворѣ у себя; между-тѣмъ какъ по данной ему изъ Военной Коллегіи инструкціи (пунктъ 6) велѣно ему генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну въ смотрѣніи экономіи въ потребныхъ случаяхъ поступать съ общаго совѣту госпитальнаго доктора, слѣдовательно онъ въ томъ оказался не токмо той инструкціи, но и Генеральному Регламенту противнымъ. Когда же объ опредѣленіи онаго Степанова указъ изъ Главнаго Комисаріата послѣдовалъ, то по требованію, какъ изъ Коммисіи, такъ и изъ госпитальной конторы о присылкѣ того писаря къ от-

правленію дѣль въ госпитальной конторѣ, г. генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертеръ не присылалъ его до-тѣхъ-поръ, пока не послѣдовалъ изъ Военной Коллегіи указъ о жалобахъ его на меня, т. е. до 7-го марта сего года; а приславъ его, онъ въ то же время (10-го марта) ордеромъ, даннымъ въ контору — котораго ему въ контору и присылать не должно было, да и ш по какимъ правамъ не сходственно — запрещеніе учинилъ, чтобъ писарю Степанову никакого штрафа не чинить и никуда на него не представлять, изъ чего учинена явная потачка и способъ къ частому пренебреженію дѣль, чего какъ командиру и чинить весьма не подлежало. Съ онаго ордера прилагаю при семъ копію *).

2. 10-го іюля прошлаго 1756 года прислалъ онъ инструкцію или паче приказъ не ко мнѣ, но къ бывшему тогда старшему доктору Унгебауеру, а съ какого повелѣнія и имѣлъ-ли онъ на то резонъ — оставляется въ разсужденіе высшихъ командъ потому-что изъ даваемыхъ отъ Медицинской Канцеляріи указовъ при опредѣленіи докторовъ въ должность въ госпитали, не явствуетъ, чтобъ они поступали въ силу другихъ какихъ инструкцій, кромѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламентъ и указовъ. Въ томъ его приказѣ, между прочимъ, въ 7-мъ пунктѣ написано, что касательно какихъ-либо по госпиталю требованій и другихъ нуждъ, безъ его позволенія ничего не чинить, а о случающейся постройкѣ чего вновь или къ заготовленію какихъ припасовъ и матеріаловъ о томъ обо всемъ доктору представлять къ нему письменно съ своимъ мнѣніемъ и резолюціей на то ожидать. Между-тѣмъ изъ пунктовъ данной ему г. генераль-лейтенанту инструкціи не значитъ, чтобъ о потребностяхъ госпиталя му

*) Вотъ этотъ ордеръ:

«Отъ генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертера, генеральнаго смотрителя госпиталя въ Контору.»

Въ сходственность полученнаго мною Е. И. В. изъ Государственной Военной Коллегіи указа, госпитальной Конторѣ снѣтъ предложить нахожу:

Главному писарю Степанову, по силѣ прежняго Военной Коллегіи опредѣленія, велѣно быть въ рѣченномъ госпиталѣ у правленія письменныхъ дѣль въ положенномъ по госпиталю числѣ, чего для оный при семъ посылается. Что-же принадлежитъ до письменныхъ дѣль, то подканцеляристу Тороченинову, описавъ съ надлежащею акуратностью, сдавать и на первый случай всѣ госпитальныя поведенія объявить пристойнымъ образомъ. Оному же главному писарю *штрафу никакова не чинить и никуда не представлять*, а объявлять мнѣ, ибо уже о главныхъ писаряхъ довольно высокой командѣ затрудненія учинено и учинить ему опредѣленіе. Баронъ фонъ-Вертеръ 10-го марта 1757 года.»

представлять и на то отъ него резолюціи ожидать, да и Генеральному о госпиталяхъ Регламенту (гл. I, п. 7 п 30, гл. II, п. 2, 8 и 11, гл. VIII, п. 2, гл. XII, п. 10) это весьма-противно. Что же до ордеровъ касается, которые онъ со вступленія своего въ смотрѣніе надъ госпиталемъ началъ многочисленныя, какъ въ госпитальную контору, такъ и на имя докторское, насылать, то усмотря это при вступленіи своемъ въ должность, я не могъ не замѣтить, что все это происходитъ отъ него, г. генераль-лейтенанта, неправильно и прибавляетъ только лишнюю переписку въ немалое затрудненіе госпитальной конторѣ и мнѣ; потому-что ни изъ инструкціи его, ни изъ указа даннаго мнѣ изъ Медицинской Канцеляріи не значитъ, чтобъ ему слѣдовало поступать такимъ порядкомъ и насылать ко мнѣ такіе ордеры, а мнѣ ихъ принимать, такъ какъ въ силу Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента, гл. I, п. 13, указовъ въ госпиталь ни откуда присылать не велѣно, кромѣ Государственной Военной Коллегіи и Медицинской Канцеляріи, а въ гл. II, п. 18 сказано: докторъ долженъ о всемъ состояніи госпиталя и аптеки и служителей репортовать архіатеру и все, что у него въ вѣдѣніи имѣеть быть, требовать отъ него опредѣленія, тако-жъ и въ Государственную Военную Коллегію закрѣплять репорты, которые чинить комисаръ. Да и въ данной ему, г. генераль-лейтенанту, изъ Военной Коллегіи инструкціи, въ 6-мъ пунктѣ, повелѣно, ежели какое небреженіе въ экономіи имѣ, г. генераль-лейтенантомъ, усмотрѣно будетъ, все, сколько возможно по согласію съ докторомъ, въ должную исправность съ надлежащимъ порядкомъ приводить; да и въ 7-мъ пунктѣ велѣно-жъ, по медицинскимъ дѣламъ, что къ лучшей пользѣ усмотритъ, о томъ ему съ требованіемъ сообщать въ Медицинскую Канцелярію и въ Коллегію репортовать. При томъ-же медицинскіе чины при опредѣленіи посылаются не къ нему, а въ госпитальную контору. Изъ чего видно, что ему, г. генераль-лейтенанту, ордровать какъ контору, такъ и меня не слѣдуетъ. Что-же надлежитъ до госпитальныхъ нуждъ, то велѣно ему, по силѣ инструкціи (п. 1) въ госпиталь ѣздить повседневно, а по-крайней-мѣрѣ три дни въ недѣлю, гдѣ ему отъ меня объ оныхъ представляется словесно, слѣдственно и ему можно-бы, безъ дальнихъ переносокъ, приказать тутъ-же въ конторѣ написать и представить куда надлежитъ; однако-жъ онъ, большею частію находясь дома, началъ насылать многочисленныя ордеры, какъ въ контору, такъ и на мое имя о дѣлахъ, касающихся до всей конторы, а не до меня лично, и въ отвѣтъ на нихъ отъ

меня требовать репортовъ. Вѣдя такіе неурядки и оставиши въ дѣлахъ, я, бывъ у него на дому, пристойнымъ образомъ и съ учтивостію, по чести его, а не за тѣмъ, чтобъ завести съ нимъ ссору, представляя, однако оны, вѣдая ни во что тѣ мои представленія, съ того времени еще чаще сталъ насылать ко мнѣ такіе ордера, въ которыхъ писаны разныя грубыя несправедливости. Что-же принадлежитъ до 7-дневныхъ репортовъ, то г. генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ, въ силѣ Генеральнаго Регламенту, гл. VIII, п. 11, долженъ требовать ихъ отъ госпитальнаго комисара, а не отъ меня. О присылкѣ-же ко мнѣ изъ Военной Коллегіи указовъ, которыми я будто-бы не весьма доволенъ и даже объявляя это при г. докторѣ Лерхе, оное затѣяно имъ на меня напрасно, въ чемъ могу сослаться на того-же г. доктора Лерхе. Напрасно такъ-же выдуманъ и то, будто я объявляя, что безъ моего согласія ему несправедливо никого штрафовать въ госпиталѣ, въ чемъ ссылаюсь на присутствующихъ въ госпитальной конторѣ, а въ-особенности на главнаго лекаря, который во всей конторѣ одинъ только знаетъ по-нѣмецки. Можетъ-быть оны взяты это изъ ошибочнаго толкованія словъ моихъ, сказанныхъ въ присутствіи конторы, а именно я говорилъ ему, что оны противно Регламенту (гл. I, пп. 21 и 29) запретилъ конторѣ, минувшаго 20-го ноября 1756 года, кого-либо самой-собою штрафовать, и наслалъ ордеръ съ инструкціею караульному офицеру, въ которой, въ 5-мъ пунктѣ, велѣно всѣхъ арестантовъ, которые изъ госпитальной конторы или изъ другихъ мѣстъ присылаемы будутъ, принимать тому офицеру и никого изъ нихъ, безъ дозволенія его, г. генераль-лейтенанта, не освобождать и не штрафовать; въ то-же время оны приказалъ тому-же офицеру, госпитальному комисару и своему адъютанту, безъ вѣдома и присутствія конторы, только по личному своему разсужденію, арестантовъ тѣхъ штрафовать въ противность Генеральному Регламенту, чрезъ что происходить повседневыя неурядки, какъ отъ больныхъ, такъ и отъ госпитальныхъ служителей, больные отъ своихъ мѣстъ отлучаются и въ госпиталѣ пьянствуютъ и дѣлаютъ всякія немотребства, а надзиратели, сверхъ помянутыхъ несправедливостей, во всемъ медицинскимъ чинамъ ослушны, въ томъ упованіи, что за несправедливостями г. генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ конторѣ госпиталя и по его запрещеніямъ штрафъ имъ никакого не бываетъ, а отъ долговременнаго сидѣнія подъ карауломъ (если-бъ я арестовалъ кого-либо изъ нихъ до его приѣзда) можетъ произойти

недостатокъ въ людяхъ и остановка въ смотрѣніи за больными. Правда, инструкціе Военной Коллегіи и указомъ 7-го марта сего 1757 года, ему разрѣшено штрафовать надзирателей въ госпиталяхъ, но этимъ не отнято и у конторы право штрафовать виновныхъ въ силу Госпитальнаго Регламента. Касательно-же докторши Унгебауеръ, которой г. генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ далъ третьяго денщика, имѣю представлено было ему только то, что назначеніе лишняго денщика противно указу Правительствующаго Сената 1756 года, на которому ей велѣно точно довольствоваться двумя денщиками; не смотря на то, г. генераль-лейтенантъ, ордеромъ 6-го ноября 1756 года въ контору госпиталя, приказалъ послать ей третьяго денщика. Изъ сего явствуетъ, что съ моей стороны не было оказано никакихъ особыхъ предпріятій противъ докторши, какъ ему угодно было представить. То-же самое и о госпитальномъ аптекарѣ, котораго непристойное поведеніе довольно Медицинской Канцеляріи извѣстно. Г. генераль-лейтенанту, яко не знающему о состояніи аптеки и аптекаря, въ сіе и мѣшаться не подлежало, ибо изъ сего ничего больше не происходитъ, какъ возмущеніе медицинской команды.

3. Г. генераль-лейтенантъ представляетъ о фуражѣ на лошадь аптекаря, но несправедливо. Комисаръ госпиталя поручикъ Чернавскій словесно объявилъ мнѣ, будто въ конторѣ имѣется указъ Главнаго Комисаріата 11-го марта 1756-го года, по которому слѣдуетъ отпускать фуражъ на ту лошадь, и опредѣленіе самой конторы объ этомъ отпускѣ фуража на основаніи указа. Но справясь въ конторѣ, я узналъ, что тамъ имѣется указъ не 1756, а 18-го марта 1746-го года, изъ чего явствуетъ фальшивый умыселъ и подлогъ комисара Чернавскаго объ ономъ указѣ. Указъ тотъ состоялся потому, что десять лѣтъ назадъ у аптекаря была собственная лошадь, на которой онъ будтобы посылать за лекарствами въ Мед. Канцелярію, а также собирать травы для госпитальной аптеки, не требуя на то казенной лошади, почему и просилъ, вмѣсто дачи ему казенной лошади, чтобы его собственную лошадь кормили обще съ казенными лошадьми и содержали ее на казенной конюшнѣ. Но какъ теперь у аптекаря давно уже нѣтъ собственной лошади, то я словесно объявилъ комисару, чтобы онъ поступалъ по точной слѣдъ того указа и, за неимѣніемъ у аптекаря лошади, выдачу фуража ему не производилъ, а когда аптекаръ опять будетъ содержать лошадь на лицо, какъ по указу Главнаго Комисаріата

велѣно, тогда будетъ производимъ ему и фуражъ на нее (что все послѣ комисаръ Чернавскій представилъ репортжъ въ госпитальную контору и на то составлено опредѣленіе оной конторы). Послѣ этого словеснаго объясненія ст. Чернавскимъ, на другой день пришелъ я изъ конторы на комисарскій дворъ (въ которомъ жительство имѣю и гдѣ состоитъ также и казенная конюшня) и увидѣлъ, что госпитальные служители вѣсятъ казенное сѣно и кладутъ на возы. Спросивъ, куда сѣно отпускаютъ, я узналъ отъ магазинъ-вахтера, что сѣно вѣсятъ въ отпускъ аптекарю по комисарскому приказу. Видя такіе порядки и не зная еще, имѣеть-ли комисаръ о томъ ордеръ отъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна, я не велѣлъ отпустить сѣна и притомъ сказалъ, что хорошіе люди безъ вѣдома команды того не дѣлаютъ. Потому-что комисаръ, получивъ сказанный ордеръ и не объявля его въ конторѣ, велѣлъ отпустить сѣно, а самъ уѣхалъ въ Комиссію Главнаго Комисариата (комисаръ послѣ сказывалъ мнѣ, что онъ этотъ ордеръ о выдачѣ фуража показывалъ въ комисіи и отъ оной комисіи такое-же учинено запрещеніе выдавать фуражъ). Когда комисаръ возвратился изъ комисіи и объявилъ мнѣ присланный къ нему генеральскій ордеръ, то я приказалъ ему, чтобъ онъ объявилъ генералъ-лейтенанту помянутый указъ Главнаго Комисариата 18-го марта 1746-го года: но исполнилъ-ли онъ это или нѣтъ, я не знаю, а только пріѣхавъ отъ генерала объявилъ мнѣ, что генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ приказалъ фуражъ аптекарю выдать, а если выдача не будетъ произведена, то угрожалъ, что прикажетъ караульному офицеру произвести выдачу его насильно. Итакъ видя неминуемый напрасный интересу ущербъ, потому-что аптекарю назначался фуражъ за три мѣсяца, въ теченіе которыхъ у него не было на лицо лошади, а также зная, что генералъ-лейтенантъ, по его иностранству, отъ наблюденія госпитальной экономіи отказался, что и подтверждено указомъ Военной Коллегіи 19-го сентября 1756 года, «чтобы быть для госпитальнаго лучшаго присмотру, ибо-де онъ генералъ-лейтенантъ по высочайшей конфирмаціи опредѣленъ токмо для одного надъ госпиталемъ лучшаго смотрѣнія», слѣдовательно и аптекарю надлежало просить объ отпускѣ фуража Комисариатъ, а не г. генералъ-лейтенанта, которому въ это дѣло и вступаться не слѣдовало, я взялъ казенную госпитальной конторы печать и запечаталъ ею конюшню, гдѣ хранилось сѣно. Еще генералъ-лейтенантъ доносить, будто на основаніи указа

Комисаріата 18 марта 1746 года аптекарю велѣно производить раціонъ: но сего изъ того указа не явствуетъ. Наконецъ генераль-лейтенантъ донеситъ о выдачѣ госпитальнымъ больнымъ денегъ, которыя присланы были по высочайшему Е. И. В. соизволенію для наступившаго тогда торжественнаго праздника Рождества Христова: но деньги были присланы наканунѣ того праздника въ 10-мъ часу вечера, когда не репортовать слѣдовало, а исполнить высочайшее Е. И. В. повелѣніе, и деньги должно было выдать тогдаже, а не на другой день.

4) Г. генераль-лейтенантъ донесъ, будто-бы я запретилъ минувшаго 3 января стоявшему на караулѣ при госпиталѣ поручику Конорскаго гарнизоннаго полка Марку Контеву учинить штрафъ госпитальному денщику Степану Казакову, назначивъ г. генераль-лейтенантомъ за противныя докторшѣ Унгебаурѣ поступки этого денщика, и слѣдовательно почитаю себя одного командиромъ въ госпиталѣ, а его генерала ни во что вѣнчая. Это написалъ онъ, г. генераль-лейтенантъ, напрасно, въ чемъ свидѣтельствуюсь главнымъ лекаремъ и всею конторою, да и совѣстью подтвердить могу; ибо когда Контеву присланъ былъ ордеръ мимо госпитальной конторы отъ г. генераль-лейтенанта о штрафованіи того денщика, и оный Контевъ пришелъ въ контору объявить мнѣ о томъ штрафѣ, то я сказалъ ему въ присутствіи конторы, что я ни запрещать, ни приказывать ему не могу, потому что въ конторѣ никакого не имѣется извѣстія отъ г. генераль-лейтенанта о штрафованіи того денщика. Изъ чего слѣдуетъ, что поручикъ Контевъ отпрапортовалъ на меня г. генераль-лейтенанту ложно.

5) Что-же касается до госпитальнаго работника, о которомъ я прежде Медицинской Канцеляріи донеслъ, что по силѣ Госпитальнаго Регламента надлежало мнѣ имѣть четырехъ денщиковъ, за недостаткомъ же при госпиталѣ служителей и дабы къ призрѣнію больныхъ не учинить остановки, выбралъ я способныхъ только трехъ человѣкъ; но въ послѣдствіи я увидѣлъ, что при аптекѣ имѣется четыре работника, тогда какъ по Регламенту надлежитъ быть только двумъ, съ которыми по множеству дѣлъ при аптекѣ справиться возможно, то я и взялъ къ себѣ изъ шухъ одного человѣка, оставивъ при аптекѣ еще трехъ, слѣдовательно одного лишняго противъ Регламента. На это аптекаръ подалъ доношеніе г. генераль-лейтенанту барону фонъ-Вертеру, который, бывъ въ конторѣ 10-го сего марта, призвалъ аптекаря и спросилъ про тѣхъ работника, котораго я взялъ въ

денщики: находился-ли онъ въ лабораторіи, и получивъ утвердительный отвѣтъ, съ великимъ крикомъ приказалъ караульному офицеру взять онаго денщика изъ моей квартиры насильно и привести въ контору, а по приводѣ отдалъ его аптекарю, въ честь мнѣ оказана крайняя обида, а препятствія, какъ онъ г. генералъ-лейтенантъ показываетъ, чинимо ему отъ меня не было, въ честь я свидѣтельствуюсь госпитальною конторою.

6) Г. генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ показываетъ, будто я далъ позволеніе лекарю Вейтбрехту содержать при себѣ въ госпиталѣ сестеръ своихъ: но упоминая объ однѣхъ только сестрахъ Вейтбрехта, г. генералъ-лейтенантъ очевидно намѣренъ былъ сдѣлать не иное что, какъ привести людей въ соблазнъ, а меня предъ оными въ худое мнѣніе, ибо иначе, говоря о сестрахъ, онъ не умолчалъ бы о матери, которая также живетъ съ ними. Что-же до того случая, при которомъ будто-бы, когда онъ тѣмъ лекарскимъ сестрамъ жить въ госпиталѣ не позволилъ, я, вышедъ изъ конторы, сказалъ, что онъ не годенъ присутствовать въ конторѣ, то и тутъ г. генералъ-лейтенантъ представилъ напрасно. Не въ этомъ случаѣ, но когда г. генералъ-лейтенантъ повѣрилъ аптекарю на счетъ работника — будто тотъ въ лабораторіи былъ, а не у аптекаря въ партикулярныхъ услугахъ, а мое представленіе, что у аптекаря находятся лишніе люди, которыхъ мнѣ, по силѣ Регламента гл. I, п. 18, распредѣлять къ работамъ позволено, пренебрегъ, такъ-какъ и другія мои представленія — то именно въ этомъ случаѣ, выходя изъ конторы, я сказалъ, что мнѣ въ ней больше дѣлать нечего, когда всѣ мои представленія остаются втунѣ.

7) Когда г. генералъ-лейтенантъ, пріѣхавъ въ контору 13-го марта, спросилъ у меня на нѣмецкомъ діалектѣ, не имѣется-ли дѣлъ къ его рѣшенію, то я, въ разсужденіи что онъ представилъ на меня въ Военную Коллегію въ пренебреженіи будто-бы его чести и дабы о моихъ словесныхъ предложеніяхъ отъ постороннихъ было засвидѣтельствовано (ибо въ конторѣ находятся по большей части люди російскіе, каковы комисаръ, караульные офицеры и писари), слѣдовательно изъ предосторожности своей, а не въ посмѣштво ему изъ злости (какъ онъ показываетъ), и притомъ вѣдая, что въ судебныхъ мѣстахъ о государственныхъ дѣлахъ на російскомъ діалектѣ представляется, навѣдывался объ адъютантѣ его, и узнавъ, что онъ болѣнъ, началъ на російскомъ діалектѣ представлять мои предложенія чрезъ главнаго лекаря, а на нѣмецкомъ діалектѣ за та-

кими обстоятельствами разговору имѣть уже не хотѣлъ. Отчего онъ 14 марта прислалъ ко мнѣ открытый ордеръ, чтобъ я въ конторѣ не присутствовалъ, потому что вчера на вопросы его не отвѣтствовалъ на нѣмецкомъ діалектѣ и въ томъ-де противъ чести его поступилъ. Однакожь ордера этого я не принялъ и по осмотрѣ больныхъ въ госпиталѣ пошелъ въ контору, но стоящимъ на караулѣ солдатомъ въ оную не впущенъ. На вопросъ мой, по чьему это распоряженію — солдатъ указалъ на караульнаго офицера, а офицеръ объявилъ, что онъ имѣетъ на то ордеръ отъ г. генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна. Чрезъ это цѣлый мѣсяцъ продолжавшееся отсутствіе мое изъ конторы произошла немалая остановка въ понедѣльномъ выписываніи больныхъ и государственному интересу ущербъ. Правда, г. генераль-лейтенантъ 11-го апрѣля приказывалъ больнымъ, кто желаетъ, выходить изъ госпиталя: но многіе изъ нихъ вышли не совершенно вылѣченные, а большое число здоровыхъ осталось въ госпиталѣ.

8) Я ѣздилъ въ Кронштадтъ 22-го февраля сего года и именно для того, чтобы посмотрѣть устройство тамошняго госпиталя. Это было въ субботу, и въ этотъ день поутру я приказалъ главному лекарю отправлять должность въ силу Регламента до моего прибытія, которое и воспослѣдовало вечеромъ того-же дня. А на другой день, т. е. въ воскресенье, я не присутствовалъ въ конторѣ, потому что никакихъ нужнѣйшихъ дѣлъ въ конторѣ не случилось. Только напрасно говорятъ г. генераль-лейтенантъ, будто онъ отказалъ мнѣ отъ письменныхъ дѣлъ въ конторѣ за то мое отлученіе отъ госпиталя: собственные его ордера свидѣтельствуютъ, что причина была не та, но, какъ выше въ 7 пунктѣ изъяснено, именно то, что я заговорилъ съ нимъ на россійскомъ діалектѣ.

Да по полученному мною сего 2 іюня изъ Мед. Канцеляріи указу съ копіею промеморіи изъ Военной Коллегіи, въ которой между прочимъ объявлено, что по донесенію комисара Чернявскаго я запретилъ отпускъ фуража на аптекареву лошадь, хотя этотъ отпускъ производился по указу Коммисаріата. Этотъ пунктъ объясненъ много выше, и при семъ съ означеннаго указа 18 марта 1746 года прилагается копія *). А что комисаръ Черняв-

*) Въ этомъ указѣ отъ 18-го марта 1746 года сказано, что по объявленію аптекаря Георга Гебгардта потребна ему казенная лошадь для приѣма лекарей изъ Медицинской Канцеляріи и также въ лѣтнее время ѣздить для

скій показалъ, будто онъ послѣ вторичнаго ордера г. генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна приказалъ магазейнъ-вахтеру отпустить тотъ фуражъ, то это ложно, ибо Чернявскій приказалъ отпустить его по первичному, а не по вторичному ордеру, и при томъ не объявляя о томъ мнѣ. Да и въ письменномъ рапортѣ Чернявскаго въ контору отъ 27 декабря 1756 года ничего не упомянуто о вторичномъ ордерѣ. Чернявскій доноситъ еще, будто я ему сказалъ: вы-де фальшь дѣлаете воровски, и отнесъ это не къ себѣ одному, но и къ генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну: но и это, по своимъ фальшивымъ опытамъ, онъ извелъ на меня напрасно, ибо мною не было произнесимо ничего кромѣ тѣхъ рѣчей, которыя приведены въ 3 пунктѣ о Чернявскомъ, а не о г. генералъ-лейтенантѣ, ибо этотъ Чернявскій показалъ разные фальши не только въ семь случаевъ, какъ выше явствуетъ, но и прежде изблженъ былъ. Такъ, ему дана шуровая книга на записку остающихся послѣ умершихъ въ госпиталѣ денегъ и рухляди, на основаніи Регламента гл. VIII, п. 9, и приказано все вѣрно записывать и такія записки закрѣплять священнику, главному лекарю и комисару; только подъ этими записками никогда не было подписей ни главнаго лекаря, ни священника, и потому Чернявскій оказался подозрительнымъ (о чемъ было даже репортовано отъ конторы госпиталя 14 декабря 1756 года въ Комписію Главнаго Комисариата вѣдомства оберъ-кригсъ-комисара Мерлина), каковымъ, какъ онъ, въ подобныхъ доносахъ и вѣрны не надлежитъ. Чтоже касается до объявленія Военной Коллегіи, будто отъ меня оказываемо было непочтеніе г. генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну, то оное написано несправедливо, что все изъ вышепомянутыхъ моихъ отвѣтныхъ пунктовъ довольно можно видѣть, развѣ онъ то себѣ въ непочтеніе представляеть, что я ему въ разныхъ его претензіяхъ противныхъ Регламенту и указамъ силу оныхъ представлялъ. Профессоръ и докторъ Иванъ Полетика».

Недѣлю спустя Полетика представилъ въ Мед. Канцелярію

сыску потребныхъ въ аптеку травъ, точію изъ находящихся при госпиталѣ лошадей, егда ему потребно, иногда лошади за госпитальными работами не отпускаютъ и отъ того случается остановка, и требовалъ, чтобъ на довольство его лошади отпускать сѣно и овесъ и прочій кормъ, какъ и казенныя лошади довольствуются, и содержать оную съ казенными лошадьми въ конюшнѣ, на которой де онъ всякія аптекарскія нужды исправлять можетъ и казенныхъ лошадей требовать не будетъ. Главный Комисариатъ разрѣшилъ это.

объясненіе свое на жалобу другого госпитальнаго комиссара Ивана Большаго Львова. Объясненіе это состояло въ слѣдующемъ:

«Съ самаго вступленія Львова въ комиссарскую при госпиталѣ должность усмотрѣлъ я за нимъ непорядочныя и противныя Регламенту поступки: 1) Въ Регламентѣ, гл. I, п. 18, изображено: комиссару госпитальныхъ работниковъ безъ докторскаго позволенія на другія работы и потребности подѣ жестокимъ штрафомъ никуда не употреблять и не перемѣнять; а Львовъ, въ противность сего пункта, людей изъ палатъ и отъ другихъ должностей по своимъ прихотямъ многократно перемѣнялъ, да и въ спискѣ госпитальныхъ служителей, въ которомъ я прежде своеручно отмѣчалъ перемѣнять людей отъ одной должности къ другой, когда потребно въ силу Регламента, онъ сталъ дѣлать тоже самое самовольно, чего ему чинить весьма не подлежало (каковой списокъ, если востребуется, показать могу). 2) Регламентомъ (гл. I, п. 21) повелѣвается всѣхъ госпитальныхъ служителей и мастеровыхъ людей штрафовать комиссару по докторскому повелѣнію, не умѣшкаясь, при главномъ лекарѣ, подѣ карауломъ публично, гдѣ стоитъ главный часовой, и комиссаръ не по винѣ никого, ни здоровыхъ штрафовать безъ доклада и приговора госпитальнаго доктора да не дерзаетъ, дабы никакой несправедливости не чинилось; между-тѣмъ Львовъ нарочно въ противность сему многократно какъ самъ собою, такъ и по приказанію г. генераль-лейтенанта фонъ-Вертерна, ничего мнѣ не объявля, разныхъ чиновъ госпитальныхъ служителей штрафовать, что можно видѣть въ госпит. конторѣ изъ журнальныхъ записокъ, дѣланныхъ самимъ Львовымъ. 3) По Регламенту (гл. VIII, п. 2) комиссару Львову безъ моего вѣдома отлучаться не слѣдуетъ, ибо сказано тамъ: «комиссару при госпиталѣ жить и никогда безъ вѣдома докторскаго не отлучаться, а ежелибъ въ Комиссаріатъ за какимъ дѣломъ позванъ былъ, то вмѣсто себя приказать главному писарю и старшему трезвому сержанту, и по которое время докторъ въ госпиталѣ находится и дѣло управлять, ему изъ Конторы не отлучаться, дабы что отъ него приказано будетъ ему, немедленно исполнить можно было.» Но не смотря на это въ разные времена, которыя и по журнальнымъ въ конторѣ запискамъ видѣть можно, а именно сего года апрѣля 18, мая 22 и іюня 4 чисель, въ присутствіе мое въ конторѣ Львовъ отъ госпиталя отлучался, черезъ что происходила какъ въ пользованіи больныхъ, такъ и въ произвожденіи порцій великая остановка. 4) Въ I гл., 30 пунктѣ Регламента сказано: «по вся утра комиссаръ о состояніи госпитальномъ репортуеть доктору и принимаетъ вновь данный имъ ординарный приказъ,» но Львовъ, въ противность сего никогда мнѣ не репортуеть, отъ чего и происходитъ, что я не могу знать, всѣ-ли при своихъ должностяхъ находятся или какіе отъ кого происходятъ непорядки, чрезъ что я самъ принужденъ за ними смотрѣть. 5) Комиссаръ Львовъ былъ причиною многихъ возмущеній и несогласій, происшедшихъ по госпитальной командѣ между мною и г. генераль-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ, а именно: у смотрѣнія въ палатахъ надъ надзирателями и за чистотою палатъ опредѣленъ былъ каптенармусъ Инфантій Рудаковъ, но вовсе не исполнялъ своей должности, и когда, усмотря неисправность его, нечистоту палатъ и послабленіе надзирателямъ, представлялъ я его самому г. генераль-лейтенанту барону фонъ-Вертерну и предлагалъ отставить отъ этой должности и перемѣстить къ другой, то

помянутый комисаръ 14-го сего мая, по прибытіи г. генералъ-лейтенанта, началъ въ противность представлять, чтобъ Рудаковъ оставленъ былъ въ прежней должности, а какъ оный г. генералъ-лейтенантъ всегда искалъ такихъ случаевъ, чтобъ мнѣ причинить въ чемъ-нибудь озлобленіе, то не разсмотря, справедливо-ли оное отъ меня сдѣлано или нѣтъ, не токмо велѣлъ Рудакову быть у той-же должности, но и пожаловалъ его въ сержанты. Между-тѣмъ очевидцемъ нечистоты въ госпитальныхъ палатахъ былъ самъ его превосходительство г. генералъ-маіоръ и членъ Военной Коллегіи Василій Ивановичъ Суворовъ. 6) Въ минувшую страстную недѣлю нынѣшняго года принято было для употребленія въ госпиталѣ на пищу больнымъ къ празднику св. Пасхи говяжье мясо совсѣмъ негодное, протухлое и зиняге бою, которое въ то вешнее время растаяло и пришло въ негодность. Мы смотрѣли его вмѣстѣ съ главнымъ лекаремъ и я велѣлъ отдать его назадъ подрядчику, который ставитъ въ госпиталь мясо, а въ силѣ его контракта принять отъ него годное. Тогда оный комисаръ, вступясь, началъ оное одобрять, доказывая что оно годно; а когда это мясо за негодностью все-таки въ госпиталь не принято, то оный Львовъ, прійдя на другой день въ госпитальную палату, сталъ съ главнымъ лекаремъ ссориться, публично угрожая ему, что онъ о томъ будетъ доносить г. генералу-лейтенанту барону Фонъ-Вертерну и оберъ-крюгсъ-комисару Мерлину. Правда, онъ сего въ дѣйство не произвелъ и для свидѣтельствованія, какъ онъ хвально, никуда не представлялъ, но изъ сего явствуетъ его лишнія претензіи, да и явно онъ показался въ пренебреженіи интереса, потакая госпитальнымъ подрядчикамъ въ поставкѣ негодныхъ припасовъ, что весьма противно Генер. Регламенту, въ которомъ, гл. VIII, п. 2, изъяснено: «долженъ комисаръ все то, что докторъ отъ времени до времени въ ѣствѣ и питѣѣ, въ рухлядяхъ, покояхъ и въ прочемъ перемѣнять или поправлять намѣрень, оное немедленно исправлять и докторскому доброму намѣренію, подъ видомъ яко-бы чего и сберечь, никакъ не противиться, ибо въ томъ докторъ самъ отвѣтъ дать можетъ.» И таковымъ же непорядочнымъ образомъ сего 2-го іюня, пріѣхавъ невѣдомо откуда и не бывъ въ присутствіи моемъ въ госпитальной конторѣ, не знаю съ какого умысла, когда я хотѣлъ для нѣкоторыхъ по должности моей исправленій ѣхать на опредѣленной указомъ Главнаго Комисаріата 1751 года для доктора шлюпкѣ, то Львовъ, призвавъ квартирмистра той шлюпки Василія Малютина, началъ ему къ той шлюпкѣ гребцовъ наряжать на нѣсколько дней для перевоза изъ Комиссіи Главнаго Комисаріата на Петровскій островъ нѣкоторыхъ бочекъ. Малютинъ ему сказалъ, что-де надлежитъ прежде о томъ доктора увѣдомить, понеже-де онъ и самъ хотѣлъ послѣ обѣда ѣхать, но помянутый комисаръ сталъ оваго Малютина бранить и послѣ того палкою нещадно бить, приговаривая, чтобъ онъ то дѣлалъ, что онъ велитъ, а не докторскаго приказанія слушать. Квартирмейстеръ Малютинъ примель ко мнѣ, жалуюсь о беззачинномъ его штрафѣ, и видя такіе непорядки я прилежъ въ госпитальную контору и сталъ комисара спрашивать, для чего онъ самъ-собою, безъ вѣдома моего, людей наряжаетъ и штрафуетъ, въ противность Регламента, гл. I, п. 18 и 21, то оный комисаръ на то мнѣ съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что онъ то знаетъ, что дѣлаетъ и тебѣ-де отвѣтствовать не буду — что всѣ бывшіе въ госпитальной конторѣ чины слышали, на которыхъ и оный комисаръ ссылается. Я сказалъ ему на это, чтобъ онъ такового въ командѣ смущенія и бунтов-

ства не дѣлалъ, ослушаясь самъ и принуждая другихъ подкомандныхъ битьемъ и угрозами быть мнѣ ослушными и опровергая узаконенія упомянутаго Регламента. Изъ всего сего видны разныя его, комисара, повседневныя противности и пренебреженія моихъ приказаній съ крайнимъ мнѣ посябніемъ. Чего ради покорнѣйше прошу Мед. Канцелярію онаго комисара Львова, за презрѣніе Регламента, ослушность и разныя мнѣ отъ него показанныя и нынѣ показуемыя грубости, также и о всемъ вышечисланномъ куда надлежитъ представить, чтобъ учинено было съ мимъ по указамъ и меня удовлетворить довольною сатисфакціею безъ упущенія, дабы оный комисаръ былъ всегда въ надлежащемъ послушаніи и исправлялъ бы свою должность добропорядочно и вѣрно, ибо иначе мнѣ въ таковыхъ смущеніяхъ, по силѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента гл. I, п. 7, все то, что къ пользѣ и здравію больныхъ, такожъ къ содержанію госпиталя принадлежитъ, наилучшимъ образомъ исправлять невозможно. Профессоръ и докторъ Иванъ Полетика.

Разсмотрѣвъ эти объясненія, Медицинская Канцелярія не могла не видѣть; что здѣсь происходила борьба началъ, а не лицъ, и что лица служили въ этой борьбѣ только предлогомъ и видимымъ выраженіемъ. Честность, правота и законность порабощаемы были необузданнымъ произволомъ и грубымъ насиліемъ; законъ и совѣсть презирались, какъ вещи неудобныя и ненавистныя, а на ихъ мѣсто открыто ставились злоупотребленія, которыя водворялись и узаконялись насильно. Зло высоко поднимало голову, опираясь на лица, единственнымъ авторитетомъ которыхъ служила матеріальная сила и впередъ пзвѣстная безнаказанность, происходившая отъ глубокаго укорененія зла, его общественности и безсилія закона. Кондонди не могъ уже ни исправить, ни остановить зла, вкравшагося въ госпитальное управленіе при его предшественникахъ: но онъ сознавалъ необходимость претестовать противъ него со всею энергіею, къ какой только способна была его честная натура, и защитить отъ незаслуженныхъ гоненій честнаго человѣка, составлявшаго рѣдкій анахронизмъ своего времени. По этому онъ рѣшительно отказалъ въ требованіи Военной Коллегіи смѣнить Полетнику и въ то же время энергически требовалъ, чтобы она снова подтвердила госпитальнымъ конторамъ непремѣнно руководствоваться Госпитальнымъ Регламентомъ въ управленіи госпиталями. Вотъ то замѣчательное опредѣленіе Медицинской Канцеляріи, которымъ окончень былъ этотъ госпитальный споръ:

«Понеже присланными въ Медицинскую Канцелярію промероріями Военная Коллегія, по представленіямъ въ оную отъ бывшаго у смотрѣнія надъ генеральнымъ Спб. сухопутнымъ госпиталемъ генераль-лейтенанта барона фонъ-Вертерна, того-же госпиталя на профессора и доктора Полетика, о

причиненных имъ, Полетикомъ, помянутому генераль-лейтенанту противныхъ поступкахъ, требовала, чтобъ за его Полетиковы много оказанные противъ помянутаго генераль-лейтенанта противные поступки и непочтение учинить съ нимъ по указамъ, и посланными по онымъ промеморіямъ изъ Медицинской Канцеляріи къ нему Полетику указами велѣно ему о тѣхъ противъ сообщенія Военной Коллегіи въ Медицинскую Канцелярію подать отвѣты немедленно, которые отъ него въ оную Канцелярію и поданы; тогда сего 1757 года іюня 28-го дня, по указу Е. И. В. Медицинская Канцелярія приказали: объ оныхъ приключившихся между реченными генераль-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ и профессоромъ и докторомъ Полетикомъ ссорахъ отвѣта въ Военную Коллегію послать копія при промеморіи и притомъ объявить той Коллегіи слѣдующее разсужденіе: 1) оный г. генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертеръ, по всѣмъ обстоятельствамъ, какъ изъ присланныхъ отъ Военной Коллегіи промеморій видно, почитаетъ себя главнымъ надъ онымъ госпиталемъ командиромъ и на томъ основаніи ведетъ порученное ему при ономъ госпиталѣ дѣло, слѣдственно и требуетъ отъ всѣхъ подчиненныхъ совершеннаго послушанія, и то отъ большей части по своему разсужденію, что ниже съ его въ тотъ госпиталь опредѣленіемъ, ниже съ Генеральнымъ о госпиталяхъ Регламентомъ, ниже съ законамъ не сходственно, и потому ордеровъ насылать въ госпитальную контору и къ госпитальному доктору, и то отъ большей части по своему разсужденію и изволу, не слѣдовало, но единственно поступать по данной ему инструкціи, въ госпитальныя же экономическія дѣла, егда онъ самъ отказался и сама Военная Коллегія, признавалъ, что онъ единственно для надзора при ономъ госпиталѣ опредѣленъ, его отъ тѣхъ дѣлъ уволила, въ тѣ-же дѣла накі ему вступать и не подлежало, а полная команда надъ медицинскими служителями оного госпиталя ему, г. генераль-лейтенанту, не поручена и такую команду и требовать онъ не можетъ ни-же по своему чину, ни-же по его при томъ госпиталѣ опредѣленію. 2) Медицинская Канцелярія не оправдываетъ и доктора Полетика, но токмо изъ вышеписаннаго его отвѣта и Военная Коллегія усмотрѣть можетъ, что справедливой его пины не значится; но, однако-жь, наче чинія можетъ быть, что иногда какую предъ онымъ г. генераль-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ оказалъ неучтивость: по притомъ и то подлинно, что и онъ, докторъ, много обидѣ претерпѣлъ, а въ должности своей ему, г. генераль-лейтенанту, не уступать съ законами сходственно; ибо хотя чинъ чина почитать законы повелѣваютъ, токмо когда какое дѣло поручается многимъ персонамъ согласно управлять, то въ томъ дѣлѣ тѣ персоны равный имѣють голосъ и силу, хотя и неравный имѣють чинъ, въ силу-же законовъ, какъ оное и слѣдуетъ изъ 6-го пункта данной ему, г. генераль-лейтенанту фонъ-Вертеру, отъ Военной Коллегіи инструкціи. 3) Для прекращенія оныхъ всѣхъ ссоръ, порядочнаго при томъ и спокойнаго Сиб. и Московскаго генеральныхъ сухопутныхъ госпиталей управленія и благосостоянія, Медицинская Канцелярія за необходимо надобно отъ Военной Коллегіи требуетъ, чтобъ она благоволила въ оные госпитали и госпитальныя Конторы накрѣпко подтвердить указами, чтобы во всемъ неотменно поступаемо было въ силѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента и указовъ, безъ изъятія. 4) Что-же касается до женщинъ, живущихъ въ квартирѣ лекаря Вейтбрехта, оныя суть мать его родная и двѣ сестры и братъ малолѣтній, котория послѣ законнаго ихъ мужа и отца, бывшаго при здѣшней

Императорской Академіи Наукъ профессора, всталися всё въ сиротствѣ и въ крайней бѣдности. Когда-же оный Вейтбрехтъ, въ слѣдствіе его трудовъ и искусства, удостоился и произведенъ лекаремъ, то онъ пожелалъ для ихъ призрѣнія, по сыновней и братней должности и для своей экономіи, ихъ къ себѣ взять, что ему, похваляя его достохвальное въ томъ намѣреніе, главный надъ Медицинскою Канцеляріею директоръ и позволилъ, приказывая притомъ, чтобъ онъ о томъ и его, г. генераль-лейтенанта барона Фонъ-Вертерна, просилъ, съ гѣмъ, чтобъ онъ за то ниже къ житію лишняго покоя, ниже лишняго къ топлеію дровъ, ниже лишняго ко услуженію человека требовать имѣлъ, отъ чего уповательно оному г. генераль-лейтенанту никакая обида не послѣдовала; ибо и въ Генеральномъ о госпиталяхъ Регламентѣ для Женатыхъ лекарей положенъ лишній покой противъ холостыхъ, котораго, однако-жь, оный Вейтбрехтъ не требовалъ и не имѣлъ, а лекарямъ жениться позволено, и имѣя жену могутъ имѣть и дѣтей, да и служанку одну или больше имѣть должны; оный-же лекарь Вейтбрехтъ, вмѣсто жены, дѣтей и служанокъ, взялъ къ себѣ родную свою мать и родныхъ своихъ сестеръ и брата, въ сиротствѣ и крайней бѣдности сущихъ, чего и возбранить безъ законной вины христіанству и человѣчеству видится противно. *Павелъ Кондонди.*

Я. Чистовичъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Петербургскій май. — Петербургскія дачи и ихъ принадлежности. — Гулянья: — Излерь и минеральныя воды. — Павловскъ. — Парки. — Экстраординарныя гулянья. — Полуостровъ и цѣлебный ключъ. — Выставка въ Академіи Художествъ. — Красное слово. — Русское музыкальное общество. — Панихида по С. Т. Аксаковѣ. — Смерть А. Д. Карагыниной. — Предстоящее открытіе памятника. — Печальная необходимость.

Нельзя сказать, чтобы нынѣшнее лѣто было у насъ очень хорошо. Начало мая отличалось жарой, конецъ — холодомъ. Петербургу, впрочемъ, не привыкать къ этому; въ положенное время, по календарю, всё стали выселяться на такъ-называемыя дачи, съ искреннимъ намѣреніемъ дышать свѣжимъ воздухомъ, вставать рано, пить молоко или сыворотку и вообще поправить здоровье, разстроенное нашею уродливою городскою жизнью. Но, какъ и всегда, петербургскіе дачники, увы, горько обманываются; ихъ искреннимъ намѣреніямъ никогда не суждено осуществиться. Ядъ городской жизни перевозится, вмѣстѣ съ мебелью и нарядами, и на дачи. И здѣсь день замѣняется ночью, и ночь — днемъ; и здѣсь извѣстное и скромное наслажденіе за карточнымъ столомъ имѣетъ нѣкоторыя права гражданства. Если прибавится къ этому, дѣло весьма-обыкновенное въ Петер-

бургъ и его окрестностяхъ — скверная погода, не позволяющая показать и носа на Вожій свѣтъ, трудно предположить, чтобы такая дачная жизнь могла поправить здоровье. Къ числу неотъемлемыхъ принадлежностей нашихъ дачъ, каковы, напримѣръ, безчисленное множество дѣтей съ нянями и мамками, франты въ весьма-фантастическихъ нарядахъ, комары и т. д., безусловно принадлежить еще и скука. Скука пробирается на всякую дачу, отъ большой, съ террасами и маркизами, до крошечной комнатки съ кисейными занавѣсками и горшкомъ резеды на окнѣ; скука стоитъ за каждымъ кустомъ, за каждымъ деревомъ; однимъ словомъ: скука вездѣ. Неудивительно, что она, во всемъ ея могуществѣ, переносится и на общественныя гулянья. Мнѣ каждый разъ, при взглядѣ на гуляющихъ, приходитъ на память карикатура покойнаго Неваховича. Приѣзжій, попавъ на одно изъ петербургскихъ гуляній, спрашиваетъ у кого-то: — Скажите, сдѣлайте мнѣ милость, кого здѣсь хоронять? Дѣйствительно, на нашихъ гуляньяхъ такой вопросъ возможенъ. Къ крайнему прискорбію, я и въ нынѣшнемъ году уже успѣлъ убѣдиться въ этомъ. На всѣхъ лицахъ, не считая развеселившихся при посредствѣ буфета, все то-же выраженіе безцвѣтной апатіи и серьезной форменности; каждый, словно дитя, хотѣ-бы и хотѣлъ, боится зашпалить, боится показаться веселымъ; надъ каждымъ будто виситъ розга, этотъ русскій Демоклесовъ мечъ, пѣвщій такое большое значеніе въ нашемъ воспитаніи.

Въ ряду загородныхъ гуляній не произошло ничего особеннаго, кромѣ того развѣ, что г. Излеръ перенесъ свою извѣстную изобрѣтательность и дѣятельность на бывшую дачу оборотливаго Гарфункеля, нынѣ «Monde brillant». Нѣтъ сомнѣнія, что «Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ» или такъ-называемыя *минералки* не мало пострадаютъ отъ этого. У Излера много почитателей и ния его, конечно, привлечетъ посѣтителей въ «Monde brillant». Вечера, устривающіеся здѣсь, до-сихъ-поръ не представляютъ еще ничего новаго. Музыка, Цыганы и различные, иногда не совсѣмъ пріятные пѣвцы и пѣвицы — вотъ тѣ наслажденія, которыя, въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, предлагаются петербургской публикѣ за рубль серебромъ. Немножко дорого и немножко однообразно. Есть, впрочемъ, надежда, что Излеръ на этомъ не остановится.

За гуляньями въ Павловскѣ остается все-таки пальма первенства по ихъ относительному аристократическому характеру. Правда, этотъ характеръ нисколько не мѣняется имъ быть точно

также скучными; но, по-крайней-мѣрѣ, на этихъ гуляньяхъ меньше бездѣятности и больше приличія, чѣмъ на всѣхъ другихъ.

Отсутствіемъ приличія щеголяютъ, по-прежнему, извѣстные Петровскій и Александровскій парки и развеселый Крестовскій островъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ пристрастіе къ горячимъ напиткамъ и русскимъ пѣснямъ. Самые аристократическіе по-сѣтители этихъ гуляній, отличающіеся кокардочками, предаются здѣсь русскому веселію довольно-непринужденно, какъ-бы ободряя своимъ примѣромъ другую часть публики, такъ-называемаго неблагороднаго происхожденія. Полиціи дѣла очень-много.

Бываютъ еще гулянья экстраординарныя. Такъ, въ Духовъ день, напримѣръ, смотрины невѣсты изъ породы мелкаго купечества и мѣщанства; гулянье весьма-интересное, но давно и всѣмъ уже извѣстное. Въ тотъ-же Духовъ день бываетъ гулянье и на Охтенскомъ кладбищѣ; но тутъ безобразіе превосходитъ всякую мѣру и отзывается язычествомъ.

Неполно было бы сказаніе о гуляньяхъ, еслибъ я умолчалъ о музыкальныхъ вечерахъ на островѣ Тиволи, въ Полуостровѣ. Они похожи на другія приличною скукою, но имѣютъ свой особенный, скромный и семейный характеръ. Чиновники, или говоря высокимъ слогомъ, благородные граждане и ихъ достойныя подруги жизни съ мелкимъ поколѣніемъ составляютъ преимущественно полуостровское населеніе и украшаютъ гулянье по острову Тиволи. Здѣсь встрѣтите вы нерѣдко студента въ бѣлой фуражкѣ, отпустившаго на время вакаціи усы, здѣсь встрѣтите и гимназиста, гордо прогуливающагося съ сестрицей и дѣлающаго такой видъ, какъ-будто онъ идетъ вовсе не съ сестрицей; встрѣтите офицера съ тросточкой, знакъ либерализма, и иногда даже барыню безъ криволипа. Дѣтей, внякъ и мамокъ страшное множество. Небольшой, но очень хорошо сложенный оркестръ, подъ управленіемъ г. Лунда, играетъ польки, вальсы и т. п. За входъ платится только *двадцать* копѣекъ — согласитесь, что это дешево не по-петербургски. Тамъ-же, въ Полуостровѣ, есть еще желѣзные, минеральные ключи. Исторія этихъ ключей гласитъ, что они были извѣстны еще при Петрѣ Великомъ. Лейбъ-медикъ (с), знаменитый Лаврентій Блуменстротъ въ 1718 году первый изслѣдовалъ воду этихъ ключей и съ успѣхомъ употреблялъ ее при леченіи глазъ государя. Позднѣе правительство обратило вниманіе на эти ключи и въ 1745 году поручило изслѣдовать ихъ главному, въ то время, придворному аптекарю Моделю. Онъ нашелъ ее превосходною и особенно полезною въ леченіи нервнаго

разстройства. Не смотря на такой отзывъ долгое время ничего не было сдѣлано для удобнѣйшаго пользованія водами полуостровскихъ ключей и онѣ оставались даже неизвѣстными многимъ изъ жителей столицы. Только въ 1839 году аптекарь Фишеръ построилъ при ключахъ небольшой деревянной домъ и въ немъ нѣсколько ваннъ для купанья, и такимъ образомъ первый доставилъ публикѣ возможность пользоваться испытанной цѣлебностью желѣзныхъ водъ полуостровскаго ключа. По смерти Фишера въ 1842 году завѣдываніе полуостровскимъ ключемъ принялъ на себя докторъ Каанъ, сопровождавшій графа Кушелева-Безбородко въ путешествіи за границу и съ нимъ прибывшій въ Россію. При содѣйствіи графа Кушелева-Безбородко докторъ Каанъ сдѣлалъ значительныя пристройки увеличилъ число ваннъ и снабдилъ ихъ всемъ необходимымъ для удобства пользующихся ими больныхъ. Въ настоящее время полуостровскіе ключи находятся подъ завѣдываніемъ доктора Бейера.

Выставка въ Академіи Художествъ почему-то не совсѣмъ удалась въ нынѣшнемъ году и замѣчательна только необыкновенно большимъ количествомъ медалей, щедро розданныхъ художникамъ. По части скульптуры первое мѣсто, по всей справедливости, принадлежитъ г-ну Каменскому получившему 2-ю золотую медаль. Его барельефъ: *Всемирный потопъ* полонъ движенія и экспрессіи. Медаль впрочемъ получилъ онъ за другой барельефъ: *Квинцію Цинцинату приносятъ Римскіе посланнныя вѣсть объ избраніи его диктаторомъ*. За г. Каменскимъ слѣдуетъ упомянуть о г. Лаверецкомъ, который также получилъ 2-ю золотую медаль.

По части живописи огромное мѣсто занимаетъ картина иностраннаго художника Ивона: *Куликовская битва*, замѣчательная главнѣйшимъ образомъ своимъ громаднымъ размѣрами и необыкновенною манерностью. Все въ этой картинѣ странно и неестественно; начиная съ какого-то бѣлаго пятна въ срединѣ картины и до чудовищъ, растянувшихся внизу; а между-тѣмъ толковъ-то, толковъ сколько было объ этой картинѣ еще до ея появленія...

Перебирать картину за картиною дѣло невозможное; по первыхъ, это заняло бы слишкомъ много мѣста; а во вторыхъ, было бы крайне скучно; и потому можно и должно ограничиться указаніемъ произведеній, хотя нѣсколько выходящихъ пзъ ряду золотой посредственности. Съ прискорбіемъ приходится сознаться, что ихъ немного. Изъ трехъ, напримѣръ, картинъ на одну и ту

же тему: *Исусъ Христосъ отрокъ между книжками и фарисеями въ храмъ*, писанныхъ Гг. Тамашевскимъ, Васильевымъ и Гуномъ, только картина послѣдняго заслуживаетъ вниманіе. Къ числу отраднѣйшихъ явленій нынѣшней выставки должно отнести два прелестнѣйшіе пейзажа академика Боголюбова: *Соренто близъ Неаполя и Неаполитанскій видъ*. За тѣмъ очень хороши слѣдующія картины: *Отправленіе деревенскаго мальчика въ школу* — г. Карнѣва (получилъ 2-ю золотую медаль); *Жатва* — г. Грузинскаго; *Внутренность харчевни* — г. Попова (объявлена похвала); *Деревенскій зубной врачъ* — академика Шульца; *Берегъ Финскаго залива* — г. Гине; *Видъ въ окрестностяхъ г. Смоленска* — г. Рѣтковскаго; *Эльмъ, послѣдній ночлежъ Фельдмаршала Графа Суворова въ Швейцаріи, въ 1799 г.* — Пенсіонера Шарлемана (признанъ академикомъ); *Собраніе у живописца Тинторетта, въ XVI вѣкѣ, и Венеціанка въ прошломъ столѣтіи* — профессора Дузи; и два пейзажа — г. Мещерскаго (получилъ 1-ю золотую медаль). За этими картинами слѣдуютъ нѣсколько манерныя произведенія гг. Хлѣбовскаго (получилъ 1-ю золотую медаль) и П. Заурвейда (получилъ 2-ю золотую медаль); *Видъ на островъ Валаамъ* — г. Шишкина (получилъ 2-ю золотую медаль); *Римскій пастухъ* — академика Худякова; четыре вида — пенсіонера Богомолова и три вида — художника Жамета. Очень хороши двѣ лошади профессора Сверчкова и эскизъ профессора К. Брюлова: *Послѣдній день Помпеи*. Изъ портретовъ, лучшіе принадлежатъ иностранному художнику Февръ-дюферу — вотъ все сколько-нибудь замѣчательное настоящей выставки. Въ ряду особенно слабыхъ произведеній самое видное мѣсто занимаютъ: *Евреи на развалинахъ Иерусалима* — г. Скириунда; *Исусъ Христосъ отрокъ между книжниками и фарисеями въ храмъ* — г. Васильева; акварели — академика Бегрова, замѣчательныя нѣсколько-эротическимъ направленіемъ; *Блудный сынъ* — г. Маринича; *Казанскіе татары* — г. Якоби; *Битыя птицы* — г-жи Нордманъ; *Еврей и червоицы* — художника Мартынова; *Отецъ Пименъ и Лжедмитрій*, въ кельѣ Чудова монастыря — художника Зотова; *Мальчикъ на охотѣ* — г. Савицкаго и наконецъ *Офелія и Зарема* — академика Тютрюмова. Большая часть пейзажей, если не всѣ, напоминаютъ Каляма; а портреты щеголяютъ извѣстною манерою Зарянка, которая въ подражаніи, разумѣется, сильно пострадала. Между архитектурными планами особеннаго вниманія заслуживаютъ проэкты: академика Жибера — *Медико-хирургической Академіи съ клинкою* и г. Даля — *Роскошныхъ торговыхъ банъ*. Не-

множко странно, что на проэктѣ г. Даля, получившаго 1-ю золотую медаль, есть между-прочимъ такая надпись: опщя хухня. Неужели художество и грамотность не могутъ поладить?

Въ заключеніе моего бѣглаго очерка нынѣшней выставки, я передаю здѣсь чье-то красное словцо. Разглядывая портретъ сына профессора Моллера, кто-то спросилъ:

— Неужели это работа *профессора* Моллера?

— Не думаю, отвѣчалъ ему товарищъ, — это, вѣроятно, работа того Моллера, который пишетъ фельетонъ въ «Русскомъ Словѣ».

1-го мая Высочайше утверждён уставъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Вотъ извлеченіе изъ этого устава: Цѣль Общества: развитіе музыкальнаго образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи, и поощреніе отечественныхъ талантовъ. Для достиженія своихъ цѣлей Общество:

а) Исполняетъ въ возможномъ совершенствѣ лучшія произведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ то: симфоніи, увертюры, квартеты, тріо, ораторіи, мессы, кантаты и проч. б) Доставляетъ отечественнымъ композиторамъ возможность слышать свои произведенія въ исполненіи. в) Назначаетъ конкурсы для музыкальныхъ сочиненій и отличившимся выдаетъ золотыя и серебряныя медали, похвальные листы и денежныя преміи. г) По мѣрѣ развитія своихъ средствъ, оказавшимся особенно способными какъ въ музыкальномъ сочиненіи, такъ и въ исполненіи (въ пѣніи или игрѣ на какомъ-либо инструментѣ), Общество выдаетъ денежныя и другія преміи, на свой счетъ печатаетъ замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія русскихъ авторовъ, по взаимному съ ними соглашенію, посылаетъ за границу для усовершенствованія и проч. д) Для доставленія желающимъ заниматься музыкою, возможныхъ къ тому средствъ, при Обществѣ находится музыкальная библіотека и выписываются важнѣйшія музыкальныя газеты и журналы. Общество имѣетъ право выбивать медали въ честь знаменитыхъ русскихъ музыкантовъ, по испрошеніи на то предварительно Высочайшаго соизволенія. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола. Число членовъ неограничено. Каждый членъ вноситъ ежегодно 15 р. сер. въ кассу Общества и утверждается въ званіи члена комитета Общества по предложенію одного члена. Лица, жертвующія одновременно довольнозначительный капиталъ (не менѣе 1,000 р. сер.), или обязавшіяся вносить ежегодно не менѣе 100 р. сер., пользуются званіемъ *почетныхъ членовъ*. Званіемъ почет-

наго члена могутъ быть удостоиваемы, по опредѣленію общаго собранія, русскіе и иностранные артисты, приобрѣвшіе извѣстность и въ особенности лица, принесшія пользу музыкѣ въ Россіи. Члены Общества имѣютъ право: присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса (но въ комитетѣ заявляютъ только свое мнѣніе), пользоваться музыкальною бібліотекою и получасными въ ней музыкальными журналами и газетами. Каждый членъ получаетъ билетъ для входа на 10 симфоническихъ вечеровъ, даваемыхъ ежегодно Обществомъ, но не имѣетъ права передавать его другому лицу. За всѣ же остальные музыкальные вечера, или утра, членъ платитъ наравнѣ съ прочими лицами, не принадлежащими къ Обществу. Почетные члены, вносящіе ежегодно 100 р. сер., получаютъ билеты на всѣ музыкальныя собранія Общества бесплатно. Всѣми дѣлами Общества, какъ по искусственной, такъ и по хозяйственной и распорядительной части завѣдываетъ комитетъ, состоящій изъ пяти директоровъ. По первыхъ пяти лѣтъ, со дня утверженія сего устава и затѣмъ ежегодно, выбываютъ по жребію двое изъ директоровъ, предлагающіе вмѣсто себя двухъ новыхъ директоровъ, которыхъ утверждаютъ въ семь званіи остающіеся члены комитета. Къ директорамъ избираютъ комитетомъ пять кандидатовъ, для замѣщенія на случай выбитія или продолжительнаго отсутствія директоровъ, а также для помощи имъ въ распоряженіяхъ по устройству музыкальныхъ вечеровъ и проч. На комитетѣ лежитъ обязанность приведенія въ исполненіе сего устава и наблюденіе за точнымъ его исполненіемъ. Комитетъ заботится объ увеличеніи средствъ общества, о своевременномъ взносѣ денегъ членами, назначаетъ конкурсы и тѣмы для конкурсовъ, присуждаетъ за нихъ медали, преміи, назначаетъ денежныя пособія, печатаетъ музыкальныя сочиненія, назначаетъ дни какъ музыкальныхъ, такъ и общихъ собраній, хранитъ имущество Общества, и ежегодно даетъ отчетъ общему собранію въ приходѣ и расходѣ суммъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Для управленія оркестромъ и хорами, для выбора артистовъ, участвующихъ въ исполненіи, комитетъ избираетъ опытнаго артиста, который имѣетъ право голоса во всѣхъ собраніяхъ комитета. Разсмотрѣніе сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій или на конкурсъ, а равно и для исполненія, присужденіе премій исполнителямъ, составленіе программъ для концертовъ, комитетъ поручаетъ директору; избранному имъ для управленія концертами, вмѣстѣ съ извѣстными своими музыкальными познаніями лицами

и, соображаясь съ ихъ заключеніями, дѣлаеть окончательныя постановленія.

Не надо, полагаю, прибавлять, что общество это встрѣтитъ общее сочувствіе и принесетъ современемъ не мало пользы музыкѣ и ея жрецамъ въ Россіи.

24-го мая въ университетской церкви служили панихиду по скончавшемся въ Москвѣ, С. Т. Аксаковѣ, авторѣ «Семейной Хроники» и первомъ *Казанскомъ студентѣ*.

Въ тотъ же день скончалась въ Петербургѣ старѣйшая изъ нашихъ драматическихъ артистокъ А. Д. Каратыгина, урожденная Перлова. Она родилась въ 1778 году и получила образованіе въ тогдашней театральной школѣ подъ руководствомъ И. А. Дмитревскаго. Въ 1794 году Перлова поступила на сцену и заняла первыя драматическія роли. Старые театралы до-сихъ-поръ сохранили пріятное воспоминаніе о прекрасномъ дарованіи покойной артистки.

25-го іюня послѣдуетъ открытіе памятника въ Бозѣ почивающему императору Николаю Павловичу.

Новостей много, серьезныхъ и смѣшныхъ, веселыхъ и трогательныхъ, какъ напримѣръ — буйство крысъ въ звѣринцѣ укротителя Крейцберга, которыя поѣли несмѣтное количество попугаевъ; мнѣ бы очень хотѣлось побесѣдовать съ читателями; но о! ужасъ! мѣста, говорятъ, нѣтъ въ нынѣшней книжкѣ нашего журнала, — итакъ до слѣдующаго мѣсяца. Хоть плачь, а ставь точку.

Егоръ Меллеръ.

Письмо въ редакцію журнала «Русскаго Слова».

Въ IV-мъ N° «Русскаго Слова» напечатана первая статья моя о «черновой тетради Грибоѣдова». Въ статьѣ этой есть ошибка, мнѣ одному принадлежащая. Я спѣшу выставить ее передъ публичкой и въ ней извиниться.

На 18-й страницѣ этой статьи, въ Грибоѣдовскомъ текстѣ; (тамъ, гдѣ Грибоѣдовъ говоритъ о Ермоловѣ) читается: «А, право, добръ; сколько мнѣ кажется прямигкихъ чувствъ, или я уже совсѣмъ сдѣлаяся панегиристомъ, а, кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писалъ стиховъ».

Напечатано совершенно вѣрно съ подлинной «черновой» Грибоѣдова.

Измайлова и Храповицкаго, о которыхъ здѣсь упоминается, я принялъ за литераторовъ и, по поводу ихъ, сдѣлалъ (въ выноскѣ 25-й) намекъ на то, что Грибоѣдовъ любилъ посмѣяться надъ своими собратьями — литераторами и проч.

Все это ошибка, происшедшая отъ моего недосмотра. Вотъ, какъ она случилась:

Измайлова я принялъ не за кого другаго, какъ за *Владимира Васильевича Измайлова*, когда-то извѣстнаго поэта и, нѣкоторое время, издателя Вѣстника Европы, — журнала, въ которомъ и Грибоѣдовъ напечаталъ статью подъ названіемъ: «Письмо къ издателю изъ Брестъ-Литовска,» гдѣ рѣчь идетъ о праздникѣ, данномъ подчиненными генералу Андрею Семеновичу Кологривову. (Вѣст. Евр. 1814 г. ч. LXXVI. стран. 229 — 238) (*).

Имя Храповицкаго было мнѣ тоже извѣстно въ русской литературѣ, но я не сдѣлалъ своевременно объ этомъ Храповицкомъ надлежащей справки, которая и избавила бы меня отъ ошибки.

У насъ былъ дѣйствительно писатель *Храповицкій* — *Александръ Васильевичъ*, служившій десять лѣтъ статсъ-и кабинетъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II-й, авторъ любопытныхъ *Памятныхъ записокъ*, съ которыми познакомилъ русскую публику П. П. Свиньинъ въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ» (**). Кромѣ этихъ «Памятныхъ записокъ», Храповицкій, какъ говоритъ въ предисловіи къ этимъ «Запискамъ» Свиньинъ, (Отеч. Зап. 1821 г. № 16. стран. 131, 133 134.) писалъ много стихами и прозою и былъ похваленъ Сумароковымъ въ письмѣ, напечатанномъ въ еженедѣльномъ журналѣ *И то и сѣ*, издававшемся въ 1769 г. Чулковымъ; потомъ онъ сочинилъ трагедію *Идамантъ*, въ 5-ти дѣйствіяхъ; напечаталъ много сатирическихъ писемъ въ разныхъ журналахъ и занимался переводами, напечатанными особливыми книжками, въ томъ числѣ въ 1762 году *Похожденія Неоптолема, сына Ахиллеса*. Въ 1-мъ томѣ актовъ Академіи Наукъ помѣщено его французское письмо къ Палласу.

*) На письмо это указалъ М. Н. Лонгиновъ въ библиографической статьѣ своей *Первые печатные опыты Грибоѣдова*, помѣщенной въ LXII т. Современника на 1857 г. Автографъ этой статьи, не одинъ разъ мной видѣнный, принадлежалъ покойному С. Н. Бѣгичеву, а нынѣ составляетъ собственность его семейства.

***) Печатаніе *Памятныхъ записокъ* Храповицкаго тянулось въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина восемь лѣтъ, съ 1821 года, части VII-й № 16, по 1828 годъ, часть XXXIII, № 93.

Кромѣ того есть свѣдѣнія, что Храповицкій прислалъ подъ именемъ дѣвицы письмо въ журналъ *Всякая Всячина* (изд. въ 1769 г.), въ которомъ нападалъ на переведенную Лукинымъ комедію «Тестъ и Зять». (Булича о Сумароковѣ, Спб., 1854 г. стран. 255). Многіе изъ стиховъ и переводовъ Храповицкаго помѣщены, по свѣдѣтельству Свинына, въ *Цѣпникъ* и въ *Сынъ Отчества*, когда, по отсутствію г. Греча въ чужіе края, занимался изданіемъ этого журнала Измайловъ. Переводъ его Лебреновой оды *Восторгъ* и нѣсколькихъ басенъ Лафонтена напечатаны въ *Аонидахъ* Карамзина. — А. В. Храповицкій умеръ 29 декабря 1801 года.

Если Владиміръ Васильевичъ Измайловъ и былъ современникомъ Грибоѣдова, то очевидно, Храповицкій (Александръ Васильевичъ) современникомъ его быть не могъ и Грибоѣдову писать къ нему стиховъ было не для чего.

По выходѣ уже въ свѣтъ статьи моей, одинъ почтенный старожилъ объяснилъ мнѣ, что *тотъ* Измайловъ и *тотъ* Храповицкій, о которыхъ, по поводу А. П. Ермолова, упомянулъ Грибоѣдовъ, были люди вовсе не литературные, а развѣ совсѣмъ напротивъ. Это были просто два военные генерала, почему-то (кажется, что по уму) извѣстные въ петербургскомъ обществѣ того времени (1818, 1819 г.).

Извиняясь передъ публикой въ ошибкахъ моей, я покорнѣе прошу считать въ моей статьѣ выноску 25-й недѣйствительной и замѣнить её тѣмъ короткимъ указаніемъ объ Измайловѣ и Храповицкомъ, которое я теперь сдѣлалъ.

Дип. Смирновъ.

Губ. гор. Владиміръ. 11 мая 1859 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ настоящей книжкѣ мы можемъ представить вторую часть статьи объ Амурѣ, прервавшейся по причинамъ отъ редакціи независящимъ. Третья статья напечатана будетъ въ слѣдующей книжкѣ.

Статья сотрудника нашего, М. И. Семейскаго: «Первый годъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны» — составляетъ продолженіе начатыхъ имъ историческихъ очерковъ, которые, по мѣрѣ написанія ихъ, будутъ постоянно печатаемы въ нашемъ журналѣ.

Начатыя нами въ майской книжкѣ приложенія «Записокъ мелкотравчатого», Е. Э. Дрианскаго, перепечатанныя изъ Библиотеки для чтенія 1857 г., даны были нами съ тою цѣлю, чтобы читателямъ было совершенно понятно цѣлое сочиненіе, которое мы приобрѣли. Продолженіе «Записокъ», доселѣ еще нигдѣ не напечатанное, не замедлитъ появиться въ слѣдующихъ книжкахъ нашего журнала.

Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.

Я. Полонскій.

Ан. Григорьевъ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 6.

Продолженіе сочиненія М. Ланге о Морфи. — Шесть партій Морфи съ Гаррвитцомъ. — Воинственное проявленіе берлинской Schachzeitung. — Жизнеописаніе Филидора, составленное профессоромъ Олленомъ. — Заграничныя шахматныя извѣстія. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова. (статья 4**).

Въ апрѣльскомъ листкѣ мы упрекали г. Ланге въ томъ, что написавъ цѣлую книгу о шахматныхъ подвигахъ Морфи, онъ умолчалъ о его побѣдахъ надъ Гаррвитцомъ и Андерсеномъ. Теперь, спѣшимъ увѣдомить нашихъ читателей, что почтенный авторъ Kritik der Eröffnungen заглянулъ свой странный поступокъ изданіемъ продолженія къ помянутой книгѣ, въ которомъ, между прочимъ, подробно описаны матчи Морфи съ нѣмецкими шахматистами. Правда, и въ этомъ новомъ выпускѣ (Paul Morphy. Skizze aus der Schachwelt. Zweiter Theil * Schachkämpfe in Paris vorzüglich mit deutschen Meistern) г. Ланге не отказывается отъ своего пристрастнаго взгляда и все еще силится доказать, что Андерсенъ нисколько не уступаетъ Морфи; но по крайней мѣрѣ здѣсь онъ не скрываетъ фактовъ, а это уже конечно шагъ впередъ, тѣмъ болѣе, что факты говорятъ тутъ такъ громко, что даже краснорѣчію Ланге едва ли удастся заглушить ихъ голосъ.

Первая глава (Aufnahme in der Régence und Production im Blindlingsspiel) описываетъ приѣздъ Морфи во Францію и восемь

---

*) Не лишнимъ считать замѣтить, что въ первомъ выпускѣ не было сказано, чтобъ онъ составлялъ часть первую, изъ чего можно заключить, что авторъ только впоследствии убѣдился въ бесполезности скрывать факты и необходимости напечатать продолженіе своего труда, впрочемъ, mieux vaut tard que jamais, и мы только для того дѣлаемъ настоящее примѣчаніе, чтобы насъ не осудили за излишнюю поспѣшность въ обвиненіи г. Ланге.

партій игранныхъ имъ 27 сентября минувшаго года, одновременно, не смотря на доску, противъ гг. Боше, Бируирта, Борнеманна, Гибера, Лекена, Потье, Прети и Сегена. Вторая (Partien mit verschiedenen französischen Meistern) имѣетъ предметомъ состязанія молодаго американца съ С. Аманомъ, Ривьеромъ, Ларошемъ и прочими парижскими знаменитостями. Объемъ Листва не позволяетъ намъ выписывать эти партіи, но мы прилагаемъ здѣсь таблицу, выражающую общій результатъ этихъ состязаній; она лучше всякихъ разсужденій и возгласовъ покажетъ огромное превосходство Морфи надъ сильнѣйшими игроками Франціи. Цифры перваго столбца показываютъ число выигранныхъ имъ партій, втораго—число проигранныхъ, третьяго—число ничьихъ и наконецъ цифры четвертаго столбца обозначаютъ сколько всего было сыграно партій.

I. Партіи, игранныя такъ и такъ (à but).

Съ Ларошемъ (Laroche)	5	0	2	7
« де-Ривьеромъ (de Rivière)	7	1	1	9
« Журну (Journoud)	12	0	0	12
« Будзинскимъ (Budzinsky)	7	0	0	7
« Боше (Baucher)	2	0	0	2

II. Партіи, въ которыхъ Морфи даетъ впередъ пѣшку и ходъ.

Съ Ларошемъ	3	0	3	6
« Будзинскимъ	12	1	1	14
« Девинкомъ (Devinck)	2	0	2	4
« Гиберомъ (Guibert)	1	0	2	3

III. Партіи, въ которыхъ Морфи даетъ впередъ пѣшку и 2 хода.

Съ Лекривеномъ (Lecrivain)	5	2	0	7
« Лекеномъ (Lequesne)	3	0	1	4
« Деланоа (Delanoy)	4	0	0	4

IV. Консультационныя партіи.

Съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ и Графомъ Изуаромъ (Isouard)	10	0	0	10
« Журну и Ривьеромъ	0	1	0	1
« С. Аманомъ (St. Amant), и Лекеномъ	2	0	0	2
« С. Аманомъ и Ф. А.	3	0	0	3
« Шамулье (Chamouillet) и Версазьсимъ клубомъ	1	0	0	1

Итого 79 5 12 96

И такъ изъ девяносто-шести игоръ Морфи проигралъ всего пять партій, въ числѣ которыхъ одна только играна на равныхъ условіяхъ; едва ли въ лѣтописяхъ шахматной игры найдется примѣръ столь полнаго торжества.

Глава четвертая (*Wettkampf mit Harrwitz*), описывающая бой американскаго героя съ Гаррвитцомъ, есть лучшая часть всего сочиненія; заключающіеся въ ней партіи въ высшей степени интересны, а составленныя къ нимъ Ланге примѣчанія дѣльны и безпристрастны. Такое безпристрастіе со стороны ревностнаго защитника германской шахматной славы, было бы крайне удивительно, еслибъ самъ онъ, тутъ же, не обнаружилъ причины своего равнодушія къ бреславскому шахматисту. Дѣло въ томъ, что по мнѣнію Ланге, побѣда Морфи надъ Гаррвитцомъ не можетъ служить основаніемъ къ сравненію искусства американскаго игрока съ искусствомъ нѣмецкихъ шахматистовъ какъ потому, что Гаррвитцъ уже нѣсколько лѣтъ не живетъ въ Германіи, такъ и потому, что страна эта имѣетъ двухъ гораздо болѣе блестящихъ представителей, а именно Гейдебранда фонъ-дерь-Лаза и Андерсена. Надо замѣтить, что до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову опредѣлять національность того или другаго дѣятеля на основаніи его временнаго мѣстопробыванія; Нибуръ много лѣтъ жилъ въ Римѣ и писалъ тамъ свое знаменитое сочиненіе, неужели послѣ этого оно не принадлежитъ уже къ германской литературѣ? Или, можетъ быть, эта неразрывность съ отечественною почвою составляетъ исключительное свойство именно шахматныхъ дѣятелей? Конечно, еслибъ Гаррвитцъ, покинувъ отечество, покинулъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шахматное поприще, то нѣмцы вправѣ были бы непризнавать его болѣе своимъ представителемъ въ дѣлѣ шахматнаго искусства, но всѣмъ извѣстно, что напротивъ того, никогда Гаррвитцъ не занимался такъ много игрою, какъ со времени отъѣзда своего за границу; тутъ то онъ и развилъ свой талантъ непрерывною практикою съ сильнѣйшими игроками Англии и Франціи. При этомъ невольно рождается вопросъ: что еслибъ Гаррвитцъ побѣдилъ Морфи, былъ ли бы г. Ланге такъ строгъ въ признаніи правъ его на нѣмецкую національность? Что же касается до замѣчанія будто Гаррвитцъ играетъ гораздо слабѣе Андерсена и Гейдебранда фонъ-дерь-Лаза, то и съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не можетъ равняться съ ними и въ особенности съ г. фонъ-дерь-Лаза, въ отношеніи теоретическихъ знаній, но въ практическомъ искусствѣ онъ едва ли имъ уступа-

еть. Покрайней мѣрѣ состязанія съ Морфи никакимъ образомъ не приводятъ къ такому заключенію; Гаррвитцъ изъ восьми партій матча выигралъ двѣ, а Андерсентъ такое же число изъ одиннадцати партій. Мы съ своей стороны ставимъ игру Гаррвитца чрезвычайно высоко, убѣждены что онъ принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ игроковъ всѣхъ время и считаемъ побѣду одержанную надъ нимъ Морфи однимъ изъ лучшихъ доказательствъ необыкновеннаго таланта сего послѣдняго. Кстати игры Гаррвитца мы сообщаемъ здѣсь тѣ изъ его партій съ Морфи, которыя неизвѣстны еще нашимъ читателямъ, а именно партію игранную до матча и третью, пятую, шестую, седьмую и восьмую партіи матча; первая вторая и четвертая были уже напечатаны въ январскомъ Листкѣ.

№ 39.

(Играна до начала матча.)

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

Гаррвитцъ. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	22) f3—d3	d8—d7
2) f2—f4	e5—f4°	23) d3—b5	b6—d8
3) g1—f3	g7—g5	24) d4—d5	g7—f5
4) h2—h4	g5—g4	25) g3—f2	f8—g8
5) f3—e5	g8—f6	26) b5—d3	d7—g7
6) f1—c4	d7—d5	27) d3—f5°	g7—g2°+
7) e4—d5°	f8—d6	28) g1—f1	b7—a6+
8) d2—d4	f6—h5	29) c3—e2	d8—d6
9) c4—b5+	c7—c6	30) d1—d3	a6—d3°
10) d5—c6°	0—0	31) c2—d3°	g2—h2
11) c6—b7°	c8—b7°	32) e2—f4	h2—h1+
12) d1—g4°+	h5—g7	33) f1—e2	h1—b2
13) c1—f4°	d8—b6	34) f4—e6	g8—g6
14) b1—c3	d6—e5°	35) e1—c1	d6—b8
15) f4—e5°	f7—f6	36) b2—b3	g6—g2
16) e5—g3	b8—a6	37) f5—f6°+	h8—g8
17) 0—0	a8—d8	38) e2—e3	h2—h3+
18) a1—d1	g8—h8	39) e3—e2	g2—f2°+
19) b5—a6°	b7—a6°	40) f6—f2°	h3—h2
20) f1—e1	a6—c8	41) c1—g1+	g8—h8
21) g4—f3	c8—b7	42) g1—g2	b8—e5+
		43) e2—f3	e5—d5°+
		44) f3—g3	h2—g2°+

45) f2—g2° d5—e6°
 46) g2—a8† h8—g7

47) a8—a7 и бѣлыя, имѣя три лишнія пѣшки необходимо выигрываютъ.

№ 40.

(3^я игра матча.)

ГСЛЛАНДСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ГАРРВИТЦЪ. (Бѣлые.)	МОРФИ. (Черные.)		
1) d2—d4	f7—f5	27) c3—b3	a4—b3°
2) c2—c4	e7—e6	28) d2—b3°	b6—b5(4)
3) b1—c3	g8—f6	29) c4—b5°	a6—b5°
4) c1—g5	f8—b4	30) b3—a5	f8—a8
5) d1—b3	c7—c5(1)	31) a5—b7	a8—a6
6) d4—d5	e6—e5	32) c1—c3	g8—f8
7) e2—e3	0—0	33) b7—d8	b5—d7
8) f1—d3	d7—d6	34) c3—b3	f8—e7
9) g1—e2	h7—h6	35) b3—b8	c5—c4
10) g5—f6°	d8—f6°	36) g1—f2	c4—c3
11) a2—a3	b4—c3°†	37) f2—e2	a6—a3°
12) b3—c3°	b8—d7	38) d8—c6†	d7—c6°
13) 0—0	f6—g6	39) d5—c6°	c3—c2
14) b2—b4(2)	b7—b6	40) e2—d2	a3—c3(5)
15) f2—f3	h6—h5	41) d2—c1	c3—c6°
16) d3—c2	c8—b7	42) b8—b3	e7—f6
17) c2—a4(3)	g6—f7	43) b3—a3	g7—g5
18) a4—d7°	f7—d7°	44) g2—g3	h4—g3°
19) b4—c5°	b6—c5°	45) h2—g3°	g5—f4°
20) f3—f4	e5—e4	46) g3—f4°	f6—g6
21) a1—b1	b7—a6	47) a3—a5	c6—c5
22) f1—c1	d7—a4	48) a5—a6	c5—c3
23) e2—g3	h5—h4	49) a6—d6°†	g6—h5
24) g3—f1	a8—b8	50) d6—d2	h5—g4
25) f1—d2	b8—b6	51) d2—g2†	g4—f3
26) b1—b6°	a7—b6°	52) g2—g5	c3—c5
		53) g5—h5	f3—e3°
		54) h5—h4	e3—f3

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТИИ №. 40.

(1) Эта защита встрѣчается въ первый разъ въ Kritik der Eröffnungen г. Ланге, въ анализѣ такъ называемаго нормальнаго

дебюта, а именно 1) $\frac{e2-e4}{e7-e6}$ 2) $\frac{d2-d4}{d7-d5}$ 3) $\frac{e4-d5^\circ}{e6-d5^\circ}$ 4) $\frac{c2-c4}{f3-b4+}$
 5) $\frac{b1-c3}{c7-c5}$

(2) Этимъ ходомъ бѣлые лишаютъ себя возможности защищать въ послѣдствіи слабый пунктъ с4.

(3) Бѣлые замышляютъ иѣну офицеровъ, которая будетъ имъ однако невыгодна, ибо, потерявъ слона, имъ будетъ невозможно защитить пунктъ с 4. Морфи не замедлитъ атаковать его.

(4) Этотъ ходъ рѣшаетъ игру.

(5) Прекрасный, совершенно вѣрно рассчитанный ходъ.

№ 41.

(Блѣ игра матча.)

ГОЛЛАНДСКІЙ ДЕБЮТЬ.

ГАРРВИТЦЪ. (Бѣлые.)	МОРФИ. (Черные.)		
		25) g1—f2	d7—f6
1) d2—d4	f7—f5	26) f1—h1	f6—g4+
2) c2—c4	e7—e6	27) f2—g1	h4—f6
3) b1—c3	g8—f6	28) h1—h6°	g4—h6°
4) c1—g5	f8—e7	29) f3—d1	h6—g4
5) e2—e3	0—0	30) d1—d2	f6—h4
6) f1—d3	b7—b6	31) g3—f1	f8—e8
7) g1—e2	c8—b7	32) g2—g3	h4—h3
8) 0—0	f6—h5	33) b4—b5	g4—f6
9) g5—e7°	d8—e7°	34) d2—g2	h3—g2°+
10) e2—g3	h5—g3°	35) g1—g2°	a7—a6
11) h2—g3°	d7—d6	36) a3—a4	a6—b5°
12) f2—f4(1)	b8—c6	37) a4—b5°	e8—a8(4)
13) g3—g4	c6—b4	38) f1—d2	a8—a8
14) g4—f5°	e6—f5°	39) e3—e4	f5—e4°
15) d1—d2	a8—e8	40) d2—e4°	f6—e4°
16) a1—e1	e7—h4	41) b1—e4°	a3—c3
17) d3—b1	e8—e6	42) e4—f3	g8—f7
18) d2—f2	h4—h5	43) e1—e4	b7—c8
19) d4—d5	e6—h6	44) f3—e2	c8—f5
20) f2—f3	h5—h4	45) e4—d4	h7—h5
21) a2—a3	b4—a6	46) h2—f2	f7—f6
22) b2—b4(2)	a6—b8	47) d4—d2	f5—c2
23) c3—e2	b8—d7(3)	48) f2—e1	c2—e4
24) e2—g3	g7—g6	49) e1—f2	f6—f5
		50) d2—a2	h5—h4

51) g3—h4°	f5—f4°	54) f2—e1	f4—e3
52) a2—a7	c3—h3	и черные выигрываютъ.	
53) a7—c7°	h3—h2+		

Примѣчанія къ партіи No. 41.

(1) Этотъ ходъ ослабляетъ пункты e3 и g3, и потому лучше было бы, кажется, сыграть e3—e4.

(2) Этотъ ходъ не хорошъ, по той же причинѣ какъ и въ предъидущей партіи.

(3) Забѣчайте какъ ловко Морфи вводитъ въ игру этого коня.

(4) Посредствомъ f6—d5° черные получали трехъ пѣшекъ за коня, но Морфи избралъ еще вѣрнѣйшій путь къ побѣдѣ.

№ 42.

(6ая игра матча.)

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи. (Бѣлые.)	Гарривитцъ. (Черные.)	22) d1—e1+	e7—f8
1) e2—e4	e7—e5	23) c1—c2	e8—c7
2) g1—f3	d7—d6	24) c2—b3	c7—e6
3) d2—d4	e5—d4°	25) b3—a4	b7—b6(2)
4) d1—d4°	g8—f6(1)	26) b2—b4	f8—e7
5) e4—e5	d6—e5°	27) e1—e3	e7—d7
6) d4—d8°+	e8—d8°	28) f3—d5	h6—h5
7) f3—e5°	c8—e6	29) h2—h4	b8—e8
8) b1—c3	f8—d6	30) a4—b3	e8—g8
9) e5—c4	e6—c4°	31) e3—f3	d7—e7
10) f1—c4	h8—e8+	32) a2—a4	a6—a5
11) c1—e3	d8—e7	33) d5—e6°	e7—e6
12) 0—0—0	a7—a6	34) b3—c4	g6—g5
13) e3—g5	b8—d7	35) c4—b5(3)	a5—b4°
14) c3—e4	h7—h6	36) c3—b4°	g5—h4°
15) g5—f6°+	d7—f6°	37) b5—b6°	g8—b8+
16) e4—d6°	c7—d6°	38) b6—a5	e6—d5
17) h1—e1+	e7—f8	39) f3—d3+	d5—c4
18) e1—e8°+	f6—e8°	40) d3—d6°	b8—b4°
19) c4—d5	a8—b8	41) d6—d4+(4)	c4—d4°
20) d5—f3	g7—g6	42) a5—b4°	f7—f5
21) c2—c3	f8—e7	43) f2—f4	d4—e3
		44) a4—a5	e3—f2

- 45) a5—a6   f2—g2°   47) a7—a8ф.+*) g2—g1
 46) a6—a7   h4—h3   48) a8—f3 и бѣлые выигрываютъ(5).

Примѣчанія къ партіи № 42.

(1) Во второй и четвертой партіи своего матча съ Морфи (см. январскій листокъ партіи № 5 и 6) Гаррвитцъ, при такомъ точно положеніи, сыгралъ b8—c6, что несравненно лучше.

(2) e6—c5+ было бы, кажется, лучше.

(3) Въ концѣ этой партіи Морфи обнаруживаетъ удивительную осторожность и дальновидность.

(4) Теперь партія бѣлыхъ несомнѣнно выиграна.

(5) Хотя бы черные и провели пѣшку въ ферзя, бѣлые все таки выигрываютъ, напр. слѣдующимъ образомъ 48) $\frac{h3-h2}{h3-h2}$

- 49) $\frac{f3-g3+}{g1-h1}$ 50) $\frac{b4-c4}{h5-h4}$ 51) $\frac{g3-h4^\circ}{h1-g1}$ 52) $\frac{c4-d5}{h2-h1\phi+}$ 53) $\frac{h4-h1^\circ+}{g1-h1}$
 54) $\frac{d5-e5}{d5-e5}$ а за тѣмъ черные теряютъ послѣднюю пѣшку и проигрываютъ партію.

№ 43.

(7^а игра матча.)

ГОЛЛАНДСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ГАРРВИТЦЪ. (Бѣлые.)	МОРФИ. (Черные.)	14) a1—e1	f6—h4
1) d2—d4	f7—f5	15) e2—g3(1)	e6—g6
2) c2—c4	e7—e6	16) c3—d5	b7—d5°
3) b1—c3	g8—f6	17) c4—d5°	h4—g3°
4) c1—g5	f8—e7	18) h2—g3°	a6—c7
5) e2—e3	0—0	19) g1—f2	a8—e8
6) f1—d3	b7—b6	20) f1—h1	e8—e7
7) g1—e2	c8—b7	21) h1—h4	g6—f7
8) g5—f6°	e7—f6°	22) d3—e2	c7—e8
9) 0—0	d8—e7	23) d2—d3	e8—f6
10) d1—d2	d7—d6	24) e2—f3(2)	g7—g6
11) f2—f4	c7—c5	25) e1—e2	f8—e8
12) d4—d5	b8—a6	26) b2—b3	f7—g7
13) d5—e6°	e7—e6°	27) h4—h1	h7—h6
		28) f2—g1	g6—g5

*) Русская буква означаетъ офицера, которымъ дѣлается пѣшка, вступающій ходомъ на восьмую линію; при этомъ употребляются слѣдующія сокращенія Ф — значитъ ферзь, Л — ладья, С — слонъ, К — конь.

29) f4—g5°	h6—g5°	38) d1—c2	e7—h7
30) f8—h5	f6—e4	39) d3—d2	e5—b2(4)
31) e2—e1(3)	e8—f8	40) e1—d1	h7—h1+
32) h5—f3	e4—g3°	41) g1—f2	h1—f1+(5)
33) h1—h3	g7—e5	42) f2—g3°	b2—e5+
34) h3—h6	g5—g4	43) g3—h4	e5—f6+
35) f3—d1	g8—g7	44) h4—g3	f6—e5+
36) h6—h4	f8—h8	45) g3—h4	ничья посредствомъ вѣчнаго шаха.
37) h4—h8°	g7—h8°		

Примѣчания къ партии № 43.

- (1) g2—g3 ослабило бы правый флангъ бѣлыхъ.
 (2) g3—g4 было бы не хорошо ибо тогда 24) $\overline{f5-g4^\circ}$
 25) $\frac{e2-g4^\circ}{f6-e4+}$ 26) $\frac{f2-g1}{f7-f6}$ 27) $\frac{h4-h3}{f6-b2^\circ}$ и черные имѣютъ перевѣсъ.
 (3) Если вмѣсто этого хода бѣлые возьмутъ ладью, то черные выиграютъ партію посредствомъ g7—a1+
 (4) Черные угрожаютъ завоевать ферзя посредствомъ 40) $\overline{h7-h1+}$
 41) $\frac{g1-f2}{g3-e4}$ но бѣлые, ходомъ 40) $\frac{e1-d1}{}$ отвращаютъ эту опасность.
 (5) Г. Ланге справедливо замѣчаетъ, что настоящій ходъ представляетъ рѣдкій примѣръ ошибки со стороны Морфи; помѣнявшись ладьями и сыгравъ потомъ g3—e4+ и e4—c3, онъ непременно выигралъ бы партію, а теперь она кончится розыгрышемъ.

№ 44.

(8^{ма} и послѣдняя игра матча.)

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи. (Бѣлые.)	Гаррвитцъ. (Черные.)	12) h5—f3	d7—c5
1) e2—e4	e7—e5	13) b3—c4	b7—b5
2) g1—f3	d7—d6	14) c4—e2	c5—e6
3) d2—d4	c8—g4(1)	15) h6—e3	a7—a6
4) d4—e5°	g4—f3°	16) b1—d2	e7—f7
5) d1—f3°	d6—e5°	17) 0—0—0	d8—e7
6) f1—c4	g3—f6(2)	18) g2—g3	h8—b8(3)
7) f3—b3	f8—d6	19) f3—g2	a6—a5
8) c4—f7°+	e8—f8	20) h1—f1	a5—a4
9) c1—g5	b8—d7	21) f2—f4	a4—a3
10) f7—h5	g7—g6	22) b2—b3	f7—g7
11) g5—h6+	f8—e7	23) f4—f5	e6—f8
		24) g3—g4	e7—e8

Отд. IV.

25) g2—f3	e8—c6	43) d2—c4	c7—c5
26) d2—b1	b5—b4	44) e6—d5	c5—d5°+
27) e1—f2	f8—d7	45) e4—d5°	f8—d8
28) g4—g5	f6—g8(4)	46) f1—f3	h8—g7
29) f5—f6+	g7—h8	47) c2—c3	d8—b8
30) f6—f7	d7—c5	48) c3—b4°	b8—b4°
31) f7—g8°ф.+	h8—g8°	49) d1—c2	g7—f8
32) e3—c5°	d6—c5°	50) c2—c3	b4—b5
33) f2—e2	c6—e6	51) g4—e6	b5—c5
34) b1—d2	g8—h8	52) b3—b4	c5—c7
35) f3—g4	e6—e7	53) b4—b5	f8—e7
36) d2—f3	h8—d8	54) b5—b6	c7—b7
37) h2—h4	d8—d6	55) e6—c8	b7—b8
38) d1—d6°	c7—d6°	56) b6—b7	e7—d8
39) e2—c4	a8—f8	57) c4—d6°	d8—e7
40) c4—e6	c5—e3+	58) d6—b5	h7—h6
41) c1—d1	e7—c7	59) d5—d6+	черные сдаются.
42) f3—d2	e3—f4		

Примѣчанія къ партии No 44.

(1) Этотъ слишкомъ ранній выходъ слономъ безъ сомнѣнія слабѣе обыкновеннаго хода e5—d4°.

(2) Черезъ это Гаррвитцъ потеряетъ пѣшку; надо было играть d8—d7.

(3) Основательнѣе было бы h8—e8 или h8—d8

(4) Брать конемъ пѣшку e4 нельзя, потому что на это бѣлые отвѣтятъ f2—g2 и выиграютъ офицера.

Большая часть приведенныхъ здѣсь примѣчаній заимствована нами изъ книги г. Ланге; если мы назвали ихъ дѣльными и безпристрастными, то никакъ не можемъ сказать того же о его сужденіяхъ по поводу партій Андерсена, составляющихъ предметъ четвертой главы (*Wettkampf mit Andersen*). Надо однако замѣтить, что и въ этомъ случаѣ Ланге обнаруживаетъ замѣчательный талантъ къ шахматному анализу, но, предположивъ себѣ задачу доказать, во что бы то ни стало, что побѣжденный играетъ лучше побѣдителя, онъ принужденъ безпрестанно прибѣгать къ самымъ страннымъ натяжкамъ, вдаваться въ самыя софистическія разсужденія. Читая его иной разъ подумаешь, что Андерсенъ проигралъ именно отъ чрезмѣрной геніальности, отъ излишней глубины своихъ плановъ и соображеній.

Понятно, что при столь патріотическомъ настроеніи, г. Ланге

не могъ не отозваться на воинственное броженіе своего отечества и дѣйствительно, еще до начала войны, берлинская Schachzeitung, не смотря на мирное свое назначеніе, выпалила по непріятелямъ статью подъ грознымъ заглавіемъ Militärisches Schach. Авторъ этой статьи отрылъ какую то напечатанную въ 1814 году въ Вѣнѣ книжонку, заключающую шахматныя задачи, въ которыхъ бѣлыя пашки знаменуютъ нѣмцевъ, а черныя французовъ; первыя, разумѣется, нещадно бьютъ послѣднихъ. Каждый ходъ сопровождается особыми объясненіями: двинется ли бѣлая пѣшка — это смѣлая германская пѣшантерія нападаетъ на французовъ, ладья — артиллерія громитъ непріятельскую позицію, ферзь — самъ Бюхеръ атакуетъ Наполеона и пр. и пр. Все это перемѣшано самыми громкими похвалами воинскимъ доблестямъ германцевъ, такъ что подъ конецъ дѣло доходитъ даже до лавровъ, пожинаемыхъ баварцами издревле знаменитыми, по мнѣнію Schachzeitung, своимъ непоколебимымъ мужествомъ. Эти то не очень остроумныя эмблемы предлагаетъ Schachzeitung созерцанію своихъ читателей, увѣряя, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо, время вспомнить о великихъ, національныхъ побѣдахъ Германіи. Если Палестро и Маджента отравили сладостныя воспоминанія берлинскаго журнала, то, можетъ быть, г. Ланге и въ этомъ случаѣ счумѣетъ утѣшить своихъ соотечественниковъ и докажетъ имъ, что французамъ, — каковы бы ни были ихъ подвиги въ Италіи, — все еще не достааетъ постоянно-ясной правильности (durchgehend klare Correctheit) австрійской тактики и высоко-основательной гениальности (hohe solide Genialität) Гюлая. Хотя мы и не раздѣляемъ мнѣнія Schachzeitung о современности ея воинскихъ забавъ, тѣмъ не мнѣнѣ, находимъ ихъ совершенно невинными и если тевтоническое мщеніе ограничится эмблематическими пораженіями враговъ на шахматной доскѣ, мы готовы ему сочувствовать, лишь бы только на поляхъ Пьемонта и Ломбардіи, ... но скромное значеніе шахматнаго фельетона не позволяетъ намъ касаться политическихъ событій; если мы можемъ говорить объ Италіи, то развѣ только относительно италіанской рокировки или какого нибудь fianchetto, о Франціи по поводу Филидора и Дешапеля, а за предѣлами шахматной спеціальности не вправѣ выражать нашихъ сочувствій, надеждъ и опасеній.

Кстати Филидора, мы забыли сообщить, что въ концѣ минувшаго года въ Америкѣ вышла прекрасная біографія этого знаменитаго шахматиста. Сперва она появилась въ нью-іоркскомъ

журналъ Chess Monthly, а потомъ отпечатана отдѣльною книжкою, — къ сожалѣнiю въ числѣ только пятидесяти экземпляровъ, для разсылки извѣстнѣйшимъ шахматнымъ игрокамъ и писателямъ, — подъ заглавiемъ: *The Life of Philidor, Musician and Chessplayer. By George Allen Member of the American Philosophical society, Greek Professor in the University of Pennsylvania. Philadelphia 1858.* Это самое полное изъ всѣхъ изданныхъ доселѣ жизнеописанiй Филидора; авторъ имѣлъ въ рукахъ большое количество источниковъ и хорошо умѣлъ ими воспользоваться. Важнѣйшiе изъ этихъ источниковъ слѣдующiе: 1) *Essai sur la Musique par La Brode*; заключающiяся въ этомъ сочиненiи свѣдѣнiя вполнѣ достовѣрны; Ла Бродъ былъ ученикомъ Филидора и сочиненiе составлено пятнадцать лѣтъ до смерти сего послѣдняго. 2) Сочиненiе Туисса; въ немъ есть нѣкоторыя черты изъ жизни Филидора. 3) Помѣщенная въ Паламедѣ статья Ж. Лардена, составленная по указанiямъ старшаго сына Филидора, и наконецъ 4) Письма самаго Филидора, писанныя имъ изъ Лондона къ своему семейству. Современемъ мы поговоримъ подробнѣе о прекрасномъ трудѣ г. Оллена и даже сообщимъ изъ него выписки, а теперь перейдемъ къ новѣйшимъ извѣстiямъ.

Изъ Парижа пишутъ, что послѣ знаменитой побѣды Морфи надъ Гаррвитцомъ и Андерсеномъ, наступило время затишья, какъ въ *Café de la Régence*, такъ и во всѣхъ шахматныхъ кружкахъ. Оно весьма понятно: партii французскихъ игроковъ между собою не могли имѣть интереса пока въ Парижѣ находился Морфи, а вступить съ нимъ въ серьезное состязанiе кто бы рѣшился? Онъ вызвалъ всѣхъ французскихъ игроковъ на бой, предлагая имъ пѣшку и ходъ впередъ, — никто не откликнулся; онъ специально обратилъ свой вызовъ къ Гаррвитцу—Гаррвитцъ отказался; послалъ его Стантону—и тотъ уклонился. Говорятъ даже, что Морфи изъявлялъ готовность составить матчъ на такихъ условiяхъ, т. е. давая пѣшку и ходъ, съ любымъ игрокомъ Европы, но это пока только слухъ еще требующiй подтвержденiя.

Какъ бы то ни было, а теперь можно уже положительно сказать, что Морфи первый игрокъ нашего времени; сомнѣваться въ этомъ будутъ, кажется, только г. Ланге и тѣ люди, которымъ его метафизическiя разглагольствованiя кажутся убѣдительными: что люди этакiе точно есть на свѣтѣ, это можно видѣть изъ одного изъ послѣднихъ номеровъ берлинскаго журнала; въ немъ помѣщенъ слѣдующiй отрывокъ изъ письма г. Зуле къ М. Ланге, того самого Зуле, объ искусствѣ котораго играть по памяти мы

говорили въ мартовской книжкѣ; «Ваше разсужденіе о матчѣ Ан-дерсена съ Морфи, меня очень обрадовало. Я твердо убѣж-денъ, что Андерсенъ превосходитъ своего противника обиліемъ «и глубиною мыслей, и что при большемъ числѣ игоръ резуль-татъ состязанія будетъ въ пользу германскаго игрока.» Видно г. Зуле умѣетъ не только играть не смотря, но и убѣждаться не размышляя.

Послѣдняя довольно замѣчательная побѣда Морфи въ Фран-ціи одержана имъ надъ президентомъ лондонскаго клуба Монгре-диномъ, нарочно приѣхавшимъ въ Парижъ, чтобъ сразиться съ непобѣдимымъ американцемъ; изъ восьми сыгранныхъ партій, одна была ничья, всѣ остальные выигралъ Морфи. Послѣ этого онъ пожилъ еще нѣкоторое время въ Парижѣ, а за тѣмъ пу-стился въ обратный путь и въ началѣ мая прибылъ въ Нью-Йоркъ. Нѣсколько друзей ожидали его на пристани и отпраздновали приѣздъ побѣдителя великогѣпнымъ обѣдомъ въ одномъ изъ лучшихъ нью-йоркскихъ отелей. Вечеромъ этого же дня Морфи отправился въ шахматный клубъ и побилъ тамъ президента брук-лейнскаго клуба Перрина, давая ему *коня впередъ!*

Пребываніе Морфи въ Европѣ оказало самое благотворное вліяніе на шахматную жизнь этой части свѣта; давно ли мы жало-вались на недостатокъ шахматныхъ журналовъ, а теперь, что мѣсяць, то новый журналъ или специально посвященный благо-родной игрѣ или, по крайней мѣрѣ, помѣщающій на столбцахъ своихъ шахматныя статьи. Въ прошлой книжкѣ извѣщали мы о появленіи въ Римѣ журнала *La Rivista degli Scacchi*; теперь узнаемъ, что и въ Голландіи есть шахматное обозрѣніе подъ именемъ: «*Sissa*»; лондонскій *Chess Player's Chronicle*, также воз-никъ изъ праха. И все это наполнено партіями Морфи, разска-зами о Морфи, похвалами Морфи, задачами въ честь Морфи. Этого мало, многіе первокласные игроки (Левенталь, Дюфрешъ и др.) заняты теперь изданіемъ собранія его партій, съ досто-йными его искусства примѣчаніями. Книга Дюфрена (*Paul's Morphy gewonnene Schachwettkämpfe gegen Andersen, Löwenthal und Harrwitz. Herausgegeben von Jean Dufresne. Berlin. 1859.*) уже вышла въ свѣтъ; она заключаетъ тридцать одну игру и украшена шестью-десятью одной диаграммою, изображающими замѣчательнѣйшіе моменты этихъ партій; о примѣчаніяхъ не можемъ сказать еще никакого мнѣнія, ибо только вчера получили изъ Берлина эту книгу.

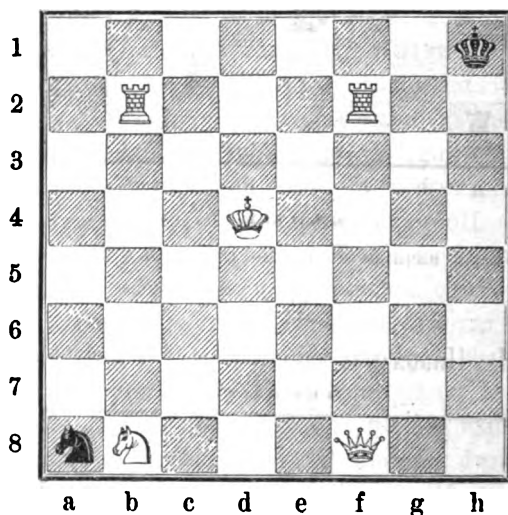
РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 7.

Въ диаграмму, изображающую эту задачу вкралась опечатка; ладья поставлена на a7, вмѣсто чѣмъ на b7, а потому считается необходимымъ перепечатать ее въ надлежащемъ видѣ.

А. Д. ПЕТРОВА (въ Варшавѣ.)

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 40 ходовъ.

Задача эта, какъ нашимъ читателямъ уже извѣстно, посвящена Морфи, а потому составитель ея, знаменитый русскій шахматистъ А. Д. Петровъ, нарочно расположилъ бѣлыя шашки такимъ образомъ, что они образуютъ литеру М. Это особенно ясно видно если отъ ладьи b7 провести черту къ королю и коню, а отъ ладьи f7, къ королю и ферзю.

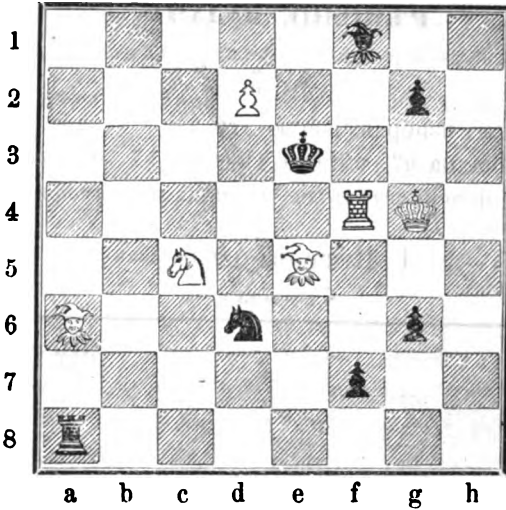
№ 8.

1) f7—f4+	e5—f4°	4) a4—c3+	d3—c3°
2) b4—c5+	d4—e4	5) c5—d5×	
3) h7—f6+	d6—f6°		

№ 11.

Изъ берлинской «Schachzeitung».

ЧЕРНЫЕ.

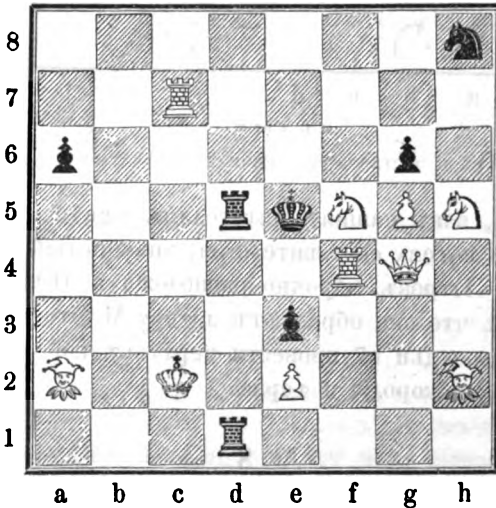
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 12.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска, въ Сибири).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 11 ходовъ.

Корреспонденция. А. Ир—су. (Сибирская тайга). Замѣчаніе Ваше совершенно справедливо; его же сдѣлазь одинъ изъ лучшихъ игроковъ нашего времени, М. Ланге. Намъ кажется только, что Вы ошибаетесь, утверждая, что послѣ хода 17) $\frac{a4-d1}{}$ бѣлые будутъ имѣть перевѣсъ; даже и при этомъ ходѣ, — который несравненно лучше чѣмъ 17) $\frac{a4-a6}{}$ — ферзь, одинъ изъ слоновъ и ферзева пѣшка бѣлыхъ очень стѣснены, напротивъ того игра черныхъ хорошо развернута и всѣ офицеры участвуютъ въ атакѣ.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 4-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

6. Сила одного и двухъ коней.

Въ статьѣ о времени сказано, что выжидательнаго хода конемъ сдѣлать нельзя. Вслѣдствіе этой неспособности, два коня, приведя короля въ положеніе діаграммы XXXIV, не даютъ мата. Но изъ этого же примѣра легко усмотрѣть, что если бы при королѣ черныхъ была пѣшка, напр. на a2, матъ былъ бы данъ въ 4-й ходъ. А это доказываетъ, что съ увеличеніемъ количества шашекъ на доскѣ увеличивается сила коней. Въ поясненіе этому приводимъ діаграмму XXXV, въ коей у бѣлыхъ всѣ 16 шашекъ и притомъ всѣ пѣшки на одинъ шагъ отъ производства въ ферзи, и, не смотря на это, бѣлымъ матъ въ 4 хода *).

Впрочемъ силу коня на стѣсненной доскѣ увидить послѣ, а теперь рассмотримъ его силу на доскѣ близко подходящей къ свободной.

Сила коня доказывается между прочимъ и тѣмъ, что онъ, подобно ферзю и ладѣ, можетъ обойти всю доску въ 64 хода, ступивъ на каждую клетку по одному только разу **).

---

*) Авторъ совершенно правъ, говоря, что значеніе коня увеличивается отъ присутствія многихъ шашекъ на доскѣ, но придуманное имъ для доказательства этой истины положеніе (Диагр. XXXV), кажется намъ весьма не убѣдительнымъ. Въ подобномъ же положеніи — при нѣкоторомъ только перемѣщеніи офицеровъ, — и слонъ можетъ сдѣлать матъ королю, при которомъ всѣ пятнадцать шашекъ, а не смотря на то, сила слона, какъ всѣмъ извѣстно, не увеличивается, но уменьшается отъ стѣсненія доски.

Примѣч. Ред.

**) По нашему мнѣнію проблема, о которой идетъ рѣчь нисколько не доказываетъ силы коня, какъ утверждаетъ авторъ, а скорѣе напротивъ обнаруживаетъ его невыгодное свойство, ибо нѣтъ ничего легче какъ обойти всѣ клетки доски королемъ, ферземъ и ладьею, а исполнить тоже самое конемъ представляеть уже значительную трудность.

Примѣч. Ред.

Проблема эта замысловата потому, главнымъ образомъ, что допускаетъ множество рѣшеній.

Что выполненіе этого маневра конемъ возможно, явствуетъ уже изъ сказаннаго о четныхъ и нечетныхъ ходахъ. То-есть: если предположимъ коня на черной клѣткѣ, то всѣ клѣтки этаго цвѣта выразятся четными цифрами, а бѣлыя нечетными; значитъ — нѣтъ клѣтки, на которую онъ не могъ бы ступить. Вопросъ только въ томъ: какъ бы сдѣлать этотъ маневръ такъ, чтобы начавъ движеніе отъ какой либо клѣтки придти на нее же черезъ 63 хода, ступивъ на каждую изъ клѣтокъ непремѣнно только по одному разу.

Извѣстно только одно наглядное рѣшеніе.

Простѣйшій способъ состоитъ въ томъ, чтобы, начавъ движеніе по клѣткамъ ближайшимъ къ краямъ доски, обойти всю ее кругомъ три раза, потомъ, дойдя до начальной клѣтки, взойти въ центральный квадратъ (т. е. квадратъ, углами котораго будутъ клѣтки с3, с6, f3, f6) и, обойдя всѣ его 16 клѣтокъ, обратиться чрезъ оставшіяся клѣтки къ начальной.

Весьма красивое рѣшеніе этой проблемы состоитъ въ распредѣленіи цифръ, не нарушая хода коня, такимъ образомъ, чтобы сумма цифръ всѣхъ квадратовъ какъ по горизонтальнымъ, такъ и по вертикальнымъ линіямъ, вышла бы 260, т. е. восьмая часть всей суммы 2080.

Диagr. XXXVI.

2	11	58	51	30	39	54	15	260
59	50	3	12	53	14	31	38	260
10	1	52	57	40	29	16	55	260
49	60	9	4	13	56	37	32	260
64	5	24	45	36	41	28	17	260
23	48	61	8	25	20	33	42	260
6	63	46	21	44	35	18	27	260
47	22	7	62	19	26	43	34	260

260 260 260 260 260 260 260 260

Одинъ конь противъ короля и пѣшекъ во многихъ случаяхъ выигрываетъ; г. Янишъ вычислилъ, что положеній подобныхъ діагр. XXXVII, гдѣ конь форсируетъ матъ, можетъ быть 466.

То, что для коня и слона свободная доска, то для двухъ коней—доска, на которой при королѣ есть пѣшка: тутъ два коня почти всегда выигрываютъ; случаи розыгрыша составляютъ исключеніе.

А) Король предполагается на одной изъ угловыхъ кѣтокъ.

Извѣстно, что два коня приводятъ короля въ положеніе діагр. XXXVIII, въ которомъ первенство хода принадлежитъ бѣлымъ *). Положимъ, что при королѣ черныхъ есть пѣшка: очевидно, гдѣ бы она ни стояла, лишь бы не на кѣткахъ h2, h4, g2, g4, g5, f4, f2, e2 и e4, матъ будетъ въ два хода.

Точно также и въ углахъ a8 и h8 выигрышъ почти всегда возможенъ. Напр. въ положеніи діагр. XXXIX, гдѣ чернымъ начинать, матъ будетъ слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{array}{l} \overline{h8-h7} \quad 1) \frac{e6-f8+}{h7-h8} \quad 2) \frac{h5-g5}{g7-g6} \quad 3) \frac{g5-h6}{g6-g5} \quad 4) \frac{f8-g6 \times}{g7-g5}; \text{ или: } \\ 1) \frac{h5-h6}{g5-g4} \quad 2) \frac{e6-g5}{g4-g3} \quad 3) \frac{g5-f7 \times}{g7-g6+} \quad 1) \frac{h5-h6}{g6-g5} \quad 2) \frac{e6-f8}{g5-g4} \\ 3) \frac{f8-g6 \times}{g5-g4} \end{array}$$

В) Короли на вторыхъ кѣткахъ отъ угла.

Здѣсь образъ атаки слѣдующій:

Одинъ изъ коней задерживаетъ пѣшку, какъ въ положеніяхъ XL и XLI, а другой, съ помощію своего короля, пригоняетъ короля противника въ уголъ.

$$\begin{array}{l} \text{Діагр. XL. } 1) \frac{b5-a7}{b8-a8} \quad 2) \frac{a3-b5}{a8-b8} \quad (2) \frac{\quad}{a4-a3} \quad 3) \frac{a7-c6}{a3-a2} \quad 4) \frac{b5-c7 \times}{a4-a3} \\ 3) \frac{b5-c7}{a4-a3} \quad 4) \frac{c7-a6+}{b8-a8} \quad 5) \frac{a7-b5}{a3-a2} \quad 6) \frac{b5-c7 \times}{a3-a2} \end{array}$$

$$\begin{array}{l} \text{Діагр. XLI. } 1) \frac{b5-d6}{b8-a8} \quad 2) \frac{b6-c7}{a8-a7} \quad 3) \frac{d6-b7}{a7-a6} \quad 4) \frac{c7-c6}{a6-a7} \quad 5) \frac{b7-c6}{a7-b8} \\ 6) \frac{c6-d7}{b8-a7} \quad 7) \frac{d7-c7}{b8-a8} \quad (6) \frac{\quad}{b8-a8} \quad 7) \frac{d7-c8}{a8-a7} \quad 8) \frac{c8-c7}{a7-a8} \quad 9) \frac{c5-a6}{a7-a8} \quad 7) \frac{\quad}{a7-a8} \\ 8) \frac{c5-a6}{d8-a7} \quad 9) \frac{a6-b8}{a7-a8} \quad 10) \frac{d2-c4}{a8-a7} \quad 11) \frac{c4-a5}{d3-d2} \quad 12) \frac{a5-c6+}{a7-a8} \quad 13) \frac{b8-d7}{d2-d1} \quad \text{дѣ-} \\ \text{лаетъ ферзя } 14) \frac{d7-b6 \times}{d2-d1} \end{array}$$

*) Кто хорошо упражнялся слономъ и конемъ, тотъ будетъ умѣть дѣйствовать и двумя конями.

На противоположной половинѣ доски выигрышъ удобѣе
ибо коней можно держать ближе одного къ другому.

Напр. Діагр. XLII. 1) $\frac{b5-a3+}{b1-a2}$ 2) $\frac{d2-c2}{a2-a1}$ 3) $\frac{c4-a5}{a1-a2}$ и въ 3 хода
мать.

Въ положеніи діагр. XLIII мать также возможенъ если пѣш-
ка стоитъ на b7, b6, b5, c7, c6, c5, c4, c3, d7, d6, d5, d4, d3
e7, e6, e5, e4, e3, f7, f6, f5, f4, f3, g7, g6, g5, g4, g2, h7, h6,
h5, h4, напр. при нѣшкѣ на с 3 1) $\frac{c2-a3+}{b1-a1}$ 2) $\frac{d3-b4}{c3-c2}$ 3) $\frac{b4-c2}{a3-a2}$

С) Короли на третьихъ клеткахъ.

Діагр. XLIV. 1) $\frac{c5-b7}{c8-b8}$ 2) $\frac{b7-d6}{b8-a7}$ 3) $\frac{c6-b5}{a7-b8}$ 4) $\frac{b5-b6}{b8-a8}$ 5) $\frac{d6-c8}{a3-b8}$
6) $\frac{c8-a7}{b8-a8}$ 7) $\frac{h3-f4}{a3-b8}$ и т. д., въ 6 ходовъ мать.*)

Таблица къ

	1	2	3	4	5	6	7
Игра 1	$\frac{d5-e7}{d8-e8}$	$\frac{e7-c6}{e8-f7}$	$\frac{d6-e5}{f7-e8}$	$\frac{e5-e6}{e8-f8}$	$\frac{c6-e5}{f8-g7}$	$\frac{e6-e7}{g7-h6}$	$\frac{e7-f6}{h6-h5}$
» 2	.	.	.	.	.	.	$\frac{h6-h7}{h6-h5}$
» 3	.	.	.	.	.	.	.
» 4	.	.	.	.	.	$\frac{g7-g8}{g8-g7}$	$\frac{e5-g6}{g8-g7}$
» 5	.	.	.	.	$\frac{f8-e8}{f8-g7}$	$\frac{e5-f7}{e8-f8}$	$\frac{f7-d6}{f8-g7}$
» 6	.	.	$\frac{f7-g6}{f7-g6}$	$\frac{e5-e6}{g6-h5}$	$\frac{c6-e5}{h5-h6}$	$\frac{e6-f6}{h6-h5}$	$\frac{h3-f4+}{h5-h6}$

Когда короли на другой половинѣ доски, то нерѣдко бываетъ
необходимо выгѣснять короля въ противную сторону отъ пѣшки.

Напр. Діагр. XLVIII. 1) $\frac{f4-g2+}{e1-f1}$ 2) $\frac{c3-f3}{f1-g1}$ 3) $\frac{g2-e3}{g1-h2}$ 4) $\frac{f3-g4}{h2-g1}$
5) $\frac{g4-g3}{g1-h1}$ и въ 7 ходовъ мать.

Если примемъ въ соображеніе, что мать возможенъ во мно-
гихъ случаяхъ, гдѣ короли не на послѣднихъ линіяхъ, а пѣ-
шекъ — отъ одной до восьми включительно, то согласимся, что,
вообще говоря, мать двумя конями на доскѣ подходящей къ
свободной всегда возможенъ, но, какъ и всякій другой выигрышъ,
зависитъ отъ нѣкоторыхъ условий.

*) См. стр. 147; разборъ положенія діагр. XLV.

Діагр. XLV. 1) $\frac{d4-b3+}{c1-b1}$ 2) $\frac{e3-c4}{b1-a2}$ 3) $\frac{b3-c1+}{a2-b1}$ 4) $\frac{c1-a2}{b1-a1}$ (если $b1-a2^{\circ}$, то $c3-c2$ и матъ въ 7 ход.) 5) $\frac{c3-d2}{a1-b1}$ 6) $\frac{d2-d1}{b1-a1}$ 7) $\frac{d1-c1}{a1-a2^{\circ}}$ 8) $\frac{c1-c2}{b1-a1}$ и матъ въ 7 ходовъ.

Діагр. XLVI. 1) $\frac{c4-b2}{c1-b1}$ 2) $\frac{b2-d3}{b1-a2}$ 3) $\frac{c3-b4}{a2-b1}$ 4) $\frac{b4-b3}{b1-a1}$ 5) $\frac{d3-c1}{a1-b1}$ 6) $\frac{c1-a2}{b1-a1}$ въ 5 ходовъ матъ.

Д) Короли на четвертыхъ клеткахъ.

Здѣсь выигрышъ нѣсколько замысловатѣе, надо пригнать короля въ ту сторону, гдѣ пѣшка.

Изъ прилагаемаго анализа положенія діагр. XLVII можно убѣдиться, что матъ конями королю при пѣшкѣ почти всегда возможенъ.*)

Діаграммѣ XLVII.

8-	9	10	11	12	13	14
$\frac{h3-f4+}{h5-h6}$	$\frac{e5-g4+}{h6-h7}$	$\frac{f6-f7}{h4-h3}$	$\frac{f4-h5}{h3-h2}$	$\frac{h5-f6+}{h7-h8}$	$\frac{g4-e5}{h2-h1}$ <small>(гтз. еорза)</small>	$\frac{e5-g6 \times}{\times}$
$\frac{e5-d7}{h7-h6}$	$\frac{d7-f8}{h6-h5}$	$\frac{f6-f5}{h5-h6}$	$\frac{f8-e6}{h6-h7}$	$\frac{f5-g5}{h7-g8}$	$\frac{g5-g6}{g3-h3}$	въ 7 ход. $\times$
...	...	...	$\frac{h6-h5}{h6-h5}$	$\frac{h5-h6}{h5-h6}$	$\frac{f5-f6}{h6-h7}$	въ 6 ход. $\times$
$\frac{g6-f8}{g7-h6}$	$\frac{e7-f6}{h6-h5}$	$\frac{f6-f5}{h5-h6}$	$\frac{f8-e6}{h6-h7}$	$\frac{f5-g5}{h7-g8}$	$\frac{g5-g6}{g3-h3}$	въ 5 ход. $\times$
$\frac{e6-f5}{g7-h6}$	$\frac{d6-e8}{h6-h7}$	$\frac{f5-f6}{h7-g8}$	$\frac{f6-e7}{g3-h7}$	$\frac{e7-f7}{h7-h6}$	$\frac{e8-g7}{h6-h7}$	въ 4 ход. $\times$
$\frac{e5-g4+}{h6-h7}$	$\frac{f6-f7}{h4-h3}$	въ 4 ход. $\times$				

Конь и съ обѣихъ сторонъ пѣшки.

Конь почти всегда выигрываетъ.

Въ положеніяхъ діагр. XLIX и L выигрышъ форсируется; послѣдній же примѣръ, діагр. LI, какъ исключеніе, представляетъ разыгршное положеніе.

Діагр. L при ходѣ бѣлыхъ выигрышъ не труденъ, а потому разберемъ тотъ случай, когда черные начинаютъ.

1) $\frac{g8-f8}{g8-f8}$ Если бѣлые теперь же пожертвуетъ конемъ**) будетъ ничья, поэтому необходимо первоначально выиграть темпъ выжидательнымъ ходомъ:

*) См. таблицу къ діагр. XLVII.

**) Не совсѣмъ ясно, что разумѣетъ авторъ подъ словомъ «теперь же». Въ настоящую минуту поддаться коня невозможно.

Примѣч. Ред.

2) $\frac{e6-d7}{f8-g8}$ 3) $\frac{d7-e7}{g8-h8}$ 4) $\frac{f2-g4}{h8-g8}$ 5) $\frac{e7-e6}{}$ и, какъ бы черные ни пошли, бѣлые жертвуютъ конемъ на f6 и выигрываютъ.

Съ обѣихъ сторонъ кони и пѣшки.

Сильнѣйшая сторона почти всегда возьметъ верхъ, ибо конь весьма слабъ для обороны.

Бываютъ однако же исключенія.

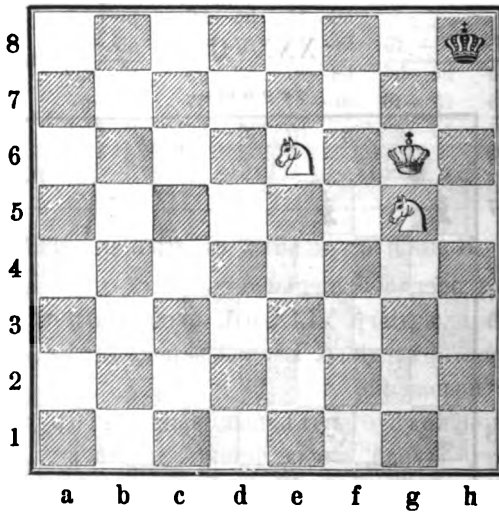
Въ положеніи діагр. LII черн. дѣлаютъ ничью такъ:

1) $\frac{g3-g2}{}$ 2) $\frac{g7-g8\phi}{e1-f3+}$ 3) $\frac{g1-f2}{g2-g1\phi+}$ игра ничья. А въ положеніи діагр. LIV черн. выигрываютъ, ступивъ пѣшкой въ ферзи и взявъ коня.

Ничтожность оборонительной силы коня видна изъ того, что онъ удерживаетъ пѣшку только при помощи короля.

XXXIV.

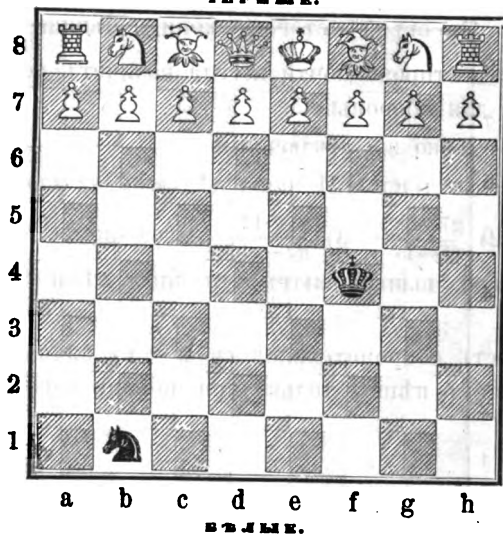
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

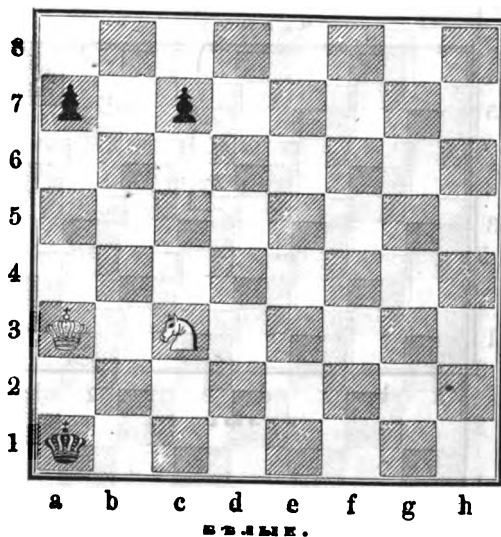
XXXV.

ЧЕРНЫЕ.

XXXVII. *)

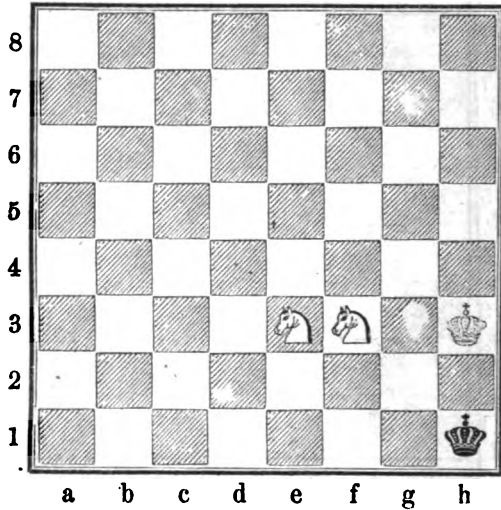
ЧЕРНЫЕ.

*) Диагр. XXXVI. помещена въ текстѣ стр.

XXXVIII.

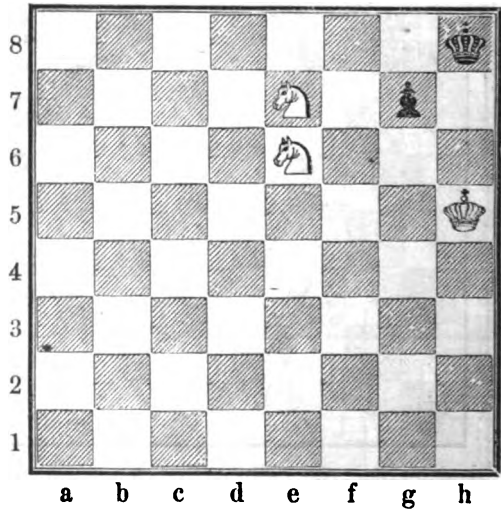
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

XXXIX.

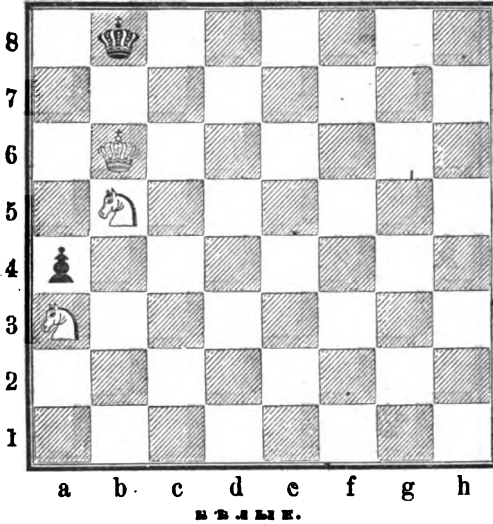
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

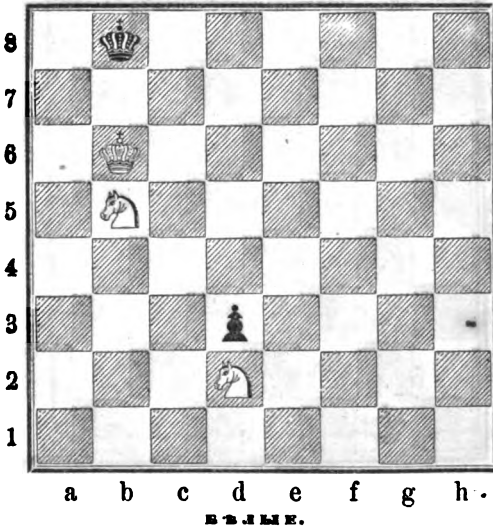
XL.

ЧЕРНЫЕ.

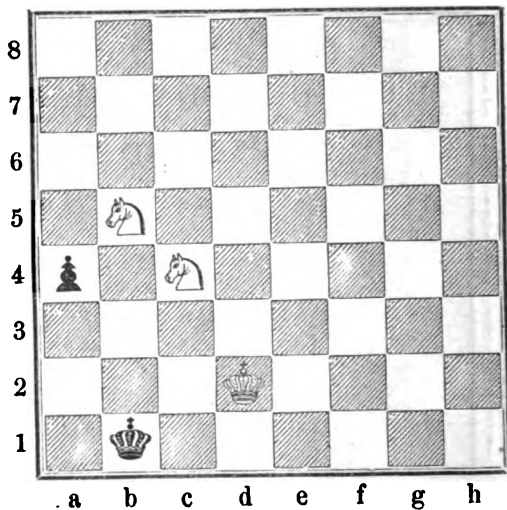
XLI.

ЧЕРНЫЕ.

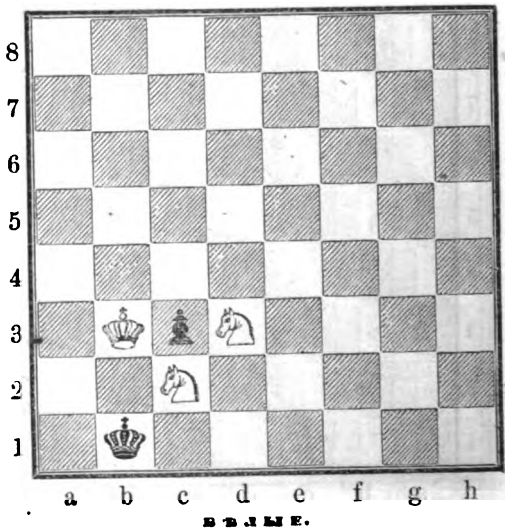
XLII.

ЧЕРНЫЕ.

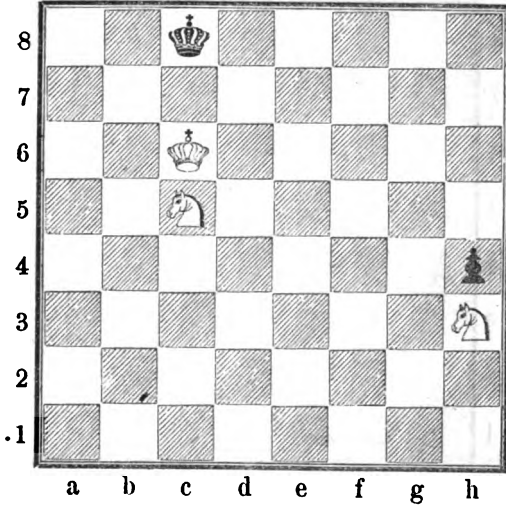
XLIII.

ЧЕРНЫЕ.

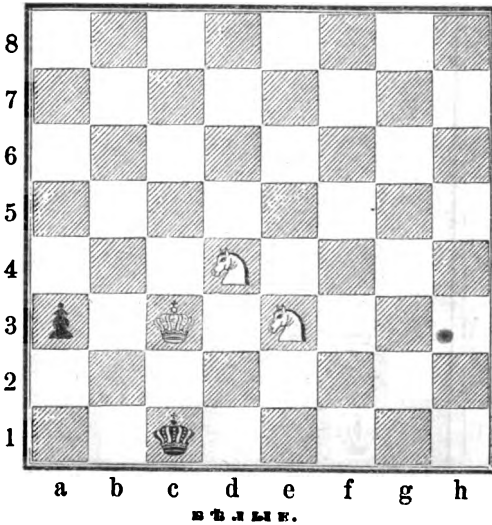
XLIV.

ЧЕРНЫЕ.

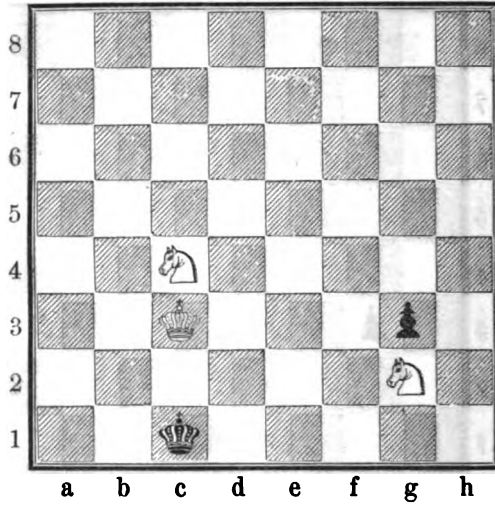
XLV.

ЧЕРНЫЕ.

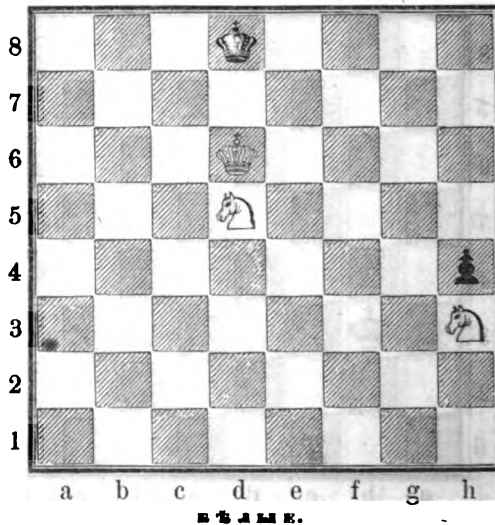
XLVI.

ЧЕРНЫЕ.

XLVII.

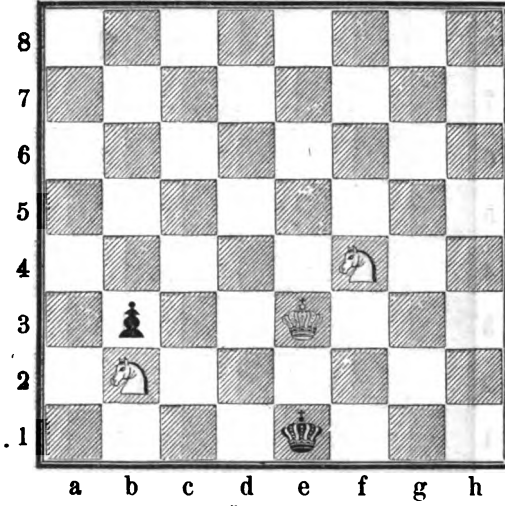
ЧЕРНЫЕ.

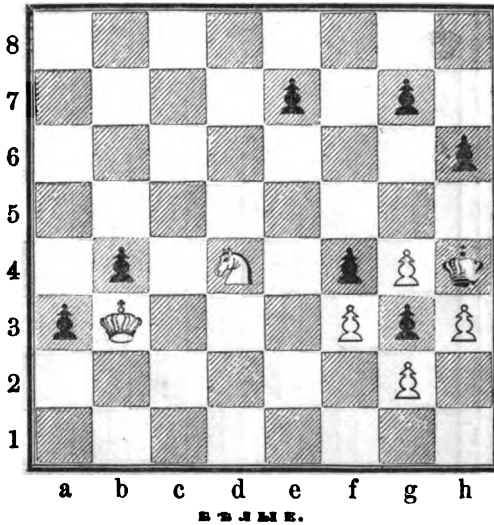
XLVIII.

ЧЕРНЫЕ.

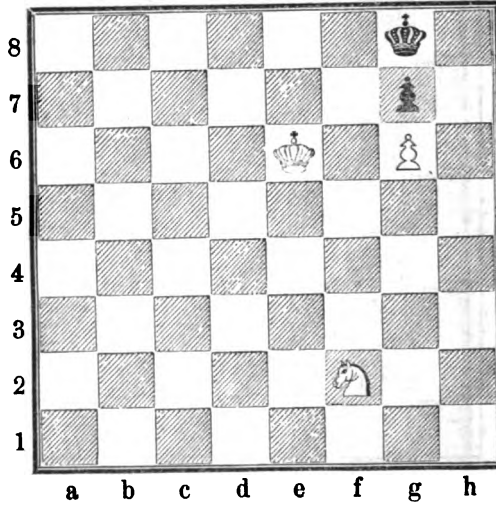
XLIX.

ЧЕРНЫЕ.

L.

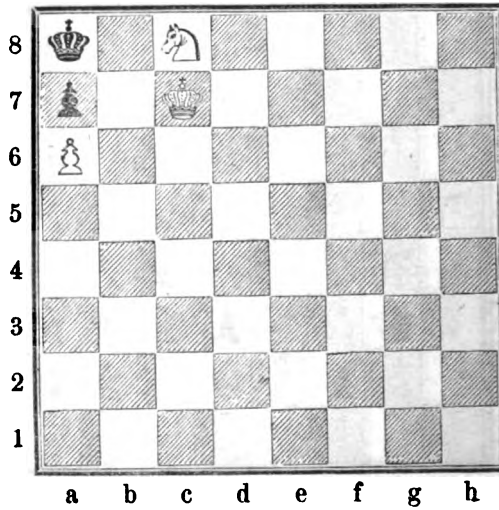
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LI.

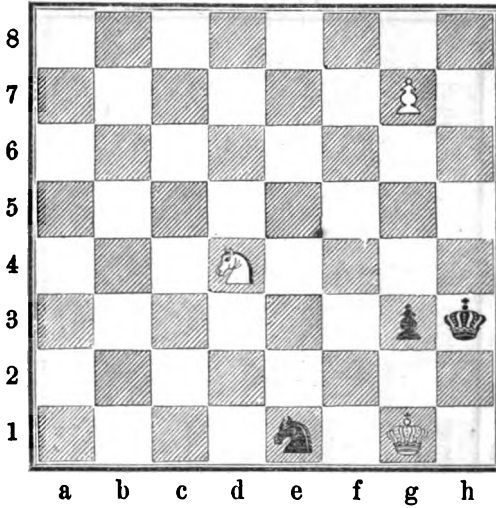
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

ЛII.

ЧЕРНЫЕ.

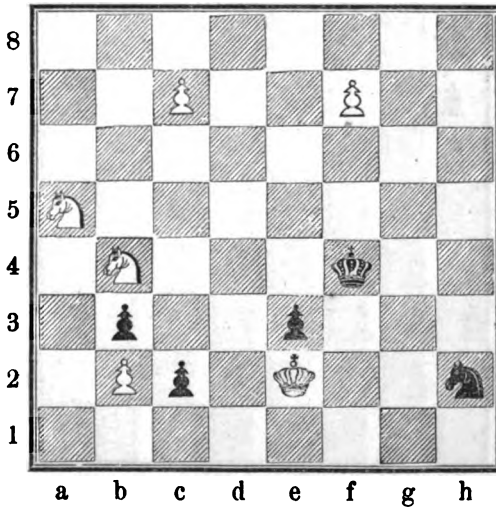

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ — игра ничья.

ЛIII.

Черные.

БѢЛЫЕ.

